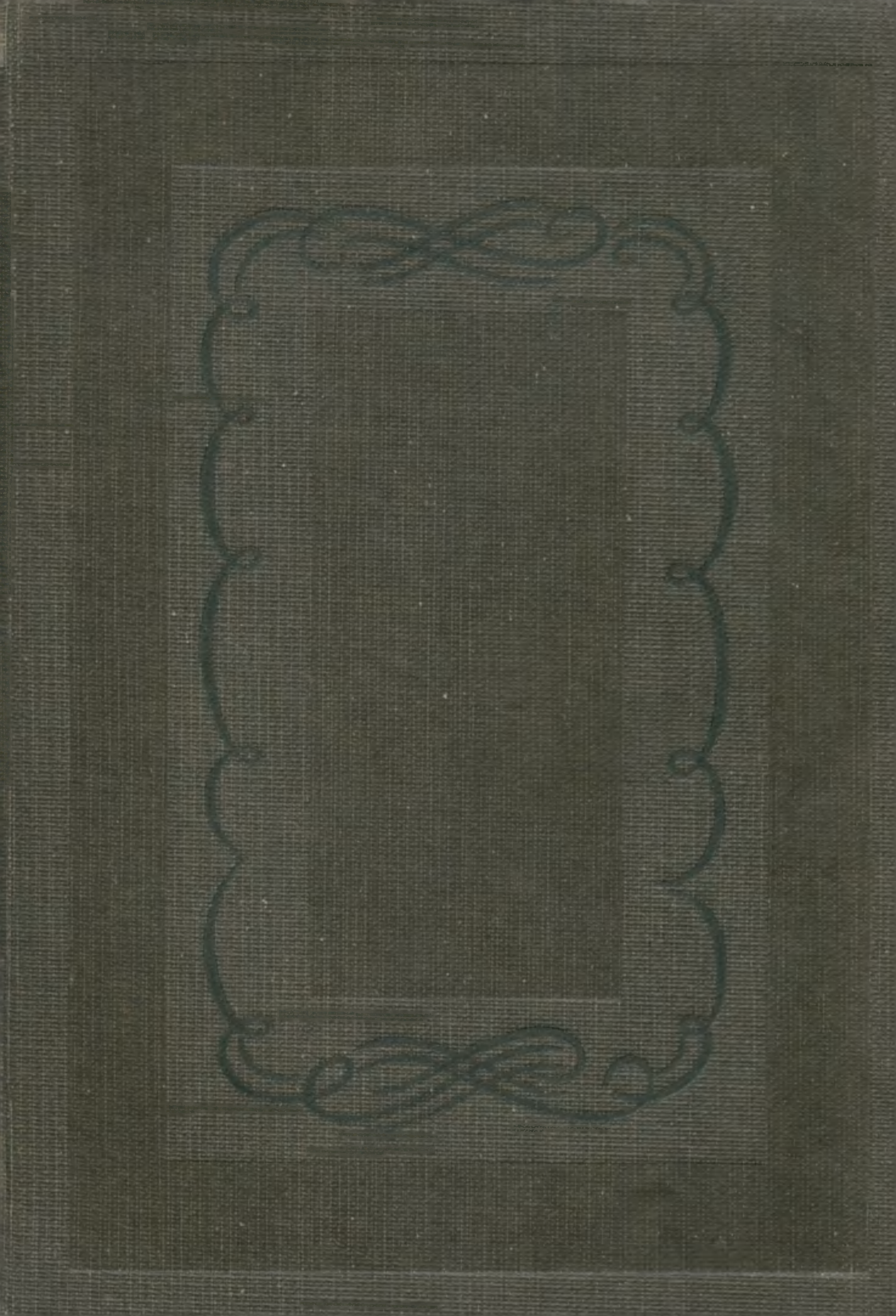

ACADEMIA

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Л. Б. КАМЕНЕВА

К. Н. БАТЮШКОВ

1787 — 1855

ACADEMIA

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

К. Н. БАТЮШКОВ

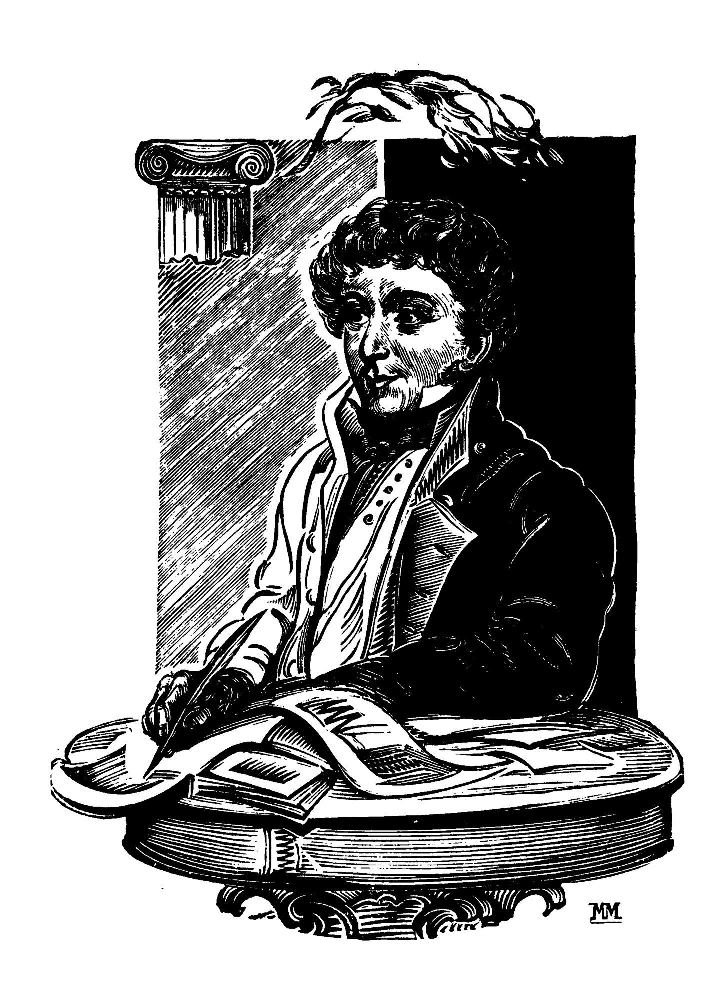
СОЧИНЕНИЯ

Редакция, статья
и комментарии
Д. Д. БЛАГОГО

ACADEMIA
1934

Портрет К. Н. Батюшкова,
заставки и суперобложка —
гравюры на дереве М. Маторина
Переплет — по его же рисунку

MM

СУДЬБА БАТЮШКОВА

1

Перед самым концом своей литературной деятельности Батюшков написал стихотворение под названием «Судьба поэта». Стихотворение это до нас не дошло, но мы легко можем угадать его содержание.

Одной из особенно настойчивых и наиболее волновавших Батюшкова тем его творчества была тема трагической участи поэта. Во всей мировой литературе преимущественное внимание Батюшкова привлекали выразительные образы нищего скитальца — слепца Гомера — и гениального «несчастливца» — Тасса. «Нам музы дорого таланты продают», «великое дарование и великое несчастие почти одно и то же»,—так подытоживал Батюшков в исходе своего творческого пути долгие и скорбные размышления о неизбежной расплате, сужденной «певцу» «злой судьбиной» — «карающей богиней», роковым образом соединяющей в своей руке жребии избранничества и обреченности.

В условиях русской действительности первых десятилетий XIX века подобные размышления носили глубоко неслучайный характер. Горькие и гневные упреки, бросаемые Батюшковым в его стихах о Тассе по адресу «убийц дарованья», знаменательно перекликающиеся с позднейшим Лермонтовским стихотворением на смерть Пушкина, целиком оправдываются дальнейшей историей нашей литературы, столь изобилующей трагическими финалами самых выдающихся ее представителей. За примерами далеко ходить не приходится. Достаточно вспомнить, оставаясь в пределах родственной Батюшкову классовой и общественной среды и хронологически близкого периода, преждевременную насильственную гибель тридцатичетырехлетнего Грибоедова, тридцатисемилетнего Пушкина, двадцатисемилетнего Лермонтова.

Будучи значительно старше всех этих трех писателей, Батюшков пережил их всех многими годами. Однако судьба его сложилась еще печальнее. В возрасте тридцати четырех лет Батюшков заболел неизлечимой душевной болезнью. Заживо выключенным не только из литературы, но, по существу, и из жизни, — по его собственным словам, «погибая ежедневно на каторге» буйного бреда, проявлявшегося в весьма характерной форме преследований со стороны императора Александра и «убийцы» — министра Нессельроде, — Батюшков прожил еще тридцать три года, в редкие минуты просветления тщетно призывая «ombra adorata» — «возлюбленную мглу», смерть-освободительницу.

Безумие было тягчайшим личным несчастием, огромной бедой, вставшей на пути Батюшкова-человека. На иной лад, но не менее трагична была и его чисто литературная судьба.

Грибоедов, типичный homo unius libri — автор одного произведения — благополучно это произведение создал. О Пушкине мы не можем, правда, сказать, как о Гёте что он «совершил в пределе земном всё земное». Тем не менее за свою бурно-недолгую жизнь ему удалось осуществить поистине титанические дела — с колоссальной силой развернуть свое творчество. Показательно в этом отношении что даже такой, исключительной чуткости, критик, как Белинский, в начале 30-х годов, значит, за несколько лет до смерти Пушкина, считал возможным — пусть совершенно неправильно — говорить о нем, как о писателе «уже совершившем круг своей художественной деятельности».

Если Пушкин погиб в полном расцвете своего дарования, — пистолетная пуля остановила Лермонтова почти в самом начале его блистательного творческого подъема. Но и Лермонтов справедливо входит в наше литературное сознание в качестве вполне выразившего себя писателя. Как и относительно Пушкина, нам даже трудно себе представить, что бы, живя дольше, мог он еще прибавить к своему творческому облику.

Совсем не то с Батюшковым. Незавершенность, больше того, почти даже только зачаточность литературного дела Батюшкова отчетливо ощущалась как его современниками, так и самим поэтом. В 1825 году вступаясь за Батюшкова перед нападавшими на его поэзию Бестужевым и Рылеевым, Пушкин призывал их «уважить в нем несчастия и *не созревшие надежды*». Сам Батюшков расценивал все свое творчество только как «слабые начинания». Выпуская первое и единственное при его

сознательной жизни издание своих сочинений, он искренно отзывался обо всем, до сих пор им написанном, как о «безделках», пренебрежительно именуя свои стихи «любовными стишками», «лепетаньем» «крохотной музы». Переиздание их отдельным сборником он объяснял желанием окончательно от них освободиться, «сбыть с рук все это бремя», чтобы расчистить себе новые творческие пути, создать возможность «подвигаться вперед».

А в самом конце своей литературной деятельности, в период начинающейся болезни, в разговоре с одним из ближайших друзей Батюшков прямо высказал взгляд на все, до сих пор им написанное, как только на «предшествие» того, чем могло и должно было бы стать его художественное творчество, как на выработку формы — «красивого сосуда» для некоего драгоценного содержимого: «Что говорить о стихах моих! Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нем было».

Содержимое этого «красивого сосуда» — невоплощенное творчество Батюшкова,— конечно, погибло для нас навсегда, но на основании целого ряда косвенных данных некоторое достаточно отчетливое представление составить о нем мы можем.

Начиная примерно с 1841 года в Батюшкове возникает потребность от «безделок», от «стишков о любви», «бесполезных для общества и для себя», «взяться за что-нибудь поважнее». Своих собратьев по ремеслу, Жуковского, позднее молодого Пушкина, он убеждает писать поэму (по представлениям XVIII века, сохранившим свою силу до начала XIX, поэма считалась «высшим», наиболее общественно-полезным видом поэтического творчества). Поэму собирается писать он и сам. Очертания этой будущей поэмы складываются у него по двум направлениям: с одной стороны — в виде поэмы исторической, материал для которой он хочет заимствовать из истории Карамзина, с другой — поэмы, основанной на народных сказках и преданиях. В то же время, наряду с тяготением к «предметам важным», «достойным себя и народа», в Батюшкове сказывается резкое отталкивание от высокопарной патетики героической поэмы XVIII века, стремление реалистически «снизить», пересмеять ее надуто-«высокий» жанр. В одном из писем к Вяземскому как раз этого времени (февраль 1816 года) он рассказывает, как, начитавшись герои-

ческого средневекового эпоса, он вздумал «идти в атаку на Гаральда Смелого», воспеть «подвиги Скандинава», приступил было к работе, но через короткое время «пар поэтический исчез», и «великолепный» герой предстал перед ним во всем своем неприглядно-реалистическом обличье, которое тут же и набрасывается им в нескольких шутливо-пародических стихах. Точно такое же реалистическое «преображение» действительности испытал Батюшков несколько ранее, во время своего пребывания в Швеции в 1814 году. Вместо героической земли древних скандинавов, какой она являлась ему в его мечтах, он вдруг увидел перед собой буржуазно-филистерскую современность. В Швеции поэт готовился ощутить себя —

В земле туманов и дождей.
Где древле Скандинавы
Любили честь, простые нравы.
Вино, войну и звук мечей.
От сих пещер и скал высоких,
Смеясь волнам морей глубоких.
Они на бренных челноках
Несли врагам и казнь, и страх.
Здесь жертвы страшные свершалися Одену,
Здесь кровью пленников багрились алтари...
Но в нравах я нашел большую перемену:
Теперь полночные цари
Курят табак и гложут сухари,
Газету Готскую читают
И, сидя под окном с супругами, зевают.

В этом отрывке друг подле друга сосуществуют два совершенно различных стиля: «высокий», архаизированный стиль «исторических элегий» самого же Батюшкова, еще восходящих к традиционной одической приподнятости, и стиль совершенно иного, чисто реалистического восприятия действительности. Правда, этот новый реалистический стиль Батюшков практикует пока что только в письмах к друзьям, еще не решаясь вводить его в поэзию, как таковую (только что приведенный стихотворный отрывок взят нами также из его частного письма и к печати самим автором отнюдь не предназначался). Больше того, в том же 1814 году, в результате проезда через ту же Швецию, возникает новая историческая элегия Ба-

тюшкова — «На развалинах замка в Швеции», написанная в традиционно-«высоких» тонах. Однако наличие в поэте тенденций к «снижению», к реализму несомненно.

Одновременно с замыслами стихотворной поэмы Батюшков мечтает о создании «поэмы в прозе», т. е. повести, романа, вроде романов Шатобриана, сильнейшее воздействие которого он начинает испытывать уже с 1811 года. В центре этой «поэмы в прозе», очевидно, должен бы был стоять образ разочарованного, пресыщенного, скучающего Шатобриановского героя, весь комплекс переживаний и чувствований которого был — как об этом свидетельствуют письма Батюшкова — исключительно ему близок. Недаром, когда в приступах подступающего безумия поэт сжег в 1823 году всю свою библиотеку, он, наряду с евангелием, пощадил и повести Шатобриана «Атала» и «Рене».

Испытавший столь сильное обаяние от произведений «сумасшедшего» (эпитет самого Батюшкова) Шатобриана, поэт естественно должен был почувствовать сильнейшее влечение и к творчеству Байрона. Действительно, именно Батюшкову принадлежит первый перевод стихов Байрона на русский язык (отрывок из «Чайльд Гарольда»), сделанный им в 1819 году в Италии (очевидно, с одного из итальянских переводов). Вскоре начавшаяся душевная болезнь помешала развиться «байронизму» Батюшкова, но о силе и глубине первых впечатлений от поэзии Байрона свидетельствует не только постоянное упоминание больным Батюшковым имени Байрона наряду с именами Тасса и Шатобриана, но и замечательный документ — письмо, написанное Батюшковым к «лорду Бейрону» много лет спустя, в разгар болезни, когда самого Байрона давно уже не было в живых. Батюшков обращается к нему с просьбой прислать учителя английского языка и поясняет: «желаю читать ваши произведения в подлиннике».

Свою Шатобриановскую «поэму» Батюшков задумывал написать «в прозе поэтической», т. е. в романтическом стиле, в значительной степени аналогичном стилю будущих русских «байронических поэм». Однако тот же образ разочарованного героя возникал в сознании Батюшкова и в его позднейшем иронически-сниженном, реалистическом воплощении. В одном из своих прозаических отрывков — «Прогулка по Москве» — Батюшков рисует себя в лице некоего «доброго приятеля» —

Который с год зевал на балах богачей,
Зевал в концерте и в собранье,
Зевал на скачке, на гулянье,
Везде равно зевал...

«Прогулка» написана еще в 1810 году, но нельзя не заметить, что в этих нескольких шутливых строках Батюшкова уже содержится первый легкий абрис столь прославившегося впоследствии «доброго приятеля» Пушкина, того скучающего дэнди в «Гарольдовом плаще», который *«равно зевал* средь модных и старинных зал».

Тенденции к реализму сопровождались в Батюшкове в последний период его творческой деятельности тенденциями к художественному творчеству в «низкой прозе»: «Обстоятельства и несколько лет огорчений, — писал он в 1815 году Жуковскому, — потушили во мне страсть и жажду стихов... Теперь я по горло в прозе». Тенденции эти остались невоплощенными. В области художественной прозы (не считая ранней повести из древне-русской жизни, написанной в условной манере исторических повестей Карамзина), Батюшков не продвинулся дальше перевода одной из новелл Бокаччо. Но самое наличие этих тенденций весьма показательно.

Переход от «стишков», от стихотворной «мелочи» к монументальным жанрам народной и исторической поэмы, «шатобрианство» и байронизм, последующее «снижение» романтических героев, нарастающий реализм, проза — таков был творческий путь Пушкина.

Как видим, в Батюшкове потенциально были как бы заданы все основные этапы этого пути. Больше того: потенциально Батюшков совпадает с Пушкиным не только в общих крупных линиях творческой эволюции, но и в темах, сюжетах, подчас даже в самых названиях отдельных произведений. Окончив своего «Умирающего Тасса», Батюшков намерен был приняться за обработку сюжета об Овидии в изгнании: «Овидий в Скифии: вот предмет для элегии, счастливее самого Тасса» (письмо Гнедичу 1817 года). В одном из писем к Вяземскому он посылает подробно разработанный конспект задуманной им поэмы под названием «Русалка» и т. д.

Всматриваясь в неосуществленные планы и замыслы Батюшкова, начинаешь наглядно понимать всю великую закономерность Пушкинского развития.

К. Н. БАТЮШКОВ

С гравюры Галактионова по портрету О. Кипренского. 1812

(Приложена к I тому Сочинений Батюшкова изд. 1834 г.)

К. Н. БАТЮШКОВ

Портрет О. Кипренского. 1815 г. Карандаш

(Гос. Театральн. музей им. А. А. Бахрушина)

То, что Батюшков смог и успел воплотить, ставит его, как мы дальше покажем, в ряды замечательных русских поэтов. Своим осуществленным творчеством он, наряду с Жуковским, заполняет целый литературный период между XVIII веком и эпохой Пушкина, признанным предшественником которого справедливо считается. Роль в историко-литературной перспективе, конечно, исключительно почетная. Однако сами поэты никогда не смотрят на себя глазами историков литературы. Потенциально заключать в себе весь мир Пушкинского творчества и остаться в своих воплощенных созданиях в пределах почти только его «лицейского периода», чувствовать в себе силы стать Пушкиным и остаться лишь его предшественником, лишь Батюшковым, — что может быть трагичнее этого?

Литературная деятельность Батюшкова была прервана насильственно — душевной болезнью. Однако душевная болезнь была только одной — и не главной — из причин, помешавших дальнейшему творческому развитию поэта, правильному развертыванию всех тех возможностей, которые заключались в его художественном даровании, осуществлению тех «надежд», которые он возбудил своим воплощенным творчеством.

Основные причины, как сейчас увидим, заключались в условиях той социально-исторической действительности, в которые были поставлены жизнь и творчество Батюшкова.

2

«Могу служить примером неудачи во всем», — жаловался Батюшков самому близкому ему человеку, старшей сестре. И, действительно, биография Батюшкова является типичной биографией социального неудачника.

По своему происхождению Батюшков принадлежал к высшему привилегированному сословию, к дворянству. Однако вместе со званием Батюшков получил от своих родителей самое страшное наследство — каинову печать вырождающихся родов — предрасположенность к наследственному душевному заболеванию. Мать Батюшкова вскоре после рождения поэта сошла с ума. По отцовской линии он равным образом унаследовал весьма тяжелую психическую обремененность: дядя отца был болен психически, характер самого отца также отличался крайней меланхолией и явно-болезненными странностями. Через несколько лет по заболевании самого поэта сошла с ума и его любимая старшая сестра.

Батюшков знал о наследии предков. Мысль о неизбежном грядущем безумии постоянно омрачала его сознание. «С рождения я имел на душе черное пятно, которое росло, росло с летами и чуть было не зачернило всю душу. Бог и рассудок спасли. Надолго ли — не знаю», — писал он в 1816 году Жуковскому. А в одном из более ранних писем (в конце 1809 года) с почти хронологической точностью предсказал и самый срок своего заболевания: «Если я проживу еще десять лет, то сойду с ума».

Неблагоприятной биологической наследственности соответствовало унаследованное Батюшковым малозавидное общественное положение.

И по отцу и по матери Батюшков, подобно Пушкину, принадлежал к старинному до-петровскому дворянству, в течение всего XVIII века оттесняемому, затираемому всевозможными «баловнями фортуны», родоначальниками новых видных и удачливых дворянских фамилий. Стремясь удержать уходящее из рук экономическое благосостояние и политическое значение, уже упомянутый нами дядя отца поэта пытался организовать заговор против Екатерины II, имевший целью ее убийство или пострижение в монастырь и возведение на престол Павла (на почве этого заговора и породившего его сознания своей «обиженности», стремления выйти в «большие люди», в «Орловых», и разыгралась его психическая болезнь). Дядя частично втянул в заговор и своего пятнадцатилетнего племянника. Умысел Батюшковых был раскрыт. Дядя был заслан далеко на север, где, несмотря на свое безумие, провел около двадцати лет «в оковах» и «в тяжелой работе». В отношении отца поэта, участие которого в замыслах старших было совершенно незначительно, ограничились менее строгими мерами, но тем не менее служебная карьера его была разбита навсегда, и большую часть жизни он прожил в опале, в своем крайне запущенном в хозяйственном отношении родовом имении, которое неудачными промышленными предприятиями довел почти до полного разорения. Не в лучшем состоянии оказалось и то имение, которое он получил в приданое за женой и которое после ее смерти досталось его трем дочерям и сыну-поэту.

«Не чиновен, не знатен и не богат», — определял сам поэт свою социально-общественную позицию. И, действительно, материальные дела его были из рук вон плохи. Оброка, получаемого им с его разоряющихся деревень, нехватало. Имение приходилось закладывать, перезакладывать, продавать по частям. Поэт жил под вечной угрозой, что всё его достояние

и вовсе опишут за долги и продадут с молотка. «Ни гроша нет», «сижу на нулях», «могу умереть с голоду»,— постоянно жалуется он в своих письмах.

Расстройство хозяйственных дел, лишавшее его возможности жить барски-независимо, на свои помещичьи доходы, вынуждало его служить («Жить дома и садить капусту я умею, но у меня нет ни дома, ни капусты»).

Однако выпавший из верхнего дворянского слоя, из среды «баловней фортуны» (поэт называл их и куда энергичнее), где господствовала естественная круговая порука, раденье своим, «родному человечку», служил Батюшков также на редкость «несчастливо». По своим способностям и образованию он естественно претендовал на более или менее видную роль: «гнить не могу и не хочу нигде». Но чтобы выдвинуться, нужны были не столько образование и способности, сколько уменье и готовность обегать все влиятельные «передним». А как раз к этому Батюшков ощущал себя органически неспособным: «Просить и кланяться в Петербурге не буду, пока будет у меня кусок хлеба. Кланяться, чтобы отказали!» — решительно заявлял он.

И вот, прежде чем попасть на службу в русскую дипломатическую миссию в Италии, — мечта всей его жизни, исполнившаяся слишком поздно, почти накануне душевного заболевания, — Батюшкову пришлось прозябать на самых незначительных должностях: канцелярским письмоводителем, мелким библиотечным служащим, маленьким армейским офицером в глухом провинциальном захолустье, где-то в Каменец-Подольске. А в это же самое время его более влиятельные и менее щепетильные сослуживцы шли и шли вперед «Все мои товарищи — генералы, менее счастливые — полковники», — с горечью писал он сестре. Отсюда постоянные затаённые обиды Батюшкова, частые выходы в отставку, тщетные поиски более благоприятных условий и, наконец, окончательное осознание своей полной служебной несостоятельности: «К службе вовсе не гожусь».

Материальная и общественная неустроенность повлекла за собой тяжелую личную драму. Поэт вынужден был отказаться от союза с любимой женщиной, не желая подвергать ее трудным условиям существования. Этот разрыв был одним из самых мучительных моментов его биографии.

Не получив от отца ни состояния, ни влиятельных связей, Батюшков был обязан ему одним — высотою культурного уровня. Опальное положение, закрыв отцу поэта возможность добиваться всякого рода слу-

жебных «честей», направило его энергию и честолюбие по другому руслу. Подобно большинству насильственно отстраненных от служебно-политического поприща родовитых дворян XVIII века, он занялся чтением и пополнением своего образования, став знатоком и почитателем французской литературы и просветительной философии и великим книголюбом, собравшим в своей родовой вологодской усадьбе богатейшую библиотеку, выгодно отличавшую его от всех соседей далеко в окрестности.

Естественно, что он позаботился дать хорошее образование и своему сыну, помещая его в лучшие петербургские иностранные пансионы. Самое деятельное участие в образовании и воспитании Батюшкова принял дальний родственник и ближайший друг его отца, писатель, видный деятель просвещения и либерал, наряду с известным республиканцем Лагарпом, наставник Александра I, М. Н. Муравьев, отец будущих декабристов. Ему Батюшков был обязан прекрасным знанием классической древности и ранним влечением к литературе, в частности к поэзии.

Впоследствии сам поэт жаловался на недостаточность своего образования: «Ничего не знаю с корня, а одни вершки, даже и в поэзии, хотя целый век бледнею над рифмами», — записал он в своем дневнике. Однако это чувство, столь знакомое и Пушкину, едва ли не объясняется излишней его к себе требовательностью. Прекрасное знание, кроме латинского, нескольких новейших языков (в том числе итальянского), большая начитанность во всех европейских литературах, живой интерес к философии до Канта и Шеллинга включительно, обширная осведомленность в области изобразительных искусств бесспорно делали Батюшкова одним из образованнейших людей своего времени. «Ничто ему не чуждо, — писал о Батюшкове в 1820 году такой энциклопедически-образованный его современник, как А. И. Тургенев, — он отвечает мне на некоторые вопросы по части наук политических и юридических». Ближайшему другу, Гнедичу, который как-то, в период одного из междуслужбий Батюшкова, стал упрекать его в лености, поэт был вправе возразить: «Что значит моя лень? Лень человека, который целые ночи просиживает за книгами, пишет, читает или рассуждает! Нет... если бы я строил мельницы, пивоварни, обманывал и исповедывал, то верно б прослыл честным и притом деятельным человеком».

По своему выдающемуся художественному дарованию, воспитанию, влечениям, интересам Батюшков явно был призван к литературной дея-

К. Н. БАТЮШКОВ
С портрета маслом О. Кипренского
1815 г.

тельности как к основному делу своей жизни. Он сам сознавал, что «авторство» было его «стихией».

Лет десять, пятнадцать спустя, во вторую половину 20-х годов Пушкин уже смог сделать занятия поэзией источником своего материального существования. Во время Батюшкова быть поэтом-профессионалом, работающим на книжный рынок, на широкого читателя, еще не представлялось никакой возможности. У русских поэтов того времени было вообще весьма мало читателей (всё образованное дворянство, несмотря на привитый до известной степени Карамзиным вкус к русскому чтению, продолжало читать преимущественно французских авторов; ценители поэзии из других сословий насчитывались единицами) и совсем не было рынка. Стихи, появлявшиеся в журналах, вовсе никак не оплачивались. Издатели последних выражали автору благодарность за «прекрасный подарок», сделанный им русской словесности, и этим обычно и ограничивались (одними из первых ввели обязательную оплату стихов гонораром издатели «Полярной звезды», альманаха, выходившего в 1823—1825 годах, Бестужев и Рылеев). Издание же стихов отдельными сборниками производилось за счет или самих авторов, или их друзей-меценатов. Противопоставляя положение русских писателей «писателям иноземным», Пушкин еще в 1825 году замечал: «Там пишут для денег, а у нас из тщеславия. Там стихами живут, а у нас граф Хвостов прожился на них. Там есть нечего — так пиши книгу, а у нас есть нечего — так служи, да не сочиняй».

«Служить» вынужден был и Батюшков, заниматься же литературой, «сочинять» стихи он мог только в порядке любительства, в часы досуга, «в краткие отдыхи» от своих служебных обязанностей. Этот свой вынужденный дилетантизм Батюшков, прекрасно сознававший, что поэзия «есть искусство трудное, требующее всей жизни и всех усилий душевных», весьма болезненно ощущал: «Какую жизнь я вел для стихов! Три войны, все на коне, и в мире — на большой дороге. Спрашиваю себя: в такой бурной непостоянной жизни можно ли написать что-нибудь совершенное?» По настоянию Батюшкова это же подчеркивается в предисловии к собранию его сочинений.

Невозможность заниматься литературой профессионально парализовала все крупные литературные замыслы Батюшкова. Так, он задумал было перевести на русский язык поэму любимейшего своего поэта Тассо

«Освобожденный Иерусалим», однако вскоре вынужден был отказаться от этого. «Мой Тасс не так хорош, как ты думаешь, — отвечал он Гнедичу на его похвалы переводу. — Но если он и хорош, то какая мне от него польза? Лучше ли пойдут мои дела (о которых мне не только говорить, но и слышать гадко), более или менее я буду счастлив? Или мы живем в веке Людовика, в котором для славы можно было претерпеть несчастие, можно было страдать и забывать свое страдание?»

Сам Батюшков был не чужд чисто классовых предрассудков (некоторую дань, как известно, платил им даже и Пушкин), согласно которым получать деньги за свои сочинения являлось для дворянина чем-то не весьма благовидным. Об одном из своих приятелей, который перевел с французского и продал оперное либретто, он укоризненно писал: «Не стыдно делаться водевильщиком? В его лета, дворянину, с состоянием?»

Однако, невзирая на это, в последний период своей литературной деятельности Батюшков стал прямо подумывать о том, чтобы всерьез сделаться «цеховым поэтом», т. е. писателем-профессионалом, живущим на заработок от продажи своих сочинений. Но из этих планов ничего не получилось. Правда, ему удалось — первый и единственный раз в жизни — продать издание своих произведений, но сумма, им полученная, была совершенно ничтожна. За два тома прозы и стихов — результат почти пятнадцатилетней работы — он получил 2000 рублей ассигнациями, что равнялось всего-навсего одной трети его обычного годового дохода. Издателей же для других своих литературных предприятий (книга переводов с итальянского, статьи об итальянской литературе) он и вовсе не нашел.

Материальная и служебная «независимость», необходимость которой для серьезной литературной деятельности — для «стихов и прозы» — Батюшков с годами ощущал всё острее («Надобно, чтобы вся жизнь, все тайные помышления, все пристрастия клонились к одному предмету и сей предмет должен быть искусство: поэзия — осмелюсь сказать — требует *всего человека*»), никак не могла быть обретена им на путях профессионального занятия литературой. Как и Карамзин, и Жуковский, Батюшков начинает искать высочайшего покровительства, тщетно добиваясь того самого камер-юнкерского звания, которым Николай I лет пятнадцать спустя так оскорбил Пушкина.

И характерный штришок! Одним из пунктов помешательства Батюшкова была маниакальная мысль, что его авторство может как-то повредить его служебной репутации, уронить его в глазах «начальства» (незадолго до Батюшкова на этом же сошел с ума знаменитый трагик Озеров).

Как не мог Батюшков быть только помещиком или только чиновником, так не смог стать он и только писателем.

Жгучее переживание своей относительной — внутри своего класса — социальной униженности (вынужден «ходить пешком», когда всевозможные «золотые болваны» «разъезжают по городу четверней»), ощущение своей общественной неустойчивости, неприкаянности, «бесполезности для общества», невозможность свободно заниматься своим любимым и единственно-настоящим делом — литературой — складывают весь психический комплекс Батюшкова, типичный комплекс «лишнего человека», которому нет и не может быть места в его современности. Ранняя пресыщенность жизнью, преждевременная «изношенность души» («Можно ли так состариться в 22 года! Непозволительно!» — восклицает он по поводу самого себя), «совершенная душевная пустота», полная «ни к чему непривязанность», разочарование, одиночество без людей и на людях, бесцельные «шатанья по свету» и, главное, скука, скука, скука, — скука, преследующая его «своими бичами» всюду, где бы он ни был, — в «свете», в деревне, в разъездах по России и Европе, даже «под свистом ядер», на войне, на которую он также пошел «со скуки»! Читая письма «печального странствователя» Батюшкова, кажется, что читаешь неписанный дневник Евгения Онегина.

Когда у человека нет настоящего, он уходит мыслью и мечтой или в прошлое, или в будущее. У Батюшкова бывали изредка рецидивы дворянского прошлого — воспоминания былого классового блеска и могущества, приобретавшие подчас силу прямых галлюцинаций. Так, однажды он читал знаменитое Державинское описание Потемкинского праздника — одну из самых ярких страниц из жизни «великолепного» XVIII века. «Тишина, безмолвие ночи, сильное устремление мыслей, пораженное воображение — всё это произвело чудесное действие. Я вдруг увидел перед собою людей, толпу людей, свечки, апельсины, бриллианты, царицу, Потемкина, рыб и бог знает чего не увидел: так был поражен мною прочитанным. Вне себя побежал к сестре... «Что с тобой?»... «*Оно, они!*»... «Перекрестись, голубчик!»... Тут-то я насилу опомнился».

Но в основном Батюшков глядел не назад, а вперед, не в XVIII столетие, а в неясную еще даль XIX века, не в феодально-дворянскую эпоху, а в складывающийся мир новых буржуазных отношений, — в Россию не прошлую, а будущую.

Отсутствие путей в настоящем, в современности поставило литературную деятельность Батюшкова на широкую историческую дорогу.

3

В русской литературе начала XIX века ожесточенно боролись два резко выраженных направления, отражавших в плане литературном борьбу прогрессивных и реакционных тенденций в среде дворянства того времени. В основном борьба шла вокруг языковой реформы Карамзина, поставившего целью создать русский литературный язык, близкий к разговорному (до Карамзина литература строилась, по преимуществу, на условно-«высоком» славяно-русском «жаргоне», не имевшем ничего общего с живой разговорной речью). Главным противником Карамзина выступил ярый реакционер и мракобес, адмирал Шишков, один из первых провозвестников будущей пресловутой «официальной народности», собравший вокруг себя многочисленных приверженцев. Горячих защитников реформа Карамзина, наоборот, нашла в среде либерально настроенной дворянской молодежи начала века — «дней Александровых прекрасного начала» — эпохи обманчивой либеральной «весны» первых лет нового царствования. Сам Карамзин, к этому времени значительно поправевший, прямого участия в борьбе не принимал.

Для обеих борющихся сторон было ясно, что язык не является чем-то обособленным, замкнутым в себе, что он — одно из орудий и вместе с тем выражений всей общественной жизни и меняется вместе с изменениями последней. Борьба за тот или иной языковой строй была и для шишковистов, и для карамзинистов борьбой за ту или иную идеологию.

Воинствующим крепостникам — Шишкову и его сторонникам — новый европеизированный язык Карамзина — «французский штиль» — представлялся прямым рассадником «якобинской заразы», источником вносимых в русскую жизнь новых «французских» идей и понятий заимствованных из «пагубной» философии XVIII века, породившей «наклонность к безверию, своевольству, повсеместному гражданству» и приведшей, в конечном результате, к «толикому пролитию крови», т. е. к фран-

цузской революции. «Светской», «революционной» идеологии карамзинистов Шишков противопоставлял «язык и разум нравоучительных духовных книг» — идеологию феодально-церковной реакции.

В свою очередь, карамзинисты, воюя против «старинного языка», воевали и против «обычаев и понятий старинных». Их основным лозунгом была борьба за европейское просвещение, за европеизацию России, за внесение в ее старый феодально-крепостнический, «рабский», «татарский» строй новых буржуазно-европейских идей, форм и отношений. Борьба шишковистов и карамзинистов была прологом той упорной и напряженной борьбы, которая вскоре завязалась и длилась в течение почти всего прошлого столетия между славянофилами и западниками.

Воспитанный на французских философах XVIII века, выросший в либеральном окружении М. Н. Муравьева и его друзей, юноша Батюшков был вольтерьянцем и убежденнейшим западником. Естественно, что в борьбе между шишковистами и карамзинистами он всецело стал на сторону последних.

В Петербурге в первое десятилетие XIX века главным штабом антишишковистов было «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». Наиболее деятельные члены его — И. П. Пнин (вскоре председатель общества), Н. А. Радищев (сын знаменитого автора «Путешествия из Петербурга в Москву») — оказались сослуживцами молодого Батюшкова по министерству народного просвещения. Это открыло пути к сближению с ними поэта.

В кружке Пнина, наряду с литературными, процветали и социально-политические интересы, господствовало резко отрицательное отношение к крепостному праву и существовал прямой культ личности и запретной книги Радищева-отца, в значительной степени унаследованный и Батюшковым, неоднократно порывавшимся писать о последнем. В 1804 году Пнин выпустил свою книгу «Опыт о просвещении относительно к России», основной мыслью которой была необходимость уничтожения крепостного права. Книга имела шумный успех, в том же году потребовалось ее второе издание, но было запрещено цензурой. С того же 1804 года члены кружка начали принимать ближайшее участие в новом журнале «Северный вестник», с самого начала ставшем на анти-шишковистскую позицию. В первом же номере «Северного вестника» появился резкий разбор только что вышедшей боевой работы Шишкова, его пресловутого «Рассуждения о

старом и новом слоге российского языка», которое было первым оглушительным залпом шишковистов по Карамзину и его литературным приверженцам. Разбор был написан Д. Языковым, членом Вольного общества и, равным образом, сослуживцем Батюшкова.

Через год было опубликовано первое стихотворение Батюшкова, появившееся в печати, — сатирическое послание «К стихам моим», — неприкрытый выпад по адресу писателей-шишковистов и их вождя, самого Шишкова, непосредственно примыкающий к разбору Языкова. Послание, явившееся одним из самых ранних ответных выстрелов со стороны карамзинистов, сразу же определило позицию Батюшкова в литературной борьбе эпохи. В ряде произведений, написанных Батюшковым в последующие годы, он целиком остается верен этой позиции (эпиграммы на шишковистов — кн. Ширинского-Шихматова, Боброва, сочувственное послание к Озерову, затравленному партией Шишкова, и т. д.).

Наиболее значительным из всех этих произведений является памфлет «Видение на берегах Леты» или (по выразительному названию одного из современных списков) «Страшный суд» над «пиитами» шишковского толка — едва ли не самое яркое и талантливое из всего, что было выпущено в этом роде противниками Шишкова. «Видение» быстро распространилось в списках, снискало автору самую широкую популярность, но и вызвало сильнейшее раздражение среди сановных петербургских шишковистов, в силу влиятельности последних неблагоприятно отразившееся на служебной карьере Батюшкова. В «Видении» Батюшков впервые, между прочим, употребил изобретенное им (в ироническом применении к Шишкову) слово «славянофил», которому была суждена такая большая будущность в истории развития нашего общественного сознания.

Наряду с резкой оппозицией шишковистам, Батюшков все эти годы остается неизменным поборником идей просветительной философии, либерально настроенным в политическом отношении.

Однако почти вся история русского дворянского либерализма первой трети XIX века является, в сущности, историей постепенного, под угрозой революции, отречения дворян-«вольнодумцев» от своих первоначальных либеральных «мечтаний». На самом рубеже века под влиянием «ужасных происшествий Европы» — зрелища Великой французской революции — Карамзин превращается из «республиканца» в заядлого монар-

хиста, консерватора и охранителя «древних» русских начал. Несколько позднее такое же, примерно, превращение происходит и с Батюшковым.

Несмотря на то, что в Батюшкове несомненно начал происходить процесс известной деклассации, несмотря на постоянно преследовавшее его самого ощущение своей полной социальной «бездомности», в основе своей он все же оставался дворянином-помещиком. Батюшков не только начал продавать свои сочинения, но и продолжал продавать своих крепостных. Примерно через год по выходе в свет «Опытов» он писал сестре, управлявшей его имением: «Согласен отдать столяра за тысячу рублей... Тысяча рублей — цена настоящая».

Толчком, определившим собой идеологический сдвиг Карамзина резко вправо, была французская революция. На Батюшкова почти такое же действие оказала так называемая «Отечественная война» 1812 года. «Полчища» «венчанного революцией» Наполеона, наводнившие Россию, раззорившие Москву, стремившиеся поднять крепостных крестьян против их «законных владельцев», предстали Батюшкову призраком грозных событий конца XVIII века, апокалиптическими вестниками «общей погибели». Всё это, по собственному признанию Батюшкова, вконец «расстроило» его «маленькую философию», — нанесло сокрушительный удар его выросшему на «французских» «просветительных» идеях философскому и общественно-политическому миросозерцанию.

«Варвары, вандалы! И этот народ извергов осмелился говорить о свободе, о философии, о человеколюбии! И мы до того были ослеплены, что подражали им, как обезьяны». «Москвы нет! Потери невозвратные! Гибель друзей! Святыня, мирное убежище наук — всё осквернено шайкой варваров! Вот плоды просвещения или, лучше сказать, разврата остроумнейшего народа» — не устает восклицать он в своих письмах этого времени.

Батюшков готов теперь соглашаться с такими типично «шишковистскими» взглядами, как заявление его начальника, близкого к Шишкову, А. Н. Оленина, что все французские книги «достойны костра».

Победоносное окончание войны, занятие Парижа, в котором Батюшков принимал непосредственное участие, внесли было некоторое успокоение в его сознание. За границей он сходится с Н. И. Тургеневым, одним из главных деятелей будущего «Союза благоденствия», горячим сторонником «освобождения крестьян». Скорее всего под влиянием бесед с ним он даже пишет четверостишие, обращенное к Александру I (оно, к со-

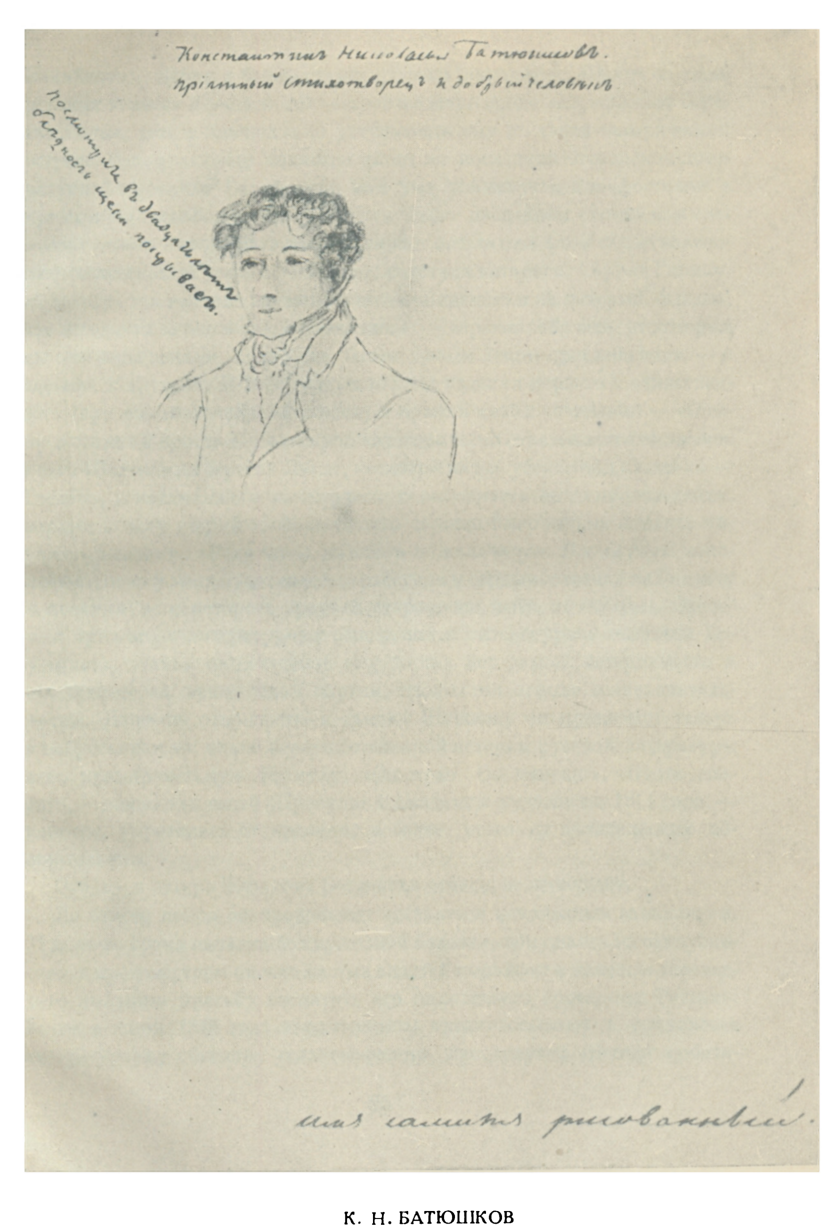
жалению, не сохранилось), в котором призывает «освободителя Европы» «довершить славу свою и обессмертить свое царствование освобождением русского народа».

Однако этот призыв был последней вспышкой былой либеральной настроенности Батюшкова. Вскоре по возвращении из заграничного похода Батюшков пишет покаянную статью под заглавием «Нечто о морали, основанной на философии и религии», которую сам он знаменательно считает наиболее зрелым своим произведением. «Посреди развалин столиц, посреди развалин еще ужаснейших — *всеобщего порядка*» Батюшков торжественно отрекается от «предрассудков легкомыслия, суетных надежд и толпы блестящих призраков юности», времени «огненных страстей», когда «новый житель мира сего» подобен «гражданину *во время безначалия*» (курсив в обоих случаях наш. — *Д. Б.*). Под «заблуждениями юности» Батюшков прямо разумеет «развратившую умы» философию Вольтера и, в особенности, «пламенные мечтания и блестящие софизмы» Руссо, которые, по его представлению, явились непосредственным источником «бурных дней революции». Истинная мораль должна быть основана не на них и не на «человеческой мудрости» вообще, ибо «слабость человеческая неизлечима, и все произведения ума его носят отпечаток оной», а на «небесном откровении». Недавний эпикуреец и горацианец, последователь Монтэня и Вольтера, «язычник» Батюшков, призывавший, «вопреки святым отцам», полнее «наливать чашу» наслаждения, убеждает теперь писателей в необходимости основать всю их деятельность на православном катехизисе.

Статья Батюшкова была подхвачена всеми «благонамеренными» современниками. Сейчас же по напечатании ее в Москве, Греч перепечатал ее в Петербурге в своем «Сыне отечества», как «сочинение, достойное быть напечатанным во всех русских журналах».

Через некоторое время Батюшков задумывает статью о Радищеве. Статья эта также относится к числу его неосуществленных замыслов, но с уверенностью можно сказать, что если бы она была написана, то приблизительно в том же духе, что и статьи о Радищеве поправевшего, «примирившегося с действительностью» Пушкина 30-х годов.

Общее идеологическое «поправение» Батюшкова неизбежно сказывается и на его литературных позициях. В 1813 году Батюшков, правда, еще пишет, вместе с другим заядлым анти-шишковистом, баснописцем

К. Н. БАТЮШКОВ

Автопортрет. 1823 г. Рисунок карандашом из альбома П. Н. Батюшкова

(Ленингр. Публичн. библиотека)

Измайловым, «Певца в беседе славяноороссов» (пародию на «Певца во стане русских воинов» Жуковского) — произведение вроде «Видения на берегах Леты», хотя и значительно уступающее ему по своей сатирической остроте. Однако «Певец» является таким же последним отголоском литературной «левизны» Батюшкова, как уже упомянутое четверостишие с призывом к освобождению крестьян было последним отголоском «левизны» политической. Батюшков начинает печататься в том самом квасно-патриотическом «Русском вестнике», издателя которого, Сергея Глинку, он некогда так жестоко высмеял в своем «Видении» и на который, бывало, так негодовал за апологию «невежества», — «нравов, обычаев, от которых мы отделены веками, и, что еще более, целым веком просвещения», — в письмах к друзьям. В 1817 году, в период издания первого и единственного (при его сознательной жизни) собрания своих сочинений — «Опытов в стихах и прозе» — Батюшков категорически отказывается включить в него «Видение на берегах Леты», несмотря на все убеждения издателя — Гнедича, доказывавшего коммерческую выгодность этого произведения, которое в силу острой злободневности должно было весьма поднять интерес к изданию. «Лету ни за миллион не напечатаю. В этом стою непоколебимо, пока у меня будет совесть, рассудок и сердце», отвечал он Гнедичу и пояснял: «с некоторого времени отвращение имею от сатиры». Основным принципом литературных отношений и литературной политики Батюшкова, взамен свойственной ему до тех пор резкой нетерпимости к представителям враждебной партии, становится отныне «снисходительность». Даже по отношению к самому Шишкову он принимает теперь в набросанном им плане неосуществленной истории русской литературы явно примирительную формулу: «Он прав. Он виноват». «Охота спорить, — пишет он в своей «Прогулке в Академию художеств» 1814 года, — конечно, укротилась от времени, а более всего от политических обстоятельств».

Правда, в лагерь Шишкова Батюшков отнюдь не переходит.

До самого конца он продолжает оставаться неизменным западником. И даже во время начавшейся душевной болезни, покушаясь на самоубийство, в предсмертном письме на имя властей выражает в качестве «последнего желания» просьбу воспитать его малолетнего брата «вне России». Когда в конце 1815 года карамзинисты организовывают в противовес литературному обществу «славенофилов», пресловутой «Беседе любите-

лей русского слова», свой литературно-дружеский кружок «Арзамас», Батюшков оказывается естественным членом последнего. Однако одновременно с этим он вступает в московское университетское «Общество любителей российской словесности», эту «Московскую беседу», как презрительно именовали его арзамасцы из-за пристрастия подавляющего большинства его членов к литературному «староверству». Батюшков испытывает явное удовлетворение от избрания в члены «Общества любителей» (несколько лет перед этим его кандидатура туда была отклонена). Благодаря за свое избрание, он пишет «объективную» вступительную речь, в которой не только пытается сгладить противоречия между шишковистами и карамзинистами, отыскивая истоки разрабатываемой им «легкой поэзии» в творениях корифеев «высокой» литературы XVIII века — Ломоносова, Державина и др., но и воздает равные похвалы представителям обоих воюющих направлений — Карамзину и князю Долгорукову Василию Пушкину и Мерзлякову.

Правда, в своих письмах Батюшков достаточно иронически отзывается о московских «любителях», но, около этого же времени, не менее критически относится он и к «Арзамасу»: «Каждого из арзамасцев порознь люблю, но все они вкупе, как и все общества, брецят, карячатся и вредят».

Среди общественных разногласий и жарких литературных стычек эпохи Батюшков оказывается все более и более одиноким.

Сохранилось характернейшее свидетельство реакции на идеологию Батюшкова периода после 1812 года со стороны одного из молодых арзамасцев, будущего теоретика и идеолога «Северного общества» декабристов, Никиты Муравьева.

Батюшкова соединяла с Муравьевым не только родственная связь (они были двоюродные братья), но и крепкая дружеская привязанность. Незадолго до распада «Арзамаса» Батюшков обратился к Муравьеву с самым приветливым стихотворным посланием, включенным, по настоянию поэта, в уже сверстанную книгу «Опытов». По выходе последних Батюшков вручил Муравьеву экземпляр их с прочувствованной надписью. Можно думать, что и Муравьев платил ему такой же искренней личной приязнью. По крайней мере, среди современников сложилась даже легенда о причинах сумасшествия Батюшкова, основывающаяся как раз на факте их самых близких личных отношений. Муравьев якобы раскрыл Батюшкову планы, связанные с декабрьским движением. Доверенная

ему тайна, выдать которую он, конечно, не мог, так угнетала поэта, что результатом этого и явилось его душевное заболевание. Легенда эта не только не соответствует хронологии, но и решительно опровергается резкой разницей политических взглядов и настроений Батюшкова и Муравьева, которая, как сейчас увидим, отчетливо ощущалась последним и, конечно, не давала возможности ни к какой откровенности этого рода. Никита Муравьев покрыл первый том подаренного ему экземпляра «Опытов», охватывающий прозаические произведения Батюшкова и заключающий всякого рода высказывания на общефилософские и критико-публицистические темы, целой сетью то негодующих, то иронических замечаний на полях.

Батюшков, например, был в восторге от царской «милости», оказанной Жуковскому, приближенному ко двору, и сам пытался, как мы уже говорили, опереться на высочайшее «покровительство». Муравьев, наткнувшись на это последнее слово, несколько раз сочувственно употребляемое Батюшковым в его «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» и некоторых других вещах, отмечает против него на полях: «Похабное, поганое слово». Батюшков в той же «Речи» слишком почтительно упоминает об Александре I — говорит об его «неразлучной спутнице», военной победе, об «успехах ума в стране, вверенной ему святым провидением». Муравьев едко приписывает против первой из этих фраз: «Аустерлиц», против второй: «Не приемли имени господа бога твоего всуе». «Каждый труд, каждый полезный подвиг, — продолжает Батюшков, — щедро им (царем.— *Д. Б.*) награждается. В недавнем времени в лице славного писателя он ободрил все отечественные таланты, и нет сомнения, что все благородные сердца, все патриоты с признательностью благословляют руку, которая столь щедро награждает полезные труды, постоянство и чистую славу писателя, известного и в странах отдаленных и которым должно гордиться отечество» (Батюшков, конечно, разумеет здесь Карамзина и его «Историю государства российского», выход через некоторое время первых томов которой вызвал с его стороны самое восторженное стихотворное обращение, а со стороны Муравьева весьма жесткий критический разбор). Муравьев, подчеркивая слова: «все благородные сердца, все патриоты», возмущенно восклицает: «Какая дерзость ручаться за других! Кто выбрал автора представителем всех патриотов??» В статье «Прогулка в Академию художеств» Батюшков с неодобрением отзывается о картинах

«Давида и школы, им образованной, которая напоминает нам одни ужасы революции». Никита Муравьев подчеркивает «ужасы революции» и лаконически замечает: «Невежество».

К сожалению, нет пометок Муравьева при статье «Нечто о морали, основанной на философии и религии», являющейся наиболее ярким выражением новой идеологии Батюшкова: статья эта помещена в самом конце тома — последней статьей, — Муравьев же бросил чтение примерно на середине (остальные листы не разрезаны). Но и тот материал, которым мы располагаем, достаточно выразителен.

Никита Муравьев, как и Батюшков, принимал участие в заграничном походе 1814 года. Но, в то время как он, вместе с большинством своих сверстников, вывез из Европы семена «вольнолюбия», которые дали цвет и плод в революционном движении передовых слоев дворянства первой половины 20-х годов, Батюшков, наоборот, возвращается на родину усталым, присмиревшим, остепенившимся, расставшимся с вольнолюбивыми «предрассудками юности», изверившимся в силе и способностях человеческого ума — «мудрости человеческой», ищущим «опереться на якорь веры». Это определяет всю глубину пропасти, которая легла к этому времени между разочаровавшим либералом начала века Батюшковым и новым поколением дворянского либерализма и дворянской революционности — поколением декабристов.

Новая волна общественной возбужденности, общественного подъема не только не подняла Батюшкова на своем гребне, но и отбросила его далеко назад. Это сказалось роковым образом на всей дальнейшей судьбе его творчества. В то время как поэтическая деятельность юноши Пушкина, бывшая и порождением, и выражением этого подъема, достигает как раз в эту пору стремительного и яркого расцвета, литературное творчество Батюшкова, оказавшегося на общественной мели, явно хиреет.

В конце 1821 года Батюшков в своем обращении к читателям прямо заявлял, что за последние шесть лет он ничего не писал и не печатал. Это почти отвечает действительности. Весьма небольшое количество стихотворений, написанных им после выхода в свет в 1817 году «Опытов», свидетельствует о предельном развитии его творчески-художественных сил, но литературная деятельность Батюшкова, начиная с того же 1817 года, в сущности, вовсе прекращается. С этого времени и до самого душевного

заболевания поэта в конце 1822 года ни в одном журнале не было напечатано ни одного нового его произведения (эпитафия «на гроб младенцу», появившаяся в 1820 году в «Сыне отечества», была опубликована не только без согласия и даже ведома Батюшкова, но напечатание ее вызвало с его стороны и самый резкий протест). Брошюра «О греческой антологии», в которой были помещены переводы Батюшкова, вышла без его имени. Больше того, Батюшков не только совершенно перестает печататься, но за пятилетие, непосредственно предшествовавшее его безумию (1818—1822), почти ничего и не пишет.

Всю свою жизнь Батюшков стремился к выработке совершенной художественной формы — прекрасного «сосуда» для содержания «высокого», «полезного обществу», «достойного себя и народа». А когда сосуд, наконец, был создан, оказалось, что поэту уже нечем наполнить его. Такова была общественная трагедия Батюшкова! Если болезнь вывела его из среды живых за тридцать три года до физической смерти, общественная изолированность поэта, разорвавшего связи с живыми общественными силами своей эпохи и своего класса и не смогшего завязать новых, за пять лет до болезни вывела его из литературы.

Поэтическая деятельность Батюшкова, пышно развернувшаяся на почве прогрессивных устремлений передового дворянства начала XIX века, замирает вместе с их крушением.

4

Как уже было сказано, борьба между «шишковистами» и «карамзинистами» шла главным образом из-за «старого» и «нового» слога. «Образование» нового литературного языка было основной задачей, которую Батюшков стремился разрешить всем своим художественным творчеством, — подлинным «пафосом» последнего.

Тенденции к созданию нового литературного языка возникли, как естественный результат общеисторического перелома от «восемнадцатого века» к «девятнадцатому» — от закатывавшейся феодально-дворянской культуры к становящейся культуре нового буржуазного общества. Своих носителей и выразителей эти тенденции обрели в слоях деклассирующейся дворянской интеллигенции. Представители ее, эти, по слову Пушкина, «обломки» «униженных» дворянских родов «с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу

аристократии», несли в себе потребность иной языковой культуры. Опрощению, «демократизации» их социального бытия соответствовала тенденция к опрощению, демократизации языка.

В поэтическом творчестве Батюшкова это выступает с особенной наглядностью.

Одним из наиболее устойчивых мотивов его лирики, целиком подтверждаемым признаниями интимных дружеских писем, является противопоставление своего преувеличенно-скудного быта — «простого шалаша», «убогой хижины», «смиренной хаты» — «блистательному» быту верхнего придворно-дворянского слоя — «дворцам», «мраморным крыльцам», «узорчатым коврам», «бархатным ложам». Совершенно аналогично этому, Батюшков противопоставляет отвлеченно-приподнятому, условно-книжному, пронизанному «высокой» церковно-славянской стихией, «мандаринному», «рабскому», «татарско-славянскому» (всё эпитеты самого Батюшкова) языку придворной поэзии XVIII столетия требование «писать так, как говоришь», стремление к «ясности», «строгой точности», «простоте» речи, к сближению литературного языка с живым народным говором.

Правда, соответственно тому, что процесс деклассации зашел в Батюшкове не слишком далеко, он еще продолжает испытывать специфически классовую недоверчивость к «просторечию», сомневается в способности «варварского», «жестокого» русского языка к самостоятельному развитию стремится сообщить ему лад и гармонию излюбленной им итальянской речи, которую уподобляет «арфе виртуоза», приравнивая русский язык к примитивно-простонародной «волынке или балалайке» «слепого нищего». «И язык-то по себе плоховат, грубенек, пахнет татарщиной. Что за *Ы*. что за *Ш*, что за *Щ*, *ШИЙ*, *ЩИЙ*, *ПРИ*, *ТРЫ*? О, варвары!», восклицает он в письмах, одновременно «извиняясь», что «сердится на русский народ и на его наречие».

Едва ли не прямой полемикой с этим несколько «барским» отношением к народу и его наречию подсказаны написанные более ста лет спустя известные вызывающие строки Маяковского: «Есть еще хорошие буквы — *Р*, *Ш*, *Щ*». Однако, как ни велико расстояние, отделяющее резкую, как удары топора, грохочущую, как оркестровые трубы, фонетику и синтаксис Маяковского от струнного и певучего «итальянского» лада поэзии Батюшкова, именно в творчестве последнего заложены основы того рече

вого строя, который был перенят и гениально разработан Пушкиным и, в качестве нашего литературного языка, сохранил свою силу и значение вплоть до нашего времени.

Пушкин, в котором его деклассация носила значительно более глубокий характер, пошел в отношении «демократизации» языка куда дальше Батюшкова, не только выдвинув требование ввести в литературу «слог простонародный», но и демонстративно призывая писателей «учиться русскому языку у просвирен и лабазников». Тем не менее он всячески подчеркивал основополагающую роль своего предшественника, утверждая, что для выработки русского поэтического языка Батюшков сделал то же, что Петрарка сделал для языка итальянского.

Критика обычно особенно подчеркивала пластицизм, осязательность, «скульптурность» языка и стиля Батюшкова. «Стих его часто не только слышим уху, но видим глазу: хочется ощупать извивы и складки его мраморной драпировки», восторженно писал Белинский. Однако Батюшков является в своих стихах не только замечательным мастером линии и формы, но и великим «чудотворцем» звука.

Об одной из строк стихотворения Батюшкова «К другу» — «Любви и очи, и ланиты» — Пушкин записал: «Звуки итальянские! Что за чудотворец этот Батюшков». И действительно, по искусству подбирать звуки, по тончайшей звуковой нюансировке, Батюшков подчас не уступает величайшему гению звукописи — Пушкину.

Как пример, приведем небольшую пьеску последнего периода творчества Батюшкова, являющуюся не только одним из наиболее совершенных его созданий, но и дающую изумительный образец звуковой оркестровки, построенной в основном на мажорном и торжествующем звукосочетании *ра*, оттеняемом губными *б*, *п*, *в* и затухающем в элегическом миноре финала:

Ты *проб*уждаешься, о, *Б*айя, из *гроб*ницы
*При п*оявлении *Авро*р*и*ных лучей,
Но не отдаст тебе *багря*ная денница
Сияния *про*текших дней.
Не *воз*в*ра*тит убежищей *про*хлады,
Где нежились *ро*и *кра*сот,
И никогда твои *пор*фиры колоннады
Со дна не встанут синих вод.

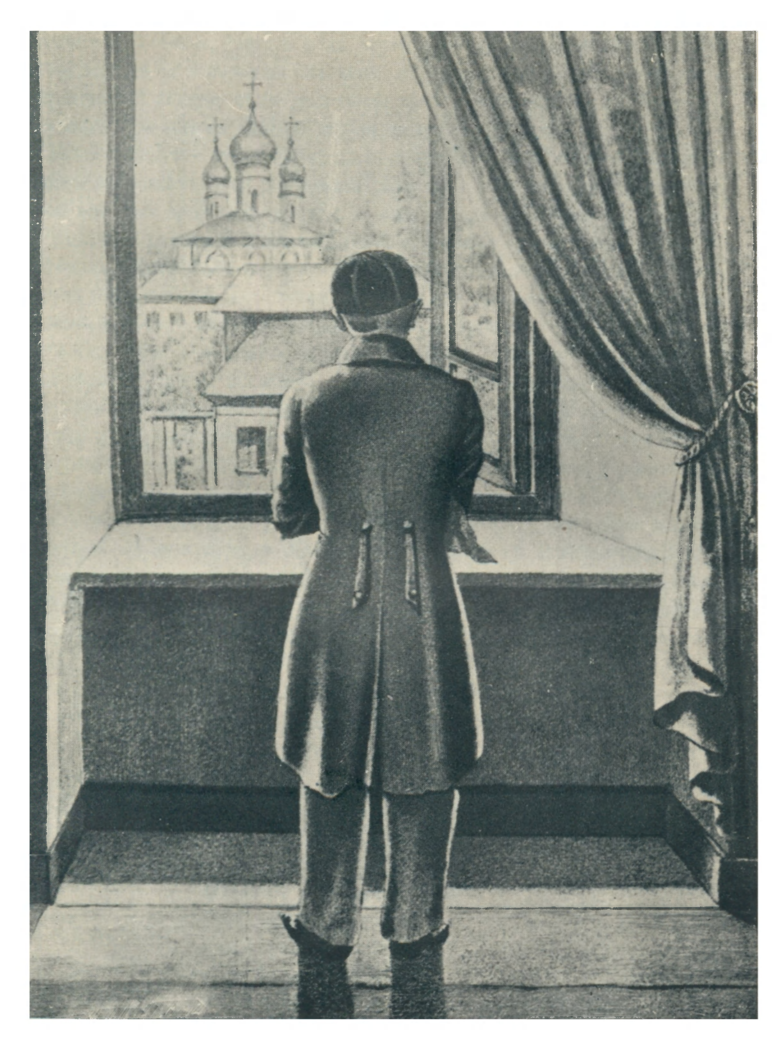
Сам Батюшков готов был считать «пламенное желание усовершенствования языка нашего» своей не только главной, но чуть ли не единственной заслугой в словесности.

Этим «пламенным желанием» он склонен был даже объяснять (в «Речи о влиянии легкой поэзии на язык») свое особое тяготение в область «легкой поэзии» — эпикурейской, любовной лирики. Произведения последней, по его мысли, в наибольшей степени, чем какой-либо другой вид поэтического творчества, требуют от поэта внимания к своей формальной стороне — предельного формального чекана — «возможного совершенства, чистоты выражения, стройности в слоге», а, следовательно, являются наилучшим материалом и вместе с тем орудием для «образования» и «усовершенствования» языка.

«Образование языка», как мы видели, действительно составляет огромную, исторически в высшей степени прогрессивную заслугу Батюшкова в истории нашей литературы. Но, — по слову Пушкина, — «дорожит одними ль звуками пиит?» Давая своему влечению в область «легкой поэзии» чисто формальную мотивировку, остепенившийся, поправевший Батюшков, видимо, хотел оправдать в глазах строгих и суровых московских беседчиков» («Речь о влиянии легкой поэзии...» была прочитана в 1816 году, при вступлении Батюшкова в «Общество любителей российской словесности») «грехи» своей «легкомысленной юности». Но и он прекрасно сознавал, что главным в поэтическом творчестве является отнюдь не одна только внешняя форма. В одном из писем к Жуковскому, говоря о поэзии, он замечал: «Мы смотрим на нее с надлежащей точки, о которой толпа и понятия не имеет. Бо̀льшая часть людей принимает за поэзию рифмы, а не чувства, слова, а не образы».

И поэзия Батюшкова, действительно, жива не только своим формальным мастерством, но и теми образами и чувствами, в которых Батюшков выразил и художественно закрепил жизнь всего своего социального слоя — деклассирующейся дворянской интеллигенции начала прошлого столетия.

XVIII век был веком диктатуры дворян-крепостников. Как все стороны жизни и культуры того времени, поставлена была на службу этой диктатуре и поэзия. Одной из основных функций поэзии XVIII века была задача мобилизовать сознание и волю вокруг деятельности, направленной к поддержанию и упрочению этой диктатуры в лице ее аппарата —

К. Н. БАТЮШКОВ В 1847 г.

Рисунок карандашом Н. В. Берга

(Из книги Шевырева: «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь»)

централизованной мощной государственной власти. Темы воинских «подвигов», «славы», всякого рода служебной «доблести» являются ведущими темами од и героических поэм, недаром занимавших в иерархии классических жанров самое «высокое» место, считавшихся наиболее достойными и важными видами литературного творчества.

Батюшков и тот социальный слой, который за ним стоял, выпали из орбиты торжествующего дворянства. Для «баловней счастья», представителей верхнего дворянского слоя, «вельможества», плотной стеной сгрудившихся вокруг трона и двора, служба «государству» была прямой службой своим собственным интересам — несла с собой земли и чины, обеспечивала возможность того бытия, которое льстивая одопись XVIII века именовала бытием «земных богов». Для Батюшкова и социально-близкого ему слоя служба государству, мало что давая, казалась, да и на самом деле была, «узами», «цепями» — ненужным обременением. Роскошным «прихожим» вельмож они предпочитали свою «убогую хижину» — жизнь на свои скудеющие крепостные доходы. Этим объясняется самое широкое проникновение в поэзию Батюшкова, в противовес центростремительным «государственным» тенденциям «высокой» классической поэзии XVIII века центробежных мотивов ухода в частную жизнь, в уют дома и быта, в тесный кружок друзей. Бесцельной «погоне» за «слепой» фортуной, «матерью бесплодных сует» Батюшков противопоставляет «безвестную долю», «равнодушие» к «свету», «злату», «славе» и «честям», «ленивое» и «беспечное» горацианское существование:.

Пускай, кто честолюбьем болен,
Бросает с Марсом огнь и гром,
Но я — безвестностью доволен
В Сабинском домике моем.

(Ответ Гнедичу)

Устами своей «ласковой музы» он советует друзьям:

Вы счастливо жить хотите
На заре весенних лет?
Отгоните призрак славы!
Для веселья и забавы
Сейте розы на пути;
Скажем юности: лети!

(Веселый час)

Или еще энергичнее:

Счастлив, счастлив кто цветами
Дни любови украшал,
Пел с беспечными друзьями,
А о счастии... мечтал!
Счастлив он, и втрое боле
Всех вельможей и царей!
Так давай, в безвестной доле
Чужды рабства и цепей,
Кое-как тянуть жизнь нашу
Вопреки святым отцам,
Наливать полнее чашу
И смеяться дуракам!

(Послание Петину)

«Жалованные грамоты» Петра III и Екатерины II освободили дворян от несения обязательной государственной службы, — поэзия Батюшкова была своего рода литературным «манифестом вольности дворянства». Правда, эта «вольность» еще обреталась поэтом на типичных путях дворянско-поместного XVIII века — путях «неги и прохлады» — эпикуреизма и «эротики». «Лаврам» побед он противопоставляет «дары» Вакха и Киприды — «виноградную лозу», «розы» и «мирты» наслаждения. Тем не менее эпикурейская лирика Батюшкова является несомненным шагом вперед по пути «раскрепощения» передовых слоев дворянства — интеллектуальной эмансипации дворянской интеллигенции от ярема, приковывавшего ее к феодально-крепостническим твердыням сословной монархии XVIII века. Следующим шагом этой эмансипации были «вольные стихи» Пушкина, по началу вырастающие на той же почве эротики и эпикуреизма «лицейского периода», непосредственно примыкающего к творчеству его предшественника и учителя — Батюшкова (см. 3-ю главу моей статьи «Творческий путь Пушкина» в книге «Три века», «Советская литература», 1934).

Однако мотивами эпикуреизма и эротики содержание лирики Батюшкова ни в какой мере не исчерпывается.

Белинский, со свойственной ему зоркой проницательностью, выразился о Батюшкове, что он «не принадлежал вполне ни тому, ни другому

веку». И действительно, эпикурейская, «языческая» поэзия Батюшкова, уходя некоторыми своими корнями в XVIII век (в те же хотя бы «анакреонтические песни» Державина), вместе с тем отнюдь не умещается в его пределах.

В своей полушутливой апологии лени и беспечности — «Похвальное слово сну» — Батюшков описывает некую аллегорическую картину, изображающую ребенка, уснувшего у самого края колодца и поддерживаемого фортуною. К этому «прелестному изображению счастливцев и баловней слепой богини» он заставляет своего учредителя «Общества ленивых» — любопытное предвосхищение Гончаровского Обломова — обратиться со следующими знаменательными словами: «Спи, малютка... пока фортуна поддерживает тебя благодетельною рукою на краю зияющей бездны». Мы уже видели, что сам поэт и близкий ему социальный слой — люди «каких много» — деклассировавшаяся дворянская интеллигенция начала XIX века — никак не могли похвастаться «поддержкой фортуны». Привольные и широкие дворянско-поместные пути обрывались для них «зияющей бездной». Волей-неволей они должны были пробудиться от своего «сладостного» горацианского усыпления:

Скажи, мудрец младой, что прочно на земли?
Где постоянно жизни счастье?
Мы область призраков обманчивых прошли
Мы пили чашу сладострастья...
Но где минутный шум веселья и пиров
В вине потопленные чаши?
Где мудрость светская сияющих умов?
Где твой фалерн и розы наши?

Батюшков был типичным порождением «двух веков» — их рубежа, перелома. Раздвоенность является основной преобладающей чертой всего его душевного строя. В одной из записей своего дневника, опубликованного много времени спустя после смерти поэта, он набрасывает замечательный характерологический автопортрет (в третьем лице), в котором беспечный ветренник Екатерининских времен неожиданно сочетается с таким характернейшим «человеком XIX века», каким является Лермонтовский Печорин. (Непосредственное влияние этой записи на Лермонтова безусловно исключено, тем важнее, что даваемая Батюш-

ковым автозарисовка местами до поразительного совпадает с образом «странного» Лермонтовского героя).

Свой автопортрет Батюшков строит как цепь непрерывных антитез. «Недавно я имел случай познакомиться с странным человеком, *каких много!* Вот некоторые черты его характера и жизни. Ему около тридцати лет. Он то здоров, очень здоров, то болен, при смерти болен. Сегодня беспечен, ветрен, как дитя; посмотришь, завтра ударился в мысли, в религию и стал мрачнее инока... Он перенес три войны и на биваках был здоров, в покое — умирал. В походе он никогда не унывал и всегда готов был жертвовать жизнью с чудесною беспечностью, которой сам удивлялся — в мире для него все тягостно, и малейшая обязанность, какого бы рода ни была, есть свинцовое бремя... Он служил в военной службе и в гражданской... Обе службы ему надоели, ибо поистине он не охотник до чинов и крестов. А плакал, когда его обошли чином и не дали креста... Он иногда удивительно красноречив: умеет войти, сказать; иногда туп, косноязычен, застенчив. Он жил в аде; он был на Олимпе... Он благословен, он проклят каким-то гением... В нем два человека... белый и черный... оба живут в одном теле».

Из таких же двойных «белых» и «черных» нитей соткана лирика Батюшкова. «Чудесная беспечность» и «мрачность инока» сплетаются в ней в один своеобычный узор.

«Беспечность» — одно из наиболее характерных слов словаря Батюшкова. Однако в его эпикуреизме менее всего уверенной в себе, спокойной классической «беспечности» «анакреоновой музы» XVIII века. Наряду с «языческими», эпикурейскими призывами наслаждаться «роскошным» настоящим, радостно упиваться пиршественным «мигом», в стихах Батюшкова все время сталкиваемся с типично элегическими мотивами жизни в «воспоминаниях» о невозвратном былом, в «мечтах» об иной, недоступной реальному осуществлению, действительности. Ряд больших его стихотворений носит характерные названия: «Воспоминание», «Воспоминания», «Мечта».

Как приятно мне в молчании,
Вспоминать мечты протекшие!
Мы надеждою живем, мой друг,
И *мечтой* одной питаемся!

восклицает поэт уже в одном из самых первых своих стихотворных опытов. «Сердце может лишь *мечтою* услаждаться», «*мечта* — прямая счастья мать», «*мечтание* — душа поэтов и стихов», «*воспоминания*, лишь вами окрыленный...», «вся мысль моя была в *воспоминанье*» — непрестанно твердит он в последующих стихах.

Да и само радование настоящим окрашено у Батюшкова в выраженно элегические тона.

Радость почти всегда является у него в дымке печали. Большинство его эротических и анакреонтических стихов проникнуто горькой мыслью о «тщете» бытия, «крылатости» счастья, «губительности» времени, «беспрестанном увядании чувств». Жадно припадая к «златой чаше», увитой «розами сладострастья», поэт все время чувствует за своими плечами то пугающий, то радующий его призрак смерти. Мотивы наслаждения вином и любовью выдвигаются в качестве своего рода защитного средства против неизбежной быстротечности всего сущего, подсказаны торопливым стремлением «сорвать цветы» радости «под лезвеем» занесенной над ними губительной, смертной «косы»:

О, Вяземский! цветами
Друзей твоих венчай.
Дар Вакха перед нами:
Вот кубок — наливай!
Питомец муз надежный,
О, Аристиппов внук!
Ты любишь песни нежны
И рюмок звон и стук!
В час неги и прохлады
На ужинах твоих
Ты любишь томны взгляды
Прелестниц записных:
И все заботы славы,
Сует и шум, и блажь,
За быстрый миг забавы
С поклонами отдашь.
О, дай же ты мне руку.
Товарищ в лени мой

И мы... потопим скуку
В сей чаше золотой!
Пока бежит за нами
Бог времени седой
И губит луг с цветами
Безжалостной косой,
Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем
И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой
Под лезвеем косы
И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы!

(Мои пенаты)

С годами элегические подземные струи лирики Батюшкова все более и более выбиваются наружу. На «пылающих ярким багрецом» «ланитах» вакханок и мэнад его чувственных языческих видений все явственнее проступает зловещая смертная синева. Среди его «Подражаний древним» (1821 года) есть одно потрясающее восьмистишие:

Когда в страдании девица отойдет,
И труп синеющий остынет,
Напрасно на него любовь и амвру льет,
И облаком цветов окинет:
Бледна, как лилия, в лазури васильков.
Как восковое изваянье.
Нет радости в цветах для вянущих перстов
И суетно благоуханье!

Образ **вянущих** человеческих перстов, оживить которые бессильны цветы всех земных наслаждений, по остроте своей не уступает наиболее «декадентским» из произведений нашей поэзии конца XIX — начала XX века.

Начиная с пьесы «К другу» (1815—1816 годы), всё нарастают в стихах Батюшкова и ноты пессимизма, завершаясь безысходно-мрачным «Изре-

чением Мельхиседека» — одним из самых последних стихотворений поэта, написанных им почти накануне безумия — этой поистине могильной плитой над всеми человеческими надеждами и усилиями.

Нарастанию элегики и пессимизма в творчестве Батюшкова способствовали некоторые обстоятельства его личной жизни, в особенности, конечно, все ближе подкрадывающаяся душевная болезнь. Однако только этим оно не объясняется. Взятый Батюшковым элегический тон продолжает звучать в качестве одного из основных тонов на протяжении почти всей дворянской поэзии XIX века. Отражая личную судьбу поэта, элегика Батюшкова является прообразом дальнейшей социально-исторической судьбы породившего его класса.

Д. Благой

ОТ РЕДАКТОРА

Батюшков — наше далекое литературное прошлое. Закончившаяся более ста десяти лет тому назад поэтическая деятельность Батюшкова теряется в лучах славы его гениального ученика — Пушкина, на долю которого выпало развернуть в полном блеске все, что Батюшков, потенциально в себе заключая, не успел и не мог бы творчески осуществить. И все же Батюшков и для нас сейчас не только звено — хотя бы звено и исключительно важное — в общей цепи нашего литературного развития. Батюшков принадлежит к тем немногим высоким мастерам русской поэзии, которым удалось создать нестареющие образцы прекрасного. В лучших своих поэтических творениях Батюшков и до сих пор живет полноценной художественной жизнью. И недаром современный нам поэт, один из видных деятелей нашей литературы, не далее как в 1932 году в крупном советском журнале печатает восторженные стихи об «оплакавшем Тасса» «нежном» певце, который принес с собой «шум стихотворства и колокол братства и гармонический проливень слез».

В нашем издании сочинений Батюшкова мы даем полное собрание его стихов, избранную прозу и избранные письма.

Значение поэзии Батюшкова в истории нашей литературы настолько велико и бесспорно, что мотивировать необходимость познакомить советского читателя именно с *полным* собранием его стихотворений нет никакой нужды. Иное дело — проза Батюшкова. Сам он смотрел на свою прозу с чисто служебной точки зрения («Чтобы писать хорошо в стихах, надо много писать прозою» и в другом месте: «Я хотел учиться писать и в прозе заготовлял воспоминания или материалы для поэзии»). И действительно, проза Батюшкова также сыграла известную роль в выра-

К. Н. БАТЮШКОВ ЗА НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ДО СМЕРТИ
Портрет маслом неизвестного художника
(Ленингр. Публичн. библиотека)

ботке нашего литературного языка, но равнять значение Батюшкова-прозаика со значением его как поэта, конечно, никак нельзя. Переиздавать сейчас всю прозу Батюшкова было бы, может быть, избыточной роскошью. Но дать читателю поэзии Батюшкова представление о нем и как о прозаике, во всяком случае, желательно.

Это определило принцип отбора прозаических произведений Батюшкова для нашего издания. Мы руководствовались здесь стремлением, с одной стороны, представить все основные виды Батюшковской прозы: прозу описательную, образцы теоретических и критических статей, наконец, художественную прозу, с другой — включить произведения, наиболее значительные по своему содержанию и продолжающие в какой-то мере сохранять эту значительность вплоть до наших дней. Исходя из этого, мы ввели в наше издание из всей довольно многочисленной прозы Батюшкова — всего 26 opus'ов — только шесть произведений: «Прогулку по Москве», дающую одно из наиболее красочных и живых, притом сатирически-заостренных описаний жизни и быта старой «допожарной» Москвы, которое прочтется с интересом и современным читателем; «Прогулку в Академию художеств», положившую начало нашей изо-критике; «Похвальное слово сну», несмотря на свою шуточную форму, представляющее любопытнейшее выражение психоидеологии того социального слоя, к которому принадлежал Батюшков; две статьи — «Нечто о поэте и поэзии» и знаменитую «Речь о влиянии легкой поэзии на язык», дающие существенный материал для уяснения теоретических взглядов Батюшкова на его дело поэта; наконец, «старинную повесть» «Предслава и Добрыня» — малоудачный, но, к сожалению, единственный (не считая перевода из Бокаччьо) опыт Батюшкова в области художественной прозы. Наоборот, мы сочли возможным опустить такие произведения Батюшкова, как «Отрывок из писем русского офицера о Финляндии» или «Вечер у Кантемира», неизменно фигурировавшие во всех старых хрестоматиях и учебниках словесности, но для читателя наших дней могущие представить исключительно исторический интерес. Зато мы даем выдержки из записной книжки Батюшкова, имеющие крупное автобиографическое значение, и несколько его писем.

На «письма к друзьям» Батюшков, по примеру своих литературных наставников, Вольтера и Парни, смотрел как на особый род словесного творчества, позволяющий сочетать «прозу», понимаемую и как жанр, и

как житейская категория, и стихи — полуироническое описание «трудов и дней», беглую характеристику, элегическое раздумье, философскую мысль и веселую, зачастую достаточно фривольную шутку. «Писать ничего не стану, кроме писем к друзьям», — полушутя, полувсерьез заявлял он как-то незадолго перед концом своей литературной деятельности и прибавлял: «Это мой настоящий род. Насилу догадался». Неслучайно и значительную часть своих прозаических произведений (обе «Прогулки». «Путешествие в замок Сирей» и др.) Батюшков облекал все в ту же форму писем к друзьям. Познакомиться хотя бы с несколькими образцами этого «настоящего»—эпистолярного—жанра творчества Батюшкова совершенно обязательно, если хочешь составить себе законченное представление о цельном творческом облике поэта.

В наше собрание мы вводим по два-три письма, относящихся к различным, наиболее характерным периодам жизни поэта (война 1807 года, пребывание в деревне и в Москве в 1809 — 1811 годах, заграничный поход 181. года, подготовка в 1817 году издания «Опытов», наконец, дипломатическая служба в Италии и начало душевного заболевания). Это не только дает возможность судить об известной эволюции эпистолярного стиля Батюшкова, но и вводит, как бы «изнутри», в основные моменты его биографии

Сочинения Батюшкова издавались всего четыре раза (не считая двух позднейших, так называемых «общедоступных» изданий, представляющих сокращенную перепечатку четвертого издания). Три собрания его сочинений вышли при жизни поэта. В первом из них, выпущенном в 1817 году под названием «Опыты в стихах и прозе», Батюшков принимал непосредственное участие: издание было составлено его другом, известным поэтом и переводчиком «Илиады» Н. И. Гнедичем, по указаниям и коррективам самого Батюшкова. Второе и третье издания были выпущены уже после психического заболевания поэта и без всякого его участия. Второе, предпринятое книгопродавцем и издателем И. И. Глазуновым под названием «Сочинения в прозе и стихах», в основном сохранило характер «Опытов» (деление на две части деление стихов на три отдела: элегии, послания и смесь), но несколько изменило порядок следования пьес и пополнилось рядом новых произведений, опубликованных по выходе в свет «Опытов» (повесть «Предслава и Добрыня», 35 новых стихотворений — в издании 1817 года их было всего 64 — и 8 писем). Третье издание, выпущен

ное А. Ф. Смирдиным в его известной серии «Полное собрание сочинений русских авторов» под названием «Сочинения Батюшкова», представляет собой простую перепечатку издания 1834 года (из новых произведений в него введено только «Видение на берегах Леты»), отличаясь притом крайней неудовлетворительностью в передаче текста (ряд небрежностей и прямых искажений).

Первым и единственно научным изданием Батюшкова явилось четвертое собрание его сочинений, выпущенное в трех монументальных томах к столетнему юбилею со дня рождения поэта его братом, П. Н. Батюшковым, под редакцией Л. Н. Майкова и при ближайшем участии В. И. Саитова (в дальнейшем будем именовать его для сокращения «Майковским изданием»).

Майковское издание составляет огромный шаг вперед в отношении собирания и опубликования всего литературного наследия Батюшкова. Получившие возможность широко использовать архивные материалы (семейного архива Батюшковых, архивов П. А. Вяземского, Жуковского и др.), Л. Н. Майков и В. И. Саитов проделали чрезвычайно большую и весьма важную подготовительную работу: обследовали автографы Батюшкова, которых, правда, вследствие его обыкновения уничтожать за собой все им написанное, оказалось весьма немного, списки его произведений, наконец, просмотрели всю нашу периодику за первые тридцать лет прошлого века. В результате стихотворный корпус Майковского издания пополнился 33 новыми пьесами, частью затерянными в старых повременных изданиях, частью опубликованными впервые по рукописям. В примечаниях к основному тексту впервые был дан, по рукописям и первопечатным текстам, обширнейший свод вариантов и библиографический перечень всех предшествующих публикаций. Особенной заслугой издания явилось то, что в нем впервые были собраны, а отчасти и впервые опубликованы многочисленные письма Батюшкова (около 300 номеров, заполнивших собой вместе с примечаниями весь III том издания), представляющие документ исключительной ценности для истории всей нашей литературной жизни первых двух десятилетий XIX века. Наконец, к Майковскому изданию была приложена ценная монография редактора «О жизни и сочинениях Батюшкова» и тщательно составленные объемистые примечания текстологического, реального и историко-литературного характера.

Однако последнее по времени (два однотомных издания Батюшкова 1887 и 1896 годов являются, как уже указывалось, всего лишь сокращенной перепечаткой трехтомника 1887 года) издание Майкова все же не может считаться последним словом в деле издания сочинений Батюшкова. За сорок пять лет, протекших со времени Майковского издания, появился ряд новых публикаций (особенно много было опубликовано писем, но имеется ряд публикаций и стихотворных текстов), найден ряд новых автографов и списков. В частности, обнаружена была так называемая «Блудовская тетрадь» (Майков считал ее утерянной), дающая наиболее авторитетный из всех дошедших до нас списков стихов Батюшкова с рядом новых и часто весьма существенных разночтений (впервые сообщение о ней с кратким предварительным описанием было сделано Н. О. Лернером в его заметке «Затерянная тетрадь стихов Батюшкова «Русский библиофил» 1916, № 5, стр. 76 — 81. В настоящее время Блудовская тетрадь находится на хранении в рукописном отделении Ленинградской публичной библиотеки). Несколько новых стихотворных текстов Майков ввел в состав стихов Батюшкова из его писем, однако часть их почему-то оставил только в тексте последних. Мы вводим и их в наше собрание стихотворений Батюшкова (исключение составляют только всякого рода отрывочные рифмованные куски, неоформленные наброски или те из более или менее законченных пьес, которые составляют органическое целое с прозаическим текстом письма и без ущерба не могут быть от него отделены: мы или сохраняем их внутри публикуемых нами писем, или приводим в примечаниях). В результате мы даем в нашем издании в основном корпусе стихотворений Батюшкова *одиннадцать* новых пьес: 1) Н. И. Гнедичу («По чести мудрено в санях или верхом...»), 2) Н. И Гнедичу («Тебя и нимфы ждут...»), 3) «Пафоса бог, Эрот прекрасной...» 4) «Льстец моей ленивой музы...», 5) Н. И. Гнедичу («Сей старец, что всегда летает...»), 6) На членов Вольного общества любителей словесности, 7) Новый род смерти, 8) Запрос Арзамасу, 9) «Счастлив, кто в сердце носит рай...», 10) Надпись к портрету Вяземского и 11) «Жуковский, время все проглотит...» Стихотворения №№ 4 и 9 извлечены нами из неопубликованных писем Батюшкова к кн. П. А. Вяземскому (находятся в Остафьевском фонде Архива феод.-крепостн. эпохи ЦАУ) и в печати появляются впервые. Кроме того, мы включаем в наше издание «Сцены четырех возрастов», написанные Батюшковым в драмати-

К. Н. БАТЮШКОВ

Мрамор. Копия Cellai с гипсового бюста академ. И. И. Забелло

(Ленингр. Публичн. библиотека)

ческой форме в стихах и в прозе и также не вошедшие ни в одно из собраний его сочинений. Равным образом в примечания нами также вводится весьма большое количество вариантов, новых строк, а подчас и целых стихотворных кусков, отсутствовавших у Майкова и извлеченных нами из автографов, списков и журнальных публикаций.

Мало того, при всех своих неоспоримых достоинствах издание Майкова не свободно и от некоторых (правда, почти всегда неизбежных в работах этого рода) недочетов. Так, при воспроизведении стихотворных текстов Батюшкова (как в основном тексте, так, в особенности, в вариантах) им допущено весьма большое количество всякого рода текстологических погрешностей — пропусков, неточностей и прямых ошибок. Сам Батюшков, который был чрезвычайно чувствителен к правильной публикации своих стихов, не обинуясь, назвал бы эти погрешности искажениями. В нашем издании, заново просмотрев все имеющиеся в настоящее время в распоряжении исследователей рукописи произведений Батюшкова и все их печатные публикации, мы постарались всё это исправить.

Вряд ли могут быть признаны правильными некоторые приемы текстологической работы Л. Н. Майкова. В предисловии сам он указывает, что в основание печатаемого им текста положена «та последняя редакция, которая дана ему самим автором», т. е. принимает принцип так называемой «последней воли» поэта. Принцип этот, вообще весьма популярный среди текстологов, конечно, не должен фетишизироваться. В каждом данном случае редактор обязан тщательно выяснить, чем была обусловлена так называемая «последняя воля» автора, куда она направлена. Так, например, Николай I требовал, как известно, от Пушкина, чтобы он внес ряд исправлений в текст своего «Медного всадника». Пушкин начал было эти исправления производить. Однако совершенно очевидно, что редактор Пушкина должен был бы категорически отказаться следовать за той «последней редакцией», которая могла бы возникнуть в результате таких исправлений. Равным образом нельзя не учитывать идеологической эволюции редактируемого автора, возможности его всяческого «поправения». И, конечно, ни один редактор того же Пушкина не откажется от его «Гаврилиады», несмотря на то, что сам поэт в последние годы своей жизни склонен был решительно отрекаться от нее, как и вообще от некоторых «вольнолюбивых» произведений своей юности. Эволюция Батюш-

кова — мы знаем — шла как раз в направлении политического поправения. Однако тщательный анализ его текстов показывает, что это поправение, за исключением нескольких случаев (они в своем месте оговорены и приняты нами во внимание), почти не отразилось на характере исправлений, вносимых им в свои стихи. По большей части все эти исправления были вызваны соображениями чисто художественного порядка, требованиями растущего поэтического мастерства. В силу этого принцип «последней воли» в отношении стихотворного текста Батюшкова является наиболее правильным. Однако, на словах целиком принимая этот принцип, на деле Майков не только неоднократно нарушает его, но и вводит подчас новую и совершенно произвольную редакцию, представляющую собой контаминацию первоначального и последнего текстов. Один раз это приводит даже к тому, что в основной текст Майковского издания попадает как раз та редакция, которая самим Батюшковым была аттестована прямо как «исковерканная» (см. наши примечания к стихотворениям «Воспоминание» и «Воспоминания»).

Не всегда следуя авторской воле в отношении текста, Майков совершенно не считается с ней в отношении принятого им в своем издании расположения стихов. Всё стихотворное наследство Батюшкова размещено им в хронологическом порядке — по годам написания или первой публикации.

Хронологический принцип расположения материала в ряде случаев имеет неоспоримые права. Однако не следует смотреть на него, как на что-то непререкаемое, пригодное абсолютно во всех случаях редакторской практики. Для собрания сочинений Пушкина, у которого почти нет «дурных» стихов, хронологическое расположение материала, пожалуй, должно быть признано самым правильным. Наоборот, Батюшков в силу своей исторической и литературной позиции — на переломе между XVIII веком и Пушкинской эпохой — в своих стихах является поэтом крайне неровным, — наряду с вещами, могущими стать почти вровень с Пушкинскими, им был написан ряд произведений слабых, зачастую поражающих своей беспомощностью. Сам поэт для отдельного издания своих стихов — «Опытов» 1817 года — произвел строгий отбор, тщательно отделив всё то, что он считал лучшим в своем творчестве, от ученических, малоудавшихся, несовершенных вещей. Отобранные для «Опытов» стихи он расположил по определенному плану, оформив книгу, как это

видно из указаний, делаемых им его издателю, Гнедичу, как некое композиционное целое. Механически разбрасывая все стихи Батюшкова по узко-хронологическим делениям, Майков не только разрушает это целое, но и буквально убивает поэзию Батюшкова в художественном отношении: подлинно-совершенные стихи Батюшкова, затерянные при таком расположении среди его слабых, длиннотных вещей, почти не доходят до сознания читателя.

В нашем издании мы делим все стихи Батюшкова на два больших раздела. В первом мы в точности воспроизводим стихотворную часть «Опытов», во втором помещаем стихи, не вошедшие в «Опыты».

В этот второй раздел попадают, однако не только ранние вещи поэта или произведения, которые он сам не считал достойными войти в собрание его стихов, но и то относительно немногое, что было написано им после «Опытов», в том числе едва ли не наиболее совершенные из его созданий — стихотворения в антологическом роде, которые Белинский, давая им самую восторженную характеристику, называл «лучшим произведением его музы». По времени написания антологические стихи Батюшкова должны были бы стоять в самом конце раздела. Но тогда, чтобы добраться до них, читателю пришлось бы предварительно преодолеть все то, что сам поэт отбрасывал от себя, как слабое, несовершенное, недостойное его имени. Кроме того, отдельные антологические пьесы перемежались бы стихами совсем другого рода. Поэтому, желая сохранить максимум художественного воздействия на читателя этих шедевров Батюшковской поэзии, мы выделили их из всей массы стихов второго раздела в особый цикл «Антология». Равным образом мы особо выделяем знаменитый памфлет Батюшкова «Видение на берегах Леты» — самое боевое произведение поэта времен его молодости, направленное против литературно и политически-консервативной группы «шишковистов» и не введенное им, несмотря на уговоры друзей, в состав «Опытов» только в силу уже неоднократно указывавшегося нами его общего идеологического поправения. Все остальные стихи второго раздела объединены нами под общим названием «Разных стихотворений» и расположены в строгом хронологическом порядке по годам написания.

Думается, что скомпанованное таким образом полное собрание стихов Батюшкова приобретает вполне стройный и вместе с тем художественно оправданный облик. Сперва идут «Опыты» дающие всё наиболее значи-

тельное и отобранное самим поэтом за первые пятнадцать лет его творчества (1802 — 1817). Затем следуют «Видение на берегах Леты» и антология, охватывающая почти всё, написанное им за последние три-четыре года (1818—1821). За пределами этого остается Батюшков, главным образом, своих ученических, слабых, случайных, не удовлетворявших самого поэта вещей. Правда, и в этом последнем отделе имеется несколько превосходных пьес, в том числе два-три из лучших стихотворений Батюшкова, написанные им в последний период, но не принадлежащие к антологическому жанру. Однако думается, что и они удачно завершают раздел, давая наглядное представление о росте формального мастерства поэта.

Текст стихов печатается нами по современной орфографии, за исключением случаев, когда те или иные особенности написания Батюшкова отражают особенности языка его времени или несут определенную стилистическую функцию (отмененные орфографические формы, поскольку они связаны с рифмой, и т. п.). Равным образом мы сохраняем особенности пунктуации Батюшкова во всех тех случаях, когда они имеют определенное интонационное значение, связаны с ритмом и вообще в какой бы то ни было мере влияют на ту или иную произносимость стиха.

Чтобы не обременять вступительной статьи чисто биографическим материалом, мы сгруппировываем все необходимые сведения по истории жизни и творчества Батюшкова в краткой хронологической канве.

В примечаниях нами даются необходимые сведения текстологического, библиографического и историко-литературного характера.

Краткие справки-характеристики исторических лиц, объяснения столь многочисленных в стихах Батюшкова мифологических имен, равно как и все «realia», отнесены нами в конец книги и расположены в словарном порядке, составив своего рода путеводитель по Батюшкову.

Считаем долгом принести глубокую благодарность за помощь в нашей работе всякого рода указаниями и справками Н. О. Лернеру, М. А. Цявловскому, Б. А. Грифцову и И. Н. Розанову. Существенную поддержку в выверке текстов оказала мне София Рафаиловна Благая. Весьма способствовало нашей работе неизменно внимательное отношение работников рукописного отделения Ленинградской публичной библиотеки — И. А. Бычкова, В. В. Майкова и В. Г. Геймана, и рукописного отделения Института русской литературы Академии Наук СССР — Н. К. Пиксанова и А. И. Перепечь.

Д. Б

К. Н. БАТЮШКОВ

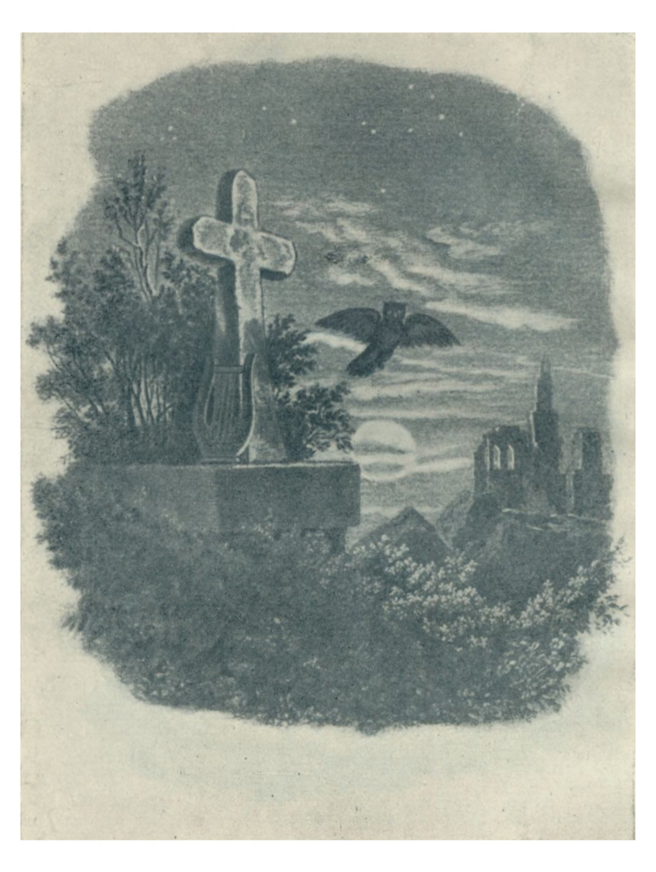
С гравюры Матэ по автопортрету в зеркале

(Гос. Музей изобразительных искусств)

К. Н. Батюшков

Виньет ко второй части «Опытов в стихах и прозе» 1817 г.

Виньет ко второй части «Сочинений в прозе и стихах»
1834 г.

С т и х и

ОПЫТЫ В СТИХАХ

К ДРУЗЬЯМ

Вот список мой стихов,
Который дружеству быть может драгоценен
Я добрым Гением уверен,
Что в сем Дедале рифм и слов
Недостает искусства:
Но дружество найдет мои, в замену. чувства
Историю моих страстей,
Ума и сердца заблужденья,
Заботы, суеты, печали прежних дней,
И легкокрылы наслажденья;
Как в жизни падал, как вставал,
Как вовсе умирал для света,
Как снова мой челнок Фортуне поверял...
И словом, весь журнал
Здесь дружество найдет беспечного Поэта,
Найдет и молвит так:
«Наш друг был часто легковерен;
Был ветрен в Пафосе; на Пинде был чудак:
Но дружбе он зато всегда остался верен;
Стихами никому из нас не докучал
(А на Парнасе это чудо!),
И жил так точно, как писал...
Ни хорошо, ни худо!»

ЭЛЕГИИ

НАДЕЖДА

Мой дух! доверенность к творцу!
Мужайся; будь в терпеньи камень.
Не он ли к лучшему концу
Меня провел сквозь бранный пламень?
На поле смерти чья рука
Меня таинственно спасала
И жадный крови меч врага
И град свинцовый отражала?
Кто, кто мне силу дал сносить
Труды и глад, и непогоду, —
И силу — в бедстве сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто вел меня от юных дней
К добру стезею потаенной
И в буре пламенных страстей
Мой был вожатый неизменной?

Он! он! Его все дар благой!
Он есть источник чувств высоких
Любви к изящному прямой
И мыслей чистых и глубоких!
Всё дар его, и краше всех
Даров — надежда лучшей жизни!

Дмитрій Николаевъ Блудовъ.

Вотъ списокъ мой стиховъ,
Который дружеству быть можетъ драгоцѣненъ.
Я добрымъ Геніемъ увѣренъ
Что въ нихъ недостаетъ рифмъ и словъ
Недостаетъ искусства.
Но дружество найдетъ мои, въ замѣну, чувства.
Исторію моихъ страстей,
Ума и сердца заблужденья;
Заботы, суеты, печали юныхъ дней
И легкокрылы наслажденья;
Какъ падалъ, какъ вставалъ,
Какъ во все пускался для свѣта.
Какъ снова мой челнокъ фортунѣ повѣрялъ…
И словомъ, все узналъ.
Здѣсь дружество найдетъ сей милаго Поэта.
Найдетъ и скажетъ такъ:
Нашъ другъ былъ часто легковѣренъ,
И вѣтренъ; и во всемъ чудакъ;
Но дружбѣ онъ за то всегда остался вѣренъ.
Стихами никому онъ намъ не досаждалъ.
(А на парнассѣ это чудо!)
И жилъ такъ точно, какъ писалъ
Не хорошо, ни худо! —

Петербургъ февраль 1815.

«К друзьям». Автограф. Блудовская тетрадь
(Ленингр. Публичн. библиотека)

Когда ж узрю спокойный брег.
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесных благ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?

НА РАЗВАЛИНАХ ЗАМКА В ШВЕЦИИ

Уже светило дня на западе горит
И тихо погрузилось в волны!..
Задумчиво луна сквозь тонкий пар глядит
На хляби и брега безмолвны.
И всё в глубоком сне поморие кругом.
Лишь изредка рыбарь к товарищам взывает
Лишь эхо глас его протяжно повторяет
В безмолвии ночном

Я здесь, на сих скалах, висящих над водой
В священном сумраке дубравы
Задумчиво брожу и вижу пред собой
Следы протекших лет и славы:
Обломки, грозный вал, поросший злаком ров
Столбы и ветхий мост с чугунными цепями.
Твердыни мшистые с гранитными зубцами
И длинный ряд гробов.

Всё тихо: мертвый сон в обители глухой
Но здесь живет воспоминанье:
И путник, опершись на камень гробовой
Вкушает сладкое мечтанье.
Там, там, где вьется плющ по лестнице крутой
И ветр колышет стебль иссохшия полыни
Где месяц осребрил угрюмые твердыни
Над спящею водой, —

Там воин некогда, Одена храбрый внук,
В боях приморских поседелый,
Готовил сына в брань и стрел пернатых пук,
Броню заветну, меч тяжелый
Он юноше вручил израненной рукой,
И громко восклицал, подъяв дрожащи длани:
«Тебе он обречен, о, бог, властитель брани,
Всегда и всюду твой!

А ты, мой сын, клянись мечом своих отцов
И Гелы клятвою кровавой
На западных струях быть ужасом врагов
Иль пасть, как предки пали, с славой!»
И пылкий юноша меч прадедов лобзал
И к персям прижимал родительские длани,
И в радости, как конь, при звуке новой брани,
Кипел и трепетал.

Война, война врагам отеческой земли! —
Суда на утро восшумели.
Запенились моря, и быстры корабли
На крыльях бури полетели!
В долинах Нейстрии раздался браней гром,
Туманный Альбион из края в край пылает,
И Гела день и ночь в Валкалу провождает
Погибших бледный сонм.

Ах, юноша! спеши к отеческим брегам,
Назад лети с добычей бранной;
Уж веет кроткий ветр во след твоим судам,
Герой, победою избранной!
Уж Скальды пиршество готовят на холмах,
Уж дубы в пламени, в сосудах мед сверкает,
И вестник радости отцам провозглашает
Победы на морях.

Здесь, в мирной пристани, с денницей золотой
Тебя невеста ожидает,
К тебе, о, юноша, слезами и мольбой,
Богов на милость преклоняет...
Но вот в тумане там, как стая лебедей,
Белеют корабли, несомые волнами;
О, вей, попутный ветр, вей тихими устами
В ветрила кораблей!

Суда у берегов, на них уже герой
С добычей жен иноплеменных;
К нему спешит отец с невестою младой
И лики Скальдов вдохновенных.
Красавица стоит, безмолвствуя, в слезах,
Едва на жениха взглянуть украдкой смеет,
Потупя ясный взор, краснеет и бледнеет,
Как месяц в небесах...

И там, где камней ряд, седым одетый мхом,
Помост обрушенный являет,
Повременно сова в безмолвии ночном
Пустыню криком оглашает, —
Там чаши радости стучали по столам,
Там храбрые кругом с друзьями ликовали,
Там Скальды пели брань, и персты их летали
По пламенным струнам.

Там пели звук мечей и свист пернатых стрел,
И треск щитов, и гром ударов,
Кипящу брань среди опустошенных сел
И грады в зареве пожаров;
Там старцы жадный слух склоняли к песни сей
Сосуды полные в десницах их дрожали,
И гордые сердца с восторгом вспоминали
О славе юных дней.

Но всё покрыто здесь угрюмой ночи мглой.
Всё время в прах преобратило!
Где прежде Скальд гремел на арфе золотой.
Там ветер свищет лишь уныло!
Где храбрый ликовал с дружиною своей,
Где жертвовал вином отцу и богу брани,
Там дремлют притаясь две трепетные лани
До утренних лучей.

Где ж вы, о, сильные, вы Галлов бич и страх
Земель полнощных исполины,
Роальда спутники, на бренных челноках
Протекши дальные пучины?
Где вы, отважные толпы богатырей,
Вы, дикие сыны и брани и свободы,
Возникшие в снегах, средь ужасов природы
Средь копий, средь мечей?

Погибли сильные! Но странник в сих местах
Не тщетно камни вопрошает
И руны тайные, останки на скалах
Угрюмой древности, читает.
Оратай ближних сел, склонясь на посох свой
Гласит ему: «Смотри, о, сын иноплеменный.
Здесь тлеют праотцев останки драгоценны:
Почти их гроб святой!»

ЭЛЕГИЯ ИЗ ТИБУЛЛА

Вольный перевод

Месалла! Без меня ты мчишься по волнам
С орлами Римскими к восточным берегам;
А я, в Феакии оставленный друзьями,
Их заклинаю всем, и дружбой, и богами

Тибулла не забыть в далекой стороне.
Здесь Парка бледная конец готовит мне,
Здесь жизнь мою прервет безжалостной
рукою...
Неумолимая! Нет матери со мною!
Кто будет принимать мой пепел от костра?
Кто будет без тебя, о, милая сестра,
За гробом следовать в одежде погребальной
И миро изливать над урною печальной?
Нет друга моего, нет Делии со мной, —
Она и в самый час разлуки роковой
Обряды тайные и чары совершала:
В священном ужасе бессмертных вопрошала
И жребий счастливый нам отрок вынимал.
Что пользы от того? Час гибельный настал
И снова Делия, печальна и уныла,
Слезами полный взор невольно обратила
На дальный путь. Я сам, лишенный скорбью сил,
«Утешься» — Делии сквозь слезы говорил;
«Утешься!» — и еще с невольным трепетаньем
Печальную лобзал последним лобызаньем.
Казалось, некий бог меня остановлял:
То ворон мне беду внезапно предвещал,
То в день, отцу богов, Сатурну посвященной,
Я слышал гром глухой за рощей отдаленной.
О, вы, которые умеете любить,
Страшитеся любовь разлукой прогневить!
Но, Делия, к чему Изиде приношенья,
Сии в ночи глухой протяжны песнопенья
И волхвованье жриц, и меди звучный стон?
К чему, о, Делия, в безбрачном ложе сон
И очищения священною водою?
Всё тщетно, милая, Тибулла нет с тобою.
Богиня грозная! спаси его от бед,
И снова Делия мастики принесет,
Украсит дивный храм весенними цветами

И с распущенными по ветру волосами,
Как дева чистая, во ткань облечена,
Воссядет на помост: и звезды, и луна,
До восхождения румяныя Авроры,
Услышат глас ее и жриц Фарийских хоры.
Отдай, богиня, мне родимые поля,
Отдай знакомый шум домашнего ручья,
Отдай мне Делию: и вам дары богаты
Я в жертву принесу, о, Лары и Пенаты!
Зачем мы не живем в златые времена?
Тогда беспечные народов племена
Путей среди лесов и гор не пролагали
И ралом никогда полей не раздирали;
Тогда не мчалась ель на легких парусах,
Несома ветрами в лазоревых морях,
И кормчий не дерзал по хлябям разъяренным
С Сидонским багрецом и с золотом бесценным
На утлом корабле скитаться здесь и там.
Дебелый вол бродил свободно по лугам,
Топтал душистый злак и спал в тени зеленой;
Конь борзый не кропил узды кровавой пеной;
Не зрели на полях столпов и рубежей
И кущи сельские стояли без дверей;
Мед капал из дубов янтарною слезою;
В сосуды молоко обильною струею
Лилося из сосцов питающих овец... —
О, мирны пастыри, в невинности сердец
Беспечно жившие среди пустынь безмолвных!
При вас, на пагубу друзей единокровных,
На наковальне млат не изваял мечей,
И ратник не гремел оружьем средь полей.
О, век Юпитеров! О, времена несчастны!
Война, везде война и глад, и мор ужасный,
Повсюду рыщет смерть, на суше, на водах...
Но ты, держащий гром и молнию в руках!
Будь мирному певцу Тибуллу благосклонен.

Ни словом, ни душой я не был вероломен;
Я с трепетом богов отчизны обожал,
И, если мой конец безвременный настал, —
Пусть камень обо мне прохожим возвещает:
«Тибулл, Месаллы друг, здесь с миром
почивает».
Единственный мой бог и сердца властелин,
Я был твоим жрецом, Киприды милый сын!
До гроба я носил твои оковы нежны,
И ты, Амур, меня в жилища безмятежны,
В Элизий приведешь таинственной стезей,
Туда, где вечный Май меж рощей и полей,
Где расцветает нард и киннамона лозы,
И воздух напоен благоуханьем розы;
Там слышно пенье птиц и шум биющих вод;
Там девы юные, сплетяся в хоровод,
Мелькают меж древес, как легки привиденья;
И тот, кого постиг, в минуту упоенья,
В объятиях любви, неумолимый рок,
Тот носит на челе из свежих мирт венок.
А там, внутри земли, во пропастях ужасных
Жилище вечное преступников несчастных,
Там реки пламенны сверкают по пескам,
Мегера страшная и Тизифона там
С челом, опутанным шипящими змиями,
Бегут на дикий брег за бледными тенями.
Где скрыться? адский пес лежит у медных врат,
Рыкает зев его... и рой теней назад!..
Богами ввержены во пропасти бездонны,
Ужасный Энкелад и Тифий преогромный
Питает жадных птиц утробою своей.
Там хищный Иксион, окованный змией,
На быстром колесе вертится бесконечно;
Там в жажде пламенной Тантал бесчеловечной
Над хладною рекой сгарает и дрожит...
Всё тщетно! Вспять вода коварная бежит.

И черпают ее напрасно Данаиды.
Все жертвы вечные карающей Киприды.
Пусть там страдает тот, кто рушил наш покой
И разлучил меня, о Делия, с тобой!
Но ты, мне верная, друг милый и бесценной.
И в мирной хижине, от взоров сокровенной
С наперсницей любви. с подругою твоей.
На миг не покидай домашних алтарей.
При шуме зимних вьюг, под сенью безопасной.
Подруга в темну ночь зажжет светильник ясной
И тихо веретено кружа в руке своей
Расскажет повести и были старых дней.
А ты, склоняя слух на сладки небылицы
Забудешься, мой друг, и томные зеницы
Закроет тихий сон, и праслица из рук
Падет... и у дверей предстанет твой супруг.
Как небом посланный внезапно добрый Гений.
Беги навстречу мне, беги из мирной сени.
В прелестной наготе явись моим очам.
Власы развеянны небрежно по плечам.
Вся грудь лилейная и ноги обнаженны...
Когда ж Аврора нам, когда сей день блаженный
На розовых конях, в блистаньи принесет.
И Делию Тибулл в восторге обоймет?

ВОСПОМИНАНИЕ

Мечты! — повсюду вы меня сопровождали
И мрачный жизни путь цветами устилали!
Как сладко я мечтал на Гейльсбергских полях.
Когда весь стан дремал в покое
И ратник, опершись на копие стальное,
Смотрел в туманну даль! Луна на небесах
Во всем величии блистала

И низкий мой шалаш сквозь ветви освещала;
Аль светлый чуть струю ленивую катил
И в зеркальных водах являл весь стан и рощи;
Едва дымился огнь в часы туманной нощи,
Близь кущи ратника, который сном почил.
О, Гейльсбергски поля! о, холмы возвышенны!
Где столько раз в ночи, луною освещенный,
Я, в думу погружен, о родине мечтал;
О, Гейльсбергски поля! в то время я не знал,
Что трупы ратников устелют ваши нивы,
Что медной челюстью гром грянет с сих холмов
Что я, мечтатель ваш счастливый,
На смерть летя против врагов,
Рукой закрыв тяжелу рану,
Едва ли на заре сей жизни не увяну... —
И буря дней моих исчезла как мечта!..
Осталось мрачно вспоминанье...
Между протекшего есть вечная черта:
Нас сближит с ним одно мечтанье.
Да оживлю теперь я в памяти своей
Сию ужасную минуту,
Когда, болезнь вкушая люту
И видя сто смертей,
Боялся умереть не в родине моей!
Но небо, вняв моим молениям усердным,
Взглянуло оком милосердым;
Я, Неман переплыв, узрел желанный край.
И, землю лобызав с слезами,
Сказал: «Блажен стократ, кто с сельскими богами,
Спокойный домосед, земной вкушает рай,
И, шага не ступя за хижину убогу,
К себе богиню быстроногу
В молитвах не зовет!
Не слеп ко славе он любовью,
Не жертвует своим спокойствием и кровью:
Могилу зрит свою и тихо смерти ждет».

ВОСПОМИНАНИЯ

Отрывок

. . . .

Я чувствую, мой дар в Поэзии погас,
И Муза пламенник небесный потушила;
Печальна опытность открыла
Пустыню новую для глаз.
Туда влечет меня осиротелый Гений,
В поля бесплодные, в непроходимы сени.
Где счастья нет следов,
Ни тайных радостей, неизъяснимых снов,
Любимцам Фебовым от юности известных,
Ни дружбы, ни любви, ни песней Муз прелестных,
Которые всегда душевну скорбь мою,
Как лотос, силою волшебной врачевали.
Нет, нет! себя не узнаю
Под новым бременем печали!
Как странник, брошенный на брег из ярых волн,
Встает и с ужасом разбитый видит челн,
Рукою трепетной он мраки вопрошает,
Ногой скользит над пропастями он,
И ветер буйный развевает
Молений глас его, рыдания и стон... —
На крае гибели так я зову в спасенье
Тебя, последняя надежда, утешенье!
Тебя, последний сердца друг!
Средь бурей жизни и недуг
Хранитель ангел мой, оставленный мне богом!..
Твой образ я таил в душе моей залогом
Всего прекрасного... и благости творца.
Я с именем твоим летел под знамя брани
Искать иль славы, иль конца.
В минуты страшные чистейши сердца дани
Тебе я приносил на Марсовых полях:
И в мире, и в войне, во всех земных краях

Твой образ следовал с любовию за мною;
С печальным странником он неразлучен стал.
Как часто в тишине, весь занятый тобою,
В лесах, где Жувизи гордится над рекою,
И Сейна по цветам льет сребренный кристал
Как часто средь толпы и шумной и беспечной,
В столице роскоши, среди прелестных жен,
Я пенье забывал волшебное Сирен
И о тебе одной мечтал в тоске сердечной.
Я имя милое твердил
В прохладных рощах Альбиона
И эхо называть прекрасную учил
В цветущих пажитях Ричмона.
Места прелестные и в дикости своей,
О, камни Швеции, пустыни Скандинавов,
Обитель древняя и доблести и нравов!
Ты слышала обет и глас любви моей,
Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальные скалы гранитных берегов,
И села пахарей, и кущи рыбаков
Сквозь тонки, утренни туманы
На зеркальных водах пустынной Троллетаны.
. . . .

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца,
И думал: Парки час настанет.
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось:
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.

Но ты приближилась, о, жизнь души моей
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей.
И поцалуев сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали,
От Орковых полей, от Леты берегов
Для сладострастия призвали.
Ты снова жизнь даешь; она твой дар благой
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой:
Я от любви теперь увяну.

МЩЕНИЕ

Из Парни

Неверный друг и вечно милый!
Зарю моих счастливых дней
И слезы радости и клятвы легкокрылы, —
Всё время унесло с любовию твоей!
И всё погибло невозвратно,
Как сладкая мечта, как утром сон приятной!
Но всё любовью здесь исполнено моей
И клятвы страшные твои напоминает.
Их помнят и леса, их помнит и ручей.
И эхо томное их часто повторяет.
Взгляни: здесь в первый раз я встретился с тобой
Ты здесь, подобная лилее белоснежной,
Взлелеянной в садах Авророй и весной
Под сенью безмятежной,
Цвела невинностью близь матери твоей.
Вот здесь я в первый раз вкусил надежды сладость:
Здесь жертвы приносил у мирных алтарей,
Когда твою грозила младость
Болезнь жестокая во цвете погубить,

Здесь клялся, милый друг, тебя не пережить!
Но с новой прелестью ты к жизни воскресала.
И в первый раз «люблю», краснеяся, сказала
(Тому сей дикий бор немый свидетель был).
Твоя рука в моей то млела, то пылала,
И первый поцалуй с душою душу слил.
Там взор потупленный назначил мне свиданье,
В зеленом сумраке развесистых древес,
Где льется в воздухе сирен благоуханье
И облако цветов скрывает свод небес;
Там ночь ненастная спустила покрывало,
И страшно загремел над нами ярый гром;
Всё небо в пламени зарделося кругом,
И в роще сумрачной сверкало.
Напрасно! ты была в объятиях моих
И к новым радостям ты воскресала в них!
О, пламенный восторг! О, страсти упоенье!
О, сладострастие... себя, всего забвенье!
С ее любовию утраченны навек! —
Вы будете всегда изменнице упрек:
Воспоминанье ваше,
От времени еще прелестнее и краше,
Ее преступное блаженство помрачит
И сердцу за меня коварному отмстит
Неизлечимою, жестокою тоскою.
Так! всюду образ мой увидишь пред собою,
Не в виде прежнего любовника в цепях,
Который с нежностью сквозь слезы упрекает
И жребий с трепетом читает
В твоих потупленных очах.
Нет, в лютой ревности карая преступленье,
Явлюсь, как бледное в полуночь привиденье,
И всюду следовать я буду за тобой:
В безмолвии лесов, в полях уединенных,
В веселых пиршествах, тобой одушевленных,
Где юность пылкая и взор считает твой.

В глазах соперника, на ложе Гименея —
Ты будешь с ужасом о клятвах вспоминать;
При имени моем бледнея
Невольно трепетать.
Когда ж безвременно, с полей кровавой битвы,
К Коциту позовет меня судьбины глас,
Скажу: «Будь счастлива» в последний жизни час, —
И тщетны будут все любовника молитвы!

ПРИВИДЕНИЕ

Из Парни

Посмотрите! в двадцать лет
Бледность щеки покрывает;
С утром вянет жизни цвет;
Парка дни мои считает
И отсрочки не дает.
Что же медлить! Ведь Зевеса
Плач и стон не укротит.
Смерти мрачной занавеса
Упадет — и я забыт!
Я забыт... но из могилы,
Если можно воскресать,
Я не стану, друг мой милый,
Как мертвец, тебя пугать.
В час полуночных явлений
Я не стану в виде тени,
То внезапу, то тишком,
С воплем в твой являться дом.
Нет, по смерти, невидимкой
Буду вкруг тебя летать;
На груди твоей под дымкой
Тайны прелести лобзать;
Стану всюду развевать
Легким уст прикосновеньем,

Как зефира дуновеньем,
От каштановых волос
Тонкий запах свежих роз.
Если лилия листами
Ко груди твоей прильнет,
Если яркими лучами
В камельке огонь блеснет,
Если пламень потаенной
По ланитам пробежал,
Если пояс сокровенной
Развязался и упал, —
Улыбнися, друг бесценной.
Это я! — Когда же ты,
Сном закрыв прелестны очи,
Обнажишь во мраке ночи
Роз и лилий красоты,
Я вздохну... и глас мой томной,
Арфы голосу подобной,
Тихо в воздухе умрет.
Если ж легкими крылами
Сон глаза твои сомкнет,
Я невидимо с мечтами
Стану плавать над тобой.
Сон твой, Хлоя, будет долог...
Но, когда блеснет сквозь полог
Луч денницы золотой,
Ты проснешься... о, блаженство!
Я увижу совершенство...
Тайны прелести красот,
Где сам пламенный Эрот
Оттенил рукой своею
Розой девственну лилею.
Всё опять в моих глазах!
Все покровы исчезают;
Час блаженнейший!.. Но, ах!
Мертвые не воскресают.

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГИЯ III

Из III книги

Напрасно осыпал я жертвенник цветами,
Напрасно фимиам курил пред алтарями;
Напрасно: Делии еще с Тибуллом нет.
Бессмертны! слышали вы скромный мой обет!
Молил ли вас когда о почестях и злате?
Желал ли обитать во мраморной палате?
К чему мне пажитей обширная земля,
Златыми класами венчанные поля
И стадо кобылиц, рабами охраненно?
О бедности молил, с тобою разделенной!
Молил, чтоб смерть меня застала при тебе,
Хоть нища, но с тобой!.. К чему желать себе
Богатства Азии или волов дебелых?
Ужели более мы дней сочтем веселых
В садах и в храминах, где дивный ряд столбов
Иссечен хитростью наемных пришлецов;
Где всё один порфир Тенера и Кариста,
Помосты мраморны и урны злата чиста;
Луга пространные, где силою трудов
Легла священна тень от кедровых лесов?
К чему Эритрские жемчужины бесценны
И волны Тирские, багрянцем напоенны?
В богатстве ль счастие? В нем призрак, тщетный вид!
Мудрец от Лар своих за златом не бежит,
Колен пред случаем во век не преклоняет,
И в хижине своей с фортуной обитает!
И бедность, Делия, мне дорога с тобой!
Тот кров соломенный чту крышей золотой,
Под коим, сопряжен любовию с тобою,
Сто крат благословен!.. Но, если предо мною
Бессмертные весов судьбы не преклонят,
Утешит ли тогда Тибулла пышный град?
Ах! нет! — и золото блестящего Пактола,

И громкой славы шум, и самый блеск престола
Без Делии ничто — а с ней и куща — храм,
Безвестность, нищета завидны небесам!
О, дочь Сатурнова! услышь мое моленье!
И ты, любови мать! Когда же Парк сужденье,
Когда суровых сестр противно веретено,
И Делией владеть Тибуллу не дано, —
Пускай теперь сойду во области Плутона,
Где блата топкие и воды Ахерона
Широкой цепию вкруг ада облежат,
Где беспробудным сном печальны тени спят.

МОЙ ГЕНИЙ

О, память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальной.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенной
Повсюду странствует со мной.
Хранитель Гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

ДРУЖЕСТВО

Блажен, кто друга здесь по сердцу обретает,
Кто любит и любим чувствительной душой!

Тезей на берегах Коцита не страдает, —
С ним друг его души, с ним верный Пирифой.
Атридов сын в цепях, но зависти достоин!
С ним друг его, Пилад... под лезвеем мечей.
А ты, младый Ахилл, великодушный воин,
Бессмертный образец героев и друзей!
Ты дружбою велик, ты ей дышал одною!
И, друга смерть отмстив бестрепетной рукою,
Счастлив! ты мертв упал на гибельный трофей!

ТЕНЬ ДРУГА

Sunt aliquid manes: letum
non omnia finit;
Luridaque evictos effugit
umbra rogos.
Propertius

Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.
За кораблем вилася Гальциона,
И тихий глас ее пловцов увеселял.
Вечерний ветр, валов плесканье,
Однообразный шум и трепет парусов,
И кормчего на палубе взыванье
Ко страже, дремлющей под говором валов, —
Всё сладкую задумчивость питало.
Как очарованный, у мачты я стоял
И сквозь туман и ночи покрывало
Светила Севера любезного искал.
Вся мысль моя была в воспоминанье.
Под небом сладостным отеческой земли.
Но ветров шум и моря колыханье
На вежды томное забвенье навели.
Мечты сменялися мечтами

И вдруг... то был ли сон?.. предстал товарищ мне,
Погибший в роковом огне
Завидной смертию, над Плейсскими струями.
Но вид не страшен был; чело
Глубоких ран не сохраняло,
Как утро Майское веселием цвело
И всё небесное душе напоминало.
«Ты ль это, милый друг, товарищ лучших дней!
Ты ль это? — я вскричал — о, воин вечно милой!
Не я ли над твоей безвременной могилой,
При страшном зареве Беллониных огней,
Не я ли с верными друзьями
Мечом на дереве твой подвиг начертал
И тень в небесную отчизну провождал
С мольбой, рыданьем и слезами?
Тень незабвенного! ответствуй, милый брат!
Или протекшее всё было сон, мечтанье;
Всё, всё — и бледный труп, могила и обряд,
Свершенный дружбою в твое воспоминанье?
О! молви слово мне! пускай знакомый звук
Еще мой жадный слух ласкает,
Пускай рука моя, о, незабвенный друг!
Твою с любовию сжимает...»
И я летел к нему... Но горний дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес,
Как дым, как метеор, как призрак полуночи;
Исчез, — и сон покинул очи.

Всё спало вкруг меня под кровом тишины.
Стихии грозные казалися безмолвны.
При свете облаком подернутой луны
Чуть веял ветерок, едва сверкали волны,
Но сладостный покой бежал моих очей,
И всё душа за призраком летела,
Всё гостя горнего остановить хотела:
Тебя, о, милый брат! о, лучший из друзей!

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГИЯ X

Из I книги

Вольный перевод

Кто первый изострил железный меч и стрелы?
Жестокий! он изгнал в безвестные пределы
Мир сладостный и в ад открыл обширный путь!
Но он виновен ли, что мы на ближних грудь
За золото, за прах, железо устремляем,
А не чудовищей им диких поражаем?
Когда на пиршествах стоял сосуд святой
Из буковой коры меж утвари простой,
И стол был отягчен избытком сельских брашен, —
Тогда не знали мы щитов и твердых башен.
И пастырь близь овец спокойно засыпал;
Тогда бы дни мои я радостьми считал!
Тогда б не чувствовал невольно трепетанье
При гласе бранных труб! О, тщетное мечтанье!
Я с Марсом на войне: быть может, лук тугой
Натянут на меня пернатою стрелой...

О, боги! сей удар вы мимо пронесите,
Вы, Лары отчески, от гибели спасите!
О, вы, хранившие меня в тени своей,
В беспечности златой от колыбельных дней,
Не постыдитеся, что лик богов священный,
Иссеченный из пня и пылью покровенный,
В жилище праотцев уединен стоит!
Не знали смертные ни злобы, ни обид,
Ни клятв нарушенных, ни почестей, ни злата,
Когда священный лик домашнего Пената
Еще скудельный был на пепелище их!
Он благодатен нам, когда из чаш простых
Мы учиним пред ним обильны возлиянья,
Иль на чело его, в знак мирного венчанья,
Возложим мы венки из миртов и лилей;

Он благодатен нам, сей мирный бог полей,
Когда на празднествах, в дни Майские веселы
С толпою чад своих, оратай престарелый.
Опресноки ему священны принесет,
А девы красные из улья чистый мед.
Спасите ж вы меня, отеческие боги,
От копий, от мечей! Вам дар несу убогий:
Кошницу полную Церериных даров,
А в жертву — сей овен, краса моих лугов.
Я сам, увенчанный и в ризы облеченный,
Явлюсь на утрие пред ваш алтарь священный
Пускай, скажу, в полях неистовый герой,
Обрызган кровию, выигрывает бой;
А мне — пусть благости сей буду я достоин —
О подвигах своих расскажет древний воин,
Товарищ юности; и, сидя за столом,
Мне лагерь начертит веселых чаш вином.
Почто же вызывать нам смерть из царства тени
Когда в подземный дом везде равны ступени?
Она, как тать в ночи, невидимой стопой,
Но быстро гонится, и всюду за тобой!
И низведет тебя в те мрачные вертепы,
Где лает адский пес, где Фурии свирепы,
И кормчий в челноке на Стиксовых водах.
Там теней бледный полк толпится на брегах
Власы обожжены, и впалы их ланиты!..
Хвала, хвала тебе, оратай домовитый!
Твой вечереет век средь сча̀стливой семьи;
Ты сам, в тени дубрав, пасешь стада свои:
Супруга между тем трапезу учреждает,
Для омовенья ног сосуды нагревает
С кристальною водой. О, боги! если б я
Узрел еще мои родительски поля!
У светлого огня, с подругою младою,
Я б юность вспомянул за чашей круговою.
И были, и дела давно протекших дней!

Сын неба! светлый Мир! ты сам среди полей
Вола дебелого ярмом отягощаешь!
Ты благодать свою на нивы проливаешь,
И в отческий сосуд, наследие сынов,
Лиешь багряный сок из Вакховых даров.
В дни мира острый плуг и заступ нам священны,
А меч, кровавый меч и шлемы оперенны
Снедает ржавчина безмолвно на стенах.
Оратай из лесу там едет на волах
С женою и с детьми, вином развеселенный!
Дни мира, вы любви игривой драгоценны!
Под знаменем ее воюем с красотой.
Ты плачешь, Ливия? Но победитель твой,
Смотри! — у ног твоих, колена преклоняет.
Любовь коварная украдкой подступает,
И вот уж среди вас размолвивших сидит!
Пусть молния богов бесщадно поразит
Того, кто красоту обидел на сраженьи!
Но счастлив, если мог в минутном исступленьи
Венок на волосах каштановых измять
И пояс невзначай у девы развязать!
Счастлив, трикрат счастлив, когда твои угрозы
Исторгли из очей любви бесценны слезы!
А ты, взлелеянный средь копий и мечей,
Беги, кровавый Марс, от наших алтарей!

ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Вы, други, вы опять со мною
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах!

Други! сядьте и внемлите
Музы ласковой совет.
Вы счастливо жить хотите
На заре весенних лет?
Отгоните призрак славы!
Для веселья и забавы
Сейте розы на пути;
Скажем юности: лети!
Жизнью дай лишь насладиться,
Полной чашей радость пить:
Ах! не долго веселиться
И не веки в счастьи жить!

Но вы, о, други, вы со мною
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах.

Станем, други, наслаждаться,
Станем розами венчаться;
Лиза! сладко пить с тобой,
С нимфой резвой и живой!
Ах! обнимемся руками
Съединим уста с устами,
Души в пламени сольем,
То воскреснем, то умрем!..

Вы ль, други милые, со мною,
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах?

Я, любовью упоенной,
Вас забыл, мои друзья,
Как сквозь облак вижу темной

Чаши золотой края!...
Лиза розою пылает,
Грудь любовию полна,
Улыбаясь наливает
Чашу светлого вина.
Мы потопим горесть нашу,
Други! в эту полну чашу,
Выпьем разом и до дна
Море светлого вина!

Друзья! уж месяц над рекою,
Почили рощи сладким сном;
Но нам ли здесь искать покою
С любовью, с дружбой и вином?
О, радость! радость! Вакх веселой
Толпу утех сзывает к нам;
А тут в одежде легкой, белой
Эрато гимн поет друзьям:
«Часы крылаты! не летите,
И счастье мигом хоть продлите!»
Увы! бегут счастливы дни,
Бегут, летят стрелой они!
Ни лень, ни счастья наслажденья
Не могут их сдержать стремленья,
И время, сильною рукой,
Погубит радость и покой,
Луга веселые, зелены,
Ручьи кристальные и сад,
Где мшисты дубы, древни клены
Сплетают вечну тень прохлад, —
Ужель вас зреть не буду боле?
Ужели там, на ратном поле,
Судил мне рок сном вечным спать?
Свирель и чаша золотая
Там будут в прахе истлевать;
Покроет их трава густая.

Покроет, и ни чьей слезой
Забвенный прах не окропится...
Заране должно ли крушиться?
Умру, и всё умрет со мной!...
Но вы еще, друзья, со мною
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ N.

О, ты, которая была
Утех и радостей душою!
Как роза, некогда цвела
Небесной красотою;
Теперь оставлена, печальна и одна,
Сидя смиренно у окна,
Без песней, без похвал встречаешь день рожденья —
Прими от дружества сердечны сожаленья,
Прими и сердце успокой.
Что потеряла ты? Льстецов бездушных рой,
Пугалищей ума, достоинства и нравов:
Судей безжалостных, докучливых нахалов
Один был нежный друг... и он еще с тобой!

ПРОБУЖДЕНИЕ

Зефир последний свеял сон
С ресниц, окованных мечтами,
Но я — не к счастью пробужден
Зефира тихими крылами.
Ни сладость розовых лучей
Предтечи утреннего Феба,

Ни кроткий блеск лазури неба
Ни запах, веющий с полей,
Ни быстрый лет коня ретива
По скату бархатных лугов
И гончих лай и звон рогов
Вокруг пустынного залива —
Ничто души не веселит,
Души, встревоженной мечтами.
И гордый ум не победит
Любви холодными словами.

РАЗЛУКА

Напрасно покидал страну моих отцов.
Друзей души, блестящие искусства,
И в шуме грозных битв, под тению шатров
Старался усыпить встревоженные чувства.
Ах! небо чуждое не лечит сердца ран!
Напрасно я скитался
Из края в край, и грозный океан
Кругом меня роптал и волновался;
Напрасно, от брегов пленительных Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посещал развалины Москвы,
Москвы, где я дышал свободою прямою!
Напрасно я спешил от северных степей.
Холодным солнцем освещенных.
В страну. где Тирас бьет излучистой струей.
Сверкая между гор, Церерой позлащенных,
И древние поит народов племена.
Напрасно: всюду мысль преследует одна
О милой, сердцу незабвенной.
Которой имя мне священно,
Которой взор один лазоревых очей
Все — неба на земле — блаженства отверзает.

И слово, звук один, прелестный звук речей
Меня мертвит и оживляет.

ТАВРИДА

Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают,
И Фебовы лучи с любовью озаряют
Им древней Греции священные места.
Мы там, отверженные роком,
Равны несчастием, любовию равны,
Под небом сладостным полуденной страны
Забудем слезы лить о жребии жестоком;
Забудем имена Фортуны и честей.
В прохладе ясеней, шумящих над лугами,
Где кони дикие стремятся табунами
На шум студеных струй, кипящих под землей,
Где путник с радостью от зноя отдыхает
Под говором древес, пустынных птиц и вод, —
Там, там нас хижина простая ожидает,
Домашний ключ, цветы и сельский огород.
Последние дары Фортуны благосклонной,
Вас пламенны сердца приветствуют стократ!
Вы краше для любви и мраморных палат
Пальмиры севера огромной!
Весна ли красная блистает средь полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки,
Иль урну хладную вращая водолей,
Валит шумящий дождь, седый туман и мраки, —
О, радость! ты со мной встречаешь солнца свет
И, ложе счастия с денницей покидая,
Румяна и свежа, как роза полевая,
Со мною делишь труд, заботы и обед.
Со мной в час вечера, под кровом тихой ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи

Я вижу, голос твой я слышу, и рука
В твоей покоится всечасно.
Я с жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяных уст, и если хоть слегка
Летающий Зефир власы твои развеет
И взору обнажит снегам подобну грудь,
Твой друг не смеет и вздохнуть:
Потупя взор стоит, дивится и немеет.

СУДЬБА ОДИССЕЯ

Средь ужасов земли и ужасов морей
Блуждая, бедствуя, искал своей Итаки
Богобоязненный страдалец Одиссей;
Стопой бестрепетной сходил Аида в мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стон
Не потрясли души высокой.
Казалось, победил терпеньем рок жестокой
И чашу горести до капли выпил он;
Казалось, небеса карать его устали
И тихо сонного домчали
До милых родины давножеланных скал.
Проснулся он: и что ж? отчизны не познал

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

В полях блистает Май веселый!
Ручей свободно зажурчал,
И яркий голос Филомелы
Угрюмый бор очаровал:
Всё новой жизни пьет дыханье!
Певец любви, лишь ты уныл!
Ты смерти верной предвещанье
В печальном сердце заключил;
Ты бродишь слабыми стопами

В последний раз среди полей,
Прощаясь с ними и с лесами
Пустынной родины твоей.
«Простите, рощи и долины,
Родные реки и поля!
Весна пришла и час кончины
Неотразимой вижу я!
Так! Эпидавра прорицанье
Вещало мне: В последний раз
Услышишь горлиц воркованье
И Гальционы тихий глас:
Зазеленеют гибки лозы,
Поля оденутся в цветы.
Там первые увидишь розы
И с ними вдруг увянешь ты.
Уж близок час... Цветочки милы,
К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать;
Закройте путь к нему собою
От взоров дружбы навсегда.
Но если Делия с тоскою
К нему приближится, тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг пустынный небосклон
И томным листьев трепетаньем
Мой сладко очаруйте сон!»
В полях цветы не увядали,
И Гальционы в тихий час
Стенанья рощи повторяли;
А бедный юноша... погас!
И дружба слез не уронила
На прах любимца своего;
И Делия не посетила
Пустынный памятник его.
Лишь пастырь, в тихий час денницы

Как в поле стадо выгонял,
Унылой песнью возмущал
Молчанье мертвое гробницы.

К ГНЕДИЧУ

Только дружба обещает
Мне бессмертия венок;
Он приметно увядает,
Как от зноя василек.
Мне оставить ли для славы
Скромную стезю забавы?
Путь к забавам проложен:
К славе тесен и мудрен!
Мне ль за призраком гоняться.
Лавры с скукой собирать?
Я умею наслаждаться,
Как ребенок всем играть,
И счастлив!.. Досель цветами
Путь ко счастью устилал,
Пел, мечтал, подчас стихами
Горесть сердца услаждал.
Пел от лени и досуга;
Муза мне была подруга;
Не был ей порабощен.
А теперь — весна, как сон
Легкокрылый, исчезает
И с собою увлекает
Прелесть песней и мечты!
Нежны мирты и цветы,
Чем прелестницы венчали
Юного певца, — завяли!
Ах! ужели наградит
Слава счастия утрату
И ко дней моих закату
Как нарочно прилетит?

К ДАШКОВУ

Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары:
Врагов неистовых дела
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных.
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутьи видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаяньи рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил.
И там, — где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, — где с миром почивали
Останки иноков святых,
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, — где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, —
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..

А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирныя цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных Цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем —
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды Музы и Хариты,
Венки, рукой любови свиты,
И радость шумная в вине!

ИСТОЧНИК

Буря умолкла, и в ясной лазури
Солнце явилось на западе нам;
Мутный источник, след яростной бури
С ревом и с шумом бежит по полям!

Зафна! Приближься: для девы невинной
Пальмы под тенью здесь роза цветет;
Падая с камня, источник пустынной
С ревом и с пеной сквозь дебри течет!

Дебри ты, Зафна, собой озарила!
Сладко с тобою в пустынных краях!
Песни любови ты мне повторила;
Ветер унес их на тихих крылах!
Голос твой, Зафна, как утра дыханье,
Сладостно шепчет, несясь по цветам.
Тише, источник! прерви волнованье,
С ревом и с пеной стремясь по полям!

Голос твой, Зафна, в душе отозвался;
Вижу улыбку и радость в очах!..
Дева любви! — я к тебе прикасался,
С медом пил розы на влажных устах!
Зафна краснеет?.. О, друг мой невинной.
Тихо прижмися устами к устам!..
Будь же ты скромен, источник пустынной,
С ревом и с шумом стремясь по полям!

Чувствую персей твоих волнованье,
Сердца биенье и слезы в очах;
Сладостно девы стыдливой роптанье!
Зафна, о, Зафна!.. смотри... там в водах
Быстро несется цветок розмаринный;
Воды умчались — цветочка уж нет!
Время быстрее, чем ток сей пустынный,
С ревом который сквозь дебри течет!

Время погубит и прелесть и младость!..
Ты улыбнулась, о, дева любви!
Чувствуешь в сердце томленье и сладость,
Сильны восторги и пламень в крови!..

Зафна, о, Зафна! — там голубь невинной
С страстной подругой завидуют нам...
Вздохи любови — источник пустынной
С ревом и с шумом умчит по полям!

НА СМЕРТЬ СУПРУГИ Ф. Ф. КОКОШКИНА

Nell'età sua più bella e più fiorita...
... E viva, e bella al ciel salita.

Petrarca

Нет подруги нежной, нет прелестной Лилы!
Всё осиротело!
Плачь, любовь и дружба, плачь, Гимен унылый!
Счастье улетело!

Дружба! ты всечасно радости цветами
Жизнь ее дарила;
Ты свою богиню с воплем и слезами
В землю положила.

Ты печальны тисы, кипарисны лозы
Насади вкруг урны!
Пусть приносит юность в дар чистейший слезы
И цветы лазурны!

Всё вокруг уныло! Чуть Зефир весенний
Памятник лобзает;
Здесь, в жилище плача, тихий смерти Гений
Розу обрывает.

Здесь Гимен, прикован, бледный и безгласный,
Вечною тоскою,
Гасит у гробницы свой светильник ясный
Трепетной рукою!

ПЛЕННЫЙ

В местах, где Рона протекает
По бархатным лугам,
Где мирт душистый расцветает,
Склонясь к ее водам,
Где на горах роскошно зреет
Янтарный виноград,
Златый лимон на солнце рдеет,
И яворы шумят, —

В часы вечерния прохлады
Любуяся рекой,
Стоял, склоня на Рону взгляды
С глубокою тоской,
Добыча брани, Русской пленный,
Придонских честь сынов,
С полей победы похищенный
Один — толпой врагов.

«Шуми — он пел — волнами, Рона,
И жатвы орошай,
Но плеском волн — родного Дона
Мне шум напоминай!
Я в праздности теряю время;
Душою в людстве сир;
Мне жизнь — не жизнь, без славы — бремя,
И пуст прекрасный мир!

Весна вокруг живит природу,
Яснеет солнца свет,
Всё славит счастье и свободу,
Но мне свободы нет!
Шуми, шуми волнами, Рона,
И мне воспоминай
На берегах родного Дона
Отчизны милый край!

Здесь прелесть — сельские девицы!
Их взор огнем горит
И сквозь потупленны ресницы
Мне радости сулит.
Какие радости в чужбине?
Они в родных краях;
Они цветут в моей пустыне
И в дебрях и в снегах.

Отдайте ж мне мою свободу!
Отдайте край отцов,
Отчизны вьюги, непогоду,
На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!
Ах! дайте мне коня;
Туда помчит он быстрым бегом
И день и ночь меня!

На родину, в сей терем древний,
Где ждет меня краса
И под окном, в часы вечерни,
Глядит на небеса;
О друге тайно помышляет...
Иль робкою рукой
Коня ретивого ласкает,
Тебя, соратник мой!

Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвы орошай;
Но плеском волн — родного Дона
Мне шум напоминай!
О ветры, с полночи летите
От родины моей,
Вы звезды севера, горите
Изгнаннику светлей!» —

Так пел наш пленник одинокой
В виду Лионских стен,
Где юноше судьбой жестокой
Назначен долгий плен.
Он пел — у ног сверкала Рона,
В ней месяц трепетал,
И на златых верхах Лиона
Луч солнца догарал.

ГЕЗИОД И ОМИР — СОПЕРНИКИ

Посвящено А. Н. О. Любителю древности

Народы, как волны, в Халкиду текли,
Народы счастливой Эллады!
Там сильный владыка, над прахом отца
Окончa печальны обряды,
Ристалище славы бойцам отверзал.
Три раза с румяной денницей
Бойцы выступали с бойцами на бой;
Три раза стремили возницы
Коней легконогих по звонким полям,
И трижды владетель Халкиды
Достойным оливны венки раздавал.
Но солнце на лоно Фетиды
Склонялось, и новый готовился бой. —
Очистите поле, возницы!
Спешите! Залейте студеной струей
Пылающи оси и спицы,
Коней отрешите от тягостных уз
И в стойлы прохладны ведите;
Вы пылью и потом покрыты, бойцы,
При пламени светлом вздохните,
Внемлите народы, Эллады сыны,
Высокие песни внемлите!

Пройдя из края в край гостеприимный мир,
Летами древними и роком удрученный,
Здесь песней царь. Омир,
И юный Гезиод, Каменам драгоценный,
Вступают в славный бой.
Колебля маслину священную рукой,
Певец Аскреи гимн высокой начинает
(Он с лирой никогда свой глас не сочетает).

Гезиод

Безвестный юноша с стадами я бродил
Под тенью пальмовой близь чистой Ипокрены,
Там пастыря нашли прелестные Камены,
И я в обитель их священную вступил.

Омир

Мне снилось в юности: орел громометатель
От Мелеса меня играючи унес
На край земли, на край небес,
Вещая: ты земли и неба обладатель.

Гезиод

Там лавры хижину простую осенят,
В пустынях процветут Темпейские долины,
Куда вы бросите свой благотворный взгляд,
О, нежны дочери суровой Мнемозины!

Омир

Хвала отцу богов! Как ясный свод небес
Над царством высится плачевного Эреба,
Как радостный Олимп стоит превыше неба,—
Так выше всех богов, властитель их, Зевес!..

Гезиод

В священном сумраке, в сиянии Дианы,
Вы, Музы, любите сплетаться в хоровод
Или, торжественный в Олимп свершая ход,
С бессмертными вкушать напиток Гебы рьяный...

Омир

Не знает смерти он: кровь алая тельцов
Не брызнет под ножом над Зевсовой гробницей;
И кони бурные со звонкой колесницей
Пред ней не будут прах крутить до облаков.

Гезиод

А мы все смертные, все Паркам обреченны,
Увидим области подземного царя
И реки спящие, Тенаром заключенны,
Не льющи дань свою в бездонные моря.

Омир

Я приближаюся к мете сей неизбежной.
Внемли, о, юноша! ты пел Труды и Дни...
Для старца ветхого уж кончились они!

Гезиод

Сын дивный Мелеса! И лебедь белоснежной
На синем Стримоне, провидя страшный час,
Не слаще твоего поет в последний раз!
Твой гений проницал в Олимп: и вечны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги.
И что ж? В юдоли сей страдалец искони,
Ты роком обречен в печалях кончить дни.
Певец божественный, скитаяся как нищий,
В печальном рубище, без крова и без пищи,
Слепец всевидящий! ты будешь проклинать
И день, когда на свет тебя родила мать!

Омир

Твой глас подобится амврозии небесной,
Что Геба юная сапфирной чашей льет.
Певец! в устах твоих Поэзии прелестной
Сладчайший Ольмия благоухает мед.
Но... Муз любимый жрец!.. страшись руки злодейской
Страшись любви, страшись Эвбеи берегов.
Твой близок час: увы! тебя Зевес Немейской,
Как жертву славную готовит для врагов.

Умолкли. Облако печали
Покрыло очи их... Народ рукоплескал.
Но снова сладкий бой Поэты начинали
При шуме радостных похвал.
Омир, возвыся глас, воспел народов брани,
Народов, гибнущих по прихоти царей;
Приама древнего, с мольбой несуща дани
Убийце грозному и кровных, и детей;
Мольбу смиренную и быструю Обиду,
Харит и легких Ор, и страшную Эгиду,
Нептуна области, Олимп и дикий Ад.
А юный Гезиод, взлелеянный Парнасом,
С чудесной прелестью воспел веселым гласом
Весну, роскошную — сопутницу Гиад;
Как Феб торжественно вселенну обтекает,
Как дни и месяцы родятся в небесах;
Как нивой золотой Церера награждает
Труды годичные оратая в полях.
Заботы сладкие при сборе винограда;
Тебя, желанный Мир, лелеятель долин,
Благословенных сел и пастырей, и стада
Он пел. И слабый царь, Халкиды властелин,
От самой юности воспитанный средь мира,
Презрел высокий гимн бессмертного Омира,
И пальму первенства сопернику вручил.
Счастливый Гезиод в награду получил
За песни, мирною Каменой вдохновенны,
Сосуды сребряны, треножник позлащенный
И черного овна, красу веселых стад.
За ним, пред ним сыны Ахейские, как волны,
На край ристалища обширного спешат.
Где победитель сам, благоговенья полный,
При возлияниях, овна младую кровь
Довременно богам подземным посвящает,
И Музам светлые сосуды предлагает,
Как дар, усердный дар певца за их любовь.

До самой старости преследуемый роком,
Но духом царь, не раб разгневанной судьбы.
Омир скрывается от суетной толпы,
Снедая грусть свою в молчании глубоком
Рожденный в Самосе убогий сирота
Слепца из края в край, как сын усердный водит;
Он с ним пристанища в Элладе не находит...
И где найдут его талант и нищета?

К ДРУГУ

Скажи, мудрец младой, что прочно на земли?
Где постоянно жизни счастье?
Мы область призраков обманчивых прошли,
Мы пили чашу сладострастья.

Но где минутный шум веселья и пиров?
В вине потопленные чаши?
Где мудрость светская сияющих умов?
Где твой Фалерн и розы наши?

Где дом твой, счастья дом?.. Он в буре бед исчез,
И место поросло крапивой;
Но я узнал его: я сердца дань принес
На прах его красноречивой.

На нем, когда окрест замолкнет шум градской
И яркий Веспер засияет
На темном севере, твой друг в тиши ночной
В душе задумчивость питает.

От самой юности служитель алтарей
Богини неги и прохлады,
От пресыщения, от пламенных страстей,
Я сердцу в ней ищу отрады.

Поверишь ли? я здесь, на пепле храмин сих,
Венок веселия слагаю
И часто в горести, в волненьи чувств моих,
Потупя взоры, восклицаю:

Минутны странники, мы ходим по гробам,
Все дни утратами считаем,
На крыльях радости летим к своим друзьям. —
И что ж?.. их урны обнимаем.

Скажи, давно ли здесь, в кругу твоих друзей
Сияла Лила красотою?
Благие небеса, казалось, дали ей
Всё счастье смертной под луною:

Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи, и ланиты,
Чело открытое одной из важных Муз
И прелесть девственной Хариты.

Ты сам, забыв и свет, и тщетный шум пиров,
Ее беседой наслаждался
И в тихой радости, как путник средь песков,
Прелестным цветом любовался.

Цветок, увы! исчез, как сладкая мечта!
Она в страданиях почила
И, с миром в страшный час прощаясь навсегда...
На друге взор остановила.

Но дружба, может быть, ее забыла ты!..
Веселье слезы осушило,
И тень чистейшую дыханье клеветы
На лоне мира возмутило.

Так всё здесь суетно в обители сует!
Приязнь и дружество непрочно! —

Но где, скажи, мой друг, прямой сияет свет?
Что вечно чисто, непорочно?

Напрасно вопрошал я опытность веков
И Клии мрачные скрижали,
Напрасно вопрошал всех мира мудрецов:
Они безмолвны пребывали.

Как в воздухе перо кружится здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,
Как судно без руля стремится по волнам
И вечно пристани не знает, —

Так ум мой посреди сомнений погибал.
Все жизни прелести затмились:
Мой Гений в горести светильник погашал,
И Музы светлые сокрылись.

Я с страхом вопросил глас совести моей...
И мрак исчез, прозрели вежды:
И вера пролила спасительный елей
В лампаду чистую надежды.

Ко гробу путь мой весь, как солнцем, озарен:
Ногой надежною ступаю
И, с ризы странника свергая прах и тлен,
В мир лучший духом возлетаю.

МЕЧТА

Подруга нежных Муз, посланница небес,
Источник сладких дум и сердцу милых слез,
Где ты скрываешься, Мечта, моя богиня?

Где тот счастливый край, та мирная пустыня,
К которым ты стремишь таинственный полет?
Иль дебри любишь ты, сих грозных скал хребет,
Где ветр порывистый и бури шум внимаешь?
Иль в Муромских лесах задумчиво блуждаешь,
Когда на западе зари мерцает луч,
И хладная луна выходит из-за туч?
Или, влекомая чудесным обаяньем
В места, где дышит всё любви очарованьем
Под тенью яворов ты бродишь по холмам,
Студеной пеною Воклюза орошенным?
Явись, богиня, мне, и с трепетом священным
Коснуся я струнам
Тобой одушевленным!
Явися! ждет тебя задумчивый Пиит,
В безмолвии ночном седящий у лампады
Явись и дай вкусить сердечныя отрады!
Любимца твоего, любимца Аонид,
И горесть сладостна бывает:
Он в горести *мечтает*.

То вдруг он пренесен во Сельмские леса,
Где ветр шумит, ревет гроза,
Где тень Оскарова, одетая туманом,
По небу стелется над пенным океаном,
То, с чашей радости в руках,
Он с Бардами поет: и месяц в облаках,
И Кромлы шумный лес безмолвно им внимает,
И эхо по горам песнь звучну повторяет.

Или в полночный час
Он слышит Скальдов глас
Прерывистый и томный.
Зрит: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоят кругом костров,
Зажженных в поле брани;

И древний царь певцов
Простер на арфу длани.
Могилу указав, где вождь героев спит
«Чья тень, чья тень, — гласит
В священном исступленьи, —
Там с девами плывет в туманных облаках?
Се ты. младый Иснель, иноплеменных страх,
Днесь падший на сраженьи!
Мир, мир тебе, герой!
Твоей секирою стальной
Пришельцы гордые разбиты:
Но сам ты пал на грудах тел,
Пал витязь знаменитый
Под тучей вражьих стрел!..
Ты пал! И над тобой посланницы небесны,
Валкирии прелестны,
На белых, как снега Биармии, конях.
С златыми копьями в руках
В безмолвии спустились!
Коснулись до зениц копьем своим, и вновь
Глаза твои открылись!
Течет по жилам кровь
Чистейшего эфира;
И ты, бесплотный дух,
В страны безвестны мира
Летишь стрелой... и вдруг —
Открылись пред тобой те радужны чертоги.
Где уготовали для сонма храбрых боги
Любовь и вечный пир.
При шуме горних вод и тихострунных лир.
Среди полян и свежих сеней,
Ты будешь поражать там скачущих еленей
И златорогих серн.
Склонясь на злачный дерн,
С дружиною младою,
Там снова с арфой золотою

В восторге Скальд поет
О славе древних лет,
Поет, и храбрых очи,
Как звезды гихой ночи,
Утехою блестят.
Но вечер притекает,
Час неги и прохлад,
Глас Скальда замолкает.
Замолк — и храбрых сонм
Идет в Оденов дом,
Где дочери Веристы,
Власы свои душисты
Раскинув по плечам,
Прелестницы младые,
Всегда полунагие,
На пиршества гостям
Обильны яства носят
И пить умильно просят
Из чаши сладкий мед...» —
Так древний Скальд поет,
Лесов и дебрей сын угрюмый:
Он счастлив, погрузясь о счастьи в сладки думы!

О, сладкая Мечта! О, неба дар благой!
Средь дебрей каменных, средь ужасов природы,
Где плещут о скалы Ботнические воды,
В краях изгнанников... я счастлив был тобой.
Я счастлив был, когда в моем уединеньи
Над кущей рыбаря, в час полночи немой,
Раздастся ветров свист и вой,
И в кровлю застучит и град, и дождь осенний.
Тогда на крылиях Мечты
Летал я в поднебесной,
Или, забывшися на лоне красоты,
Я сон вкушал прелестной
И, счастлив наяву, был счастлив и в мечтах!

Волшебница моя! дары твои бесценны
    И старцу в лета охлажденны,
С котомкой нищему и узнику в цепях.
Заклепы страшные с замками на дверях,
Соломы жесткий пук, свет бледный пепелища,
Изглоданный сухарь, мышей тюремных пища,
    Сосуды глиняны с водой, —
    Всё, всё украшено тобой!...
Кто сердцем прав, того ты век не покидаешь:
    За ним во все страны летаешь
И счастием даришь любимца своего.
Пусть миром позабыт! Что нужды для него?
Но с ним задумчивость, в день пасмурный, осенний,
    На мирном ложе сна,
    В уединенной сени,
    Беседует одна.
О, тайных слез неизъяснима сладость!
Что пред тобой сердец холодных радость,
    Веселий шум и блеск честей
Тому, кто ничего не ищет под луною,
    Тому, кто сопряжен душою
С могилою давно утраченных друзей!

    Кто в жизни не любил?
    Кто раз не забывался,
    Любя, мечтам не предавался
    И счастья в них не находил?
    Кто в час глубокой ночи,
Когда невольно сон смыкает томны очи,
Всю сладость не вкусил обманчивой мечты?
    Теперь, любовник, ты
На ложе роскоши с подругой боязливой,
Ей шепчешь о любви и пламенной рукой
Снимаешь со груди ее покров стыдливой,
Теперь блаженствуешь и счастлив ты — Мечтой!

Ночь сладострастия тебе дает призраки
И нектаром любви кропит ленивы маки.

Мечтание — душа Поэтов и стихов
И едкость сильная веков
Не может прелестей лишить Анакреона,
Любовь еще горит во пламенных мечтах
Любовницы Фаона
А ты, лежащий на цветах
Меж Нимф и сельских Граций.
Певец веселия, Гораций!
Ты сладостно мечтал,
Мечтал среди пиров и шумных, и веселых.
И смерть угрюмую цветами увенчал!
Как часто в Тибуре, в сих рощах устарелых
На скате бархатных лугов,
В счастливом Тибуре, в твоем уединеньи,
Ты ждал Глицерию, и в сладостном забвеньи
Томимый негою на ложе из цветов,
При воскурении мастик благоуханных,
При пляске Нимф венчанных.
Сплетенных в хоровод.
При отдаленном шуме
В лугах журчащих вод,
Безмолвен, в сладкой думе
Мечтал... и вдруг, Мечтой
Восторжен сладострастной,
У ног Глицерии стыдливой и прекрасной
Победу пел любви
Над юностью беспечной
И первый жар в крови,
И первый вздох сердечной
Счастливец! воспевал
Цитерские забавы
И все заботы славы
Ты ветрам отдавал!

Ужели в истинах печальных
Угрюмых Стоиков и скучных мудрецов,
Сидящих в платьях погребальных
Между обломков и гробов,
Найдем мы жизни нашей сладость? —
От них, я вижу, радость
Летит, как бабочка, от терновых кустов;
Для них нет прелести и в прелестях природы.
Им девы не поют, сплетяся в хороводы:
Для них, как для слепцов,
Весна без радости и лето без цветов...
Увы! но с юностью исчезнут и мечтанья.
Исчезнут Граций лобызанья,
Надежда изменит и рой крылатых снов.
Увы! там нет уже цветов,
Где тусклый опытность светильник зажигает,
И время старости могилу открывает.

Но ты — пребудь верна, живи еще со мной!
Ни свет ни славы блеск пустой,
Ничто даров твоих для сердца не заменит!
Пусть дорого глупец сует блистанье ценит,
Лобзая прах златый у мраморных палат, —
Но я и счастлив, и богат,
Когда снискал себе свободу и спокойство.
А от сует ушел забвения тропой!
Пусть будет навсегда со мной
Завидное Поэтов свойство:
Блаженство находить в убожестве Мечтой!
Их сердцу малость драгоценна.
Как пчелка, медом отягченна,
Летает с травки на цветок.
Считая морем ручеек,
Так хижину свою Поэт дворцом считает
И счастлив — *он мечтает*.

ПОСЛАНИЯ

МОИ ПЕНАТЫ

Послание к Жуковскому и Вяземскому

Отечески Пенаты,
О, пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новосельи
Смиренно здесь и там
Расставил по углам;
Где странник я бездомный,
Всегда в желаньях скромный,
Сыскал себе приют.
О, боги! будьте тут
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный фимиам
Поэт приносит вам;
Но слезы умиленья,
Но сердца тихий жар
И сладки песнопенья,
Богинь Пермесских дар!
О, Лары! уживитесь
В обители моей,

Мои Пенаты

Посланіе къ Ж. и В. 1811

Calme heureux, loisir solitaire,
Quand on jouit de ta douceur,
Quel antre n'a pas de quoi plaire?
Quelle caverne est étrangère
Lorsqu'on y trouve le bonheur?

La Chartreuse.

Отечески Пенаты
О пестуны мои!
Вы златомъ не богаты,
Но любите свои
Норы, и темны кельи
Гдѣ васъ на новосельи,
Смиренно здѣсь и тамъ
Расставилъ по угламъ.
Гдѣ странникъ я бездомной,
Всегда въ желаньяхъ скромной
Сыскалъ себѣ пріютъ
О боги! будьте тутъ
Доступны, благосклонны.
Не вина благовонны
Не тучный фиміамъ
Поэтъ приноситъ вамъ,
Но слезы умиленья,
Но сердца тихой жаръ
И сладки песнопенья,
Богинь Пермесскихъ даръ!
О Лары! уживитесь
Въ обители моей.
Поэту улыбнитесь —
И будетъ щастливъ въ ней!..

«Мои пенаты». Автограф

(Ленингр. Публичн. библиотека)

Поэту улыбнитесь —
И будет счастлив в ней!...
В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхой и треногой
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полузаржавый
Меч прадедов тупой:
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель —
Всё утвари простые,
Всё рухлая скудель!
Скудель!.. Но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!...

Отеческие боги!
Да к хижине моей
Не сыщет ввек дороги
Богатство с суетой,
С наемною душой
Развратные счастливцы.
Придворные друзья
И бледны горделивцы,
Надутые князья!
Но ты, о, мой убогой
Калека и слепой,
Идя путем-дорогой
С смиренною клюкой,
Ты смело постучися,
О, воин, у меня,
Войди и обсушися
У яркого огня.
О, старец, убеленный

Годами и трудом,
Трикраты уязвленный
На приступе штыком!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя с нагайкой,
Что в жупел и в огни
Летал перед полками,
Как вихорь на полях.
И вкруг его рядами
Враги ложились в прах!...
И ты, моя Лилета,
В смиренный уголок
Приди под вечерок
Тайком переодета!
Под шляпою мужской
И кудри золотые,
И очи голубые,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащ широкой,
Мечом вооружись
И в полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла — наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущенны
Взвевают по плечам,
И грудь ее открылась
С лилейной белизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вот с улыбкой нежной
Садится у огня,
Рукою белоснежной
Склонившись на меня,
И алыми устами.

Как ветер меж листами.
Мне шепчет: «я твоя,
Твоя, мой друг сердечной!..»
Блажен в сени беспечной
Кто милою своей,
Под кровом от ненастья,
На ложе сладострастья,
До утренних лучей
Спокойно обладает,
Спокойно засыпает
Близь друга сладким сном!...

Уже потухли звезды
В сиянии дневном,
И пташки теплы гнезды,
Что свиты над окном,
Щебеча покидают
И негу отрясают
Со крылышек своих;
Зефир листы колышет,
И всё любовью дышет
Среди полей моих;
Всё с утром оживает,
А Лила почивает
На ложе из цветов...
И ветер тиховейной
С груди ее лилейной
Сдул дымчатый покров...
И в локоны златые
Две розы молодые
С нарциссами вплелись;
Сквозь тонкие преграды
Нога, ища прохлады,
Скользит по ложу вниз...
Я Лилы пью дыханье
На пламенных устах,

Как роз благоуханье,
Как нектар на пирах!...
Покойся, друг прелестной,
В объятиях моих!
Пускай в стране безвестной,
В тени лесов густых,
Богинею слепою
Забыт я от пелен,
Но дружбой и тобою
С избытком награжден!
Мой век спокоен, ясен:
В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой:
Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!

Без злата и честей
Доступен добрый Гений
Поэзии святой,
И часто в мирной сени
Беседует со мной.
Небесно вдохновенье,
Порыв крылатых дум!
(Когда страстей волненье
Уснет... и светлый ум,
Летая в поднебесной,
Земных свободен уз,
В Аонии прелестной
Сретает хоры Муз!)
Небесно вдохновенье,
Зачем летишь стрелой
И сердца упоенье
Уносишь за собой? —
До розовой денницы
В отрадной тишине,
Парнасские царицы,

Подруги будьте мне!
Пускай веселы тени
Любимых мне певцов,
Оставя тайны сени
Стигийских берегов
Иль области эфирны,
Воздушною толпой
Слетят на голос лирный
Беседовать со мной!...
И мертвые с живыми
Вступили в хор един!...
Что вижу? ты пред ними,
Парнасский исполин,
Певец героев, славы,
В след вихрям и громам,
Наш лебедь величавый,
Плывешь по небесам.
В толпе и Муз, и Граций,
То с лирой, то с трубой,
Наш Пиндар, наш Гораций
Сливает голос свой.
Он громок, быстр и силен,
Как Суна средь степей,
И нежен, тих, умилен,
Как вешний соловей.
Фантазии небесной
Давно любимый сын,
То повестью прелестной
Пленяет Карамзин,
То мудрого Платона
Описывает нам
И ужин Агатона,
И наслажденья храм,
То древню Русь и нравы
Владимира времян,
И в колыбели Славы

Рождение Славян.
За ними Сильф прекрасной,
Воспитанник Харит,
На цитре сладкогласной
О Душеньке бренчит;
Мелецкого с собою
Улыбкою зовет
И с ним, рука с рукою
Гимн радости поет!...
С Эротами играя,
Философ и Пиит,
Близь Федра и Пильпая
Там Дмитриев сидит;
Беседуя с зверями,
Как счастливый дитя,
Парнасскими цветами
Скрыл истину шутя.
За ним в часы свободы
Поют среди певцов
Два баловня природы.
Хемницер и Крылов.
Наставники-Пииты,
О, Фебовы жрецы!
Вам, вам плетут Хариты
Бессмертные венцы!
Я вами здесь вкушаю
Восторги Пиерид,
И в радости взываю:
О, Музы! я Пиит!

А вы, смиренной хаты
О, Лары и Пенаты!
От зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье
И негу, и покой!

Фортуна прочь с дарами
Блистательных сует!
Спокойными очами
Смотрю на твой полет:
Я в пристань от ненастья
Челнок мой проводил
И вас, любимцы счастья,
Навеки позабыл...
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важных Муз,
Беспечные счастливцы,
Философы-ленивцы,
Враги придворных уз,
Друзья мои сердечны!
Придите в час беспечный
Мой домик навестить —
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Жуковский добрый мой!
Стрелою мчится время,
Веселие стрелой!
Позволь же дружбе слезы
И горесть усладить
И счастья блеклы розы
Эротам оживить.
О, Вяземский! цветами
Друзей твоих венчай.
Дар Вакха перед нами:
Вот кубок — наливай!
Питомец Муз надежный,
О, Аристиппов внук!
Ты любишь песни нежны
И рюмок звон и стук!
В час неги и прохлады
На ужинах твоих

Ты любишь томны взгляды
Прелестниц записных.
И все заботы славы,
Сует и шум, и блажь,
За быстрый миг забавы
С поклонами отдашь.
О! дай же ты мне руку.
Товарищ в лени мой,
И мы... потопим скуку
В сей чаше золотой!
Пока бежит за нами
Бог времени седой
И губит луг с цветами
Безжалостной косой,
Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем
И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой
Под лезвеем косы
И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы!
Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядут,
И нас в обитель нощи
Ко прадедам снесут, —
Товарищи любезны!
Не сетуйте о нас.
К чему рыданья слезны,
Наемных ликов глас?
К чему сии куренья
И колокола вой,
И томны псалмопенья
Над хладною доской?
К чему?... Но вы толпами
При месячных лучах

Сберитесь и цветами
Усейте мирный прах;
Иль бросьте на гробницы
Богов домашних лик.
Две чаши, две цевницы
С листами повилик:
И путник угадает
Без надписей златых,
Что прах тут почивает
Счастливцев молодых!

ПОСЛАНИЕ Г. ВЕЛЕУРСКОМУ

О, ты, владеющий гитарой Трубадура,
Эраты голосом и прелестью Амура,
Воспомни, милый граф, счастливы времена,
Когда нас юношей увидела Двина!
Когда, отвоевав под знаменем Беллоны,
Под знаменем Любви я начал воевать
И новый регламент и новые законы
В глазах прелестницы читать!
Заря весны моей! тебя как не бывало!
Но сердце в той стране с любовью отдыхало,
Где я узнал тебя, мой нежный Трубадур!
Обетованный край! где ветреный Амур
Прелестным личиком любезный пол дарует,
Под дымкой на груди лилеи образует
(Какими б и у нас гордилась красота!),
Вливает томный огнь и в очи, и в уста,
А в сердце юное любви прямое чувство.
Счастливые места, где нравиться искусство
Не нужно для мужей,
Сидящих с трубками вкруг угольных огней
За сыром выписным, за Гамбургским журналом,
Меж тем как жены их, смеясь под опахалом,

«Люблю, люблю тебя!» пришельцу говорят
И руку жмут ему коварными перстами!

О, мой любезный друг! отдай, отдай назад
Зарю прошедших дней и с прежними бедами.
С любовью и войной!
Или, волшебник мой,
Одушеви мое музыкой песнопенье;
Вдохни огонь любви в холодные слова,
Еще отдай стихам потерянны права
И камни приводить в движенье,
И горы, и леса!
Тогда я с Сильфами взлечу на небеса
И тихо, как призрак, как луч от неба ясный,
Спущусь на берега пологие Двины
С твоей гитарой сладкогласной:
Коснусь волшебныя струны,
Коснусь... и Нимфы гор при месячном сияньи,
Как тени легкие в прозрачном одеяньи,
С Сильванами сойдут услышать голос мой.
Наяды робкие, всплывая над водой,
Восплещут белыми руками,
И Майский ветерок, проснувшись на цветах
В прохладных рощах и садах,
Повеет тихими крылами:
С очей прелестных дев он свеет тонкий сон,
Отгонит легки сновиденья
И тихим шопотом им скажет: «Это он!
Вы слышите его знакомы песнопенья!»

ПОСЛАНИЕ К ТУРГЕНЕВУ

О, ты, который средь обедов,
Среди веселий и забав
Сберег для дружбы кроткий нрав,
Для дел — характер честный дедов!

О, ты, который при дворе.
В чаду успехов или счастья,
Найти умел в одном добре
Души прямое сладострастье!
О, ты, который с похорон
На свадьбы часто поспеваешь.
Но, бедного услыша стон
Ушей не затыкаешь!
Услышь, мой верный доброхот,
Певца смиренного моленье,
Доставь крупицу от щедрот
Сироткам двум на прокормленье!
Замолви слова два за них
Красноречивыми устами:
Лишь дайте им! промолви — вмиг
Они очутятся с рублями.
Но кто *они?* — Скажу точь в точь
Всю повесть их перед тобою.
Они — вдова и дочь.
Чета, забытая судьбою.
Жил некто в мире сем Попов,
Царя усердный воин.
Был беден. Умер. От долгов
Он следственно спокоен.
Но в мире он забыл жену
С грудным ребенком; и одну
Суму оставил им в наследство...
Но здесь не всё для бедных бедство!
Им добры люди помогли,
Согрели, накормили
И, словом, как могли,
Сироток приютили.
Прекрасно! славно! — спору нет!
Но... здешний свет
Не рай — мне сказывал мой дед
Враги нахлынули рекою

С землей сравнялася Москва...
И бедная вдова
Опять пошла с клюкою...
А между тем всё дочь растет,
И нужды с нею подрастают.
День за день всё идет, идет,
Недели, месяцы мелькают;
Старушка клонится, а дочь
Пышнее розы расцветает,
И стала... Грация точь в точь!
Прелестный взор, глаза большие,
Румянец Флоры на щеках,
И кудри льняно-золотые
На алебастровых плечах.
Что слово молвит — то приятство,
Что ни наденет — всё к лицу!
Краса — увы! — ее богатство
И всё приданое к венцу,
А крохи нет насущной хлеба
Тургенев, друг наш! Ради неба —
Приди на помощь красоте,
Несчастию и нищете!
Они пред образом, конечно,
Затеплят чистую свечу, —
За чье здоровье — умолчу:
Ты угадаешь друг сердечной!

ОТВЕТ ГНЕДИЧУ

Твой друг тебе навек отныне
С рукою сердце отдает;
Он отслужил слепой богине,
Бесплодных матери сует.
Увы, мой друг! я в дни младые

Цирцеям также отслужил:
В карманы заглянул пустые.
Покинул мирт и меч сложил.
Пускай, кто честолюбьем болен.
Бросает с Марсом огнь и гром:
Но я — безвестностью доволен
В *Сабинском* домике моем!
Там глиняны свои Пенаты
Под сенью дружней съединим.
Поставим брашны небогаты
А дни мечтой позолотим.
И если к нам любовь заглянет
В приют, где дружбы храм святой...
Увы! твой друг не перестанет
Еще ей жертвовать собой! —
Как гость, весельем пресыщенный,
Роскошный покидает пир,
Так я, любовью упоенный,
Покину равнодушно мир!

К ЖУКОВСКОМУ

Прости, Балладник мой
Белёва мирный житель!
Да будет Феб с тобой,
Наш давний покровитель!
Ты счастлив средь полей
И в хижине укромной.
Как юный соловей
В прохладе рощи темной
С любовью дни ведет,
Гнезда не покидая,
Невидимый поет,
Невидимо пленяя
Веселых пастухов

И жителей пустынных, —
Так ты, краса певцов,
Среди забав невинных,
В отчизне золотой
Прелестны гимны пой!
О! пой, любимец счастья,
Пока веселы дни
И розы сладострастья
Кипридою даны,
И роскошь золотая,
Все блага рассыпая
Обильною рукой,
Тебе подносит вины
И портер выписной,
И сочны апельсины,
И с трюфлями пирог —
Весь Амальтеи рог,
Вовек неистощимый,
На жирный твой обед!
А мне... покоя нет!
Смотри! неумолимый
Домашний Гипократ,
Наперсник Парки бледной,
Попов слуга усердной,
Чуме и Смерти брат,
Поклявшися латынью
И практикой своей,
Поит меня полынью
И супом из костей;
Без дальнего старанья
До смерти запоит
И к вам писать посланья
Отправит за Коцит!
Всё в жизни изменило,
Что сердцу сладко льстило:
Всё, всё прошло, как сон:

Здоровье легкокрыло,
Любовь и Аполлон!
Я стал подобен тени,
К смирению сердец,
Сух, бледен. как мертвец;
Дрожат мои колени
Спина дугой к земле
Глаза потухли, впали,
И скорби начертали
Морщины на челе;
Навек исчезла сила
И доблесть прежних лет.
Увы! мой друг, и Лила
Меня не узнает.
Вчера с улыбкой злою
Мне молвила она
(Как древле Громобою
Коварный Сатана):
«Усопший! мир с тобою!
Усопший, мир с тобою!» —
Ах! это ли одно
Мне роком суждено
За древни прегрешенья?..
Нет, новые мученья,
Достойные бесов!
Свои стихотворенья
Читает мне Свистов:
И с ним певец досужий,
Его покорный бес,
Как он, на рифмы дюжий,
Как он, головорез!
Поют и напевают,
С ночи до бела дня;
Читают и читают
И до смерти меня
Убийцы зачитают!

ОТВЕТ ТУРГЕНЕВУ

Ты прав! Поэт не лжец,
Красавиц воспевая.
Но часто наш певец,
В восторге утопая,
Рассудка строгий глас
Забудет для Армиды,
Для двух коварных глаз;
Под знаменем Киприды
Сей новый Дон-Кишот
Проводит век с мечтами:
С химерами живет,
Беседует с духами,
С задумчивой луной,
И мир смешит собой!
Для света равнодушен
Для славы и честей
Одной любви послушен.
Он дышет только ей.
Везде с своей мечтою.
В столице и в полях
С поникшей головою.
С унынием в очах.
Как призрак бледный бродит.
Одно твердит, поет:
Любовь, любовь зовет...
И рифмы лишь находит!
Так! верно Аполлон
Давно с любовью в ссоре,
И мститель Купидон
Судил Поэтам горе.
Все Нимфы строги к нам
За наши псалмопенья,
Как Дафна к богу пенья;
Мы лавр находим там

Иль кипарис печали
Где счастья роз искали
Цветущих не для нас.
Взгляните на Парнас:
Любовник строгой Лоры
Там в горести погас:
Скалы и дики горы
Его лишь знали гла
На берегах Воклюзы
Там Душеньки певец
Любимец нежный Музы
И пламенных сердец,
Любил, вздыхал всечасно
Везде искал мечты:
Но лирой сладкогласной
Не тронул красоты.
Лесбосская певица,
Прекрасная в женах,
Любви и Феба жрица
Дни кончила в волнах...
И я — клянусь глазами
Которые стихами
Мы взапуски поем,
Клянуся Хлоей в том
Что русские Поэты
Давно б на берег Леты
Толпами перешли,
Когда б скалу Левкада
В болота Петрограда
Судьбы перенесли!

К ПЕТИНУ

О, любимец бога брани.
Мой товарищ на войне!
Я платил с тобою дани

Богу славы не одне:
Ты на кивере почтенном
Лавры с миртом сочетал;
Я в углу уединенном
Незабудки собирал.
Помнишь ли, питомец славы,
Индесальми? Страшну ночь? —
Не люблю такой забавы,
Молвил я, — и с Музой прочь!
Между тем, как ты штыками
Шведов за лес провожал,
Я геройскими руками...
Ужин вам приготовлял.
Счастлив ты, шалун любезный
И в Цитерской стороне:
Я же всюду бесполезный
И в любви, и на войне.
Время жизни в скуке трачу
За крылатый счастья миг!)
Ночь зеваю... утром плачу
Об утрате снов моих.
Тщетны слезы! мне готова
Цепь, сотканна из сует:
От родительского крова
Я опять на море бед.
Мой челнок Любовь слепая
Правит детскою рукой;
Между тем как Лень, зевая,
На корме сидит со мной.
Может быть, как быстра младость
Убежит от нас бегом,
Я возьмусь за ум... да радость
Уживется ли с умом?
Ах, почто же мне заране
Друг любезный, унывать? —
Вся судьба моя в стакане!

Станем пить и воспевать:
«Счастлив! счастлив, кто цветами
Дни любови украшал,
Пел с беспечными друзьями,
А о счастии... мечтал!
Счастлив он, и втрое боле,
Всех вельможей и царей!
Так давай, в безвестной доле,
Чужды рабства и цепей,
Кое-как тянуть жизнь нашу,
Часто с горем пополам;
Наливать полнее чашу
И смеяться дуракам!»

ПОСЛАНИЕ И. М. МУРАВЬЕВУ-АПОСТОЛУ

Ты прав, любимец Муз! от первых впечатлений,
От первых, свежих чувств заемлет силу Гений
И им в теченьи дней своих не изменит!
Кто б ни был: пламенный оратор иль Пиит,
Светильник мудрости, науки обладатель,
Иль кистью естества немого подражатель,
Наперсник Муз, — познал от колыбельных дней,
Что должен быть жрецом Парнасских алтарей.
Младенец счастливый, уже любимец Феба,
Он с жадностью взирал на свет лазурный неба
На зелень, на цветы, на зыбку сень древес,
На воды быстрые и полный мрака лес.
Он, к лону матери приникнув, улыбался,
Когда веселый Май цветами убирался,
И жаворонок вился над зеленью полей.
Златая ль радуга, пророчица дождей,
Весь свод лазоревый подернет облистаньем? —
Ее приветствовал невнятным лепетаньем,
Ее манил к себе младенческой рукой,

Что видел в юности, пред хижиной родной.
Что видел. чувствовал, как новый мира житель
Того в душе своей до поздних дней хранитель
Желает в песнях Муз потомству передать.
Мы видим первых чувств волшебную печать
В твореньях Гения, испытанных веками:
Из мест, где Мантуа красуется лугами,
И Минций в камышах недвижимый стоит.
От милых Лар своих отторженный Пиит
В чертоги Августа судьбой перенесенной
Жалел о вас, ручьи отчизны незабвенной.
О древней хижине, где юность провождал
И Титира свирель потомству передал.
Но там ли, где всегда роскошная природа.
И раскаленный Феб с безоблачного свода
Обилием поля счастливые дарит,
Таланта колыбель и область Пиерид?
Нет! Нет! И в Севере любимец их не дремлет
Но гласу громкому самой природы внемлет
Свершая славный путь, предписанный судьбой
Природы ужасы, стихий враждебных бой.
Ревущие со скал угрюмых водопады.
Пустыни снежные, льдов вечные громады
Иль моря шумного необозримый вид —
Всё, всё возносит ум, всё сердцу говорит
Красноречивыми, но тайными словами
И огнь Поэзии питает между нами.
Близь Колы пасмурной. средь диких рыбарей
В трудах воспитанный, уже от юных дней
Наш Пиндар чувствовал сей пламень потаенный
Сей огнь зиждительный, дар бога драгоценный
От юности в душе небесного залог,
Которым Фебов жрец исполнен, как пророк.
Он сладко трепетал, когда сквозь мрак тумана
Стремился по зыбям холодным Океана
К необитаемым, бесплодным островам

И мрежи расстилал по новым берегам.
Я вижу мысленно как отрок вдохновенной
Стоит в безмолвии над бездной разъяренной
Среди мечтания и первых сладких дум.
Прислушивая волн однообразный шум...
Лицо горит его, грудь тягостно вздыхает.
И сладкая слеза ланиту орошает,
Слеза, известная таланту одному!
В красе божественной любимцу своему.
Природа! ты не раз на Севере являлась
И в пламенной душе навеки начерталась.
Исполненный всегда виденьем первых лет
Как часто воспевал восторженный Поэт:
«Дрожащий, хладный блеск полунощной Авроры
И льдяные, в морях носимы ветром, горы
И Уну, спящую средь звонких камышей,
И день, чудесный день, без ночи, без зарей!..»
В Пальмире Севера, в жилище шумной славы
Державин Камские воспоминал дубравы
Отчизны сладкий дым и древний град отцов
На тучны пажити Приволжских берегов
Как часто Дмитриев расторгнув светски узы
Водил нас по следам своей счастливой Музы
Столь чистой, как струи царицы светлых вод,
На коих в первый раз зрел солнечный восход
Певец Сибирского Пизарра вдохновенный!..
Так, свыше нежною душою одаренный.
Пиит, от юности до сребряных власов,
Лелеет в памяти страну своих отцов.
На жизненном пути ему дарует Гений
Неиссякаемый источник наслаждений
В замену счастия и скудных мира благ:
С ним Муза тайная живет во всех местах
И в мире дивный мир любимцу созидает.
Пускай свирепый рок по воле им играет:
Пускай незнаемый, без злата и честей

С главой поникшею он бродит меж людей;
Пускай Фортуною от детства удостоин
Он будет судия, министр иль в поле воин, —
Но музам и себе нигде не изменит.
В самом молчании он будет всё Пиит.
В самом бездействии он с деятельным духом,
Всё сильно чувствует, всё ловит взором, слухом
Всем наслаждается, и всюду наконец
Готовит Фебу дань его грядущий жрец.

СМЕСЬ

ХОР
ДЛЯ ВЫПУСКА БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ СМОЛЬНОГО МОНАСТЫРЯ

Один голос

Прости, гостеприимный кров.
Жилище юности беспечной!
Где время средь забав, веселий и трудов.
Как сон промчалось скоротечной.

Хор

Прости, гостеприимный кров,
Жилище юности беспечной!

Подруги! сердце в первый раз
Здесь чувства сладкие познало;
Здесь дружество навек златою цепью нас.
Подруги милые, связало.
Так! сердце наше в первый раз
Здесь чувства сладкие познало.

Виновница счастливых дней!
Прими сердец благодаренья:

К тебе летят сердца усердные детей
И тайные благословенья.
Виновница счастливых дней!
Прими сердец благодаренья!

Наш царь, подруги, посещал
Сие жилище безмятежно:
Он сам в глазах детей признательность читал
К его родительнице нежной.
Монарх великий посещал
Жилище наше безмятежно!

Простой, усердный глас детей
Прими, о, боже, покровитель!
Источник новый благ и радости пролей
На мирную сию обитель.
И ты, о, боже, глас детей
Прими, всесильный покровитель!

Мы чтили здесь от юных лет
Закон твой, благости зерцало;
Под сенью алтарей, тобой хранимый цвет,
Здесь юность наша расцветала.
Мы чтили здесь от юных лет
Закон твой, благости зерцало.

ФИНАЛ

Прости же ты, священный кров.
Обитель юности беспечной,
Где время средь забав, веселий и трудов
Как сон промчалось скоротечной!
Где сердце в жизни в первый раз
От чувств веселья трепетало,
И дружество навек златою цепью нас.
Подруги милые, связало!

ПЕСНЬ ГАРАЛЬДА СМЕЛОГО

Мы, други, летали по бурным морям.
От родины милой летали далеко!
На суше, на море мы бились жестоко:
И море, и суша покорствуют нам!
О, други! как сердце у смелых кипело.
Когда мы. содвинув стеной корабли,
Как птицы, неслися станицей веселой
Вкруг пажитей тучных Сиканской земли!..
А дева русская Гаральда презирает

О, други! я младость не праздно провел!
С сынами Дронтгейма вы помните сечу?
Как вихорь, пред вами я мчался навстречу
Под камни и тучи свистящие стрел.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Как бледные класы под ливнем, упали
И всадник, и пеший... владыка, и ты!..
А дева русская Гаральда презирает.

Нас было лишь трое на легком челне;
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь черная в полдень нависла с громами
И Гела зияла в соленой волне.
Но волны напрасно, яряся, хлестали:
Я черпал их шлемом, работал веслом:
С Гаральдом, о, други, вы страха не знали
И в мирную пристань влетели с челном!
А дева русская Гаральда презирает.

Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?
Железом я ноги мои окрыляя,

И лань упреждаю по звонкому льду;
Я хладную влагу рукой рассекая
Как лебедь отважный, по морю иду...
А дева русская Гаральда презирает.

Я в мирных родился полночи снегах;
Но рано отбросил доспехи ловитвы —
Лук грозный и лыжи — и в шумные битвы
Вас, други, с собою умчал на судах.
Не тщетно за славой летали далеко
От милой отчизны по диким морям.
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море, и суша покорствуют нам!
А дева русская Гаральда презирает.

ВАКХАНКА

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.
В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней — она бежала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвивали,
Перевитые плющом;
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом.
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград —
Всё в неистовой прельщает!

В сердце льет огонь и яд!
Я за ней... она бежала
Легче серны молодой;
Я настиг — она упала!
И тимпан под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвоэ! и неги глас!

СОН ВОИНОВ

Из поэмы Аснель и Аслега

Битва кончилась. ратники пируют вокруг зажженных дубов...

...Но вскоре пламень потухает,
И гаснет пепел черных пней,
И томный сон отягощает
Лежащих воев средь полей.
Сомкнулись очи; но призраки
Тревожат краткий их покой:
Иный лесов проходит мраки
Зверей голодных слышит вой;
Иный на лодке легкой реет
Среди кипящих в море волн;
Веслом десница не владеет
И гибнет в бездне бренный чолн;
Иный места узрел знакомы,
Места отчизны, милый край!
Уж слышит псов домашних лай
И зрит отцов поля и домы,
И нежных чад своих... Мечты!
Проснулся в бездне темноты!
Иный чудовище сражает —
Бесплодно меч его сверкает;
Махнул еще, его рука

Подъята вверх... окостенела;
Бежать хотел, его нога
Дрожит, недвижима, замлела;
Встает и пал! Иный плывет
Поверх прозрачных тихих вод
И пенит волны под рукою;
Волна, усиленна волною,
Клубится, пенится горой
И вдруг обрушилась, клокочет;
Несчастный борется с рекой.
Воззвать к дружине верной хочет. —
И голос замер на устах!
Другой бежит на поле ратном,
Бежит, глотая пыль и прах;
Трикрат сверкнул мечом булатным,
И в воздухе недвижим меч!
Звеня упали латы с плеч...
Копье рамена прободает,
И хлещет кровь из них рекой;
Несчастный раны зажимает
Холодной, трепетной рукой!
Проснулся он... и тщетно ищет
И ран, и вражьего копья.
Но ветр шумит и в роще свищет;
И волны мутного ручья
Подошвы скал угрюмых роют,
Клубятся, пенятся и воют
Средь дебрей снежных и холмов...

РАЗЛУКА

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал:

«Не плачь, красавица! слезами
Кручине злой не пособить!
Клянуся честью и усами
Любви не изменить!

Любви непобедима сила!
Она мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила, —
Чего страшиться мне?

Не плачь, красавица! слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю... усами
Клянусь, наказан быть!

Тогда мой верный конь споткнися,
Летя во вражий стан стрелой,
Уздечка браная порвися
И стремя под ногой!

Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнея весь от страха,
Явлюсь перед тобой!»

Но верный конь не спотыкался
Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался, —
И честь гусара с ним!

А он забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой,
И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой.

Но что же сделала пастушка? —
Другому сердце отдала.
Любовь красавицам игрушка,
А клятвы их — слова!

Всё здесь, друзья! изменой дышет,
Теперь нет верности нигде!
Амур, смеясь, все клятвы пишет
Стрелою на воде.

ЛОЖНЫЙ СТРАХ

Подражание Парни

Помнишь ли, мой друг бесценный!
Как с Амурами тишком,
Мраком ночи окруженный,
Я к тебе прокрался в дом?
Помнишь ли, о, друг мой нежной!
Как дрожащая рука
От победы неизбежной
Защищалась — но слегка?
Слышен шум! — ты испугалась!
Свет блеснул и вмиг погас;
Ты к груди моей прижалась,
Чуть дыша... блаженный час!
Ты пугалась, — я смеялся.
«Нам ли ведать, Хлоя, страх!
Гименей за всё ручался,
И Амуры на часах.
Всё в безмолвии глубоком,
Всё почило сладким сном!
Дремлет Аргус томным оком
Под Морфеевым крылом!»
Рано утренние розы
Запылали в небесах...

Но любви бесценны слезы.
Но улыбка на устах
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном.
Молча, новое свиданье
Обещали вечерком.
Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день,—
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо:
Чуть блеснуло б и сокрыло
За лес рдяное лицо;
Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;
Долго б смертные вкушали
Сладострастие в мечтах.
Дружбе дам я час единой
Вакху час и сну другой.
Остальною ж половиной
Поделюсь, мой друг, с тобой!

СОН МОГОЛЬЦА

Баснь

Могольцу снилися жилища Елисейски:
Визирь блаженный в них
За добрые дела житейски,
В числе угодников святых.
Покойно спал на лоне Гурий.
Но сонный видит ад,
Где пламенем объят,

Терзаемый бичами Фурий,
Пустынник испускал ужасный вопль и стон.

Моголец в ужасе проснулся.
Не ведая, что значит сон.
Он думал, что пророк в сих мертвых обманулся
Иль тайну для него скрывал;
Тотчас гадателя призвал,
И тот ему в ответ: «Я не дивлюсь ни мало
Что в снах есть разум, цель и склад.
Нам небо и в мечтах премудрость завещало...
Сей праведник, визирь, оставя двор и град.
Жил честно и всегда любил уединенье, —
Пустынник на поклон таскался к визирям».

С гадателем сказав, что значит сновиденье,
Внушил бы я любовь к деревне и полям.
Обитель мирная! в тебе успокоенье
И все дары небес даются щедро нам.

Уединение, источник благ и счастья!
Места любимые! ужели никогда
Не скроюсь в вашу сень от бури и ненастья?
Блаженству моему настанет ли чреда?
Ах! кто остановит меня под мрачной тенью?
Когда перенесусь в священные леса?
О, Музы! сельских дней утеха и краса!
Научите ль меня небесных тел теченью?
Светил блистающих несчетны имена
Узнаю ли от вас? Иль, если мне дана
Способность малая и скудно дарованье,
Пускай пленит меня источников журчанье.
И я любовь и мир пустынный воспою!
Пусть Парка не прядет из злата жизнь мою,
И я не буду спать под бархатным наметом:
Ужели через то я потеряю сон?

И меньше ль по трудах мне будет сладок он,
Зимой — близь огонька, в тени древесной — летом?
Без страха двери сам для Парки отопру,
Беспечно век прожив, спокойно и умру.

ЛЮБОВЬ В ЧЕЛНОКЕ

Месяц плавал над рекою,
Всё спокойно! Ветерок
Вдруг повеял, и волною
Принесло ко мне челнок.

Мальчик в нем сидел прекрасный;
Тяжким правил он веслом.
«Ах, малютка мой несчастный!
Ты потонешь с челноком!»

— «Добрый путник, дай помогу;
Я не справлю, сидя в нем.
На — весло! и понемногу
Мы к ночлегу доплывем».

Жалко мне малютки стало;
Сел в челнок и — за весло!
Парус ветром надувало,
Нас стрелою понесло.

И вдоль берега помчались,
По теченью быстрых вод;
А на берег собирались
Стаей Нимфы в хоровод.

Резвые смеялись, пели
И цветы кидали в нас;

Мы неслись, стрелой летели...
О беда! О страшный час!..

Я заслушался, забылся,
Ветер с моря заревел —
Мой челнок о мель разбился,
А малютка... улетел!

Кое-как на голый камень
Вышел, с горем пополам;
Я обмок — а в сердце пламень:
Из беды опять к бедам!

Всюду Нимф ищу прекрасных
Всюду в горести брожу
Лишь в мечтаньях сладострастных
Тени милых нахожу.

Добрый путник! в час погоды
Не садися ты в челнок!
Знать сии опасны воды;
Знать малютка... страшный бог!

СЧАСТЛИВЕЦ

Подражание Касти

Слышишь! мчится колесница
Там по звонкой мостовой!
Правит сильная десница
Коней сребряной браздой!

Их копыта бьют о камень;
Искры сыплются струей:
Пышет дым и черный пламень
Излетает из ноздрей!

Резьбой дивною и златом
Колесница вся горит:
На ковре ее богатом
Кто ж, Лизета, кто сидит?

Временщик, вельмож любимец,
Что на откуп город взял...
Ах! давно ли он у крылец
Пыль смиренно обметал?

Вот он с нами поравнялся
И едва кивнул главой;
Вот уж молнией промчался
Пыль оставя за собой!

Добрый путь! пока лелеет
В колыбели счастье вас!
Поздно ль? рано ль? но приспеет
И невзгоды страшный час

Ах, Лизета! льзя ль прельщаться
И теперь его судьбой?
Не ему счастливым зваться
С развращенною душой!

Там, где хитростью искусства
Розы в зиму расцвели;
Там, где всё пленяет чувства —
Дань морей и дань земли:

Мрамор дивный из Пароса
И кораллы на стенах;
Там, где в роскоши Пафоса
На узорчатых коврах

Счастья шаткого любимец
С Нимфами забвенье пьет —

Там же слезы сей счастливец
От людей украдкой льет

Бледен, ночью Крез несчастный
Шепчет тихо, чтоб жена
Не вняла сей глас ужасный:
Мне погибель суждена!

Сердце наше кладезь мрачной:
Тих, покоен сверху вид,
Но спустись ко дну... ужасно!
Крокодил на нем лежит!

Душ великих сладострастье.
Совесть! зоркий страж сердец!
Без тебя ничтожно счастье,
Гибель — злато и венец!

РАДОСТЬ

Подражание Касти

Любимца Кипридина
И миртом, и розою
Венчайте, о, юноши
И девы стыдливые!
Толпами сбирайтеся,
Руками сплетайтеся
И, радостно топая,
Скачите и прыгайте!
Мне лиру Тиискую
Камены и Грации
Вручили с улыбкою:
И песни веселию,
Приятнее нектара
И слаще амврозии,
Что пьют небожители,
В блаженстве беспечные,

Польются со струн её!
Сегодня — день радости —
Филлида суровая,
Сквозь слезы стыдливости
«Люблю!» мне промолвила.
Как роза, кропимая
В час утра Авророю,
С главой, отягченною
Бесценными каплями,
Румяней становится, —
Так ты, о, прекрасная!
С главою, поникшею,
Сквозь слезы стыдливости,
Краснея промолвила:
«Люблю!» тихим шопотом.
Всё мне улыбнулося:
Тоска и мучения,
И страхи, и горести
Исчезли — как не было!
Киприда, влекомая
По воздуху синему
Меж бисерных облаков,
Цитерскими птицами
К Цитере иль Пафосу,
Цветами осыпала
Меня и красавицу.
Всё мне улыбнулося! —
И солнце весеннее,
И рощи кудрявые,
И воды прозрачные,
И холмы Парнасские!
Любимца Кипридина,
В любви победителя,
И миртом, и розою
Венчайте, о, юноши
И девы стыдливые!

К НИКИТЕ

Как я люблю, товарищ мой.
Весны роскошной появленье
И в первый раз над муравой
Веселых жаворонков пенье.
Но слаще мне среди полей
Увидеть первые биваки
И ждать беспечно у огней
С рассветом дня кровавой драки.
Какое счастье, рыцарь мой!
Узреть с нагорныя вершины
Необозримый наших строй
На яркой зелени долины!
Как сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гул далекой
И погрузиться до утра
Под теплой буркой в сон глубокой.
Когда по утренним росам
Коней раздастся первый топот,
И ружей протяженный грохот
Пробудит эхо по горам,
Как весело перед строями
Летать на ухарском коне
И с первыми в дыму, в огне,
Ударить с криком за врагами!
Как весело внимать: «Стрелки,
Вперед! сюда донцы! Гусары!
Сюда летучие полки,
Башкирцы горцы и татары!»
Свисти теперь, жужжи свинец!
Летайте ядры и картечи!
Что вы для них? для сих сердец.
Природой вскормленных для сечи?
И вот... о, зрелище прекрасно!
Колонны сдвинулись, как лес.

Идут — безмолвие ужасно!
Идут — ружье наперевес;
Идут... ура! — и всё сломили,
Рассеяли и разгромили:
Ура! Ура! — и где же враг?..
Бежит, а мы в его домах, —
О, радость храбрых! — киверами
Вино некупленное пьем
И под победными громами
«*Мы хвалим господа*» поем!..

Но ты трепещешь, юный воин,
Склонясь на сабли рукоять:
Твой дух встревожен, беспокоен;
Он рвется лавры пожинать:
С Суворовым он вечно бродит
В полях кровавыя войны
И в вялом мире не находит
Отрадной сердцу тишины.
Спокойся: с первыми громами
К знаменам славы полетишь;
Но там, о, горе, не узришь
Меня, как прежде, под шатрами!
Забытый шумною молвой,
Сердец мучительницей милой,
Я сплю, как труженик унылой,
Не оживляемый хвалой.

ЭПИГРАММЫ. НАДПИСИ И ПР.

Всегдашний гость, мучитель мой,
О, Балдус! долго ль мне зевать, дремать с тобой?
Будь крошечку умней или — дай жить в покое!
Когда жестокий рок сведет тебя со мной —
Я не один и нас не двое.

II

Как трудно Бибрису со славою ужиться!
Он пьет, чтобы писать, и пишет, чтоб напиться!

III

Памфил забавен за столом,
Хоть часто и на зло рассудку:
Веселостью обязан он желудку,
А памяти — умом.

IV

СОВЕТ ЭПИЧЕСКОМУ СТИХОТВОРЦУ

Какое хочешь имя дай
Твоей поэме полудикой:
Петр длинный, Петр большой, но только Петр Великой —
Ее не называй.

V

МАДРИГАЛ НОВОЙ САФЕ

Ты — Сафо, я — Фаон, — об этом и не спорю,
Но, к моему ты горю,
Пути не знаешь к морю.

VI

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ Н. Н.

И телом и душой ты на Амура схожа:
Коварна и умна и столько же пригожа.

VII

К ЦВЕТАМ НАШЕГО ГОРАЦИЯ

Ни вьюги, ни морозы
Цветов твоих не истребят.
Бог лиры, бог любви и Музы мне твердят:
В саду Горация не увядают розы,

VIII

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКОГО

Под знаменем Москвы, пред падшею столицей.
Он храбрым гимны пел, как пламенный Тиртей:
В дни мира, новый Грей,
Пленяет нас задумчивой цевницей.

IX

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ГРАФА ЭМАНУИЛА СЕН-ПРИ

От родины его отторгнула судьбина;
Но лилиям отцов он всюду верен был:
И в нашем стане воскресил
Баярда древний дух и доблесть Дюгесклина.

X

НАДПИСЬ НА ГРОБЕ ПАСТУШКИ

Подруги милые! в беспечности игривой
Под плясовой напев вы резвитесь в лугах.
И я, как вы, жила в Аркадии счастливой,
И я. на утре дней, в сих рощах и лугах
Минутны радости вкусила:
Любовь в мечтах златых мне счастие сулила;
Но что ж досталось мне в прекрасных сих местах? —
Могила!

XI

МАДРИГАЛ

МЕЛИНЕ, КОТОРАЯ НАЗЫВАЛА СЕБЯ НИМФОЮ

Ты Нимфа, Ио, — нет сомненья!
Но только... после превращенья!

XII

НА КНИГУ ПОД НАЗВАНИЕМ «СМЕСЬ»

По чести, это *смесь:*
Тут проза и стихи, и авторская спесь.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ И ДОМОСЕД

Объехав свет кругом,
Спокойный домосед, перед моим камином
Сижу и думаю о том,
Как трудно быть своих привычек властелином;
Как трудно век дожить на родине своей
Тому, кто в юности из края в край носился,
Всё видел, всё узнал — и что ж? из-за морей
Ни лучше, ни умней
Под кров домашний воротился:
Поклонник суетным мечтам,
Он осужден искать... чего — не знает сам!
О страннике таком скажу я повесть вам.

Два брата, Филалет и Клит, смиренно жили
В предместии Афин, под кровлею одной;
В довольстве? — не скажу, но с бодрою душой
Встречали день и ночь спокойно проводили,
Затем что по трудах всегда приятен сон.
Вдруг умер дядя их. Афинской Гарпагон,
И братья-бедняки — о радость! — получили
Не помню сколько мин монеты золотой
Да кучу серебра: сосуды и амфоры
Отделки мастерской.
Наследственным добром свои насытя взоры,
Такие завели друг с другом разговоры:
«Как думаешь своей казной расположить?» —
Клит спрашивал у брата;
«А я так дом хочу купить
И в нем тихохонько с женою век прожить
Под сенью отчего Пената.
Землицы уголок не будет лишний нам:
От детства я любил ходить за виноградом,
Водиться знаю с стадом
И детям я мой плуг в наследство передам;

А ты как думаешь?» — «О! я с тобой несходен;
Я пресмыкаться не способен
В толпе граждан простых,
И с помощью наследства
Для дальних замыслов моих,
Благодаря богам, теперь имею средства!» —
«Чего же хочешь ты?» — «Я?.. славен быть хочу».
«Но чем?» — «Как чем? — умом, делами
И красноречьем, и стихами,
И мало ль чем еще? Я в Мемфис полечу
Делиться мудростью с жрецами:
Зачем сей создан мир? кто правит им и как?
Где кончится земля? где гордый Нил родится?
Зачем под пеленой сокрыт Изиды зрак,
Зачем горящий Феб всё к западу стремится?
Какое счастье, милый брат!
Я буду в мудрости соперник Пифагора! —
В Афинах обо мне тогда заговорят,
В Афинах? — что сказал! — от Нила до Босфора
Прославится твой брат, твой верный Филалет!
Какое счастье! десять лет
Я стану есть траву и нем как рыба буду;
Но красноречья дар, конечно, не забуду.
Ты знаешь, я всегда красноречив бывал
И площадь нашу посещал
Не даром.
Не стану я моим превозноситься даром,
Как наш Алкивиад, оратор слабых жен,
Или надутый Демосфен,
Кичася в пурпуре пред царскими послами.
Нет! нет! я каждого полезными речами
На площади градской намерен просвещать.
Ты сам, оставя плуг, придешь меня внимать.
С народом шумные восторги разделяя,
И слезы радости под мантией скрывая,
Красноречивейшим из греков называть.

Ты обоймешь меня дрожащею рукою,
Когда... поверишь ли? Гликерия сама
На площади с толпою
Меня провозгласит оракулом ума,
Ума и, может быть, любезности... Конечно,
Любезностью сердечной
Я буду нравиться и в сорок лет еще.
Тогда Афиняне забудут Демосфена
И Кратеса в плаще,
И бочку шута Диогена,
Которую, смотри... он катит мимо нас!»—
«Прощай же, братец, в добрый час!
Счастливого пути к премудрости желаю»,—
Клит молвил краснобаю;—
«Я вижу нам тебя ничем не удержать!»
Вздохнул, пожал плечьми и к городу опять
Пошел—домашний быт и домик снаряжать.
А Филалет?—К Пирею,
Чтоб судно Тирское застать
И в Мемфис полететь с румяною зарею.
Признаться, он вздохнул, начавши Одиссею...
Но кто не пожалел об отческой земле
Надолго расставаясь с нею?
Семь дней на корабле,
Зевая,
Проказник наш сидел
И на море глядел,
От скуки сам с собою вполголос рассуждая.
Да где ж Тритоны все? где стаи Нереид?
Где скрылися они с толпой Океанид?
Я ни одной не вижу в море?
И не увидел их. Но ветер свежий вскоре
В Египет странника принес;
Уже он в Мемфисе, в обители чудес;
Уже в святилище премудрости вступает,
Как мумия сидит среди бород седых,

И десять дней зевает
За поученьем их
О жертвах каменной Изиде.
Об Аписе-быке иль грозном Озиридо,
О псах Анубиса, о чесноке святом,
Усердно славимом на Ниле,
О кровожадном крокодиле
И... о коте большом!..
«Какие глупости! какое заблужденье!
Клянуся Поллуксом! нет слушать боле сил!»
Грек молвил, потеряв и важность, и терпенье,
С скамьи как бешеный вскочил
И псу священному — о, ужас! — наступил
На божескую лапу...
Скорее в руки посох, шляпу,
Скорей из Мемфиса бежать
От гнева старцев разъяренных,
От крокодилов, псов и луковиц священных,
И между Греков просвещенных
Любезной мудрости искать.
На первом корабле он полетел в Кротону.
В Кротоне бьет челом смиренно Агатону,
Мудрейшему из мудрецов,
Жестокому врагу и мяса, и бобов
(Их в гневе Пифагор, его учитель славный,
Проклятьем страшным поразил,
Затем что у него желудок неисправный
Бобов и мяса не варил).
«Ты мудрости ко мне, мой сын, пришел учиться?» —
У Грека старец вопросил
С усмешкой хитрою, — «итак, прошу садиться
И слушать пенье Сфер: ты слышишь?» — «Ничего!» —
«А видишь ли в девятом мире
Духов, летающих в Эфире?» —
«И менее того!»
«Увидишь, попостись ты года три, четыре,

Да лет с десяток помолчи;
Тогда, мой сын, тогда обнимешь бренным взором
Все тайной мудрости лучи;
Обнимешь, я тебе клянуся Пифагором...» —
«Согласен, так и быть!»
Но Греку шутка ли и день не говорить?
А десять лет молчать, молчать да все поститься. —
Зачем? чтоб мудрецом,
С морщинным от поста и мудрости челом.
В Афины возвратиться?
О, нет!
Чрез сутки возопил голодный Филалет:
«Юпитер дал мне ум с рассудком
Не для того, чтоб я ходил с пустым желудком:
Я мудрости такой покорнейший слуга;
Прощайте ж навсегда Кротонски берега!»
Сказал и к Этне путь направил:
За делом! чтоб на ней узнать, зачем и как
Изношенный башмак
Философ Эмпедокл пред смертью там оставил?
Узнал — и с вестью сей
Он в Грецию скорей
С усталой от забот и праздности душою.
Повсюду гость среди людей,
Везде за трапезой чужою,
Наш странник обходил
Поля, селения и грады,
Но счастия не находил
Под небом счастливым Эллады.
Спеша из края в край, он игры посещал
Забавы, зрелища, ристанья,
И даже прорицанья
Без веры вопрошал;
Но хижину отцов нередко вспоминал,
В ненастье по лесам бродя с своей клюкою,
Как червем, тайною снедаемый тоскою.

При том же кошелек
У Грека стал легок;
А ночью, как он шел через Лаконски горы.
Отбили у него
И остальное воры.
Счастлив еще, что жизнь не отняли его!
«Но жизнь без денег что? — мученье нестерпимо!»
Так думал Филалет,
Тащась полунагой в степи необозримой.
Три раза солнца свет
Сменялся мраком ночи,
Но странника не зрели очи
Ни жила, ни стези: повсюду степь и степь
Да гор в дали туманной цепь,
Илотов и воров ужасные жилища.
Что делать в горе! что начать!
Придется умирать
В пустыне, одному, без помощи, без пищи.
«Нет, боги, нет! —
Терзая грудь, вопил несчастный Филалет, —
Я знаю, как покинуть свет!
Не стану голодом томиться!»
И меж кустов реку завидя вдалеке,
Он бросился к реке —
Топиться!
«Что, что ты делаешь, слепец?»
Несчастному вскричал Скептической мудрец.
Памфил седобородой,
Который над водой, любуяся природой
Один с клюкой тихонько брел
И, к счастью, странника нашел
На крае гибельной напасти.
«Топиться хочешь ты? Согласен; но сперва
Поведай мне, твоя спокойна ль голова?
Рассудок ли тебя влечет в реку, иль страсти?
Рассудок: но его что нам вещает глас?

Что жизнь и смерть равны для нас.
Равны — так не зачем топиться.
Дай руку мне, мой сын, и не стыдись учиться
У старца, чем мудрец здесь может быть счастлив»
Кто жить советует, — всегда красноречив:
И наш герой остался жив.
В расселинах скалы, висящей над водою,
В тени приветливой смоковниц и олив,
Построен был шалаш Памфиловой рукою,
Где старец десять лет
Провел в молчании глубоком
И в вечность проницал своим орлиным оком,
Забыв людей и свет.
Вот там-то ужин иль обед
Простой, но очень здравый,
Находит Филалет:
Орехи, жолуди и травы,
Большой сосуд воды, — и только. Боже мой!
Как сладостно искать для трапезы такой
В утехах мудрости приправы!
И так в том дива нет, что с путником Памфил
Об атараксии * тотчас заговорил.
«Всё призрак!» — под конец хозяин заключил: —
«Богатство, честь и власти,
Болезнь и нищета, несчастия и страсти,
И я, и ты, и целый свет,
Всё призрак!» — «Сновиденье!» —
Со вздохом повторял унылый Филалет;
Но, глядя на сухой обед,
Вскричал: «Я голоден!» — «И это заблужденье,
Всё грубых чувств обман; не сомневайся в том».
Неделю попостясь с брадатым мудрецом,
Наш *призрак*-Филалет решился из пустыни
Отправиться в Афины.

* Душевное спокойствие.

Пора, пора блеснуть на площади умом!
Пора с философом расстаться,
Который нас не даром научил,
Как жить и в жизни сомневаться.
Услужливый Памфил
Монет с десяток сам бродяге предложил.
Котомкой с жолудьми сушеными ссудил
И в час румяного рассвета
Сам вывел по тропам излучистым Тайгета
На путь Афинский Филалета.
Вот странник наш идет и день, и ночь один;
Проходит Арголиду,
Коринф и Мегариду;
Вот — Аттика, и вот — дым сладостный Афин,
Керамик с рощами... предместия начало...
Там... воды Иллиса!.. В нем сердце задрожало:
Он Грек, то мудрено ль, что родину любил,
Что землю целовал с горячими слезами,
В восторге, вне себя, с деревьями, с домами,
Заговорил!..
Я сам, друзья мои, дань сердца заплатил,
Когда, волненьями судьбины
В отчизну брошенный из дальных стран чужбины.
Увидел, наконец, Адмиралтейский шпиц,
Фонтанку, этот дом... и столько милых лиц,
Для сердца моего единственных на свете!
Я сам... Но дело всё теперь о Филалете,
Который, опершись на кафедру, стоит
И ждет опять денницы
На милой площади Аттической столицы.
Заметьте, милые друзья,
Что Греки снаряжать тогда войну хотели,
С каким царем, не помню я,
Но знаю только то, что риторы гремели,
Предвестники народных бед.
Так речью их сразить желая Филалет

Всех раньше на помост погибельный взмостился.
И вот блеснул Авроры свет,
А с ним и шум дневной родился.
Народ зашевелился.
В Афинах, как везде, час утра — час сует.
На площадь побежал ремесленник, Поэт,
Поденьщик, говорун, с товарами купчина.
Софист, архонт и Фрина
С толпой невольниц и Сирен,
И бочку прикатил насмешник Диоген;
На площадь всяк идет для дела и без дела;
Нахлынули, — вся площадь закипела.
Вы помните, бульвар кипел в Париже так
Народа праздными толпами,
Когда по нем летал с нагайкою козак
Иль северный Амур с колчаном и стрелами.
Так точно весь народ толпился и жужжал
Перед ораторским амвоном.
Знак подан. Начинай! Рой шумный замолчал.
И ритор возвестил высокопарным тоном.
Что Аттике война
Погибельна, вредна;
Потом — велеречиво, ясно
По пальцам доказал, что в мире быть... опасно.
«Что ж делать?» — закричал с досадою народ.
«Что делать?.. сомневаться.
Сомненье мудрости есть самый зрелый плод.
Я вам советую, граждане, колебаться —
И не мириться, и не драться!..»
Народ всегда нетерпелив.
Сперва наш краснобай услышал легкий ропот,
Шушуканье, а там поближе громкий хохот,
А там... Но он стоит уже ни мертв, ни жив.
Разинув рот, потупив взгляды,
Мертвее во сто раз, чем мертвецы баллады.
Еще проходит миг —

«Ну, что же? *продолжай!*» – Оратор всё ни слова:
От страха — где язык!
За то какой в толпе поднялся страшный крик:
Какая туча там готова!
На кафедру летит град яблоков и фиг,
И камни уж свистят над жертвой...
И жалкий Филалет, избитый, полумертвой
С ступени на ступень в отчаяньи летит
И падает без чувств под верную защиту
В объятия отверзты... к Клиту! —
Итак тщеславного спасает бедный Клит,
Простяк, неграмотный, презренный,
В Афинах дни влачить без славы осужденный!
Он, он, прижав его к груди
Нахальных крикунов толкает на пути,
Одним грозит, у тех пощады просит
И брата своего, как старика Эней,
К порогу хижины своей
На раменах доносит.
Как брата в хижине лелеет добрый Клит!
Не сводит глаз с него, с ним сладко говорит
С простым, но сильным чувством.
Пред дружбой ничего и Гиппократ с искусством!
В три дни страдалец наш оправился и встал,
И брату кинулся на шею со слезами:
А брат гостей назвал
И жертву воскурил пред отчими богами.
Весь домик в суетах! жена и рой детей
Веселых, резвых и пригожих,
Во всем на мать свою похожих,
На пиршество несут для радостных гостей
Простый, но щедрый дар наследственных полей
Румяное вино, янтарный мед Гимета, —
И чаша поднялась за здравье Филалета!
«Пей, ешь и веселись, нежданный сердца гость!»
Все гости заодно с хозяином вскричали.

И что же? Филалет, забыв народа злость,
Беды, проказы и печали,
За чашей круговой опять заговорил
В восторге о тебе, великолепный Нил!
А дней через пяток, не боле,
Наскуча видеть всё одно и то же поле.
Всё те же лица всякой день,
Наш Грек, — поверите ль? — как в клетке стосковался.
Он начал по лесам прогуливать уж лень,
На горы ближние взбираться,
Бродить всю ночь, весь день шататься;
Потом Афины стал тихонько посещать,
На милой площади опять
Зевать,
С Софистами о том, об этом толковать;
Потом... проведав он от старых грамотеев.
Что в мире есть страна,
Где вечно царствует весна,
За розами побрел — в снега Гипербореев.
Напрасно Клит с женой ему кричали вслед
С домашнего порога:
«Брат, милый, воротись, мы просим, ради бога!
Чего тебе искать в чужбине? новых бед?
Откройся, что тебе в отечестве не мило?
Иль дружество тебя, жестокий, огорчило?
Останься, милый брат, останься, Филалет!»
Напрасные слова — чудак не воротился —
Рукой махнул... и скрылся.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ РЕЙН

1814

Меж тем как воины вдоль идут по полям,
Завидя вдалеке твои, о, Реин, волны,
Мой конь, веселья полный,

От строя отделясь, стремится к берегам,
На крыльях жажды прилетает,
Глотает хладную струю
И грудь усталую в бою
Желанной влагой обновляет...

О, радость! я стою при Реинских водах!
И жадные с холмов в окрестность брося взоры,
Приветствую поля и горы,
И замки рыцарей в туманных облаках,
И всю страну, обильну славой,
Воспоминаньем древних дней,
Где с Альпов вечною струей
Ты льешься, Реин величавой!
Свидетель древности, событий всех времен,
О, Реин, ты поил несчетны легионы,
Мечом писавшие законы
Для гордых Германа кочующих племен;
Любимец счастья, бич свободы,
Здесь Кесарь бился, побеждал,
И конь его переплывал
Твои священны, Реин, воды.

Века мелькнули: мир крестом преображен,
Любовь и честь в душах суровых пробудились —
Здесь витязи вооружились
Копьем за жизнь сирот, за честь прелестных жен;
Тут совершались их турниры,
Тут бились храбрые — и здесь
Не умер, мнится, и поднесь
Звук сладкой Трубадуров лиры.
Так, здесь под тению смоковниц и дубов,
При шуме сладостном нагорных водопадов,
В тени цветущих сел и градов
Восторг живет еще средь избранных сынов.

Здесь всё питает вдохновенье:
Простые нравы праотцов.
Святая к родине любовь
И праздной роскоши презренье.

Всё, всё — и вид полей и вид священных вод.
Туманной древности и Бардам современных,
Для чувств и мыслей дерзновенных
И силу новую, и крылья придает.
Свободны, горды, полудики,
Природы верные жрецы,
Тевтонски пели здесь певцы...
И смолкли их волшебны лики.
Ты сам, родитель вод, свидетель всех времен
Ты сам, до наших дней, спокойный, величавый,
С падением народной славы,
Склонил чело, увы! познал и стыд и плен...
Давно ли брег твой под орлами
Аттилы нового стенал,
И ты уныло протекал
Между враждебными полками?

Давно ли земледел вдоль красных берегов.
Средь виноградников заветных и священных,
Полки встречал иноплеменных
И ненавистный взор зареинских сынов?
Давно ль они, кичася, пили
Вино из синих хрусталей,
И кони их среди полей
И зрелых нив твоих бродили?
И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов.
Под знаменем Москвы с свободой и с громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,

От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..

Стеклись, нагрянули за честь твоих граждан,
За честь твердынь и сел, и нив опустошенных
И берегов благословенных
Где расцвело в тиши блаженство Россиян
Где ангел мирный, светозарной
Для стран полуночи рожден
И провиденьем обречен
Царю, отчизне благодарной.
Мы здесь, о, Реин, здесь! ты видишь блеск мечей!
Ты слышишь шум полков и новых коней ржанье,
Ура победы и взыванье
Идущих, скачущих к тебе богатырей.
Взвивая к небу прах летучий,
По трупам вражеским летят
И вот — коней лихих поят,
Кругом заставя дол зыбучий.

Какой чудесный пир для слуха и очей!
Здесь пушек светла медь сияет за конями,
И ружья длинными рядами.
И стяги древние средь копий и мечей.
Там шлемы воев оперенны,
Тяжелой конницы строи,
И легких всадников рои —
В текучей влаге отраженны!
Там слышен стук секир — и пал угрюмый лес!
Костры над Реином дымятся и пылают!
И чаши радости сверкают,
И клики воинов восходят до небес!
Там ратник ратника объемлет;
Там точит пеший штык стальной;
И конный грозною рукой
Крылатый дротик свой колеблет.

Там всадник, опершись на светлу ста́ль копья,
Задумчив и один, на береге высоком
Стоит и жадным ловит оком
Реки излучистой последние края.
Быть может, он воспоминает
Реку своих родимых мест —
И на груди свой медный крест
Невольно к сердцу прижимает...
Но там готовится, по манию вождей,
Бескровный жертвенник средь гибельных трофеев.
И богу сильных Маккавеев
Коленопреклонен служитель алтарей:
Его, шумя, приосеняет
Знамен отчизны грозный лес;
И солнце юное с небес
Алтарь сияньем осыпает.

Все крики бранные умолкли, и в рядах
Благоговение внезапу воцарилось
Оружье долу преклонилось,
И вождь, и ратники чело склонили в прах;
Поют владыке вышней силы,
Тебе, подателю побед,
Тебе, незаходимый свет!
Дымятся мирные кадилы.
И се подвигнулись — валит за строем строй!
Как море шумное, волнуется всё войско;
И это вторит клик геройской,
Досель неслыханный, о, Реин, над тобой!
Твой стонет брег гостеприимной,
И мост под воями дрожит!
И враг, завидя их, бежит
От глаз в дали теряясь дымной!..

УМИРАЮЩИЙ ТАСС

Элегия

.. E come alpestre e rapido
torrente.
Come acceso baleno
In notturno sereno,
Come aura o fumo, o come stral
repente,
Volan le nostre fame: ed ogni
onore
Sembra languido fiore!
Che più spera, o che s'attende
omai?
Dopo trionfo e palma
Sol qui restano all'alma
Lutto e lamenti, e lagrimosi lai
Che più giova amicizia o giova
amore!
Ahi lagrime! ahi dolore!

Torrismondo, Tragedia
di T. Tasso

Какое торжество готовит древний Рим?
Куда текут народа шумны волны?
К чему сих аромат и мирры сладкий дым.
Душистых трав кругом кошницы полны?
До Капитолия от Тибровых валов,
Над стогнами всемирныя столицы.
К чему раскинуты средь лавров и цветов
Бесценные ковры и багряницы?
К чему сей шум? к чему тимпанов звук и гром?
Веселья он или победы вестник?
Почто с хоругвией течет в молитвы дом
Под митрою апостолов наместник?
Кому в руке его сей зыблется венец,
Бесценный дар признательного Рима;
Кому триумф? — Тебе, божественный певец!
Тебе сей дар... певец Ерусалима!

И шум веселия достиг до кельи той,
Где борется с кончиною Торквато,
Где над божественной страдальца головой
Дух смерти носится крылатой.
Ни слезы дружества, ни иноков мольбы.
Ни почестей столь поздние награды. —
Ничто не укротит железныя судьбы,—
Не знающей к великому пощады.
Полуразрушенный, он видит грозный час.
С веселием его благословляет,
И, лебедь сладостный, еще в последний раз
Он, с жизнию прощаясь, восклицает:

«Друзья, о! дайте мне взглянуть на пышный Рим
Где ждет певца безвременно кладбище.
Да встречу взорами холмы твои и дым.
О, древнее Квиритов пепелище!
Земля священная героев и чудес!
Развалины и прах красноречивый!
Лазурь и пурпуры безоблачных небес,
Вы, тополы, вы, древние оливы,
И ты, о, вечный Тибр, поитель всех племен,
Засеянный костьми граждан вселенной —
Вас, вас приветствует из сих унылых стен
Безвременной кончине обреченной!

Свершилось! Я стою над бездной роковой
И не вступлю при плесках в Капитолий;
И лавры славные над дряхлой головой
Не усладят певца свирепой доли.
От самой юности игралище людей,
Младенцем был уже изгнанник;
Под небом сладостным Италии моей
Скитаяся, как бедный странник,
Каких не испытал превратностей судеб?
Где мой челнок волнами не носился?

Где успокоился? где мой насущный хлеб
Слезами скорби не кропился?
Соренто! Колыбель моих несчастных дней,
Где я в ночи, как трепетный Асканий
Отторжен был судьбой от матери моей,
От сладостных объятий и лобзаний, —
Ты помнишь сколько слез младенцем пролил я!
Увы! с тех пор добыча злой судьбины
Все горести узнал, всю бедность бытия.
Фортуною изрытые пучины
Разверзлись подо мной, и гром не умолкал!
Из веси в весь, из стран в страну гонимый
Я тщетно на земли пристанища искал:
Повсюду перст ее неотразимый!
Повсюду молнии, карающей певца!
Ни в хижине оратая простова,
Ни под защитою Альфонсова дворца,
Ни в тишине безвестнейшего крова,
Ни в дебрях, ни в горах не спас главы моей
Бесславием и славой удрученной,
Главы изгнанника, от колыбельных дней
Карающей богине обреченной...

Друзья! но что мою стесняет страшно грудь?
Что сердце так и ноет и трепещет?
Откуда я? какой прошел ужасный путь,
И что за мной еще во мраке блещет?

Ферара... Фурии... и зависти змия!..

Куда? куда, убийцы дарованья!
Я в пристани. Здесь Рим. Здесь братья и семья!
Вот слезы их и сладки лобызанья...
И в Капитолии — Виргилиев венец!
Так, я свершил назначенное Фебом.
От первой юности его усердный жрец,
Под молнией, под разъяренным небом

Я пел величие и славу прежних дней,
И в узах я душой не изменился.
Муз сладостный восторг не гас в душе моей.
И Гений мой в страданьях укрепился.
Он жил в стране чудес, у стен твоих, Сион,
На берегах цветущих Иордана;
Он вопрошал тебя, мутящийся Кедрон,
Вас, мирные убежища Ливана!
Пред ним воскресли вы, герои древних дней,
В величии и в блеске грозной славы:
Он зрел тебя, Готфред, владыка, вождь царей,
Под свистом стрел спокойный, величавый:
Тебя, младый Ринальд, кипящий, как Ахилл,
В любви, в войне счастливый победитель.
Он зрел, как ты летал по трупам вражьих сил,
Как огнь, как смерть, как ангел-истребитель...

И тартар низложен сияющим крестом!
О, доблести неслыханной примеры!
О, наших праотцев, давно почивших сном,
Триумф святой! победа чистой веры!
Торквато вас исторг из пропасти времен:
Он пел — и вы не будете забвенны, —
Он пел: ему венец бессмертья обречен,
Рукою Муз и славы соплетенный.

Но поздно! я стою над бездной роковой
И не вступлю при плесках в Капитолий;
И лавры славные над дряхлой головой
Не усладят певца свирепой доли!» —

Умолк. Унылый огнь в очах его горел,
Последний луч таланта пред кончиной;
И умирающий, казалося, хотел
У Парки взять триумфа день единой,

Он взором всё искал Капитолийских стен,
С усилием еще приподнимался;
Но мукой страшною кончины изнурен,
Недвижимый на ложе оставался.
Светило дневное уж к западу текло
И в зареве багряном утопало;
Час смерти близился... и мрачное чело
В последний раз страдальца просияло.
С улыбкой тихою на запад он глядел...
И, оживлен вечернею прохладой.
Десницу к небесам внимающим воздел,
Как праведник, с надеждой и отрадой.
«Смотрите, — он сказал рыдающим друзьям, —
Как царь светил на западе пылает!
Он, он зовет меня к безоблачным странам,
Где вечное светило засияет...
Уж ангел предо мной, вожатай оных мест;
Он осенил меня лазурными крылами...
Приближьте знак любви, сей таинственный крест...
Молитеся с надеждой и слезами...
Земное гибнет всё... и слава, и венец...
Искусств и Муз творенья величавы,
Но там всё вечное, как вечен сам творец,
Податель нам венца небренной славы!
Там всё великое, чем дух питался мой,
Чем я дышал от самой колыбели.
О, братья! о, друзья! не плачьте надо мной:
Ваш друг достиг давно желанной цели.
Отыдет с миром он и, верой укреплен,
Мучительной кончины не приметит:
Там, там... о, счастие!... средь непорочных жен,
Средь ангелов, Элеонора встретит!»

И с именем любви божественный погас;
Друзья над ним в безмолвии рыдали,
День тихо догарал... и колокола глас

Разнес кругом по стогнам весть печали.
«Погиб Торквато наш! — воскликнул с плачем Рим. —
Погиб Певец, достойный лучшей доли!..»
На утро факелов узрели мрачный дым;
И трауром покрылся Капитолий

БЕСЕДКА МУЗ

Под тению черемухи млечной
И золотом блистающих акаций
Спешу восстановить алтарь и Муз, и Граций,
Сопутниц жизни молодой

Спешу принесть цветы и ульев сот янтарный,
И нежны первенцы полей:
Да будет сладок им сей дар любви моей
И гимн Поэта благодарный!

Не злата молит он у жертвенника Муз:
Они с Фортуною не дружны,
Их крепче с бедностью заботливой союз,
И боле в шалаше, чем в тереме, досужны

Не молит славы он сияющих даров
Увы! талант его ничтожен.
Ему отважный путь за стаею орлов
Как пчелке, невозможен.

Он молит Муз — душе, усталой от сует,
Отдать любовь утраченну к искусствам
Веселость ясную первоначальных лет
И свежесть — вянущим бесперестанно чувствам

Пускай забот свинцовый груз
В реке забвения потонет.

И время жадное в сей тайной сени Муз
Любимца их не тронет

Пускай и в сединах, но с бодрою душой,
Беспечен, как дитя всегда беспечных Граций,
Он некогда придет вздохнуть в сени густой
Своих черемух и акаций.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОПЫТЫ

ВИДЕНИЕ НА БЕРЕГАХ ЛЕТЫ

Вчера Бобровым утомленный
Я спал и видел странный сон!
Как будто светлый Аполлон,
За что, не знаю, прогневленный,
Поэтам нашим смерть изрек;
Изрек — и все упали мертвы.
Невинны Аполлона жертвы!
Иной из них окончил век.
Сидя на чердаке высоком
В издранном шлафроке. широком.
Наг, голоден и утомлен
Упрямой рифмой к *светлу небу*.
Другой, в Цитеру пренесен,
Красу, умильную как Гебу,
Хотел для нас насильно... петь
И пал без чувств в конце эклоги;
Везде, о, милосерды боги! —
Везде пирует алчна смерть,
Косою острой быстро машет,
Богату ниву аду пашет.
И губит Фебовых детей,
Как ветр осенний злак полей!

Меж тем в Элизии священном
Лавровым лесом осененном
Под шумом Касталийских вод,
Певцов нечаянный приход
Узнал почтенный Ломоносов,
Херасков, честь и слава Россов,
Самолюбивый Фебов сын,
Насмешник, грозный бич пороков
Замысловатый Сумароков
И, Мельпомены друг, Княжнин.
И ты сидел в толпе избранной,
Стыдливой Грацией венчанной,
Певец прелестныя мечты,
Между Психеи * легкокрылой
И бога нежной красоты;
И ты там был, наездник хилой
Строптива девственниц седла,
Трудолюбивый, как пчела,
Отец стихов Телемахиды;
И ты, что сотворил обиды
Венере девственной, Барков!
И ты, о, мой певец незлобной,
Хемницер, в баснях бесподобной! —
Все, словом, коих бог Певцов
Венчал бессмертия лучами,
Сидели там олив в тени,
Обнявшись с прежними врагами;
Но спорили еще они
О том, о сем и не без шума
(И в рае, думаю, у нас
У всякого своя есть дума,
Рассудок свой и вкус, и глаз).
Садились все за пир богатый,
Как вдруг, Майинин сын крылатый

* Психею — душу или мечту — древние изображали в виде бабочки или крылатой девы, обнявшейся с Купидоном.

Ниссланный вышним божеством.
Сказал сидящим за столом:
«Сюда. на берег тихой Леты
Бредут покойные Поэты;
Они в реке сей погрузят
Себя и вместе юных чад.
Здесь опыт будет правосудный:
Стихи и проза безрассудны
Потонут в миг: так Феб судил!» —
Сказал Эрмий — и силой крыл
От ада к небу воспарил.
«Ага! — Фонвизин молвил братьям —
Здесь будет встреча не по платьям
Но по заслугам и уму».
«Да много ли, — в ответ ему
Кричал, смеяся, Сумароков, —
Певцов найдется без пороков?
Поглотит Леты всех струя,
Поглотит всех, иль я не я!»
«Посмотрим, — продолжал вполгласа
Поэт, проклятый от Парнаса, —
Егда прийдут...» Но вот они.
Подобно как в осенни дни
Поблеклы листвия древесны,
Что буря в долах разнесла * —
Так теням сим не весть числа!
Идут толпой в ущелья тесны.
К реке забвения стихов.
Идут под бременем трудов
Безгласны, бледны, приступают.
Любезных детищей купают...
И более не зрят в волнах!
Но тут Минос, Певцам на страх,
Старик угрюмый и курносый,
Чинит расправу и вопросы.

* Смотри VI песнь «Энеиды»

«Кто ты вещай?» — «Я тот Поэт
По счастью очень плодовитый
(Был тени маленькой ответ),
Я тот, венками роз увитый
Поэт-философ-педагог.
Который задушил Виргилья.
Окоротил Алкею крылья.
Я здесь! *Сего бо хощет бог*
И долг священныя природы...» *
«Кто ж ты, болтун?» — «Я... Верзляков!»
«Ступай и окунися в воды!» —
«Иду... во мне вся мерзнет кровь...
Душа... всего... душа природы
Спаси... спаси меня любовь!
Авось...» «Нет, нет, болтун несчастный
Довольно я с тобою выл!»
Сказал ему Эрот прекрасный
Который тут с Психеей был,
«Ступай!» — пошел, — и нет педанта.
«Кто ты?» — спросил допрощик тень
Несущу связку фолианта?
«Увы, я целу ночь и день
Писал, пишу и вечно буду
Писать... всё прозой, *без еров*.
Невинен я. На эту груду
Смотри, здесь тысячи листов,
Священной пылию покрытых.
Печатью мелкою убитых
И нет *ера* ни одного.
Да, я!..» — «Скорей купать его!»
Но тут явились лица новы
Из белокаменной Москвы.
Какие странные обновы!
От самых ног до головы

* Смотри «Тень Кука».

Обшиты платья их листами.
Где прозой детской и стихами
Иной кладбище, мавзолей,
Другой журнал души своей,
Другой Меланию, Зюльмису.
Глафиру, Хлою, Милитрису,
Луну, Веспера, голубков,
Баранов, кошек и котов *
Воспел в стихах своих унылых,
На всякой лад для женщин *милых*
(О, век железный)!.. А оне
Не только в яве, но во сне
Поэтов не видали бедных.
Из этих лиц уныло-бледных
Один, причесанный в тупей,
Поэт присяжный, князь вралей.
На суд явил творенья новы.
«Кто ты?» — «Увы, я пастушок,
Вздыхатель, завсегда готовый
Вот мой венок и посошок.
Вот мой букет цветов тафтяных.
Вот список всех красот упрямых,
Которыми дышал и жил,
Которым я насильно мил.
Вот мой баран, моя Аглая»
Сказал и, тягостно зевая,
Спросонья в Лету поскользнул!
«Уф! я устал, подайте стул
Позвольте мне, я очень славен.
Бессмертен я, пока забавен».
«Кто ж ты?» — «*Я Русской и Поэт.*
Бегом бегу, лечу за славой,
Мне враг чужой рассудок здравой.

* Это всё, даже и кошки воспеты в Москве — ссылаюсь на журналы.

Для русских прав мой толк кривой
И в том клянусь моей сумой».
«Да кто же ты?» — «Жан Жак я Русской
Расин и Юнг, и Локк я Русской
Три драмы Русских сочинил
Для Русских; нет уж сил
Писать для Русских драмы слезны:
Труды мои все бесполезны.
Вина тому — разврат умов» –
Сказал — в реку! и был таков!
Тут Сафы русские печальны.
Как бабки наши повивальны
Несли расплаканных детей.
Одна — прости бог эту даму! —
Несла уродливую драму
Позор для ада и мужей,
У коих сочиняют жены.
«Вот мой Густав, герой влюбленный...»
«Ага!» — судья певице сей, —
«Названья этого довольно:
Сударыня! мне очень больно
Что вы, забыв последний стыд,
Убили драмою Густава.
В реку, в реку!» О, жалкой вид!
О, тщетная поэтов слава!
Исчезла Сафо наших дней
С печальной драмою своей
Потом и две другие дамы,
На дам живые эпиграммы
Нырнули в глубь туманных вод.
«Кто ты?» — «Я — виноносный гений.
Поэмы три да сотню од,
Где всюду ночь, где всюду тени
Где роща ржуща ружий ржот, *

* Этот стих взят из сочинений Боброва, я ничего не хочу присваивать

Писал с заказу Глазунова
Всегда на срок... Что вижу я?
Здесь реет между вод ладья
А там. в разрывах черна крова
Урания — душа сих сфер
И все Титаны ледовиты.
Прозрачной мантией покрыты
Слезят! — Иссякнул изувер
От взора пламенной Эгиды»
Один отец Телемахиды
Слова сии умел понять.
На том брегу реки забвенья
Стояли тени в изумленьи
От речи сей: «Изволь купать
Себя и всех своих уродов»
Сказал, не слушая доводов
Угрюмый ада судия.
«Да всех поглотит вас струя!..»
Но вдруг на адской берег дикой
Призрак чудесный и великой
В обширном дедовском возке
Тихонько тянется к реке.
На место клячей запряженны
Там люди в хомуты вложенны
И тянут кое-как, гужом!
За ним, как в осень трутни праздны
Крылатым в воздухе полком
Летят толпою тени разны
И там, и сям. По слову: «*Стой!*»
Кивнула бледна тень главой
И вышла с кашлем из повозки
«Кто ты?» — спросил ее Минос —
«И кто сии?» — на сей вопрос:
«Мы все с Невы поэты Росски»
Сказала тень. — «Но кто сии
Несчастны. в клячей превращенны?»

«Сочлены юные мои.
Любовью к славе вдохновенны
Они Пожарского поют
И топят старца Гермогена
Их мысль на небеса вперенна.
Слова ж из библии берут;
Стихи их хоть немного жестки.
Но истинно Варяго-Росски».
«Да кто ты сам?» — «*Я также член*;
Кургановым писать учен;
Известен стал не пустяками,
Терпеньем, потом и трудами;
Аз есмь зело *Славенофил*»,
Сказал и пролог растворил.
При слове сем в блаженной сени
Поэтов приподнялись тени;
Певец любовныя езды
Осклабил взор *усмешкой блудной*
И рек: «О, муж умом не скудной!
Обретший редки красоты
И смысл в моей Деидамии,
Се ты! се ты!..» — «Слова пустые»,
Угрюмый судия сказал
И в Лету путь им показал.
К реке подвинулись толпою,
Ныряли всячески в водах;
Тот книжку потопил в струях.
Тот целу книжищу с собою.
Один, один Славенофил,
И то повыбившись из сил,
За всю трудов своих громаду,
За твердый ум и за дела
Вкусил бессмертия награду.
Тут тень к Миносу подошла
Неряхой и в наряде странном,
В широком шлафроке издранном,

В пуху, с косматой головой.
С салфеткой, с книгой под рукой!
«Меня врасплох, — она сказала, —
В обед нарочно смерть застала:
Но с вами я опять готов
Еще хоть съизнова отведать
Вина и адских пирогов:
Теперь же час. друзья, обедать,
Я — вам знакомый, я — Крылов!» *
«Крылов, Крылов», в одно вскричало
Собранье шумное духов
И эхо глухо повторяло
Под сводом адским: «Здесь Крылов!»
«Садись сюда, приятель милый.
Здоров ли ты?» — «И так. и сяк». —
«Ну, что ж ты делал?» — «Всё пустяк —
Тянул тихонько век унылый.
Пил, сладко ел, а боле спал.
Ну, вот, Минос, мои творенья
С собой я очень мало взял:
Комедии, стихотворенья
Да басни, — все купай, купай!»
О, чудо! — всплыли все, и вскоре
Крылов, забыв житейско горе.
Пошел обедать прямо в рай.

Еще продлилось сновиденье,
Но ваше длится ли терпенье
Дослушать до конца его?
Болтать, друзья, неосторожно —
Другого и обидеть можно.
А боже упаси того!

* Крылов познакомился с духами чрез «Почту»

АНТОЛОГИЯ

[ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ]

I

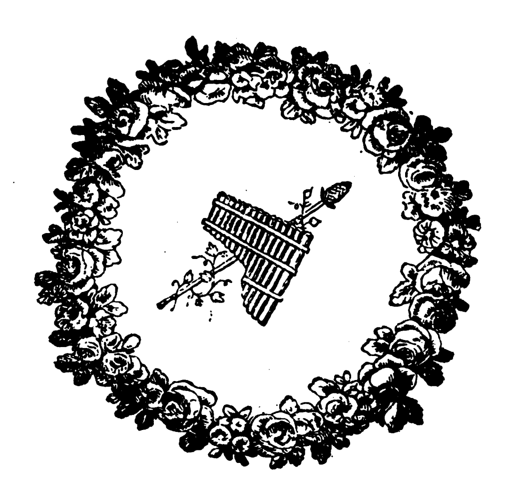
В обители ничтожества унылой.
О, незабвенная! прими потоки слез
И вопль отчаянья над хладною могилой
И горсть, как ты, минутных роз!
Ах! тщетно всё! Из вечной сени
Ничем не призовем твоей прискорбной тени:
Добычу не отдаст завистливый Аид.
Здесь онемение; всё хладно, всё молчит,
Надгробный факел мой лишь мраки освещает...
Что, что вы сделали, властители небес?
Скажите, что краса так рано погибает!
Но ты, о, мать-земля! с сей данью горьких слез
Прими почившую, поблеклый цвет весенний
Прими и успокой в гостеприимной сени!

II

Свидетели любви и горести моей.
О, розы юные. слезами омоченны!
Красуйтеся в венках над хижиной смиренной.
Где милая таится от очей
Помедлите, венки! еще не увядайте!
Но если явится, — пролейте на нее
Всё благовоние свое

О
ГРЕЧЕСКОЙ
АНТОЛОГІИ.

Arcades ambo.....
VIRG.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1820.

Титульный лист брошюры «О греческой антологии»

И локоны ее слезами напитайте:
Пусть остановится в раздумьи и вздохнет.
А вы, цветы, благоухайте
И милой локоны слезами напитайте!

III

Свершилось: Никагор и пламенный Эрот
За чашей Вакховой Аглаю победили..
О, радость! Здесь они сей пояс разрешили.
Стыдливости девической оплот.
Вы видите: кругом рассеяны небрежно
Одежды пышные надменной красоты;
Покровы легкие из дымки белоснежной
И обувь стройная, и свежие цветы:
Здесь все развалины роскошного убора.
Свидетели любви и счастья Никагора!

IV

ЯВОР К ПРОХОЖЕМУ

Смотрите, виноград кругом меня как вьется!
Как любит мой полуистлевший пень!
Я некогда ему давал отрадну тень;
Завял: но виноград со мной не расстается.
Зевеса умоли,
Прохожий, если ты для дружества способен
Чтоб друг твой моему был некогда подобен
И пепел твой любил. оставшись на земли.

V

НЕРЕИДЫ НА РАЗВАЛИНАХ КОРИНФА

Где слава, где краса, источник зол твоих?
Где стогны шумные и граждане счастливы?
Где зданья пышные и храмы горделивы,
Мусия, золото, сияющие в них?

Увы! погиб навек, Коринф столповенчанной!
И самый пепел твой развеян по полям.
Всё пусто: мы одни взываем здесь к богам.
И стонет Алкион один в дали туманной!

VI

«Куда, красавица?» — «За делом. не узнаешь!»
«Могу ль надеяться?» — «Чего?» — «Ты понимаешь!»
«Не время!» — «Но взгляни: вот золото, считай!»—
«Не боле? Шутишь! Так прощай».

VII

Сокроем навсегда от зависти людей
Восторги пылкие и страсти упоенье.
Как сладок поцалуй в безмолвии ночей,
Как сладко тайное любови наслажденье!

VIII

В Лаисе нравится улыбка на устах.
Ее пленительны для сердца разговоры,
Но мне милей ее потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очах.
Я в сумерки, вчера, одушевленный страстью,
У ног ее любви все клятвы повторял
И с поцалуем к сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекал...
Я таял, и Лаиса млела...
Но вдруг уныла, побледнела
И — слезы градом из очей!
Смущенный, я прижал ее к груди моей:
«Что сделалось, скажи, что сделалось с тобою?» —
«Спокойся, ничего, бессмертными клянусь;
Я мыслию была встревожена одною:
Вы все обманчивы, и я... тебя страшусь».

IX

[К ПОСТАРЕЛОЙ КРАСАВИЦЕ]

Тебе ль оплакивать утрату юных дней?
Ты в красоте не изменилась
И для любви моей
От времени еще прелестнее явилась.
Твой друг не дорожит неопытной красой,
Незрелой в таинствах любовного искусства.
Без жизни взор ее стыдливый и немой,
И робкий поцалуй без чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и в мертвый камень;
И в осень дней твоих не погасает пламень,
Текущий с жизнию в крови.

X

Увы! глаза, потухшие в слезах,
Ланиты, впалые от долгого страданья,
Родят в тебе не чувство состраданья, —
Жестокую улыбку на устах...
Вот горькие плоды любови страстной,
Плоды ужасные мучений без отрад,
Плоды любви, достойные наград,
Не участи для сердца столь ужасной...
Увы! как молния внезапная небес,
В нас страсти жизнь младую пожирают
И в жертву безотрадных слез,
Коварные, навеки покидают.
Но ты, прелестная, которой мне любовь
Всего — и юности, и счастия дороже,
Склонись, жестокая, и я... воскресну вновь,
Как был или еще бодрее и моложе.

XI

Улыбка страстная и взор красноречивый,
В которых вся душа, как в зеркале, видна

Сокровища мои... она
Жестоким Аргусом со мной разлучена!
Но очи страсти прозорливы
Ревнивец злой, страшись любви очей!
Любовь мне таинство быть счастливым открыла
Любовь мне скажет путь к красавице моей
Любовь тебя читать в сердцах не научила

XII

Изнемогает жизнь в груди моей остылой.
Конец борению; увы! всему конец.
Киприда и Эрот, мучители сердец!
Услышьте голос мой последний и унылой.
Я вяну. и еще мучения терплю:
Полмертвый, но сгараю:
Я вяну. но еще так пламенно люблю
И без надежды умираю!
Так, жертву обхватив кругом
На алтаре огонь бледнеет, умирает
И. вспыхнув ярче пред концом.
На пепле погасает.

XIII

С отвагой на челе и с пламенем в крови
Я плыл, но с бурей вдруг предстала смерть ужасна!
О, юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
Вверяйся челноку! плыви!

ПОДРАЖАНИЕ АРИОСТУ

(La verginella è simile alla rosa)

Девица юная подобна розе нежной
Взлелеянной весной под сению надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры пастухов
Не знают тайного сокровища лугов,

Но ветер сладостный, но рощи благовонны
Земля и небеса прекрасной благосклонны

* * *

Ты пробуждаешься, о, Байя, из гробницы
При появлении Аврориных лучей,
Но не отдаст тебе багряная денница
Сияния протекших дней,
Не возвратит убежищей прохлады
Где нежились рои красот,
И никогда твои порфирны колоннады
Со дна не встанут синих вод!

* * *

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге.
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов
И как молчать об них не знаю.

НАДПИСЬ ДЛЯ ГРОБНИЦЫ ДОЧЕРИ МАЛЫШЕВОЙ

О! милый гость из отческой земли:
Молю тебя: заметь сей памятник безвестной
Здесь матерь и отец надежду погребли;
Здесь я покоюся, младенец их прелестной.

Им молви от меня: «Не сетуйте, друзья!
Моя завидна скоротечность;
Не знала жизни я,
И знаю вечность».

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

I

Без смерти жизнь не жизнь: и что она? Сосуд.
Где капля меду средь полыни;
Величествен сей понт! Лазурный царь пустыни,
О, солнце! чудно ты, среди небесных чуд!
И на земле прекрасного столь много!
Но все поддельное иль втуне серебро:
Плачь, смертный! плачь! Твое добро
В руке у Немезиды строгой!

II

Скалы чувствительны к свирели;
Верблюд прислушивать умеет песнь любви.
Стеня под бременем; румянее крови —
Ты видишь — розы покраснели
В долине Иемена от песней соловья...
А ты, красавица... Не постигаю я.

III

Взгляни: сей кипарис, как наша степь. бесплоден —
Но свеж и зелен он всегда.
Не можешь, гражданин, как пальма дать плода?
Так буди с кипарисом сходен:
Как он уединен, осанист и свободен.

IV

Когда в страдании девица отойдет,
И труп синеюший остынет:

Подражаніе Древнимъ.

Когда въ страданіи дѣвица отойдетъ
И трупъ синѣющій остынетъ.
Напрасно на него любовь и амвру льетъ
И облакомъ цвѣтовъ окинетъ.
Блѣдна какъ лилія въ лазури васильковъ;
Какъ восковое изваянье;
Нѣтъ радости въ цвѣтахъ для вялыхъ мертвеца
перстовъ
И суетно благоуханье.

О смертный! хочешь ли безбѣдно перейти,
За море жизни треволненной?
Не буди гордъ и въ бурю понуди отсюда
Свой парусъ, счастіемъ надменный.
Не покидай руля, какъ свирѣпѣетъ буря вокругъ!
Будь въ славѣ скроменъ, въ тревогѣ бранной
твердъ.

Шафгаузенъ

Іюнь. 1826.

«Подражание древним». Автограф на экземпляре «Опытов в стихах и прозе»

(Ленингр. Публичн. библиотека)

Напрасно на него любовь и амбру льет.
И облаком цветов окинет.
Бледна. как лилия в лазури васильков.
Как восковое изваянье:
Нет радости в цветах для вянущих перстов
И суетно благоуханье.

V

О. смертный! хочешь ли безбедно перейти
За море жизни треволненной?
Не буди горд: и в ветр попутный опусти
Свой парус, счастием надменной.
Не покидай руля, как свиснет ярый ветр!
Будь в счастьи — Сципион, в тревоге брани — Петр.

VI

Ты хочешь меду, сын? — так жала не страшись;
Венца победы? — смело к бою:
Ты перлов жаждешь? — так спустись
На дно, где крокодил зияет под водою
Не бойся! Бог решит. Лишь смелым он отец:
Лишь смелым перлы, мед иль гибель... иль венец.

Шафгаузен. Июнь 1821 г.

[ИЗРЕЧЕНИЕ МЕЛЬХИСЕДЕКА]

Ты знаешь, что изрек
Прощаясь с жизнию, седой Мельхиседек?
Рабом родится человек
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет.
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

1821 г.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

БОГ

На вечном троне ты средь облаков сидишь
И сильною рукой гром мещешь и разишь.
Но бури страшные и громы ты смиряешь
И благость на земли реками изливаешь.
Начало и конец, средина всех вещей!
Во тьме ты ясно зришь и в глубине морей
Хочу постичь тебя, хочу — не постигаю.
Хочу не знать тебя хочу — и обретаю.

Везде могущество твое напечатленно.
Из сильных рук твоих родилось всё нетленно.
Но всё здесь на земли приемлет вид другой:
И мавзолеи где гордилися собой,
И горы вечные где пламенем курились
Там страшные моря волнами вдруг разлились:
Но прежде море где шумело в берегах
Сияют класы там златые на полях,
И дым из хижины пастушечьей курится.
Велишь — и на земли должно всё измениться,
Велишь — как в ветер прах, исчезнет смертных род!
Всесильного чертог небесный чистый свод
Где солнце, образ твой, в лазури нам сияет,
И где луна в ночи свет тихий проливает,

Туда мой скромный взор с надеждою летит!
Безбожный лжемудрец в смущеньи на вас зрит
Он в мрачной хижине тебя лишь отвергает:
В долине, где журчит источник и сверкает
В ночи, когда луна нам тихо льет свой луч
И звезды ясные сияют из-за туч.
И Филомелы песнь по воздуху несется. —
Тогда и лжемудрец в ошибке признается
Иль на горе, когда ветр северный шумит
Скрипит столетний дуб, ужасно гром гремит
Паляща молния по облаку сверкает,
Тут в страхе он к тебе, всевышний, прибегает,
Клянет себя, клянет и разум тщетный свой,
И в страхе скажет он: «Смиряюсь пред тобой
Тебя — тварь бренная — еще не понимаю.
Но что ты милостив велик, теперь то знаю!»

ПОСЛАНИЕ К СТИХАМ МОИМ

Sifflez-moi librement, je
vous le rends, mes frères.
Voltaire

Стихи мои! опять за вас я принимаюсь!
С тех пор как с Музами к несчастью, обращаюсь
Покою ни на час... О, мой враждебный рок!
Во сне и наяву Кастальский льется ток
Но с страстию писать не я один родился.
Чуть стопы размерять кто только научился
За славою бежит — и бедный рифмотвор
В награду обретет не славу, но позор.
Куда ни погляжу, везде стихи марают.
Под кровлей песенки и оды сочиняют.
И бедный Стукодей, что прежде был капрал.
Не знаю для чего, теперь Поэтом стал:
Нет хлеба ни куска, а роскошь выхваляет

И Грациям стихи голодный сочиняет;
Пьет воду, а вино в стихах льет через край;
Филису нам твердит: «Филиса, ты мой рай!»
Потом, возвысив тон, героев воспевает:
В стихах его и сам Суворов умирает!
Бедняга! удержись... брось, брось писать совсем!
Не лучше ли тебе маршировать с ружьем!
Плаксивин на слезах с ума у нас сошел:
Всё пишет, что друзей на свете не нашел!
Поверю: ведь с людьми нельзя ему ужиться,
И так не мудрено, что с ними он бранится.
Безрифмин говорит о милых... о сердцах...
Чувствительность души твердит в своих стихах;
Но книг его — увы! — никто не покупает,
Хотя и ***-в в газетах выхваляет.
Глупон за деньги рад нам всякого бранить
И даже он готов поэмой уморить.
Иному в ум придет, что вкус восстановляет:
Мы верим все ему — кругами утверждает!
Другой уже спешит нам драму написать,
За коей будем мы не плакать, а зевать.
А третий, наконец... Но можно ли помыслить —
Все глупости людей в подробности исчислить?..
Напрасный будет труд, но в нем и пользы нет:
Сатирою нельзя переменить нам свет.
Зачем с Глупоном мне, зачем всегда браниться?
Он также на меня готов вооружиться.
Зачем Безрифмину бумагу не марать?
Всяк пишет для себя: зачем же не писать?
Дым славы, хоть пустой, любезен нам, приятен;
Глас разума — увы! — к несчастию, не внятен.
Поэты есть у нас, есть скучные врали;
Они не в верх летят, не к небу, но к земли.

Давно я сам в себе, давно уже признался,
Что в мире, в тишине мой век бы провождался,

Когда б проклятый Феб мне не вскружил весь ум;
Я презрел бы тогда и славы тщетный шум
И жил бы так, как хан во славном Кашемире,
Не мысля о стихах, о Музах и о лире.
Но нет... Стихи мои, без вас нельзя мне жить,
И дня без рифм, без стоп не можно проводить!
К несчастью моему, мне надобно признаться,
Стихи, как женщины: нам с ними ли расстаться?..
Когда не любят нас, хотим их презирать,
Но все не престаем прекрасных обожать!

ПОСЛАНИЕ К ХЛОЕ

Подражание

Решилась, Хлоя, ты со мною удалиться
И в мирну хижину навек переселиться.
Веселий шумных мы забудем дым пустой:
Он скуку завсегда ведет лишь за собой.
За счастьем мы бежим, но редко достигаем,
Бежим за ним вослед — и в пропасть упадаем!
Как путник, огнь в лесу когда блудящий зрит.
Стремится к оному, но призрак прочь бежит.
В болота вязкие его он завлекает
И в страшной тишине в пустыне исчезает, —
Таков и человек! Куда ни бросим взгляд,
Узрим тотчас, что он и в счастии не рад.
Довольны все умом, Фортуною ни мало.
Что нравилось сперва, теперь то скучно стало;
То денег, то чинов, то славы он желает.
Но славы посреди и денег он — зевает!
Из хижины своей брось, Хлоя, взгляд на свет:
Четыре бьет часа —и кончился обед:
Из дому своего Глицера поспешает,
Чтоб ехать — а куда? — беспечная не знает.
Карета подана, и лошади уж мчат.
«Постой!» она кричит и лошади стоят.

К Лаисе входит в дом, Лаису обнимает,
Садится, говорит о модах — и зевает;
О времени потом, о карточной игре,
О лентах, о пере, о платье и дворе.
Окончив разговор, который истощился,
От скуки уж поет. Глупонов тут явился.
Надутый, как павлин, с пустою головой,
Глядится в зеркало и шаркает ногой.
Вдруг входит Брумербас; всё в зале замолкает.
Вступает в разговор и голос возвышает:
«Париж я верно б взял, — кричит из всех он сил —
И Амстердам потом, Гишпанцев бы разбил»...
Тут вспыхнет, как огонь, затопает ногами.
Пойдет по комнате широкими шагами;
Вообразит себе, что неприятель тут,
Что режут, что палят, кричат «ура!» и жгут.
Заплюет всем глаза герой наш плодовитый,
Но вдруг смиряется и бросит вид сердитый;
Начнет рассказывать, как Турка задавил,
Как роту целую янычаров убил,
Турчанки нежные в него как все влюблялись,
Как Турки в полону от злости запыхались,
И битые часа он три проговорит!..
Никто не слушает, а он кричит, кричит!
Но в зале разговор тут общим становится,
Всяк хочет говорить и хочет отличиться,
Какой ужасный шум! Нельзя ничто понять,
Нельзя и клевету от правды различать.
Но вдруг прервали крик и вдруг все замолчали
Ни слова не слыхать! Немыми будто стали.
Придите, карты, к нам: все спят уже без вас!
Без карт покажется за век один и час.
К зеленому столу все гости прибегают
И жадность к золоту весельем прикрывают.
Окончили игру и к ужину спешат,
Смеются за столом, с соседом говорят:

И бедный человек живее становится.
За пищей. кажется, он вновь перероди́тся.
Какой я слышу здесь чуднейший разговор!
Какие глупости! какая ложь и вздор!
Педант бранит войну и вместе мир ругает.
Сердечкин тут стихи любовные читает.
Тут старые Бурун нам новости твердит,
А здесь уже Глупон от скуки чуть не спит!
И так-то. Хлоя, век свой люди провождают,
И так-то целый день в бездействии теряют,
День долгий, тягостный ленивому глупцу.
Но краткий. напротив, полезный мудрецу.
Сокроемся, мой друг, и навсегда простимся
С людьми и с городом: в деревне поселимся,
Под мирной кровлею дни будем провождать:
Как сладко тишину по буре нам вкушать!

ПЕРЕВОД ЛАФОНТЕНОВОЙ ЭПИТАФИИ

Иван и умер, как родился, —
Ни с чем; он в жизни веселился
И время вот как разделял:
Во весь день — пил, а ночью спал.

К ФИЛИСЕ

Подражание Грессету

Qu'heureux est le mortel qui, du monde ignoré,
Vit content de lui-même en un coin retiré,
Que l'amour de ce rien qu'on nomme renommée
N'a jamais enivré d'une vaine fumée...

Что скажу тебе, прекрасная,
Что скажу в моем послании?
Ты велишь писать, Филиса, мне,
Как живу я в тихой хижине,

Как я строю замки в воздухе,
Как ловлю руками счастие.
Ты велишь — и повинуюся.

Ветер воет всюду в комнате
И свистит в моих окончинах,
Стулья, книги — всё разбросано:
Тут Вольтер лежит на библии.
Календарь на философии.
У дверей моих мяучит кот
А у ног собака верная
На него глядит с досадою.
Посторонний, кто взойдет ко мне,
Верно скажет: «Фебом проклятый.
Здесь живет Поэт в унынии».
Правда, что воображение
Убирает всё рукой своей,
Сыплет розаны на терние,
И Поэт с душой спокойною
Веселее Креза с золотом.
Независимость любезную
Потерять на цепь золочену!..
Я счастлив в моей беспечности,
Презираю гордость глупую,
Не хочу кумиру кланяться
С кучей глупых обожателей.
Пусть змиею изгибаются
Твари подлые, презренные.
Пусть слова его оракулом
Чтут невежды и со трепетом
Мановенья ждут руки его!

Как пылинка вихрем поднята.
Как пылинка вихрем брошена
Так и счастье наше чудное
То поднимет, то опустит вдруг.

Часто бегал за Фортуною
И держал ее в руках моих:
Чародейка ускользнула тут
И оставила колючий терн.
Славу, почести мы призраком
Называем, если нет у нас;
Но найдем — прощай, мечтание!
Чашу с ними пьем забвения
(Суета всегда прелестна нам),
И мудрец забудет мудрость всю.
Что же делать нам?.. Бранить людей?..
Нет, найти святое дружество.
Жить покойно в мирной хижине;
Нелюдим пусть ненавидит нас:
Он несчастлив — не завидую.

Страх и ужас на лице его
Ходит он с главой потупленной,
И спокойствие бежит его!
Нежно дружество с улыбкою
Не согреет сердца хладного,
И слеза его должна упасть,
Не отертая любовию!

Посмотри, Дамон как мудрствует:
Он находит зло единое.
«Добродетель, — говорит Дамон, —
Добродетель — суета одна,
Добродетель — призрак слабых душ.
Предрассудок в мире царствует,
Людям всем он ослепил глаза».

Он не долго будет думать так,
Хладна смерть к нему приблизится:
Он увидит заблуждение,

Он увидит. Совесть страшная
Прилетит к нему тут с зеркалом;
Волоса ее растрепаны,
На глазах ее отчаянье,
А в устах — упреки, жалобы.
Полно! Бросим лучше дале взгляд.

Посмотри, как здесь беспечная
В скуке дни влечет Аталия.
День настанет — нарумянится.
Раза три зевнет — оденется.
«Ах!... зачем так время медленно!» —
Скажет тут в душе беспечная.
Скажет с вздохом и заснет еще!

Бурун ищет удовольствия,
Ездит, скачет... увы! — нет его!
Оно там, где Лиза нежная
Скромно, мило улыбается?..
Он приходит к ней — но нет его!..
Скучной Лиза ему кажется.
Так в театре, где комедия
Нас смешит и научает вдруг?
Но и там, к несчастью, нет его!
Так на бале?.. Не найдешь его:
Оно в сердце должно жить у нас...

Сколько в час один бумаги я
Исписал к тебе, любезная!
Всё затем, чтоб доказать тебе,
Что спокойствие есть счастие.
Совесть чистая — сокровище
Вольность. вольность — дар святых небес.

Но уж солнце закатилося.
Мрак и тени сходят на землю.

Красный месяц с свода ясного
Тихо льет свой луч серебряный
Тихо льет, но черно облако
Помрачает светлый луч луны,
Как печальны вспоминания
Помрачают нас в веселый час.

В тишине я ночи лунныя
Как люблю с тобой беседовать!
Как приятно мне в молчании
Вспоминать мечты прошедшие!
Мы надеждою живем, мой друг,
И мечтой одной питаемся.
Вы, богини моей юности,
Будьте, будьте навсегда со мной!

Так, Филиса моя милая,
Так теперь, мой друг, я думаю.
Я счастлив — моим спокойстрием,
Я счастлив — твоею дружбою...

ПЕРЕВОД 1-й САТИРЫ БОАЛО

Бедняга и Поэт, и келюдим несчастный
Дамон, который нас стихами всё морил,
Дамон, теперь презрев и славы шум напрасный,
Заимодавцев всех своих предупредил.
Боясь судей, тюрьмы, он в бегство обратился,
Как новый Диоген, надел свой плащ дурной,
Как рыцарь, посохом своим вооружился
И, связку навязав сатир, понес с собой.
Но в тот день, из Москвы как в путь он собирался
Кипя досадою и с гневом на глазах,
Бледнее, чем Глупон который проигрался,
Свой гнев истощевал почти что в сих словах:

«Возможно ль здесь мне жить? Здесь честности не знают!
Проклятая Москва! Проклятый скучный век!
Пороки все тебя лютейши поглощают,
Незнаем и забыт здесь честный человек.
С тобою должно мне навеки распроститься,
Бежать от должников, бежать из всех мне ног
И в тихом уголке надолго притаиться.
Ах! если б поскорей найти сей уголок!..
Забыл бы в нем людей, забыл бы их навеки.
Пока дней Парка нить еще моих прядет,
Спокоен я бы был, не лил бы слезны реки.
Пускай за счастием, пускай иной идет,
Пускай найдет его Бурун с кривой душою,
Он пусть живет в Москве, но здесь зачем мне жить?
Я людям ввек не льстил, не хвастал и собою,
Не лгал, не сплетничал, но чтил, что должно чтить.
Святая истина в стихах моих блистала
И Музой мне была, но правда глаз нам жжет.
Зато Фортуна мне, к несчастью, не ласкала.
Богаты подлецы, что наполняют свет,
Вооружились все против меня и гнали
За то, что правду я им вечно говорил.
Глупцы не разумом, не честностью блистали,
Но золотом одним. А я чтоб их хвалил!..
Скорее я почту простого селянина,
Который потом хлеб кропит насущный свой,
Чем этого глупца, большого господина,
С презреньем давит что людей на мостовой!
Но кто тебе велит (все скажут мне) браниться?
Не мудрено, что ты в несчастии живешь;
Тебе никак нельзя, поверь, с людьми ужиться:
Ты беден, чином мал — зачем же не ползешь?
Смотри, как Сплетнин здесь тотчас обогатился,
Он князем уж давно... Таков железный век:
Кто прежде был в пыли, тот в знати очутился!
Фортуна ветрена, и этот человек,

Который в золотой карете разъезжает.
Без помощи ее на козлах бы сидел
И правил лошадьми, — теперь повелевает,
Теперь он славен стал и сам в карету сел.
А между тем Честон, который не умеет
Стоять с почтением в лакейской у бояр,
И беден, и презрен, ступить шага не смеет;
В грязи замаран весь, он терпит холод, жар.
Бедняга с честностью забыт людьми и светом:
И так, не лучше ли в стихах нам всех хвалить?
Зато богатым быть, в покое жить нагретом,
Чем добродетелью своей себя морить?
То правда, государь нам часто помогает
И Музу спящую лишь взглянет — оживит.
Он Феба из тюрьмы нередко извлекает
Чего не может царь!.. Захочет — и творит.
Но Мецената нет, увы! — и Август дремлет.
Притом захочет ли мне кто благотворить?
Кто участь в жалобах несчастного приемлет,
И можно ли толпу просителей пробить,
Толпу несносную сынов несчастных Феба?
За оду просит тот, сей песню сочинил,
А этот — мадригал. Проклятая от неба,
Прямая саранча! Терпеть нет боле сил!..
И лучше во сто раз от них мне удалиться.
К чему прибегнуть мне? Не знаю, что начать?
Судьею разве быть, в приказные пуститься?
Судьею?.. Боже мой! Нет, этому не быть!
Скорее Стукодей бранить всех перестанет,
Скорей любовников Лаиса отошлет
И мужа своего любить как мужа станет,
Скорей Глицера свой, скорей язык уймет,
Чем я пойду в судьи! Не вижу средства боле,
Как прочь отсюдова сейчас же убежать
И в мире тихо жить в моей несчастной доле,
В Москву проклятую опять не заезжать

В ней честность с счастием всегда почти бранится.
Порок здесь царствует, порок здесь властелин.
Он в лентах, в орденах повсюду ясно зрится
Забыта честность но Фортуны милый сын
Хоть плут, глупец, злодей в богатстве утопает.
И даже он везде... Не смею говорить...
Какого стоика сие не раздражает?
Кто может, не браня, здесь целый век прожить?
Без Феба всякий здесь хорошими стихами
Опишет город вам и в гневе стихотвор
На гору не пойдет Парнас с двумя холмами.
Он правдой удивит без вымыслов убор
«Потише — скажут мне, — зачем так горячиться?
Зачем так свысока? Немного удержись!
Ведь в гневе пользы нет не лучше ли смириться?
А если хочешь врать на кафедру взберись.
Там можно говорить и хорошо, и глупо.
Никто не сердится спокойно всякий спит.
На правду у людей поверь мне ухо тупо».
Пусть светски мудрецы, пусть так все рассуждают!
Противен знаю им всегда был правды свет.
Они любезностью пороки закрывают
Для них священного и в целом мире нет.
Любезно дружество любезна добродетель,
Невинность чистая, любовь краса сердец,
И совесть самая, всех наших дел свидетель,
Для них — мечта одна! Постой, о лжемудрец!
Куда влечешь меня? Я жить хочу с мечтою.
Постой! Болезнь к тебе, я вижу смерть ведет,
Уж крылия ее простерты над тобою
Мечта ли то теперь? Увы к несчастью, нет!
Кого переменю моими я словами?
Я верю что есть ад, святые дьявол, рай
Что сам Илья гремит над нашими главами
А здесь в Москве... Итак, прощай, Москва прощай!..»

ПОСЛАНИЕ К Н. И. ГНЕДИЧУ

Что делаешь, мой друг, в Полтавских ты степях
И что в стихах
Украдкой от друзей на лире воспеваешь?
С Фингаловым певцом мечтаешь
Иль резвою рукой
Венок красавице сплетаешь?
Поешь мечты, любовь покой.
Улыбку томныя Корины
Иль страстный поцалуй шалуньи Зефирины?
Все словом прелести Цитерских уз —
Они так дороги воспитаннику Муз —
Поешь теперь а твой на Севере приятель.
Веселий и любви своей летописатель
Беспечность полюбя, забыл и Геликон.
Терпенье и труды ведь любит Аполлон —
А друг твой славой не прельщался
За бабочкой смеясь гонялся
Красавицам стихи любовные шептал
И, глядя на людей — на пестрых кукл — мечтал:
«Без скуки без забот не лучше ль жить с друзьями
Смеяться с ними и шутить
Чем исполинскими шагами
За славой побежать и в яму поскользить?»
Охоты право не имею
Чрез то я сделаться смешным
И умным. и глупцам, и злым.
Иль, громку лиру взяв, пойти вослед Алкею,
Надувшись пузырем, родить один лишь дым
Как Рифмин, закричать: «Ликуй земля со мною!
Воспряньте камни, лес! Зрю Муз перед собою
Восторг! Лечу на Пинд!.. Простите что упал
Ведь я Пиндару подражал!»
Что в громких песнях мне? Доволен я мечтами
В покойном уголке тихонько притаясь

Но с светом вовсе не простясь!
Играя мыслями, я властвую духами

Мы право не живем
На месте всё одном,
Но мыслями летаем;
То в Африку плывем,
То на развалинах Пальмиры побываем,
То трубку выкурим с султаном иль пашой.
Или, пленяся вдруг султановой женой,
Фатимой томной, молодой,
Тотчас дарим его рогами;
Смеемся муфтию, деремся с визирями,
И после, убежав (кто в мыслях не колдун?), —
Увидим стройных Нимф, услышим звуки струн.
И где ж очутимся? На бале и в Париже!
И так мечтанием бываем к счастью ближе,
А счастие лишь там живет,
Где нас, безумных, нет.
Мы сказки любим все, мы — дети, но большие.
Что в истине пустой? Она лишь ум сушит,
Мечта всё в мире золотит,
И от печали злыя
Мечта нам щит.
Ах, должно ль запретить и сердцу забываться,
Поэтов променя на скучных мудрецов!
Поэты не дают с фантазией расстаться,
Мы с ними посреди Армидиных садов,
В прохладе рощ тенистых.
Внимаем пению Орфеев голосистых.
При шуме ветерков на розах нежных спим
И возле Нимф вздыхаем,
С богами даже говорим,
А с мудрецами лишь болтаем.
Браним несчастный мир да рассердясь...
зеваем.

. . . .
Так сердце может лишь мечтою услаждаться!
Оно всё хочет оживить:
В лесу на утлом пне друидов находить,
Укрывшихся под ель, рукой времян согбенну,
Услышать Барда песнь священну,
С Мальвиною вздохнуть на берегу морском
О ратнике младом.
Всё сердцу в мире сем вещает.
И гроб безмолвен не бывает,
И камень иногда пустынный говорит:
Герой здесь спит!

Так сердцем рождена Поэзия любезна,
Как нектар сладостный, приятна и полезна.
Язык ее — язык богов;
Им дивный говорил Омир, отец стихов.
Язык сей у творца берет Протея виды.
Иной поет любовь: любимец Афротиды,
С свирелью тихою, с увенчанной главой,
Вкушает лишь покой,
Лишь радости одни встречает
И розами стезю сей жизни устилает.
Другой,
Как славный Тасс, волшебною рукой
Являет дивный храм природы
И всех чудес ее тьмочисленные роды:
Я зрю то мрачный ад,
То счастия чертог, Армидин дивный сад;
Когда же он дела героев прославляет
И битвы воспевает.
Я слышу треск и гром я слышу стон и крик...
Таков Поэзии язык!

Не много ли с тобой уж я заговорился?
Я чересчур болтлив: я с Фебом подружился.

А с ним ли бедному поэту сдобровать?
Но чтоб к концу привесть начатое маранье.
Хочу тебе сказать,
Что пременить себя твой друг имел старанье,
Увы, и не успел! Прими мое признанье!
Никак я не могу *одним* доволен быть,
И лучше розы мне на терны пременить,
Чем розами всегда одними восхищаться.
И так, не должно удивляться,
Что ветреный твой друг —
Поэт, любовник вдруг
И через день потом философ с грозным тоном.
А больше дружен с Аполлоном,
Хоть и нейдет за славы громом.
Но пишет всё стихи.
Которы за грехи,
Краснеяся, друзьям вполголоса читает
И первый сам от них зевает.

ЭЛЕГИЯ

Как счастье медленно приходит,
Как скоро прочь от нас летит!
Блажен, за ним кто не бежит,
Но сам в себе его находит!
В печальной юности моей
Я был счастлив — одну минуту,
За то, увы! и горесть люту
Терпел от рока и людей!
Обман надежды нам приятен,
Приятен нам хоть и на час!
Блажен, кому надежды глас
В самом несчастьи сердцу внятен!
Но прочь уже теперь бежит
Мечта, что прежде сердцу льстила;

Надежда сердцу изменила.
И вздох за нею вслед летит!
Хочу я часто заблуждаться,
Забыть неверную... но нет!
Несносной правды вижу свет.
И должно мне с мечтой расстаться!
На свете всё я потерял.
Цвет юности моей увял:
Любовь, что счастьем мне мечталась;
Любовь одна во мне осталась!

[НА СМЕРТЬ И. П. ПНИНА]

Que vois-je, c'en est fait;
je t'embrasse, et tu meurs.
Voltaire

Где друг наш? Где Певец? Где юности красы?
Увы исчезло все под острием косы!
Любимца нежных Муз осиротела лира,
Замолк певец: он был, как мы, лишь странник мира!
Нет друга нашего его навеки нет!
Недолго мир им украшался:
Завял, увы, как майский цвет,
И жизни на заре с друзьями он расстался!

Пнин чувствам дружества с восторгом предавался;
Несчастным не одно он золото дарил...
Что в золоте одном? Он слезы с ними лил.
Пнин был согражданам полезен,
Пером от злой судьбы невинность защищал,
В беседах дружеских любезен,
Друзей в родных он обращал.

И мы теперь, друзья, вокруг его могилы
Объемлем только хладный прах.

Твердим с тоской и во слезах:
Покойся в мире, друг наш милый,
Питомец Граций. Муз, ты жив у нас
в сердцах!

Когда в последний раз его мы обнимали,
Казалось, с нами мир грустил,
И сам Амур в печали
Светильник погасил:
Не кипарисну ветвь унылу,
Но розу на его он положил могилу.

* * *

Безрифмина совет:
Без жалости всё сжечь мое стихотворенье!
Быть так! Его ж друзья, невинное творенье
Своею смертию умрет!

К МАЛЬВИНЕ

Ах! чем красавицу мне должно,
Как не цветочком подарить?
Ее, без всякой лести, можно
С приятной розою сравнить.

Что розы может быть славнее? —
Ее Анакреон воспел.
Что розы может быть милее? —
Амур из роз венок имел.

Ах, мне ль твердить, что вянут розы,
Что мигом их краса пройдет,
Что лишь появятся морозы,
Листок душистый опадет.

Но что же, милая, и вечно
В печальном мире сем цветет?
Не только розы скоротечно.
И жизнь — увы! — и жизнь пройдет.

Но Грации пока толпою
Тебе, Мальвина, вслед идут,
Пока они еще с тобою
Играют, пляшут и поют,

Пусть розы нежные гордятся
На лилиях груди твоей!
Ах, смею ль, милая, признаться?
Я розой умер бы на ней.

ПАСТУХ И СОЛОВЕЙ

Басня

Владиславу Александровичу Озерову

Любимец строгой Мельпомены,
Прости усердный стих безвестному Певцу!
Не лавры к твоему венцу,
Рукою дерзкою сплетенны,
Я в дар тебе принес. К чему мой фимиам
Творцу Димитрия, кому бессмертны Музы,
Сложив признательности узы,
Открыли славы храм?
А храм сей затворен для всех зоилов строгих.
Богатых завистью, талантами убогих.
Ах, если и теперь они своей рукой
Посмеют к твоему творенью прикасаться,
А ты, наш Эврипид, чтоб позабыть их рой
Захочешь с Музами расстаться
И боле не писать,
Тогда прошу тебя рассказ мой прочитать.

Пастух, задумавшись в ночи безмолвной мая,
С высокого холма вокруг себя смотрел,
Как месяц в тишине великолепно шел,
Лучом серебряным долины освещая,
Как в рощах липовых чуть легким ветерком
Листы колеблемы шептали,
И светлые ручьи, почив с природой сном,
Едва меж берегов струей своей мелькали.
Из рощи соловей
Долины оглашал гармонией своей,
И эхо песнь его холмам передавало.
Всё душу пастуха задумчива пленяло,
Как вдруг Певец любви на ветвях замолчал.
Напрасно наш пастух просил о песнях новых.
Печальный соловей, вздохнув, ему сказал:
«Недолго в рощах сих дубовых
Я радость воспевал!
Пройдет и петь охота,
Когда с соседнего болота
Лягушки кваканьем как бы на зло глушат;
Пусть эта тварь поет, а соловьи молчат!»
«Пой, нежный соловей, — пастух сказал Орфею. —
Для них ушей я не имею.
Ты им молчаньем петь охоту придаешь:
Кто будет слушать их, когда ты запоешь?»

[Н. И. ГНЕДИЧУ]

По чести мудрено в санях или верхом,
Когда кричат: «марш, марш, слушай!» кругом,
Писать к тебе, мой друг, посланья...
Нет! Музы, убоясь со мной свиданья,
Честненько в Петербург иль бог знает куда
Изволили сокрыться.
А мне без них беда!

Кто волком быть привык, тому не разучиться
По волчьи и ходить, и лаять завсегда.
Частенько, погрузясь в священну думу,
Не слыша барабанов шуму
И крику резкого осанистых стрелков,
Я крылья придаю моей ужасной кляче
И прямо — на Парнас! — или иначе,
Не говоря красивых слов,
Очутится пред мной печальная картина:
Где ветр со всех сторон в разбиты окна дует.
И где любовницу, нахмурясь, кот цалует,
Там финна бедного сума
С усталых плеч валится;
Несчастный к уголку садится
И, слезы утерев раздранным рукавом,
Догладывает хлеб мякинный и голодной...
Несчастный сын страны холодной!
Он с голодом, войной и русскими знаком!

[Н. И. ГНЕДИЧУ]

Прерву теперь молчанья узы
Для друга сердца моего.
Давно ты от ленивой Музы,
Давно не слышал ничего.
И можно ль петь моей цевнице
В пустыне дикой и пустой,
Куда никак нельзя царице
Поэзии притти младой?
И мне ли петь под гнетом рока,
Когда меня судьба жестока
Лишила друга и родни?..

Пусть хладные сердца одни
Средь моря бедствий засыпают

И взор спокойно обращают
На гробы ближних и друзей,
На смерть, на клевету жестоку,
Ползущу низкою змией,
Чтоб рану нанести жестоку
И непорочности самой.
Но мне ль с чувствительной душой
Быть в мире зол спокойной жертвой
И клеветы, и разных бед?..
Увы! я знаю, что сей свет
Могилой создан нам отверстой,
Куда падет, сражен косой,
И царь с венчанною главой,
И пастырь, и монах, и воин!
Ужели я один достоин
И вечно жить, и быть блажен?

Увы! здесь всяк отягощен
Ярмом печали и цепями,
Которых нам по смерть руками,
Столь слабыми, нельзя сложить.
Но можно ль их, мой друг, влачить
Без слез, не сокрушась душевно?
Скорее морем льзя безбедно
На валкой ладие проплыть,
Когда Борей расширит крылы,
Без ветрил, снастей и кормила
И к небу взор не обратить...

Я плачу, друг мой, здесь с тобою,
А время молнией летит.
Уж месяц светлый надо мною
Спокойно в озеро глядит,
Всё спит под кровом майской нощи,
Едва ли водопад шумит,
Безмолвен дол, вздремали рощи.

В которых луч луны скользит
Сквозь ветки, на землю склоненны.
И я, Морфеем удрученный,
Прерву цевницы скорбный глас
И, может, в полуночный час
Тебя в мечте, мой друг, познаю
И раз еще облобызаю...

К ТАССУ *

Позволь, священна тень! безвестному Певцу
Коснуться к твоему бессмертному венцу
И сладость пения твоей Авзонской Музы,
Достойной берегов прозрачной Аретузы,
Рукою слабою на лире повторить
И новым языком с тобою говорить. **

Среди Элизия, близь древнего Омира
Почиет тень твоя, и Аполлона лира
Еще согласьем дух Поэта веселит.
Река забвения и пламенный Коцит
Тебя с любовницей, о, Тасс, не разлучили: ***
В Элизии теперь вас Музы съединили,
Печали нет для вас, и скорбь протекших дней,
Как сладостну мечту, объемлете душей...
Торквато, кто испил все горькие отравы
Печалей и любви и в храм бессмертной славы,
Ведомый Музами, в дни юности проник, —

* Сие послание предположено было напечатать в заглавии перевода Освобожденного Иерусалима.

** Кажется, до сих пор у нас нет перевода Тассовых творений в стихах.

*** Торквато был жертвою любви и зависти. Всем любителям словесности известна жизнь его.

Тот преждевременно несчастлив и велик! *
Ты пел, и весь Парнас в восторге пробудился,
В Ферару с Музами Феб юный ниспустился,
Назонову тебе он лиру *сам* вручил
И Гений крыльями бессмертья осенил.
Воспел ты бурну брань, и бледны Эвмениды
Всех ужасов войны открыли мрачны виды:
Бегут среди полей и топчут знамена,
Светильником вражды их ярость разжена,
Власы растрепанны и ризы обагренны,
Я сам среди смертей... и Марс со мною медный...
Но ужасы войны, мечей и копий звук
И гласы Марсовы, как сон, исчезли вдруг:
Я слышу вдалеке пастушечьи свирели,
И чувствия душой иные овладели.
Нет более вражды, и бог любви младой
Спокойно спит в цветах под миртою густой.
Он встал, и меч опять в руке твоей блистает!
Какой Протей тебя, Торквато, пременяет,
Какой чудесный бог чрез дивные мечты
Рассеял мрачные и нежны красоты?
То скиптр в его руках или перун зажженный,
То розы юные, Киприде посвященны,
Иль факел Эвменид, иль луч златой любви.
В глазах его — любовь, вражда — в его крови;
Летит, и я за ним лечу в пределы мира,
То в ад, то на Олимп! У древнего Омира
Так шаг один творил огромный бог морей
И досягал другим краев подлунной всей.
Армиды чарами, средь моря сотворенной,
Здесь тенью миртовой в долине осененной,

* Тасс десяти лет от роду писал стихи и, будучи принужден бежать из Неаполя с отцом своим, сравнивал себя с молодым Асканием. До тридцатилетнего возраста кончил он бессмертную поэму Иерусалима, написал Аминту, много рассуждений о словесности и пр.

Ринальд, младой герой, забыв воинский глас,
Вкушает прелести любови и зараз...
А там что зрят мои обвороженны очи?
Близь стана воинска, под кровом черной ночи,
При зареве бойниц, пылающих огнем.
Два грозных воина, вооружась мечом,
Неистовой рукой струят потоки крови...
О, жертва ярости и плачущей любови!..
Постойте, воины!.. Увы!.. один падет...
Танкред в враге своем Клоринду узнает
И морем слез теперь он платит, дерзновенной.
За каплю каждую сей крови драгоценной...*

Что ж было для тебя наградою, Торкват,
За песни стройные? Зоилов острый яд,
Притворная хвала и ласки царедворцев,
Отрава для души и самых стихотворцев.
Любовь жестокая, источник зол твоих,
Явилася тебе среди палат златых,
И ты из рук ее взял чашу ядовиту,
Цветами юными и розами увиту,
Испил и, упоен любовною мечтой,
И лиру, и себя поверг пред красотой.
Но радость наша — ложь, но счастие — крылато;
Завеса раздрана! Ты узник стал, Торквато!
В темницу мрачную ты брошен, как злодей,
Лишен и вольности, и Фебовых лучей.
Печаль глубокая Поэтов дух сразила,
Исчез талант его и творческая сила,
И разум весь погиб! О, вы, которых яд
Торквату дал вкусить мучений лютых ад,
Придите зрелищем достойным веселиться

* Gli occhi tuoi pagheran...
Di quel sangue ogni stilla un mar di pianto.
La Gierusalemme. Canto XII.

И гибелью его таланта насладиться!
Придите! Вот Поэт превыше смертных хвал.
Который говорить героев заставлял,
Проникнул взорами в небесные чертоги, —
В железах стонет здесь... О, милосерды боги!
Доколе жертвою, невинность, будешь ты
Бесчестной зависти и адской клеветы?

Имело ли конец несчастие Поэта?
Железною рукой печаль и быстры лета
Уже безвременно белят его власы,
В единобразии бегут, бегут часы,
Что день, то прежня скорбь, что ночь — мечты ужасны...
Смягчился, наконец, завет судьбы злосчастной.
Свободен стал Поэт, и солнца луч златой
Льет в хладну кровь его отраду и покой:
Он может опочить на лоне светлой славы.
Средь Капитолия, где стены обветшалы
И самый прах еще о римлянах твердит,
Там ждет его триумф... Увы!.. там смерть стоит!
Неумолимая берет венок лавровый,
Поэта увенчать из давних лет готовый.
Премена жалкая столь радостного дни!
Где знамя почестей, там смертны пелены,
Не увенчание, но лики погребальны...
Так кончились твои, бессмертный, дни печальны!

Нет более тебя, божественный Поэт!
Но славы Тассовой исполнен ввеки свет!
Едва ли прах один остался древней Трои,
Не знаем и могил, где спят ее герои,
Скамандр божественный вертепами течет,
Но в памяти людей Омир еще живет,
Но человечество Певцом еще гордится,
Но мир ему есть храм... И твой не сокрушится!

[ОТРЫВОК ИЗ I ПЕСНИ «ОСВОБОЖДЕННОГО ИЕРУСАЛИМА»]

Пустынник Петр говорил в верховном совете. Он предложил Готфреда в вожди.

Скончал пустынник речь... Небесно вдохновенье!
Не скрыто от тебя сердечное движенье,
Ты в старцовы уста глагол вложило сей
И сладость оного влило в сердца князей,
Ты укротило в них бунтующие страсти,
Дух буйной вольности, любовь врожденну к власти:
Вильгельм и мудрый Гелф, первейши из вождей.
Готфреда нарекли вождем самих царей.

И плески шумные избранье увенчали!
«Ему единому, — все ратники вещали, —
Ему единому вести ко славе нас!
Законы пусть дает его единый глас;
Доселе равные! его послушны воле,
Под знаменем святым пойдем на бранно поле
Поганство буйное святыне покорим.
Награда небо нам: умрем иль победим!»

Узрели воины начальника избранна
И властию почли достойно увенчанна.
Он плески радостны от войска восприял,
Но вид величия спокойного являл.
Клялися все его повиноваться воле.
На утро он велел полкам сбираться в поле
Чтоб рать под знамена священны притекла
И слава царское веленье разнесла.

Торжественней в сей день явилось над морями
Светило дня, лучи лиющее реками!
Христово воинство в порядке потекло

И дол обширнейший строями облегло.
Развились знамена, и копья заблистали,
Скользящие лучи сталь гладку зажигали;
Но войско двигнулось: перед вождем течет
Тяжела конница и ей пехота вслед.

О, память светлая! тобою озаренны
Протекши времена и подвиги забвенны,
О, память, мне свои хранилища открой!
Чьи ратники сии? Кто славный их герой?
Повеждь, да слава их, утраченна веками,
Твоими возблестит небренными лучами!
Увековечи песнь нетлением своим,
И время сокрушит железо перед ним!

Явились первые неустрашимы Галлы:
Их грудь облечена в слиянные металлы,
Оружие звенит тяжелое в руках.
Гуг, царский брат, сперва был вождем в сих полках;
Он умер, и хоругвь трех лилий благородных
Не в длани перешла ее царей природных,
Но к мужу славному по доблести своей:
Клотарий избран был в преемники царей.

Счастливый Иль-де-Франс, обильный, многоводной
Вождя и ратников страною был природной.
Нормандцы грозные текут сим войскам вслед:
Роберт, их кровный царь, ко брани днесь ведет.
На Галлов сходствует оружье их и нравы;
Как Галлы, не щадят себя для царской славы.
Вильгельм и Адемар их войски в брань ведут,
Народов пастыри за веру кровь лиют.

Кадильницу они с булатом сочетали
И длинные власы шеломами венчали.
Святое рвение! Их меткая рука

Умеет поражать врагов издалека.
Четыреста мужам, в Орангии рожденным,
Вильгельм предшествует со знаменем священным;
Но равное число идет из Пуйских стен,
И Адемар вождем той рати наречен.

Се идет Бодоин с Болонцами своими:
Покрыты чела их шеломами златыми.
Готфреда воины за ними вслед идут,
Вождем своим теперь царева брата чтут.
Корнутский граф потом, вождь мудрости избранный,
Четыреста мужей ведет на подвиг бранный;
Но трижды всадников толикое число
Под Бодоиновы знамена притекло.

Гелф славный возле них покрыл полками поле,
Гелф славен счастием, но мудростию боле.
Из дома Эстского сей витязь родился,
Воспринят Гелфом был и Гелфом назвался;
Каринтией теперь богатой обладает
И власть на ближние долины простирает,
По коим катит Рейн свой сребряный кристал:
Свев дикий искони там в детстве обитал.

ОТРЫВОК ИЗ XVIII ПЕСНИ «ОСВОБОЖДЕННОГО ИЕРУСАЛИМА»

Адские духи царствуют в очарованном лесе; Ринальд по повелению Готфреда, шествует туда, дабы истребить чары Исменовы.

Се час божественный Авроры золотой:
Со светом утренним слиялся мрак ночной,
Восток румяными огнями весь пылает,
И утрення звезда во блесках потухает.

Оставя по траве, росой обмытой, след.
К горе Оливовой Ринальд уже течет.
Он в шествии своем светилы зрит не бренны.
Руками вышнего на небесах возженны,
Зрит светлый свод небес, раскинут как шатер,
И в мыслях говорит: «Колико ты простер,
Царь вечный и благий, сияния над нами!
В день солнце, образ твой, течет под небесами,
В ночь тихую луна и сонм бессчетных звезд
Лиют утешный луч с лазури горних мест.
Но мы, несчастные, страстями упоенны,
Мы слепы для чудес: красавиц взор влюбленный.
Улыбка страстная и вредные мечты
Приятнее для нас нетленной красоты».
На твердые скалы в сих мыслях востекает
И там чело свое к лицу земли склоняет.
Но духом к вечному на небеса парит.
К востоку обратясь, в восторге говорит:
«Отец и царь благий, прости мне ослепленье.
Кипящей юности невольно заблужденье,
Прости и на меня излей своей рукой
Источник разума и благости святой!»
Скончал молитву он. Уж первый луч Авроры
Блистает сквозь туман на отдаленны горы;
От пурпурных лучей героев шлем горит.
Зефир, спорхнув с цветов, по воздуху парит
И грозное чело Ринальда лобызает;
Ниспадшею росой оружие блистает,
Щит крепкий, копие, железная броня
Как золото горят от солнечна огня.
Так роза блеклая, в час утра оживая,
Красуется, слезой Аврориной блистая;
Так, чешуей гордясь, весною лютый змей
Вьет кольца по песку излучистой струей.
Ринальд, блистанием оружья удивленный
Стопами смелыми — и свыше вдохновенный —

Течет в сей мрачный лес, самих героев страх.
Но ужасов не зрит: в прохладе и тенях
Там нега с тишиной, обнявшись, засыпают.
Зефиры горлицей меж тростников вздыхают,
И с томной сладостью журчит в кустах ручей.
Там лебедь песнь поет, с ним стонет соловей,
И гласы сельских Нимф и арфы тихострунной
Несутся по лесу, как хор единошумной.
Не Нимф и не Сирен, не птиц небесных глас.
Не царство сладкое и неги, и зараз
Мечтал найти Ринальд, но ад и мрак ужасный,
Подземные огни и трески громогласны.
Восторжен, удивлен, он шаг умерил свой
И путь остановил над светлою рекой.
Она между лугов, казалось, засыпала
И в зеркальных водах брега образовала,
Как цепь чудесная, вкруг леса облегла.
Пространство все ее текуща кристала
Древа, соплетшися ветвями, осеняли,
Питались влагою и берег украшали.
На сводах мраморных мост дивный, весь златой.
Явил через реку герою путь прямой.
Ринальд течет по нем, конца уж достигает,
Но свод, обрушившись, мост с треском низвергает.
Кипящие валы несут его с собой.
Не тихая река, но ток сей, что весной,
Снегами наводнен, текущими с вершины,
Шумит и пенится в излучинах долины,
Представился тогда Ринальдовым очам.
Герой спешит оттоль к безмолвным сим лесам,
В вертепы мрачные, обильны чудесами,
Где всюду под его рождалися стопами
(О, призрак волшебства и дивные мечты!)
Ручьи прохладные и нежные цветы.
Влюбленный здесь нарцисс в прозрачный ток глядится.
Там роза, цвет любви, на терниях гордится;

Повсюду древний лес красуется, цветет,
Вид юности кора столетних лип берет,
И зелень новая растения венчает.
Роса небесная на ветвиях блистает,
Из толстыя коры струится светлый мед.
Любовь живит весь лес, с пернатыми поет,
Вздыхает в тростниках, журчит в ручьях кристальных,
Несется песнями, теряясь в рощах дальных,
И тихо с ветерком порхает по цветам.
Герой велик и мудр, не верит он очам
И адским призракам в лесу очарованном.
Вдруг видит на лугу душистом и пространном
Высокий мирт, как царь, между дерев других.
Красуется его чело в ветвях густых,
И тень прохладная далеко вкруг ложится.
Из дуба ближнего Сирена вдруг родится,
Волшебством создана. Чудесные мечты
Прияли гибкий стан и образ красоты.
Одежда у нее, поднятая узлами,
Блестит, раскинута над белыми плечами.
Сто Нимф из ста дерев внезапу родились
И все лилейными руками соплелись.
На мертвом полотне так — кистию чудесной
Изображенный — зрим под тению древесной
Лик сельских, стройных дев, собрание красот:
Играют резвые, сплетяся в хоровод,
Их ризы, как туман, и перси обнаженны,
Котурны на ногах, власы переплетенны.
Так лик чудесных Нимф на место грозных стрел
Златыми цитрами и арфами владел.
Одежды легкие они с рамен сложили
И с пляской, с пением героя окружили.
«О, ратник юноша, счастлив навеки ты,
Любим владычицей любви и красоты!
Давно, давно тебя супруга ожидала,
Отчаянна, одна, скиталась и стенала.

Явился — и с тобой расцвел сей дикой лес,
Чертог уныния, отчаянья и слез».
Еще нежнейший глас из мирта издается
И в душу ратника, как нектар сладкий, льется.
В древнейши, баснями обильные века,
Когда и низкий куст, и малая река
Дриаду юную иль Нимфу заключали,
Столь дивных прелестей внезапу не рождали.
Но мирт раскрыл себя... О, призрак, о, мечты!
Ринальд Армиды зрит стан, образ и черты,
К нему любовница взор страстный обращает,
Улыбка на устах, в очах слеза блистает,
Все чувства борятся в пылающей груди,
Вздыхая, говорит: «Друг верный мой, приди,
Отри рукой своей сих слез горячих реки,
Отри и сердце мне свое отдай навеки!
Вещай, зачем притек? Блаженство ль хочешь пить,
Утешить сирую и слезы осушить,
Или вражду принес? Ты взоры отвращаешь,
Меня, любовницу, оружием стращаешь...
И ты мне будешь враг!.. Ужели для вражды
Воздвигла дивный мост, посеяла цветы,
Ручьями скрасила вертеп и лес дремучий
И на пути твоем сокрыла терн колючий?
Ах, сбрось сей грозный шлем, чело дай зреть очам,
Прижмись к груди моей и к пламенным устам,
Умри на них, супруг!.. Сгораю вся тобою —
Хоть грозною меня не отклони рукою!»
Сказала. Слез ручей блестит в ее очах,
И розы нежные бледнеют на щеках.
Томится грудь ее и тягостно вздыхает;
Печаль красавице приятства умножает,
Из сердца каменна потек бы слез ручей —
Чувствителен, но тверд герой в душе своей.
Меч острый обнажил, чтоб мирт сразить ударом;
Тут, древо защитив, рекла Армида с жаром:

«Убежище мое, о, варвар, ты разишь!
Нет, нет, скорее грудь несчастныя пронзишь,
Упьешься кровию твоей супруги страстной»...
Ринальд разит его... И призрак вдруг ужасной.
Гигант, чудовище явилося пред ним,
Армиды прелести исчезнули, как дым.
Сторукий исполин, покрытый чешуею,
Небес касается неистовой главою.
Горит оружие, звенит на нем броня,
Исполнена гортань и дыма, и огня.
Все Нимфы вкруг его Циклопов вид прияли.
Щитами, копьями ужасно застучали.
Бесстрашен и велик средь ужасов герой!
Стократ волшебный мирт разит своей рукой:
Он вздрогнул под мечом и стоны испускает.
Пылает мрачный лес, гром трижды ударяет.
Исчадья адские явились на земле,
И серны молнии взвились в ужасной мгле.
Ни ветр, ни огнь, ни гром не ужаснул героя...
Упал волшебный мирт и, бездны ад закроя,
Ветр бурный усмирил и бурю в облаках,
И прежняя лазурь явилась в небесах.

[Н. И. ГНЕДИЧУ]

Тебя и Нимфы ждут, объятья простирая,
И Фавны дикие, кроталами играя.
Придешь, и все к тебе навстречу прибегут
Из древ Гамадриады,
Из рек обмытые Наяды,
И даже сельский поп, Сатир и пьяный плут.

А если не будешь, то всё переменит вид, всё заплачет, зарыдает:

Цветы завянут все, завоют рощи дики,
Слезами потекут кристальны ручейки,

И, резки испустив в болоте ближнем крики.
Прочь крылья навострят носасты кулики,
Печальны чибисы, умильны перепелки.
Не станут пастухи играть в свои свирелки,
Любовь и дружество — погибнет всё с тоски!

КНИГИ И ЖУРНАЛИСТ

Крот мыши раз шепнул: «Подруга! ну, зачем
 На пыльном чердаке своем
Царапаешь, грызешь и книги раздираешь:
Ты крошки в них ума и пользы не сбираешь?»
 «Не об уме и хлопочу,
  Я есть хочу».
Не знаю, впрок ли то, но эта мышь уликой
Тебе, обрызганный чернилами Арист.
Зубами ты живешь, голодный журналист.
Да нужды жить тебе не видим мы великой.

СТИХИ Г. СЕМЕНОВОЙ

E in si bel corpo più cara venia.
Тасс. V песнь «Освобожденного Иерусалима».

Я видел красоту, достойную венца,
Дочь добродетельну, печальну Антигону,
Опору слабую несчастного слепца;
Я видел, я внимал ее сердечну стону —
И в рубище простом почтенной нищеты
 Узнал богиню красоты.

Я видел, я познал ее в Моине страстной,
Средь сонма древних Бард, средь копий и мечей:
Ее глас сладостный достиг души моей.

Ее взор пламенный, всегда с душой согласной,
Я видел — и позна́л небесные черты
Богини красоты.

О, дарование, одно другим венчанно! *
Я видел Ксению, стенящу предо мной:
Любовь и строгий долг владеют вдруг княжной;
Боренье всех страстей в ней к ужасу слиянно,
Я видел, чувствовал душевной полнотой
И счастлив сей мечтой!

Я видел и хвалить не смел в восторге страстном;
Но ныне, истиной священной вдохновен,
Скажу: красот собор в ней явно съединен:
Душа небесная во образе прекрасном
И сердца доброго все редкие черты,
Без коих ничего и прелесть красоты.

Ярославль, сентября 6.

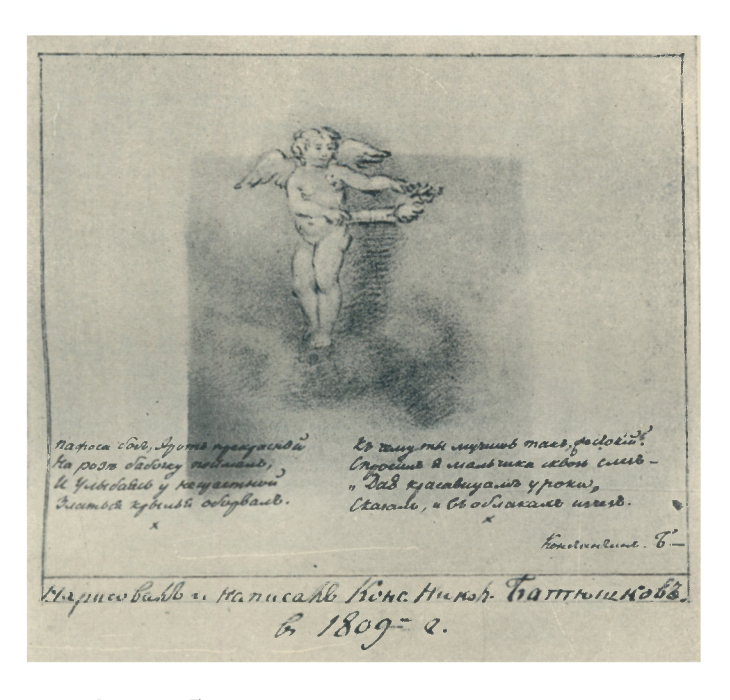
ЭПИГРАММА НА ПЕРЕВОД ВИРГИЛИЯ

Вдали от храма Муз и рощей Геликона
Феб мстительной рукой Сатира задавил; **
Воскрес урод и отомстил:
Друзья, он душит Аполлона!

* * *

Пафоса бог, Эрот прекрасной
На розе бабочку поймал,
И, улыбаясь, у несчастной
Златые крылья оборвал.

* Дарование поэта и актрисы.
** Всем известна участь Марсия.

Пафоса богъ, Эротъ прекрасный
На розѣ бабочку поймалъ,
И улыбаясь у несчастной
Златыя крылья оборвалъ.

Къ чему ты мучишь такъ, жестокій?
Спросилъ я мальчика сквозь слезъ —
„Даю красавицамъ уроки",
Сказалъ, и въ облакахъ исчезъ.

Константинъ Б—

Нарисовалъ и написалъ Конс. Никол. Батюшковъ.
въ 1809 г.

Рисунок Батюшкова карандашом к стихотворению «Пафоса бог, Эрот прекрасный»
Автограф
(Ленингр. Публичн. библиотека)

«К чему ты мучишь так, жестокий?» —
Спросил я мальчика сквозь слез.
«Даю красавицам уроки»,
Сказал — и в облаках исчез.

ЭПИТАФИЯ

Не нужны надписи для камня моего,
Скажите просто здесь: он был и нет его!

НА ПЕРЕВОД «ГЕНРИАДЫ» ИЛИ ПРЕВРАЩЕНИЕ ВОЛЬТЕРА

«Что это! — говорил Плутон, —
Остановился Флегетон,
Мегера, Фурии и Цербер онемели,
Внимая пенью твоему,
Певец бессмертный Габриели?
Умолкни!.. Но сему
Безбожнику в награду
Поищем страшных мук, ужасных даже аду,
Соделаем его
Гнуснее самого
Сизифа злова!»
Сказал и превратил — о, ужас! — в Ослякова.

К МАШЕ

О, радуйся, мой друг, прекрасная Мария!
Ты прелестей полна, любови и ума,
С тобою Грации, ты Грация сама.
Пусть Парки ввек прядут тебе часы златые!
Амур тебя благословил,
А я — как ангел говорил.

[П. А. ВЯЗЕМСКОМУ]

Льстец моей ленивой Музы! —
Ах, какие снова узы
На меня ты наложил?
Ты мою сонливу Лету
В Иордан преобратил
И, смеяся, мне поэту
Так кадилом накадил,
Что я в сладком упоеньи,
Позабыв стихотвореньи,
Задремал и видел сон:
Будто светлый Аполлон,
И меня, шалун мой милой,
На берег реки унылой
Со стихами потащил
И *в забвеньи* потопил!

СТИХИ НА СМЕРТЬ ДАНИЛОВОЙ, ТАНЦОВЩИЦЫ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ТЕАТРА *

Вторую Душеньку или еще прекрасней,
Еще, еще опасней,
Меж Терпсихориных любимиц усмотрев,
Венера не могла сокрыть жестокий гнев:
С мольбою к Паркам приступила
И нас Даниловой лишила.

С.-Петербург.

* * *

Известный откупщик Фадей
Построил богу храм... и совесть успокоил.
И впрям! На всё цены удвоил:
Дал богу медный грош, а сотни взял рублей
С людей.

* Она представляла Психею в славном балете «Амур и Психея».

* * *

«Теперь, сего же дня,
Прощай, мой экипаж и рыжих четверня!
Лизета! ужины!.. Я с вами распрощался
Навек для мудрости святой!»
«Что сделалось с тобой?»
«Безделка!.. Проигрался!»

ИСТИННЫЙ ПАТРИОТ

«О, хлеб-соль русская! о, прадед Филарет!
О, милые останки,
Упрямство дедушки и ферези прабабки!
Без вас спасенья нет!
А вы, а вы забыты нами!» —
Вчера горланил Фирс с гостями
И, сидя у меня за лакомым столом,
В восторге пламенном, как истый витязь русский,
Съел соус, съел другой, а там сальмис французский
А там шампанского хлебнул с бутылку он.
А там... подвинул стул и сел играть в бостон.

ОТЪЕЗД

Ты хочешь, горсткой фимиама
Чтоб жертвенник я твой почтил?
Для Граций Муза не упряма,
И я им лиру посвятил.

Я вижу, вкруг тебя толпятся
Вздыхатели — шумливый рой!
Как пчелы на цветок стремятся
Иль легки бабочки весной.

И Марс высокий, в битвах смелый,
И Селадон плаксивый тут,
И юноша еще незрелый
Тебе сердечну дань несут.

Один — я видел — всё вздыхает,
Другой, как мраморный, стоит,
Болтун сорокой не болтает,
Нахал краснеет и молчит.

Труды затейливой Арахны,
Сотканные в углу тайком,
Не столь для мух игривых страшны,
Как твой для нас волшебный дом.

Но я один, прелестна Хлоя,
Платить сей дани не хочу
И, осторожности удвоя,
На тройке в Питер улечу.

НА ПОЭМЫ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

Не странен ли судеб устав!
Певцы Петра — несчастья жертвы:
Наш Пиндар кончил жизнь, поэмы не скончав,
Другие живы все, но их поэмы мертвы!

СРАВНЕНИЕ

«Какое сходство Клит с Суворовым имел?»
— «Нималого!» — «Большое».
«Помилуй! Клит был трус, от выстрела робел
И пекся об одном желудке и покое;
Великий вождь вставал с зарей для ратных дел,
А Клит спал часто по неделе».
«Всё так! да умер он, как вождь сей... на постеле».

ИЗ АНТОЛОГИИ

Сот меда с молоком —
И Маин сын тебе навеки благосклонен!
Алкид не так-то скромен:
Дай две ему овцы, дай козу и с козлом;
Тогда он на овец прольет благословенье
И в снедь не даст волкам.
Храню к богам почтенье,
А стада не отдам
На жертвоприношенье.
По совести! Одна мне честь, —
Что волк его сожрал, что бог изволил съесть

НА СМЕРТЬ ЛАУРЫ

Из Петрарка*

Колонна гордая! о, лавр вечно зеленый!
Ты пал! — и я навек лишен твоих прохлад!
Ни там, где Инд живет, лучами опаленный,
Ни в хладном Севере для сердца нет отрад!

Всё смерть похитила, всё алчная пожрала —
Сокровище души, покой и радость с ним!
А ты, земля, вовек корысть не возвращала,
И мертвый нем лежит под камнем гробовым!

Всё тщетно пред тобой — и власть, и волхнованья...
Таков судьбы завет!.. Почто ж мне доле жить?
Увы, чтоб повторять в час полночи рыданья
И слезы вечные на хладный камень лить!

* Сонет «Rotta è l'alta colonna e'l verde lauro».

Как сладко, жизнь, твое для смертных обольщенье!
Я в будущем мое блаженство основал,
Там пристань видел я, покой и утешенье
И всё с Лаурою в минуту потерял!

ВЕЧЕР

Подражание Петрарке

В тот час, как солнца луч потухнет за горою.
Склонясь на посох свой дрожащею рукою,
Пастушка, дряхлая от бремени годов,
Спешит, спешит с полей под отдаленный кров
И там, пришед к огню, среди лачуги дымной
Вкушает трапезу с семьей гостеприимной,
Вкушает сладкий сон, в замену горьких слез!
А я, как солнца луч потухнет средь небес,
Один в изгнании, один с моей тоскою,
Беседую в ночи с задумчивой луною!

Когда светило дня потонет средь морей,
И ночь, угрюмая владычица теней,
Сойдет с высоких гор с отрадной тишиною,
Оратай острый плуг увозит за собою
И, медленной стопой идя под отчий кров,
Поет простую песнь в забвенье всех трудов
Супруга, рой детей оратая встречают
И брашна сельские поспешно предлагают.
Он счастлив: я один с безмолвною тоской
Беседую в ночи с задумчивой луной.

Лишь месяц сквозь туман багряный лик уставит
В недвижные моря, пастух поля оставит,
Простится с нивами, с дубравой и ручьем
И гибкою лозой стада погонит в дом.
Игралище стихий среди пучины пенной,

И ты, рыбарь, спешишь на брег уединенной!
Там, сети преклонив ко утлой ладие
(Вот всё от грозных бурь убежище твое!),
При блеске молнии, при шуме непогоды
Заснул... И счастлив ты, угрюмый сын природы!

Но се бледнеет там багряный небосклон,
И медленной стопой идут волы в загон
С холмов и пажитей, туманом орошенных.
О, песнопений мать, в вертепах отдаленных,
В изгнаньи горестном утеха дней моих,
О, лира, возбуди бряцаньем струн златых
И холмы спящие, и кипарисны рощи,
Где я, печали сын, среди глубокой нощи,
Объятый трепетом, склонился на гранит...
И надо мною тень Лауры пролетит!

[ОТРЫВОК ИЗ ЭЛЕГИИ]

. . . .
О, пока бесценна младость
Не умчалася стрелой,
Пей из чаши полной радость
И, сливая голос свой
В час вечерний с тихой лютней,
Славь беспечность и любовь!
А когда в сени приютной
Мы услышим смерти зов,
То, как лозы винограда
Обвивают тонкий вяз,
Так меня, моя отрада,
Обними в последний раз!
Так лилейными руками
Цепью нежною обвей,

Съедини уста с устами,
Душу в пламени излей!
И тогда тропой безвестной,
Долу, к тихим берегам,
Сам он, бог любви прелестной,
Проведет нас по цветам
В тот Элизей, где всё тает
Чувством неги и любви,
Где любовник воскресает
С новым пламенем в крови,
Где, любуясь пляской Граций,
Нимф, сплетенных в хоровод,
С Делией своей Гораций,
Гимны радости поет.
Там, под тенью миртов зыбкой,
Нам любовь сплетет венцы,
И приветливой улыбкой
Встретят нежные певцы.

МАДАГАСКАРСКАЯ ПЕСНЯ

Как сладко спать в прохладной тени,
Пока долину зной палит,
И ветер чуть в древесной сени
Дыханьем листья шевелит!

Приближтесь, жены, и руками
Сплетяся дружно в легкий круг,
Протяжно, тихими словами
Царя возвеселите слух!

Воспойте песни мне девицы,
Плетущей сети для кошниц,
Или как, сидя у пшеницы,
Она пугает жадных птиц.

Как ваше пенье сердцу внятно,
Как негой утомляет дух!
Как, жены, издали приятно
Смотреть на ваш сплетенный круг!

Да тихи, медленны и страстны
Телодвиженья будут вновь,
Да всюду с чувствами согласны
Являют негу и любовь!

Но ветр вечерний повевает,
Уж светлый месяц над рекой,
И нас у кущи ожидает
Постель из листьев и покой.

ФИЛОМЕЛА И ПРОГНА *

Из Лафонтена

Когда-то Прогна залетела
От башен городских, обители своей,
В леса пустынные, где пела
Сиротка Филомела,
И так сказала ей
Болтливая певица:
«Здорово, душенька-сестрица!
Ни видом не видать тебя уж много лет!
Зачем забыла свет?
Зачем наш край не посещала?
Где пела, где жила? Куда и с кем летала?

* Филомела и Прогна — дочери Пандиона. Терей, супруг последней, влюбился в Филомелу, заключил ее в замок, во Фракии находящийся, обесчестил и отрезал язык. Боги, сжалившись над участию несчастных сестер, превратили Филомелу в соловья, а Прогну в ласточку.

Пора, пора и к нам
Залетом по веснам;
Здесь скучно: все леса унылы,
И колоколен нет».
«Ах, мне леса и милы!»
Печальный был ответ.
«Кому ж ты здесь поешь, — касатка возразила,—
В такой дали от жила,
От ласточек и от людей?
Кто слушает тебя? Стада глухих зверей
Иль хищных птиц собранье?
Сестра! грешно терять небесно дарованье
В безлюдной стороне.
Признаться... здесь и страшно мне!
Смотри: песчаный бор, река, пустынны виды,
Гора, висяща над горой,
Как словно в Фракии глухой,
На мысль приводят нам Тереевы обиды.
И где же тут покой?»
«Затем-то и живу средь скучного изгнанья,
Боясь воспоминанья,
Лютейшего сто раз:
Людей боюсь у вас»,
Вздохнув, сказала Филомела,
Потом: «Прости, прости!» — взвилась и улетела
Из ласточкиных глаз.

Череповец.

[Н. И. ГНЕДИЧУ]

Сей старец, что всегда летает,
Всегда приходит, отъезжает,
Везде живет — и здесь, и там,
С собою водит дни и веки,
Съедает горы, сушит реки
И нову жизнь дает мирам,

Сей старец, смертных злое бремя,
Желанный всеми, страшный всем,
Крылатый, легкий, словом — *время*,
Да будет в дружестве твоем
Всегда порукой неизменной
И, пробегая глупый свет,
На дружбы жертвенник священной
Любовь и счастье занесет!

[НА ЧЛЕНОВ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ]

Гремит повсюду страшный гром,
Горами к небу вздуто море,
Стихии яростные в споре,
И тухнет *дальний солнцев дом*,
И звезды падают рядами.
Они покойны за столами,
Они покойны. Есть перо,
Бумага есть и — всё добро!
Не видят и не слышут
И всё пером гусиным пишут!

ПЕРЕХОД РУССКИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ НЕМАН 1 ЯНВАРЯ 1813 ГОДА

[Отрывок из большого стихотворения]

Снегами погребен, угрюмый Неман спал.
Равнину льдистых вод и берег опустелый
И на брегу покинутые села
Туманный месяц озарял.
Всё пусто... Кое-где на снеге труп чернеет,
И брошенных костров огонь, дымясь, тлеет,

И хладный, как мертвец,
Один среди дороги,
Сидит задумчивый беглец,
Недвижим, смутный взор вперив на мертвы ноги.

И всюду тишина... И се, в пустой дали
Сгущенных копий лес возникнул из земли!
Он движется. Гремят щиты, мечи и брони,
И грозно в сумраке ночном
Чернеют знамена и ратники, и кони:
Несут полки Славян погибель за врагом,
Достигли Немана — и копья водрузили.
Из снега возрасли бесчисленны шатры,
И на брегу зажженные костры
Всё небо заревом багровым обложили.
И в стане царь младой
Сидел между вождями,
И старец-вождь пред ним, блестящий сединами
И бранной в старости красой.

[ОТРЫВОК ИЗ ШИЛЛЕРОВОЙ ТРАГЕДИИ «DIE BRAUT VON MESSINA» (МЕССИНСКАЯ НЕВЕСТА)]

Донна Изабелла, дон Эммануил и дон Цезарь (ее дети)

Д. Изабелла *(выступая с сынами)*

Приникни с горней высоты,
Заступница печальных смертных,
И сердце удержи мое
В границах должного смиренья!
Я матерь: в радости могу,
Взирая на сынов, забыться
И жертвой гордости упасть.

Ах, в первый жизни раз
Их совокупно обнимаю;
До сей минуты вожделенной
Таила в сердце глубоко
Горячность верную к сынам,
Равно для матери бесценным!
В объятьях одного другой
Мне должен был казаться мертвым;
Два сына мне дала судьба,
Но сердце, их любить, одно...
Ах, дети, молвите: могу ли
Вас обоих равно обнять
В восторгах радости безмерной?

(к д. Эммануилу)

Не раню ль ревность я твою,
Сжимая Цезареву руку?

(к д. Цезарю)

Скажи, обидели ль тебя
Любви моей ко брату знаки?
Я трепещу: моя любовь
В вас злобы пламень раздувает!
Чего мне ждать? Вещайте, дети!
С какою мыслию стеклись?
Иль древняя вражда воспрянет,
Непримиримая и здесь,
В дому родителей священном?
Или за прагом меч и нож,
И гнев, скрежещущий зубами,
Вас ожидают, несчастливцы?
Что шаг от матери, то смерть,
Что шаг, то новы преступленья!

Хор

Мир или злоба? Жребий не вынут;
Скрыто глубоко, что будет, от нас:

Меч иль оливу братья отринут —
Мы не трепещем и станем за вас!

Д. Изабелла

Какие злобны восклицанья!
Что мужи бранные хотят?
Или войну готовят здесь
У алтарей гостеприимных?
К чему мечи, когда с любовью
Здесь матерь обняла детей?
Или в объятиях ее
Страшитесь адския измены
И змий-предателей?.. Враги —
Так, не друзья — толпы наемных,
Слепые слуги мести вашей,
Раздор несущи по следам!
Нет, не друзья, не верьте им:
Не молвят доброго совета!
Одна боязнь и вечный страх
Куют им раболепны руки,
Всегда готовые на зло.
Вы научитесь, дети, знать
Сей род и низкий, и строптивый:
Он кровожадный власти червь,
Он силы тайный поядатель!
О, дети, сколь опасен мир:
Он полон лести и лукавства.
Какие узы прочны здесь?
Где постоянны человеки,
Поклонники корысти бренной?
Природа лишь одна верна
На якоре своем нетленном,
И счастлив тот, кому дает
Сопутником в сей жизни брата!

Хор

Други, вещала вам правду она!
Ей вся открыта сердец глубина.
Мы же, как снасти лишенные челны.
Летим на погибель в житейские волны!

Д. Изабелла *(к д. Цезарю)*

О, ты, прижавший меч во длани,
Склонивший ниц ревнивый взор,
Воззри окрест и будь судья:
Кто брату красотой подобен?

(к д. Эммануилу)

Ответствуй мне: из сей толпы
Кто Цезаря затмит красою?
Вы оба, юноши, равно
Наделены рукой природы.
Молю, воззрите на себя,
Уверьтесь в истине очами!
Из тысячи твоя рука
Его, как друга бы, прижала.
И братом сердце нарекло!
О, ослепление страстей,
Плод ревности и злости адской!
Когда судьбина в колыбели
Друг другом наделила вас.
Забыв родства и крови узы
В кипящих как волкан, страстях,
К ногам повергнув дар природы,
Клевретов нарекли друзьями.
Врагам любовью поклялись!

Д. Эммануил

О. выслуша меня!

Д. Цезарь *(вступая в речь)*

Дай слово
Мне молвить, матерь...

Д. Изабелла

Нет!
Слова не укротят вражды:
Здесь месть с обидою взаимны.
Здесь ненависть таится глубоко.
Кто знает, где огонь сей адский,
Объявший пламенем сердца,
Огонь ужасный, сокровенный,
Одетый лавой древних дней?
Обида с юной жизни здесь
Растет, мужает беспрестанно,
И муж за юношу — нам враг!
Увы, от младости безумной
Вы, братья, дышете на зло!
Лета б должны обезоружить
Враждующих. Воззрите вспять:
Где ненависти первой семя?
Среди гремушек, детских игр
И лепетания младенцев,
Там зла виновное начало,
Там горести источник вечный!
Но устыдитеся, вы — мужи!

(Берет обоих за руки)

Желанный мною час настал!
Сойдитесь, милые! Решитесь
Вины взаимные забыть!
В душе великой, благородной
Прощенье выше всех побед.
В могилу древнего отца
Повергните вражды ехидну,
Готовую известь безумных;

Любви и миру дайте жизнь
И обновитеся сердцами!

(Отступает шаг назад, как будто желая дать место братьям приблизиться взаимно; но они оба неподвижны, взоры их устремлены в землю)

Хор

Братья, почтите матери волю!
Слово святое вам зарекла:
Кончить годину мести и зла.
Братья, иль снова к ратному полю?
Слепо мы делим ваши судьбы:
Вы — властелины, мы же — рабы.

Д. Изабелла

(В молчании, несколько минут напрасно ожидая примирения братьев, говорит с чувством глубокой горести)

Довольно! силу слов
И заклинаний истощила!
В могиле тот, кто мог владеть
Строптивыми сынов сердцами.
Что я? Увы, печальная вдова!
Мой глас — бессильный глас молитвы!
Довольно! Полная свобода:
Отдайтесь демону вражды
На гнев, на новые обиды!
Чего стыдиться вам? Жены,
Сих стен, сих алтарей безмолвных?
Под сенью их, где ваши колыбели
На радость некогда стояли,
Братоубийством осквернитесь,
Облейтесь кровию своей
И грудь на грудь, в неистовом пылу,
Как Полиник, как Этеокл проклятый

Друг друга задушите вы
В объятиях достойных ада... *

Хор

О, ужас, что матерь вам здесь зарекла!
Годину печали, тревоги и зла,
А в жизни грядущей и скрежет, и муки!
Да будут же чисты от гибели руки,
Да с миром вас примет родителей дом!
Смиритесь, о, братья, есть на небе гром!

Д. Цезарь *(не смотря на брата)*

Ты — старший брат, начни же речь,
Я отвечать тебе готов!

Д. Эммануил *(в подобном положении)*

Сам молви ласковое слово,
Ты — младший, дай любви пример!

Д. Цезарь

Не потому, что я виновен
Иль брата старшего слабей?

Д. Эммануил

Всем доблесть рыцаря известна:
Ты скромен, следственно, не слаб.

Д. Цезарь

Или так мыслишь ты о брате
Воистину?

Д. Эммануил

Не знаю лжи;
Как ты, душою выше чванства.

* Здесь нескольких стихов недостает. *(Прим. П. А. Вяземского)*

Д. Цезарь

Презренья не могу снести;
Но ты в пылу жестокой распри
О брате низко не вещал!

Д. Эммануил

Моей ты смерти не алкал.
Я знаю: ты казнил монаха,
Что мне готовил тайно яд.

Д. Цезарь

О, если б брата прежде знал!
Что было... верно б не случилось!

Д. Эммануил

Не зная сердца твоего,
Я матерь горестно обидел.

Д. Цезарь

Ты мне жестоким был описан.

Д. Эммануил

Несчастие: князей клевреты
Владеют тайно их душой!

Д. Цезарь *(быстро)*

Всему виновники они...

Д. Эммануил

Два сердца разлучивши злобой...

Д. Цезарь

Наветом, хитрой клеветой...

Д. Эммануил

И ядом лести и коварства...

Д. Цезарь

Питая яростную рану...

Д. Эммануил

Нас сделали рабами их...

Д. Цезарь

Игралищем страстей чужих.

Д. Эммануил

Так, правда! чуждый друг неверен!

Д. Цезарь

Опасный: матерь нам вещала.

Д. Эммануил

Так дай же руку, милый брат!

Д. Цезарь

Она твоя навеки, брат!

Д. Эммануил

Чем боле на тебя смотрю,
Тем боле, с сладким удивленьем.
Сретаю матери черты...

Д. Цезарь

Вглядись, как сходен ты со мной:
Бесценное для брата сходство!

Д. Эммануил

Ты ль это, брат? Твои ли речи
И ласки к младшему, скажи?

Д. Цезарь

Ты ль это, юноша прелестный,
Столь злобный некогда мне враг?

Д. Эммануил

Как права, требуя коней
Из славного отца наследства,
Ты рыцаря прислал за ними,
И я дал рыцарю отказ.

Д. Цезарь

Они твои, не мыслю боле...

Д. Эммануил

Нет! нет! твои, — и колесница...
Прими, как брата первый дар!

Д. Цезарь

Приму, но ты сей твердый замок,
Воздвигнутый над морем шумным,
Вражды источник обоюдный,
Прими, как дань любви моей!

Д. Эммануил

Я не приму, но вместе там,
Как братья, станем жить отныне!

Д. Цезарь

Ты прав, к чему добром делиться,
Когда два сердца заодно?

Д. Эммануил

Союзом будем мы сильнее;
Против врагов, против судьбины
Нам дружба неизменный щит!

Д. Цезарь

Отныне мой ты стал навеки!

Хор

Но что мы, клевреты, стоим в неприязни?
Примеры благие дают нам князья:
Сомкнем же десницы без низкой боязни
И будем отныне навеки друзья!

НОВЫЙ РОД СМЕРТИ

За чашей пуншевой, в политику с друзьями
Пустился Бавий наш, присяжный стихотвор.
Одомаратели все сделались судьями,
И каждый прокричал свой умный приговор,
Как ныне водится, Наполеону:
«Сорвем с него корону!» —
«Повесим!» — «Нет, сожжем!»
«Нет, это жестоко... в Каэну отвезем
И медленным отравим ядом».
«Очнется!» — «Как же быть?» — «Пускай истает гладом!»
«От жажды!...» — «Нет! — вскричал насмешливый Филон,—
Нет! с большей лютостью дни изверга скончайте!
На Эльбе виршами до смерти зачитайте,
Ручаюсь: с двух стихов у вас зачахнет он!»

ЗАПРОС АРЗАМАСУ

Три Пушкина в Москве, и все они — поэты.
Я полагаю, все одни имеют леты.
Талантом, может быть, они и не равны,
Один другого больше пишет,
Один живет с женой, другой и без жены
А третий об жене и весточки не слышит
(Последний — промеж нас я молвлю — страшный плут,
И прямо в ад ему дорога!), —
Но дело не о том: скажите, ради бога,
Которого из них *Бобрищевым* зовут?

[НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ КН. П. А. ВЯЗЕМСКОГО]

Кто это, так насупя брови,
Сидит растрепанный и мрачный, как Федул?
О, чудо! Это он!... Но кто же? Наш Катулл,
Наш Вяземский, певец веселья и любови!

ПОСЛАНИЕ

От практического мудреца мудрецу Астафьическому
с мудрецом Пушкиническим

Счастлив, кто в сердце носит рай,
Неизменяемый страстями!
Тому всегда блистает май
И не скудеет жизнь цветами!
Ты помнишь, как в плаще издранном Эпиктет
Не знал, что барометр пророчит непогоду,
Что изменяется кругом моральный свет,
И Рим готов пожрать вселенныя свободу.
В трудах он закалив и плоть свои и дух.
От зноя не потел, на дождике был сух!
Я буду твердостью превыше Эпиктета.
В шинелѣ терпенья облекусь
И к ва́м нечаянно явлюсь,
С лучами первыми рассвета.
Да! Да! Увидишь ты меня перед крыльцом
С стоическим лицом.
Не станет дело за умом!
Я ум возьму в Сенеке,
Дар красноречия мне ссудит Соковнин
Любезность светскую Ильин,
А философию я заказал... в аптеке!

[П. А. ВЯЗЕМСКОМУ]

Я вижу тень Боброва:
Она передо мной,
Нагая, без покрова,
С заразой и с чумой;
Сугубым вздором дышет
И на скрижалях пишет
Бессмертные стихи,
Которые в мехи
Бог ветров собирает
И в воздух выпускает
На гибель для певцов;
Им дышет граф Хвостов.
Шихматов оным дышет,
И друг твой, если пишет
Без мыслей кучи слов.

ПОСЛАНИЕ К А. И. ТУРГЕНЕВУ

Есть дача за Невой.
Верст двадцать от столицы.
У Выборгской границы,
Близь Парголы крутой:
Есть дача или мыза,
Приют для добрых душ.
Где добрая Элиза
И с ней почтенный муж.
С открытою душою
И с лаской на устах,
За трапезой простою
На бархатных лугах,
Без дальнего наряда.
В свой маленький приют

Друзей из Петрограда
На праздник сельский ждут.
Там муж с супругой нежной.
В час отдыха от дел,
Под кров свой безмятежной
Муз к Грациям привел.
Поэт, лентяй, счастливец
И тонкий философ,
Мечтает там Крылов
Под тению березы
О басенных зверях
И рвет Парнасски розы
В Приютинских лесах.
И Гнедич там мечтает
О Греческих богах,
Меж тем как замечает
Кипренский лица их
И кистию чудесной,
С беспечностью прелестной,
Вандиков ученик,
В один крылатый миг
Он пишет их портреты.
Которые от Леты
Спасли бы образцов,
Когда бы сам Крылов
И Гнедич сочиняли.
Как пишет Тянислов
Иль Балдусы писали.
Забыв и вкус, и ум.
Но мы забудем шум
И суеты столицы,
Изладим колесницы,
Ударим по коням
И пустимся стрелою
В Приютино с тобою.
Согласны? — По рукам!

[К С. С. УВАРОВУ]

Среди трудов и важных Муз,
Среди учености всемирной
Он не утратил нежный вкус;
Еще он любит голос лирной,
Еще в душе его огонь,
И сердце наслаждений просит,
И борзый Аполлонов конь
От Муз его в Цитеру носит.
От пепла древнего Афин,
От гордых памятников Рима,
С развалин Трои и Солима,
Умом вселенной гражданин,
Он любит отдыхать с Эратой
Разнообразной и живой
И часто водит нас с собой
В страны Фантазии крылатой.
Ему легко: он награжден,
Благословен, взлелеян Фебом;
Под сумрачным родился небом,
Но будто в Аттике рожден.

К ТВОРЦУ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

Когда на играх Олимпийских,
В надежде радостных похвал,
Отец истории читал,
Как Грек разил вождей Азийских
И силы гордых сокрушил, —
Народ, любитель шумной славы,
Забыв ристанье и забавы,
Стоял и весь вниманье был.
Но в сей толпе многонародной
Как старца слушал Фукидид!

Любимый отрок Аонид,
Надежда крови благородной;
С какою жаждою внимал
Отцов деянья знамениты
И на горящие ланиты
Какие слезы проливал!

И я так плакал в восхищеньи,
Когда скрижаль твою читал,
И гений твой благословлял
В глубоком, сладком умиленьи...
Пускай талант — не мой удел!
Но я для Муз дышал недаром,
Любил прекрасное и с жаром
Твой гений чувствовать умел.

[КНЯЗЮ П. И. ШАЛИКОВУ

при получении от него в подарок книги, им переведенной]

Чем заплачу вам, милый князь,
Чем отдарю почтенного Поэта?
Стихами? Но давно я с Музой рушил связь
И без нее кругом летаю света,
С востока к западу, от севера на юг —
Не там, где вы, где Граций круг,
Где Аполлон с Парнасскими сестрами,
Нет, нет, в стране иной,
Где ввек не повстречаюсь с вами:
В пыли, в грязи, на тряской мостовой
«В картузе с козырьком, с небритыми усами»,
Как Пушкина герой,
Воспетый им столь сильными стихами.
Такая жизнь для мыслящего — ад.
Страданий вам моих не в силах я исчислить.
Скачи туда, сюда, хоть рад или не рад.

Где ж время чувствовать и мыслить?
Но время, к счастью, есть любить
Друзей, их славу и успехи
И в дружбе находить
Неизъяснимые для черствых душ утехи.
Вот мой удел, почтенный мой Поэт:
Оставя отчий край, увижу новый свет
И небо новое и незнакомы лицы,
Везувий в пламени и Этны вечный дым,
Кастратов, оперу, фигляров, папский Рим
И прах, священный прах всемирныя столицы.
Но где б я ни был (так я молвлю в добрый час),
Не изменясь, душою тот же буду.
И, умирая, не забуду
Москву, отечество, друзей моих и вас!

11 сентября 1818 г.

* * *

Жуковский, время все проглотит,
Тебя, меня и славы дым,
Но то, что в сердце мы храним,
В реке забвенья не потопит!
Нет смерти сердцу, нет ее!
Доколь оно для блага дышет!..
А чем исполнено твое,
И сам Плетаев не опишет.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

ПЕВЕЦ В БЕСЕДЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЛОВА

П е в е ц

Друзья! все гости по домам:
От чтенья охмелели;
Конец и прозе, и стихам
До будущей недели!
Мы здесь одни!.. Что делать? Пить
Вино из полной чаши!
Давайте взапуски хвалить
Славянски оды наши.

С о т р у д н и к и

Мы здесь одни... Что делать? Пить *(и проч.)*.

П е в е ц

Сей кубок чадам древних лет.
Вам слава, наши деды!
Друзья! Почто покойных нет
Певцов среди Беседы!
Их вирши сгнили в кладовых
Иль съедены мышами,
Иль продают на рынке в них
Салакушку с сельдями.
Но дух отцов воскрес в сынах,

Мы все для славы дышем,
Давно здесь в прозе и стихах,
Как Тредьяковский, пишем.

Сотрудники

Но дух отцов воскрес в сынах *(и проч.)*.

Певец

Чья тень парит под потолком
Над нашими главами?
За ней, пред ней... о, страх! — кругом
Поэты со стихами!
Се Тредьяковский в парике
Засаленном, с кудрями,
С Телемахидою в руке
С Ролленем за плечами!
Почто на нас, о, муж седой!
Вперил ты грозны очи?
Мы все клялись, клялись тобой
С утра до полуночи
Писать как ты, тебе служить;
Мы все с рассудком в споре.
Для славы будем жить и пить
Нам по колено море!
Напьемся пьяны Музе в дань,
Так пили наши деды!
Рассудку — гибель, вкусу — брань
Хвала, сыны Беседы!
Пусть Ломоносов был умен.
И нас еще умнее;
За пьянство стал бессмертен он
А мы его пьянее.

Сотрудники

Для славы будем жить и пить.
Врагу беда и горе!

Почто рассудок нам щадить?
Нам по колено море.

Певец

Друзья! большой бокал отцов
За лавку Глазунова!
Там царство вечное стихов
Шихматова лихова.
Родного крова милый свет,
Знакомые подвалы,
Златые игры прежних лет —
Невинны мадригалы!
Что вашу прелесть заменит?
О, лавка дорогая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Сотрудники

Что вашу прелесть заменит *(и проч.)*.

Певец

Там все знакомо для певцов,
Там наши дети милы,
Кладбище мирное стихов,
Бумажные могилы,
Там царство тленья и мышей,
Там Николев почтенный,
И древний прах календарей
И прах газет священный.
Да здравствует Беседы царь!
Цвети твоя держава!
Бумажный трон твой — наш алтарь.
Пред ним обет наш — слава!
Не изменим: мы от отцов
Прияли глупость с кровью;

Сумбур! здесь сонм твоих сынов
К тебе горим любовью:
Наш каждый писарь — Славянин
Галиматьею дышет,
Бежит, предатель сих дружин,
И галлицизмы пишет!

Сотрудники

Наш каждый писарь — Славянин *(и проч.)*.

Певец

Тот наш, кто каждый день кадит
И нам молебны служит;
Пусть публика его бранит,
Но он о том не тужит!
За нас стоит гора горой,
В Беседе не зевает.
Прямой сотрудник, брат прямой
И в брани помогает!
Хвала тебе, Славенофил,
О, муж неукротимой!
Ты здесь рассудок победил
Рукой неутомимой.
О, сколь с наморщенным челом
В Беседе он прекрасен
И сколь он хладен пред столом
И критикам ужасен!
Упрямство в нем старинных лет,
Хвала седому деду!
Друзья! он, он родил на свет
Славянскую Беседу!

Сотрудники

Он нас сироток воскормил!

Потемкин

Меня читать он учит.

Жихарев

Моих он «Бардов» похвалил.

Шихматов

Меня в Пиндары крючит.

Певец

Хвала тебе, о, дед седой!
Хвала и многи лета!
Ошую пусть сидит с тобой
Осьмое чудо света,
Твой сын, наперсник и клеврет —
Шихматов безглагольный,
Как ты, Славян краса и цвет,
Как ты, собой довольный!
Хвала тебе, о, Шаховской,
Холодных шуб родитель!
Отец талантов, муж прямой,
Ежовой покровитель! —
Телец, упитанный у нас,
О, ты, болван болванов!
Хвала тебе, хвала сто раз,
Раздутый Карабанов!
Хвала, читателей тиран,
Хвостов неистощимый!
Стихи твои — наш барабан,
Для слуха нестерпимый;
Везде с стихами ты готов,
Везде ты волком рыщешь,
Пускаешь притчу в тыл врагов,
Стихами в уши свищешь;
Лишь за поэму — прочь идут,
За оду — засыпают,
Ты за посланье — все бегут
И уши затыкают.

Хвала, псаломщик наш, старик,
Захаров-преложитель!
Ревет он так, как волк иль бык,
Лугов пустынных житель;
Хвала тебе, протяжный Львов,
Ковач речений смелый!
И Палицын, гроза Певцов,
В Поповке поседелый!
Хвала, наш пасмурный Гервей,
Обруганный Станевич,
И с польской музыкой своей,
Халуй Анастасевич!
Друзья, сей полный ковш пивной
За здравье Соколова!
Он, право, чтец у нас лихой
И создан для Хвостова.
В его устах стихи ревут,
Как волны в уши плещут;
От грома их невольно тут
Все барыни трепещут;
Хвала, беседы сей дьячок
Бездушный Политковской!
Жует, гнусит и вдруг стишок
Родит Славяноросской.

. . . .

. . . .

Их груди каменной хвала!
Хвала скуле железной!

Сотрудники

. . . .

. . . .

Их груди каменной хвала!
Хвала скуле железной!
Но месть тому, кто нас бранит
И пишет эпиграммы,

Кто пишет так, как говорит,
Кого читают дамы.

Певец

Сей кубок мщенью! Други! в строй!
И мигом — перья в длани!
Сразить иль пасть — наш роковой
Обет в чернильной брани.
Вотще свои, о, Карамзин,
Ты издал сочиненья:
Я, я на Пинде властелин
И жажду лишь отмщенья!
Нет логики у нас в домах,
Грамматик не бывало;
Мы пролог в руки — гибни, враг,
С твоей дружиной вялой!
Отведай, дерзкий, что сильней —
Рассудок или мщенье;
Пришлец! мы в родине своей,
За глупых — провиденье!
Друзья! прощанью сей стакан,
Уж свечи погасили,
Пробили зорю в барабан,
К заутрени звонили;
Пора домой, пора ко сну;
От хмеля я шатаюсь.

Хвостов

Дай, басню я прочту одну
И после распрощаюсь.

Все

Ах! нет, друзья, домой, домой!
Чу... петухи пропели.
Прощай, Шишков, наш дед седой,
Прощай, мы охмелели —

И ты нас в путь благослови.
А вы, друзья, — лобзанья!
В завет — и новыя любви,
И нового свиданья.

СЦЕНЫ ЧЕТЫРЕХ ВОЗРАСТОВ

ПЕРВЫЙ ВОЗРАСТ

Детские пляски, игры и проч. Несколько детей, отделясь от других, приближаются к зрителям, держа недоплетенные цветочные вязи. Позади их несколько раз повторяется следующий куплет:

Сбирайте цветочки
С зеленых лугов!
Плетите веночки
Из пестрых цветов!

1-е дитя

Сегодня большой праздник для нас, милые товарищи. Сегодня возвратятся наши добрые родители.

Несколько детей *(обнимая друг друга)*

Какая радость! Сегодня возвратятся они, наши милые, добрые родители!

1-е дитя

Из далекой стороны!

Несколько детей

Победителями! Победителями!

1-е дитя

Мое сердце бьется от радости! Бедная маминька и сестрицы ожидали батюшку с таким нетерпением! Они боялись, чтоб злые солдаты не убили его в сражении. Теперь нечего уже бояться.

Один ребенок *(отделясь от тех, которые толпятся вокруг жертвенника, подбегает с вязью цветов)*

Полно вам болтать, милые друзья! Собирайте лучше цветы в эти корзинки; украшайте ими жертвенник в честь победителей. Может быть, они увидят его и полюбуются нашими трудами. Кроме цветов и сердец наших мы ничего не имеем: и те приносим с радостию.

Все дети вместе

Давайте собирать цветы!

Общий хор и пляска

Сбирайте цветочки
С зеленых лугов,
Плетите веночки
Из алых цветов!

1-е дитя

Мы дети — не знаем
Заслуги отцов;
Мы их увенчаем
Венками цветов.

Хор

Скорее цветочки
Сбирайте с лугов,
Плетите веночки
Царю из цветов.

1-е дитя

О, други! Спешите
Навстречу ему:
Весь путь устелите
Цветами ему.

Хор

Врагов победитель,
Он кроток душой!

Он наш покровитель.
Он ангел святой!

Несколько детей вдруг

Чу! Знать, кто-то едет? Не он ли?

Все дети убегая, поют:

О, други, спешите
Навстречу ему:
Весь путь устелите
Цветами ему!

ВТОРОЙ ВОЗРАСТ

Юноши и девицы за разными занятиями поют:

Всё вкушает в жизни сладость
Царский чувствуя приход.
Пой в восторге шумном младость,
Пой здесь счастливый народ!

Хор

Богом царь благословенный
Возвратится скоро к нам!

Царь велик, но не отринет
Скудных юности даров
И с улыбкой взоры кинет
На усердие сынов.

Хор

Богом царь благословенный.
Возвратись скорее к нам!

Несколько юношей и девиц, отделясь от прочих рассматривают занятия товарищей

1-й юноша

Трудитесь, трудитесь, милые друзья; минута торжественная приближается. Говорят, что славные наши воины недалеко;

с ними, конечно, и государь. Он увидит наши занятия: плоды искусств, художеств, рукоделий и наук. Мы ему посвятим их.

2-й юноша

И он, конечно, не отринет слабых, но усердных приношений, в местах, ему от детства любезных.

Девица аккомпанирует на арфе

Дуэт девиц

Он любит тени сих лесов,
Безмолвие природы,
Журчанье здешних ручейков,
Пастушечью свирель и наши хороводы.
Он любит отдыхать близь матери своей
От шума грозного Арея,
И счастье мирное полей
Монарха веселит не менее трофея.

Дуэт юношей

Он лавры похищал
Из рук неистовой Беллоны;
Царям он возвращал
И царства, и короны...

Юноши и девицы

Весь мир его боготворит,
В немом поникнув изумленьи.
Он правде друг, он вере щит
И Россов утешенье.

1-й юноша

И впрям! Какими чудесами наполнили свет наши непобедимые воины под его начальством! Взгляните на карту и удивляйтесь!

Где только ветры могут дуть,
Проступят там полки орлины! (Ломоносов)

Хор молодых земледельцев *(в отдалении)*

Язык наш прост — сердца простые,
Сильна рука в бою, в трудах;
Нас помнил царь в чужих краях
И мир принес в поля родные.

Вдали бюст государя в зеленой беседке, где за кустами занимается художник оканчиванием его, и по мере приближения той минуты, в которую будет петь следующий куплет подходящий хор девиц, мало-по-малу его открывают

Хор

Обложим вкруг, друзья, цветами
Мы образ нашего царя,
Его бессмертия заря
Венчает яркими лучами.

1-й юноша

Смотрите, какое удовольствие блистает на всех лицах! Веселая молодость вне себя от радости. Пляски хороводы начинаются; разделим их с товарищами.

Всё вкушает жизни сладость,
Царский чувствуя приход.
Пой в восторге шумном младость!
Пой здесь счастливый народ!

Хор

Богом царь благословенный
Возвратится скоро к нам!

Царь велик, но не отринет
Скудных юности даров
И с улыбкой взоры кинет
На усердие сынов.

Хор

Богом царь благословенный,
Возвратись скорее к нам!

Юноши

Придет время и с отцами
Мы победы разделим;
К славе их пойдем следами —
Иль умрем, иль победим!
Богом царь благословенный
Нас к победам поведет!

Пляска оканчивается

1-й юноша

Мы кончили наши занятия; возвратимся к своим родителям. Но прежде, по обыкновению нашему, принесем теплые молитвы о том, кому обязаны мы нашим благоденствием славою отечества!

Общий хор

Молим, юноши и девы,
Сохрани, о, щедрый бог!
Драгоценны дни царевы,
Счастья нашего залог!
Дни монарха, дни драгие,
Сохрани, о, щедрый бог!

ТРЕТИЙ ВОЗРАСТ

Жены за разными занятиями поют:

Счастливый час соединенья,
Источник радости и слез;
Прийди, о, дар благих небес,
Счастливый час соединенья!
Сподвижников царя
Несите к нам скорей, бездонные моря!
Вы, ветры, тише, тише вейте
И волны воздымать не смейте!

Хор.

Сподвижников царя
На родину несут бездонные моря.

Одна

К ним жены руки простирают.
Зовет их голос чад родных.
То страх, то радость наполняет
Попеременно души их.
С полей кровавой брани
Прийдут ли все в страну отцов
Вкусить любви и славы дани
На лоне мирных жен, в объятиях сынов?

Одна из жен

Мир и победа возвращают их в отечество. Здесь всё ожидает их с нетерпением, и минута свидания наградит нас за горестные слезы.

Одна из жен *(перед нею младенец в колыбели)*

Как сладко почивает
Младенец в тишине!
Улыбка на устах невинного играет,
Супруга милого напоминая мне.
С полей кровавой брани
Прийдет ли он в страну отцов
Вкусить любви и славы дани
В награду дивных дел и доблестных трудов?

Одна из жен

До сих пор мое сердце было исполнено и страхом, и надеждою. Но успокоимся, милые подруги! Час свидания близок; в скором времени возвратятся наши герои, покрытые славою. Между тем ты, Анюта, спой нам песенку, а мы попляшем.

Одна из жен поет песенку, а другие пляшут

Ю н о ш а *(вбегая, говорит)*

Сейчас я видел гонца, который сказывал, что наши воины попутным ветром летят на парусах к пристани и многие уже вышли на берег!

Х о р

О, верные подруги!
Свиданья близок час.
Спешат, спешат супруги
Обнять с любовью нас.
Уже, веселья полны,
Летят чрез сини волны...
Свиданья близок час!
По суше рьяны кони
Полки героев мчат.
Звенят стальные брони,
В руке блестит булат;
Шеломы их блистают,
Знамена развевают...
Свиданья близок час!

О д н а и з ж е н

Так! Близок, близок час свидания... Но... если не обманываюсь, вдали раздаются голоса, смешанные со звуками военной музыки. Слышите ли?

Все жены покидают свои занятия и в беспокойстве слушают

О д н а и з ж е н

Так, военная музыка... Она приближается.

Д р у г а я

Голос труб!

Х о р *(вдали)*

Гром победы, грома глас,
Громче, громче раздавайся!

В целом мире повторяйся:
Русский царь Европу спас!
Слава, слава государю!
Слава, слава, слава нам!

Одна из жен

Это они без всякого сомнения.

Все вместе

Они, они! Их знакомый голос.

Хор воинов *(ближе)*

Нас он в битвах предводил,
Он разрушил все твердыни!
Царства злобы и гордыни
Нашей грудью сокрушил!
Слава, слава государю!
Слава, слава, слава нам!

Одна из жен

Теперь уже нет сомнения любезные подруги: это они! Полетим навстречу!

ЧЕТВЕРТЫЙ ВОЗРАСТ

Старики и старухи за разными занятиями

1-й старик *(прочитав бумагу)*

Тишина и мир царствуют во вселенной; все благословляют великое имя того, кто утешил ими страждущее человечество, и гласы радости повсюду раздаются.

1-я старуха

С каким нетерпением ожидаем мы наших внуков! Скоро, скоро обнимем их дрожащими руками!

Другая

Сердце матери бьется от радости неизъяснимой.

Инвалид

И я, дряхлый воин, еще раз обниму моих правнуков!.. Но какую весть приносишь ты нам?

1-й старик *(входит поспешно; все встают, кроме инвалида)*

Радостную весть! Наши воины возвратились, и там гремят их победные песни.

Несколько стариков *(вместе)*

Как? Возвратились?

Другие

О, принесем благодарение всевышнему!

Гимн хором

Ты внял, о, боже, старцев глас,
Ты принял теплые молитвы,
Победою венчая битвы,
Обрадовал при гробе нас.

Храни царя, о, царь небес!
Храни народ тобой спасенной!
Он удивил страны вселенной
Величием твоих чудес.

О, боже! ты услышал глас
И старцев теплые молитвы;
Ты чад привел с кровавой битвы
Обрадовать при гробе нас.

Инвалид

Благодарю тебя, всемогущий боже, за продолжение преклонных дней моих до той счастливой минуты, в которую еще раз увижу, во всем сиянии славы, достойного правнука

Петра Великого, под знаменами которого я служил в моей молодости! Я закрою глаза мои при звуке побед. побед доселе неслыханных, и угасну в радости.

Здесь слышна военная музыка

1-й старик

Там слышна военная музыка наших воинов. Так! Это они!

(Воины, в сопровождении жен и детей, обнимают стариков и изъявляют знаки почтения дряхлому инвалиду)

Несколько воинов

Велел нам бог еще обнять вас. почтенные родители!

Инвалид *(обнимая двух воинов)*

Благословляю вас. внуки мои! Вы не уступили в доблести своим дедам.

Жены *(обнимая воинов)*

С какою радостию мы обнимаем вас, покрытых славою!

Одна из жен

Ах! и наши сердца трепещут при названии славы! *(Обращаясь к своему супругу)* Сколько раз я страшилась за тебя! Сколько раз потерею жизни моей желала бы я отвратить удары, на тебя устремленные; и сколько раз мое сердце наполнялось чистейшею радостию от одной мысли, что ты сражаешься под русскими знаменами за бога, за царя и за всех нас, что ты возвратишься покрытый славою; что, указывая на меня, на сына твоего, сограждане повторяют: вот жена, вот сын храброго воина! И слезы благодарности блистают в глазах их!

Дитя

И мы, дражайшие родители, мы будем со временем достойны отцов наших.

1-й воин

Радость моя неизъяснима! Чего не достает нам? Тот который предводил нас на поле славы. разделял с нами труды и все опасности, отдыхал под нашими шатрами и в дождь и в ненастье; тот, который награждал нас щедрою рукою, ныне возвратился с нами и с нами разделяет радость нашу. Он любит нас, как детей своих.

Кантата

Ты возвратился, благодатный!
Наш кроткий ангел, луч сердец!
Твой воссиял нам зрак прекрасный.
О, царь! отечества отец!
Внемли ж усердья клики звучны:
О, сколько мы благополучны,
    Отца в монархе зря!
    Ура! Ура! Ура!

Ты мужества явил примеры,
Россию твердой спас душой!
Защитник был святыя веры,
И, доблестьми прямой герой,
Явил дела великодушны!
О, сколько мы благополучны,
    Отца в монархе зря!
    Ура! Ура! Ура!

Ты возвратился, царь, нам милый,
И счастье наше возвратил,
Прогнал от нас те дни унылы
И страх, который нас томил,
Что были мы с тобой разлучны.
О, сколько мы благополучны,
    Отца в монархе зря!
    Ура! Ура! Ура!

1-й старик

Кончим торжественный день в храме всевышнего. Мы все, и стар, и млад, должны благодарить его за бесчисленные милости.

Общий хор

Друзья, на время нашу радость,
Восторгов клики прекратим·
Во храм, во храм мы поспешим
Благодарить небесну благость.
Бог правды был нам в бранех щит,

Хвала ему да возгремит!

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТИХИ БАТЮШКОВА, ЖУКОВСКОГО, ПЛЕЩЕЕВА И ПУШКИНА

1

Писать я не умею
(Я много уписал).

Я дружбой пламенею,
Я дружбе верен стал.

Мне дружба заменяет
Умершую любовь!
Пусть жизнь нам изменяет:
Что было — будет вновь.

2

ВЯЗЕМСКОМУ

Зачем, забывши славу,
Пускаешься в Варшаву?

Ужель ты изменил
Любви и дружбе нежной,
И резвости небрежной!
Но ты все так же мил...

Все мил — и неизменно
В душе твоей живет
Всё то, что в цвете лет
Столь было нам бесценно...

писать мнѣ лень.
(Я много уписалъ)
Я дружбой пламенѣю
Я дружбы въ ожиданіи
Мнѣ дружба замѣняетъ
Умершую любовь!
Пусть жизнь меня измѣнитъ.
Иное — будетъ вновь

24 Сентября 1817
С Село

Вяземскому

писали: Жуковскій. Батюшковъ
Пушкинъ Плещеевъ

Зачѣмъ забывши славу
Пускаешься въ Варшаву?
Укоръ тебѣ измѣнникъ!
Любви и дружбы плѣнникъ!
И вольности поклонникъ!
Но ты все также милъ...
Все мило — и неизмѣнно
Въ душѣ твоей живетъ
Все то, что въ цвѣтущей
Стократъ было намъ безцѣнно

Шуточные стихи Батюшкова, А. Пушкина, Жуковского и Плещеева
Автограф. Из бумаг Жуковского
(Ленингр. Публичн. библиотека)

DUBIUM

СРУБЛЕННОЕ ДЕРЕВО

(Подражание Мелендецу)

Долины царь! о, древний вяз!
Где слава дней твоих зеленых?
Где листьев густота? — где тень, котора в оных
Скрывалась, притаясь,
И вдруг потом, дыша прохладой,
Служила в полдень нам отрадой?
Не слышно более, чтоб гордая твоя
Глава от ветров трепетала.
Ты здесь родился, взрос, вода сего ручья,
Охотну дань платя, твой корень орошала;
И зелень нежную лелеела, питала;
Но вскоре, возгордясь,
Бежал от мягкой ты постели;
Как будто бы земной стыдяся колыбели,
Распространясь
Над всеми в воздухе широко,
Подъял главу высоко!

Когда весна тебя озеленяла вновь,
И птички, чувствуя любовь,
Чтоб свить себе гнездо, кустарников искали;

Тогда к тебе они стадами прилетали;
Садились по сучкам.
И там
Резвились, прыгали, шумели,
Любви всесильной гимны пели.
Едва с улыбкою румяная заря
Лучами первыми восток живописала,
Как, нетерпением горя,
С подругами к тебе пастушка прибегала.
Они тут пением своим,
Веселым, легким, стройным,
Предметам милым, дорогим,
Давали знать, что ждут их с сердцем беспокойным.
Под тенью скромною твоей,
От глаз ревнивых в удаленьи,
Любовники, тая огонь в душе своей,
Делили радость и мученьи!..
Ты видел, как иной страдал,
И рок свой проклинал немилосердый, злобный:
Иной надеялся, — страшился и — молчал.
Ты вздохов пламенных свидетель был безмолвный,
И *всё* таинственной завесой покрывал

В полуденный час лета знойный
К тебе же приходил и загорелый жнец
(Имея на главе из васильков венец)
Вкушать отрадный сон покойный;
И, защитив себя от солнечных лучей,
Под густотой твоей,
На время забывал все горести, заботы.
Когда же наступал способный час работы,
С веселием в душе на нивы поспешал
Вязать колосья золотые
(Одни для жизни сей сокровища прямые!)
И пеньем радостным он труд свой услаждал.
. . . .

Увы! небесный огнь лишил тебя навек
Одежды изумрудной,
И вскоре дровосек,
Свершивши подвиг трудный,
С секирой грозною в руках,
На брег низвергнет сей... О страх!
Я чувствую в душе невольно содроганье!..

Величественный, гордый вяз!
Прости, прости в последний раз!
Прости, листков твоих приятное шептанье,
И вы простите, имена,
На твердой сей коре рукой любви сплетенны. —
Одно мгновение!... и где остатки тленны?..
Ах! тщетно для тебя настанет вновь весна;
Ты умираешь с тем, чтоб век не возрождаться...
Уж члены все твои разбросаны в траве,
И возносившейся ко облакам главе
Во прахе суждено валяться!..
Теперь твой безобразный пень
Пугает только птиц; все мимо пролетают;
Пастушки с песнями нейдут к тебе под сень,
Но встречи тщательно с тобою избегают.
Лишь горлица одна, в отчаяньи, в тоске,
Лишась подруги сердцу милой,
Здесь сидя на песке,
С печалию твоей сливает глас унылой;
И эхо вдаль несет ее протяжный тон...
Я сам, величие твое воображая
И дни счастливые протекши вспоминая,
Со вздохом испускаю стон.

Жестокая тоска мятет меня, сражает;
Мне мнится, будто твой засохший пень вещает:
«Всё гибнет! гибнет всё!»... Так что ж такое жизнь?
. . . .

Виньет к первой части «Опытов в стихах и прозе»
1817 г.

Виньет к первой части «Сочинений в прозе и стихах» 1834 г.

П Р О З А

ПРЕДСЛАВА И ДОБРЫНЯ

Старинная повесть

Древний Киев утопал в веселии, когда гонец принес весть о победе над Печенегами. Скачет всадник за всадником, и последний возвещает приближение победоносного войска. Шумными толпами истекают Киевцы чрез врата северные; радостный глас цевниц и восклицаний народных раздается по холмам и долинам, покрытым снегом и веселою апрельскою зеленью. Пыльное облако уже показалось в отдалении; оно приближилось, рассеялось и обнажило стальные доспехи и распущенные стяги войска, пылающие от лучей утреннего солнца. Владимир, счастливый Владимир ведет рать свою, и красные девы сыплют пред конем его цветы и травы весенние. В устройстве ратном проходит дружина, тихо и торжественно, ряд за рядом, и шумные толпы восторженных Киевцев беспрерывно восклицают: «Да здравствует победитель Печенегов, храбрый Владимир!»

Герой, по обычаю древнему, преклонил меч свой к земле, благосклонно поклонился народу и сказал богатырским голосом: «Честь и слава Добрыне! Он избавитель мой!» Богатырь, сидящий на борзом коне своем, отрешил златую запону забрала, снял шелом и открыл голову пред народом и Владимиром в знак почтения и благодарности.

Слезы блистали в очах его; черные кудри, колеблемые дыханьем ветра, развевались по плечам, и правая рука его лежала на сердце. Восторженные Киевляне снова воскликнули: «Честь и слава Добрыне и всей дружине Русской!» Цветы посыпались на юношу из резных кошниц прекрасных жен и дев Киевских, и эхо разнесло по благоуханной долине, где видны были развалины храма, посвященного вечно юной Зимцерле: «Честь и слава дружине!»

Супруга Владимира, прекрасная царевна Анна, и дочь ее, Предслава, выходят навстречу к великому князю. Он простирает к ним свои руки, попеременно прижимает к стальной броне, под которой билось нежное сердце, то супругу, то дочь свою, и все труды ратные забыты в сию сладкую минуту свидания! Владимир указывает им на Добрыню: «Вот избавитель мой!» — говорит он, обращаясь к супруге, к царедворцам и седовласым мудрецам Греческим, притекшим с царевною из Царяграда. — «Вот избавитель мой! — продолжает великий князь. — Когда единоборство с исполином Печенегским кончилось победою, когда войска мои ринулись вослед бегущим врагам, тогда я, увлеченный победою, скакал по грудам тел и вторгся в толпу отчаянных врагов. Мечи их засверкали надо мной, стрелы пробили шелом и щит; смерть была неизбежна. Но Добрыня рассеял толпы врагов, вторгся в средину ужасной сечи: он спас меня! Чем и как заплачу ему?»

Слезы благодарности заблистали в очах прекрасной Анны; она подала супругу своему и Добрыне правую и левую руку и повела их по узорчатым коврам в высокий терем княжеский. Предслава взглянула на Добрыню, и ланиты ее запылали, подобно алой заре пред утренним солнцем; и длинные ресницы ее покрылись влагою, как у стыдливой девы, взглянувшей на жениха своего при блеске брачных светильников.

Прекрасна ты была, княжна Киевская! Осененная длинною фатою, ты была подобна стыдливому месяцу, когда он сквозь тонкий туман смотрит на безмолвные долины и на синий Днепр, сверкающий в просеках дубовых. Но отчего сильно

бьется девическое сердце твое под парчами и златою дымкою? Отчего белая грудь твоя волнуется, как лебедь на заливах Черного моря, когда полуденный ветер расколыхает воды его? Отчего глаза твои блистают огнем, когда они невольно обращаются на прекрасного витязя? Ах, и Добрыня давно любил тебя! Давно носил образ твой в сердце, в пламенной груди своей, покрытой тщетно стальною кольчугою! Повсюду образ твой, как тайный призрак, за ним следовал: и на потешных играх, где легкие копья ломаются в честь красных жен и дев Киевских, и на войне против Ляхов и Половцев, на страшных битвах, где стрелы свистят, как вихри, и острые мечи, ударяя по шеломам, наносят глубокие раны. Давно уже богатырь любил красавицу; но никогда не являлась она ему столь прелестною, как в сии минуты славы и радостей народных. Тщетная любовь, источник слез и горести! Все разлучает тебя с возлюбленной: и высокий сан ее, и слава Владимира, и слава предков красавицы, повелителей Царяграда! Ты знаешь сие, несчастный Добрыня, знаешь и — любишь. Но сердце твое чуждо радостей, чело твое мрачно посреди веселий и торжеств народных. Как дерево, которого соки погибли от морозов и непогод зимних, не воскресает с весною, не распускает от вешнего дыхания молодых листков и почек, но стоит уныло посреди холмов и долин бархатных, где всё нежится и пирует, так и ты, о, витязь, часто мрачен и безмолвен стоишь посреди шумной гридницы, опершись на булатное копье. Всё постыло для тебя: и красная площадь, огражденная высоким тыном (поприще словутых подвигов), и столы дубовые, на которых блестят кубки и златые чары с медом искрометным и заморскими винами; всё постыло для тебя: турий рог недвижим в руке богатырской, и унылые взоры твои ничем не прельщаются, ниже плясками юных Гречанок,* подруг Предславиных, которые, раскинув черные кудри свои по плечам, подобным в белизне снегам Скан-

* Известно по истории, что в княжение Владимира I находилось множество Греков при его дворе. Скажем мимоходом, что мы не позволяли себе больших отступлений от истории; но просим читателя не

динавии, и сплетясь рука с рукою, увеселяют слух и взоры Владимира разнообразными хороводами и нежным, протяжным пением. Они прекрасны, подруги Предславины... Но что звезды вечерние пред красным месяцем, когда он выходит из-за рощей в величии и в полной славе?

Долго ли таиться любви, когда она взаимна, когда всё питает ее, даже самая робость любовников? Тогда сердца подобны двум ручьям, которые невольно, как будто влекомые тайною силою, по покатам долин и отлогих холмов ищут друг друга, сливаются воедино, и дружные воды их составляют единую реку, тихую и прозрачную, которая по долгом и счастливом течении исчезает в морях неизмеримых. Счастливы они, если не найдут преграды в своем течении!

Так красавица и рыцарь невольно, неумышленно прочитали во взорах, в молчании и в словах отрывистых, им одним понятных, взаимную страсть. Они не видели под цветами ужасной пропасти, навеки их разлучающей, ибо она засыпана была руками двух сильных волшебниц, руками *любви и надежды!* Предслава не помышляла об опасности. Добрыня тогда только ужасался своей страсти, тогда только сердце его заливалось кровью, когда прекрасная Анна, мать его возлюбленной, обращала к нему приветливую речь, или когда Владимир выхвалял послам чуждых народов силу и храбрость своего избавителя. Юноша страшился неблагодарности.

Терем младой княжны был отделен от высоких теремов Владимира. Длинные деревянные переходы, украшенные резьбой, соединяли сии здания. Вековые дубы, насажденные руками отважного Кия, — как говорит предание, — осеняли уединенную обитель красавицы. Часто весенние вечера она просиживала на высоком крыльце, опершись рукою на дубовые перилы; часто взоры ее стремились в синюю даль, где высокие

забыть, что повесть не летопись. Здесь вымысл позволен. Относительно к басням rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable [Только истинное прекрасно, любезна одна только истина *(Ред.)*] принимается в другом значении.

холмы, величественно возвышаясь один над другим, неприметно сливались с небесной лазурью; часто, отдалив усердных прислужниц, одна среди безмолвия ночного, она предавалась сладким мечтаниям девического сердца, мечтаниям, которые невольно украшались образом Добрыни. Когда месяц осребрял высокие верхи дубов и кленов, и тихое дыхание полночи колебало листы, перебирая их один после другого, тогда Предславу обнимал ужас. Ей мечталось видеть Добрыню. Она вперяла прилежно слух и взоры; но всё было тихо, безмолвно, мечта исчезала, а с ней и тайный, но сладостный страх. Так младая княжна питала тоску и любовь свою, когда Добрыня воевал Печенегов с великим князем Владимиром. Она переносилась мысленно на поля, обагренные кровью: опасности, окружающие отца ее, ужасали сердце красавицы; но при мысли, что Добрыня падет под мечом или булавою варвара, сердце ее обливалось кровью, тяжко поднималась высокая грудь, и слезы падали обильною росою на златошвейные ткани.

Теперь сии деревянные переходы, осененные тению столетних дубов, сия тайная обитель невинности, учинилась свидетельницею ее радости. Страстный витязь позабыл и страх, и благодарность: всё забыто, когда сердце любит.

Витязь, в часы туманной полуночи, приходил к княжне, и там, у ног ее, поверял ей сердечную тоску и мучения, клялся в верности и утопал в счастии. Но любовники были скромны. Тих и ясен ручей при истоке, но скоро, возрастая собственными водами, становится быстр, порывист, мутен. Такова любовь при рождении, таковы и наши любовники.

Между тем все народы покорялись великому князю. И воинственные жители Дуная, и дикие Хорваты, сыны густых лесов и пустыней, и Печенеги, пиющие вино из черепов убиенных врагов на сражении, — все платили дань христианскому владыке. Народы стран северных, жители туманных берегов Варяжского моря, обитатели неизмеримой и бесплодной Биармии страшились и почитали Владимира. Многие владельцы желали вступить в брак с Предславою.

желали, но тщетно, ибо они были все служители идолов или поклонники Магомета.

Часто на холмах, окружающих Киев, неизвестный витязь становил златоглавый шатер и вызывал на единоборство богатырей Киевских. Ристалище открывалось, и пришлец, почти всегда побежденный, со стыдом удалялся в свое отечество. Витязи иноплеменные ежедневно увеличивали двор Владимиров. Меж ними блистали красотой и храбростью Горислав Ляхский, юноша прекрасный, как солнце весеннего утра, храбрый Стефан Угорский и сильный Андроник Чехский, покрытый косматой кожей медведя, которого он задавил собственными руками в бесплодных пустынях, орошенных Вислою. Все они требовали руки Предславиной, все состязалися с богатырями Киевскими и угощаемы были под богатыми наметами гостеприимным Владимиром. «Не наживу друзей сребром и золотом, — говорил он, — нет, а друзьями наживу, по примеру деда и отца моего, сокровища и славу!»

Но ужасная туча сбиралась над главами наших любовников. Радмир, сын князей Болгарских, владыка христианского поколения, спешит заключить союз с народом Русским и тайно требует руки Предславиной. Владимир принимает богатые дары его и дает ласковый ответ посланнику болгарскому: Радмир вскоре является на берегах Днепровских. Десять ставок, одна другой богатее, блистают при восходе солнечном, и сии ставки принадлежат Радмиру, который, окруженный блистательной толпою витязей Дунайских, вступает в терема княжеские. Вид его был величествен, но суров; взоры проницательны, но мрачны; стройный стан его был препоясан искривленным мечом; руки обнажены; грудь покрыта легкою кольчугой, а вниз рамен висела кожа ужасного леопарда. Предслава увидела незнакомца, и сердце ее затрепетало от тайного предчувствия.

Невольный румянец, заменяемый смертною бледностию, обнажал страсти, волнующие грудь красавицы. Взоры ее искали Добрыни, который безгласен, бледен стоял в толпе

царедворцев; но надменный Радмир толковал в свою пользу явное смущение красавицы и, ободренный своим заблуждением: «Повелитель земли Русской, — сказал он, — тебе известны хр брые поколения Болгаров, населяющих обильные берега Дуная. Меч храбрых Славен не один раз притуплялся о сие железо (указывая на свой меч); не один раз лилась кровь обоих народов, народов равно славных и воинственных, от которых трепетал и Запад, и поколения Северные: ибо где неизвестна храбрость Болгар и Славен! Храбрые Россы унизили надменные стены Царяграда; ты рассеял в прах стены Корсунские. Мечом предков моих избиты бесчисленные полчища Греков, ими выжжен град, носивший имя древнего Ореста. Мудрые предки мои приняли веру истинного бога, * и ты, Владимир, отверг служение идолов, и ты капища претворил во храмы. Я желаю твоего союза, о, повелитель земли Русской! Соединенные народы наши воедино удивят подвигами вселенную, расширят за Урал пределы твоего владычества... У твоего знамени будут сражаться мои воины. Меч мой будет твоим мечом... Но да введу в дом престарелого отца моего твою дочерь, да назову Предславу супругою!.. Владимир, я ожидаю благосклонного ответа».

Царедворцы и младые витязи Русские с негодованием взирали на гордого Радмира: они с нетерпением ожидали решительного отказа. Но те из них, которые поседели не на поле ратном, а в служении *гридницы*, лучше знали сердце своего владыки: они прочитали во взорах его совершенное согласие, и хитрая их улыбка одобрила речь надменного Радмира. Решительность в битвах, пылкая храбрость и дух величия болгарского владыки, дух, алкающий славы и подвигов, давно были известны Владимиру; гордые слова, гордый и величавый вид его напоминали ему о годах его юности,

* Болгары были магометанского исповедания, но не все, ибо император Михаил, победив их, принудил принять христианскую веру (смотри Нестора). Они же разорили Адрианополь, носивший в древности имя основателя своего Ореста (и об этом упоминает Нестор).

и, наконец, союз двух народов, доселе неприязненных, но равно храбрых и сильных, союз двух народов, скрепленный браком Предславы, долженствовал возвеличить княжество Русское, — и мудрый Владимир подал руку свою в знак согласия. Красавица безмолвна, бледна, как жертва, обреченная року, склонясь на руку прекрасной Анны, робкими, медленными шагами приближилась к своему отцу, который подал ей *чашу пиршества*, исполненную сладкого меда. Совершается древний обряд праотцев: жених принимает чашу из рук стыдливой невесты и выпивает до дна сладостный напиток.

Десять дней сряду солнце Киевское освещает радушные пиры в теремах княжеских. Десять дней сряду всё торжествует и радуется. Но красавица проливает слезы на лоно матери: единственное утешение в горести! Часто ужасная тайна готова вылететь из груди ее и всегда замирает на робких устах. Анна приписывает к нежности сердечной тоску дочери своей, и слезы ее текут с слезами красавицы. Но гордый Радмир, познавший в первый раз любовь, близок проникнуть ужасную тайну. С негодованием взирает на слезы и силится подавить в глубине сердца своего ужасную страсть — ревность, спутницу пламенной любви.

Между тем настает великий день, посвященный играм богатырским. При восходе лучезарного солнца голос бранной трубы раздается в заповедных лугах, и на возвышенном месте, устланном коврами Вавилонскими (похищенными при взятии Корсуня), возвышается высокий намет княжеский. Там восседает Владимир с супругою и прекрасною Предславой. Там, под другими шатрами, заседают старцы и жены Киевские. Из них старейшины называются *судьями тризны*, ибо награда храброго искони принадлежала мудрости и красоте. Народ стекается за ставками, и бесчисленные толпы его покрывают ближние возвышения. Посреди ратного места пешие и конные витязи ожидали знака для начатия игр. Грозный Роальд, витязь Новогородский, возвышался меж ними, как древний дуб посреди низкого кустарника. Юный Перея-

слав. богатырь низкого рода, но низвергнувший разъяренного вола, Переяслав, победивший исполина Печенегов, гордился чудесной силою. Он был пеш; кожа безобразного зверя, им растерзанного, развевалась на широких его раменах. Тяжелая секира, которую и три воина нашего века едва ли поднять могут, лежала на правом плече богатыря. Он ожидал борца и громким голосом вызывал на поединок всех витязей, вызывал — тщетно! Всякой страшится неестественной его силы. Гордый Свенальд, древле пришедший с отлогих берегов озера Нево, Свенальд, воевода Владимиров, являлся в толпе витязей в броне вороненой, в железном шеломе, на котором ветер развевал широкие крылья орлиные. Израненная грудь его, на которой струилась седая брада, черный шелом, исполинское копье и щит величины необычайной напоминали Киевцам о товарище отважного Святослава. Но меж вами, о, витязи, находилась славная воительница, притекшая с берегов баснословного Термодона. * Высокая грудь ее, где розы сочетались со свежими лилиями, грудь ее, подобная двум холмам чистейшего снега, покрыта была легкою тканью. Черные власы красавицы, едва удержанные златою повязкой, развевались волною по плечам, за которыми звенел резной тул, исполненный стрел. Нетерпеливый конь ее, легкий как ветр, был покрыт кожею ужасного леопарда; ноги его воздымали облако праха; златые бразды его, омоченные пеною, громко звенели, и он, казалось, гордился своею всадницею. Меч, кованный в Дамаске, блистал в правой руке ее, а левая покрыта была щитом сребра литаго. Всё в ней обличало деву, и гибкий стан, подобный пальме или стеблю лилейному, и маленькая нога, обутая в багряный полусапог; но рука ее о страх врагам и дерзким витязям! Киевцы, пораженные новым для них зрелищем, громко выхваляли красавицу, и сердце, гордое сердце девицы, сильно билось от радости.

Но Добрыня явился, и все взоры на него обратились, и ланиты Предславы запылали розами. Витязь вошел в толпу,

* Конечно — Царь-девица.

одетый тонким панцырем, на котором блистала голубая повязка, тайный подарок его любезной. Белые перья развевались на его шеломе. Меч-кладенец висел на широком поясе у левой бедры. По поданному знаку из шатра княжеского, юные гридни подвели ему коня, на котором Владимир воевал в молодости. Давно уже никто не седлал его, давно уже на свободе топтал он траву в заповедных лугах Киевских. Предание говорит, что конь сей был некогда посвящен Световиду и имел дар пророчества. * В знак дружбы своей Владимир его отдает витязю. Добрыня смело вложил ногу в златое стремя; конь почувствовал седока, преклонил смиренно дикую свою голову и радостным ржанием огласил луга и долины.

Знак был подан старейшинами, и взоры устремились на высокую мету, поставленную на конце поприща. К ней был привязан быстрокрылый сокол.

Стрелки отделились, и в числе их прекрасная воительница. Златый лук зазвенел в ее руках, и стрела помчалась по воздуху; но тщетное острие ударилось в дерево, зашаталось, и устрашенная птица затрепетала крыльями. Юный Горислав вынул каленую стрелу, и пернатая, пущенная из сильных рук его, рассекла воздух пламенною стезею. Так пролетает молния или звезда воздушная по синему небу! Стрела перерезала нити, которыми был привязан сокол, и птица, свободная от уз, быстро полетела над главами зрителей. Добрыня натягивает лук свой, пускает меткую стрелу... И сокол лежит у ног Предславы, и народ восклицает: «Честь и слава Добрыне!» А сердце красавицы утопало в веселии.

Изводят на поприще дикого вола, воспитанного на пажитях Черкасских: ужасная глава его, вооруженная крутыми рогами, поникла к земле; взоры дикие и мутные обращены были на толпу, которая раздалась в ту и другую сторону Андроник, дерзкий витязь, желая разъярить чудовище, вонзил в ребра его легкое копье; острие впилось, древко зашаталось, и черная кровь хлынула рекою. Разъяренный вол

* Конь бога Световида имел дар пророчества. Смотри «Мифологию славян» г. Кайсарова.

бросается на толпу; тяжелые ноги его вздымают к небесам облако праха и пыли; пышет черный дым, искры сыплются из глубоких его ноздрей, и страшный рев, подобный грому, оглушает устрашенных зрителей. Между тем отрок Переяслав исторгается из толпы и сильными мышцами ухватывает за рога дикого зверя. Начинается ужасная борьба. Трижды разъяренный вол опрокидывал богатыря и давил его своею громадою; трижды богатырь опрокидывал зверя, и ноги его, подобные столбам тяжелого здания, глубоко входили в песок. Наконец, храбрый юноша, уже близкий к погибели, вскакивает на хребет его, обхватывает жилистыми руками... и чудовище, изрыгая ручьи кровавой пены, падает бездыханно. Богатырь, покрытый пылью и пòтом, одним махом секиры своей отрубает ужасную голову чудовища, приподымает ее за крутые рога и бросает к ставке княжеской. Прекрасные княжны ужаснулись, а Киевцы, удивленные сим новым и чудесным зрелищем, провозглашают богатыря победителем.

Радмир, сохраняя глубокое молчание, стоял близь ставки княжеской. Он желает сорвать пальму победы, требует позволения войти в толпу храбрых и в тайне сердца своего полагает совершить победу над Добрынею.

Начинаются игры не менее опасные, но в которых сила и храбрость должны уступить искусству; всадники разделяются на две стороны; каждый из них выбирает соперника; Радмир назначил Добрыню, и витязь благословляет сей выбор! В руках его и жизнь, и слава соперника; в руках Предславы награда победителю — златый кубок, чудо искусства Греческих художников.

Разъезжаются по широкой равнине: легкие кони летят, как вихри, один навстречу другому, копья ударились в щиты. Добрыня удвояет удары, и Радмир, простертый на земле, глотает пыль и прах! Русский витязь покидает коня своего, меч сверкает в руке Болгара, удары сыплются на доспехи любовника Предславы, звонкие иверни летят с кольчуги, — мщение и гнев владеют рукою витязей, равно храбрых и искусных... Но Владимир подает знак — *и витязи остановились.*

Ибо внезапу воздух помрачился тучами. Зашумели вихри, и гром трижды ударил над главами зрителей. Сердца малодушных жен и старцев, которые втайне поклонялись мстительному Чернобогу, исполнились ужасом. Празднество кончилось; мечи и копья витязей опустились долу; но дождь и снег беспрестанно шумели и наполняли внезапными ручьями путь и окрестную равнину. Порывистый вихрь сорвал воткнутые древки и разметал далеко наметы княжеские. Народ укрывался под развалинами древних капищ и толпами бежал к городу. Анна прижала к груди своей Предславу и робкою, но поспешною стопою, ведомая Владимиром и окруженная верными гриднями, удалялась в терем свой. Гласы бегущего народа, топот скачущих по полям всадников, свист разъяренных вихрей, дождь, падающий реками, — всё сие устрашало прекрасную княжну. Омоченные власы рассыпались по высокому челу ее, вихрв сорвал легкие покровы с главы, дыхание ее прерывалось от скорого бега, и она, изнемогая, почти бездыханна, упала на пути, в дальнем расстоянии от Киева. Анна и Владимир спешили к ней на помощь, и Радмир предложил ей коня своего. Сердце Добрыни, в свою очередь, запылало ревностью: он желал бы сам проводить княжну, желал бы... Тщетное желание! Ненавистный Болгар, жених ее, он один имеет сие право. Между тем служитель Радмиров подводил коня за звучащие бразды; Предслава приближилась к нему... Она увидела беспокойство Добрыни, прочитала в глазах витязя глубокую печаль его, и горестный вздох вылетел из груди прекрасной девицы. Жених ей подал свою руку... О, счастие! Нетерпеливый конь, устрашенный шумною толпою, вырвался из рук клеврета и стрелою исчез в мраке. Болгарский князь, снедаемый гневом, бросился вслед за ним: тщетны были его старания, и ревность на крилах ветра заставила его возвратиться к Предславе. Но Добрыня, по приказанию Владимира, сидел уже на коне с княжною; уже борзый конь вихрем уносил счастливую чету, и великое пространство поля отделяло любовников от ревнивца. Сладкие минуты для Добрыни! Красавица обни-

мала его лилейными руками, сердце ее билось, билось так близко его сердца; нежная грудь ее прикасалась к стальной кольчуге, дыхание ее смешивалось с его дыханием (ибо витязь беспрестанно обращал к ней голову свою), и лицо ее, омоченное хладными ручьями дождя и снега, разгорелось, как сильное пламя... Конь мчался вихрем... И витязь в первый раз в жизни сорвал продолжительный, сладостный поцалуй с полуотверстых уст милой всадницы. Гибельный поцалуй! Он разлился, как огнь, глубоко проник в сердце и затмил светлые очи красавицы облаком любви и сладострастия. Она невольно преклонила голову свою на плечо витязя, подобно нежному маку, отягченному излишними каплями майской росы. Благовонные власы ее, развеваемые дыханием ветров, касались ланит счастливого любовника; он осыпал их сладкими поцалуями, осушал их своим дыханием, и упоение обоих едва ли кончилось, когда быстрый конь примчался к терему Владимира, когда он трижды ударил нетерпеливым копытом о землю, и прислужницы княжеские вышли им навстречу с пылающими светильниками.

Владимир возвратился в высокие терема и там нашел печальную и бледную Предславу. Ах, если б матерь ее, которой ласковые руки осушали омоченные волосы дочери, если б матерь знала, какая буря свирепствовала в ее сердце, отчего лилии покрыли бледностию чело и ланиты, отчего высокая грудь красавицы столь томно волнуется под покровами!!!...

Но вскоре княжна, окруженная подругами, скрылась в терем свой, ибо глубокая ночь уже давно покрывала землю. Добрыня, увлеченный любовию, забыв и долг, и собственную безопасность, Добрыня, пользуясь ночным мраком, поспешил к терему красавицы. Всё начинало вкушать сон в чертогах княжеских, но буря не умолкала. Ужасно скрипели древние дубы, осеняющие мирную обитель красоты, и град шумел беспрестанно, падая на деревянный кров терема. Тусклый свет ночной лампады едва мерцал сквозь густые ветви, и богатырь, стоящий на сырой земле, сохранял глубокое молчание. Он желал отличить образ Предславы, мелькающий

в окнах терема, приблизился и увидел ее. Там, в тайном уединении, освещенная лучом лампады, являлась она посреди своих прислужниц, подобно деве, посвященной служению Знича, подобно жрице, когда она в глубокую ночь, уклонившись в Муромские убежища, медленно приближается к жертвеннику, на котором пылает неугасаемое пламя, медленно снимает пред тайным божеством девственные покровы и совершает неисповедимые обряды.

Как билось сердце твое, храбрый юноша, когда красавица, отдалив подруг, отрешила узлы таинственных покровов! Как билось сердце твое, несчастный и вместе счастливейший из смертных, когда рука ее обнажила белую грудь, подобную двум глыбам чистейшего снега, когда волосы ее небрежно рассыпались по высокому челу и по алебастровым плечам! Нет, не в силах язык человеческий изобразить страстей, пылающих в груди нашего рыцаря! Но вы, пламенные любовники, перенеситесь мыслями в те времена страстей и блаженства, когда случай или любовь, властительница мира (ибо и случай ей покорствует), когда любовь открывала пред вами свои таинства; вы, счастливцы, можете чувствовать блаженство Добрыни!

Робкий голос его называл имя Предславы, и ветер трижды заглушал его. Наконец, красавица услышала: встревоженна, приблизилась к окну и при бледном луче светильника узнала его. Долго смотрела она, как ветер развевал черные его кудри, как снег сыпался медленно на открытую голову возлюбленного; долго в недоумении глядела она... и, наконец, сожаление (предание говорит: любовь), владея робкою рукой, тихонько отодвинуло железные притворы терема — и витязь упал к ее ногам! «Что ты делаешь? — сказала прекрасная, — что ты делаешь, несчастный? Беги от меня, сокройся, пока мстительный бог... Ах, я навеки твоей не буду! Небо разлучает нас».— «Люди разлучают нас, — прервал ее Добрыня; — люди разлучают два сердца, созданные одно для другого, в один час, под одной звездою, созданные, чтобы утопать в блаженстве или глубоко, глубоко лежать в сырой земле,

но лежать вместе, неразлучно!» — «Удались, заклинаю тебя»... — «Ах, Предслава, ты моя навсегда... Жених твой, сей Болгар, должен упасть от меча храброго!» — «Ах, что ты хочешь предпринять? А судьба матери моей, а гнев, неукротимый гнев великого князя?..» — «Так, Предслава: я вижу, ты меня не любишь. Брак с повелителем обильных стран Дунайских льстит твоему честолюбию. Вероломная женщина, ты не любишь Добрыни, ты забыла священнейший долг, клятвы любви... Но смерть мне остается в награду за верность!..»

Сияющий меч висел при бедре героя, правая рука его лежала на златой рукояти; но Предслава, слабая и вместе великодушная, Предслава бросилась в его объятия; горячие слезы текли из глаз ее, слезы любви, растворенные сердечною тоскою. Любовники долго безмолвствовали. Сама любовь запечатлевала стыдливые уста красавицы: вскоре слезы сладострастия заблистали, как перлы, на длинных ее ресницах, розы запылали на щеках, грудь, изнемогая под бременем любви, едва, едва волновалась, и прерывистый, томный вздох, подобный шептанию майского ветерка, засыпающего на цветах, вылетел из груди ее, вылетел... и замер на пламенных устах любовника.

Быстро мчится время на крилах счастия; любовь осыпает розами своих любимцев, но время прикосновением хладных крил своих вскоре и самые розы сладострастия превращает в терны колючие! Всё безмолвствовало в обители красавицы. Светильник, догарая, изредка бросал пламень свой... и она проснулась от очарования среди мрака бурной ночи. Напрасно витязь прижимал печальную к груди своей, напрасно пламенные уста его запечатлевали тихое, невольное роптание: рука ее трепетала в руке любовника, слезы лились обильными ручьями, и хладный ужас застудил последний пламень в крови печальной любовницы.

Наконец, горестный поцалуй прощания соединил на минуту души супругов. Красавица вырвалась из объятий витязя. Добрыня надвинул сияющий шелом свой, открыл

двери терема, ведущие на длинные переходы... О, ужас!... он увидел, при сумнительном блеске месяца, который едва мелькал сквозь облако, увидел ужасный призрак... вооруженного рыцаря! — и сердце его, незнакомое со страхом, затрепетало — не за себя, за красавицу.

Предслава упала бездыханна на праг светлицы. Но меч уже сверкал в руке незнакомца, страшный голос его раздавался во мраке: «Вероломные, мщение и смерть!» Добрыня, лишенный щита и брони, вооруженный одним шлемом и острым мечом своим, тщетно отбивал удары: тайный враг нанес ему тяжелую рану, и кровь ударилась ручьями. Богатырь, пылая мщением, поднял меч свой обеими руками; незнакомец уклонился — удар упал на перилы; щепы и искры посыпались, столпы здания зашатались в основаниях, и сердце незнакомца исполнилось ужасом. Красавица, пробужденная от омрака, бросилась в объятия Добрыни; тщетно дрожащая рука ее удерживала его руку, тщетно слезы и рыдания умоляли соперника: ревность и мщение кипели в лютом его сердце. Он бросился на Добрыню, и витязь, прижав к окровавленной груди своей плачущую супругу, долго защищал ее мечом своим. От частых ударов его разбился шелом соперника, иверни падали с кольчуги, гибель его была неизбежна... Но правая нога изменяет несчастному Добрыне, он скользит по помосту, омоченному ручьями дождя и крови, несчастный падает, защищая красавицу, и хладный меч соперника трижды по самую рукоять впивается в его сердце.

Светильники, принесенные устрашенными девами, стекающимися из терема, осветили плачевное зрелище... Радмир (ибо это он был, сей незнакомец, завлеченный ревностию к терему Предславы), Радмир довершал свое мщение. Добрыня, плавая в крови своей, устремил последний, умирающий взор свой на красавицу; улыбка, печальная улыбка, потухла в очах его, и имя Предславы вместе с жизнию замерло на устах несчастного.

Нет ни жалоб, ни упрека в устах красавицы. Нет слез в очах ее. Хладна как камень, безответна как могила, она бросила печальный, умоляющий взор на притекшего Владимира, на отчаянную матерь и, прижав к нагой груди своей сердце супруга, пала бездыханна на оледенелый его труп... как лилия, сорванная дыханием непогод, как жертва, обреченная любви и неизбежному року.

«Насилу досказал!»

[Деревня.
Августа 1810 года]

[ПРОГУЛКА ПО МОСКВЕ]

Ты желаешь от меня описания Москвы, любезнейший друг, — вещи совершенно невозможной (для меня, разумеется) по двум весьма важным причинам. Первое — потому, что я не в силах удовлетворить твоему любопытству за неимением достаточных сведений исторических и пр., и пр., которые необходимо нужны, ибо здесь на всяком шагу мы встречаем памятники веков протекших, но сии памятники безмолвны для невежды, а я притворяться ученым не умею. Вторая причина — леность, причина весьма важная! Итак, мимоходом, странствуя из дома в дом, с гулянья на гулянье, с ужина на ужин, я напишу несколько замечаний о городе и о нравах жителей, не соблюдая ни связи, ни порядку, и ты прочтешь оные с удовольствием: они напомнят тебе о добром приятеле,

Который посреди рассеяний столицы
Тихонько замечал характеры и лицы
Забавных москвичей;
Который с год зевал на балах богачей,
Зевал в концерте и в собранье,
Зевал на скачке, на гулянье,
Везде равно зевал,
Но дружбы и тебя нигде не забывал.

Теперь на досуге, не хочешь ли со мною прогуляться в Кремль? Дорогою я невольно восклицать буду на каждом

шагу: это исполинский город, построенный великапами; башня на башне, стена на стене, дворец возле дворца! Странное смешение древнего и новейшего зодчества, нищеты и богатства, нравов Европейских с нравами и обычаями Восточными! Дивное, непостижимое слияние суетности, тщеславия и истинной славы и великолепия, невежества и просвещения, людскости и варварства. Не удивляйся, мой друг: Москва есть вывеска или живая картина нашего отечества. Посмотри: здесь, против зубчатых башен древнего Китай-города, стоит прелестный дом самой новейшей Итальянской архитектуры; в этот монастырь, построенный при царе Алексее Михайловиче, входит какой-то человек в длинном кафтане, с окладистой бородою, а там к булевару кто-то пробирается в модном фраке; и я, видя отпечатки древних и новых времен, воспоминая прошедшее, сравнивая оное с настоящим, тихонько говорю про себя: «Петр Великий много сделал и ничего не кончил».

Войдем теперь в Кремль. Направо, налево мы увидим величественные здания, с блестящими куполами, с высокими башнями, и всё это обнесено твердою стеною. Здесь всё дышет древностию; всё напоминает о царях, о патриархах, о важных происшествиях; здесь каждое место ознаменовано печатию веков протекших. Здесь всё противное тому, что мы видим на Кузнецком мосту, на Тверской, на булеваре и пр. Там книжные Французские лавки, модные магазины, которых уродливые вывески заслоняют целые домы, часовые мастера, погреба, и, словом, все снаряды моды и роскоши. В Кремле всё тихо, всё имеет какой-то важный и спокойный вид; на Кузнецком мосту всё в движении:

Корнеты, чепчики, мужья и сундуки.

А здесь одни монахи, богомольцы, должностные люди и несколько часовых. Хочешь ли видеть единственную картину? Когда вечернее солнце во всем великолепии склоняется за Воробьевы горы, то войди в Кремль и сядь на высокую деревянную лестницу. Вся панорама Москвы за рекою! Направо Каменный мост, на котором беспрестанно волнуются толпы

проходящих; далее — Голицынская больница, прекрасное здание, дома гр. Орловой с тенистыми садами, и, наконец, Васильевский огромный замок, примыкающий к Воробьевым горам, которые величественно довершают сию картину,— чудесное смешение зелени с домами, цветущих садов с высокими замками древних бояр; чудесная противуположность видов городских с сельскими видами. Одним словом, здесь представляется взорам картина, достойная величайшей в мире столицы, построенной величайшим народом на приятнейшем месте. Тот, кто, стоя в Кремле и холодными глазами смотрев на исполинские башни, на древние монастыри, на величественное Замоскворечье, не гордился своим отечеством и не благословлял России, для того (и я скажу это смело) чуждо всё великое, ибо он был жалостно ограблен природою при самом его рождении; тот поезжай в Германию и живи, и умирай в маленьком городке, под тенью приходской колокольни с мирными Германцами, которые, углубясь в мелкие политические расчеты, протянули руки и выи для принятия оков гнуснейшего рабства.

Но солнце медленно сокрывается за рощами. Взглянем еще на Кремль, которого золотые куполы и шпицы колоколен ярко отражают блистание зари вечерней. Шум городской замирает вместе с замирающим днем. Кругом нас всё тихо; изредка пройдет человек. Здесь нищий отдыхает на красном крыльце, положив голову на котомку; он отдыхает беспечно у подножия палат царских, не зная даже, кому они некогда принадлежали. Теперь встает и медленно входит в монастырь, где раздается мрачное пение иноков и где целыми рядами стоят гробы великих князей и царей Русских (некогда обитавших в ближних палатах). Печальный образ славы человеческой... Но мы не станем делать восклицаний вместе с модными писателями, которые проводят целые ночи на гробах и бедное человечество пугают привидениями, духами, страшным судом, а более всего своим слогом; мы не предадимся мрачным рассуждениям о бренности вещей, которые позволено делать всякому *в нынешнем веке меланхолии;* а пойдем

потихоньку на Кузнецкий мост, где всё в движении, всё спешит, а куда? — посмотрим.

Эта большая дедовская карета, запряженная шестью чалыми тощими клячами, остановилась у дверей модной лавки. Вот из нее вылезает пожилая женщина в большом чепце, мадам, конечно, Француженка, и три молодые девушки. Они входят в лавку — и мы за ними. «Дайте нам головных уборов, покажите нам эти шляпки, да по христианской совести, госпожа мадам!» И торговка, окинув взорами своих гостей, узнает, что они из степи, продает им лежалую старину вдвое, втрое дороже обыкновенного. Старушка сердится и покупает.

Зайдем оттуда в конфетный магазин, где Жид или Гасконец Гоа продает мороженое и всякие сласти. Здесь мы видим большое стечение Московских франтов в лакированных сапогах, в широких Английских фраках, и в очках, и без очков, и растрепанных, и причесанных. Этот, конечно,— Англичанин: он, разиня рот, смотрит на восковую куклу. Нет! он Русак и родился в Суздале. Ну, так этот — Француз: он картавит и говорит с хозяйкой о знакомом ей чревовещателе, который в прошлом годе забавлял весельчаков Парижских. Нет, это старый франт, который не езжал далее Макарья и, промотав родовое имение, наживает новое картами. Ну, так это — Немец, этот бледный высокий мужчина, который вошел с прекрасною дамою? Ошибся! И он Русской, а только молодость провел в Германии. По крайней мере, жена его иностранка: она насилу говорит по-русски. Еще раз ошибся! Она Русская, любезный друг, родилась в приходе Неопалимой Купины и кончит жизнь свою на святой Руси. Отчего же они все хотят прослыть иностранцами, картавят и кривляются? — отчего? Я на это буду отвечать после, а теперь прошу заметить этого пожилого человека в шпорах. Он изобрел прошлого года новые подковы для своих рысаков, дрожки о двух колесах и карету без козел. Он живет на конюшне, завтракает с любимым бегуном и ездил нарочно в Лондон, чтобы посоветоваться с известным коновалом о болезни своей Английской кобылы.

Вздохнем, любезный друг, от глубины сердца и скажем с Ариостом:

Дурачься, смертных род! В луне рассудок твой!

Теперь мы видим перед собою иностранные книжные лавки. Их множество, и ни одной нельзя назвать богатою в сравнении с Петербургскими. Книги дороги, хороших мало, древних писателей почти вовсе нет, но зато есть Мадам Жанлис и Мадам Севинье — два катихизиса молодых девушек — и целые груды Французских романов — достойное чтение тупого невежества, бессмыслия и разврата. Множество книг мистических, назидательных, казуистских и пр., писанных расстригами-попами (ci-devant soit disant jésuites) * на чердаках Парижских в пользу добрых женщин. Их беспрестанно раскупают и в Москве, ибо наши модницы не уступают Парижским в благочестии и с жадностию читают глупые и скучные проповеди, лишь бы только они были написаны на языке *медоточивого* Фенелона, сладостного друга почтенной девицы Гион. Но мы, разговаривая, пришли в город. Какое стечение народа, какое разнообразие! Это совершенный базар Восточный! Здесь мы видим Грека, Татарина, Турка в чалме и в туфлях; там сухого Француза в башмаках, искусно перескакивающего с камня на камень, тут важного Персианина, там ямщика, который бранится с торговкою, здесь бедного селянина, который устремил оба глаза на великолепный цуг, между тем как его товарищ рассматривает народные картины и любуется их замысловатыми надписями. Вот и целый ряд Русских книжных лавок; иные весьма бедны. Кто не бывал в Москве, тот не знает, что можно торговать книгами точно так, как рыбой, мехами, овощами и пр., без всяких сведений в словесности; тот не знает, что здесь есть фабрика переводов, фабрика журналов и фабрика романов, и что книжные торгаши покупают ученый товар, то-есть переводы и сочинения, на вес, приговаривая бедным авторам: не качество, а количество! не слог, а число листов! Я боюсь загля-

* Бывшими так называемыми иезуитами. *(Ред.)*

нуть в лавку, ибо, к стыду нашему, думаю, что ни у одного народа нет и никогда не бывало столь безобразной словесности. К счастию многие книги здесь в Москве родятся и здесь умирают, или, по крайней мере, на ближайших ярмонках. Теперь мы выходим на Тверской булевар, который составляет часть обширного вала. Вот жалкое гульбище для обширного и многолюдного города, какова Москва; но стечение народа, прекрасные утра апрельские и тихие вечера майские привлекают сюда толпы праздных жителей. Хороший тон, мода требуют пожертвований: и франт, и кокетка, и старая вестовщица, и жирный откупщик скачут в первом часу утра с дальних концов Москвы на Тверской булевар. Какие странные наряды, какие лица! Здесь вы видите приезжего из Молдавии офицера, внука этой придворной ветхой красавицы, наследника этого подагрика, которые не могут налюбоваться его пестрым мундиром и невинными шалостями; тут вы видите провинциального щеголя, который приехал перенимать моды и который, кажется, пожирает глазами счастливца, прискакавшего на почтовых с берегов Секваны, в голубых панталонах и в широком безобразном фраке. Здесь красавица ведет за собою толпу обожателей, там старая генеральша болтает с своей соседкою, а возле их откупщик, тяжелый и задумчивый, который твердо уверен в том, что бог создал одну половину рода человеческого для винокурения, а другую для пьянства, идет медленными шагами с прекрасною женою и с карлом. Университетский профессор в епанче, которая бы могла сделать честь покойному Кратесу, пробирается домой или на пыльную кафедру. Шалун напевает водевили и травит прохожих своим пуделем, между тем как записной стихотворец читает эпиграмму и ожидает похвалы или приглашения на обед. Вот гулянье, которое я посещал всякой день, и почти всегда с новым удовольствием. Совершенная свобода ходить взад и вперед с кем случится, великое стечение людей знакомых и незнакомых имели всегда особенную прелесть для ленивцев, для праздных и для тех, которые любят замечать физиономии. А я из числа первых и последних. Прибавлю

к этому: на гулянье приезжают одни, чтоб отдыхать от забот, другие — ходить и дышать свежим воздухом; женщины приезжают собирать похвалы, мужчины — удивляться, и лицы всех почти спокойны. Здесь страсти засыпают; люди становятся людьми; одно самолюбие не дремлет; оно всегда на часах; но и оно имеет здесь привлекательный вид, и оно заставляет улыбнуться старого игрока гораздо приветливее, нежели за карточным столом. Наконец, на гуляньи все кажутся счастливыми, и это меня радует как ребенка, ибо я никогда не любил скучных и заботливых лиц.

Теперь мы опять вышли на улицу. Взгляни направо, потом налево и делай сам замечания, ибо увидишь вдруг всю Москву со всеми ее противуположностями.

Вот большая карета, которую насилу тянет четверня: в ней чудотворный образ, перед ним монах с большою свечей. Вот старинная Москва и остаток древнего обряда прародителей!

Посторонись! Этот ландо нас задавит: в нем сидит щеголь и красавица, лошади, лакей, кучера — всё в последнем вкусе. Вот и новая Москва, новейшие обычаи!

Взгляни сюда, счастливец! Возле огромных чертогов вот хижина, жалкая обитель нищеты и болезней. Здесь целое семейство, изнуренное нуждами, голодом и стужей — дети полунагие, мать за праслицей, отец старый заслуженный офицер в изорванном майорском камзоле, починивает старые башмаки и ветхий плащ, затем, чтоб поутру можно было выйти на улицу просить у прохожих кусок хлеба, а оттуда пробраться к человеколюбивому лекарю, который посещает его больную дочь. Вот Москва, большой город, жилище роскоши и нищеты.

Но здесь пред нами огромные палаты с высокими мраморными столбами, с большим подъездом. Этот дом открыт для всякого, кто может сказать роскошному Амфитриону:

Joignez un peu votre inutilité
A ce fardeau de mon oisiveté.*

* Прибавьте немножко вашей бесполезности к бремени моего ничегонеделания. (*Ред.*)

Хозяин целый день зевает у камина, между тем как вокруг его всё в движении, роговая музыка гремит на хорах, вся челядь в галунах, и роскошь опрокинула на стол полный рог изобилия. В этом человеке все страсти исчезли, его сердце, его ум и душа износились и обветшали. Самое самолюбие его оставило. Он, конечно, великий философ, если совершенное равнодушие посреди образованного общества можно назвать мудростию. Он окружен ласкателями, иностранцами и шарлатанами, которых он презирает от всей души, но без них обойтиться не может. Его тупоумие невероятно. Пользуясь всеми выгодами знатного состояния, которым он обязан предкам своим, он даже не знает, в каких губерниях находятся его деревни; зато знает по пальцам все подробности двора Людовика XIV по запискам Сен-Симона, перечтет всех любовниц его и регента, одну после другой, и назовет все Парижские улицы. Его дом можно назвать гостинницей праздности, шума и новостей, посреди которых хозяин осужден на вечную скуку и вечное бездействие. Вот следствие роскоши и праздности в сей обширнейшей из столиц, в сем малом мире!

Я думаю, что ни один город не имеет ниже малейшего сходства с Москвою. Она являет редкие противуположности в строениях и нравах жителей. Здесь роскошь и нищета, изобилие и крайняя бедность, набожность и неверие, постоянство дедовских времен и ветренность неимоверная, как враждебные стихии в вечном несогласии, и составляют сие чудное, безобразное, исполинское *целое*, которое мы знаем под общим именем: *Москва*. Но праздность есть нечто общее, исключительно принадлежащее сему городу; она более всего приметна в каком-то беспокойном любопытстве жителей, которые беспрестанно ищут нового рассеяния. В Москве *отдыхают*, в других городах трудятся менее или более, и потому-то в Москве знают скуку со всеми ее мучениями. Здесь хвалятся гостеприимством, но — между нами — что значит это слово? Часто — любопытство. В других городах вас узнают с хорошей стороны и приглашают навсегда; в Москве сперва при-

ЯРМАРКА

Рисунок Батюшкова карандашом. Альбом С. Д. Пономаревой

(Гос. Театральн. музей имени А. А. Бахрушина)

гласят, а после узнают. Музыка прошлой зимы вскружила всем головы; вся Москва пела: я думаю, от скуки. Ныне вся Москва танцует — от скуки. Здесь все влюблены или стараются влюбляться: я бьюсь об заклад, что это делается от скуки. Молодые женщины играют на театре, а старухи ездят по монастырям — от скуки, и это всякому известно. Карусель, который стоил столько издержек, родился от скуки. Одним словом здесь скуку можно назвать великою пружиною: она поясняет много странных обстоятельств. Для жителей Московских необходимо нужны новые гулянья, новые праздники, новые зрелища и новые лица. Здесь славная актриса Жорж принята была с восторгом и скоро наскучила большому свету. Сию холодность к дарованию издатель «Русского Вестника» готов приписать к патриотизму; он весьма грубо ошибается.

Москва есть большой провинциальный город, единственный, несравненный: ибо что значит имя столицы без двора? Москва идет сама собою к образованию, ибо на нее почти никакие обстоятельства влияния не имеют. Здесь всякой может дурачиться как хочет, жить и умереть чудаком. Самый Лондон беднее Москвы по части нравственных каррикатур. Какое обширное поле для комических авторов, и как они мало чувствуют цену собственной неистощимой руды. Надобно еще заметить, что здесь семейственная жизнь, которую можно назвать хранительницею нравов, придает какое-то добродушие и откровенность всем поступкам. Это заметил мне Англичанин-путешественник, который называл Москву прелестнейшим городом в мире и прощался с нею со слезами.

Но время летит, и почти час обеда приходит. Мы опоздали зайти в этот дом, которого наружность вовсе непривлекательна. Здесь большой двор, заваленный сором и дровами; позади огород с простыми овощами, а под домом большой подъезд с перилами, как водилось у наших дедов. Войдя в дом, мы могли бы увидеть в прихожей слуг оборванных, грубых и пьяных, которые от утра до ночи играют в карты. Комнаты без обоев, стулья без подушек, на одной стене большие портреты в рост царей Русских, а напротив — Юдифь, держащая

окровавленную голову Олоферна над большим серебряным блюдом, и обнаженная Клеопатра с большой змиею — чудесные произведения кисти домашнего маляра. Сквозь окны мы можем видеть накрытый стол, на котором стоят щи, каша в горшках, грибы и бутылки с квасом. Хозяин в тулупе, хозяйка в салопе; по правую сторону приходской поп, приходской учитель и шут, а по левую — толпа детей, старуха-колдунья, мадам и гувернер из Немцев. О! это дом старого Москвича, богомольного князя, который помнит страх божий и воеводство. Пойдем далее. Вот маленькой деревянный дом, с палисадником, с чистым двором, обсаженным сиренями, акациями и цветами. У дверей нас встречает учтивый слуга не в богатой ливрее, но в простом опрятном фраке. Мы спрашиваем хозяина: войдите! Комнаты чисты, стены расписаны искусной кистию, а под ногами богатые ковры и пол лакированный. Зеркала, светильники, кресла, диваны — всё прелестно и кажется отделано самим богом вкуса. Здесь и общество совершенно противно тому, которое мы видели в соседнем доме. Здесь обитает приветливость, пристойность и людскость. Хозяйка зовет нас к столу: мы сядем, где хотим, без принуждения, и, может быть, развеселенный старым вином, я скажу, только не вслух:

Налейте мне еще шампанского стакан,
Я сердцем Славянин— желудком Галломан!

Вот ударило шесть часов: мы можем итти в театр. Я скажу тебе, что я видел в Петербурге дурных актеров, слышал на сцене нестройные крики, провинциальное наречие, видел кривлянья, подлые жесты и самые дурные навыки, видел, что актер не умел и не хотел понимать своей роли, читал в глазах его самое глубокое невежество; одним словом, я видел Русскую комедию, Русскую трагедию и оперу; видел и сказал: «может ли что быть хуже этого?» Теперь, побывав в Московском театре, могу смело отвечать самому себе: «может! — и есть хуже!» Здесь опера не хороша, комедия еще хуже, а трагедия и еще хуже комедии. Но Французские актеры не

лучше Русских. Я видел Тезея, которому мне хотелось сказать: «Братец, вычисти мне сапоги!» Я бьюся об заклад, что он был честный артист-décrotteur» * и, постепенно переходя из состояния в состояние, сделался, наконец, актером, вопреки уму и природе, и теперь весьма спокойно тиранит стихи Ивана Расина в белокаменной Москве. Я видел Ипполита, сего дикого Скифа, которому в уста бессмертный автор Федры вложил прекраснейшие стихи, я видел сего гордого Ипполита в самом жалком положении: черные его волосы, которые до сих пор, падая по высокому стройному челу, вились кудрями, подобно кудрям Аполлона Бельведерского, сии волосы — порыжели! чистые пламенные глаза его сделались от времени свинцовыми. Конечно, наш Скиф немного поразвратился. Ноги и руки жалким образом высохли и пожелтели. Голос звонкий чистый, голос девственника Ипполита, сделался вял, тяжел и совершенно охрип. Одним словом, Ипполит Расинов или Эврипидов превратился в бедного Фаржа, Француза, который живет на Кузнецком мосту в магазине духов и помад.

Занавес поднимается. Ты можешь поверить мои замечания, или лучше, не дождавшись конца Французской трагедии, воспользоваться прекрасным майским вечером на Пресне.

Пруды украшают город и делают прелестное гулянье. Там сбираются те, которые не имеют подмосковных, и гуляют до ночи. Посмотри, как эти мосты и решетки красивы. Жаль, что берега, украшенные столь миловидными домами и зеленым лугом, не довольно широки. Большое стечение экипажей со всех концов обширного города, певчие и роговая музыка делают сие гульбище одним из приятнейших. Здесь те же люди, что на булеваре, но с большею свободою. Какое множество прелестных женщин! Москву поистине можно назвать Цитерою. Посмотри! Этой малютке четырнадцать лет, и она так невинно улыбается! Но вот идет красавица: ее все знают под сим названием, теперь она первая по городу. За

* Чистильщик сапог. *(Ред.)*

цей толпа — а муж, спокойно зевая позади, говорит о Турецкой войне и о травле медведей. Супруга его уронила перчатку, и молодой человек ее поднял. Жаль, что этого не видал старый болтун N..., отставной полковник, который промышляет новостями. Посторонитесь! Посторонитесь! Дайте дорогу куме-болтунье-спорщице, пожилой бригадирше, жарко нарумяненной, набеленной и закутанной в черную мантилью. Посторонитесь, вы, господа, и вы, молодые девушки! Она ваш Аргус неусыпный, ваша совесть, всё знает, всё замечает и завтра же поедет рассказывать по монастырям, что такая-то наступила на ногу такому-то, что этот побледнел, говоря с той, а та накануне поссорилась с мужем, потому что сегодня, разговаривая с его братом, разгорелась как роза. Какой это чудак, закутанный в шубу, в бархатных сапогах и в собольей шапке? За ним идет слуга с термометром. О, это человек, который более полувека, как всё простужается! Заметим этих щеголей; они так заняты собою! Один в цветном платочке с букетом цветов, с лорнетом, так нежно улыбается, и в улыбке его виден след труда. Другой молчит, завсегда молчит: он умеет одеваться, ерошить волосы, а говорить не мастер. Там, вдали на лавке, сидит красавица полупоблеклая. Она вздохнула... еще раз... о том, что ее место заступила новая, которая идет мимо ее и гордо улыбается. Постой, прелестница! Еще две весны, и ты в свою очередь будешь сидеть одна на лавке; ты идешь и время за тобою. Куда спешит этот пожилой холостяк? Он задыхается от жиру, и пот с него катится ручьями. Он спешит в Английский клуб пробовать нового повара и заморской портер. А этот гусар о чем призадумался, опершись на свою саблю! О, причина важная! Вчера он был один во всей Москве, — теперь явился другой гусар, во сто раз милее и любезнее: по крайней мере, так говорят в доме княгини N..., которая по произволению раздает ум и любезность — и его бедного забыла! Но кто это болтает палкою в пруде с большим успехом, ибо на него посмотрели две мимоидущие старухи, две столетние Парки. О! не мешайте ему. Это тот важный, глубокомысленный человек, который мутил

в делах государственных, и теперь пузырит воду. Вот два чудака: один из них бранит погоду — а время очень хорошо; другой бранит людей — а люди всё те же; и оба бранят правительство, которое в них нужды не имеет и, что всего досаднее, не заботится о их речах. Оба они *недовольные*. Они очень жалки! Один имеет сто тысяч доходу, и желудок его варить не может. Другой прожился на фейерверках и называет людей неблагодарными за то, что они не собираются в его сад в глубокую полночь. Но кто этот пожилой человек, высокий и бледный, как покойный капитан Хин-Хилла. Старый щеголь, великой мастер делать визиты, который на погребениях и на свадьбах является как тень, как памятник времен Екатерининских; он человек праздный, говорун скучный, ибо лгать не умеет за недостатком воображения, а молчать не может за недостатком мысленной силы.

Это гульбище имеет великое сходство с Полями Елисейскими. Здесь мы видим тени великих людей, которые, отыграв важные роли в свете, запросто прогуливаются в Москве. Многие из них пережили свою славу. Eheu, fugaces!.. *

Но заря потухает. Все разъехались. Прости до будущей прогулки!

[1811 — 1812]

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАМОК СИРЕЙ

Письмо из Франции к г. Дашкову

Из деревни Болонь, лежащей близь города Шомона, я поскакал верхом в Сонкур, где ожидали меня барон де-Дамас и г. Писарев, с которыми накануне уговорился я посетить замок Сирей и поклониться теням Вольтера и его приятельницы. В окрестностях Сирея назначены были квартиры нашему отряду; полки тянулись по дороге, и мы их опередили в ближнем селении. Сначала погода нам вовсе не благоприят-

* Увы, быстротекущие... *(Ред.)*

ствовала: холодный и резкий ветер наносил снег и дождь; наконец, небо прояснилось, и солнце осветило прекрасные долины, рощи и горы. Мы проехали чрез местечко Виньори, где заметили развалины весьма древнего замка на высоком утесе, который господствует над селением и близьлежащими долинами:

Ein bethürmtes Schloss, voll Majestät,
Auf des Berges Felsenstirn erhöht! *

«Кому принадлежит этот замок?» — спросил я у старика, сидящего на пороге сельского домика, тесно примыкающего к развалинам. «Какой-то старой дворянке», — отвечал он, приподняв красный колпак, старый, изношенный, и который, конечно, играл большую роль в бурные годы революции. Это замечание я сделал мимоходом и продолжал вопросы. «Когда построен замок?» — «Во время Шампанских графов, сказывал мне покойный дед. ** Храбрые рыцари искали здесь убежища от народных возмущений и укрепили замок башнями,

* Замок с башнями, полный величия,
Возвышается на скалистом челе горы *(Ред.)*

** Французы и теперь мало заботятся о древних памятниках. Развалины, временем сделанные, ничего в сравнении с опустошениями революции: бурные времена прошли, но невежество или корыстолюбие самое варварское пережили и революцию. Один путешественник, который недавно объехал всю полуденную Францию, уверял меня, что целые замки продаются на своз, и таким образом вдруг уничтожаются драгоценные исторические памятники. Напрасно правительство хотело остановить сии святотатства; ничто не помогало, ибо для нынешних Французов ничего нет ни священного, ни святого, — кроме денег, разумеется. Какая разница с Немцами! В Германии вы узнаете от крестьянина множество исторических подробностей о малейшем остатке древнего замка или готической церкви. Все Рейнские развалины описаны с возможною историческою точностию учеными путешественниками и художниками, и сии описания вы нередко увидите в хижине рыбака или земледельца. Притом же Немцы издавна любят все сохранять, а Французы — разрушать: верный знак, с одной стороны, доброго сердца, уважения к законам, — к нравам и обычаям предков, а, с другой стороны, легкомыслия, суетности и жестокого презрения ко всему, что не может насытить корыстолюбия — отца пороков.

рвами, палисадами. Время и революция всё разрушили. Здесь не одна была революция, господин офицер, не одна революция! Я на веку моем пережил одну; тяжелые времена... не лучше нынешних! Посадили дерево вольности... я сам имел честь садить его вот там, на зеленом лугу... Разорили храмы божии... У меня рука не поднималась на злое!.. Но чем же это всё кончилось? Дерево срубили, а надписи на паперти церковной: *вольность, братство или смерть* мелом забелили. Чего я не насмотрелся в жизни? И неприятелей на родине моей увидел, и с офицером *козачьим* теперь разговариваю! Чудеса! по совести чудеса!» — «Ты разорился от войны, добрый старичок?» — «Много пострадал, а бедные соседи еще более. Мы все желаем мира». — «О! мы знаем это, но император ваш не желает». — «Прямой Корсиканец! Знаете ли, что он объявил нам?» Здесь старик покачал головой, посмотрел на меня пристально и, конечно, от робости, заикнулся. «Говори, говори!» — «Охотно, если прикажете. Император, — это было сказано важным и торжественным голосом, — император объявил нам, что он не хочет трактовать о мире с пленными, ибо он почитает вас в плену. Он нарочно завел вас сюда, чтобы истребить до последнего человека: это была военная хитрость, понимаете ли?.. военная хитрость, не что иное... Но вы смеетесь... И нам это смешно показалось, так смешно, что мы префекта, приехавшего сюда с этим объявлением, камнями и грязью закидали. Il s'en souviendra!* Но вам пора догонять товарищей. Добрый путь, господин офицер!»

Размышляя о странном характере французов, которые смеются и плачут, режут ближних, как разбойники, и дают себя резать, как агнцы, я догнал моих товарищей.

Час от часу дорога становилась приятнее: холмы, одетые виноградником и плодоносными деревьями, между коими мелькали приятные сельские домики, напоминали нам Саксонию, благословенные долины Дрездена, места очаровательные!

* Он будет это помнить! *(Ред.)*

Разговаривая с товарищами и любуясь красотою видов, мы неприметно проехали несколько миль; каждый замок, каждое местечко мы принимали за Сирей и смеялись своей ошибке. Наконец, поворотя вправо с большой дороги, вдоль по речке Блез, мы увидели жилище славной Нимфы Сирейской, которой одно имя рождает столько приятных воспоминаний...

В ста шагах от селения возвышается замок на высоком уступе; кругом — рощи и кустарники. Всё просто, но природа всё украсила.

К замку примыкает Английский сад и несколько тенистых аллей, к которым никогда не прикасались ножницы, даже в те времена, когда безжалостный Ленотр остригал боскеты Версальские, когда последний провинциальный дворянин рассаживал по шнуру смиренные акации и овощи в своем огороде. Вольтер, говоря о замке Сирейском, описывая красоты его окрестностей,—кажется, в письме к королю Прусскому,— прибавляет:

Trop d'art me révolte et m'ennuie:
J'aime mieux ces vastes forêts! *

Эти леса и поныне украшают Сирей своею дикостию. Замок сохранил древнюю наружность; можно отличить новые пристройки и балконы. Они принадлежат к Вольтерову времени. На крутой кровле (à la mansarde) я заметил некоторые украшения и высокие продолговатые трубы, обложенные лепными изображениями, похожие на трубы замка Pont sur Seine, принадлежащего Летиции, матери Наполеона. Мы вошли в Сирей и удивились обширным залам, убранным в новейшем вкусе. Наружность того не обещала.

Замок принадлежит г-же де-Семиан, женщине весьма умной, некогда прекрасной. Он был разграблен в революцию, и после того времени всё строение возобновлено. ** К сожале-

* Искусственность меня раздражает и наводит скуку:
Я предпочитаю эти обширные леса! *(Ред.)*

** По отступлении Русских, Сирей был снова разграблен Французами за то именно, что Русские варвары его пощадили!

нию, мы нашли мало следов прежней обладательницы и ее славного друга, который, как говорит Лебрюн, «утомил стогласную Славу».

В столовой несколько картин, изображающих зверей и охоту. Эта живопись, довольно приятная, существовала уже при маркизе, и мы смотрели на нее с большим удовольствием. Пройдя несколько покоев, в правом флигеле замка нам отворили дверь в залу Вольтерову.

Здесь мы нашли большой мраморный камин, тот самый, который согревал Вольтера; несколько новых мебелей: клавесин, маленький орган и два комода. Окны до полу. Две круглые стеклянные двери в сад; одна из них украшена надписями, на камне высеченными. На фронтоне мы прочитали Виргилиев стих: Deus nobis haec otia fecit,* из первой эклоги; на косяке несколько стихов из Попе, которого Вольтер всегда любил, и, наконец:

Asile des beaux arts, solitude où mon coeur
Est toujours occupé dans une paix profonde.
C'est vous qui donnez le bonheur,
Que promettait en vain le monde.**

— стихи, написанные Вольтером в счастливую минуту наслаждения душевного, в глазах божественной Эмилии, единственной женщины, которую он любил наравне со Славою, которой он был обязан всем и которая достойно гордилась дружбою творца Заиры*** Из окон сей залы видны ближние деревни

* Бог даровал нам эту мирную жизнь. *(Ред.)*

** Приют искусств, уединение, где мое сердце
Всегда вкушает глубокий покой,
Вы даруете то счастье,
Которое свет тщетно сулит нам. *(Ред.)*

*** Напрасно мы искали в саду мраморного Амура, который некогда стоял под балконом, с надписью из Антологии: Qui que tu sois, voici ton maître и пр. [Кто бы ты ни был — вот твой повелитель. *(Ред.)*], которую перевел г. Дмитриев:

Кто б ни был ты, пади пред ним:
Был, есть иль будет он владыкою твоим!

и два ряда холмов, заключающих прелестную долину, по которой извивается речка Блез. В глубоком молчании и я. и товарищи долго любовались приятным видом отдаленных гор, на которых потухали лучи вечернего солнца. Может быть, совершенная тишина, царствующая вокруг замка, печальное спокойствие зимнего вечера, зелень, кое-где одетая снегом, высокие сосны и древние кедры, осеняющие балкон густыми, наклоненными ветвями и едва колеблемые дыханием вечернего ветра, наконец, сладкие воспоминания о жителях Сирея, которых имена принадлежат истории, которых имена от детства нам были драгоценны, погрузили нас в тихую задумчивость.

«Здесь Фернейский мудрец, — так воскликнул г. Р—н, житель Сирея, прервав наше молчание, — здесь славнейший муж своего века, чудесный, единственный, который, как говорят, вырезывал на меди для потомства,* который всё знал, всё сказал,** который имел доброе, редкое сердце, ум гибкий, обширный, блестящий, способный на всё, и, наконец, характер вовсе несообразный ни с умом его, ни с сердцем, — здесь он жил, сей Протей ума человеческого; здесь во цвете лет своих наслаждался он уединением и свободой, которым знал цену, и долго не покидал их для *коронованной Сирены*, для рукоплесканий и для прихожей г-жи Помпадур. Странный человек! Он многое предвидел, многое предсказал в политике; но мог ли он предвидеть, что несколько десятков лет спустя вы придете в замок Эмилии с оружием в руках, с толпою жителей берегов Волги и людей, пиющих воды Сибирские, и что там, где маркиза прекрасною рукою поливала мак, розы и лилеи, кормила голубей ячменем, вот у этой самой голубятни; что там, где она любила отдыхать под тенью древних кедров, у входа в *Заирину* аллею,***

* Qui gravait pour la postérité — выражение Паллисота, если не ошибаюсь.

** Qui a tout dit — Шатобриан, говоря о Вольтере.

*** И до сих пор одна аллея называется *Заириною*. Там сочинял Вольтер свою трагедию.

где Вольтер у ног ее в восторге читал первые стихи бессмертной трагедии и искал похвал и одобрения в голубых глазах своей Урании, в божественной ее улыбке, — там милостивые государи, там вы расставите часовых с ужасными усами гренадер и козаков, которые приводят в трепет всю Францию...?»

Мы засмеялись словам г. Р—на, и он продолжал, понизив немного свой голос:

«Здесь долгое время был счастлив Вольтер в объятиях Муз и попечительной дружбы. *Там, где я обитаю, земной рай*, — писал он к приятелю своему Терио. — Не мудрено! Представьте себе лучшее общество, ученейших людей во Франции, придворных остроумных Поэтов, таких, например, как Сен-Ламбер, который умел соединять любезность с глубокими сведениями, философию с людкостию, и в кругу таких людей — маркизу, которая умела все одушевить своим присутствием, всему давала неизъяснимую прелесть, — и вы будете иметь понятие о земном рае Вольтера. «Она — чудо во Франции», говорил Вольтер.* Ум необыкновенный, лицо прекрасное, душа ангела, откровенность ребенка и ученость глубокая, — всё было очаровательно в этой волшебнице! Она, вопреки г-же Жанлис, вопреки журналисту Жоффруа и всем врагам философии, была достойна и пламенной любви Сен-Ламбера, и дружбы Вольтера, и славы века своего. Здесь маркиза кончила жизнь свою, на лоне дружества. Все жители плакали о ней, как о нежной, попечительной матери. У бедных память в сердце: они еще благословляли прах ее, когда Литераторы наши начали возмущать его спокойствие клеветами и постыдным ругательством. Но Вольтер был неутешен. Вы помните его письмо, в котором он из Бар-Сюр-Оба уведомляет о болезни и потом о смерти мар-

* «Madame du Châtelet sera comptée au rang des choses qu'il faut voir en France, parmi celles, qu'on y regrettera toujours», — писал Вольтер к Кейзерлингу. [Мадам дю Шатле принадлежит к числу тех достопримечательностей, которые необходимо видеть во Франции, о которых будешь всегда вспоминать с сожалением. *(Ред.)*]

кизы. Беспорядок этого письма доказывал его глубокую горесть. И мог ли он не сожалеть об утрате единственной женщины, о которой и вы, иностранцы, неприятели, говорите с любовию, с уважением?»

Наш учтивый путеводитель продолжал бы более речь свою, если бы не позвали к обеду.

Столовая была украшена Русскими знаменами... Но мы утешили пугливые тени Сирейской Нимфы и ее друга, прочитав несколько стихов из «Альзиры».

Таким образом примирились мы с Пенатами замка, и с некоторою гордостию, простительною воинам, в тех покоях, где Вольтер написал лучшие свои стихи, мы читали с восхищением оды Певца Фелицы и бессмертного Ломоносова, в которых вдохновенные Лирики славят чудесное величие России, любовь к отечеству сынов ее и славу меча Русского.

C'est du Nord à présent que nous vient la lumière.
От Севера теперь сияет свет наук.

Обед продолжался долго. Вечер застал нас, как героев древнего Омера, с чашею в руках и в сладких разговорах, основанных на откровенности сердечной, известных более добродушным воинам, нежели вам, жителям столицы и блестящего большого света.

Но мы еще воспользовались сумерками: обошли нижнее жилье замка, где живет г-жа де-Семиан; осмотрели ее библиотеку, — прекрасный и строгий выбор лучших Писателей, составляющих любимое чтение сей умной женщины, достойной племянницы г-жи дю Шатле: любезность, ум и красота наследственны в этом семействе. Есть другая библиотека в нижнем этаже; она, кажется, предоставлена гостям. Древнее собрание книг, важное по многим отношениям, совершенно расхищено в революцию. Вольтеровых книг и не было в замке со времени его отъезда: по смерти маркизы он увез с собою книги, ему принадлежавшие, и некоторые рукописи. «Надобно ехать в Ферней, — говорил г. Р—н, — там, может быть, находятся сии драгоценности». «Надобно ехать

в Петербург, — заметил справедливо г. Писарев, — в Эрмитаже и рукописи, и библиотека Фернейские».

Стужа увеличилась с наступлением ночи. В Вольтеровой галлерее мы развели большой огонь, который не мог нас согреть совершенно. Перед нами на столе лежали все Вольтеровы сочинения, и мы читали с большим удовольствием некоторые места его переписки, в которых он говорит о г-же дю Шатле. В шуме военном приятно отдохнуть мыслями на предмете, столь любви достойном. Глубокая ночь застала нас в разговорах о протекшем веке, о великой Екатерине, лучшем его украшении, о ссоре короля Прусского со своим камергером и пр., у того самого камина, на том самом месте, где Вольтер сочинял свои послания к славным современникам и те бессмертные стихи, для которых единственно простит его памяти справедливо раздраженное потомство. Г. Писарев был в восхищении. Наконец, надобно было расстаться и думать о постели. Мне отвели комнату в верхнем жилье, весьма покойную, но где с трудом можно было развести огонь. Старый ключник объявил мне, что в этом покое обыкновенно живет г. Монтескьу, родственник хозяйки, весьма умный и благосклонный человек, и что он, ключник, радуется тому, что мне досталась его спальня. «Vous avez l'air d'un bon enfant, mon officier»,* продолжал он, дружелюбно ударив меня по плечу. Прекрасно, но от его *учтивостей* комната мне не показалась теплее. Во всю ночь я раскладывал огонь, проклинал Французские камины и только на рассвете заснул *железным* сном, позабыв и Вольтера, и маркизу, и войну, и всю Францию.

Проснувшись довольно поздно, подхожу к окну и с горестью смотрю на окрестность, покрытую снегом.

Я не могу изъяснить того чувства, с которым, стоя у окна, высчитывал я все перемены, случившиеся в замке. Сердце мое сжалось. Всё, что было приятно моим взорам накануне — и луга, и рощи, и речка, близь текущая по долине, между

* Вы выглядите славным малым, господин офицер. *(Ред.)*

веселых холмов, украшенных садами, виноградником и сельскими хижинами, — всё нахмурилось, всё уныло. Ветер шумит в кедровой роще, в темной аллее *Заириной* и клубит сухие листья вокруг цветников, истоптанных лошадьми и обезображенных снегом и грязью. В замке, напротив того, тишина глубокая. В камине пылают два дубовые корня и приглашают меня к огню. На столе лежат письма Вольтеровы, из сего замка писанные. В них всё напоминает о временах прошедших, о людях, которые все исчезли с лица земного с своими страстями, с предрассудками, с надеждами и с печалями, неразлучными спутницами бедного человечества. К чему столько шуму, столько беспокойства? К чему эта жажда славы и почестей? — спрашиваю себя и страшусь найти ответ в собственном моем сердце.

На другой день

Ввечеру я простился с товарищами, как будто предчувствуя, что их долго, долго не увижу. Печален

Come navigante
Ch'a detto a dolci amici addio.*

На дворе ожидал меня Козак с верховою лошадью. *Поздно мы пустились в путь!* сказал он, как мертвец в балладе. «Что нужды? — отвечал я, — дорога известна». Притом же...

Вот и месяц величавой
Встал над тихою дубравой. —

Топот конских ног раздался по мостовой обширного двора. Мы удалились от замка... Между тем ночь становилась темнее и темнее. С трудом находили мы дорогу, пробирались по высоким горам дремучим лесом, в виду древнего замка Виньори, где Австрийцы расположились биваками посреди лошадей и высоких фур, в различных положениях, достойных кисти Орловского. Одни спокойно спали на соломе,

* Как мореплаватель, который сказал «прости» милым друзьям. *(Ред.)*

которая начинала загораться; другие распевали Тирольские и Богемские песни вокруг пылающего пня, который осыпал их искрами при малейшем дуновении ветра; другие оборачивали вертел с большою частью барана, в ожидании товарищей, которые толпились вокруг маркитанта, разливающего им вино и водку. Одеяние и лица их еще страшнее казались, освещенные пламенем бивака, и напоминали мне Валленштейнов лагерь, описанный Шиллером, или сбиров Сальватора Розы. Из Виньори мы поворотили вправо по дороге, проложенной по лесу. Поднялась страшная буря: конь мой от страху останавливался, ибо вдали раздавался вой волков, на который собаки в ближних селениях отвечали протяжным лаем...

Вот, скажете вы, — прекрасное предисловие к рыцарскому похождению! Бога ради, сбейся с пути своего, избавь какую-нибудь красавицу от разбойников или заезжай в древний замок. Хозяин его, старый дворянин, роялист, если тебе угодно, примет тебя, как странника, угостит в зале Трубадуров, украшенной фамильными гербами, ржавыми панцырями, мечами и шлемами; хозяйка осыплет тебя ласками, станет расспрашивать о родине твоей, будет выхвалять дочь свою, прелестную, томную Агнесу, которая, потупя глаза, покраснеет как роза, а за десертом, в угождение родителям, запоет древний романс о древнем рыцаре, который в бурную ночь нашел пристанище у неверных... и пр. и пр. и пр. Напрасно, милый друг! Со мной ничего подобного не случилось. Не стану следовать похвальной привычке путешественников, не стану украшать истину вымыслами, а скажу просто, что, не желая ночевать на дороге с волками, я пришпорил моего коня и благополучно возвратился в деревню Болонь, откуда пишу эти строки в сладостной надежде, что они напомнят вам о странствующем приятеле. — Сказан поход — вдали слышны выстрелы. — Простите! —

26 февраля 1814.

ПРОГУЛКА В АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ

Письмо старого Московского жителя к приятелю в деревню его Н.

Ты требуешь от меня, мой старый друг, продолжения моих прогулок по Петербургу. Повинуюсь тебе.

На этот раз я буду говорить об Академии Художеств, которая после двадцатилетнего нашего отсутствия из Петербурга столько переменилась... «Говори, говори об Академии Художеств!» так воскликнешь ты, начиная чтение моего болтливого письма. — Мы издавна любили живопись и скульптуру, и в твоем маленьком домике на Пресне (которого теперь и следов не осталось!) мы часто заводили жаркие споры о голове Аполлона Бельведерского, о мизинце Гебы славного Кановы, о коне Петра Великого, о кисти Рафаэля, Корреджио, даже самого Сальватора Розы, Мурильо, Койпеля и пр. Так — я во многом с тобой соглашался, а ты ни в чем со мною, а еще менее с добрым живописцем Ализовым, с товарищем славного Лосенкова, который часто смешил и сердил нас своим упрямством и добродушием. Мы спорили; время летело в приятных разговорах. Счастливое, невозвратное время! Пожар Москвы поглотил и домик твой со всеми дурными картинами и эстампами, которые ты покупал за бесценок у торгашей на аукционах, а в Немецкой слободе у отставных стряпчих; он поглотил маленькую Венеру, в которой ты находил нечто божественное, и бюст Вольтеров с отбитым носом, и маленького Амура с факелом, и бронзового Фавна, которого Ализов отрыл... будто бы на развалинах какой-то бани близь Неаполя и которым он приводил в восхищение и тебя, и меня, и всех знатоков нашего квартала. Пожар, немилосердый пожар поглотил даже акациеву беседку, с красивыми скамейками, с дубовым столом, на котором мы, разливая чай, любовались прелестными видами: Москвой рекою, которая извивается по лугу вокруг стен и высоких башен Девичьего монастыря, Васильевским, Воробьевыми горами с тенистыми рощами — и закатом вечернего солнца. Пожар поглотил

Онъ не будетъ свидѣтелемъ новыхъ успѣховъ Словесности въ щастливѣйшія времена для Наукъ и просвѣщенія: ибо никогда, ни въ какое время обстоятельства не были имъ столько благопріятны. Храмъ Януса закрытъ рукою Побѣды, неразлучной сопутницы Монарха. Великая душа Его услаждается успѣхами ума въ странѣ, ввѣренной Ему святымъ Провидѣніемъ, и каждый трудъ, каждый полезный подвигъ щедро Имъ награждается. Въ недавнемъ времени, въ лицѣ славнаго Писателя Онъ ободрилъ всѣ отечественные таланты: и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ благородныя сердца, всѣ Патріоты съ признательностію благословляютъ руку, которая столь щедро награждаетъ полезные труды, постоянство и чистую славу Писателя, извѣстнаго и въ странахъ отдаленныхъ, и которымъ должно гордиться Отечество. Правительство благодѣтельное и прозорливое, пользуясь щастливѣйшими обстоятельствами: тишиною внѣшнею и внутреннею Государства, отверзаетъ снова всѣ пути къ просвѣщенію. Подъ его

Страница первой части «Опытов в стихах и прозе» с пометками декабриста Н. М. Муравьева

(Ленингр. Публичн. библиотека)

наше убежище. Но в памяти моей осталось воспоминание твоей любви к изящным Художествам и охоты спорить, которая, конечно, укротилась от времени, а более всего от политических обстоятельств. «Итак, говори об Академии Художеств, о произведениях наших артистов: я буду слушать с удовольствием. Всякая новость из столицы приятна пустыннику, который и на старости лет еще пламенно любит отечество, успехи и славу сограждан». Вот что ты скажешь, развернув мое письмо. — Я начну мой рассказ сначала, как начинает обыкновенно болтливая старость. Слушай.

Вчерашний день, поутру, сидя у окна моего с Винкельманом в руке, я предался сладостному мечтанию, в котором тебе не могу дать совершенно отчета; книга и читанное мною было совершенно забыто. Помню только, что, взглянув на Неву, покрытую судами, взглянув на великолепную набережную, на которую, благодаря привычке, жители Петербургские смотрят холодным оком, — любуясь бесчисленным народом, который волновался под моими окнами, сим чудесным смешением всех наций, в котором я отличал Англичан и Азиатцев, Французов и Калмыков, Русских и Финнов, я сделал себе следующий вопрос: что было на этом месте до построения Петербурга? Может быть, сосновая роща, сырой дремучий бор или топкое болото, поросшее мхом и брусникою; ближе к берегу — лачуга рыбака, кругом которой развешены были мрежи, невода и весь грубый снаряд скудного промысла. Сюда, может быть, с трудом пробирался охотник, какой-нибудь длинновласый Финн...

За ланью быстрой и рогатой,
Прицелясь к ней стрелой пернатой.

Здесь всё было безмолвно. Редко человеческий голос пробуждал молчание пустыни дикой, мрачной, а ныне?.. Я взглянул невольно на Троицкий мост, потом на хижину великого монарха, к которой по справедливости можно применить известный стих:

Souvent un faible gland recèle un chêne immense! *

* Часто малый жолудь заключает в себе огромный дуб. *(Ред.*

И воображение мое представило мне Петра, который в первый раз обозревал берега дикой Невы, ныне столь прекрасные! Из крепости Нюсканц еще гремели Шведские пушки; устье Невы еще было покрыто неприятелем, и частые ружейные выстрелы раздавались по болотным берегам, когда великая мысль родилась в уме великого человека. Здесь будет город, сказал он, чудо света. Сюда призову все Художества, все Искусства. Здесь Художества, Искусства, гражданские установления и законы победят самую природу. Сказал — и Петербург возник из дикого болота.

С каким удовольствием я воображал себе монарха, обозревающего начальные работы; здесь вал крепости, там магазины, фабрики, адмиралтейство. В ожидании обедни в праздничный день или в день торжества победы, государь часто сиживал на новом вале с планом города в руках, против крепостных ворот, украшенных изваянием апостола Петра из грубого дерева. Именем святого должен был назваться город, и на жестяной доске, прибитой под его изваянием, изображался славный в летописях мира 1703 год Римскими цифрами. На ближнем бастионе развевался желтый флаг с большим черным орлом, который заключал в когтях своих четыре моря, подвластные России. Здесь толпились вокруг монарха иностранные корабельщики, матросы, Художники. Ученые, Полководцы, Воины; меж ними простый рождением, великий умом, любимец царский, Меншиков, великодушный Долгорукий, храбрый и деятельный Шереметев, и вся фаланга героев, которые создали с Петром величие Русского царства...

Таким образом, погруженный в мое мечтание, я не приметил, что двери комнаты отворились, и сын моего старого приятеля Н., молодой, весьма искусный Художник, приветствовал меня с добрым утром. «Я пришел нарочно за вами, — сказал он — сегодня Академия Художеств открыта для любопытных, и я готов быть вашим путеводителем, вашим чичероне, если угодно! Вы увидите много хорошего, полюбуетесь некоторыми произведениями Русского резца и кисти;

о других теперь ни слова. Посмотрите — продолжал он, открывая окно, — какое прекрасное время! Весь город гуляет, и мы с толпой гуляющих неприметным образом пройдем в Академию».

«С удовольствием, — отвечал я молодому человеку — около двадцати лет я не видал Академии, и как здесь всё идет исполинскими шагами к совершенству, то надеюсь, что и Художества приведут меня в приятное изумление. Вот мой посох, моя шляпа — пойдем!»

И в самом деле время было прекрасное. Ни малейший ветерок не струил поверхности величественной, первой реки в мире, и я приветствовал мысленно богиню Невы словами Поэта:

Обтекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно
И тенисты острова.

Великолепные здания, позлащенные утренним солнцем, ярко отражались в чистом зеркале Невы, и мы оба единогласно воскликнули: «Какой город! какая река!»

«Единственный город!» — повторил молодой человек. «Сколько предметов для кисти Художника! Умей только выбирать. И как жаль, что мои товарищи мало пользуются собственным богатством; Живописцы перспективы охотнее пишут виды из Италии и других земель, нежели сии очаровательные предметы. Я часто с горестию смотрел, как в трескучие морозы они трудятся над пламенным небом Неаполя, тиранят свое воображение и часто — взоры наши. Пейзаж должен быть портрет. Если он не совершенно похож на природу, то что в нем? Надобно расстаться с Петербургом, — продолжал он — надобно расстаться на некоторое время, надобно видеть древние столицы — ветхий Париж, закопченный Лондон, чтоб почувствовать цену Петербурга. Смотрите — какое единство! Как все части отвечают целому! Какая красота зданий, какой вкус, и в целом какое разнообразие, происходящее от смешения воды со зданиями. Взгля-

ните на решетку Летнего сада, которая отражается зеленью высоких лип, вязов и дубов! Какая легкость и стройность в ее рисунке! Я видел славную решетку Тюльерийского замка, отягченную, раздавленную, так сказать, украшениями — пиками, касками, трофеями. Она безобразна в сравнении с этой».

Энтузиазм, с которым говорил молодой Художник, мне весьма понравился. Я пожал у него руку и сказал ему: «Из тебя будет Художник!» Не знаю, понял ли он мои пророческие слова, но, посмотрев на меня с улыбкою удовольствия, продолжал: «Взгляните теперь на набережную, на сии огромные дворцы — один другого величественнее! на сии домы — один другого красивее! Посмотрите на Васильевский остров, образующий треугольник, украшенный биржею, ростральными колоннами и гранитною набережною, с прекрасными спусками и лестницами к воде. Как величественна и красива эта часть города! Вот произведение, достойное покойного Томона, сего неутомимого иностранца который посвятил нам свои дарования и столько способствовал к украшению Северной Пальмиры! Теперь от биржи с каким удовольствием взор мой следует вдоль берегов, и теряется в туманном отдалении между двух набережных, единственных в мире!»

«Так, мой друг, — воскликнул я, — сколько чудес мы видим перед собою, и чудес, созданных в столь короткое время, в столетие — в одно столетие! Хвала и честь великому основателю сего города! Хвала и честь его преемникам, которые довершили едва начатое им среди войн, внутренних и внешних раздоров. Хвала и честь Александру, который более всех, в течение своего царствования, украсил столицу Севера! И в какие времена? Когда бремя и участь целой Европы лежали на его сердце, когда враг поглощал землю Русскую, когда меч и пламень безумца пожирал то, что созидали веки!..»

Разговаривая таким образом, мы подходили к адмиралтейству. Помню, скажешь ты, помню эту безобразную длин-

ную фабрику, окруженную подъемными мостами, рвами глубокими но нечистыми, заваленными досками и бревнами. Остановись, почтенный мой приятель! Кто не был двадцать лет в Петербурге, тот его, конечно, не узнает. Тот увидит новый город, новых людей, новые обычаи, новые нравы. Вот, что я повторяю тебе ежедневно в моих записках. И здесь то же превращение. Адмиралтейство, перестроенное Захаровым, превратилось в прекрасное здание и составляет теперь украшение города. Прихотливые знатоки недовольны старым шпицем, который не соответствует, по словам их, новой колоннаде, — но зато колоннада и новые павильоны или отдельные флигели прелестны. Вокруг сего здания расположен сей прекрасный бульвар, обсаженный липами, которые все принялись и защищают от солнечных лучей. Прелестное, единственное гульбище, с которого можно видеть всё, что Петербург имеет величественного и прекрасного: Неву, Зимний дворец, великолепные домы Дворцовой площади, образующей полукружие, Невский проспект, Исакиевскую площадь, Конногвардейский манеж, который напоминает Партенон, прелестное строение г. Гваренги, сенат, монумент Петра I и снова Неву с ее набережными!

Я хотел отдохнуть, и мы сели на одну из лавок бульвара. Площадь была покрыта каретами, бульвар — гуляющими. Между тем как я рассматривал знакомые и незнакомые лица, некто человек пожилой и хворый, присел на лавку возле меня. Черты его мне были знакомы, но время изгладило из моей памяти его имя. Знакомый *незнакомец* глядел на меня пристально, минуту, две, три... и, наконец, — я узнал в нем Старожилова.

«Как ты переменился!» воскликнули мы оба, глядя пристально друг на друга. — «Как все переменилось с тех пор, как я тебя видел здесь!» — прибавил Старожилов с тяжелым вздохом, от которого морщины на его лбу сделались еще глубже. Я не стану тебе говорить о вопросах, которые мы делали взапуски друг другу: можешь их легко угадать; скажу

только, что наш старый знакомый. узнав намерение наше посетить Академию, взглянул на часы и сказал мне: «Теперь еще рано: к трем часам я могу поспеть в клуб, где я должен пробовать новое вино и сказать мое мнение насчет важного постановления в клубе, о котором я размышлял целое утро». Важность, с которою он говорил, заставила нас улыбнуться. К счастию, Старожилов того не приметил и продолжал: «Прогулка мне будет полезна, ибо сегодня солнце греет, как летом. Я побреду с вами в Академию — вовсе не из любопытства; там ничего хорошего нет. Я давно не доволен нашими Художниками во всех родах, но мне нужно рассеяние. единственно рассеяние!» — прибавил он, кашляя беспрестанно.

Между тем как мы идем медленными шагами в Академию, соображаясь с походкою подагрика, я скажу тебе мимоходом, что Старожилов, которого мы знали в молодости нашей столь блестящего, столь веселого, столь рассеянного, ныне сделался брюзгою, недовольным, одним словом, совершенным образцом старого холостого человека. Ты помнишь, что в молодости он имел живой ум, некоторые познания и большой навык в свете. Ныне цвет ума его завял, прежняя живость исчезла. познания, неусовершенные беспрестанными трудами, изгладились или превратились в закоренелые предрассудки, и всё остроумие его погибло, как блестящий фейерверк. Конечно, рассудок забыл шепнуть ему: старайся быть полезен обществу! Недеятельная жизнь, говорит мудрец Херонейский, расслабляет тело и душу. Стоячая вода гниет; способности человека в бездействии увядают и за молодостию невидимо крадется время:

Прийдут, прийдут часы те скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанут Грации трепать!

Тогда общество справедливою холодностию отмстит тебе за то, что ты был его бесплодным членом. Старожилов. проживший вертопрахом до некоторого времени, проснулся в сорок лет стариком, с подагрою, с полурасстроенным имением, без друга, без привязанностей сердечных, которые со-

ставляют и мучение, и сладость жизни; он проснулся с душевною пустотою, которая превратилась в эгоизм и мелочное самолюбие. Ему всё наскучило, он всем недоволен: в его время и лучше веселились, и лучше говорили, и лучше писали. Трагедии Княжнина, по его мнению, лучше трагедий Озерова; басни Сумарокова предпочитает он басням Крылова, игру Сахаровой — игре Семеновой, и так далее. «Как скучна нынешняя жизнь!» — говорит он; и этому поверить можно. Зачем, спрашиваю я, зачем постоянно десять лет является он в клубе? Чтобы слушать, изобретать или распускать городские вести или газетные тайны, чтобы бранить нещадно всё новое и прославлять любезную старину, отобедать и заснуть за чашкою кофе при стуке шаров и при единообразом счете маркера, который, насчитав 48, ненавистным числом напоминает ему его лета. Сонный садится он в карету и едва просыпается в театре при первом ударе смычка.

Разговаривая с ним о старине, которую я выхвалял из снисхождения, мы приближались к Академии.

Я долго любовался сим зданием, достойным Екатерины, покровительницы Наук и Художеств. Здесь на каждом шагу просвещенный патриот должен благословлять память монархини, которая не столько завоеваниями, сколько полезными заведениями заслуживает от признательного потомства имя великой и мудрой. Сколько полезных людей приобрело общество чрез Академию Художеств! Редкое заведение у нас в России принесло столько пользы. Но чему приписать это? Постоянному и мудрому плану, которому следует с давнего времени начальство, и достойному выбору вельмож деятельных и просвещенных на место президентское. Я стар уже; но при мысли о полезном деле или учреждении для общества чувствую, что сердце мое бьется живее, как у юноши, который не утратил еще прелестной способности чувствовать красоту истинно полезного, и предается первому движению благородной души своей. Вступая на лестницу, я готов был хвалить с жаром монархиню и некото-

рых вельмож, покровителей отечественных Муз; но докучный Старожилов воскликнул, с трудом переводя дух и отдыхая на первых ступенях: «Боже мой! какая крутая лестница! — и как она узка, и как безобразна! И к чему эта Венера с Амазонками? Я никогда не был охотник до гипсов; лучше ничего, или всё — вот мое правило. Здесь надлежало бы поставить что-нибудь свое, произведение наших Художников» и пр. и пр. Толпа у дверей не позволила ему окончить своего критического замечания, и мы остановились весьма кстати у двух превеликих Сатиров, называемых Теламонами или Атлантами (мужские Кариатиды). «Вот украшение довольно странное, — заметил молодой Художник, — и которое новейшие Художники употребляли часто некстати, а более всего в Париже. Женские Кариатиды еще безобразнее мужских. Можно ли видеть без отвращения прекрасную женщину, страдающую под тягостным бременем и с необыкновенным усилием во всех членах и мускулах поддерживающую целое здание или огромную часть оного? Одно жестокое сердце может любить такого рода изображения, и затем-то, может быть, Французские Артисты, тайно угождая вкусу Наполеона, ставили Кариатиды везде, где только можно было. В некоторых его замках каждую дверь поддерживают две страдалицы. В самом Музеуме их множество. Здесь же сии Кариатиды приличны, ибо могут служить образцами любопытным молодым Художникам».

Мы вошли в ротонду, установленную гипсовыми слепками с антиков. «Вот консул Бальбус», — сказал мне наш спутник, указывая на большого всадника. — «Подлинник статуи найден в Геркулануме». «Но эта лошадь вовсе не красива» — заметил Старожилов молодому Артисту, качая головою.

«Вы правы, — отвечал он — конь не весьма статен короток, высок на ногах, шея толстая, голова с выпуклыми щеками, поворот ушей неприятный. То же самое заметите в другой зале у славного коня Марка Аврелия. Художники новейшие с бо́льшим искусством изображают коней. У нас перед глазами Фальконетово произведение сей чудесный

конь живый, пламенный, статный и столь смело поставленный, что один иностранец, пораженный смелостию мысли, сказал мне, указывая на коня Фальконетова: «Он скачет, как Россия!». Но я не смею мыслить вслух о коне Бальбуса, боясь, чтобы меня не подслушали некоторые упрямые любители древности. Вы себе представить не можете, что теряет в их мнении молодой Художник, свободно мыслящий о некоторых условных красотах в Изящных Художествах... Пойдемте далее».

Мы вошли в другую залу, где находятся слепки с неподражаемых произведений резца у Греков и Римлян. Прекрасное наследие древности, драгоценные остатки, которые яснее всех историков свидетельствуют о просвещении древних; в них-то искусство есть, так сказать, отголосок глубоких познаний природы, страстей и человеческого сердца. Какое истинное богатство, какое разнообразие! Здесь вы видите Геркулеса Фарнезского, образец силы душевной и телесной. Вот умирающий боец или варвар; вот комический Поэт, и бесподобный Фавн. Здесь прекрасные группы: Лаокоов с детьми — драматическое творение резца неизвестного! Вот Ария и Петус, и семейство несчастной Ниобы. Здесь вы видите Венеру, образец всего красивейшего, одним словом, — Венеру Медицис. Вот целый ряд колоссальных бюстов Юпитера Олимпийского.

Кто манием бровей колеблет неба свод, —

Юноны, Менелая, Аякса, Кесаря и пр. И, наконец, я спрашиваю себя, отчего сердце мое забилось сильнее?

Наполнил грудь восторг священный,
Благоговейный обнял страх,
Приятный ужас потаенный
Течет во всех моих костях;
В весельи сердце утопает,
Как будто бога ощущает,
Присутствующего со мной!..
Я вижу, вижу Аполлона
В тот миг, как он сразил Пифона
Божественной своей стрелой!

Зубчата молния сверкает,
Звенит в руке спущенный лук,
Ужасная змия зияет
И вмиг свой испускает дух.

Вот сей божественный Аполлон, прекрасный бог Стихотворцев! Взирая на сие чудесное произведение искусства, я вспоминаю слова Винкельмана: «Я забываю вселенную, — говорит он — взирая на Аполлона, я сам принимаю благороднейшую осанку, чтобы достойнее созерцать его». Имея столь прекрасного бога покровителем, мудрено ли, спрашиваю вас, мудрено ли, что один из наших Поэтов воскликнул однажды в припадке пиитической гордости:

Я с возвышенною везде хожу главой!

«Вот наши сокровища, — сказал художник Н., указывая на Аполлона и другие антики, — вот источник наших дарований, наших познаний, истинное богатство нашей Академии; богатство, на котором основаны все успехи бывших, нынешних и будущих воспитанников. Отнимите у нас это драгоценное собрание и скажите, какие бы мы сделали успехи в Живописи и в Ваянии? Надобно желать, чтоб оно еще было удвоено, утроено. Здесь многого недостает; но то, что есть, прекрасно, ибо слепки верны и могут удовлетворить самого строгого наблюдателя древности».

Пройдя две небольшие залы, мы увидели толпу зрителей перед большою картиною. Вот новая картина г. Егорова! Одно имя сего почтенного Академика возбуждает твое любопытство... И так, я перескажу от слова до слова суждение о его новой картине, то-есть то, что я слушал в глубоком молчании.

«Подойдемте поближе», — сказал Старожилов, надевая с комическою важностию очки свои. — «Я немного наслышался об этом Художнике».

Художник изобразил истязание Христа в темнице. Четыре фигуры выше человеческого роста. Главная из них — спаситель, перед каменным столпом, с связанными назад

руками, и три мучителя, из которых один прикрепляет веревку к столпу, другой снимает ризы, покрывающие искупителя, и в одной руке держит пук розог, третий воин... кажется, делает упреки божественному страдальцу; но решительно определить намерения артиста весьма трудно, хотя он и старался дать сильное выражение лицу воина — может быть, для противуположности с фигурою Христа.

«Посмотрите, — сказал нам молодой Художник, — как туловище Христа нарисовано правильно, просто и благородно. Кажется, что глубокий вздох готов вырваться из подъятой груди его». «Но лицо не соответствует красоте всего тела, — возразил Старожилов — признайтесь сами, что глаза его слишком велики; в них нет ничего божественного». — «Я с вами не совсем согласен: положение головы прекрасно, и в лице вы видите сильное выражение страдания, горести и покорности воле отца небесного». — «К сожалению, эта фигура напоминает изображение Христа у других Живописцев, и я напрасно ищу во всей картине оригинальности, чего-то нового, необыкновенного, одним словом — своей мысли, а не чужой». — «Вы правы, хотя не совершенно: этот предмет был написан несколько раз. Но какая в том нужда? Рубенс и Пуссень каждый писали его по-своему, и если картина Егорова уступает Пуссеневой, то, конечно, выше картины Рубенсовой...» — «Как, что нужды? Пуссень и Рубенс писали истязание Христово: тем я строже буду судить Художника, тем я буду прихотливее. Если б какой-нибудь, впрочем, и весьма искусный, Живописец вздумал написать картину преображения, я сказал бы ему: конечно вы не видали картины Рафаэлевой? Если б поэт вздумал написать нам Ифигению в Авлиде, я сказал бы ему: ее написал Расин прежде тебя. — и так далее». — «Но признайтесь, по крайней мере, что мучитель, прикрепляющий веревку, которою связаны руки Христа, написан прекрасно, правильно и может назваться образцом рисунка. Он ясно доказывает, сколько г. Егоров силен в рисунке, сколько ему известна анатомия человеческого тела. Вот оригиналь-

ность нашего Живописца!» — «Это все справедливо, но к чему усилие сего человека? Чтобы затянуть узел? Я вижу, что Живописец хотел написать академическую фигуру, и написал ее прекрасно; но я не одних побежденных трудностей ищу в картине. Я ищу в ней более: я ищу в ней пищи для ума, для сердца; желаю, чтобы она сделала на меня сильное впечатление; чтобы она оставила в сердце моем продолжительное воспоминание, подобно прекрасному драматическому представлению, если изображает предмет важный, трогательный. К тому же, согласитесь, что другой мучитель поставлен дурно. А воин?.. он вовсе лишний, он ни на кого не глядит... хотя глаза его отверзты необыкновенным образом. К чему, спрашиваю вас, на Римском воине шлем с змеем, и почему в темнице Христовой лежит железная рукавица? Их начали употреблять десять веков или более после рождества Христова; не значит ли это.......»

«Конечно, так!» — сказал Старожилову какой-то незнакомец, который долго вслушивался в разговор (мы приняли его за Художника); — «конечно, так! Если Художники наши будут более читать и рассматривать прилежнее книги, в которых представлены обряды, одежды и вооружение древних, то подобных анахронизмов делать не будут».—Но признайтесь, государь мой, признайтесь, отложа всякое пристрастие, что эта картина обещает дальнейшие успехи. Если обстоятельства, которые часто не благоприятствовали нашим Артистам, если обстоятельства позволят ее Живописцу заниматься постоянно сочинением больших картин, то можно ожидать, что он, утвердясь в выборе, в употреблении и согласовании красок и познакомясь со многими механическими приемами (тайны, которые должен угадывать Художник в живописном деле), при твердой, правильной и красивой его рисовке, при изобретательном и благоразумном даровании, со временем не уступит лучшим живописцам Итальянской, Французской и Испанской школы».

Будучи от природы снисходительнее и любя наслаждаться всем прекрасным, я с большим удовольствием смотрел на

картину г. Егорова и сказал мысленно: «Вот Художник, который приносит честь Академии. и которым мы. Русские. можем справедливо гордиться».

В следующих комнатах продолжались выставки и по большей части молодых воспитанников Академии. Я смотрел с любопытством на ландшафт изображающий вид окрестностей Шафгаузена и хижину, в которой государь император с великою княгинею Екатериною Павловною угощены новым Филемоном и Бавкидою. Вдали видно падение Рейна. не весьма удачно написанное.

В той же самой комнате проект на соборную церковь и два проекта для монумента из отнятых у неприятеля пушек: оба не соответствуют прекрасной и высокой мысли. — Вот празднование пасхи в Париже Александром и его победоносными войсками. Какой предмет для патриота! С каким чистейшим удовольствием смотрел я на эту картину! Толпы народа и войска представлены ясно. но я заметил. что цвет неба и облаков холоден и тяжел.

Множество зрителей всякого звания толпились перед большою картиною, изображающею Христа с учениками и блудницею. Одни хвалили с жаром, другие осуждали. De gustibus non est disputandum!* «Видно, что Живописец — сказал нам молодой наш путеводитель, — Живописец, скупый на искусство и вкус, не пощадил полотна розовой и голубой краски». «И времени», — прибавил Старожилов.— Вы видите здесь и другую картину — Венеру розовую на голубом поле, с голубками и с Купидоном; неудачное подражание Тициану или Китайским картинам без теней; Венеру, которая не имеет ни малейшего сходства с Венерою Омера, Овидия или Лукреция, но живым образом напоминает нам какую-нибудь богиню из шуточной поэмы Майкова или из «Энеиды, вывороченной наизнанку». Вы видите там, на другой стене триумф государя, наподобие Рубенса. Теперь взгляните на этого больного старика с факелом, подражание Жирару

* О вкусах не спорят. *(Ред.)*

дела Нотте, и признайтесь, что эти Живописцы в своем подражании оригинальны. Они-то могут назваться со временем основателями новой Итальянской школы, la Scuola Pietroborghese * и затмить своею чудесною кистию славу своих соотечественников — славу Рафаэля, Корреджио, Тициана, Альбана и пр.

Пускай глаза наши, ослепленные яркими красками сих живописей, на которых Ньютон мог бы открыть все преломления луча солнечного, пускай глаза наши отдохнут на произведении г. Есакова. Вот его резные камни: один изображает Геркулеса, бросающего Иоласа в море, другой Киевлянина, переплывшего Днепр. Большая твердость в рисунке! Пожелаем искусному Художнику более навыка, без которого нет легкости и свободы в отделке мелких частей. Смелости у него довольно; а знаний?.. «Век живи, век учись», — сказал Старожилов. — «Согласитесь, однакоже, — шепнул он молодому Художнику, — согласитесь, что кроме картины Егорова мы ничего еще не видели совершенного или близкого к совершенству».

«Может быть! — отвечал он, — но прошу вас взглянуть на рисунок Уткина. Этот превосходный рисунок, как вы видите, изображает святую фамилию с Гвидо Рени. Другой рисунок — портрет князя Александра Борисовича Куракина и с него гравированный портрет сего вельможи». «Вот истинное искусство!» — сказал Старожилов, изменяя своему прекрасному правилу: Nil admirari.** «Г. Уткин, известный и уважаемый в Париже, может стать на ряду с лучшими граверами в Европе. Конечно, и в отечестве своем найдет он людей просвещенных, достойных ценителей его редкого таланта!»

Но с каким удовольствием смотрели мы на портреты г. Кипренского, любимого Живописца нашей публики. Правильная и необыкновенная приятность в его рисунке, свежесть,

* Петербургской школы. *(Ред.)*

** Ничему не удивляться. *(Ред.)*

согласие и живость красок, — всё доказывает его дарование, ум и вкус, нежный, образованный. *

Старожилов, к удивлению нашему, пленился мастерскою его кистью и отрыв в своей памяти два Итальянские стиха. сказал их с необыкновенной живостию...

* В собрании портретов г. Кипренского, по важности предмета и по отделке, занимают первое место: два портрета великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича; голова старика с седою бородою или образец для апостольской головы; им же гравированный портрет и весьма схожий славного Актера Дмитревского, и рисованный черным карандашом — Фигнера, славного соглядатая нашей армии, о котором можно сказать, что Тасс говорил о Вафрине:

...per dritto sentier tra regie porte
Trapassa; e or dimanda, e or risponde.
A dimande e risposte astute, e pronte
Accoppia baldanzosa audace fronte.
Di qua, di là sollecito s'aggira
Per le vie, per le piazze, e per le tende.
I guerrier'i destrier'l'arme rimira;
L'arti e gli ordini osserva e i nomi apprende.
Nè di ciò pago, a maggior cose aspira;
Spia occulti disegni, e parte intende
Tanto s'avvolge, e così destro e piano...

То есть: Прямым путем проходит через врата царские. Делает вопросы, дает ответы; хитрым вопросам и быстрым ответам соответствует его смелое и гордое чело. Туда и сюда проходит торопливыми шагами, чрез пути и площади между шатров неприятельских. Осматривая ряды воинов, коней и оружия, замечает порядок, искусство воинов; познает их имена. Сего не довольно: он стремится к высшей цели: проникает в тайные замыслы и хитрые намерения врагов. [И так он ловок, и так он искусен *(Ред.)*]

Наш Фигнер старцем в стан врагов
Идет во мраке ночи:
Как тень, прокрался вкруг шатров;
Всё зрели быстры очи.
И стан еще в глубоком сне,
День светлый не проглянул,
А он уж — витязь на коне,
Уже с дружиной грянул...

Жуковский

Manca il parlar, di vivo altro non chiedi.
Ne manca questo ancor s'a gli occhi credi.*

«Видите ли, — продолжал он, — видите ли, как образуются наши Живописцы? Скажите что б был г. Кипренский, если б он не ездил в Париж, если бы...» — «Он не был еще в Париже, ни в Риме»,—отвечал ему Художник. «Это удивительно! удивительно!» — повторил Старожилов. — «Почему? Разве нет образцов и здесь для портретного Живописца? Разве Эрмитаж закрыт для любопытного, а особенно для Художника? Разве не позволяется Художнику списывать там портреты с Вандика, Пейзажисту учиться над богатым собранием картин единственных в своем роде? Или вы думаете, что нужен непременно воздух Римский для Артиста, для любителя древности, что ему нужно долговременное пребывание в Париже? В Париже? — согласен; но сколько дарований погибло в этой Столице? Рассеяние, все прелести света не только препятствовали развитию дарования, но губили его навеки».

«Вот Московские виды», — сказал молодой Художник, указывая на картины, изображающие Каменный мост, Кремль и пр. с большою истиною и искусством. Какие воспоминания для Московского жителя! Рассматривая живопись я погрузился в сладостное мечтание, и готов был воскликнуть почти то же, что Эней у Гелена, в долинах Хаонейских, где всё чудесным образом напоминало изгнаннику его священную Трою, рощи, ** луга и источники родины незабвенной; я готов, был сказать моим товарищам:

Что матушки Москвы и краше и милее?

* Не хватает только, чтобы он заговорил, тогда он совсем бы ожил. Только этого не хватает, если ты веришь своим глазам

** Procedo, et parvam Trojam, simulataque magnis
Pergama et arentem Xanthi cognomine rivum,
Agnosco. Scaeae que amplector limina portae и пр.
Aeneid. liber III.

[Я подвигаюсь вперед и узнаю малую Трою, изображение великого Пергама, иссохший ручей именем Ксанф, и обнимаю пороги Скейских ворот. *(Ред.)*]

Но Старожилов рассеял воспоминания о древней белокаменной столице громким и беспрерывным смехом, рассматривая чудесные мозаики, в той же комнате выставленные.

Я взглянул на них с негодованием, пожал плечами и пошел в другую комнату, где ожидал нас портрет покойного гр. А. С. Строганова, писанный г. Варником. Вокруг него мы нашли толпу зрителей: одни хвалили смелость кисти, отделку платья, белого глазета и весь рисунок картины; другие, напротив того, утверждали, что краски вообще тусклы, отделка груба, не тщательна и пр., и пр., и пр.; а я восхищался удивительным сходством лица.

«Так это он! точно он!» — сказал какой-то пожилой человек нашему путеводителю. — «Эта прекрасная картина г. Варника возбуждает в моей памяти тысячу горестных и сладких воспоминаний! Она живо представляет лицо покойного графа, сего просвещенного покровителя и друга Наук и Художеств, вельможу, которого мы будем всегда оплакивать, как дети нежного и попечительного отца. Полезные советы, лестное одобрение знатока, редкое добродушие, истинный признак великой и прекрасной души, желание быть полезным каждому из нас, пламенная, но просвещенная любовь к отечеству, любовь ко всему, что может возвысить его славу и сияние: вот чем отличался почтенный президент нашей Академии, вот что мы будем воспоминать со слезами вечной признательности, и что искусная кисть г. Варника столь живо напоминает всем Академикам, которые имели счастие пользоваться покровительством любезнейшего и добрейшего из людей. Черты, незабвенные черты нашего Мецената будут нам всегда драгоценны!»

Художник говорил с большим жаром, и слезы навернулись на его глазах. Я был вне себя от радости, ибо я разделял вполне его чувства. Сам Старожилов был тронут и долго стоял в молчании пред почтенным ликом почтенного старца, престарелого Нестора Искусств, истинного образца людей государственных; вельможи, который доказал красноречивым примером целой жизни, что вышний сан заимствует проч-

ное сияние не от богатства и почестей наружных, но от истинного, неотъемлемого достоинства души, ума и сердца.

Долго сладкое впечатление оставалось в моей душе, и я, занятый разговором почтенного Художника, прошел без внимания мимо некоторых картин ученической работы иностранцев, которые на сей раз как будто нарочно согласились уступить бесспорно преимущество нашим Художникам, выставя безобразные и уродливые произведения своей кисти. Мы остановились у подножия Актеона (изобретения г. Мартоса), большой статуи, отлитой для гр. Н. П. Румянцева г. Екимовым: прекрасное произведение Русских Художников! «Заметьте, — сказал нам услужливый путеводитель наш, — заметьте, что литейное искусство сделало большой шаг в России, под руководством г. Екимова».*

Картина г. Куртеля — Спартанец при Фермопилах — привлекла наше внимание. Прекрасный юноша, сразившийся за свободу Греции, умирает один, без помощи, без друга, в местах пустынных. Кровавый долг Спарте отдан, оружие избито, кровь пролита ручьями из ран глубоких и смертельных, и последние минуты убегающей жизни принадлежат ему: последние взоры, исполненные страдания и любви, устремлены на медальон, изображающий черты ему любезные. «Вот прекрасная мысль, — сказал я моим товарищам, — и выраженная мастерскою кистию». Но они заметили, и справедливо, что в фигуре нет ни соразмерности, ни согласия. «Это туловище небольшого фавна, приставленное к ногам Боргезского борца», — сказал молодой художник. — «Конечно, много истины в выражении лица и мертвенности других членов; но, признаюсь вам, я неохотно смотрю на подобные сему изображения! И можно ли смо-

* Отлитая г. Екимовым фигура Актеона, по разобрании формы, не была ни опилена, ни отчеканена; но отлитие оной так совершенно, что по отбитии *путцев*, чрез которые течет в форму растопленный металл, осталось только всю фигуру пройти песком, для того чтоб ей дать общий цвет. Хвала г. Екимову, особливо за удачное во всех частях отлитие колоссальных статуй для Казанского собора, также конченных без чеканки!

треть спокойно на картины Давида и школы им образованной, которые напоминают нам одни ужасы революции: терзание умирающих насильственною смертию, оцепенение глаз, трепещущие, побледнелые уста, глубокие раны, судороги, — одним словом, ужасную победу смерти над жизнию. Согласен с вами, что это представлено с большою живостию; но эта самая истина отвратительна, как некоторые истины, из природы почерпнутые, которые не могут быть приняты в картине, в статуе, в поэме и на театре».

Разговаривая таким образом, мы оставили Академию. — Если мое письмо не наскучило пустыннику, то я сообщу тебе продолжение нашей прогулки и разговора о Художествах. Прости до первой почты.

N. N.

P. S. На третий день моей прогулки в Академию я кончил мое письмо к тебе и готов был его запечатать, как вдруг мне пришла на ум следующая мысль: если кто-нибудь прочитает то, что я сообщал приятелю в откровенной беседе?..» «Что нужды!» — отвечал молодой Художник Н., которому я прочитал мое письмо. — «Что нужды? Разве вы обидели кого-нибудь из Художников, достойных уважения? Выставя картину для глаз целого города, разве Художник не подвергает себя похвале и критике добровольно? Один маляр гневается за суждение знатока или любителя; истинный талант не страшится критики; напротив того, он любит ее, он уважает ее, как истинную, единственную путеводительницу к совершенству. Знаете ли, что убивает дарование, особливо, если оно досталось в удел человеку без твердого характера? Хладнокровие общества: оно ужаснее всего! Какие сокровища могут заменить лестное одобрение людей, чувствительных к прелестям Искусств! Один богатый невежда заказал картину моему приятелю; картина была написана, и Художник получил кучу золота... Поверите ли, он был в отчаянии. «Ты не доволен платою?» — спросил я. «О, нет, я награжден слишком щедро!» — «Что же огорчает тебя?» — «Ах, любезный друг, моя картина доста-

лась невежде и сгниет в его кабинете: что мне в золоте без славы!» В Париже Художники знают свою выгоду. Они живут в тесной связи с Писателями, которые за них сражаются с Журналистами, с знатоками и любителями и проливают за них источники чернил. Две, три недели, часто месяц занимают они публику после первого выставления картин». — «Это всё справедливо: но я мог ошибаться». — «Что нужды, если без намерения!» «Но я употребил в моем письме новые выражения, например: *механической прием* (в живописном деле), желая изъяснить то, что французы называют le faire, и боюсь...» «Пускай другие переведут лучше, исправнее; у нас еще не было своего Менгса, который открыл бы нам тайны своего Искусства, и к Искусству Живописи присоединил другое, столь же трудное: искусство изъяснять свои мысли. У нас не было Винкельмана... Но запечатайте, запечатайте письмо: его никто не прочитает!» повторял Художник с хитрою улыбкою. И его слова успокоили меня, хотя не совершенно. Признаюсь тебе, любезный друг, я боюсь огорчить наших Художников, которые нередко до того простирают ревность к своей славе, что малейшую критику, самую умеренную, самую осторожную, почитают личным оскорблением.

[1814]

НЕЧТО О ПОЭТЕ И ПОЭЗИИ

Поэзия — сей пламень небесный, который менее или более входит в состав души человеческой, сие сочетание воображения, чувствительности, мечтательности — Поэзия, нередко составляет и муку, и услаждение людей, единственно для нее созданных. *«Вдохновением гения тревожится Поэт»*, сказал известный Стихотворец. Это совершенно справедливо. Есть минуты деятельной чувствительности: их испытали люди с истинным дарованием; их-то должно ловить на лету Живописцу, Музыканту и более всех Поэту: ибо они редки, преходящи и зависят часто от здоровья, от времени

от влияния внешних предметов, которыми по произволу мы управлять не в силах. Но, в минуту вдохновения, в сладостную минуту очарования поэтического, я никогда не взял бы пера моего, если бы нашел сердце, способное чувствовать вполне то, что я чувствую; если бы мог передать ему все тайные помышления, всю свежесть моего мечтания и заставить в нем трепетать те же струны, которые издали голос в моем сердце. Где сыскать сердце, готовое разделять с нами все чувства и ощущения наши? Нет его с нами — и мы прибегаем к искусству выражать мысли свои, в сладостной надежде, что есть на земле сердца добрые, умы образованные, для которых сильное и благородное чувство, счастливое выражение, прекрасный стих и страница живой, красноречивой прозы суть сокровища истинные... «Они не могут читать в моем сердце, но прочитают книгу мою» — говорил Монтань; и в самые бурные времена Франции, при звуке оружия, при зареве костров, зажженных суеверием, писал «Опыты» свои и, беседуя с добрыми сердцами всех веков, забывал недостойных современников.

Некто сравнивал душу Поэта в минуту вдохновения с растопленным в горниле металлом: в сильном и постоянном пламени он долго остается в первобытном положении, долго недвижим; но раскаленный — рдеется, закипает и клокочет; снятый с огня — в одну минуту успокаивается и упадает. Вот прекрасное изображение Поэта, которого вся жизнь должна приготовлять несколько плодотворных минут: все предметы, все чувства, всё зримое и незримое должно распалять его душу и медленно приближать сии ясные минуты деятельности, в которые столь легко изображать всю историю наших впечатлений, чувств и страстей. Плодотворная минута Поэзии! ты быстро исчезаешь, но оставляешь вечные следы у людей, владеющих языком богов.

Люди, счастливо рожденные, которых природа щедро наделила памятию, воображением, огненным сердцем и вели-

ким рассудком, умеющим давать верное направление и памяти, и воображению, — сии люди имеют, без сомнения, дар выражаться, прелестный дар, лучшее достояние человека, ибо посредством его он оставляет вернейшие следы в обществе и имеет на него сильное влияние. Без него не было бы ничего продолжительного, верного, определенного; и то, что мы называем бессмертием на земле, не могло бы существовать. Веки мелькают, памятники рук человеческих разрушаются, изустные предания изменяются, исчезают, но Омер и книги священные говорят о протекшем. На них основана опытность человеческая. Вечные кладези, откуда мы почерпаем истины утешительные или печальные! что дает нам сию прочность? Искусство письма и другое, важнейшее — искусство выражения.

Сей дар выражать и чувства, и мысли свои давно подчинен строгой науке. Он подлежит постоянным правилам, проистекшим от опытности и наблюдения. Но самое изучение правил, беспрестанное и упорное наблюдение изящных образцов — недостаточны. Надобно, чтобы вся жизнь, все тайные помышления, все пристрастия клонились к одному предмету, и сей предмет должен быть — Искусство. Поэзия, осмелюсь сказать, требует *всего человека*.

Я желаю — (пускай назовут странным мое желание!) — желаю, чтобы Поэту предписали особенный образ жизни, пиитическую *диэтику*: одним словом, чтобы сделали науку из жизни Стихотворца. Эта наука была бы для многих едва ли не полезнее всех Аристотелевых правил, по которым научаемся избегать ошибок, но как творить изящное — никогда не научимся!

Первое правило сей науки должно быть: живи, как пишешь, и пиши, как живешь. Talis hominibus fuit oratio, qualis vita. *

Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы. К чему произвела тебя природа? что вложила в сердце твое? Чем пленяется воображение, часто против воли твоей? При чте-

* Речь людей была такова, какова их жизнь. *(Ред.)*

нии какого Писателя трепетал твой гений с неизъяснимою радостию, и глас, громкий глас твоей пиитической совести восклицал: проснись, и ты Поэт! — При чтении творцов эпических? Итак, удались от общества, окружи себя природою: в тишине сельской, посреди грубых, неиспорченных нравов читай историю времен протекших, поучайся в печальных летописях мира, узнавай человека и страсти его, но исполнись любви и благоволения ко всему человечеству: да будут мысли твои важны и величественны, движения души твоей нежны и страстны, но всегда покорены рассудку, спокойному властелину их. Этого мало! Эпическому Стихотворцу надобно всё испытать — *обе фортуны*. Подобно Тассу, любить и страдать всем сердцем; подобно Камоэнсу, сражаться за отечество, обтекать все страны, вопрошать все народы, дикие и просвещенные, вопрошать все памятники искусства, всю природу, которая говорит всегда красноречиво и внятно уму возвышенному, обогащенному опытами, воспоминаниями. Одним словом, надобно, забыв все ничтожные выгоды жизни и самолюбия, пожертвовать всем — славе; и тогда только погрузиться (не с дерзостию кичливого ума, но с решимостию человека, носящего в груди своей внутреннее сознание собственной силы), тогда только погрузиться в бурное и пространное море Эпопеи...

Жить в обществе, носить на себе тяжелое ярмо должностей, часто ничтожных и суетных, и хотеть согласовать выгоды самолюбия с желанием славы есть требование истинно суетное. Что образ жизни действует сильно и постоянно на талант, в том нет сомнения. Пример тому — Французы: их словесность, столь богатая во всех родах, не имеет ни эпопеи, ни истории. Их Писатели, по большей части, жили посреди шумного города, посреди всех обольщений двора и праздности; а История и Эпопея требуют внимания постоянного и сей важности, и сей душевной силы, которую общество не только что отнимает у человека рассеянного, но уничтожает совершенно. «Хотите ли быть красноречивыми

Писателями? — говорит красноречивая женщина нашего времени — будьте добродетельны и свободны, почитайте предмет любви вашей, ищите бессмертия в любви, божества в природе; освятите душу, как освящают храм, и ангел возвышенных мыслей предстанет вам во всем великолепии!» Прелестные строки, исполненные истины! вас рассеянные умы или не поймут, или прочитают с гордым презрением.

Взглянем на жизнь некоторых Стихотворцев, которых имена столь любезны сердцу нашему. Гораций, Катулл и Овидий так жили, как писали. Тибулл не обманывал ни себя, ни других, говоря покровителю своему, Мессале, что его не обрадуют ни триумфы, ни пышный Рим, но спокойствие полей, здоровый воздух лесов, мягкие луга, родимый ручеек и эта хижина с простым, соломенным кровом — ветхая хижина, в которой Делия ожидает его с распущенными власами по высокой груди. Петрарка точно стоял, опершись на скалу Воклюзскую, погруженный в глубокую задумчивость, когда вылетали из уст его гармонические стихи:

Sott' un gran sasso
In una chiusa valle, ond' esce Sorga,
Si sta: nè chi lo scorga
V'è, se no amor, che mai nol lascia un passo
E l'immagine d'una che lo strugge *.

Счастливый Шолье мечтал под ветхими и тенистыми древами Фонтенейского убежища; там сожалел он об утрате юности, об утрате неверных наслаждений любви. Богданович жил в мире фантазии, им созданном, когда рука его рисовала пленительное изображение Душеньки **. Державин

* Под большой скалой
В замкнутой долине, откуда вытекает Сорга,
Стоит он: и никого с ним нет,
Кроме Амура, который никогда не оставляет его ни на шаг,
И образа той, которая его сжигает. *(Ред.)*

** Богданович жил в совершенном уединении. У него были два товарища, достойные добродушного Лафонтена: кот и петух. Об них он говорил, как о друзьях своих, рассказывал чудеса, беспокоился об их здоровье и долго оплакивал их кончину.

на диких берегах Суны, орошенный кипящею ее пеною, воспевал водопад и бога в пророческом исступлении. И в наши времена, более обильные славою, нежели благоприятные Музам, Жуковский, оторванный Беллоною от милых полей своих, Жуковский, одаренный пламенным воображением и редкою способностию передавать другим глубокие ощущения души сильной и благородной, — в стане воинов, при громе пушек, при зареве пылающей Столицы писал вдохновенные стихи, исполненные огня, движения и силы.

Если образ жизни имеет столь сильное влияние на произведения Поэта, то воспитание действует на него еще сильнее. Ничто не может изгладить из памяти сердца нашего первых сладостных впечатлений юности! Время украшает их и дает им восхитительную прелесть. В среднем возрасте зримые предметы слабо врезываются в памяти, и душа, утомленная ощущениями, пренебрегает ими: ее занимают одни страсти; в преклонных летах человек не приобретает и последним его сокровищем остается то единственно, чем он запас себя в молодости. Таким образом природа соединяет вечер с утром жизни, как вечерняя заря сливается с утреннею в долгие дни лета под нашим северным небом.

Если первые впечатления столь сильны в сердце каждого человека, если не изглаживаются во все течение его жизни, то тем более они должны быть сильны и сохранять неувядаемую свежесть в душе писателя, одаренного глубокою чувствительностию:

> Утешно вспоминать под старость детски леты,
> Забавы, резвости, различные предметы,
> Которые тогда увеселяли нас!

Если бы мы знали подробно обстоятельства жизни великих Писателей, то, без сомнения, могли бы найти в их творениях следы первых, всегда сильных ощущений. Сердце имеет свою особенную память. Руссо помнил начало песни, которую ему напевала его добродушная тетка. Молодый

Ариост, в бытность свою во Флоренции, влюбился в прелестную женщину. Он часто посещал ее; целые часы в глубоком безмолвии просиживал, любуясь красавицею, которая вышивала по серебру пурпурным шелком. Впечатление прелестных рук навсегда осталось в памяти любовника, и столь сильно, что в последствии времени, рассказывая битву Мандрикара с злополучным Сербином, он сравнивает алую кровь, текущую из глубокой раны юноши, с пурпурными начертаниями, которые вышивала по серебру белоснежная рука незабвенной Флорентинки. Нежные сердца помнят те места в Виргилии, где Поэт говорит о своей милой Мантуе: стихи Римского Омера исполнены воспоминаний о юности; они исполнены сих глубоких, неизгладимых впечатлений, которые погружают читателя в сладкую задумчивость, напоминая ему его собственную жизнь и ясную зарю молодости.

Климат, вид неба, воды и земли — всё действует на душу Поэта, отверстую для впечатлений. Мы видим в песнях северных Скальдов и Эрских Бардов нечто суровое, мрачное, дикое и всегда мечтательное, напоминающее и пасмурное небо севера, и туманы морские, и всю природу, скудную дарами жизни, но всегда величественную, прелестную и в ужасах. Мы видим неизгладимый отпечаток климата в Стихотворцах полуденных: некоторую негу, роскошь воображения, свежесть чувств и ясность мыслей, напоминающих и небо, и всю благотворную природу стран южных, где человек наслаждается двойною жизнию в сравнении с нами, где всё питает и нежит его чувства, где всё говорит его воображению. Напрасно уроженец Сицилии или Неаполя желал бы состязаться в песнях своих с Бардом Морвена и описывать, подобно ему, мрачную природу севера; напрасно северный Поэт желал бы изображать роскошные долины, прохладные пещеры, плодоносные рощи, тихие заливы и небо Сицилии, высокое, прозрачное и вечно ясное. Один Тасс, рожденный под раскаленным солнцем Неаполя, мог описать столь верными и свежими красками ужасную засуху,

гибельную для крестовых воинов. По сему описанию, говорит ученый Женгене, можно узнать полуденного жителя, который неоднократно подвергался смертному влиянию ветров Африканских, неоднократно изнемогал под бременем зноя. У нас Ломоносов, рожденный на берегу шумного моря, воспитанный в трудах промысла, сопряженного с опасностию, сей удивительный человек в первых летах юношества был сильно поражен явлениями природы: солнцем, которое в должайшие дни лета, дошед до края горизонта, снова восстает и снова течет по тверди небесной; северным сиянием, которое в полуночном краю заменяет солнце и проливает холодный и дрожащий свет на природу, спящую под глубокими снегами; Ломоносов с каким-то особенным удовольствием описывает сии явления природы, величественные и прекрасные, и повторяет их в великолепных стихах своих:

Закрылись крайние с пучиною леса,
Лишь с морем видны вкруг слиянны небеса.
. . . .
. . . . . Сквозь воздух в юге чистый
Открылись два холма и берега лесисты.
Меж ними кораблям в залив отверзся вход,
Убежище пловцам от беспокойных вод,
Где в влажных берегах крутясь печальна Уна
Медлительно течет в объятия Нептуна...
Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло;
Как пламенна гора казалось средь валов
И простирало блеск багровый из-за льдов.
Среди пречудныя при ясном солнце ночи
Верхи златых зыбей пловцам сверкают в очи.

Мы не остановимся на красоте стихов. Здесь все выражения великолепны: горящее лицо солнца, противоположенное хладным водам океана; солнце, остановившееся на горизонте и, подобно пламенной горе, простирающее блеск из-за льдов, — суть первоклассные красоты описательной Поэзии. Два последние стиха, заключающие картину, восхитительны:

Среди пречудныя при ясном солнце ночи
Верхи златых зыбей пловцам сверкают в очи.

Но мы заметим, что Поэт не мог бы написать их, если бы он не был свидетелем сего чудесного явления, которое поразило огненное воображение вдохновенного отрока и оставило в нем глубокое, неизгладимое впечатление.

[1815]

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СНУ

Письмо к редактору «Вестника Европы»

Пускай утверждают, что хотят, прихотливые люди и строгие умы, а я утверждаю, м. г., что Науки и Словесность у нас в самом блистательном состоянии. Укажу вам на книгопродавцев. Посмотрите, как они разживаются: *«то домик выстроят, то купят деревеньку»*. Чем же? — Торговлею. Какою? Книжною. Следственно, у нас пишут, у нас читают, и из одного следствия к другому я могу вывести, что Словесность Русская в самом цветущем состоянии. Вот что хотел я доказать и что вы знаете без моих доказательств, ибо вы, м. г., наблюдаете постоянно ход наших успехов, как Астроном наблюдает течение любимой планеты. Вы заметили, конечно, что мы заняли все пути к славе и многие материи исчерпали до дна, так что нашим потомкам надобно будет умирать от жажды. Простите мне это выражение и сосчитайте со мною Эпические Поэмы, в честь Петра Великого написанные. Считайте от Ломоносова до Сладковского и далее, от кедра до иссопов, и заметьте, что все Поэмы исполнены красот, что в них всё было сказано, кроме того только, что Ломоносов намеревался сказать и не успел: но эта сущая безделка! Теперь прошу взглянуть на обширную область Талии и, наконец, Мельпомены, которая беспрестанно обогащается новыми приобретениями и скоро истощит всю священную древность от сотворения мира. У Французов одна «Аталия», у нас, благодаря усердию Писателей, не одна Трагедия переносит нас в землю Иудейскую.

Я ни слова не скажу о «Российском Феатре», на котором основана слава наших праотцев, о Журналах, Романах и пр., изданных назад тому двадцать лет и более. Их мало читают; но время доказало, что они бессмертны: они уцелели в пожаре Столицы. «Добро не горит, не тонет», говорит пословица. Сердце мое дрожит от радости, когда я начинаю исчислять на досуге все наши сокровища. Тогда я похожу на антиквария, который, не делая никакого употребления из своего золота, любуется им и говорит: «Вот червонец, вот рубль, вот старинная монета! такого-то года! при таком-то царе! Кто ее отливал? Из какого рудника это золото? Кто употреблял эту монету?» А я говорю: «Вот трагедия 1793 года. Кто ее писал? Кто читал ее?» Творца не мудрено отыскать по творению, но читателей найти не легко: мы еще не любим *отечественного*. Что нужды мне до других! Я день и ночь роюсь в моих книгах; расставляю их по порядку хронологическому и горжусь моим богатством. Чего у нас нет? Боже мой! Найдите хотя один предмет, одну отрасль ума человеческого, которую бы мы *не обработали* по-своему? Поэзии — море! и поле Красноречия необозримое! — Загляните только в журналы, но без предубеждения, и вы найдете — сокровища! Здесь похвальное слово такому-то, там надгробное слово такому-то; здесь приветствие, там благодарный глас общества: *и всё то благо, всё добро!* Все Герои, все Полководцы, все Писатели увенчаны пальмами красноречия и шагают торжественно в храм бессмертия. Мы не ограничили себя великими людьми; мы хвалили даже блох* и будем хвалить всё, что пресмыкается и ползает в царстве животных. И так мудрено ли, что какому-то чудаку вздумалось написать Похвальное слово Сну? Случай мне доставил исправный список и вовсе не похожий на тот, который напечатан в вашем «Вестнике». Если вы найдете, что читатели ваши не заснут над этим панегириком, то покорнейше прошу напечатать его в Журнале и сохранить для

* Смотри «Вестник Европы» 1810 года.

потомства, которое, конечно, благодарнее современников, завистливых, строгих и вовсе неспособных ценить дарования. Это не мои слова, м. г., а моего приятеля Н. Н., который пишет стихи и прозу, но только не печатает их в вашем Журнале и потому вам неизвестен.

Имею честь быть и пр.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 18.. году, лет несколько до нашествия просвещенных и ученых Вандалов на Москву, жил на Пресненских прудах некто NN., оригинал весьма отличный от других оригиналов Московских. Всю жизнь провел он лежа, в совершенном бездействии телесном и, сколько возможно было, душевном. Ум его, хотя и образованный воспитанием и прилежным чтением, не хотел или не в состоянии был победить упрямую натуру. Имея большой достаток при счастливых обстоятельствах (которые единственно могут сохранить в полноте характер человека), он не имел нужды покоряться условиям общества и требованиям должностей. Он делал, что хотел, а хотел одного спокойствия. Великий Конде говаривал: «Если бы я был царем моей постели, то никогда бы с нее не вставал». Наш оригинал был совершенный царь своей постели. Целый день он лежал то на одном боку, то на другом, и всю ночь лежал! Редко, очень редко мы видели его сидящего у окна с длинною Турецкою трубкою, в Татарском или Китайском шлафроке, и то когда он занимался домашними делами. Два чтеца попеременно читали ему книги, ибо лень не позволяла заниматься самому чтением, но лень не мешала делать добро. Он сыпал золото нищим и, под непроницаемою корою бесстрастного спокойствия, таил горячее сердце. В уединенном квартале города он воспитывал на свой счет двенадцать бедных девушек, кормил и одевал несколько заслуженных воинов и — странное дело! — не ленился посещать их по воскресным дням. «От этого лучше спится», говаривал он тем, которые выхваляли его благотворительность. Равнодушный ко всему, он слушал спокойно

самые важнейшие новости, но при рассказе о несчастном семействе, о страдании человечества вдруг оживлялся, как разбитый параличом — от прикосновения электрического прутика. Впрочем он был самый бесстрастный *автомат:* никого не обижал, ни с кем не заводил тяжбы, ни над кем не смеялся, никому не противоречил, не имел никаких страстей: страсть его была — лень. Скучал ли он? Утвердительно отрицать не могу, но заключаю, что скука ему была известна, и вот по какому обстоятельству. Однажды он послал за мною. «Садись или ложись на диван, — сказал он, указывая на Турецкую постелю — я намерен ехать в деревню и воспользоваться первым весенним воздухом. Снег растаял, и стук по мостовой карет и дрожек начинает меня беспокоить. Но в деревне нельзя быть без общества; соседи мои люди деятельные; с ними надобно говорить, ездить на охоту, заводить тяжбы, мирить, ссорить и пр. и пр... О! это меня расстроит совершенно! Двери на крюк соседям. С кем же я буду убивать время? С такими друзьями, как ты, например!» Я привстал и хотел благодарить за учтивость, но ленивец мой замахал обеими руками и продолжал: «Я знаю в Москве человек до шести, людей приятных в обществе и совершенно праздных. Двое из них могут назваться по справедливости добрыми людьми. Леность не позволяет другим пускаться на злые дела, и это хорошо! Мы пригласим их к себе. Но теперь надобны женщины; вот истинное затруднение! Без женщин общество мужчин скоро наскучит... А где найти женщин ленивых?» «Боже мой, как не найти!» вскричал я. «То-есть, ленивых по моему образу мыслей», — возразил NN, покачав головою и насупя брови: — «их язык вечно деятелен, в вечном движении; это ртуть, это белка на привязи у колеса, это маятник, который...» (леность или доброта сердца не дозволили кончить сравнений). «Но так и быть, — продолжал лентяй с глубоким вздохом, — я согласен пригласить вдову приятеля моего, генерала А., с двумя дочерьми, добрыми и любезными девушками. Дружба меня сделает снисходительным. Толстая жена откупщика

нашего Ж. с племянницею, ленивая Софья, ее дородная сестра, не будут лишние. Впрочем, мы не наскучим друг другу: свобода всё украсит. Общество мое пусть называют как хотят Московские насмешники, но оно будет приятно мне и гостям. Возьми же лист бумаги, милый друг, и пиши учреждение Общества ленивых». — Я взял перо и бумагу и написал под диктатурою нашего лентяя условия, под коими все члены согласились подписать свои имена, и мы накануне 1 мая отправились в подмосковную...

В шестидесяти верстах от города, на конце густого соснового леса, которого спокойствие ничто не может нарушить, стоит большой господский дом, архитектуры изрядной. К нему примыкает озеро, усеянное островами. Вдали синеет колокольня уездного городка и несколько деревень. Кажется, что всё было пожертвовано тишине в сей мирной обители: все службы, начиная с кухни до конюшни, расположены в некотором расстоянии одна от другой и закрыты рощицами. Перед окнами большие *плакущие* ивы, березы и цветники, засеянные Китайским маком. Здесь всё посвящено лени, всё питает ее, всё приглашает ко сну: под каждым старинным деревом дерновая скамья, в каждой беседке канапе или постель с большими занавесами и со всеми предосторожностями от комаров и мошек, а на дверях надпись из нашего Пиндара-Анакреона:

Сядь, милый гость, здесь на пуховом
Диване мягком, отдохни;
В сем тонком пологу, перловом,
И в зеркалах вокруг, усни;
Вздремли после стола немножко:
Приятно часик похрапеть;
Златой кузнечик, сера мошка
Сюда не могут залететь!

Ни крик петухов, ни стук топора, ни топот, ни конское ржание, ничто не нарушает глубокого молчания. Кроме ручья, журчащего под навесом берега, кроме озера, которое

ласкает тихим плесканием пологие берега свои, вы ничего не слышите. Сия тишина бывает прервана или очарована роговою музыкою, которая при закате солнца провожает умирающий день и нежными, сладостными и протяженными звуками приготовляет сладкое усыпление и веселые мечты хозяину поместья. Но это редко случается, ибо он боится беспокоить своих музыкантов. У него нет ни одного деятельного или суетливого человека: всё подчинено каким-то правилам особенного порядка; один повар имеет право разнообразить наслаждения эпикурейца. Я не стану описывать его дома. Каждый угадает, что он покоен, тепел и не слишком светел, ибо Архитектором располагал по своей воле прихотливый хозяин. Но одна зала достойна вашего замечания. Ее большие полуовальные окна осенены со всех сторон густыми ветвями вязов и лип, которые в июне наполняют бальзамическим испарением своих цветов окрестный воздух. Все стены обширной залы украшены картинами. Две — изображают идиллии из золотого века, другие — рождение Морфея, его пещеру и владычество его над небом и землею. Здесь видите Смерть в виде усыпленного Гения, там — Эрминию, отдыхающую у пастухов, спящего Эндимиона, который, кажется, весь осребрен сиянием влюбленной Дианы и во сне вкушает сладости, неизъяснимые языком смертного. Здесь вы видите мальчика, уснувшего на краю колодца; Фортуна поддерживает его рукою, но так осторожно, что, кажется, боится разбудить беспечного: прелестное изображение счастливцев и баловней слепой богини, которые забываются на краю своей гибели! Наконец, на колоннаде, украшающей преддверие залы, вы читаете имена знаменитых ленивцев — Лукулла, Сарданапала, Анакреона, Лафонтена, Шолио, Лафара; тут же имена Русских Стихотворцев и имя того, который пишет прелестные басни и комедии, и необоримую леность свою умеет украшать прочнейшими цветами Поэзии и Философии.

В этой зале открыто первое заседание Общества ленивых; несколько слов было сказано хозяином, подан им знак-

и один из членов, Оратор ленивых, произнес похвальное слово Сну.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СНУ

Пока еще сладостный сон не сомкнул ресниц ваших, и полуоткрытые глаза могут взирать на Оратора, лежащего на мягком пуховике посреди храмины, посвященной лености, почтенные слушатели и прекрасные слушательницы! преклоните ухо ваше к словам моим. Не грозные битвы, не шум воинский, не гибельные подвиги героев, обрызганных кровию, подвиги, клонящиеся к отнятию сна у бедных человеков, нет! я хочу выхвалять способность спать, — и ежели душа есть источник прекрасных мыслей, то поверьте, что речь моя, истекающая из оной, должна вам нравиться, ибо душа моя исполнена любовию к благодарному богу лесов Киммеринских.

(Громкие рукоплескания раздались в зале. Оратор покраснел от радости. Женщины шептали между собою и поглядывали на него с усмешкою. Хозяин закричал: «внимание! внимание!» как член парламента, требующий внимания посреди шумного народа, когда Фокс и Питт рассуждали о войне или мире. Все умолкло, и Оратор продолжал).

Вы улыбаетесь, слушатели, вы отделяете медленно головы свои от мягких подушек, чтобы не пропустить ни одного слова красноречивого Витии, — и я, ободренный сим геройским подвигом, смело вступаю в обширное море красноречия, бурное море, в котором погибала слава многих новейших и древних говорунов.

Кто не спит, слушатели, кто не вкушает сладости сна? Злодей, преступник! ибо и невинный, приговоренный к смерти, и несчастный страдалец под бременем бедности и зла, — и они смыкают вежды свои, омоченные слезами, и они усыпляют свои горести. Сладостное усыпление, истинный дар небес, оставшийся на дне сосуда неосторожной Пандоры! ты вместе с надеждою, твоею сестрою, украшаешь жизнь волшебными мечтами!.. Ах! сон есть свидетель и порука со-

вести нашей! *Сон, надежда и добрая совесть*, как три Хариты, неразлучны: они суть братья и сестры одного семейства. Бросьте взор свой на сего спящего младенца (здесь Оратор указал на картину). Это ангел, который покоится на лоне невинности; розы горят на ланитах малютки, уста его улыбаются... Они ищут, кажется, поцалуев матери; дыхание их легко и сладостно, как дыхание утреннего ветерка, посетившего благоуханную розу.

Спи же, малютка! пока страсти и люди, *ненавистники сна*, не лишили тебя способности спать и пока Фортуна поддерживает тебя благодетельною рукою на краю зияющей бездны!

Взгляните на сон благотворительного смертного: он тих и спокоен, как ночь весенняя (Оратор взглянул на хозяина, который с трудом мог сокрыть сладкие слезы на глазах). Душа его, которой ничто не препятствует излиться наружу, дышет на его устах, на ясном челе его, даже на опущенных ресницах. Сердце его *утопает* в веселии, пульс его ударяет тихо и ровно: он счастлив, он совершенно благополучен, ибо он учинил доброе дело, ибо сон напоминает ему несчастного, которого он извлек из пропасти, с которым плакал наедине. Кажется, ангел-хранитель присутствует у ложа праведника и отгоняет благовонными крилами мечты и призраки. Кажется, сама надежда сыплет на него цветы свои обильною рукою, и он — сказать ли горькую истину? — он просыпается едва ли столько счастлив, ибо первый взор его часто, очень часто встречает неблагодарного! Что нужды? Он уже наслаждался во сне!

(Мы заметим, что хозяин, вздохнув очень горестно, прошептал между прочим: «Друзья мои, я жалею от искреннего сердца о том, кто не заснул после доброго дела»).

Взгляните теперь на оратая, который засыпает на жестком ложе, взгляните на поденщика, который, окончив труд свой, бросается на голый камень и с ношею плеч своих слагает всё бремя душевное; взгляните на ратника, утружденного походом, дождем, холодом: он несколько дней сражался

со стихиями и со смертию; кровь и пот лились ручьями, голод изнурял его; но он заснул — и всё забыто, и он счастливее сатрапа, засыпающего тонким сном на персях восточной одалиски. Скажите мне теперь, что награждает страдальцев сих за труды, пот и раны? Конечно, не скупые награды царей и вельмож, но сон, благодетель человеков!

Кто из нас не любил и кто не спал вопреки любви своей?

(После этого вопроса краткое молчание. Одна из молодых девушек потупила черные глаза, другая покраснела. Старая вдова А. открыла табакерку и поднесла ее с ласковою улыбкою хозяину, устремив на него страстные взоры, которые, казалось, делали следующий вопрос: «И ты любил меня в молодости, друг мой, но любовь не лишала тебя сна; не правда ли?» — Оратор продолжал).

Сладостен сон любовника: он видит бархатные луга, орошенные ручьями, сады Армидины, царство Луны и Сильфов; все предметы и все места украшены присутствием его возлюбленной. Везде она с ним, ходит рука с рукою, везде неразлучна — и в хижине, и в палатах, и в обществе, и в пустыне. Сон и самые печали услаждает. Любовница тебе изменила или новая Галатея невнимательна к твоим песням; целомудренна, как Цинтия или как Зиновия, едва-едва склоняет к тебе суровые взоры?.. Утешься, печальный страдалец! Я не стану тебе советовать вооружаться терпением стоика или потоплять любовь свою в чаше вина, * или забыть вероломную. Но никто не отнимал у тебя сна. Никто не лишал тебя способности усыплять сердце твое посредством сладостных мечтаний? Спи же, любовник, спи от вечера до утра, от утра до вечера, и — к наказанию твоей каменной Лауры — ты, верно, когда-нибудь проснешься с прежним спокойствием; с прежним равнодушием; ибо сон, успокоивая страсти, истребляет даже их вредное начало. Что есть сердце наше? Море. Удержи дыхание ветров, — и оно спокойно.

* «Ou bien buvez, c'est un parti fort sage». Voltair. ⟨«Или напейся· это — мудрое средство». Вольтер. — *Ред.*⟩

(Море — сердце — дыхание ветров — спокойно! — повторяли слушатели, и громкие рукоплескания раздались в зале).

Природа, благая мать смертных! Ты начинаешь наказывать преступника, оскорбителя прав твоих, прежде законов человеческих. Взгляните на юношу, который в первый раз нарушил священные законы нравственности: взор его пасмурен, нетерпелив; он ищет чего-то, ибо убегает самого себя, сего *внутреннего полубога*, которого мы носим в груди своей; он ищет рассеяния в шумном свете, в опасных удовольствиях, и горе ему, если новые преступления изгладят следы первых! Но если, ведомый рукою совести, он скроется на минуту от взоров человеческих и там, в безмолвном уединении, предается размышлению, то слезы — вестники доброго сердца — слезы раскаяния омочат его ланиты, душа его успокоится, прояснеет, подобно мутной воде, яснеющей от времени в чистом сосуде; душа его придет в лучшее состояние, и сон, — награда великого, доброго дела, — сон заключит его в *мягкие объятия;* ибо сон, вопреки всем наблюдателям страстей человеческих, идет непосредственно за первым раскаянием: явная премудрость попечительного промысла, который врачует язвы сердца нашего посредством благотворного усыпления.

Но теперь, какие ужасные картины представляются взорам нашим? Преступник, преступник закоренелый в злодеяниях! Глас оскорбленной природы, подобно грому, раздался в его сердце и глас сей был ужасен: *Злодей! ты не будешь спать!* Вот приговор тиранам, сластолюбцам, рушителям спокойствия общественного! Повторим сильные слова Латинского Стихотворца: «Ужели страшен рев быка Фаларидова, ужели меч, прицепленный к златому крову и висящий над главою венчанного тирана, страшнее, ужаснее грызений совести того несчастного, который, бледнея, говорит — и столь тихо, что жена, лежащая с ним на одном ложе, слышать не может: *«я бегу, бегу к погибели»?* Знали ли сон Дионисий Сиракузский и те изверги природы, те ряды венчанных злодеев Рима, которых, как говорит Расин, одно имя есть ужасная обида ужасному

тирану? Вкушал ли сон и тот счастливый злодей Британии (Кромвель), которого жизнь была загадка, который, подобно древнему тирану, укрывался каждый день в новом убежище? Между тем как герой Севера, сей великий муж, которого жизнь достойна пера Плутархова, ибо малейшее его деяние есть подвиг ума, — между тем, говорю я, как Суворов спал на плаще под открытым небом, в виду огней неприятельских и накануне решительного сражения!

И так, почтенные слушатели! способность спать во всякое время есть признак великой души (Надобно заметить, что это весьма понравилось собранию ленивых). Древность, неисчерпаемый источник истины и басен, древность, хранилище опытности, развертывает перед нами свои хартии. Примеры обильны и убедительны. Александр накануне ужасной битвы с Дарием засыпает ввечеру; Парменион принужден его будить, ибо знамена Персидские блистали уже вблизи стана Греческого. Катон имел привычку засыпать при наступлении опасности, ибо ничто не могло поколебать великого духа героя стоиков: Mediis tempestatibus placidus. * Август спит мертвым сном во время упорного морского сражения, происходившего у берегов цветущей Сицилии. Марий — и что всего чудеснее — Марий засыпает под деревом во время последней битвы с Силлою, и тогда только сон покидает неустрашимого вождя, когда сонмы неприятелей обратили в бегство его воинство. Гибельный сон, но не менее того славный! Мудрый Эпименид, если верить историкам *(когда не верить им, то верить ли кому?)* проспал 57 лет сряду; и я вам клянусь Геродотом, отцом летописцев, что есть народы на Севере, которые спят в течение шести зимних месяцев, подобно суркам, не просыпаясь. Ученые отыскали, что сии народы обитали в России, и это не подлежит теперь никакому сомнению, по крайней мере, в обществе нашем.

Из всего мною сказанного ясно извлекается следующее заключение: сон есть признак великого духа и доброй души.

* В бурях — ясный духом. *(Ред.)*

Доброй души — ибо сонливый человек не способен делать зла, которое требует великих усилий; беспокойства и беспрестанной деятельности. Посмотрите, как говорит о беспечном сне Лафонтен, жертвовавший ему половиною жизни своей, и которого добродушие вошло в пословицу:

Je ne dormirai point sous de riches lambris:
Mais voit on que le somme en perde de son prix?
En est-il moins profond, et moins plein de délices?
Je lui voue au désert de nouveaux sacrifices. *

Но почему сон есть стихия лучших Поэтов? Отчего они предаются ему до излишества, забывают всё — и славу, и потомство, и золотое правило древности, которое говорит именно, что праздность без науки — смерть: otium sine litteris mors est? Вопрос важный, достойный внимания мудрецов, и которого я решить не смею, боясь вооружить против себя неусыпных, но усыпительных Писателей, которые — о, святотатство! — и самое божество Ночи ** оскорбляют кропанием стихов. Знаю только, что Поэты всегда прославляли сладость сна; подобно нежным детям, ласкающим доброго родителя, они давали ему множество приятных названий: сон — утешитель смертных! отрадный! тихий! сладостный! и пр. Начиная от Омера, все они, все до одного описывали менее или более, хуже или лучше сие успокоение души и тела. Тибулл, которого вся жизнь была одно сладостное мечтание без пробуждений (простите мне это выражение), Тибулл не в одном месте выхваляет сон. Я всегда с живым удовольствием привожу на память стихи его:

... под тению древесной отдыхаю,
Которая меня прохладою дарит.
Сквозь солнце иногда дождь мелкой чуть шумит:

* Я никогда не буду спать в богатом алькове:
Но разве сон теряет от этого что-нибудь в своей цене?
Менее ли он глубок, менее ли исполнен сладостей?
В своем уединенном уголке я приношу ему всё новые жертвы. *(Ред.)*

** У древних Ночь была старейшим всех божеством.

Я, слушая его, по малу погружаюсь
В забвение и сном приятным наслаждаюсь.

Дмитриев

Какая истинная любовь к наслаждениям тихим! какая любовь ко сну!.. Далее:

Иль в мрачну, бурну ночь в объятиях драгой
Не слышу и грозы, шумящей надо мной!
Вот сердца моего желанья и утехи!

Дмитриев

Первые два стиха показывают мастера наслаждаться; последний принадлежит к малому числу стихов, написанных от души.

Ах! почтенное сословие сонных! Если бы я не боялся траты времени, которое можно посвятить с такою пользою на сон...

(И в самом деле оратор начал замечать некоторую наклонность ко сну в своих благосклонных слушателях. Лучшие, красноречивые слова имеют странное действие на ленивых духом, действие, подобное журчанию ручейка: сперва нравятся, а потом клонят ко сну).

... Если б томные глаза ваши не показывали, что он вам становится нужнее красноречивейшего панегирика... (этот вторый член длинного периода был прерван сперва зеванием слушателей, а потом и самого Оратора, который, однакож, сделал геройское усилие и продолжал), — то верно б я предложил вам убедительное сравнение двух народов: одного воинственного, другого мирного; одного, провождающего дни и ночи на страже с копьем в руках, другого, изгнавшего из пределов своих всё, что клонится к нарушению сна: и петухов, вестников утра, и шумные Художества, и снаряды воинственные; я сделал бы сравнение Спартанцев со счастливыми Сибаритами и сравнение мое клонилось бы в пользу последних; я доказал бы, что нет счастия в деятельности на-

родной, и чрез то открыл бы неисповедимые истины и новое поле Политикам, поле вовсе неизвестное.

(При слове *Политика* хозяин начал зевать так сильно, что Оратор с трудом кончил).

Но я вижу, что Морфей сыплет на вас зернистый мак свой! Я ощущаю и сам тайное присутствие бога Киммеринского. Криле его сотрясают благовонную росу на любимцев... Перст его смыкает уста мои... язык коснеет... и я....... засыпаю.

Любитель сна Дормидон Тихин

[1809 – 1816 г.]

РЕЧЬ О ВЛИЯНИИ ЛЕГКОЙ ПОЭЗИИ НА ЯЗЫК,

читанная при вступлении в Общество Любителей Русской Словесности в Москве. Июля ... 1816 г.

Избрание меня в сочлены ваши есть новое свидетельство, мм. гг., вашей снисходительности. Вы обращаете внимательные взоры не на одно дарование, вы награждаете слабые труды и малейшие успехи; ибо имеете в виду важную цель: будущее богатство языка, столь тесно сопряженное с образованностию гражданскою, с просвещением и, следственно, с благоденствием страны славнейшей и обширнейшей в мире. По заслугам моим я не имею права заседать с вами; но если усердие в Словесности есть достоинство, то по пламенному желанию усовершенствования языка нашего, единственно по любви моей к Поэзии я могу смело сказать, что выбор ваш соответствует цели Общества. Занятия мои были маловажны, но беспрерывны. Они были пред вами красноречивыми свидетелями моего усердия, и доставили мне счастие заседать в древнейшем святилище Муз отечественных, которое возрождается из пепла вместе с столицею царства русского и со временем будет достойно ее древнего величия.

Обозревая мысленно обширное поле Словесности, необъятные труды и подвиги ума человеческого, драгоценные сокровища Красноречия и Стихотворства, я с горестию познаю и чувствую слабость сил и маловажность занятий моих; но

утешаюсь мыслию, что успехи и в малейшей отрасли Словесности могут быть полезны языку нашему. Эпопея, Драматическое Искусство, Лирическая поэзия, История, Красноречие духовное и гражданское требуют великих усилий ума, высокого и пламенного воображения. Счастливы те, которые похищают пальму первенства в сих родах: имена их становятся бессмертными; ибо счастливые произведения творческого ума не принадлежат одному народу исключительно, но делаются достоянием всего человечества. Особенно великие произведения Муз имеют влияние на язык новый и необработанный. Ломоносов — тому явный пример. Он преобразовал язык наш, созидая образцы во всех родах. Он то же учинил на трудном поприще Словесности, что Петр Великий на поприще гражданском. Петр Великий пробудил народ, усыпленный в оковах невежества; он создал для него законы, силу военную и славу: Ломоносов пробудил язык усыпленного народа; он создал ему Красноречие и Стихотворство, он испытал его силу во всех родах и приготовил для грядущих талантов верные орудия к успехам. Он возвел в свое время язык Русской до возможной степени совершенства — возможной, говорю, ибо язык идет всегда наравне с успехами оружия и славы народной, с просвещением, с нуждами общества, с гражданскою образованностию и людкостию. Но Ломоносов, сей исполин в науках и в искусстве писать, испытуя Русской язык в важных родах, желал обогатить его нежнейшими выражениями Анакреоновой Музы. Сей великий образователь нашей Словесности знал и чувствовал, что язык просвещенного народа должен удовлетворять всем его требованиям и состоять не из одних высокопарных слов и выражений. Он знал, что у всех народов, и древних и новейших, легкая Поэзия, которую можно назвать прелестною роскошью Словесности, имела отличное место на Парнасе и давала новую пищу языку стихотворному. Греки восхищались Омером и тремя Трагиками, велеречием Историков своих, убедительным и стремительным красноречием Демосфена; но Вион, Мосх, Симонид, Феокрит, мудрец Феосский

и пламенная Сафо были увенчаны современниками. Римляне, победители Греков оружием, не талантом, подражали им во всех родах: Цицерон, Виргилий, Гораций, Тит Ливий и другие состязались с греками. Важные римляне, потомки суровых Кориоланов, внимали им с удивлением; но Эротическую Музу Катулла, Тибулла и Проперция не отвергали. По возрождении Муз, Петрарка, один из ученейших мужей своего века, светильник богословия и политики, один из первых создателей славы возрождающей Италии из развалин классического Рима, — Петрарка, немедленно шествуя за суровым Дантом, довершил образование великолепного наречия Тосканского, подражая Тибуллу, Овидию и Поэзии Мавров, исполненной воображения и неги. Маро, царедворец Франциска I, известный по Эротическим стихотворениям, был один из первых образователей языка Французского, которого владычество, почти пагубное, распространилось на все народы, не достигшие высокой степени просвещения. В Англии Валлер, Певец Захариссы, в Германии Гагедорн и другие Писатели, предшественники творца Мессиады и великого Шиллера, спешили жертвовать Грациям и говорить языком страсти и любви, любимейшим языком Муз, по словам глубокомысленного Монтаня. У нас преемник лиры Ломоносова, Державин, которого одно имя истинный талант произносит с благоговением, — Державин, вдохновенный Певец высоких истин, и в зиму дней своих любил отдыхать со старцем Феосским. По следам сих Поэтов, множество Писателей отличились в этом роде, повидимому столь легком, но в самом деле имеющем великие трудности и преткновения, особенно у нас, ибо язык Русской громкий, сильный и выразительный, сохранил еще некоторую суровость и упрямство, не совершенно исчезающие даже под пером опытного таланта, поддержанного наукою и терпением.

Главные достоинства стихотворного слога суть: движение сила, ясность. В больших родах читатель, увлеченный описанием страстей, ослепленный живейшими красками Поэзии,

может забыть недостатки и неровности слога и с жадностью внимает вдохновенному Поэту или действующему лицу, им созданному. Во время представления какой холодный зритель будет искать ошибок в слоге, когда Полиник, лишенный венца и внутреннего спокойствия, в слезах, в отчаянии бросается к стопам разгневанного Эдипа? Но сии ошибки, поучительные для дарования, замечает просвещенный Критик в тишине своей учебной храмины: каждое слово, каждое выражение он взвешивает на весах строгого вкуса; отвергает слабое, ложно блестящее, неверное и научает наслаждаться истинно прекрасным. — В легком роде Поэзии читатель требует возможного совершенства, чистоты выражения, стройности в слоге, гибкости, плавности; он требует истины в чувствах и сохранения строжайшего приличия во всех отношениях; он тотчас делается строгим судьею, ибо внимание его ничем сильно не развлекается. Красивость в слоге здесь нужна необходимо и ничем замениться не может. Она есть тайна, известная одному дарованию и особенно постоянному напряжению внимания к одному предмету: ибо Поэзия и в малых родах есть искусство трудное и требующее всей жизни и всех усилий душевных; надобно родиться для Поэзии; этого мало: родясь, надобно сделаться Поэтом, в каком бы то ни было роде.

Так называемый Эротической и вообще легкой род Поэзии восприял у нас начало со времен Ломоносова и Сумарокова. Опыты их предшественников были маловажны: язык и общество еще не были образованы. Мы не будем исчислять всех видов, разделений и изменений легкой Поэзии, которая менее или более принадлежит к важным родам; но заметим, что на поприще изящных искусств, подобно как и в нравственном мире, ничто прекрасное и доброе не теряется, приносит со временем пользу и действует непосредственно на весь состав языка. Стихотворная повесть Богдановича, первый и прелестный цветок легкой Поэзии на языке нашем, ознаменованный истинным и великим талантом; остроумные, неподражаемые сказки Дмитриева, в которых Поэзия в пер-

вый раз украсила разговор лучшего общества; послания и другие произведения сего стихотворца, в которых Философия оживилась неувядающими цветами выражения; басни его, в которых он боролся с Лафонтеном и часто побеждал его; басни Хемницера и оригинальные басни Крылова, которых остроумные, счастливые стихи сделались пословицами, ибо в них виден и тонкий ум наблюдателя света, и редкой талант; стихотворения Карамзина, исполненные чувства, образец ясности и стройности мыслей; Горацианские оды Капниста; вдохновенные страстию песни Нелединского; прекрасные подражания древним Мерзлякова; баллады Жуковского, сияющие воображением, часто своенравным, но всегда пламенным, всегда сильным; стихотворения Востокова, в которых видно отличное дарование поэта, напитанного чтением древних и Германских писателей, наконец, стихотворения Муравьева, где изображается, как в зеркале, прекрасная душа его; послания кн. Долгорукова, исполненные живости; некоторые послания Воейкова, Пушкина и других новейших стихотворцев, писанные слогом чистым и всегда благородным: * все сии блестящие произведения дарования и остроумия менее или более приближились к желанному совершенству, и все — нет сомнения — принесли пользу языку стихотворному, образовали его, очистили, утвердили. Так светлые ручьи, текущие разными излучинами по одному постоянному наклонению, соединяясь в долине, образуют глубокие и обширные озера: благодетельные воды сии не иссякают от времени; напротив того, они возрастают и увеличиваются с веками и вечно существуют для блага земли, ими орошаемой!

В первом периоде Словесности нашей, со времен Ломоносова, у нас много написано в легком роде; но малое число стихов спаслось от общего забвения. Главною тому причиною можно положить не один недостаток таланта или изменение языка, но изменение самого общества; бóльшую его образованность

* Смотри примечание *А*.

и, может быть, бо́льшее просвещение, требующие от языка и Писателей бо́льшего знания света и сохранения его приличий; ибо сей род Словесности беспрестанно напоминает об обществе; он образован из его явлений, странностей, предрассудков и должен быть ясным и верным его зеркалом. Бо́льшая часть Писателей, мною названных, провели жизнь свою посреди общества Екатеринина века, столь благоприятного наукам и Словесности; там заимствовали они эту людкость и вежливость, это благородство, которых отпечаток мы видим в их творениях; в лучшем обществе научились они угадывать тайную игру страстей, наблюдать нравы, сохранять все условия и отношения светские и говорить ясно, легко и приятно. Этого мало: все сии Писатели обогатились мыслями в прилежном чтении иностранных Авторов, иные древних, другие новейших, и запаслись обильною жатвою слов в наших старинных книгах. Все сии Писатели имеют истинный талант, испытанный временем; истинную любовь к лучшему, благороднейшему из искусств, к Поэзии, и уважают, смею сказать, боготворят свое искусство, как лучшее достояние человека образованного, истинный дар неба, который доставляет нам чистейшие наслаждения посреди забот и терний жизни, который дает нам то, что мы называем бессмертием на земли — мечту прелестную для душ возвышенных!

Все роды хороши, кроме скучного. В Словесности все роды приносят пользу языку и образованности. Одно невежественное упрямство любит и старается ограничить наслаждения ума. Истинная просвещенная любовь к искусствам снисходительна и, так сказать, жадна к новым духовным наслаждениям. Она ничем не ограничивается, ничего не желает исключить и никакой отрасли Словесности не презирает. Шекспир и Расин, драма и комедия, древний экзаметр и ямб, давно присвоенный нами, Пиндарическая ода и новая баллада, эпопея Омера, Ариоста и Клопштока, столь различные по изобретению и формам, ей равно известны, равно драгоценны. Она с любопытством замечает успехи языка во всех родах, ничего

не чуждается, кроме того, что может вредить нравам, успехам просвещения и здравому вкусу (я беру сие слово в обширном значении). Она с удовольствием замечает дарование в толпе Писателей и готова ему подать полезные советы; она, как говорит Поэт, готова обнять

В отважном мальчике грядущего поэта!

Ни расколы, ни зависть, ни пристрастие, никакие предрассудки ей неизвестны. Польза языка, слава отечества — вот благородная ее цель! Вы, мм. гг., являете прекрасный пример, созывая дарования со всех сторон, без лицеприятия, без пристрастия. Вы говорите каждому из них: несите, несите свои сокровища в обитель Муз, отверстую каждому таланту, каждому успеху; совершите прекрасное, великое, святое дело: обогатите, образуйте язык славнейшего народа, населяющего почти половину мира; поравняйте славу языка его со славою военною, успехи ума с успехами оружия. Важные Музы подают здесь дружественно руку младшим сестрам своим, и алтарь вкуса обогащается их взаимными дарами.

И когда удобнее совершить желаемый подвиг? в каком месте приличнее? В Москве, столь красноречивой и в развалинах своих, близ полей, ознаменованных неслыханными доселе победами, в древнем отечестве славы и нового величия народного!

Так! с давнего времени всё благоприятствовало дарованию в Университете Московском, в старшем святилище Муз отечественных. Здесь пламенный их любитель с радостию созерцает следы просвещенных и деятельных покровителей. Имя Шувалова, первого Мецената Русского, сливается здесь с громким именем Ломоносова. Между знаменитыми покровителями наук мы обретаем Хераскова: творец Россияды посещал сии мирные убежища; он покровительствовал сему рассаднику наук; он первый ободрял возникающий талант и славу Писателя соединил с другою славою, не менее лестною для души благородной, не менее прочною, — со славою

покровителя наук. Муравьев, как человек государственный, как попечитель, принимал живейшее участие в успехах Университета, которому в молодости был обязан своим образованием. * Под руководством славнейших Профессоров Московских, в недрах своего отечества, он приобрел сии обширные сведения во всех отраслях ума человеческого, которым нередко удивлялись ученые иностранцы: за благодеяния наставников он платил благодеяниями сему святилищу Наук; имя его будет любезно сердцам добрым и чувствительным: имя его напоминает все заслуги, все добродетели, — ученость обширную, утвержденную на прочном основании, на знании языков древних. Редкое искусство писать он умел соединить с искреннею кротостию, с снисходительностию, великому уму и добрейшему сердцу свойственною. Казалось, в его виде посетил землю один из сих Гениев, из сих светильников Философии, которые некогда рождались под счастливым небом Аттики, для разлития практической и умозрительной мудрости, для утешения и назидания человечества красноречивым словом и красноречивейшим примером. Вы наслаждались его беседою; вы читали в глазах его живое участие, которое он принимал в успехах и славе вашей; вы знаете все заслуги сего редкого человека... и — простите мне несколько слов, в его воспоминание чистейшею благодарностию исторгнутых! — я ему обязан моим образованием и счастием заседать с вами, которое умею ценить, которым умею гордиться.

И этот человек столь рано похищен смертию с поприща Наук и добродетели! И он не был свидетелем великих подвигов боготворимого им монарха и славы народной! Он не будет свидетелем новых успехов Словесности в счастливейшие времена для наук и просвещения, ибо никогда, ни в какое время обстоятельства не были им столько благоприятны. Храм Януса закрыт рукою победы, неразлучной сопутницы монарха.

* Смотри примечание *Б*.

Великая душа его услаждается успехами в стране, вверенной ему святым провидением, и каждый труд, каждый полезный подвиг щедро им награждается. В недавнем времени, в лице славного Писателя он ободрил все отечественные таланты, и нет сомнения, что все благородные сердца, все патриоты с признательностию благословляют руку, которая столь щедро награждает полезные труды, постоянство и чистую славу Писателя, известного и в странах отдаленных и которым должно гордиться отечество. Правительство благодетельное и прозорливое, пользуясь счастливейшими обстоятельствами — тишиною внешнею и внутреннею государства — отверзает снова все пути к просвещению. Под его руководством процветут Науки, Художества и Словесность, коснеющие посреди шума военного; процветут все отрасли, все способности ума человеческого, которые только в неразрывном и тесном союзе ведут народы к истинному благоденствию и славу его делают прочною и незыблемою. Самая Поэзия, которая питается учением, возрастает и мужает наравне с образованием общества, Поэзия принесет зрелые плоды и доставит новые наслаждения душам возвышенным, рожденным любить и чувствовать изящное. Общество примет живейшее участие в успехах ума, и тогда имя Писателя, Ученого и отличного Стихотворца не будет дико для слуха: оно будет возбуждать в умах все понятия о славе отечества, о достоинстве полезного гражданина.

В ожидании сего счастливого времени мы совершим всё, что в силах совершить. Деятельное покровительство блюстителей просвещения, которым сие Общество обязано существованием; рвение, с которым мы приступаем к важнейшим трудам в Словесности; беспристрастие, которое мы желаем сохранить посреди разногласных мнений, еще непросвещенных здравою критикою: всё обещает нам верные успехи; и мы достигнем, по крайней мере, приближимся к желаемой цели, одушевленные именами *пользы и славы*, руководимые беспристрастием и критикою.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

[1817 г.]

Надобно, чтобы в душе моей никогда не погасала прекрасная страсть к *прекрасному*, которое столь привлекательно в Искусствах и в Словесности, но не должно пресытиться им. Всему есть мера. Творения Расина, Тасса, Виргилия, Ариоста пленительны для новой души: счастлив — кто умеет плакать, кто может проливать слезы удивления в тридцать лет. Гораций просил, чтобы Зевес прекратил его жизнь, когда он учинится *бесчувствен ко звукам лир*. Я очень его понимаю молитву...

Мая 3-го 1817

Болезнь моя не миновала, а немного затихла. Кругом мрачное молчание. Дом пуст. Дождик накрапывает. В саду слякоть. Что делать? Все прочитал, что было, даже «*Вестник Европы*». Давай вспоминать старину. Давай писать набело, impromptu, * без самолюбия, и посмотрим, что выльется. Писать так скоро, как говоришь, без претензий, как мало Авторов пишут, ибо самолюбие всегда за полу дергает и на место первого слова заставляет ставить другое. Но Монтань писал, как на ум приходило ему. Верю. Но Монтань — человек истинно необыкновенный. Я сравниваю его ум с запруженным источником: поднимите шлюзу, и вода хлынет и течет бесперестанно, пенясь, кипя, течет всегда чистая, всегда здоровая. Отчего? Оттого, что резервуар был обилен. С маленьким умом, с вялым и небыстрым, каков мой, писать прямо набело очень трудно, но сегодня я в духе и хочу сделать tour de force.** Перо немного рассеет тоску мою. Итак... Но вот уж я и втупик стал. С чего начать? О чем писать? Отдавать себе отчет в протекшем, описывать настоящее и планы будущего. Но это — признаться — очень скучно. Говорить о протекшем хорошо на старости, и то великим лю-

* Экспромптом. *(Ред.)*
** Героическое усилие. *(Ред.)*

дям или богатым перед наследниками, которые из снисхождения слушают:

On en vaut mieux quand on est écouté.*

Что говорить о настоящем. Оно едва ли существует. Будущее... о, будущее для меня очень тягостно с некоторого времени. Итак, пиши о чем-нибудь; рассуждай. Рассуждать несколько раз пробовал, но мне что-то всё не удается: для меня, — говорят добрые люди, — рассуждать всё равно, что иному умничать. Это больно. Отчего я не могу рассуждать?

Первый резон: мал ростом.

2-ой — не довольно дороден.

3-й — рассеян.

4-й — слишком снисходителен.

5-й — ничего не знаю с корня, а одни вершки, даже и в поэзии, хотя целый век бледнею над рифмами.

6-й — не чиновен. Не знатен. Не богат.

7-й — не женат.

8-й — не умею играть в бостон и в вист.

9-й — ни в шах и мат.

10-й — .....

11-й... После придумаю остальные резоны, по которым рассудок заставляет меня смиряться. Но писать надобно. Мне очень скучно без пера. Пробовал рисовать — не рисуется; писать вензеля — теперь ни в кого не влюблен; что же делать, научите, добрые люди, а говорить не с кем. Не знаю, как помочь горю. Давай подумаю. Кстати, вспоминаю чужие слова — Вольтера, помнится: et voilà comme on écrit l'histoire! ** Я вспомнил их машинально, почему не знаю, а эти слова заставляют меня вспомнить о том, чему я бывал свидетелем в жизни моей и что видел после в описании. Какая разница, боже мой, какая! Et voilà comme on écrit l'histoire!

* Когда вас слушают, ваша цена растет. *(Ред.)*

** Так пищется история! *(Ред.)*

Простой ратник, я видел падение Москвы, видел войну 1812, 13 и 14 г., видел и читал газеты и современные истории. С к о л ь к о л ж и! И вот тому пример в *«Северной почте»*.

Мы были в Эльзасе. Раевской командовал тогда гренадерами. Призывает меня ввечеру кой о чем поболтать у камина. Войско было тогда в совершенном бездействии, и время, как свинец, лежало у генерала на сердце. Он курил, очень много, по обыкновению, читал журналы, гладил свою американскую собачку — животное самое гнусное, не тем бы вспомянуть его! и которое мы, адъютанты, исподтишка били и ласкали в присутствии генерала, что очень не похвально, скажете вы; но что же делать? Пример подавали свыше — другие генералы, находившиеся под начальством Раевского. Мало-по-малу все разошлись, и я остался один. «Садись!» Сел. «Хочешь курить?» — «Очень благодарен». Я — из гордости — не позволял себе никакой вольности при его высокопревосходительстве. «Ну, так давай говорить!» — «Извольте». Слово за слово, разговор сделался любопытен. Раевской очень умен и удивительно искренен, даже до ребячества, при всей хитрости своей. Он же меня любил (в это время), и слова лились рекою. Всем доставалось: Silis a cela de bon, c'est que quand il frappe, il assomme. * Он вовсе не учен, но что знает, то знает. Ум его ленив, но в минуты деятельности ясен и остер. Он засыпает и просыпается. Кампания 1812 году была предметом нашего болтанья.

«Из меня сделали Римлянина, милый Батюшков, — сказал он мне, — из Милорадовича — великого человека, из Витгенштейна — спасителя отечества, из Кутузова — Фабия. Я не Римлянин, но зато и эти господа — не великие птицы. Обстоятельства ими управляли, теперь всем движет государь. Провидение спасало отечество. Европу спасает государь или провидение его внушает. Приехал царь — все великие люди исчезли. Он был в Петербурге — и карлы выросли. Сколько небылиц напечатали эти карлы! Про меня

* У Силиса то достоинство, что когда он бьет, то наповал. *(Ред.)*

сказали, что я под Дашковкой принес на жертву детей моих. «Помню», — отвечал я, — «в Петербурге вас до небес превозносили». «За то, чего я не сделал, а за истинные мои заслуги хвалили Милорадовича и Остермана. Вот слава, вот плоды трудов!» — «Но помилуйте, ваше высокопревосходительство! не вы ли, взяв за руку детей ваших и знамя, пошли на мост, повторяя: «вперед, ребята; я и дети мои откроем вам путь ко славе», или что-то тому подобное». Раевской засмеялся. «Я так никогда не говорю витиевато, ты сам знаешь. Правда, я был впереди. Солдаты пятились, я ободрял их. Со мною были адъютанты, ординарцы. По левую сторону всех перебило и переранило, на мне остановилась картечь. Но детей моих не было в эту минуту. Младший сын сбирал в лесу ягоды (он был тогда сущий ребенок) и пуля ему прострелила панталоны; вот и всё тут, весь анекдот сочинен в Петербурге. Твой приятель (Жуковский) воспел в стихах. Граверы, Журналисты, Нувеллисты воспользовались удобным случаем, и я пожалован Римлянином. Et voilà comme on écrit l'histoire!»

Вот что мне говорил Раевской.

Но охотникам до анекдотов я могу рассказать другой, не менее любопытный, и который доказывает его присутствие ума и обнажает его душу. Он мне не сделал никакого добра, но хвалить его мне приятно, хвалить, как истинного героя, и я с удовольствием теперь, в тишине сельского кабинета, воспоминаю старину. Под Лейпциком мы бились (4-го числа) у красного дома. Направо, налево всё было опрокинуто. Одни гренадеры стояли грудью. Раевской стоял в цепи мрачен, безмолвен. Дело шло не весьма хорошо. Я видел неудовольствие на лице его, беспокойства ни малого. В опасности он истинный герой, он прелестен. Глаза его разгорятся, как угли, а благородная осанка его поистине сделается величественною. Писарев летал, как вихорь, на коне по грудам тел, точно по грудам, и Раевской мне говорил: «Он молодец». Французы усиливались, мы слабели: но ни шагу вперед, ни шагу назад. Минута ужасная. Я заметил изменение в лице

генерала и подумал: «Видно, дело идет дурно». Он, оборотясь ко мне, сказал очень тихо, так что я едва услышал: «Батюшков, посмотри, что у меня», взял меня за руку (мы были верхами) и руку мою положил себе под плащ, потом под мундир. Второпях я не мог догадаться, чего он хочет. Наконец, и свою руку освободя, от поводов, положил за пазуху — вынул ее — и очень хладнокровно поглядел на капли крови. Я ахнул, побледнел. Он сказал мне довольно сухо: «Молчи!» Еще минута — еще другая — пули летали беспрестанно — наконец, Раевской, наклонясь ко мне, прошептал: «Отъедем несколько шагов: я ранен жестоко». Отъехали. «Скачи за лекарем!» Поскакал. Нашли двоих. Один решился ехать под пули, другой воротился. Но я не нашел генерала там, где его оставил. Козак указал мне на деревню пикою, проговоря: «Он там ожидает вас». Мы прилетели. Раевской сходил с лошади, окруженный двумя или тремя офицерами — помнится — Давыдовым и Медемом, храбрейшими и лучшими из товарищей. На лице его видна бледность и страдание, но беспокойство не о себе, о гренадерах. Он всё поглядывал за вороты на огни неприятельские и наши. Мы раздели его. Сняли плащ, мундир, фуфайку, рубашку. Пуля раздробила кость грудную, но выпала сама собою. Мы суетились, как обыкновенно водится при таких случаях. Кровь меня пугала, ибо место было весьма важно; я сказал это на ухо хирургу. «Ничего, ничего», — отвечал Раевской, который, несмотря на свою глухоту, вслушался в разговор наш, и потом, оборотясь ко мне, — «чего бояться, господин поэт» (он так называл меня в шутку, когда был весел):

Je n'ai plus rien du sang qui m'a donné la vie.
Ce sang c'est épuisé, versé pour la patrie.*

И это он сказал с необыкновенною живостию. Издранная его рубашка, ручьи крови, лекарь, перевязывающий рану, офицеры, которые суетились вокруг тяжело раненого гене-

* У меня нет больше крови, которая давала мне жизнь.
Эта кровь истощилась, будучи пролита за отечество. *(Ред.)*

рала, лучшего, может быть, из всей армии, беспрестанная пальба и дым орудий, важность минуты, одним словом — все обстоятельства придавали интерес этим стихам.

Вот анекдот. Он стоит тяжелой прозы «*Северной почты*»: «Ребята, вперед» и пр. За истину его я ручаюсь. Я был свидетелем, Давыдов, Медем и лекарь Витгенштейновой главной квартиры. Он тем более важен, сей анекдот, что про Раевского набрать немного. Он молчалив. Скромен отчасти. Скрыт. Недоверчив, знает людей, не уважает ими. Он, одним словом, во всем контраст Милорадовичу и, кажется, находит удовольствие не походить на него ни в чем. У него есть большие слабости и великие военные качества. Слишком одиннадцать месяцев я был при нем неотлучен, спал и ел при нем; я его знаю совершенно, более нежели он меня. И здесь, про себя, с удовольствием отдаю ему справедливость, не угождением, не признательностию исторгнутую. Раевской — славный воин и иногда хороший человек, иногда очень странный.

Вот что я намарал, не херя. Слава богу! Часок пролетел, так что я его и не приметил. Я могу писать скоро, без поправок, и буду писать всё, что придет на ум. Пока лень не выдернет пера из руки.

8-го мая

Я предполагал — случилось иначе, — что нынешнею весною могу предпринять путешествие для моего здоровья по России: в половине апреля быть в Москве, закупить всё нужное, книги, вещи, экипаж, провести три недели посреди шума городского, посоветоваться с лекарями и в первых числах мая отправиться на Кавказ, пробыть там два курса, а на осень в Тавриду, конец сентября, октябрь и ноябрь весь пробыть на берегах Черного моря, в счастливейшей стране, и потом через Киев, к новому году, воротиться в Москву. Но ветры унесли мои желания!

В молодости мы полагаем, что люди или добры, или злы: они белы или черны. Вступая в средние лета, открываем людей ни совершенно черных, ни совершенно белых; Монтань

бы сказал: серых. Но зато истинная опытность должна научить снисхождению, без которого нет ни одной общественной добродетели: надобно жить с серыми или жить в Диогеновой бочке.

Для того, чтобы писать хорошо в стихах — в каком бы то ни было роде, писать разнообразно, слогом сильным и приятным, с мыслями незаемными, с чувствами, надобно много писать прозой, но не для публики, а записывать просто для себя. Я часто испытывал на себе, что этот способ мне удавался; рано или поздно писанное в прозе пригодится: «Она — питательница стиха», сказал Альфьери — если память мне не изменила. Кстати о памяти, — моя так упряма, своенравна, что я прихожу часто в отчаяние. Учу стихи наизусть и ничего затвердить не могу: одни Итальянские врезываются в моей памяти. Отчего? Не оттого ли, что они угождают слуху более других?

Я прежде мало писал от лени, теперь — от болезни, и — мир ушам! Сен-Ламбер советует экзаменовать себя по истечении некоторого времени: прекрасный способ, лучшее средство уничтожить некоторую часть своего самолюбия! Самый ученейший человек без книг, без пособий знает мало и не твердо. Знание профессоров науки есть знание или *искусство* пользоваться чужими сведениями.

. . . .

Слава богу, еще можно жить и наслаждаться жизнию: прогулка в поле не скучна; это я сегодня с радостию испытал.

МЫСЛИ О ЛИТЕРАТУРЕ

«Tout vouloir est d'un fou», * сказал Вольтер, который сам погрешил, желая успеть во всех родах словесности: границы есть уму, и даже величайшему. Может ли один человек написать басни Лафонтеновы, Шекспирова *Отелло*, Молье-

* Всего хотеть — свойство глупца. *(Ред.)*

рова *Мизантропа* и Даламбертово предисловие к *Энциклопедии?* Нет, конечно. Зачем же Вольтер... но бог с ним!

Не надобно любителю изящного отставать от словесности. Те, которые не читали Виланда, Гёте, Шиллера, Миллера и даже Канта, похожи на деревенских старух, которые не знают, что мы взяли Париж, и что Москва сожжена — до сих пор сомневаются. Но не надобно вдаваться в другую крайность. Не надобно беспрестанно слоняться из одной литературы в другую или заниматься одною древностию. И те, и другие шалеют, как говорит мой чистосердечный Кантемир о сытом и моте. Есть середина.

Какая пучина! Англичане, Немцы, Итальянцы, Португальцы, Гишпанцы, Французы, восточные полуденные народы и вечные древние! Кто обнимет всё творение ума человеческого и зачем? Крылов ничего не читает, кроме *«Всемирного путешественника»*, расходной книги и календаря, а его будут читать и внуки наши. Талант не любопытен: ум жаден к новости, но что в уме без таланта, скажите, бога ради! И талант есть ум: правда! но ум сосредоточенный.

Каждый язык имеет свое словотечение, свою гармонию, и странно было бы Русскому или Итальянцу, или Англичанину писать для Французского уха, и наоборот. Гармония, мужественная гармония не всегда прибегает к плавности. Я не знаю плавнее этих стихов:

На светлоголубом эфире
Златая плавала луна и пр.

и оды *Соловей* Державина. Но какая гармония в *Водопаде* и в оде на смерть Мещерского! — «Глагол времен, металла звон!»

Данте — великий поэт: он говорит памяти, уху, глазам, рассудку, воображению, сердцу. Есть писатели, у которых слог темен; у иных — мутен: мутен, когда слова не на месте; темен, когда слова не выражают мысли, или мысли не ясны от недостатка точности и натуральной логики. Можно быть глубокомысленным и не темным, и должно быть ясным,

всегда ясным для людей образованных и для великих душ. Ученость сушит ум, рассеяние — сердце.

Театральные издержки в Греции были столь велики, что представление одной трагедии Софокла и Эврипида стоило государству более, нежели война с Персами, говорит Плутарх. Мы платим актерам по двести, по триста рублей, лучшему тысячи две в год. Наши декорации не стоят ничего. Зато... у нас и трагики, и комики, и зрители!

N. N. N

Недавно я имел случай познакомиться с странным человеком, *каких много!* Вот некоторые черты его характера и жизни.

Ему около тридцати лет. Он то здоров, очень здоров, то болен, при смерти болен. Сегодня беспечен, ветрен, как дитя; посмотришь завтра — ударился в мысли, в религию и стал мрачнее инока. Лицо у него точно доброе, как сердце, но столь же непостоянное. Он тонок, сух, бледен, как полотно. Он перенес три войны, и на биваках был здоров, в покое — умирал! В походе он никогда не унывал и всегда готов был жертвовать жизнию с чудесною беспечностию, которой сам удивлялся; в мире для него всё тягостно, и малейшая обязанность, какого бы рода ни было, есть свинцовое бремя. Когда долг призывает к чему-нибудь, он исполняет великодушно, точно так, как в болезни принимают ревень, не поморщившись. Но что в этом хорошего? К чему служит это? Он мало вещей или обязанностей считает за долг, ибо его маленькая голова любит философствовать, но так криво, так косо, что это вредит ему беспрестанно. Он служил в военной службе и в гражданской: в первой очень усердно и очень неудачно; во второй удачно и очень не усердно. Обе службы ему надоели, ибо, поистине, он не охотник до чинов и крестов. А плакал, когда его обошли чином и не дали креста. Как растолкуют это? Он вспыльчив, как собака, и кроток, как овечка. В нем

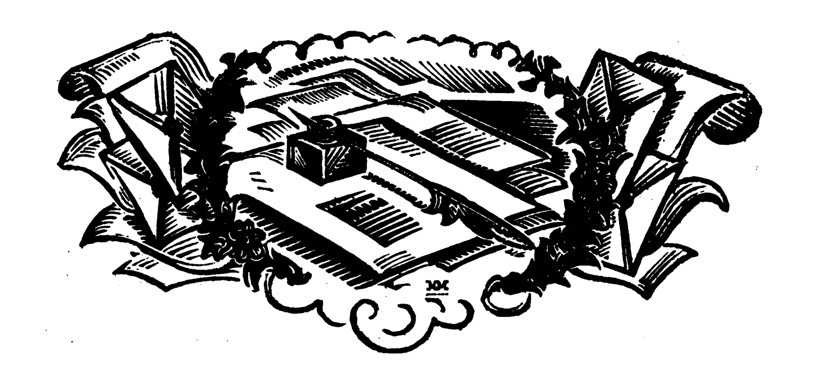
два человека: один — добр, прост, весел, услужлив, богобоязлив, откровенен до излишества, щедр, трезв, мил; другой человек — не думайте, чтобы я увеличивал его дурные качества, право нет, и вы увидите сами почему, — другой человек — злой, коварный, завистливый, жадный, и иногда корыстолюбивый, но редко; мрачный, угрюмый, прихотливый, недовольный, мстительный, лукавый, сластолюбивый до излишества, непостоянный в любви и честолюбивый во всех родах честолюбия. Этот человек, то-есть, черный — прямой урод. Оба человека живут в одном теле. Как это? Не знаю; знаю только, что у нашего чудака профиль дурного человека, а посмотришь в глаза, так найдешь доброго: надобно только смотреть пристально и долго. За это единственно я люблю его! Горе, кто знает его с профили! Послушайте далее. Он имеет некоторые таланты и не имеет никакого. Ни в чем не успел, а пишет очень часто. Ум его очень длинен и очень узок. Терпение его, от болезни ли, или от другой причины, очень слабо; внимание рассеянно, память вялая и притуплена чтением: посудите сами, как успеть ему в чем-нибудь? В обществе он иногда очень мил, иногда очень нравился каким-то особенным манером, тогда, как приносил в него доброту сердечную, беспечность и снисходительность к людям; но как стал приносить самолюбие, уважение к себе, упрямство и душу усталую, то все увидели в нем человека моего с *профили*. Он иногда удивительно красноречив: умеет войти, сказать; иногда туп, косноязычен, застенчив. Он жил в аде, он был на Олимпе. Это приметно в нем. Он благословен, он проклят каким-то гением. Три дни думает о добре, желает сделать доброе дело — вдруг недостанет терпения, на четвертый он сделается зол, неблагодарен: тогда не смотрите на профиль его! Он умеет говорить очень колко; пишет иногда очень остро насчет ближнего. Но тот человек, то-есть, добрый, любит людей и горестно плачет над эпиграммами черного человека. Белый человек спасает черного слезами перед творцом, слезами живого раскаяния и добрыми поступками перед людьми. Дурной человек всё портит и всему мешает: он над-

меннее сатаны, а белый не уступает в доброте ангелу-хранителю. Каким странным образом здесь два составляют одно? зло так тесно связано с добром и отличено столь резкими чертами? Откуда этот человек, или эти человеки, белый и черный, составляющие нашего знакомца? Но продолжим его изображение.

Он — который из них, белый или черный? — он или они оба любят славу. Черный всё любит, даже готов стать на колени и христа-ради просить, чтобы его похвалили: так он суетен; другой, напротив того, любит славу, как любил ее Ломоносов, и удивляется черному нахалу. У белого совесть чувствительна, у другого — медный лоб. Белый обожает друзей и готов для них в огонь; черный не даст и ногтей обстричь для дружества, так он любит себя пламенно. Но в дружестве, когда дело идет о дружестве, черному нет места: белый на страже! В любви... но не кончим изображение, оно и гнусно, и прелестно! Всё, что ни скажешь хорошего насчет белого, черный припишет себе. Заключим: эти два человека или сей один человек живет теперь в деревне и пишет свой портрет пером по бумаге. Пожелаем ему доброго аппетита: он идет обедать.

Это я! Догадались ли теперь?

ПИСЬМА

Н. И. ГНЕДИЧУ

Нарва 1807 г. 2 марта

Портфель моя уехала, и я принужден писать на этой бумаге из Нарвы; устал, как собака, но все пишу, сколько могу. Не забывай, брат, меня; хоть строку напиши в Ригу. Я здоров, как корова. Я чай, твой Ахиллес пьяный столько вина и водки не пивал, как я походом. Пиши ко мне хоть в стихах; Музы меня совсем оставили за Красным Кабаком. Дай хоть в Риге услышать отголосок твоего песнопения.

Ужели слышать всё докучный барабан?
Пусть дружество еще, проникнув тихим гласом,
Хотя на час один соединит с Парнасом
Того, кто невзначай Ареев вздел кафтан
  И с клячей величавой
  Пустился кое-как за славой.

Вот тебе impromptu. * Лучше не умею и не хочу.

Пиши, мой друг, ко мне; я тебя, право, люблю душевно, да как и не любить того, с кем мог отводить душу с душой. Хозяин мой — Немец, не поколотить ли его? А как не даст кофею? Ну, бог с ним! Пусть и собаки в покое будут.

* Экспромпт. *(Ред.)*

Я тебе прилагаю записку к сестре, возьми у нее 25 р. и выкупи одни часы, а, выкупив, отдай их ей, другие же пересрочь. Кланяйся всем знакомым в ноги. Я всех люблю. Ей-богу! Лаптевича попроси, чтобы приписнул. Какова его горячка? Поход научит всему. Я, как каторжный: люди спят, а я из одного места в другое. Покоя ни на час. Дай кофею напиться.

Что у вас в Питере — на Парнасе и в департаменте? Напиши мне десть кругом. Пусть все пишут, я читать стану. Чем глупее, тем лучше. Прощай.

Можешь письмо сие показать сестре Александре. Сходи к ней.

Н. И. ГНЕДИЧУ

Рига 1807 г. Июнь

Любезный друг! Я жив. Каким образом — богу известно. Ранен тяжело в ногу навылет пулею в верхнюю часть ляшки и в зад. Рана глубиною в 2 четверти, но не опасна, ибо кость, как говорят, не тронута, а как? — опять не знаю. Я в Риге. Что мог вытерпеть дорогою лежа на телеге, того и понять не могу. Наш батальон сильно потерпел. Все офицеры ранены, один убит. Стрелки были удивительно храбры, даже до остервенения. Кто бы мог это думать? Но бог с ними и с войной! Что ты ко мне не пишешь? Забыл, брат, меня совсем, а я тебя всегда любил; ни время, ни труды, ни биваки тебя не изгладили из моей памяти. Пиши, Николай, только не огорчай меня дурными известиями. У меня, как у модной дамы, нервы стали раздражительны. Крови, как из быка вышло. После трудов, голоду, ужасной боли (и притом ни гроша денег) приезжаю я в Ригу, и что ж? Меня принимают в прекрасных покоях, кормят, поят из прекрасных рук: я на розах! Благодарность не велит писать. Довольно, я счастлив и не желаю Питера. Говорят мои эскулапы, что целый год буду хромать. Признаюсь, что на костылях я крайне забавен. Хрущов поехал домой; он легко задет. Ах, Николай, война дает цену

К. Н. БАТЮШКОВ

С автозарисовки пером 1807 г. В письме Батюшкова к Гнедичу от 2 марта 1807 г.

вещам! Сколько раз, измоченный дождем, голодный, на сырой земле, я завидовал хорошей постели, а теперь — не сытому хвалить обед! Пришли, брат, своих стихов ради своей дружбы; надеюсь, что не откажешь: я оживу. Да если можно какую-нибудь русскую новую книгу в стихах, да Капниста. На коленях прошу тебя, ты безделицу за это заплатишь.

Адресуй прямо в Ригу. Приезжай ко мне, Николай, на три дня, и мы бы вместе в Питер, когда мое здоровье позволит. Я бы тебе мог прислать и денег на дорогу. Город прекрасный. И мы бы с тобою обнялись. А? Подумай, да сделай! Устал марать. Прощай, ожидаю ответа на целой дести

Вместо имени:

Н. И. ГНЕДИЧУ

[19 августа 1809 г. Деревня]

Я к тебе пишу мало, потому что болен и скучен, но с первой почтой буду писать пространнее. Уведомляй меня почаще; здесь в пустыне и ковчег Ноев — новость, а у вас там ничему не удивляются. Из твоего письма вижу, что обитаешь на даче, в жилище Сирен. Мужайся, Улисс! Здесь же ни одной Сирены, а спутников Итакского мужа, который десять лет плыл из Малой Азии на каменный и бедный остров, очень много. Как минута может переменить предметы! Я отворил окно и вижу: нимфа Ио ходит, голубушка, и мычит бог весть о чем; две Леды кричат немилосердно. Да, посмотри... там в тени — право стыдно!.. бараны, может быть, из стада царя Адмета...

Накинем занавес целомудрия на сии сладостные сцены, как говорит Николай Михайлович Карамзин в «Наталье». Пожалуйста, пришли мне стихов из Петербурга, а я тебе пришлю перчаток замшевых хоть дюжину.

Ты, может быть, забыл, что мне нужно рассеяние, и для того я всё говорю о деле (дамский силлогизм). Вот тебе несколько *эпиграмм;* напечатай в «Цветнике», если он не завял совершенно. А они не дурны. На будущей почте я пришлю тебе несколько *похвальных слов*, а именно вот каких: поэт Сидор, что написал Потоп, а рыбы на кустах, ну, уж гений! А Кузьма, что сидит в креслах на Васильевском Острову возле биржи, мастер писать... хоть с виду и не хитер, а ума палата!

Я уверен, что эпиграммы по тебе, а особливо на *женщин, Виргилиев перевод и журналиста.*

Где Радищев? Он, верно, в Москве. Дай его адрес. Капниста адрес мне нужен необходимо. Пришли мне дамский сувенир, на манер моей книжки, что купил я в магазине, в 10 или 15 руб. «Др. Вестник» * 11 части с 144 листа недостает; пришли мне его неотменно, также Державина, если есть кредит; а я тебе деньги вышлю с первой почтой. Надеюсь,

* «Драматический вестник». *(Ред.)*

что кресты отправлены; а табаку ожидаю, как цветок — росы. Если можешь прислать турецкого хорошего, лучшего; такого, что не стыдно курить в Магометовом раю на лоне Гурий, с аравийскими ароматами, с алоем, шафраном, с анемонами, с ананасовым соком... Ты понимаешь!

Ты получил пенсион!

Сердце у меня выскочить хотело от радости. Ты знаешь, что я в половину чувствовать не умею. Письмо сие было запечатано, отослано, но опоздало на почту. Приносят письмо от Радищева, и я читаю, что ты получил пенсион! Да здравствует князь Гагарин! Я бы желал его знать покороче: он стоит того! Вытолкни его из круга нынешних господчиков: он, право, феномен!.. Ну, слава богу, ты имеешь кусок верного хлеба; великое дело! Жаль, что меня с тобою нет: я бы по-своему праздновал это *мое* благополучие. Я любил всегда Гомера, а теперь обожаю: он, кроме удовольствия неизъяснимого, делает добро человечеству. Да тень его потрясется на Олимпе от радости!

Играйте, о, невские музы,
Играйте во свирели, флейдузы!

скажу с Тредьяковским и обниму тебя от всего сердца, души и помышления. Весь твой *Конст. Батюшк.*

Н. И. ГНЕДИЧУ

19 сентября 1809 г. [Деревня]

Я радуюсь, что письмо мое тебя утешило. Могло ли произвесть иное действие на сердце, способное разделять в полноте чувство дружества? Мог ли бы я тебя любить, если б душа твоя не отзывалась согласно на голос моей дружбы? Чем более живу, тем более люблю тебя; все даже маловажные происшествия связывают теснее союз дружества. Оно растет с годами, ибо мы гораздо более привязаны друг к другу теперь, нежели назад тому год и более. Любовь совсем не так: эта горячка любви, эти восторги, упояющие душу, исче-

зают. Где истинная любовь? — нет ее! Я верю одной вздыхательной, Петраркизму, то-есть живущей в душе поэтов, и более никакой. В дружбе мой девиз: истина и снисхождение. Истину должно говорить другу, но столь же осторожно, как и самолюбивой женщине; снисходительну должно быть всегда. Ради сего последнего пункта и в силу этого условия, я могу болтать до устали, — не правда ли?

Я твоей загадки не понимаю, да и не силюсь понять. Ты хочешь заняться Гомером, и советую. Расстанься, удались от писателей. Поверь мне, это нужно. Я знаю этих людей, они вблизи гораздо более завидуют. Хорошо с ними водиться тому, кто ищет одной известности, а не славы. Ты в первой не имеешь нужды, а последнюю ничем приобресть нельзя, как трудами. Позволишь ли дать совет? Перечитывая твой перевод, я более и более убеждаюсь в том, что излишний славянизм не нужен, а тебе будет и пагубен. Стихи твои, и это забывать тебе никогда не должно, будут читать женщины, а с ними худо говорить непонятным языком. Притом, кажется, что славянские слова и обороты вовсе не нужны в иных местах; ты сам это чувствовал. Но и здесь соблюди середину; подвиг воистину трудный! Кто хочет писать, чтоб быть читанным, тот пиши внятно, как Капнист, вернейший образец в слоге, я не говорю — переводчику «Илиады». Поверь мне, что если б Костров жил в свете, то не осмелился бы написать *сице* для *колесницы*, а свет или еще значительнее слово — urbanité * — не последняя для тебя выгода; и я думаю, что вечер, проведенный у Самариной или с умными людьми, наставит более в искусстве писать, нежели чтение наших варваров. Я слог их сравниваю с рекой, в которую нельзя погрузиться, не омочив себя. Мне кажется, что гораздо полезнее чтение библии, нежели всех наших академических сочинений, ибо в первой есть поэзия, а Кондильяк сказал: «On peut raisonner sans s'éclairer, mais on ne peut pas remuer mon âme d'une manière nouvelle ou agréable qu'aussitôt je ne sente le

* Светскость, светская обходительность *(Ред.)*

beau». * Вот преимущество стихотворного языка. Я не знаю, поймешь ли меня, но мне кажется, что лучше прочесть страницу стихотворной прозы из «Марфы Посадницы», нежели Шишкова холодные творения.

Подумай,—может быть, я сказал правду. Как мне Беницкого жаль! Я читал ныне «Умного и дурака» в «Талии». Ок как предвидел конец свой. Все, что ни написано, сильно, даже ужасно, слишком сильно, напитано желчью. Жив ли то он?

Уведомь меня, как Семенова приняла речь мою за Архия? Я теперь перевожу от скуки Тибулла в стихи, Тасса в прозу и перемарываю старые грехи. Много прибавил, и что важнее — всё переписал. Я бы послал тебе что-нибудь, но берегу до случая, когда могу всё отправить вместе; хочу велеть переписать копии три. Если время будет, то пришлю и с этим письмом. В «Цветнике» и губить нечего. — Отправь кресты, бога ради, отправь... Я, может быть, поеду вскоре в Москву. Хорошо бы и тебе туда заглянуть, а? — Какая Аглая у Самариной? — Не Шаликова ли журнала обчесавшаяся муза? — Англичанка не сделала ли развязку романа немного поспешно? Жаль, что я не успел для нее застрелиться *холостым* выстрелом. Напрасно говоришь, что я пишу на какого-то издателя Лукницкого. Я этих ослов плетьми сечь не хочу. Пришли книги, об которых писал прежде, да пиши поболее об дурачествах. Если б ты знал, как мне скучно! Я теперь-то чувствую, что дарованию нужно побуждение и ободрение; беда, если самолюбие заснет, а у меня вздремало. Я становлюсь в тягость себе, и ни к чему не способен. Не знаю, впрок ли то ранние несчастия и опытность. Беда, когда рассудка не прибавят, а сердце высушат. Я пил горести, пью и буду пить. Сегодня читал я, что бог сотворил человека, и размыслил (смотри Моисеевы книги в начале). И впрямь, где счастие? Я его иногда нахожу в кратких напряжениях души

* Можно холодно умствовать, но нельзя взволновать мою душу новым и сладостным образом, чтобы я тотчас же не ощутил красоты. *(Ред.)*

и тела, ибо тело от души разлучать не должно, но тем более от напряжения органы изнемогают, и горесть тут как тут.

Книги, бога ради, пришли. «Цветник», Державина и «Драматический вестник».

Н. И. ГНЕДИЧУ

1-го ноября 1809 г. кончено и послано [Деревня]

Г-жа Севинье, любезная, прекрасная Севинье говорит, что если б она прожила только двести лет, не более, то сделалась бы совершенною женщиною. Если я проживу еще десять лет, то сойду с ума. Право, жить скучно; ничто не утешает. Время летит то скоро, то тихо; зла более, нежели добра; глупости более, нежели ума; да что и в уме?.. В доме у меня так тихо, собака дремлет у ног моих, глядя на огонь в печке; сестра в других комнатах перечитывает, я думаю, старые письма... Я сто раз брал книгу, и книга падала из рук. Мне не грустно, не скучно, а чувствую что-то необыкновенное, какую-то душевную пустоту... Что делать? Разве поговорить с тобою?

Я подумал о том, что писал к тебе в последнем письме, и невольно засмеялся. Как иногда человек бывает глуп!

1-ое дурачество: я сравнял себя с Дмитриевым, назначил себе место ступенью ниже его!.. Бога ради, не напечатай этого! Да и не читай никому!.. 2-ое дурачество: говорил тебе о какой-то миссии... Не во сне ли я?.. Надеюсь, что ты это всё прочитаешь хладнокровно, пожмешь плечами, положишь в ящик, замкнешь, и делу квит. Но кто, мой друг, всегда бывал в полном разуме! — И что это разум? Что он такое? Не сын ли, не брат ли, лучше сказать, тела нашего? Право, что плели метафизики — похоже на паутину, где мы, бедные мухи, увязаем то ногой, то крылом, тогда как можем благополучно и мимо, то-есть и не рассуждать об этом. Послушай Власьевны в «Сбитеньщике»:

Ф а д е й. Власьевна, отчего, коли спишь, хотя глаза и зажмурены, а видишь?

В л а с ь е в н а. Это не видишь, а думаешь.

Ф а д е й. А что такое думать?

В л а с ь е в н а. Я и сама не знаю.

Я и сам не знаю — бесподобное слово! И впрямь, что мы знаем? — Ничего. Вот как мысли мои улетают одна от другой. Говорил об одном, окончил другим. Немудрено, мой друг... В этой безмолвной тишине голова — не голова. Однакож, обстоятельства не позволяют выехать. Я бы мог, правда, ехать, например, в Вологду, но что там делать? Здесь я, по крайней мере, наедине, с сестрой Алек[сандрой] (Варенька гостит у сестры), по крайней мере, с книгами, в тихой приятной горнице — и я иногда весел, весел, как царь. Недавно читал Державина: «Описание Потемкинского праздника». Тишина, безмолвие ночи, сильное устремление мыслей, пораженное воображение, всё это произвело чудесное действие. Я вдруг увидел перед собою людей, толпу людей, свечки, апельсины, брильянты... царицу... Потемкина, рыб и бог знает чего не увидел, так был поражен мною прочитанным. Вне себя побежал к сестре... «Что с тобой?»... *Оно! они!*.. «Перекрестись, голубчик!» Тут-то я насилу опомнился. Но это описание сильно врезалось в мою память. Какие стихи! — прочитай, прочитай, бога ради, со вниманием: ничем, никогда я так поражен не был!

Я надеюсь, что ты умен и не прочитал моего последнего письма Анне Петровне. Но если ты совершенно, по симпатии со мной, потерял рассудок? Хорошо, что ей, а не другому, ибо

Molti consigli delle donne sono
Meglio improvviso che a pensarvi usciti;
Che questo è speciale e proprio dono
Fra tanti, e tanti lor dal ciel legati. *

A r i o s t o

* Многие советы женщин лучше, если они даны внезапно, нежели после раздумья. Это совсем особый дар среди столь мно-

Если не поймешь, хотя не трудно понять твоей высокопарной латыни, то беды нет. Я писал к Капнисту — нет ответа; писал к Алексею Николаевичу — нет ответа; ныне писал к Ниловым — сердце говорит, будет ответ. Крылов родился чудаком. Но этот человек — загадка, и великая!.. Играть и не проигрываться. Скупость уметь соединить с дарованиями и редкими, ибо если б он более трудился, более занимался... Но я боюсь рассуждать, чтоб опять не завраться. — Гоняются ли за тобой утренние шмели? Мне пришла чудная мысль. Если б, когда я у тебя жил, поутру пришел юноша к *Милому Гению*, и тебя бы не было на ту пору дома, то я так бы отбрил голубчика... «Не вы ли тот великий дух, который сочинил эпитафию на смерть статского советника?» Я отвечаю: «*Я*»... — «Позвольте мне, пораженному явными чертами Гения, простираться, если возможно, до вашей занимательности»... Я отвечаю всё за тебя, как Скотинин на перекличке: «*Я!*» — «Вот, милостивый государь, моя трагедия... Кто более вашего, кто справедливее вас оценит слабый, мерцающий луч неопытного Гения?».. — «*Я!*»... Тут он мне начинает читать; читает, а я зеваю. Наконец, — есть всему конец, и трагедиям также, — ты входишь... и я указываю на переводчика Гомера и «Танкреда».

Вот канва, по которой вышить можно, что хочешь. Я не знаю, как у тебя достает терпения слушать этот весь вздор? Но не слушать, наживешь врагов таких, которые тебя свечой станут жечь... Кстати, спрошу тебя: что́ Шаховской написал хорошего? Вот еще чудак не из последних. Как он меня выхвалял в глаза! Так что стыдно было за него. Как он меня, я чай, бранит за глаза! Так что стыдно за него. Честь Кодру-Жихареву. Не стыдно делаться Панаром-Водевильщиком? В его лета, дворянину, с состоянием? Он точно с дарованиями: это меня бесит. Измайлов плетет, а не пишет. Без смака вовсе.

гих и многих завещанных им небесами. ⟨Батюшков, очевидно, цитирует по памяти. В подлиннике («Неистовый Орланд», XXVII песнь, строфа 1): вместо legati — largiti (от largire — щедро раздавать, щедро наделять), что соответствует и рифме: usciti — *Ред.*⟩

Однако ж его проза вообще хороша и чиста. Что Беницкий? Продлите ему, боги, веку! Но он уже успел написать много хорошего...

Пусть мигом догорит
Его блестящая лампада;
В последний час его бессмертье озарит:
Бессмертье — пылких душ надежда и награда!

Я еще могу писать стихи! пишу кое-как. Но к чести своей могу сказать, что пишу не иначе, как когда яд пса метромании подействует, а не во всякое время. Я болен этой болезнию, как Филоктет раною, то-есть временем. Что у вас нового в Питере? Что делает Полозов? Он не пишет ни слова. Что Катенин нанизывает на конец строк? Я в его лета низал не рифмы, а что-то покрасивее, а ныне... пятьдесят мне било... а ныне... а ныне...

А ныне мне Эрот сказал:
«Бедняга, много ты писал
Без устали пером гусиным.
Смотри, завяло как оно!
Недолго притупить одно!
Вот нȧ, пиши теперь *куриным*».

Пишу, да не пишет, а всё гнется.

Красавиц я певал довольно
И так, и сяк, на всякий лад,
Да ныне что-то невпопад.
Хочу запеть — ан, петь уж больно.
«Что ты, голубчик, так охрип?»
К гортани мой язык прилип.

Вот мой ответ. Можно ли так состареться в 22 года! Непозволительно!

Как тебе понравилось *Видение*? Можешь сжечь, если не годится. Этакие стихи слишком легко писать, и чести большой не приносят. Иным больно досталось. Бобров, верно, тебя рассмешит. Он тут у места. Славенофила вычеркни, да и всё, как говорю, можешь предать огню и мечу.

К кому здесь прибегнуть Музе? Я с тех пор, как с тобой расстался, никому даже и полустишия, не только своего, но и чужого не прочитал. С какими людьми живу?..

Deux nobles campagnards, grands lecteurs des romans
*Qui m'ont dit tout Cyrus dans leurs longs complimens**...

Вот мои соседи... прошу веселиться!

Нет, невозможно читать русской истории хладнокровно, то-есть с рассуждением. Я сто раз принимался: всё напрасно. Она делается интересною только со времен Петра Великого. Подивись, подивимся мелким людям, которые роются в этой пыли. Читай римскую, читай греческую историю, — и сердце чувствует, и разум находит пищу. Читай историю средних веков, читай басни, ложь, невежество наших праотцев, читай набеги половцев, татар, литвы и пр., и если книга не выпадет из рук твоих, то я скажу: или ты великий, или мелкий человек. Нет середины. В е л и к и й, ибо видишь, чувствуешь то, чего я не вижу; м е л к и й, ибо занимаешься пустяками. Жан-Жак говорит: «Car ne vous laissez pas éblouir par ceux qui disent, que l'histoire la plus intéressante pour chacun est celle de son pays. Cela n'est pas vrai. Il y a des pays dont l'histoire ne peut pas même être lue, à moins qu'on ne soit imbécile ou négociateur...»** Какая истина! Да Писареву до этого дела нет. Он пишет себе, что такой-то царь, такой-то князь играл на *скомонех*, был лицом бел, сек рынду батогами и пр.! Есть ли тут малейшее дарование?.. Не труд ли это, достойный Тредиаковского... и Академии наградою!.. Притом от одного слова *русское*, некстати употребленного, у меня сердце не на месте... Скажу тебе еще, что я читал от великого досуга и метафизику. Многое

* Два помещика, великих охотника до чтения романов, которые пересказали мне всего «Кира» в своих пространных приветствиях. *(Ред.)*

** Не давайте обмануть себя тем, кто утверждает, что историей, наиболее интересной для каждого, является история его страны. Это не верно. Есть страны, историю которых немыслимо даже читать, не будучи дураком, либо дельцом. *(Ред.)*

не понял, а что понял, тем недоволен. Например, сочинитель «Системы природы» похож на живописца, который все краски смешал в одно и после, кажется, говорит: «Отличи, коль можешь, белое от черного, красное от синего?» Наука тщетная и пустая! Это Дедалов лабиринт, в котором быть надобно, но не иначе как с нитью, то-есть с рассудком. Жаль, что эта нить тонка и гнила. Сей же самый сочинитель в конце книги, разрушив всё, смешав всё, призывает природу и делает ее всему *началом*. Итак, любезный друг, невозможно никому отвергнуть и не познать какое-либо начало; назови его, как хочешь, всё одно; но оно существует, то-есть существует бог. А от сего всё заключить можно. Я знаю твои мысли, ты знаешь мои, и потому мимоходом это тебе сказал.

Не знаю, читаешь ли ты «Анахарсиса»? Божественная книга. Не выпускай ее из рук, ибо она не только быть может путеводителем к храму древности или изящного, но исполнена здравой философии...

У меня мало книг, потому-то я одну и ту же перечитываю много раз, потому-то, как скупой или любовник, говорю об них с удовольствием, зная, что тебе этим наскучить не можно.

Писарев еще написал что-то, именно: «Правила для актеров». Я из рецензии вижу, что это вздор, даже в эпиграфе ошибка против языка, непростительная члену Академии. Меня убивает самолюбие этих людей. Если б они хотя языком занимались, если б хотя умели ценить дарования чужие... Но что я говорю? На это надобен ум, а у них этого-то и недостает.

Еще два слова: любить отечество должно. Кто не любит его, тот изверг. Но можно ли любить невежество? Можно ли любить нравы, обычаи, от которых мы отдалены веками и, что еще более, целым веком просвещения? Зачем же эти усердные маратели выхваляют всё старое? Я умею разрешить эту задачу, знаю, что и ты умеешь — итак, ни слова. Но поверь мне, что эти патриоты, жаркие декламаторы, не любят или не умеют любить русской земли. Имею право сказать это, и всякий пусть скажет, кто добровольно хотел принести жизнь на жертву отечеству... Да дело не о том: Глинка

называет «Вестник» свой *Русским*, как будто пишет в Китае для миссионеров или пекинского архимандрита. Другие, а их тысячи, жужжат, нашептывают: русское, русское, русское... а я потерял вовсе терпение!

Я посмеялся твоему толкованию любви. Боюсь, чтоб ты не учредил *суд любви*, который существовал в Провансе в конце одиннадцатого столетия. Там эти полезные задачи разрешали всячески, и всё по-латыни. Красавицы слушали с удовольствием ученых трубадуров, которые так хитро умели угадывать тайные сгибы их сердец. Но нас никто слушать не будет, так останемся всякий в своем расколе. Притом же всякий любит, как умеет, ибо страсть любви есть Протей. Она принимает разные виды, сообразуясь с сердцем любовника. Любовь есть... но

Je me sauve à la nage, et j'aborde où je puis. *

Прощай, до свидания. *Конст. Бат.*

Н. И. ГНЕДИЧУ

[Средина февраля 1810 г. Москва]

Я пишу тебе, любезный друг, в скучном расположении. С тех пор, как я в Москве, не был еще ни на одном бале. Сегодня *ужасный* маскерад у г. Грибоедова, вся Москва будет, а у меня билет покойно пролежит на столике, ибо я не поеду... Ты на Мур[авьева] вооружаешься. Загляни еще в его оду и увидишь прекрасные стихи, например: «Солонка дедовска одна». Впрочем, если уступаю оду, то не уступлю дочери. Она... поверишь ли, голова у меня не на месте. Я не влюблен, а если б еще... Ну, да полно! Знаешь ты, я из семьи Скотининых: что в голову залезет, так тут и сидит. Радищев пишет к тебе. Он мил, как ангел. Посылаю тебе, мой друг, маленькую пьеску, которую взял у Парни, то-есть завоевал.

* Я спасаюсь вплавь и пристаю к берегу, где я могу. *(Ред.)*

Идея оригинальная. Кажется, переводом не испортил, впрочем, ты судья! В ней какое-то особливое *нечто* меланхолическое, что мне нравится, что-то мистическое, a proposito. * Я гулял по бульвару и вижу карету; в карете барыня и барин; на барыне салоп, на барине шуба и на место галстуха желтая шаль. «Стой»! И карета стой. Лезет из колымаги барин. Заметь, я был с маленьким Муравьевым. Кто же лезет? *Карамзин.* Тут я был ясно убежден, что он не пастушок а взрослый малый, худой, бледный, как тень. Он меня очень зовет к себе; я буду еще на этой неделе и опишу тебе всё, что увижу и услышу.

Благодарю тебя за обещание — писать к Гагарину. Бог поможет, а пока я горе мыкаю. Право, жаловаться боюсь, а умираю то от новых едких огорчений, то от какого-то бездействия душевного, от какой-то ни к чему непривязанности. Я здесь очень уединен. В карты вовсе не играю. Вижу стены да людей. Москва есть море для меня; ни одного дома, кроме своего, ни одного угла, где бы я мог отвести душу душой. Петин один меня утешает; истинно добрый малый. Я с ним болтаю, сидя у камина, и время кое-как утекает. Нет, я вовсе не для света сотворен премудрым Дием! Эти условия, проклятые приличности, эта суетность, этот холод и к дарованию, и к уму, это *уравнение* сына Фебова с сыном откупщика или выблядком счастия, это меня бесит! Поверишь ли? Я вовсе стал не тот, что был назад три года. «Не столько я благополучен» и не столько злополучен. Годы унесли счастие, этот минутный восторг, эту молнию; унесли, правда; но они же унесли и безрассудие, но они научили людям давать цену истинную. Поцелуй Семенову за меня, как Иксион сквозь облако Юнону. И то хорошо! Лучше бесплодной мечты. Пиши скорее. Я на первой неделе поста хочу ехать в Тверь. Но сперва отпиши, как взяться за Гагарина, как и что делать? *К. Б.*

Прочитай Парни Самариной. Это в ее роде: любовь мистико-платоническая.

* Кстати. *(Ред.)*

Н. И. ГНЕДИЧУ

7 ноября [1811 г. Деревня]

Я получил, любезный Николай, твое меланхолическое письмо, твои меланхолические стихи и твой турецкой табак, и всеми тремя весьма доволен. Так, любезный мой друг, я живу в деревне, и в какой деревне! Где ни души христианской нет. Но зачем живешь ты в деревне? Ты влюблен? В кого, смею вас спросить? В скуку? Должен ли я клясться и Стиксом, и всеми божествами, что я здесь живу поневоле! Да, поневоле. Я имею обязанности, имею сестер; к тому же столько хлопот домашних, столько неудовольствий, что вопреки здравому рассудку, вопреки себе и людям должен *особиться*, как говорит сиятельный моряк и пиита Шихматов. Если же позволят обстоятельства, то буду в Питер, буду с тобою и буду счастлив, хотя и не надолго. Вся моя надежда на Оленина; я знаю его на опыте, знаю, что он готов служить всякому, а меня он, кажется, и любит; но что он для меня в силах сделать? Дать мне место. Какое? Нет, я не так дешево продам свободу, милую свободу, которая составляет всё мое богатство. Тысяча рублей жалованья для меня не важны: я и без хлопот могу достать более, трудясь около крестьян или около книжных лавок. Называй меня чем хочешь, мечтателем, сумасшедшим и хуже еще, а я всё буду напевать свое: *дипломатика*! Я готов ехать в Америку, в Стокгольм, в Испанию, куда хочешь, только туда, где могу быть полезен, а служить у министров или в канцеляриях, между челядью, ханжей и подъячих не буду; нет, твой друг не сотворен

Расставчиком кавык и строчных препинаний.

Он был некогда солдатом, хотя и весьма миролюбивым; он нюхал порох, хотя и не геройским носом; но как бы то ни было, он везде и всегда помнил своего Горация и независимость предпочтет всему, кроме благодарности, кроме ее святых обязанностей, ибо он не может откупиться от нее красноречием, как этот чудак, который родился в Женеве и умер в

Эрменонвиле, как Жан-Жак! Что же касается до любви, то она улетела, изменница, и никогда не заглянет к человеку, который начал рассуждать и мыслить, который разочарован и людьми, и несчастиями, который на женщин смотрит, как на кукол, одаренных языком и еще язычком — и более ничем. Я их узнал, мой друг: у них в сердце лед, а в головах дым. Мало, хотя и есть такие, мало путных.

Я Тибуллю, это правда, но так, по воспоминаниям, не иначе. Вот и вся моя исповедь. Я не влюблен.

Я клялся боле не любить
И клятвы верно не нарушу:
Велишь мне правду говорить?
И я — уже немного трушу!...

Я влюблен сам в себя. Я сделался или хочу сделаться совершенным *Янькою*, то-есть эгоистом. Пожелай мне счастливого успеха. Спасибо за описание моих успехов. К ним нельзя быть нечувствительным; они — суть мечта, — но всегда приятная для сердца. Называй славу, как хочешь, а слава есть волшебница весьма волшебная.

Мечта понравилась, но, конечно, не всем. Этот род стихов не можно назвать общим. Притом же в ней много ошибок, а плану вовсе нет. Жуковский ее называет арлекином, весьма милым — я с ним согласен. Она напечатана с поправками, но я ее и еще раз перепоправил. Увидишь сам каково.

Посылаю и тебе [sic!] твои стихи. Я заметил кое-что и намекнул поправки. Есть прекрасные места. Конец очень хорош, и вся пиеса хороша, только должно почистить.

Это *почистить* напоминает мне анекдот, который я слышал от Карамзина. Покойник Херасков, сей водяный Гомер, любил давать советы молодым стихотворцам и, прощаясь с ними, всегда говорил, приподняв колпак: «Чистите, ради бога, чистите! чистите! В этом вся и сила. Чистите! О! чистите! как можно более чистите, сударь. Чистите! чистите! чистите!» — Начало поправь.

Ты будешь чело мое мрачить бременя

Бремсня — мне не нравится; и этот стих холоден, ибо дело не о челе, а о сердце, о душе, о сердечных чувствах. Есть ошибки против меры, оттого, что ты короткие слова ставишь вместе с долгими: от этого родится негладкость. Исправь и это. И, ради бога, пришли мне эту пиесу. Она мне по сердцу и очень хорошо написана. Прибавь еще — la mélancolie de Laharpe * — вот она: и будет кстати в описании сладостной мечты. Подражай смело. Здесь она personnifiée. ** Все стихи прекрасны и достойны перевода. — Боже мой! чем Капнист занимается? Добро бы свое выдумывал? А то старые бредни выпускает на свет, бредни дураков шведов, Упсальских профессоров, бредни Бальи астронома, бредни этимологистов, которым насмеялся Вольтер досыта, бредни людей сумасшедших, бредни бесполезные, которые не питают ни ума, ни сердца, бредни головы ажь гуде! Не лучше ли было заниматься критикой русской истории или словесности? изобличением Шишкова, начертанием жизни Ломоносова, жизни, которую можно написать столь хорошо перу красноречивому? О, жалкой ум человеческий! Прости!

Вылечи обструкции водой и моционом!

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

19 декабря [1811 г. Деревня]

Маленький Овидий, живущий в маленьких Томах, имел счастие получить твою большую хартию. Чудеса, любезный друг, чудеса! Я со смеху помирал, читая описание стычки Журналистов. И Шаликов, который, оправляя розу, говорит: «Вы злой!» И Каченовский, который, оправляя зонтик, отвечает: «Вы дурак!» Всё это забавно — прекрасно! Что же касается до меня, любезный Москвич, то я с моей стороны принимаю спасительные меры, и, боясь поражения нечаян-

* «Меланхолию» Лагарпа. *(Ред.)*
** Олицетворена. *(Ред.)*

ного, хочу нарядиться в женское платье или сшить себе броню, изваять шлем, щит и прочее из Шаликова «Аглаи» или, по крайней мере, подбить мой старый мундир лоскутками этой ветошницы, затем что, мой милый друг, этот Грузинец опасен — cet autre Alexandre, cet autre Achille. * Он чего доброго... но шутки в сторону: он — страшный скотина, и прошу тебя именем дружбы не писать на него эпиграмм. Если б он был человек, а не Шаликов, то стоил бы того, чтоб ему я или ты, или кто случится, проколол ему [sic!] желудок, обрубил его уши и съел живого зубами... но он Шаликов! Ради бога, не отвечай ему. Пусть Каченовский с ним воюет явно на Парнасе и под рукой в полиции, mais nous autres —

N'allons pas imiter les pédants de Molière! **

Но каков же этот Шаликов? Что это значит? Родяся мопсом, захотел в Мидасы, и Мидас прогремел кошельком и где же — на рынке..??? Ah, toujours de l'esprit, toujours de l'esprit, monsieur Trissotin! monsieur de Trissotin. *** Но этот Триссотин человек преопасный: я это знал давно. Он готов на тебя жаловаться митрополиту, готов прокричать уши всем встречным и поперечным, что его преследуют, что его бранят, а потому бранят и бога, что он стихотворец, князь и чурлы-мурлы, то-есть Грузинец; ergo ****, всех надобно жечь и резать, кто осмелится бранить, поносить, бесчестить его стихотворное сиятельство. Одним словом, мой милый друг, наше дело сделано: nous avons les rieurs pour nous; ***** пусть его лягается, как сивый осел: мы будем молчать. Я заметил, что истинное дарование всегда терпеливее, ибо имеет в себе истинную надеянность: Мерзляков меня любить не может, но я его всегда назову честным человеком: он был обижен

* Этот второй Александр [Македонский], этот второй Ахилл *(Ред.)*

** Но мы — не будем уподобляться педантам Мольера. *(Ред.)*

*** Ах, вы всегда находчивы, всегда находчивы, господин Триссотэн, господин де Триссотэн. *(Ред.)*

**** Следовательно. *(Ред.)*

***** Все, обладающие чувством юмора, за нас. *(Ред.)*

мною и молчал. А эти шальные Шаликовы хуже шмелей! И посмотри, чем разродится его «Аглая». Гром и молнию бросит он на нас... гром и молнию!.. Теперь ему помогает мыслить и Бланк неистощимый, и остроумный Макаров, и все за Преснею живущие поэты, кроме Воейкова, разумеется. Теперь он чинит свои перья и понюхивает табак. Теперь он ставит себе промывательные в задницу, чтобы par ricochette * очистить свой засоренный мозг... Теперь он ни пьет, ни ест, бедняжка!.. и подобно Пифии, которая пред прорицанием жевала лавровые листья, он жует Фреронов журнал и по капле пьет чернила, разведенные слезами Авроры. Вот что он делает! и пусть делает, что ему угодно. А все-таки в Москву не буду и поручаю тебе велеть выколотить пыльную спину нашего врага... розами! Не буду, мой милый друг, и быть не могу. Клянусь тебе всем, чем тебе угодно, что этого мне сделать невозможно: обстоятельства меня совершенно связывают. У меня хлопот выше ворот! Не мудрено, что я пишу глупые стихи: право, голова кружится. Даю себе слово не писать ничего до тех пор, пока и люди, и фортуна будут ко мне благосклоннее. Впрочем, ты напрасно на меня нападаешь за басни: *Сиротка Филомела* — из Лафонтена; и я нисколько не метил на себя: я еще не Шаликов. Эти обе басни написаны хорошо; я их перечитал и не вижу ничего смешного.

Одна
Сосна
В полглаза взглянет,
Зевнет, еще зевнет, потянется и встанет.

Это изрядно, мой Аристарх! и я сошлюсь в том на Жуковского. Впрочем, если хочешь, я никогда писать басен не стану, чтоб не быть твоею баснею. Послание переписать лень. Твои замечания справедливы. Но почему не назвать тебя внуком Аристиппа? внуком Анакреона или чорта, если хочешь? Это, то-есть, не значит, что ты внук, то-есть взаправду, и что твой батюшка назывался Аристиппычем или Анакрео-

* Рикошетом. *(Ред.)*

нычем, но это значит то, что ты, то-есть, имеешь качества, как будто нечто свойственное, то-есть, любезность, охоту напиться не во время и пр., и пр., и пр. Ну, понял ли? понял ли, Анакреонович?

Когда будет в нашей стороне Жуковский *добрый мой*, то скажи ему, что я его люблю, как душу. Поклонись Давыдову и скажи ему от меня, что я всякий день глупею; это его утешит, потому что он раз из зависти говорил мне: «Батюшков! ты еще не совсем глуп!»

Поутру в 11 часов

Я просыпаюсь сию минуту, перечитываю твое письмо, твои пачканые стихи, писанные in naturalibus, * и узнаю тебя, мерзавца, в каждой строке, в каждом слове. Когда возьмешься ты за ум? Когда будешь скромен... как я, например. Когда?.. Никогда! никогда! И это меня приводит в отчаянье. Пиши ко мне почаще. Если мне будет можно, то я отправлюсь в Питер, где увижу Беседу, Пушкина, Давыдова-Анакреона и несколько людей, которых я люблю, старых приятелей, всегда мне милых, но, к несчастию, ни одного Вяземского, ни одного шалуна, подобного тебе и в шалостях, и в душонке, и в умишке. Я буду о тебе сожалеть и в деревне, и в столице.

Je vous regretterais à la table des dieux! **

Прости и помни, что Батюшков тебя любит, прости и будь счастлив, здоров, весел... как В. Пушкин, когда он напишет хороший стих, а это с ним случается почти завсегда. Еще желаю:

Чтобы любовь и Гименей
Вам дали целый рой детей,
Прелестных, резвых и пригожих,
Во всем на мать свою похожих
И на отца — чуть-чуть умом,
А с рожи? — бог избавь!.. Ты сам согласен в том!

* В первобытной наготе. *(Ред.)*
** Я сожалел бы о вашем отсутствии и за трапезой богов! *(Ред.)*

Н. И. ГНЕДИЧУ

27 марта 1814 г. Suissi-sur-Seine,
в окрестностях Парижа

Я получил твое длинное послание, мой добрый и любезный Николай, на походе от Арсиса к Meaux. И письму, и Оленину очень обрадовался. Оленин, слава богу, здоров, а ты меня, мой милый товарищ, не забываешь! Теперь выслушай мои похождения, по порядку. О военных и политических чудесах я буду говорить мимоходом: на то есть газеты; я буду говорить с тобой о себе, пока не устанет рука моя.

Я был в Сире, в замке славной маркизы дю-Шатле — в гостях у Дамаса и у Писарева. Писарев жил в той самой комнате, где проказник Фернейской писал «Альзиру» и пр. Вообрази себе его восхищение! Но и в Сире революция изгладила все следы пребывания маркизы и Вольтера, кроме некоторых надписей на дверях большой галлереи; например: Asile des beaux-arts... * и пр. существуют до сих пор; амура из антологии нет давно. В зале, где мы обедали, висели знамена наших гренадер, и мы по-русски приветствовали тени Сирейской Нимфы и ее любовника, то-есть большим стаканом вина.

В корпусную квартиру я возвратился поздно; там узнал я новое назначение Раевского. Он должен был немедленно ехать в Pont-sur-Seine и принять команду Витгенштейна. Мы проехали через Шомон на Троа. По дороге скучной и разоренной на каждом шаге встречали развалины и мертвые тела. Заметь, что от Нанжиса к Троа и далее я проезжал четыре раза, если не более. Наконец, в Pont-sur-Seine, где замок премудрой Летиции, матери *всадника Робеспиера*, генерал принял начальство над армией Витгенштейна. Прощай вовсе покой! На другой день мы дрались между Нанжисом и Провинс. На третий, следуя общему движению, отступили и опять по дороге к Троа. Оттуда пошли на Арсис,

* Приют изящных искусств... *(Ред.)*

где было сражение жестокое, но непродолжительное, после которого Наполеон пропал со всей армией. Он пошел отрезывать нам дорогу от Швейцарии, а мы, пожелав ему доброго пути, двинулись на Париж всеми силами от города Витри. На пути мы встретили несколько корпусов, прикрывавших столицу и под Fer-Champenoise их проглотили. Зрелище чудесное! Вообрази себе тучу кавалерии, которая с обеих сторон на чистом поле врезывается в пехоту, а пехота густой колонной, скорыми шагами, отступает без выстрелов, пуская изредка батальный огонь. Под вечер сделалась травля французов. Пушки, знамена, генералы, всё досталось победителю. Но и здесь французы дрались, как львы. В Трипор мы переправились через Марну, прошли через Meaux, большой город, и очутились в окрестностях Парижа перед лесом Bondy, где встретили неприятеля. Лес был очищен артиллерией и стрелками в несколько часов, и мы ночевали в Noisy перед столицей. С утром началось дело. Наша армия заняла Romainville, о котором, кажется, упоминает Делиль, и Montreuil, прекрасную деревню, в виду самой столицы. С высоты Монтреля я увидел Париж, покрытый густым туманом, бесконечный ряд зданий, над которыми господствует Notre-Dame * с высокими башнями. Признаюсь, сердце затрепетало от радости! Сколько воспоминаний! Здесь ворота Трона, влево Венсен, там высоты Монмартра, куда устремлено движение наших войск. Но ружейная пальба час от часу становилась сильнее и сильнее. Мы подвигались вперед с большим уроном через Баньолет к Бельвилю, предместию Парижа. Все высоты заняты артиллериею; еще минута, и Париж засыпан ядрами. Желать ли сего? — Французы выслали офицера с переговорами, и пушки замолчали. Раненые русские офицеры проходили мимо нас и поздравляли с победою. «Слава богу! Мы увидели Париж с шпагою в руках!» «Мы отмстили за Москву!» повторяли солдаты, перевязывая раны свои.

* Собор Парижской богоматери. *(Ред.)*

Мы оставили высоту L'Epine; солнце было на закате, по той стороне Парижа; кругом раздавалось «ура» победителей и на правой стороне несколько пушечных ударов, которые через несколько минут замолчали. Мы еще раз взглянули на столицу Франции, проезжая чрез Монтрель, и возвратились в Noisy отдыхать, только не на розах: деревня была раззорена.

На другой день поутру генерал поехал к государю в Bondy. Там мы нашли посольство de la bonne ville de Paris *; вслед за ним великолепный герцог Виченцский. Переговоры кончились, и государь, король Прусский, Шварценберг, Барклай, с многочисленною свитою, поскакали в Париж. По обеим сторонам дороги стояла гвардия. «Ура» гремело со всех сторон. Чувство, с которым победители въезжали в Париж, неизъяснимо.

Наконец, мы в Париже. Теперь вообрази себе море народа на улицах. Окна, заборы, кровли, деревья бульвара — всё, всё покрыто людьми обоих полов. Всё машет руками, кивает головой, всё *в конвульзии*, всё кричит: «Vive Alexandre! vivent les Russes! Vive Guillaume! vive l'empereur d'Autriche, vive Louis, vive le roi, vive la paix!» ** Кричит, нет, *воет*, *ревет*. «Montrez nous le beau, le magnanime Alexandre!» «Messieurs, le voilà en habit vert, avec le roi de Prusse». «Vous êtes bien obligeant, mon officier» ***, и, держа меня за стремя, кричит: «Vive Alexandre, à bas le tyran!» «Ah, qu'ils sont beaux, ces Russes!» — «Mais, monsieur, on vous prendrait pour un Français» **** — «Много чести, милости-

* Славного города Парижа. *(Ред.)*

** Да здравствует Александр! да здравствуют русские! Да здравствует Вильгельм! да здравствует австрийский император! Да здравствует Людовик, да здравствует король, да здравствует мир! *(Ред.)*

*** «Покажите нам прекрасного, великодушного Александра!» — «Вот он, господа, в зеленом мундире рядом с прусским королем». — «Вы очень обязательны, господин офицер». *(Ред.)*

**** «Да здравствует Александр, долой тирана!» — «Ах, как они благородны, эти русские!» — «Но знаете, сударь, вас можно принять за француза». *(Ред.)*

вый государь, я, право, этого не стою!» «Mais c'est que vous n'avez pas d'accent», и после того: «Vive Alexandre, vivent les Russes, les hèros du Nord!» *

Государь среди волн народа остановился у Полей Елисейских. Мимо его прошли войска в совершенном устройстве. Народ был в восхищении, а мой казак, кивая головою, говорил мне: «Ваше благородие! они с ума сошли». — «Давно!» отвечал я, помирая со смеху.

Но у меня голова закружилась от шуму. Я сошел с лошади, и народ обступил и меня, и лошадь, начал рассматривать и меня, и лошадь. В числе народа были и порядочные люди, и прекрасные женщины, которые взапуски делали мне странные вопросы: отчего у меня белокурые волосы? отчего они длинны? «В Париже их носят короче. Артист Dulong вас обстрижет по моде». «И так хорошо», говорили женщины. «Посмотри, у него кольцо на руке. Видно и в России носят кольца». «Мундир очень прост! C'est le bon genre!» ** Какая длинная лошадь! Степная, верно, степная! Cheval du désert!» *** «Посторонитесь, господа, артиллерия!» «Какие длинные пушки, длиннее наших. Ah, bon Dieu, quel Calmok»! **** И после того: «Vive le roi, la paix! Mais avouez, mon officier, que Paris est bien beau?» ***** «Какие у него белые волосы!» «От снегу», сказал старик, пожимая плечами.

Не знаю, от тепла или от снегу, подумал я; но вы, друзья мои, давно рассорились с здравым рассудком.

Заметь, что в толпе были лица ужасные, физиономии страшные, которые живо напоминают Маратов и Дантонов, в лохмотьях, в больших колпаках и шляпах, и возле них прекрасные дети, прелестнейшие женщины.

* «Это потому, что вы имеете совершенно правильное произношение». «Да здравствует Александр, да здравствуют русские, герои северные!» *(Ред.)*

** Это хороший тон. *(Ред.)*

*** Лошадь пустыни. *(Ред.)*

**** Ах, боже милостивый, что за калмык! *(Ред.)*

***** Да здравствует король, мир! Но признайтесь, господин офицер, что Париж очень красив? *(Ред.)*

Мы поворотили влево к place Vandôme, * где толпа час от часу становилась сильнее. На этой площади поставлен монумент *большой армии*. Славная Траянова колонна! Я ее увидел в первый раз, и в какую минуту? Народ, окружив ее со всех сторон, кричал беспрестанно: «A bas le tyran!» ** Один смельчак взлез наверх и надел веревку на ноги Наполеона, которого бронзовая статуя венчает столб. «Надень на шею тирану!» кричал народ. «Зачем вы это делаете?» — «Высоко залез!» отвечали мне. — «Хорошо! прекрасно! Теперь тяните вниз: мы его вдребезги разобьем, а барельефы останутся. Мы кровью их купили, кровью гренадер наших. Пусть ими любуются потомки наши».

Но в первый день не могли сломать медного Наполеона, мы поставили часового у колонны. На доске внизу я прочитал: Napolio, Imp. Aug. monumentum *** и проч.

Суета сует! Суета, мой друг! Из рук его выпали и меч, и победа! И та самая чернь, которая приветствовала победителя на сей площади, та же самая чернь и ветреная, и неблагодарная, часто неблагодарная! накинула веревку на голову Napolio Imp. Aug., и тот самый неистовый, который кричал несколько лет назад тому: «Задавите короля кишками попов», тот самый неистовый кричит теперь: «Русские, спасители наши, дайте нам Бурбонов! Низложите тирана! Что нам в победах? — Торговлю, торговлю!»

О, чудесный народ Парижский! Народ, достойный и сожаления, и смеха! От шума у меня голова кружилась беспрестанно; что же будет в Пале-Рояль, где ожидает меня обед и товарищи? — Мимо Французского театра пробрался я к Пале-Рояль, в средоточие шума, беганья, девок, новостей, роскоши, нищеты, разврата. Кто не видел Пале-Рояль, тот не может иметь о нем понятия. В лучшем кофейном доме или, вернее, ресторации, у славного Verry мы ели устрицы и запивали их шампанским за здравие нашего государя, доб-

* Вандомской площади. *(Ред.)*
** Долой тирана. *(Ред.)*
*** Памятник августейшему императору Наполеону *(Ред.)*

рого царя нашего. Отдохнув немного, мы обошли лавки и кофейные дома, подземелья, шинки, жаровни каштанов и проч. Ночь меня застала посреди Пале-Рояль. Теперь новые явления: нимфы радости, которых бесстыдство превышает всё. Не офицеры за ними бегали, а они за офицерами. Это продолжалось до полуночи, при шуме народной толпы, при звуке рюмок в ближних кофейных домах и при звуке арф и скрыпок... Всё кружилось, пока «свет в черепке погас, и близок стал сундук».

О, Пушкин, Пушкин!

В день приезда моего я ночевал в Hôtel de Suède * и заснул мертвым сном, каким спят после беспрестанных маршей и сражений. На другой день поутру увидел снова Париж или ряды улиц, покрытых бесчисленным народом; но отчета себе ни в чем отдать не могу. Необыкновенная усталость после трудов военных, о которых вы, сидни, и понятия не имеете, тому причиною. Скажу тебе, что я видел Сену с ее широкими и, по большей части, безобразными мостами; видел Тюльери, Триумфальные врата, Лувр, Notre-Dame и множество улиц,— и только, ибо всего на всё я пробыл в Париже только 20 часов, из которых надобно вычесть ночь. Я видел Париж сквозь сон или во сне. Ибо не сон ли мы видели по совести? Не во сне ли и теперь слышим, что Наполеон отказался от короны, что он бежит и пр., и пр., и пр.? Мудрено! Мудрено жить на свете, милый друг! Но в заключение скажу тебе, что мы прошли с корпусом через Аустерлицкий мост, мимо Jardin des plantes, ** в заставу des Deux Moulins по дороге Bois de Boulogne, *** где стоит лагерем *полинявший* император с остатками *неустрашимых*, и остановились в замке Jouissy, принадлежащем почетному Парижскому жителю. Этот замок — на берегу Сены, окружен садами и принадлежал некогда любовнице Людовика XIV. Еще до сих пор видны остатки и следы древнего великолепия. С террасы, примыкающей к дому,

* гостиннице «Швеция». *(Ред.)*
** ботанического сада. *(Ред.)*
*** Булонский лес. *(Ред.)*

видна Сена. Приятные луга и рощи, и загородные дворцы маршалов Наполеона, которые мало-по-малу, один за другим' возвращаются в Париж, кто *инкогнито*, а кто и с целым корпусом. Новости, происшествия важнейшие теснятся одно за другим. Я часто, как Фома неверный, щупаю голову и спрашиваю: боже мой, я ли это? Удивляюсь часто безделке и вскоре не удивлюсь важнейшему происшествию. Еще вчера мы встретили и проводили в Париж корпус Мармона!!! и с артиллерией, и с кавалерией, и с орлами!!! Все ожидают мира! Дай бог! Мы все желаем того. Выстрелы надоели, а более всего плач и жалобы несчастных жителей, которые вовсе раззорены по большим дорогам. Остался пепл один в наследство сироте!

Завтра я отправлюсь в Париж, если получу деньги, и прибавлю несколько строк к письму. Всего более желаю увидеть театр и славного Тальма, который, как говорит Шатобриан, учил Наполеона, как сидеть на троне с приличною важностию императору великого народа. — La grande nation! — Le grand homme! — Le grand siècle! * Всё пустые слова, мой друг, которыми пугали нас наши гувернеры.

Д. В. ДАШКОВУ

25 апреля 1814 г. Париж

Письмо ваше от 25-го января я получил на марше из Витри-ле-Франсе к Фер-Шампенуазу и не могу вам описать удовольствие, с каким я прочитал его, любезный друг Дмитрий Васильевич! Сто раз благодарю вас за приятное ваше послание к полуварвару Батюшкову, покрытому военным прахом, забывшему и Музу, и ее служителей, но не забывшему друзей, в числе которых вы всегда жили в моем сердце. Столько и столько приятных минут, проведенных с вами на берегах Невской Наяды и в шуме городском, и в уединенных беседах, где мы делали друг другу откровения *не о любимцах счастья*,

* Великая нация! Великий человек! Великое столетие! *(Ред.)*

нет, а о дружбе нашей, о пламенной любви к словесности, к поэзии и ко всему прекрасному и величественному, — дают мне право на ваше воспоминание. В жизни моей я был обманут во многом, кроме дружбы. Ею могу еще гордиться; она примиряет меня с жизнию, часто печальною, и с миром, который покрыт развалинами, гробами и страшными воспоминаниями.

Теперь несколько слов о себе. Вы не будете требовать от меня целой Одиссеи, то-есть описания моих походов и странствий: для этого недостает у меня бумаги, а у вас терпения. Скажу вам просто: я в Париже! La messagère indifférente, * молва известила вас давно о наших победах, чудесных поистине: это всё давным-давно известно и расположено в английском клубе и в газетах, и в «Сыне Отечества», и у Глинки, и в официальных одах постоянного Хлыстова; одним словом — это старина для вас, жителей мирного Питера. Но поверите ли, мы, которые участвовали во всех важных происшествиях, мы едва ли до сих пор верим, что Наполеон исчез, что Париж наш, что Людовик на троне и что сумасшедшие соотечественники Монтескье, Расина, Фенелона, Робеспьера, Кутона, Дантона и Наполеона поют по улицам: «Vive Henri quatre, vive ce roi vaillant!» ** Такие чудеса превосходят всякое понятие. И в какое короткое время, и с какими странными подробностями, с каким кровопролитием, с какою легкостию и легкомыслием! Чудны дела твоя, господи!

Нет, любезный друг, надо иметь весьма здоровую голову, чтоб понять все дела сии и чтобы следовать за всеми обстоятельствами... Я от этой работы отказываюсь, я, который часто не понимал стихов Шихматова.

Скажу просто: я в Париже. Первые дни нашего здесь пребывания были дни энтузиазма. Теперь мы покойнее. Бродить по бульвару, обедать у Beauvilliers, посещать театр, удивляться искусству, необыкновенному искусству Тальмы,

* Равнодушная вестница. *(Ред.)*

** Да здравствует Генрих IV, да здравствует этот доблестный король. *(Ред.)*

смеяться во всё горло проказам Брюнета, стоять в изумлении перед Аполлоном Бельведерским, перед картинами Рафаэля, в великолепной галлерее Музеума, зевать на площади Людовика XV или на Новом мосту, на поприще народных дурачеств, гулять в великолепном Тюльери, в Ботаническом саду или в окрестностях Парижа, среди необозримой толпы парижских граждан, жриц Венериных, старых роялистов, республиканцев, бонапартистов и пр., и пр., и пр., — теперь мы всё это делаем и делать можем, ибо мы отдохнули и телом, и душою. Заметьте, что мы имеем важное преимущество над прежними путешественниками: мы — путешественники вооруженные. Я часто с удовольствием смотрю, как наши казаки беспечно проезжают через Аустерлицкий мост, любуясь его удивительным построением; с удовольствием неизъяснимым вижу русских гренадер перед Траяновой колонной или у решетки Тюльери, перед Arc de triomphe, * где изображены и Ульм, и Аустерлиц, и Фридланд, и Иена. Еще с бо̀льшим удовольствием смотрю на наших воинов, гуляющих с инвалидами на широкой площади, принадлежащей их дому.

Французы дорого заплатили за свою славу, любезный друг! Они должны быть благодарны нашему царю за спасение не только Парижа, но целой Франции, — и благодарны: это меня примиряет несколько с ними. Впрочем, этот народ не заслуживает уважения, особливо народ парижский.

Я вижу отсюда, что Дмитрий Васильевич, читая мое письмо кивает головою. «Бог с ними, что мне до народа французского? Зачем Батюшков не говорит мне о литературе, о Лицее, о славных ученых мужах, об остроумных головах, о поэтах, одним словом — о людях, которым я, живучи на берегах Ладожского озера и Невы, обязан сладостными минутами, которых имя одно пробуждает в голове тысячу воспоминаний приятных, тысячу понятий...» Извольте! Я скажу вам, во-первых, что в шуме военном я забыл, что существовала Академия из сорока членов, точно так, как забыл, что есть Беседа, Академия русская и Палицын, гроза чтецов. Но раз,

* Триумфальной арки. *(Ред.)*

перейдя за Королевский мост, забрел я случайно к Дидоту, любовался у него изданием Лафонтена и Расина и, разговаривая с его поверенным, узнал ненароком, что завтра в 3 часа пополудни второй класс Института будет иметь торжественное заседание.

Вооружась билетом для прохода чрез врата учености в сие важное святилище Муз, я, ваш маленький Тибулл, или, проще, капитан русской императорской службы, что в нынешнее время важнее, нежели бывший кавалер или всадник римский (ибо, по словам Соломона, «живой воробей лучше мертвого льва»), я, ваш приятель, наступил на горло какому-то члену Общества и вошел в залу, пробираясь сквозь толпу любопытных.

«Вот, садитесь здесь или станьте за моим табуретом, — сказала мне прекрасная женщина, — здесь вы всё увидите, всё услышите». Я стал за табуретом и с удовольствием взглянул на залу и на блестящее собрание отборной публики... парижской! Зала прекрасная: она построена крестообразно. В четырех нишах, составляющих углы ротонды, поставлены четыре статуи — произведение искусства французских художников, статуи великих людей: Сюлли, Монтескье, Боссюета и Фенелона. От ротонды возвышается амфитеатр, посвященный для зрителей: ротонда — для членов и важных посетителей. Члены сбирались мало-по-малу, и француз, мой сосед, называл их: «Вот Сюар, вот Буфлер, вот Сикар, а это, с красной лентой, старик Сегюр! Вот Этьен, сочинитель хорошей комедии; возле него Пикар, любимый автор парижский!» С ними были и другие члены прочих классов Института, которые имеют право заседать в торжественных собраниях. Ни Парни, ни Фонтаня я не видел. Шатобриана, кажется, не было. Наполеон не согласен был на принятие его в члены — за несколько строк из речи автора «Аталы» против правления или против его особы. Зато и Шатобриан не пощадил его в последнем сочинении, которое вам, без сомнения, известно. Наконец, при плеске публики, при беспрестанных восклицаниях: «Vive Alexandre, le magna-

nime Alexandre! Vive le roi de Prusse! Vive le général Sacken!»* вошли наши герои.

Лакретель, секретарь академии, читал им приветствие. Я с удовольствием слушал его. Лакретель, как писатель, имеет достоинства: вы, кажется, любите его «Историю революциии» и «Историю последнего века». За ним — снова рукоплескания, снова восклицания: «Да здравствует император!» и пр.

Они замолкли, и г. Вильмень, молодой человек 22-х лет, начал читать снова приветствие государю и просил публику выслушать рассуждение «О пользе и невыгодах критики», увенчанное Институтом. Молчание глубокое. Все слушали с большим вниманием длинную речь молодого профессора, весьма хорошо написанную, как мне показалось; часто аплодировали блестящим фразам и более всего тому, что имело какое-нибудь отношение к нынешним обстоятельствам! «Браво! г. Вильмень! Продолжайте!» говорили женщины. «Он мыслит, il pense», говорили мужчины, поправляя галстух с обыкновенною важностию... и все были довольны. «Как он молод!» шептали женщины. «Как он молод! И два раза увенчан Академией! В первый раз за похвальное слово Монтаню...» «В котором много глубоких мыслей», прибавил мужчина, мой сосед. «Немудрено, — продолжал другой, — он говорил о Монтане»!

По окончании речи президент обнял два раза молодого профессора и провозгласил его победителем при шумных рукоплесканиях публики. Государь и король прусский сказали ему несколько учтивых слов: молодой автор был на розах.

Нынешний год была предложена к увенчанию *Смерть Баярда*, но по слабости поэзии не получила обыкновенной награды. Теперь отгадайте, какой предмет назначен для будущего года? *Польза прививания коровьей оспы!!* Это хоть бы нашей Академии выдумать! Поэтому, любезный друг, можете судить о состоянии французской словесности. Ее не любил Наполеон. Математик во всяком случае брал преимущество над членом второго класса Института, что не мало послу-

* Да здравствует Александр, великодушный Александр! Да здравствует прусский король! Да здравствует генерал Сакен! *(Ред.)*

жило к упадку Академии французской. Правление должно лелеять и баловать Муз: иначе они будут бесплодны. Следуя обыкновенному течению вещей, я думаю, что век славы для французской словесности прошел и вряд ли может когда-нибудь воротиться. Впрочем, мирное отеческое правление будет во сто раз благосклоннее для Муз судорожного тиранского правления Корсиканца, который в великолепных памятниках парижских доказал, что он не имеет вкуса, и что «Музы от него чело свое сокрыли».

Теперь вы спросите у меня, что мне более всего понравилось в Париже? Трудно решить. Начну с Аполлона Бельведерского. Он выше описания Винкельманова: это не мрамор — бог! Все копии этой бесценной статуи слабы, и кто не видал сего чуда искусства, тот не может иметь о нем понятия. Чтоб восхищаться им, не надо иметь глубоких сведений в искусствах: надобно чувствовать. Странное дело! Я видел простых солдат, которые с изумлением смотрели на Аполлона. Такова сила гения! Я часто захожу в Музеум единственно за тем, чтобы взглянуть на Аполлона и, как от беседы мудрого мужа и милой, умной женщины, по словам нашего поэта, *лучшим возвращаюсь*. Ни слова о других редкостях, ни слова о великолепной картинной галлерее, единственной в своем роде, ни слова о редкостях парижских, о театрах, о Дюшенуа, о Тальме и пр., и пр. Я боюсь вам наскучить моими замечаниями. Но позвольте, мимоходом, разумеется, похвалить женщин. Нет, они выше похвал, даже самые прелестницы.

Пред ними истощает
Любовь златой колчан.
Всё в них обворожает:
Походка, легкий стан,
Полунагие руки
И полный неги взор,
И уст волшебны звуки,
И страстный разговор, —
Всё в них очарованье!
А ножка... милый друг,
Она — Харит созданье,
Кипридиных подруг.

Для ножки сей, о, вечны боги,
Усейте розами дороги
Иль пухом лебедей!
Сам Фидий перед ней
В восторге утопает,
Поэт — на небесах,
И труженик, в слезах,
Молитву забывает!

Итак, мне более всего понравились ноги, прелестные ноги прелестных женщин в мире. De gustibus non disputandum. * У английского генерала недавно спрашивали французские маршалы, что ему более всего понравилось в Париже? «Русские гренадеры», отвечал он. Пусть Северин скажет вам теперь, что ему понравилось в столице мира. Северин здесь; мы с ним видимся каждый день, бродим по улицам и часто, очень часто вспоминаем о Дашкове. Я ему уступаю перо до первого случая.

Теперь простите. Если Иван Иванович в Петербурге, то покорнейше прошу вас засвидетельствовать ему мое почтение. Поклонитесь знакомым; обнимите Блудова и скажите ему, что Батюшков любит его и уважает по-старому. Тургеневу ни слова обо мне:

Ему ли помнить нас
На шумной сцене света?
Он помнит лишь обеда час
И час великий Комитета!

Батюшков

В. Л. ПУШКИНУ

[Первая половина марта 1817 г. Деревня]

Не виноват, не виноват нисколько перед милым и почтенным старостою, хотя и кажусь несколько виновным. Странствовал, приехал домой и опять немедленно пустился странствовать; вот почему и не писал к тебе, милый староста: кибитка — не Парнас. Она тебе скажет, если спросишь ее: мог

* О вкусах не спорят. *(Ред.)*

ли я писать, окостенелый от холода. Теперь дома и пишу. Письмо начинается благодарностию за дружество твое; оно у меня всё в сердце —

И как, скажите, не любить
Того, кто нас любить умеет,
Для дружества лишь хочет жить
И языком богов до старости владеет!

До старости? Не сердись: это для стиха вставка! Мне Музы и опытность шепчут на ухо:

Тот вечно молод, кто поет
Любовь, вино, Эрота,
И розу сладострастья жнет
В веселых цветниках Буфлера и Марота.
Пускай грозит ему подагра, кашель злой
И свора злых заимодавцев:
Он всё трудится день деньской
Для области книгопродавцев.
«Умрет — забыт!» Поверьте, нет!
Потомство всё узнает:
Чем жил и как, и где поэт,
Как умер, прах его где мирно истлевает.
И слава, верьте мне, спасет
Из алчных челюстей забвенья
И в храм бессмертия внесет
Его и жизнь, и сочиненья.

Ваши сочинения принадлежат славе: в этом никто не сомневается.

Ты злого Гашпара убил одним стихом
И пел на лире гимн, Эротом вдохновенный.

Но жизнь? Поверьте, и жизнь ваша, милый Василий Львович, жизнь, проведенная в стихах и в праздности, в путешествиях и в домосидении, в мире душевном и в войне с Славенофилами, не уйдет от потомства, и если у нас будут лексиконы великих людей, стихотворцев и прозаистов, то я завещаю внукам искать ее под литерою П:

П у ш к и н В. Л., коллежский ассессор, родился и проч.

Чутьем поэзию любя,
Стихами лепетал ты, знаю, в колыбели;

Ты был младенцем, и тебя
Лелеял весь Парнас и Музы гимны пели,
Качая колыбель усердною рукой:
«Расти, малютка золотой!
Расти, сокровище бесценно!
Ты наш, в тебе запечатленно
Таланта вечное клеймо!
Ничтожных должностей свинцовое ярмо
Твоей не тронет шеи:
Эротов розы и лилеи
Счастливы Пафоса затеи,
Гулянья, завтраки и праздность без трудов,
Жизнь без раскаянья, без мудрости плодов,
Твои да будут вечно!
Расти, расти, сердечной!
Не будешь в золоте ходить,
Но будешь без труда на рифмах говорить,
Друзей любить
И кофе жирный пить!»

Чего лучше? Предвещание Муз сбылось, как видите. Со мною будет иначе. Ваши внуки не отыщут моего имени в лексиконе славы. Много писал, и теперь, рассматривая старые бумаги, вижу, что написал мало путного. Что в рифмах, если в них мало счастливых, и что в счастливых стихах без счастия! Посудите сами! Живу один в снегах и долго ль проживу — не знаю.

Меня преследует судьба,
Как будто я талант имею!
Она, известно вам, слепа;
Но я в глаза ей молвить смею:
«Оставь меня, я не поэт,
Я не ученый, не профессор;
Меня в календаре в числе счастливцев нет,
Я... отставной ассессор!»

Но бросим в сторону эту проклятую поэзию, для нас самозванцев, и поговорим о деле.

Душевно радуюсь счастию Жуковского; он стоит его. Фортуна упала не на пень и кочку, как говорил Державин. Что делает ***? Знаю ваш ответ:

На свет и на стихи
Он злобой адской дышет;
Но в свете копит он грехи
И вечно рифмы пишет...

Простите — иногда счастливые!

Числа по совести не знаю,
Здесь время сковано стоит,
И скука только говорит:
«Пора напиться чаю,
Пора вам кушать, спать пора,
Пора в санях кататься...»
«Пора вам с рифмами расстаться!»
Рассудок мне твердит сегодня и вчера.

Это всего умнее. Итак, прощайте!

Н. И. ГНЕДИЧУ

[Начало июля 1817 г. Деревня]

У меня и было: полуразрушенный *но*, а не *уж*. Я описался. Под небом Италии *моей*, именно *моей*. У Монти, у Петрарка я это живьем взял: quel benedetto * *моей*! Вообще итальянцы, говоря об Италии, прибавляют *моя*. Они любят ее, как любовницу. Если это ошибка против языка, то беру на совесть. Выкинь Эрату, если хочешь. Но скажи Вяземскому, что Фортуна не есть счастие, а существо, располагающее злом и добром, нечто похожее на судьбу. Ссылаюсь на прекрасную аллегорию Данте в «Чистилище» его, на оду Горация, на статью Сенеки к Луцилию и, если он хочет, — на Ноэлев лексикон de la Fable, ** который, верно, у него перед глазами, ибо он ничего, кроме лексиконов, не читает, даже и стихов своих не перечитывает. *Изрытые пучины и гром не умолкал* — оставь. Это слова самого Тасса в одной его канцоне; он знал, что говорил о себе. *Челюсти времен* — дурно. Нельзя ли: *из кладезей времен*? Можно предположить времена

* Это благодатное. *(Ред.)*
** Мифологии. *(Ред.)*

различные, то-есть различные эпохи, следственно, и кладези, и времена во множественном. Впрочем, воля ваша. Мне это всё наскучило. Возитесь, как хотите. Да у меня и списка нет: черное тотчас изодрал в клочки, а память мою знаешь.

Когда выйдут книги, удели из моих три экземпляра: 1) в Москву, в Университетское общество губителей словесности, 2) в Казанское общество рубителей словесности, которого я имею честь быть членом, и один экземпляр — Дмитриеву. Надпиши ему: *от автора издатель*. Не худо бы тебе и самому приписать словечко, отправляя книгу. Я ему обязан: в бытность в Москве он навещал меня больного очень часто и подарил мне свою книгу. Другим приятелям не могу подносить по пирогу: не в моей печи их пекут. Они и сами добудут. Да, если хочешь, Жуковскому экземпляр, из моих. Он мне прислал свою книгу. Вяземский купит. А, впрочем, и сам прошу никому не давать. А мне пришли несколько штук, покраснее переплетенных; ну! хоть одну, да сестрам по одной. Небось! Я не падок на свое. Деньги, когда получишь по доверенности, пришли ко мне: я, ахти, как нуждаюсь! Недавно 2650 отослал в ломбард и теперь сижу на нулях. Спасибо за сказки. Но 30 рублей! право дорого. Овидий всего нужнее: Овидий в Скифии — вот предмет для элегии, счастливее самого Тасса. Но, кстати, о Тассе. Шепнул бы ты Оленину, чтобы он задал этот сюжет для Академии. Умирающий Тасс — истинно богатый предмет для живописи. Не говори только, что это моя мысль. Припишут моему самолюбию. Нет: это совсем иное. Я желал бы соорудить памятник моему полуденному человеку, *моему* Тассу. Боюсь только одного: если Егоров станет писать, то еще до смертных судорог и конвульсий вывихнет ему либо руку, либо ногу; такое из него сделает Рафаэлеско, как из «Истязания» своего, что, помнишь, висело в Академии (к стыду ее!), а Ш б ев намажет ему кирпичом лоб. Другие, полагаю, не лучше отваляют. И я смешон, по совести. Не похож ли я на слепого нищего, который, услышав прекрасного виртуоза на арфе, вдруг вздумал воспевать ему хвалу на волынке или балалайке? Вир-

туоз — Тасс. Арфа — язык Италии его. Нищий — я, а балалайка — язык наш, жестокий язык, что ни говори! Я рад, что он попался в руки Олину. Он ему задаст ломку. Как он Оссиана переводит! И так, и сяк ломает, только дребезги летят. Кто такой Панаев? Совершенно пастушеское имя и очень напоминает мне: мед, патоку, молоко, творог, Шаликова и тмин, спрыснутый водой. Но не мне бы гулять насчет других. Вот и мои стишки. Так! это сущая безделка! Посланье к Никите Муравьеву, которое, если стоит того, помести в книге, в приличном оному месте, а за то выкинь мою басню, либо какую-нибудь другую глупость; эта, по крайней мере, посвежее. Я это марал истинно для того, чтобы не отстать от механизма стихов, что для нашего брата кропателя не шутка. Но если вздумаешь, напечатай, а Муравьеву не показывай, доколе не выйдет книга: мне хочется ему сделать маленький сюрприз. Вот какими мелочами я занимаюсь, я, тридцатилетний ребенок; но что делать? Мешают приняться за что-нибудь поважнее. Кто писал статьи из Череповца на Воейкова? Верно Иван Матвеевич? Ему теперь сполагоря шутить и на меня грехи свои сваливать. Пришли мне немедленно отпечатанные листки стихов. Поправляй, марай и делай, что хочешь. Просил тебя, просил Жуковского, писал к нему нарочно; прошу всех добрых людей; но еще прошу тебя: не затевай подписки. Лучше вдруг явиться на белый свет из-под твоего крылышка. Ах, страшно! Лучше бы на батарею полез, выслушал бы всего Расина Хвостова и всего новорожденного Оссиана, нежели вдруг, при всем Израиле, растянуться в лавках Глазунова, Матушкина, Бабушкина, Душина, Свешникова, и потом — бух!.. в знакомые подвалы, где игры первых лет, невинны мадригалы и пр. А вот моя участь, cet oracle est plus sûr que celui de Calchas! * Всего мне будет грустнее лежать возле *Писем к графине*, возле Шаликова *Путешествия в полуденную Россию* и тому подобных сладостных пряностей. Пусть я захраплю лучше

* Это предсказание более верное, чем предсказание Калхаса. *(Ред.)*

на баснях Хвостова и в изголовьях у меня будут его послания, жесткие, аки камни. Прости. *Не плачу я, а сердцу очень больно* (стих Катенина). Еще раз прошу писать и отвечать. Я раззорился на письма. Когда кончим это печатание! Последняя статья, и аминь. Сегодня не успею кончить послания.

Как понравились тебе поправки *Домоседа*? Что сказал Крылов? Ничего! Следственно, он меня ни любит, ни уважает Если критикует, так любит, по крайней мере.

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

23-го июля [1817 г. Деревня]

Спешу отвечать на письмо твое, которое меня истинно опечалило, милый друг. Но радуюсь, что ты в Москве, и, следственно, княгиня спокойна, ибо чего ей бояться, когда ты с ней? И досадно, и скучно слушать всё одну же историю и по горло купаться в глупости. Но мой совет — усмирить гнев твой и руководствоваться осторожностию и в самой досаде и негодовании сохранить благопристойность. Из твоего письма вижу твое нетерпение. Это не похоже на ум, милый друг. С кем не бывает горе? Ни честь твоя, ни имя не могут оградить от безумца. Неприятность большая, согласен; но зато и тебе провидение дало рассудок; а ты, исполнив долг свой, продолжаешь горячиться и смотришь в увеличительное стекло — на безумца! Терпение. Это всё пройдет мимо: а ты всё останешься князь Вяземский, владелец Астафьева и честный человек. Сожалею крайне, что я не с тобою и не могу разделить твоего беспокойства. Иногда одно слово, сказанное впору, полезно. Может быть, я ошибаюсь, подавая тебе советы, и ты в самом деле осторожнее и спокойнее, нежели на письме, но и ты ошибешься, если подумаешь, что я не трепещу за тебя. Дорого бы дал за твое спокойствие и еще раз повторяю: благоразумие всё исправляет. Я более сожалею о княгине, нежели о тебе, ибо уверен, что в отсутствии твоем ей было невесело иметь в виду нечаянное свидание с растрепанным пугалищем. Но и она, когда всё пройдет —

а что не проходит? — конечно, первая будет смеяться над этим бешеным и над своими страхами. Напомни ей лучше обо мне; скажи ей мое усердное почтение; о любви моей ни слова. Ей, конечно, тошнится от одного слова *люблю*, с тех пор как оно прошло через уста бледного и унылого, безмолвного человека. Благодарю за известия твои о Петербурге и радуюсь, что ты украл у Фортуны несколько приятных минут и отдохнул с людьми, ибо это, право, люди: Блудов, столь острый и образованный; Тургенев, у которого доброты достанет на двух и какого-то аттицизма, весьма приятного и оригинального, человек на десять; Северин, деятельный и дельный в такие нежные лета; Орлов, у которого — редкий случай! — ум забрался в тело, достойное Фидиаса, и Жуковский, исполненный счастливейших качеств ума и сердца, ходячий талант! Это люди! И Карамзин, право, человек необыкновенный, и каких не встречаем в обоих клубах Москвы и Петербурга, и который явился к нам из лучшего века, из лучшей земли. Откуда — не знаю.

Плана не получал. Трудиться буду, если могу быть полезен, и время, и здоровье, и обстоятельства позволят. Но... но... но... Ты видел первую часть моих *Опытов*. Жаль, что много ошибок: чего доброго, припишут их мне! Но их оговорим в последней части. Скажи мне, каков «Тасс» мой! Он у меня на сердце. Я им доволен; доволен ли ты? Мне нравится план и ход более, нежели стихи: ты увидишь, что я говорю правду, когда прочитаешь его в печати. C'est une pièce à effet. * Прочитай ее Тончи. Сделай одолжение. Если он похвалит, он, знаток в итальянской литературе, то я буду вне себя от радости — он и Дмитриев. А *уранги* могут говорить, что угодно. Скажи по совести, какова моя проза: можно ли читать ее? Если просвещенные люди скажут: это приятная книга, и слог красив, то я запрыгаю от радости. Сам знаю, что есть ошибки против языка, слабости, повторения и что-то ученическое и детское: знаю и уверен в этом, но

* Это вещь, способная произвести впечатление. *(Ред.)*

знаю и то, что если меня немного окуражит одобрение знатоков, то я со временем сделаю лучше. Пускай говорят, что хотят, строгие судьи и кумы славенофиловы! Не для них пишу, и они не для меня. Но не понравиться тебе и еще трем или четырем человекам в России больно, и лучше бросить перо в огонь. Скоро я отправлюсь в Петербург — против желания моего: приходит осень, я болен, лекарей здесь нет. Притом же и хлопоты меня выживают. Что пишешь ты? Не пора ли и тебе в клетку? Право, пора! Василий Львович пусть один порхает по воле: от «Аглаи» в «Вестник» и из «Вестника» в «Труды любителей». Я посылаю к Каченовскому кучу переводов. Увидишь их в «Вестнике». C'est le chant du cygne. * Хочу, если моя книга будет иметь какой-нибудь успех, приняться за поэму: «Русалку» и за словесность русскую. Хочется написать в письмах маленький курс для людей светских и познакомить их с собственным богатством. В деревне не могу приняться за этот труд, требующий книг, советов и здоровья и одобрительной улыбки дружества. Спасибо! Ты правду говоришь, что меня надобно немного полелеять. Я, как птица в сетях у хлопот, и боюсь оставить в них мои перья и талант мой. Провидение! будь ко мне помилостивее! Друзья! не переставайте любить меня. Прости, будь мудр, аки мравий, аки змия, и добр, аки пес!

А. И. ТУРГЕНЕВУ

24-го марта 1819 г. Неаполь

Точно так, как Тиверий, которого остров перед моим окном, не знал с чего начать послание свое к Сенату, — так я, в волнении различных чувств, посреди забот и рассеяния, посреди визитов и счетов, при беспрерывном крике народа, покрывающего набережную, при звуке цепей преступников, при пении полишинелей, лазаронов и прачек, не знаю, не умею с чего начать вам мое письмо. Пример Тиверия соблаз-

* Это лебединая песня. *(Ред.)*

нителен! Начну строгим выговором. Как можно забывать нас, бедных странников? Обещали писать и вы, и все друзья, и никто не сдержал данного слова. Должен полагать, что вы меня забыли. Зато и вы не вправе требовать от меня длинного послания: некогда. Завтра еду в Террачину, а сегодня надобно объехать весь город, который длинен и неопрятен.

Каждый день народ волнами притекает в обширный театр — восхищаться музыкой Россини и усладительным пением своих Сирен, между тем, как Везувий, наш сосед, готовится к извержению: говорят, в Портичи и в окрестных местах колодцы начинают высыхать: знак, по словам наблюдателей, что вулкан станет работать. Прелестная земля! Здесь бывают землетрясения, наводнения, извержение Везувия, с горящей лавой и с пеплом; здесь бывают притом пожары, повальные болезни, горячка. Целые горы скрываются и горы выходят из моря; другие вдруг превращаются в огнедышащие. Здесь от болот или испарения земли волканической воздух заражается и рождает заразу: люди умирают, как мухи. Но зато здесь солнце вечное, пламенное, луна тихая и кроткая, и самый воздух, в котором таится смерть, благовонен и сладок! Всё имеет свою выгодную сторону: Плиний погибает под пеплом — племянник описывает смерть дядюшки. На пепле вырастает славный виноград и сочные овощи...

Не дали мне кончить начатого письма. Сию минуту воротился из Гаэты, где расстался с великим князем: с ним было расставаться грустно — как с Россиею. Мы его здесь видели ежедневно, окруженного своими; мы к нему привыкли и сохраним навсегда в памяти нашей его ласки и доброжелательство. Мы, то-есть, двое или трое русских во всем Неаполе! Мои товарищи знают весь город. Я никого не знаю и брожу по улицам, как в лесу. К досаде моей, все покидают теперь Неаполь и спешат в Рим: граф де-Бре, Серра-Каприола и все англичане, мои знакомые. В бытность великого князя я познакомился с Лагарпом, который бодр телом и духом. Он всходил на Везувий без помощи проводника и,

к стыду нашему, опередил молодежь. Обращение его столько же просто, сколько ум тонок; он много знает, ибо всё помнит. Здесь я познакомился с Капече-Латро, архиепископом Тарентским, ученым мужем и почтенным, который некогда играл важную роль в королевстве, который и без чинов, и без места внушает уважение и любовь: у него собрание книг, медалей и картин. Скажите Уварову, чтобы он мне доставил экземпляр своих опытов о таинствах Элевзинских для сего почтенного старца: они будут в хороших руках. А мне, милостивый государь, пришлите чего-нибудь русского: новостей книжных, стихов и прозы. Стыдно Жуковскому, если он меня забудет. Здесь я часто говорил о нем с графом де-Бре, который Неаполь покидает со слезами на глазах: такие прелести имеет сей город! О Неаполе говорит Тасс в письме к какому-то кардиналу, что Неаполь ничего, кроме любезного и веселого, не производит. Не всегда весело! Не могу привыкнуть к шуму на улице, к уединению в комнате. Днем весело бродить по набережной, осененной померанцами в цвету, но ввечеру не худо посидеть с друзьями у доброго огня и говорить всё, что на сердце. В некоторые лета это может быть нуждою для образованного, мыслящего существа. Как бы то ни было, надобно ко всему привыкать. Напомните обо мне Карамзиным. Скажите им, что в Баии мы вспоминали их с графом де-Бре посреди роз и развалин. На прелестнейшем берегу, окруженный тысячами воспоминаний, я буду писать к ним при первом удобном случае. Просите Пушкина, именем Ариоста, выслать мне свою поэму, исполненную красот и — *надежды*, если он возлюбит славу, паче рассеяния. Карамзин говорил речь в Академии; не пропляшет ли чего-нибудь и Светлана? Что она поет теперь и на какой лад? Я получил от Дашкова письмо, в котором он вздыхает об отечестве. Будьте же счастливы там, друзья мои, и верьте, что вас люблю, люблю и буду любить. — Для свадьбы принцессы и для приезда императора готовятся здесь балы, праздники, гулянья. Здесь весна в полном цвете; миндальное дерево покрыто цветами; розы отцветают, и апельсины зрелые

падают с ветвей на землю, усеянную цветами: но я принимаю слабое участие в пирах людей и природы; живу с книгами и думаю о вас.

Н. М. КАРАМЗИНУ

24-го мая 1819 г. Неаполь

Не знаю сам, что могло быть причиною моего молчания, почтеннейший Николай Михайлович. Верьте, что в каждом городе Италии я собирался писать к вам, но, полный мыслей и чувств, не мог написать ни одной строки. То, не имев случая отправить письма моего, я боялся, чтобы оно не состарелось в моем письменном столике, то, имев верный случай, не имел времени. Короче, не писал к вам, будучи исполнен вами. Ибо не думайте, бога ради, чтобы виденное мною могло хотя немного изгладить из памяти моей друзей, оставленных в отечестве, и вас, Катерину Андреевну, которую я столь же люблю, сколько уважаю. Ваши ласки и дружество глубоко запечатлены в моем сердце, которое здесь, на чужой стороне, отдыхает, помышляя о вас. Здесь я, кажется, живее чувствую цену вашу и тех сладких минут, которые провел у вас в Москве и Петербурге. Вы сами знаете опытом, что не в чужих краях делаются связи, украшающие жизнь; может быть, знаете и то, что не в Италии живут сердцем. Я угадывал это, покидая Россию и всё, что имею драгоценного, и потому-то мне было так грустно с вами расставаться. Никогда не забуду, с каким искренним, горячим чувством вы пожелали мне счастливого пути и благословили на добро и благополучие. Ваше желание сбылось: благополучно я приехал сюда, не ограбленный и довольно бодрый, после утомительного путешествия; в зимнее время, самое неприятное в Италии, где нет ни убежищ, ни каминов. Первые дни в Неаполе я провел со своими и очутился одиноким только по отъезде великого князя. Четыре недели сряду посвятил на обозрение окрестностей Неаполя, любопытных во всех отношениях, единственных, несравненных. Четыре раза был в Помпее и два раза на

Везувие: два места, которые заслуживают внимания самого нелюбопытного человека. Судьба, конечно, не без причины таила около двух тысяч лет под золой Везувия Помпею и вдруг открыла ее: это живой комментарий на Историю и на поэтов Римских. Каждый шаг открывает вам что-нибудь новое или поверяет старое: я, как невежда, но полный чувств, наслаждаюсь зрелищем сего кладбища целого города. Помпеи не можно назвать развалинами, как обыкновенно называют остатки древности: здесь не видите следов времени или разрушения. Основания домов совершенно целы, недостает кровель. Вы ходите по улицам из одной в другую, мимо рядов колонн, красивых гробниц и стен, на коих живопись не утратила ни красоты, ни свежести. Форум, где множество храмов, два театра, огромный цирк, уцелели почти совершенно. Везувий еще дымится над городом и, кажется, грозит новою золою. Кругом виды живописные, море и повсюду воспоминания; здесь можно читать Плиния, Тацита и Виргилия и ощупью поверять Музу Истории и Поэзии. Но с Везувия виды еще великолепнее. Мы наслаждались ими недавно большим обществом Русских; с нами были Щербатовы, которые поручили вам усердно кланяться. Везувий наш беспрестанно изменяется, как море или как мир политический. Он ужасен и пленителен. С графом де-Бре мы были в Баии; графиня скажет вам, без сомнения, что мы говорили о вас на мысе Мизенском и пили какое-то вино за ваше здоровье на том месте, где римляне роскошничали, где Сенека писал, где жил Плиний и Цицерон философствовал: где лучше было вспомнить вас, нашего историка? Но прошу вас сказать графу и графине де-Бре, что я всегда с новым удовольствием брожу по тем тропинкам, по коим ходил с ними в первый раз в жизни. Я им обязан лучшими моими знакомствами в Неаполе, где хорошее, приятное общество столь же редко, как худая погода и пасмурные дни. Все жалуются на общество, но все с радостию посещают наш город. Англичан здесь тучи: я живу окружен ими и лазаронами. Ныне, по приезде императора австрийского, было очень шумно и, говорят, весело. Здесь,

говорят, климат лечит закоренелые болезни: я до сих пор не испытал этого на себе и хвораю часто. Предвижу, что с насмешкою прочитаете мою вечную жалобу на здоровье. Я, по крайней мере, вам, Катерине Андреевне, которой сто раз целую ручку, и всему семейству вашему от искреннего сердца желаю здравия, благоденствия и долгоденствия. Усердно кланяюсь любезным детям вашим и еще раз прошу не забывать преданнейшего вам из людей,

Константина Батюшкова

Н. И. ГНЕДИЧУ

[21 июля/3 августа 1821 г. Теплиц]

Если бы меня закидали эпиграммами при появлении моей книги, если бы явно напали на нее, даже на меня лично, то я, как автор, как гражданин, не столько бы был вправе негодовать. Негодую, ибо вижу систему зла и способ вредить верный, ибо он под личиною.

Теперь приступлю к моей просьбе. При сем найдешь объявление, которое немедленно прошу напечатать во всех журналах. Но я нахожусь в службе и не могу и не должен ничего делать, даже как автор, без согласия начальства. Прошу тебя, любезный и почтенный друг, узнать сперва через людей верных, найдут ли приличными все выражения моего объявления. Даю тебе право вычеркнуть, уничтожить лишнее; но прибавлять ничего не должен.

Мое свидание с Блудовым было коротко. Храни бог тебя и думать, чтобы он водил моим пером! Мною руководствовать трудно. До него было написано объявление. Я его не благодарил даже за копье, которое он переломил в честь моих бедных шести стишков. Признателен к тем, кои заступаются за честь мою, к тому, кто sait de l'homme d'honneur distinguer le poète. * Но что могу заключить о бедном Грече, о доб-

* умеет отличить поэта от честного человека (*Ред.*)

ром Грече? Как ему не совестно? Воейков знает одну чернильницу, но Музы отвратили от нее лицо. В зле нет остроумия. Наносить вред и писать приятно — дело невозможное. Я уважал его талант, но...

Скажи им, что мой прадед был не Анакреон, а бригадир при Петре Первом, человек нрава крутого и твердый духом. Я родился не на берегах Двины, и Плетаев, мой Плутарх, кажется, сам не из Афин. Плетаевы у нас сделают Абдеру. Скажи, бога ради, зачем не пишет он биографии Державина? Он перевел Анакреона — следственно, он прелюбодей; он славил вино, следственно — пьяница; он хвалил борцов и кулачные бои, ergo * — буян; он написал оду «Бог», ergo — безбожник? Такой способ очень легок. Фундамент прочный, и всякое дело мастера боится. А у нас ли не мастера на Парнасе!

Доколе во мне есть искра жизни, не буду безмолвным Пасквином или Марфорием. Вступаюсь за честь мою: и тебе даю все способы оправдать меня пред публикой. Бог с ним, с Плетаевым! Не желаю ему, ниже Сынам отечества, никакого зла. Дай бог, чтобы журнал их процветал и карман тучнел. Живу далеко от сплетен; служу царю, а не Парнасским страстям.

Из письма моего прочитай, что заблагорассудишь, людям разноперым. Каждому свое. Поручаю его Василью Дмитриевичу Олсуфьеву, который тебе отдаст его в руки или доставит через верного человека. Он человек умный, рассудительный и добрый; знакомство с ним будет тебе приятно. Прости, любезный; не отвечай на это письмо, но сделай по нем, в его смысле и как можно выгоднее для меня во всех отношениях. Когда увидимся? бог знает: но он же знает, сколько я тебя люблю и достоин твоей дружбы.

Константин Батюшков

Извини мое маранье: пишу ночью и устал до смерти.

* Следовательно. *(Ред.)*

ГГ. ИЗДАТЕЛЯМ «СЫНА ОТЕЧЕСТВА» И ДРУГИХ РУССКИХ ЖУРНАЛОВ

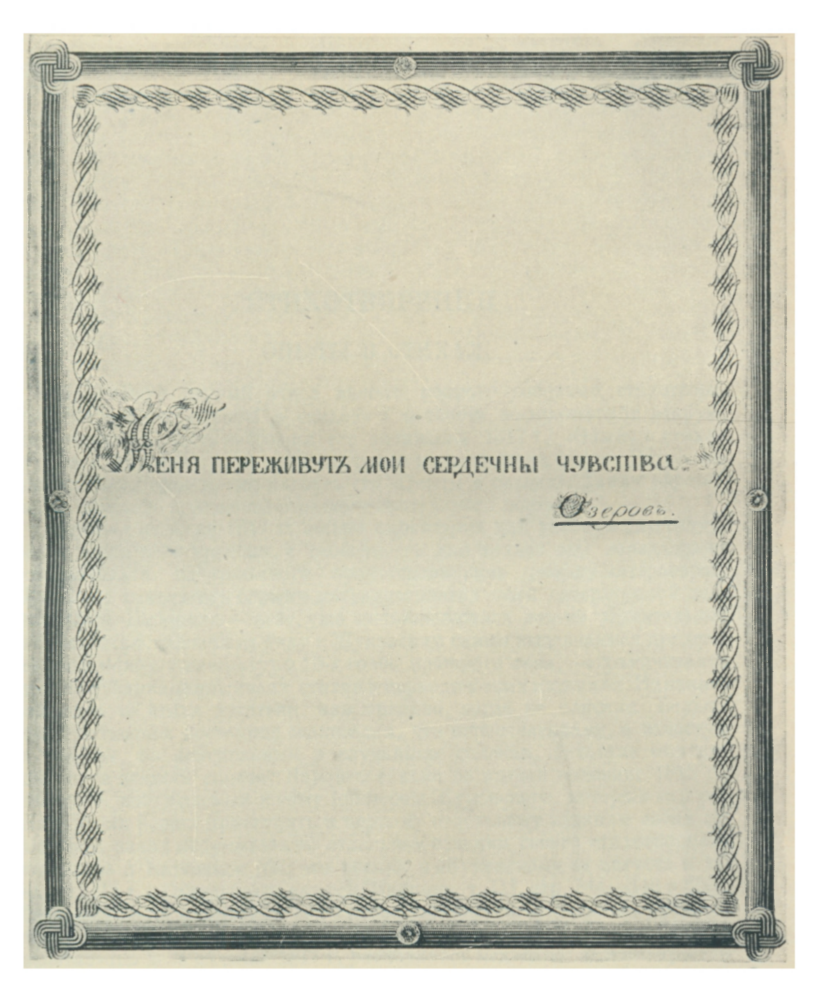
Чужие краи. Августа 3-го н. с. 1821 г.

Прошу вас покорнейше известить ваших читателей, что я не принимал, не принимаю и не буду принимать ни малейшего участия в издании журнала «Сын отечества». Равномерно прошу объявить, что стихи под названием: «К друзьям из Рима», и другие, могущие быть или писанные, или печатные под моим именем, не мои, кроме эпитафии, без моего позволения помещенной в «Сыне отечества». Дабы впредь избежать и тени подозрения, объявляю, что я, в бытность мою в чужих краях, ничего не писал и ничего не буду печатать с моим именем. Оставляю поле словесности не без признательности к тем соотечественникам, кои, единственно в надежде лучшего, удостоили ободрить мои слабые начинания. Обещаю даже не читать критики на мою книгу: она мне бесполезна, ибо я совершенно и, вероятно, навсегда покинул перо автора.

Константин Батюшков

КОММЕНТАРИИ

Титул Блудовской тетради
(Ленингр. Публичн. библиотека)

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОПЫТЫ В СТИХАХ

Образующие первый отдел нашего полного собрания стихотворений Батюшкова «Опыты в стихах» в точности воспроизводят вторую, стихотворную, часть собрания его сочинений 1817 г. «Опыты в стихах и прозе». Задумав в 1819—1821 гг. новое издание своих стихов, Батюшков предполагал одно время назвать его «Опыты в стихах». Таким образом наше название в точности отражает волю самого поэта.

История издания 1817 г. весьма характерна для условий литературного труда того времени, в особенности для только еще начинавшего складываться писательского профессионализма дворян-литераторов. В течение почти всего первого пятнадцатилетия своей литературной деятельности Батюшков — поэт, уже пользовавшийся весьма значительной известностью, бывший на ряду с Жуковским самым выдающимся представителем молодой литературы 10-х годов прошлого века,—ограничивался только публикациями своих стихов в периодических изданиях. Никакого гонорара за стихи издатели, как правило, тогда не платили. Больше того, Батюшков постоянно жаловался, что перепечатывали, а зачастую и впервые, по неисправным и случайным спискам, печатали они его стихи без всякого спроса. Наконец только во второй половине 1815 г., очевидно побуждаемый к тому примером Жуковского, который как раз в это время решил приступить к первому отдельному изданию своих сочинений, начал подумывать об отдельном издании своего стихотворного «маранья» и Батюшков (см. его письма к Жуковскому от августа и декабря 1815 г. в Сочинениях, под ред. Майкова, т. III, стр. 344—346 и 358). Сведущие люди советовали ему самому приняться за издание, ручаясь, что «в течение двух или трех лет» он «сбудет» его и «выручит капитал на капитал» (на деле издание 1817 г. расходилось медленно: экземпляры его имелись в продаже еще в 1834 г., когда было предпринято новое издание книгопродавцом Глазуновым). Однако совершенно неискушенного

в книгоиздательском деле поэта пугали связанные с этим неизбежные заботы и обременения, в частности необходимость на время печатанья оставаться в Петербурге или Москве. Последнее же было для него невыполнимым сперва как для состоявшего на военной службе и вынужденного находиться при своей части, в Подолии, затем, по выходе в 1816 г. в отставку,—как для помещика, которого хозяйственные дела требовали присутствия в деревне. «Иметь хлопоты, беспрестанно торговаться с книгопродавцами, жить для корректуры в столице мне невозможно», писал он Н. И. Гнедичу. Не располагал Батюшков и потребным для затрат по изданию «капиталом», хотя деньги на бумагу ему предлагали дать взаймы (ib., стр. 393—394). Продать же свои сочинения кому-нибудь из книгопродавцев-издателей Батюшков также опасался. У него была чисто классовая недоверчивость к «купцу» вообще: «Боюсь их, как огня», писал он. Ему все казалось, что заботящиеся только о материальной выгоде «парнасские сводники» не обратят должного внимания на внешность издания — «изуродуют» его — и к тому же обязательно обманут неопытного автора, например выпустят книгу в двойном против обусловленного тираже: «на место завода выпустят два» (очевидно, издательская практика того времени изобиловала подобными случаями) и т. п. На почве затруднений этого рода в литературной практике поэтов-дворян начала XIX в. сложился особый тип «дружеских» изданий, предпринимаемых более состоятельными друзьями автора — любителями литературы. Так, уже упомянутое нами первое собрание сочинений Жуковского было выпущено его друзьями-арзамасцами — Дашковым, А. И. Тургеневым и Кавелиным. Сочинения большого приятеля Батюшкова, Василия Львовича Пушкина, были изданы Плетневым при ближайшем участии того же Тургенева, Карамзина и Вяземского. Даже Александр Пушкин, прежде чем он начал продавать свои сочинения книготорговцам и издаваться сам, свои первые поэмы издал на тех же «дружеских» основаниях. Свои дружеские услуги в деле издания его стихов предложил Батюшкову один из самых близких его приятелей, поэт Гнедич. Предложение это устраивало Батюшкова во всех отношениях. Гнедич был человеком своего классового круга; Батюшков вполне доверял его художественному вкусу (постоянно посылал ему свои новые стихи и очень считался с его критическими указаниями); помимо всего этого, Гнедич по своей службе в Публичной библиотеке был большим знатоком и любителем книги как таковой. Эстет Батюшков, придававший весьма важное значение и чисто внешнему оформлению, мог быть уверен, что из рук Гнедича издание его стихов выйдет «не варварское, достойное любителя Эльзевиров и Бодони».

Основным в решении Батюшкова издать свои стихи были побуждения чисто-литературного порядка. Поэт хотел подвести под всё им сделанное некую подытоживающую черту («всё это бремя хочется сбыть с рук и подвигаться вперед», писал он Жуковскому). Присоединялось, конечно, сюда и естественное литературное честолюбие — «любовь славы», — в наличии

чего Батюшков постоянно признавался друзьям (ib., стр. 404,448 и др.). Однако в то же время социально-экономическое положение Батюшкова было не таково, чтобы он совершенно мог пренебречь и той, хотя бы и небольшой, материальной выгодой, которую могло дать ему опубликование его сочинений. «Если можешь, — писал он Гнедичу в связи с изданием, — отдай в ломбард тысячу в июне [за заложенное имение Батюшкова —*Ред.*]. Авось бог вынесет. Мы не Полторацкие! [Хороший знакомый Батюшкова, Д. М. Полторацкий, богатый помещик и коннозаводчик.—*Ред.*]. В Париж хлеба не везем! И здесь над крохами бьемся. Я так волосы на себе деру, что болею, что мне мешают; нет покоя! Такой ли бы том отпустил стихов? Но еще повторяю: дряни не печатай. Лучше мало — да хорошо. И то половина дряни. Но что делать! — Ей-ей, не до стихов. Это письмо насилу кончу...». «Я нынешний год потеряю половину моего имения, т. е. тысяч на тридцать, — поясняет он ему в другом письме от этого же времени, — и что будет вперед — не знаю. Вовсе нечем существовать будет» (из собрания автографов Публичной библиотеки при «Отчете» за 1895 г., Спб. 1898, стр. 25 и 28). Это сообщало соглашению Батюшкова с Гнедичем смешанный дружески-коммерческий характер. Гнедич уплачивал Батюшкову за право издания его сочинений в стихах и прозе тиражом 2000, сроком на пять лет, 2000 рублей, освобождая его от всяких забот и ответственности по изданию. («Согласен на всё, — писал ему Батюшков, — с тем только, что ни во что мне вступаться и ни за что отвечать»). Батюшков настоял и на том, чтобы их отношения были оформлены письменным «условием», т. е., в сущности говоря, договором. Однако подписал его только он один. Равным образом он отклонил первоначально предложенную ему Гнедичем за томик стихов сумму в полторы тысячи рублей, находя ее чрезмерной. В дальнейшем он всё время тревожился, не ввел ли он своего приятеля в невыгодную сделку: «Скажи мне чистосердечно, как ты ведешь дела свои, и выведи меня из страха и раскаянья, что я согласился на твою просьбу» (передать ему издание своих сочинений). Эти опасения побудили Батюшкова в дальнейшем пойти на ряд уступок, частично отразившихся на составе издания. Несмотря на радость выступить, наконец, перед публикой с целой книгой («Бог поможет, и я автор», Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 396) в Батюшкове сказывалось одновременно чисто классовое нежелание прослыть литератором, «сочинителем». Больше того, он прямо боялся, что репутация автора может повредить его служебной карьере. «Дипломат Батюшков испугается, увидя себя в числе журналистов», писал Вяземский (Остафьевский архив, т. II, Спб. 1901, стр. 61). Сам Батюшков в пору издания 1817 г. решительно требовал от Гнедича не открывать на него, как это обычно делалось, предварительной подписки. «Не надо подписки тем более, что я сам собираюсь в Петербург за делами [устраиваться на службу. — *Ред.*], и это меня как ножом срежет», заявлял он; и в другом письме снова: «Ты меня убьешь подпискою. Молю и заклинаю не убивать. Ну, скажи, бога ради, как заводить подписку на любовные стишки» (Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 440 и 442).

Однако для Гнедича, человека тоже малосостоятельного, подписка была совершенно необходима, чтобы получить некоторое количество денег и на оплату типографских расходов, и на выплату гонорара самому же Батюшкову (из двух тысяч Гнедич обязался одну уплатить немедленно, другую через шесть месяцев по выходе второго тома). И последний вынужден был примириться с этим. Два месяца спустя он уже не возражает против подписки, объявленной Гнедичем сейчас же по выходе первого, прозаического, тома, и только опасается, что она не даст результата: «У нас в стороне, верно, никто не подпишется... признаюсь тебе, страшусь и за Москву, и Петербург, и другие города. Вряд ли будут охотники» (Из автографов Публичной библиотеки, стр. 28). Однако охотники нашлись. На «Опыты» подписалось 183 человека — цифра по тому времени достаточно значительная. Наибольшее количество дал Петербург — 122 подписчика, Москва — 45, провинция — 16. Классовый состав их почти однороден — это в подавляющем большинстве дворяне, начиная с «высочайших особ» и — по всем степеням родовой и служебной иерархии — вплоть до «их благородий». В числе подписавшихся ряд друзей-писателей (Карамзин, Жуковский, Крылов, В. Л. Пушкин) и литературная молодежь (только что кончившие лицей Дельвиг, Кюхельбекер). Помимо дворян, среди подписчиков имеем 9 купцов (8 в Петербурге, 1 в Торжке) и одного «купецкого сына» из Твери. Несмотря на желание Батюшкова делать как можно меньше шуму вокруг издания вынужден он был примириться и с некоторой, правда весьма скромной, рекламой, пущенной Гнедичем в связи с подпиской. Так, Гнедич опубликовал в «Сыне отечества» (1817 г., № 28, от 13 июля) Н. И. Греча, в типографии которого печатались «Опыты», только что полученное им новое стихотворение Батюшкова «Беседка Муз» со следующим примечанием от редакции: «Это прекрасное стихотворение взято из 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова. Подписка на сие издание в двух частях с двумя весьма искусно гравированными виньетами, на лучшей любской бумаге, принимается: на Невском проспекте против Гостиного двора, в доме, принадлежащем императорской Публичной библиотеке, у Надворного Советника Николая Ивановича Гнедича, в большой Морской на углу Кирпичного переулка, в доме купца Антонова под № 125, в типографии Греча у фактора Грефа; в книжной лавке Матвея Глазунова, в доме Генерал-Маиора Балабина, и у прочих книгопродавцов. При подписке первая часть выдается, а на вторую, которая выйдет в непродолжительном времени, билет. — Иногородные, относясь прямо на имя Н. И. Гнедича и прилагая свои адресы, получают сию книгу немедленно без платежа за пересылку. Имена подписавшихся особ будут припечатаны при последней части. — Цена по окончании подписки возвысится». При подписке цена была назначена за оба тома в 15 руб. (объявление о подписке было напечатано и в «Вестнике Европы» 1817, ч. 44, № 14, стр. 164).

На ряд еще более существенных уступок Батюшков был вынужден пойти и в отношении как характера издания, так и его состава. В самом

начале Батюшков хотел издать только свои стихи. Однако лирическая поэзия ни в какой мере не принадлежала к числу ходких товаров тогдашнего книжного рынка. Поэт опасался, что издание только стихов будет прямо убыточным. Еще до того, как он вступил в соглашение с Гнедичем, он советуется с ним, не присоединить ли к изданию стихов прозаических статей: «Как ты думаешь? Собирать ли прозу? Как литература, она, кажется, довольно интересна и даст деньгу. Впрочем я ее не уважаю» (Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 391). Соображение коммерческой выгодности прозы, которая, впротивовес стихам, рассчитанным самим поэтом на «трех или четырех человек в России», должна была, по его мнению, прийтись по вкусу «массе читателей», перевесило, и Батюшков решил помимо стихов дать «том прозы, низкой прозы». Мало того, «взыскательный художник» в Батюшкове побуждал его ввести в первое собрание своих стихов только самые совершенные вещи — «лучше мало, да хорошо». Однако приходилось считаться и с тем, чтобы книга не оказалась чрезмерно «худощавой» для намеченной за нее цены. Батюшков должен был уступить и здесь. Правда, ему удалось добиться, чтобы Гнедич не включал в издание ряда вещей, которые Батюшков отвергал по соображениям художественного или общественного порядка (переводы из Тассо, «Видение на берегах Леты» и др.), но, с другой стороны, ему пришлось пойти на включение многих не удовлетворявших его пьес («Сон Могольца», некоторые эпиграммы и др.).

Равным образом Батюшкову пришлось спешить больше, чем он того хотел бы, и с подготовкой стихов к изданию. Поэт намеревался самым тщательным образом пересмотреть свои стихи перед тем как сдать их в печать, и внести в них ряд исправлений. С этой целью он сознательно, дабы выиграть время, начал сдачу Гнедичу материала с прозы, которой, как мы только что видели, придавал гораздо меньше значения. «У меня том прозы готов, переписан и переплетен», писал он Гнедичу в начале сентября 1816 г., при самом начале их соглашения. «Приступить к печати, не ожидая стихов. Том стихов непосредственно за сим печатать. Если ты согласишься на мое условие, то я всё велю переписывать и доставлю в начале октября. Им займусь сильно и многое исправлю» (Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 394). Однако стихи не были готовы и к концу октября: «Начни бога ради печатать прозою. Дай мне время справиться со стихами... Стихам не могу сказать: Vade sed incultus ⟨«Иди так, как есть». — *Ред.*⟩. Надобно кое-что поправить» (письмо от 28 и 29 октября, ib., стр. 408). Выслал Батюшков основную часть стихотворного тома «Опытов» только в самом конце февраля 1817 г. (ib., стр. 418).

Однако Батюшков продолжал работать над стихами и после этого, досылая Гнедичу новые написанные им вещи и внося поправки в старые. Помочь ему в этом последнем он призывал как самого Гнедича, так и всех своих друзей, в первую очередь Жуковского и Вяземского. «Где

Жуковский? Если он у вас, то попроси его взглянуть на стихи и что можно поправить. Правь сам и всем давай исправлять» (письмо Гнедичу от конца февраля—начала марта 1817 г., ib., стр. 425). «Поправляй, марай и делай, что хочешь», писал он ему снова в начале июля 1817 г. «Просил тебя, просил Жуковского, писал к нему нарочно, прошу всех добрых людей» (ib., стр. 458, см. еще стр. 413, 440 и 446). Доля участия Жуковского, Вяземского и др. в правке стихов Батюшкова не поддается учету, что же касается самого издателя, Гнедича, то, очевидно, он помогал поэту самым активным образом. Об этом свидетельствует автограф стихотворения Батюшкова «Беседка Муз», хранящийся в настоящее время в рукописном отделении Ленинградской Публичной библиотеки. Это—листок, очевидно посланный Батюшковым Гнедичу при письме от мая 1817 г. (ib., стр. 440). Помимо зачеркиваний и поправок самого Батюшкова, ряд мест в тексте подчеркнут Гнедичем, который тут же на полях наносил карандашом предлагаемые им изменения (см. подробное описание этого автографа в нашем примечании к «Беседке Муз», стр. 526). Все эти изменения были санкционированы Батюшковым и вошли в окончательный текст, опубликованный в «Опытах» (Предположение, что Гнедич ввел их в печатный текст своей волей, не получив разрешения на это со стороны самого поэта, исключено: несмотря на данное Гнедичу разрешение «поправлять и делать, что хочешь», Батюшков весьма ревниво следил за судьбой текста посылаемых стихов и всего издания в целом, добившись, даже после отпечатания книги, некоторых существенных в ней перемен. Следы обсуждения различных вариантов сохранились и в его письмах к Гнедичу, см. напр. письмо от июля 1817 г., вошедшее в наше издание (стр. 419). Наконец, при подготовке нового издания стихов Батюшков оставил «Беседку Муз» точно в том виде, в каком она была напечатана в «Опытах»). Равным образом поэт дал право Гнедичу по его усмотрению расположить стихи в книге: «Размещай их как хочешь», писал он ему при отправке в феврале рукописи со стихами. Однако речь здесь могла идти только о том или ином размещении стихов внутри отделов. Самые же отделы и вообще основная структура книги были с самого начала твердо установлены поэтом: «Стихи разделяю на книги: 1-я — элегии, 2-я—смесь, романсы, послания, эпиграммы и проч. и проч.» (Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 395). Это деление и было положено в основу «Опытов», и только послания были перенесены из «Смеси» в особый самостоятельный отдел. В другом письме он дает руководящие указания Гнедичу и в отношении построения самих отделов: «Советую элегии поставить в начале. Во-первых те, которые тебе понравятся более, потом те, которые хуже, а лучшие в конец. Так, как полк строят. Дурных солдат в середину. Куда Тасса?» (Из автографов Публичной библиотеки, стр. 26). Гнедич в основном так и поступил. Что касается «Умирающего Тасса», то он поместил его, так же как и «Беседку Муз», в самый конец книги: это были последние пьесы Батюшкова, присланные Гнедичу тогда, когда большинство листов, видимо, уже было отпечатано. Впрочем, это соответствовало и желанию Батюшкова — лучшее помещать

в конец: современники почти единогласно относили обе эти пьесы к числу лучших его произведений. Установленный в «Опытах» распорядок стихов, видимо, вполне удовлетворил самого поэта; по крайней мере, подготовляя новое издание, он не стал вносить здесь никаких изменений.

Подготовка Батюшковым своих стихов к печати вместо первоначально предполагавшегося им месяца потребовала около года (вышла в свет вторая, стихотворная, часть «Опытов» в октябре 1817 г., через три месяца после первой, поступившей в продажу в июле; цензурное разрешение первой части, подписанное Ив. Тимковским, — 30 декабря 1816 г. Однако Батюшков всё еще продолжал считать, что стихи им недоработаны. Этим объясняется то, что он поместил в качестве эпиграфа при второй части те самые слова из Овидия «Vade sed incultus», применять которые к своим стихам по началу, как мы видели, как раз не хотел. Больше того, когда книга была уже совсем готова, т. е. отпечатана и сброшюрована, Батюшков настоял, чтобы Гнедич вынул из нее несколько пьес и взамен включил другие. Вынуты были три эпиграммы: «Известный откупщик Фадей...», «Теперь сего же дня...», «О хлеб-соль русская...» и стихотворение «Отъезд» (Ты хочешь горсткой фимиама...). Взамен исключенных пьес Батюшков ввел послание «К Никите». (Сохранилось несколько экземпляров книги в первоначальном виде; один из них имеется в Публичной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве — из бывшей библиотеки 1-й мужской гимназии.)

Второй части «Опытов» было предпослано следующее предисловие от издателя, т. е. Гнедича: «Мы должны предупредить любителей Словесности, что бо́льшая часть сих Стихотворений была написана прежде Опытов в Прозе, в разные времена, посреди шума лагерей, или в краткие отдохновения воина: но назначить время, *когда* и *где* что было написано, мы не почли за нужное. Издатель надеется, что читатели сами легко отличат последние произведения от первых и найдут в них бо́льшую зрелость в мыслях и строгость в выборе предметов». Вначале предисловие, повидимому, заканчивалось хвалебным отзывом, опущенным по просьбе самого поэта (Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 440). В остальном оно Батюшкова удовлетворило. Указание на боевую обстановку, в которой писались его стихи, ему особенно пришлось по сердцу: он несколько раз повторяет это в схожих выражениях в письмах к друзьям и знакомым (ib., стр. 447, 461).

В бытность в Италии и в Германии в 1819 — 1821 гг. Батюшков начал подготовлять к печати новое издание стихотворной части своих «Опытов», которое, как указывалось, предполагал озаглавить сперва «Опыты в стихах», а затем просто «Стихотворения Константина Батюшкова». С этой целью он внес ряд изменений и дополнений в бывший при нем экземпляр 2-й части (хранятся в рукописном отделении Л-градской Публичной библиотеки). Прежде всего он вовсе вычеркнул из него 10 пьес («Тибуллова элегия III», «Веселый час», «К Петину», «Сон воинов», «Сон Могольца». «Всегдашний

гость...», «Как трудно Бибрису...», «Памфил забавен за столом...» «Надпись к портрету Н. Н.» и «Надпись на гробе пастушки») с указанием: «в будущем издании выкинуть всё, что зачеркнуто». Взамен того он предполагал ввести в новое издание переводы из антологии, «Подражания древним», которые тут же вписал в свой экземпляр (на оставшихся чистыми 232, 242 и 243 стр.) и «Надпись для гробницы дочери М.» (также вписанную им на стр. 256). Сюда же он хотел присоединить еще ряд пьес, названия которых он потом зачеркнул. Среди них можно прочесть: «Воспоминания Италии», «Поэма», «Море», «Судьба поэта», «Псалмы». Остальные 4 названия зачеркнуты так жирно, что не поддаются прочтению (были ли эти пьесы только задуманы Батюшковым или уже написаны, но уничтожены в припадках начинавшейся душевной болезни — сказать трудно). В предисловии от издателя последняя фраза (от «Издатель надеется») вычеркнута. Помимо того, Батюшков намеревался предпослать стихам свою «Речь о влиянии легкой поэзии на язык», внеся в текст ее несколько незначительных перемен. Некоторое количество изменений чисто стилистического порядка Батюшков внес и в ряд стихотворений, опубликованных в «Опытах» (все эти изменения приводятся нами в примечаниях к соответствующим стихам). Майков в своем издании Батюшкова внес эти изменения в основной текст в качестве «последней воли» поэта. Однако мы сочли нужным воздержаться от этого. Ибо, во-первых, правленный Батюшковым экземпляр «Опытов» никак нельзя рассматривать как окончательную редакцию нового издания, а лишь как предварительную наметку к нему; в процессе дальнейшей подготовки воля поэта могла неоднократно меняться. С такими изменениями сталкиваемся уже и в настоящем экземпляре. Так, некоторые пьесы Батюшков принялся было исправлять, а затем вовсе вычеркнул (Майков не усомнился и эти исправления внести в основной текст), наоборот, другие зачеркнул, а после восстановил. Во-вторых, — и это главное, — текст «Опытов» 1817 года представляет собой не только художественный, но и исторический документ. Именно таким, каким Батюшков предстал в «Опытах», знали поэта по преимуществу и его современники, и последующие читатели на протяжении почти всего XIX века (изменения, внесенные им в свой экземпляр «Опытов», весьма небольшие в количественном отношении и мало значительные по существу, появились в печати только в 1887 г.). Отсюда сохранить в неприкосновенности именно текст 1817 года представлялось нам особенно существенным.

Укажем в заключение, что самое название своих сочинений «Опытами» могло подсказываться Батюшкову не только знаменитыми «Опытами» столь чтимого им Монтеня: название это было весьма распространено и в современной ему русской литературе. Любопытно, что его употребляет и тот самый С. С. Бобров, над писаниями которого так издевались Батюшков и его литературные друзья. Собрание его сочинений, вышедшее в 1804 г., называлось «Рассвет полночи или созерцание славы, торжества

и мудрости порфироносных, браноносных и мирных гениев России с последованием дидактических, эротических и других разного рода *в стихах и прозе опытов*» (курсив наш. — *Ред.*). Эволюция от этого названия к «Опытам» Батюшкова весьма характерна. Последним отбрасывается вся его кудряво-звучная реторика во вкусе XVIII в., скромная же заключительная часть, являющаяся у Боброва родом подзаголовка, превращается в само заглавие.

К друзьям (стр. 55). Впервые напечатано в «Опытах». Вписано собственноручно Батюшковым на первой странице так называемой «Блудовской тетради» — авторизованного списка стихов Батюшкова, переданного им Д. Н. Блудову в начале 1815 г. и считавшегося Майковым потерянным (в настоящее время находится в Рукоп. отд. Ленинградской Публичной библиотеки) — с заголовком: «Дмитрию Николаевичу Блудову» и с датой «Петерб. февраля 1815». (См. снимок с автографа в нашем издании.) В издании сочинений Батюшкова под ред. Л. Н. Майкова (Спб. 1887) неправильно отнесено к 1817 г. В тексте Блудовской тетради имеются следующие разночтения:

11. Как падал, как вставал;
15. Здесь дружество найдет *ей милого* поэта;
16. Найдет и *скажет* так;
18. *И* ветрен, *и во всем* чудак.

В ст. *21* в «Опытах» — *Парнассе*, но так как в других местах там же встречаем обычное написание, то отдаем предпочтение последнему.

У Пушкина имелся экземпляр второй части «Опытов», испещренный его пометками (местонахождение этого экземпляра в настоящее время неизвестно; однако Л. Н. Майков, видевший его у сына поэта, снял с него копию, нанеся все пометы и замечания Пушкина на свой экземпляр, который находится в настоящее время в Институте русской литературы Академии Наук — б. Пушкинский Дом). О стихотворении «К друзьям» Пушкин отозвался неодобрительно, отметив слабые рифмы *2* и *3* ст., а под последней строкой прямо подписав: «весьма дурные стихи». Тем любопытнее, что, примерно, через год после этого (Майков относит пометы Пушкина на экземпляре «Опытов» ко времени около 1826 г.), в 1827 г., сам Пушкин в аналогичной пьесе — посвящении «Евгения Онегина» своему другу Плетневу — местами весьма близок к Батюшкову, и лишь сообщает, действительно, несколько вялым строкам последнего необыкновенную энергию, сжатость и предельный словесный чекан.

ЭЛЕГИИ

Надежда (стр. 56—57). Впервые — в «Опытах». Перепечатано в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», изд. Общ. любит. отечеств. словесности, изд., 2, Спб. 1821, ч. I, стр. 294. Написание Майков относит предположительно к 1815 г., что и нам пред-

ставляется наиболее вероятным. Четыре начальных стиха подсказаны четырьмя строками стихотворения Жуковского «Певец во стане русских воинов»: «А мы?... доверенность к творцу» и т. д.). К ним же восходят 13 и 14 строки. Для нового издания своих стихов, подготовлявшегося Батюшковым в 1819 — 1821 гг., он изменил ст. *18*: Он *нам* источник чувств высоких.

На развалинах замка в Швеции (стр. 57—60). Напечатано: 1) в «Пантеоне русской поэзии», изд. Павлом Никольским, ч. II, Спб. 1814, стр. 217—223 (ценз. дата — 29 апр. 1814 г.), с полной подписью. 2) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», изд. О-вом любителей отечественной словесности, изд. 1, ч. V, 1816, стр. 124—126. Вписано в Блудовскую тетрадь и в сборник Тургенева (см. о нем в примечании к следующему стихотворению). Ст. *96* и в том, и в другом списке читается: «Иль слышен вой зверей». Так же в в «Обр. соч.» и в тексте «Опытов». Однако в списке «Погрешностей и перемен», приложенном ко II части «Опытов», дано новое чтение строки, введенное нами в основной текст. Для нового издания Батюшков изменил ст. *54*: «*Зри* дубы в пламени, в сосудах мед сверкает» и ст. *107*: «И руны тайные, *преданья* на скалах». Так же читается *107* ст. и в «Обр. соч.»; кроме того, там же в *67* ст. — *спешат*. Вместе с такими стихотворениями Батюшкова, как «Умирающий Тасс», «Переход через Рейн» и т. п., принадлежит к особому роду так называемой *исторической*, или *эпической*, *элегии* — новый жанр, введенный Батюшковым в русскую поэзию (ср., напр., «Финляндию» Баратынского). Непосредственные впечатления, вынесенные Батюшковым во время его проезда через Швецию летом 1814 г. (около этого времени, видимо, и написана элегия и дана в «Пантеон» уже после цензурного резрешения всего сборника), соединяются здесь с воздействием литературных источников — весьма популярное в свое время стихотворение Фр. Маттисона «Элегия, написанная на развалинах старого горного замка» и скандинавская мифология. В письме Батюшкова из Швеции к Д. П. Северину от 19 июня 1814 г. (Сочинения Батюшкова под ред. Майкова, т. III, Спб. 1886, стр. 274—283; в сокращенном виде было опубликовано в «Северных цветах» на 1827 г., стр. 30—48) дается ироническое снижение романтической героики его элегии, подсказанное зрелищем современной поэту буржуазной Швеции:

Итак, мой милый друг, я снова на берегах Швеции,

В земле туманов и дождей,
Где древле скандинавы
Любили честь, простые нравы,
Вино, войну и звук мечей.
От сих пещер и скал высоких,
Смеясь волнам морей глубоких,
Они на бренных челноках
Несли врагам и казнь, и страх.

Здесь жертвы страшные свершалися Одену,
Здесь кровью пленников багрились алтари...
Но в нравах я нашел большую перемену:
Теперь полночные цари
Курят табак и гложут сухари,
Газету Готскую читают
И, сидя под окном с супругами, зевают.

Элегия из Тибулла (стр. 60—64). Напечатана: 1) в «Пантеоне русской поэзии», ч. IV, 1815, стр. 204—211, под заглавием: «Тибуллова элегия (кн. 1, эл. 3)», 2) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», изд. 1, ч. V, 1816 г. стр. 52—57, 3) в «Вестнике Европы» 1816, составленном М. Каченовским, ч. LXXXVII, № 12, стр. 255—261, везде с полной подписью.

Стихотворение это имеется в рукописном сборнике стихов Батюшкова, принадлежавшем П. А. Ефремову (находится в Рукоп. отд. Института русской литературы Академии Наук и впервые вводится нами в научно-исследовательский оборот; в дальнейшем будем обозначать его: сборник Ефремова). Это переплетенная тетрадь, размером в лист. из 92 заполненных страниц; почерк — писарской; на бумаге — фабричное клеймо: «А. О. 1812 г.». На титульном листе — «Батюшков» и эпиграф:

Et malheur à tout nom, qui propre à la censure,
Peut entrer dans un vers sans rompre la mesure.

[Горе имени, которое, подлежа порицанию, может войти в стих, не нарушая размера. — *Ред.*]

Список этого стихотворения имеется и в другом рукописном сборнике стихов Батюшкова из архива братьев Тургеневых (находится в Рукоп. отд. того же Института и также впервые вводится нами в исследовательский оборот). Сборник представляет собой тетрадь в плотной коленкоровой обложке, размером в поллиста, из 38 листов с водяным знаком: «У. Ф. Л. П. 1811». В первой своей части совершенно соответствует сборнику Ефремова по составу и расположению материала, хотя и имеет ряд вариантов. Носит тот же эпиграф, видимо приданный самим поэтом. Помимо того, в конце имеется еще несколько стихотворений, отсутствующих в сборнике Ефремова и приписанных явно позже и другой рукой. Сборник, видимо, принадлежал близкому знакомцу Батюшкова, А. И. Тургеневу, что сообщает ему, как и сборнику Ефремова, большую авторитетность (в дальнейшем будем обозначать его Тургеневская тетрадь). Явные описки, довольно обильные в обоих сборниках, не указываем.

Наконец элегия вписана в Блудовскую тетрадь. Подготовляя в 1819—1821 гг. к печати новое издание своих стихотворений, Батюшков исправил *108* стих.

7.	О, смерть, не тронь меня насильственной рукою ⟨У Майкова ошибочно: рукой⟩	(Пант., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
	И жизнь мою прервет безжалостной рукою	(В. Евр., Обр. соч.)
16.	В священном *трепете* бессмертных вопрошала	(Пант., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
17.	И отрок счастливый нам жребий вынимал	(В. Евр., Обр. соч.)
	И отрок счастливый *ей* жребий вынимал	(Пант., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
21—22.	На *отдаленный* путь. Я сам *растроган был* Утешься, *Делия*, сквозь слезы говорил.	» »
36—37.	Все тщетно, *милый друг*, Тибулла нет с тобою! Богиня грозная, спаси *меня* от бед!	» »
41	Как дева чистая во ткань *облачена*	(Обр. соч.)
42—43.	Воссядет на помост, и *мирная* луна И *первые лучи* румяныя Авроры	(Пант., Блуд. театр., Ефр., Тург.)
46.	*Журчанье сладкое* домашнего ручья	
52.	*И острою сохой земли* не раздирали	» »
56.	С сидонским багрецом и *златом драгоценным*	(Пант.)
	С сидонским багрецом и *с златом драгоценным*	(Блуд. тетр., Ефр. Тург.)
60.	Конь *бодрый* не кропил *бразды* кровавой пеной	(Пант.)
	Конь борзый не кропил *бразды* кровавой пеной	(Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
63—65.	Мед капал из дубов, *таяся под корою*, И сладкое млеко серебряной волною Струилось из сосцов питательных овец.	(Пант., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
68.	*Для* вас, на пагубу друзей единокровных	» »
69.	На наковальне млат не *исковал* мечей.	» »
73.	И *рыщет бледна* смерть на суше, на водах	(Пант., Блуд. тетр.)
	И *рыщет бледна* смерть на суше *и* водах	(Ефр. Тург.)
75.	Будь *к* мирному певцу *навеки* благосклонен	(Пант., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)

77.	Я с трепстом богов *святыню* обожал	(Пант., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
78.	*Но*, если мой конец безвременный настал	» »
79.	Пусть камень обо мне *пришельцам* возвещает	(Пант., Ефр., Тург.)
85.	В Элизий *проведешь* таинственной стезей	(Пант., Обр. соч., В. Евр., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
86—87.	*Там вечная весна* меж рощей и полей; *Цветет душистый* нард и киннамона лозы.	(Пант., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
90.	Там девы юные *сплетаясь* в хоровод	(Блуд. тетр.)
93.	В объятиях любви *неутомимый* рок	(Ефр.; скорее всего описка)
94.	Тот носит *на главе* из свежих мирт венок	(Пант., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
101—102.	Где скрыться? Адский пес *стрежет* у медных врат, Рыкает зев его... *и тени вспять бежат!*	(Пант., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
104.	Ужасный Энкелад и Тифий *тим огромный*	(Пант., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
108.	Там *с жаждой* пламенной Тантал бесчеловечной	(Пант., В. Евр., Ефр.)

⟨Это же чтение в тексте «Опытов», но там же, на листе исправлений, указано новое чтение строки; соответственно исправлена строка и в 1819—1821 г.⟩

	Там *жадной*, пламенный Тантал бесчеловечной	(Тург.)
112.	*Клятвопреступницы* карающей Киприды	(Пант., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
114.	И *разлучал* меня, о, Делия, с тобой	(Обр. соч., В. Евр.)
115.	Но ты мне *будь верна*, друг милый, *друг* бесценной.	(Пант., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
	ıе *будь верна*, друг милый *и* бесценной	(Обр. соч., В. Евр.)

116.	И в мирной *храмине*, от взоров сокровенной	(Пант., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
118.	На *шаг* не покидай домашних алтарей	(Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
126.	Падет... и у дверей *твой явится* супруг	(Пант., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
129.	В прелестной наготе *предстань* моим очам	(Пант., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
130.	Власы *рассеянны* небрежно по плечам	(Обр. соч., В. Евр.)
134.	И Делию Тибулл *с восторгом* обоймет?	(Ефр., Тург., Блуд. тетр.)

Оригиналом «вольного перевода» Батюшкова послужила 3-я элегия 1-й книги стихотворений Тибулла. Пушкин находил перевод «прекрасным», Белинский — «превосходным». Перевод сделан не позднее 29 ноября 1814 г. (цензурная дата 4-й кн. «Пантеона»).

Воспоминание (стр. 64—65). Впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1809, изд. Жуковским и Каченовским, ч. XLVIII, № 21, ноябрь, стр. 28—31, под заглавием «Воспоминания 1807 года», с подписью *К...Б...* Здесь стихотворение состоит из 88 стихов. Перепечатано с добавлением еще 13 стихов: 1) в «Собрании русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов», изд. Василием Жуковским, 1811, ч. V, стр. 272—275, с полной подписью и тем же заглавием (у Майкова заглавие указано ошибочно); 2) в «Пантеоне русской поэзии», ч. I, 1814, стр. 225—230, с полной подписью и тем же заглавием; 3) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», изд. 1, ч. VI, 1817 стр. 15—19, с полной подписью и тем же заглавием. В «Опытах» Батюшков поместил текст «Пантеона», но дал из стихотворения только 43 первых стиха, опустив всю вторую часть, посвященную воспоминаниям о любовном эпизоде с дочерью рижского купца Мюгеля, в доме которого он лечился в 1807 г. от раны. Майков, ссылаясь на письмо Батюшкова к Гнедичу от 27 ноября — 5 декабря 1811 г. (Сочинения Батюшкова, т. III, стр. 164), в котором он жалуется на неисправность текста «Собрания русских стихотворений» («Как мои стихи — *Воспоминание* исковеркано! Иные стихи пропущены; и рифмы торчат одни!») и на другое гораздо более позднее письмо к нему же, в котором Батюшков советует при издании его сочинений «иногда справляться с Вестником» (ib., 423), дает в своем издании текст «Вестника Европы» «как наиболее полный и исправный». На самом деле текст «Вестника Европы», который на 13 стихов короче текста «Собрания» и последующих перепечаток, «наиболее полным» назвать никак нельзя. Не является он и «наиболее исправ-

ным». Письмо, в котором Батюшков советует справляться с «Вестником», имеет в виду издание прозы. Жалобы же на пропуск стихов, в силу чего некоторые стихи оказываются нерифмованными, имеют в виду строку *52*, которая читается в «Собрании»: «Как утешителя, как ангела добра» и, действительно, одна во всем стихотворении не имеет рифмующей с нею строки. Но как раз так же эта строка читается и в «Вестнике Европы». Наоборот, в «Пантеоне» и в «Образцовых сочинениях» взамен этой строки появляются две новые, рифмующиеся между собой. Таким образом, принимая текст «Вестника», Майков как раз дает то самое «исковерканное чтение», против которого решительно протестовал сам поэт.

Стихотворение это имелось также, в полном виде, в пяти современных списках: 1) в составе сборника стихотворений Батюшкова, писанного рукой А. А. Воейковой и принадлежавшего П. А. Висковатову (в дальнейшем обозначаем его как «Сборник Висковатова»), под заглавием «Воспоминания на 1807 год», 2) в составе сборника стихотворений Батюшкова, писанного неизвестной рукой и принадлежавшего А. Н. Афанасьеву, с тем же эпиграфом, что в сборниках Ефремова и Тургенева (описание его дано Афанасьевым в «Библиографических записках» 1861, № 20, стр. 633 — 643). Уже к моменту издания сочинений Батюшкова Майковым в 1885 — 1887 гг. местонахождение этого сборника было неизвестно (в дальнейшем обозначаем его как «Сборник Афанасьева»), 3) в Блудовской тетради, 4) в сборнике Ефремова и 5) в Тургеневской тетради.

Приводим по тексту Блудовской тетради, как наиболее авторитетному и хронологически самому позднему, вторую часть стихотворения, опущенную в «Опытах»:

Семейство мирное, ужель тебя забуду
И дружбе и любви неблагодарен буду?
Ах, мне ли позабыть гостеприимный кров,
В сени домашних где богов
Усердный эскулап божественной наукой
Исторг из-под косы и дивно исцелил
Меня, борющегось уже с смертельной мукой!
Ужели я тебя, красавица, забыл,
Тебя, которую я зрел перед собою,
Как утешителя, как ангела небес!
На ложе горести и слез
Ты, Геба юная, лилейною рукою
Сосуд мне подала: «Пей здравье и любовь!»
Тогда, казалося, сама природа вновь
Со мною воскресала
И новой зеленью венчала
Долины, холмы и леса.
Я помню утро то, как слабою рукою,
Склонясь на костыли, поддержанный тобою,

Я в первый раз узрел цветы и древеса...
Какое счастие с весной воскреснуть ясной!
(В глазах любви еще прелестнее весна).
Я, восхищен природой красной,
Сказал Эмилии: «Ты видишь, как она,
Расторгнув зимний мрак, с весною оживает,
С ручьем шумит в лугах и с розой расцветает;
Что б было без весны?.. Подобно так и я
На утре дней моих увял бы без тебя!»
Тут, грудь ее кропя горячими слезами,
Соединив уста с устами,
Всю чашу радости мы выпили до дна.

Увы, исчезло все, как прелесть сладка сна!
Куда девалися восторги, лобызанья
И вы, таинственны во тьме ночной свиданья,
Где, заключа ее в объятиях моих,
Я не завидовал судьбе богов самих!..
Теперь я, с нею разлученный,
Считаю скукой дни, цепь горестей влачу,
Воспоминания, лишь вами окрыленный,
К ней мыслию лечу,
И в час полуночи туманной,
Мечтой очарованной,
Я слышу в ветерке, принесшем на крылах
Цветов благоуханье,
Эмилии дыханье;
Я вижу в облаках
Ее, текущую воздушною стезею...
Раскинуты власы красавицы волною
В небесной синеве,
Венок из белых роз блистает на главе,
И перси дышат под покровом...
«Души моей супруг!»
Мне шепчет горний дух,
«Там в тереме готовом
За светлою Двиной
Увижуся с тобой!..
Теперь прости»... И я, обманутый мечтой,
В восторге сладостном к ней руки простираю,
Касаюсь риз ее... и тень лишь обнимаю!

Помимо того, имеются следующие варианты. В основном тексте:

4. *Меж тем как* стан дремал в покое (Ефр., Тург.)
6. *В усталости почил!* Луна на небесах (В. Евр.)

6—7. Смотрел в туманну даль, — *меж тем как* в небесах (Ефр., Тург.)
Безмолвно Цинтия блистала
24. Осталось *мрачное воспоминанье* (Тург.)
43. И *тихой* смерти ждет (Ефр., Тург.)

Во 2-й части:

50. Меня, борющегось уже *со смертной* мукой (Ефр., Тург.)
53. Как утешителя, как ангела добра, (В. Евр.)
54. ⟨Отсутствует⟩ (В. Евр.)
53—54. *У ложа горьких мук*, *отчаянья* и слез (Аф.)
Как утешителя, как *вестника* небес. (Ефр., Тург.)
68. Расторгнув зимний *мразь* с весною оживает (В. Евр.)
70. Что б было без весны?.. Подобно *как* и я (Ефр., Тург.)
83—88. И в час туманной полуночи (В. Евр.)
Мечтой обвороженны очи,
Как призрак, красоту в одежде легкой зрят,
Ее и стан, и взгляд;
Я к ней объятия в восторге простираю...
И тень лишь обнимаю.
98. За *быстрою* Двиной (Ефр., Тург.)
101. В восторге сладостном к ней *руку* простираю (Тург.)

Из Риги Батюшков уехал в конце июля 1807 г. Значит, данное стихотворение могло быть написано в период времени от конца 1807 по ноябрь 1809 г.

Воспоминания (стр. 66 — 67). Написаны, видимо, в 1814 г. Впервые напечатаны в «Опытах», где композиционно оформлены как «отрывок». В рукописном сборнике, находившемся у Жуковского — в дальнейшем обозначаем его: Сборник Жуковского (находится в Рукоп. отд. Ленинградской Публичной библиотеки) — стихотворение имеет название «Элегия», продолжение в 32 стиха (впервые опубликованы в сборнике «XXV лет. 1859 — 1884. Сборник, изданный обществом для пособия нуждающимся литераторам и ученым», Спб. 1884, стр. 201 — 204; в том же сборнике, в качестве другого неизданного стихотворения Батюшкова, напечатан отрывок, начинающийся словами: «К младенчеству ль душа прискорбная летит...», на самом деле принадлежащий Жуковскому и вошедший во все собрания его сочинений), карандашную дату «1814» и следующие варианты:

15—16. Как странник, брошенный *из недра* ярых волн
На берег дикий и кремнистый,

Встает и с ужасом разбитый видит челн,
Валы ревущие и молнии змиисты,
Объявшие кругом свинцовый небосклон.
22—24. Тебя, последний сердца друг
Опора сладкая, надежда, утешенье
Средь *вечных скорбей* и недуг
29. Искать иль *гибели*, иль *славного венца*
41. И *мыслил* о тебе *лишь в горести* сердечной.
48. Обитель древняя и *доблестей*, и нравов.

Л. Н. Майков ввел в свое издание совершенно произвольно составленную им редакцию, присоединив к первой части стихотворения, напечатанной им по «Опытам» (но с опущением первой строки точек, оправдывающей название пьесы «отрывком»), отсутствующий в «Опытах» конец, заимствованный им из рукописи Жуковского, отличающейся, как мы только что видели, в первой своей части от текста «Опытов» рядом весьма существенных разночтений. Приводим последние 32 стиха, опущенные в «Опытах», очевидно, в силу их слишком личного характера, по рукописи (в издании Майкова введена явно произвольная пунктуация, местами прямо искажающая смысл):

Исполненный всегда единственно тобой,
С какою радостью ступил на брег отчизны!
«Здесь будет, — я сказал, — душе моей покой,
Конец трудам, конец и страннической жизни».
Ах, как обманут я в мечтании моем!
Как снова счастье мне коварно изменило
В любви и дружестве... во всем,
Что сердцу сладко льстило,
Что было тайною надеждою всегда!
Есть странствиям конец — печалям никогда!
В твоем присутствии страдания и муки
Я сердцем новые познал.
Они ужаснее разлуки,
Всего ужаснее! Я видел, я читал
В твоем молчании, в прерывном разговоре
В твоем унылом взоре,
В сей тайной горести потупленных очей,
В улыбке и в самой веселости твоей
Следы сердечного терзанья...

Нет, нет! Мне бремя жизнь! Что в ней без упованья?
Украсить жребий твой
Любви и дружества прочнейшими цветами,
Всем жертвовать тебе, гордиться лишь тобой,
Блаженством дней твоих и милыми очами.

Признательность твою и счастье находить
В речах, в улыбке, в каждом взоре,
Мир, славу, суеты протекшие и горе,
Всё, всё у ног твоих, как тяжкий сон, забыть!
Что в жизни без тебя? Что в ней без упованья,
Без дружбы, без любви — без идолов моих?..
И муза, сетуя, без них
Светильник гасит дарованья.

Строки *25—26* этого стихотворения явно отразились в письме пушкинской Татьяны («Вся жизнь моя была залогом..» и т. д.).

Выздоровление (стр. 67—68). Впервые — в «Опытах». Первоначальный автограф этого стихотворения находится в Ленинградской Публичной библиотеке со следующими разночтениями:

5. Уж очи покрывал *смертельный* мрак густой,
19. Мне сладок будет час *разлуки* роковой:

Содержание стихотворения — то же, что и во второй опущенной части элегии «Воспоминание». В силу этого стихотворение вероятнее всего следует отнести ко времени пребывания Батюшкова в Риге летом 1807 г. По поводу «Выздоровления» Пушкин на своем экземпляре «Опытов» надписал: «Одна из лучших элегий Батюшкова», но отметил неточность *1* ст.: «Не под *серпом*, а под *косою*: ландыш растет в лугах и рощах — не на пашнях засеянных».

Мщение (стр. 68—70). Впервые — в «Вестнике Европы» 1816, ч. LXXXIX, № 19 и 20, октябрь, стр. 204—206, с подписью *Б...* Вписано в Блудовскую тетрадь, под названием «Элегия из Парни».

Варианты

8.	*Всё* клятвы страшные *тебе* напоминает.	(Блуд. тетр.)
13.	Взлелеянной *весной под сенью безмятежной,*	» »
14.	⟨Отсутствует⟩	» »
17.	Здесь жертвы приносил *сто раз* у алтарей.	» »
18—19.	Когда твою *грозили* младость Болезнью *парки* погубить.	» »
21—22.	Но с новой прелестью ты *в силах* воскресала И в первый раз люблю, *краснея, мне* сказала	» »
32.	Все небо *в молниях* зарделося кругом	» »
Между *34* и *35.*	В объятиях любви, на ложе сладострастья Покрытая дождем холодного ненастья	» »

35.	*Для новых радостей* ты воскресала в них	(Блуд. тетр.)
Между 36 и 37.	О, нега томная! Источник сладких слез!	(Блуд. тетр., В. Евр.)
	При блесках молнии разгневанных небес	»
44.	Неизлечимою *глубокою* тоскою	(Блуд. тетр.)

В ст. *3* в «Опытах»: легкокр*и*лы. Такое написание вообще у Батюшкова преобладает, но так как наряду с этим в тех же «Опытах» имеем и написание: крылах, крылатой, — отдаем предпочтение последнему.

Стихотворение является подражанием 9-й элегии IV книги Парни (см. «Oeuvres d'Evariste Parny», t. I, pp. 72—73, Paris 1809). Майков относит его к 1816 г., однако, так как стихотворение это имеется в Блудовской тетради, которая, по справедливому заключению Лернера («Русский библиофил» 1916, № 5, стр. 78), была составлена не позднее февраля 1815 г., оно должно быть отнесено к 1814 или самому началу 1815 г.

Привидение (стр. 70—71). Напечатано: 1) в «Вестнике Европы» 1810, ч. L, № 6, март, стр. 108—110, с подписью *К. Б.*, 2) в «Собрании русских стихотворений» 1811, ч. V, стр. 59—61; 3) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1-е изд., ч. V, 1816, стр. 186—188, — в обоих сборниках с полной подписью. Вписано в Блудовскую тетрадь, сборник Ефремова и Тургеневскую тетрадь.

Варианты

7.	Плач и стон не *умолит*	(В. Евр., Ефр., Тург.)
12—13.	*Не приду тебя*, друг милый, *Видом мертвого* пугать.	В. Евр.)
13.	*Мертвецом* тебя пугать	(Ефр., Тург.)
35.	Улыбнися, друг *любезный*	(Тург.)
45.	Я *с крылатыми* мечтами	(В. Евр.)
52.	*Сокровеннейших* красот	» »

Стихотворение представляет довольно свободный перевод элегии Парни «Le revenant» («Выходец с того света», Oeuvres, op. cit. I, pp. 18—20). Перевод сделан в феврале 1810 г. Посылая его в письме к Гнедичу, от середины февраля 1810 г., Батюшков писал: «Посылаю тебе, мой друг, маленькую пьеску, которую взял у Парни, то-есть, завоевал. Идея оригинальная. Кажется, переводом не испортил» (см. в нашем изд., стр. 396).

Тибуллова элегия III (стр. 72—73). Напечатана: 1) в «Вестнике Европы» 1809, ч. XLVIII, № 23, декабрь, стр. 198—199, с подписью *К.*, 2) в «Собрании русских стихотворений», ч. VI (М. 1815), стр. 272—274, причем приписана П. И. Голенищеву-Кутузову; 3) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», изд. 1-е, ч. IV, 1816, стр. 45—47,

с полною подписью. Вписана в Блудовскую тетрадь, сборник Ефремова и Тургеневскую тетрадь. Подготовляя в 1819—1821 гг. новое издание стихов, Батюшков сперва начал было исправлять это стихотворение, а затем решил вовсе исключить его.

Варианты

3.	*Все тщетно!..* Делии еще с Тибуллом нет	(В. Евр., С. р. ст., Обр. соч., Блуд тетр., Ефр. Тург.)
15.	*Под крышей золотой*, где дивный ряд столбов	» »
19.	*Сады* пространные, где силою трудов	» »
22.	И *руна* тирские, багрянцем напоенны	(1819—1821)
26.	И в хижине своей *фортуну ожидает.*	(В. Евр., С. р. ст., Обр соч.)
27.	И бедность, Делия, мне *радостна* с тобой!	(1819—1821)
28.	Тот кров соломенный *Тибуллу* золотой.	(1819—1821)
29.	Тот кров, где съединен души моей с душою,	(В. Евр., С. р. ст., Обр. соч.)
	Тот кров, где *сопряжен* души моей с душою	(Ефр., Тург.)
32.	Утешит ли тогда *сей Рим, сей* пышный град?	(1819—1821)
33.	Ах, нет! И золото, *что катит дно Пактола*,	(В. Евр., С. р. ст., Обр. соч.)

Л. Н. Майков, сличая перевод Батюшкова с латинским подлинником, правильно указывает, что запятая после слова «порфир» в ст. 17, имеющаяся в «Опытах» и других изданиях, должна быть уничтожена, как искажающая смысл, тем не менее — яркая иллюстрация небрежности майковского издания — сам же он сохраняет ее в основном тексте.

Перевод сделан в деревне в 1809 г. (см. письмо Гнедичу от 19 сентября 1809 г., в нашем изд. стр. 389). Вся 3-я книга, носящая имя Тибулла, на самом деле этому поэту не принадлежит. В свой перевод Батюшков внес ряд образов и стихов, заимствованных из других тибулловых элегий.

Мой гений (стр. 73). Напечатано: 1) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», ч. V, 1816 (цензурная помета: 10 де-

кабря 1815 г.), стр. 228; 2) в «Вестнике Европы» 1816, ч. LXXXVIII, № 15, август, стр. 176—177, с подписью *Б—в:* 3) в «Опыт русской антологии», Спб. 1828, стр. 129; 4) в «Эвтерпе или собрании новейших романсов, баллад и песен известнейших и любимых русских поэтов», М. 1831, стр. 75, без заглавия; 5) в «Дамском альбоме», Спб. 1844, стр. 19. Стихотворение это находится также в рукописном сборнике Жуковского, где имеет эпиграф:

Spirto beato quale
Se'quando altrui fai tale?

в альбоме Безобразова и рукописном сборнике первой половины 30-х годов Любы Хорошиловой (оба в ИРЛИ). Написано в Каменце в 1815 г. (послано Батюшковым Е. Ф. Муравьевой при письме от 11 августа 1815 г.). Выражение «память сердца» («Что есть благодарность? — память сердца») Батюшков употребляет уже в 1810 г. в своих «Мыслях» («Вестник Европы» 1810, ч. 52, № 13, см. Сочинения под ред. Майкова, т. II, стр. 35) и снова повторяет его в статье «О лучших свойствах сердца» (стр. 142—148), написанной в том же Каменце в 1815 г. Здесь он указывает, что афоризм этот принадлежит «глухонемому философу Масьё воспитаннику Сикарову».

В «Обр. соч.» и «Вестнике Европы» иная расстановка знаков препинания в ст. *8—9* меняет смысл:

Небрежно вьющихся власов
Моей пастушки несравненной.

В «Эвтерпе» ст. *3:* И *ныне прелестью* своей. Ст. *6* вовсе отсутствует.

В издании Майкова предпоследний стих напечатан ошибочно: «*Заснул?* Приникнет к изголовью». Первые две строки этой пьесы обычно приводятся исследователями как образец чисто «пушкинской» гармонии, свойственной подчас Батюшкову. Известно, что такой признанный знаток и ценитель Пушкина, как поэт Ап. Майков, даже был обманут этим, напечатав при одном из собраний своих стихов эти две строки в качестве эпиграфа из Пушкина. Тем любопытнее, что сам Пушкин их-то как раз и отвергал, написав об этом стихотворении в своем экземпляре «Опытов»: «прелесть кроме первых четырех» (стихов).

Дружество (стр. 73—74). Впервые — в «С.-Петербургском вестнике», изд. Обществом любителей словесности, наук и художеств, 1812, февраль, стр. 166, с подзаголовком «Из Биона» и подписью *К. Н. Б. Т.* Вписано в Блудовскую тетрадь и имеется в сборниках Висковатова, Афанасьева, Тургенева и Ефремова. Во всех пяти списках с тем же подзаголовком. Вариантов нет. Подражание стихотворению древне-греческого поэта Биона, с которым Батюшков, не владевший греческим языком, мог познакомиться по изданию Н. Ф. Кошанского «Цветы греческой поэзии», М. 1811. Написано в 1811 или в самом начале 1812 г. В «Цветнике» 1810,

ч. VI, стр. 368—369, был напечатан перевод того же стихотворения сделанный Катениным: «Дружба. Вионова идиллия».

Тень друга (стр. 74—75). Напечатано: 1) в «Вестнике Европы» 1816, ч. LXXXIX, № 17 и 18, сентябрь, стр. 3—5, с полной подписью; 2) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1-е изд., ч. VI, 1817, стр. 247—249; 3) в «Дамском альбоме», Спб. 1844, стр. 245—247. Исправлено для нового издания стихов в 1819—1821 гг.

Варианты

43. Как дым, как метеор *огнистый* полуночи (В. Евр., Обр. соч.)

44. И сон покинул очи. (1819—1821)

Список в альбоме В. Н. Головиной (Рукоп. отд. ИРЛИ), с неизвестно откуда взявшимся разночтением *48* ст.: «... едва *плескали* волны».

Навеяно поездкой на корабле из Англии в Швецию в июне 1814 г.; по свидетельству кн. Вяземского, на корабле же и написано. Батюшков подробно описывает это путешествие в уже упоминавшемся письме к Северину. В нем же приводится еще один стихотворный отрывок. Батюшков, по его словам, обратился к капитану с итальянскими стихами из «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо. «Он отвечал мне на грубом английском языке, который в устах мореходцев еще грубее становится, и божественные стихи любовника Элеоноры без ответа исчезли в воздухе:

Быть может, их Фетида
Услышала на дне,
И, лотосом венчанны,
Станицы нереид
В серебряных пещерах
Склонили жадный слух
И сладостно вздохнули,
На урны преклонясь
Лилейною рукою;
Их перси взволновались
Под тонкой пеленой...
И море заструилось,
И волны поднялись!

«Тень друга» посвящена памяти близкого друга Батюшкова, поэта-дилетанта И. А. Петина, убитого на 26-м году жизни в лейпцигской «битве народов» в 1813 г. Память об убитом друге постоянно преследовала Батюшкова и позднее, в период его психической болезни: среди его рисунков этого времени настойчиво повторяется мотив одинокой могилы на чужой стороне. О «Тени друга» Пушкин записал: «Прелесть и совершенство — какая гармония!»

Эпиграф взят из Проперция (кн. IV, элегия 7 «Тень Цинтии») и значит: «Души усопших — не призрак; смертью не все оканчивается; бледная тень ускользает, победив костер». В. Ржига отмечает близость элегии Батюшкова к одной из метаморфоз Овидия «Цеик и Галькиона» Метаморфозы, кн. XI (см. его заметку «Тень друга» К. Н. Батюшкова» в сборнике «Памяти П. Н. Сакулина», М. 1931, стр. 239—241). Через несколько лет (в 1819 г.) эта метаформоза была переведена Жуковским (см. Полное собрание сочинений под ред. Архангельского, Спб. 1902, т. III, стр. 25 — 32). Майковым эпиграф из Проперция процитирован и указан неточно. Ошибку Майкова повторяет и Ржига.

Тибуллова элегия X (стр. 76—78). Напечатана: 1) в «Вестнике Европы» 1810, ч. L, № 8, апрель, стр. 277—280; 2) в «Собрании русских стихотворений», ч. IV, 1811, стр. 236—239; 3) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1-е изд., ч. IV, 1816, стр. 75—79, везде с полной подписью. В «Опытах» — под ошибочным заглавием «Тибуллова элегия XI». Вписана в Блудовскую тетрадь, сборник Ефремова и Тургеневскую тетрадь. В изд. Майкова ст. *19* напечатан ошибочно: *И* вы, хранившие...

Варианты

3—5.	*Невинный мир* и в ад открыл обширный путь! Но он виновен ли, *когда* на ближних грудь *За злато в бешенстве* железо устремляем,	(В. Евр., С. р. ст., Обр. соч., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
6.	А не чудовищей *пустынных им сражаем?*	(В. Евр., С. р. ст., Обр. соч.)
	А не чудовищей *пустынных* поражаем	(Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
12.	Тогда *б и* дни мои я радостьми считал	(В. Евр., С. р. ст., Обр. соч., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
14.	При гласе бранных труб! О, *тщетные мечтанья*	(Обр. соч.)
20.	В беспечности златой от *самых юных* дней.	(В. Евр., С. р. ст., Обр. соч.)
28.	Он благодатен *был*, когда из чаш простых	(Блуд. тетр.)
30.	*А на власы* его, в знак мирного венчанья	(В. Евр., С. р. ст., Обр. соч., Ефр., Тург.)

32. Он благодатен *был* сей мирный бог полей (Блуд. тетр.)

34. *В кругу детей* своих оратай престарелый (В. Евр., С. р. ст., Обр. соч., Ефр., Тург.)

41. Я сам, увенчанный и в *тогу* облеченный, (В. Евр., С. р. ст., Обр. соч., Ефр., Тург.)

43—44. Пускай *народов бич*, неистовый герой,
Обрызган кровию *за Марсом идет* в бой, (В. Евр., С. р. ст., Обр. соч.)
Пускай, скажу, *за лавр* неистовый герой,
Обрызган кровию, *идет в ужасный* бой (Блуд. тетр.)
Пускай *народов бич*, неистовый герой
Обрызгнет кровию, *идет за Марсом* в бой (Ефр., Тург.)

45—47. А мне *коль* благости я сей *от вас* достоин,
Пускай о подвигах своих расскажет воин,
С друзьями юности *сидящий* за столом, (В. Евр., С. р. ст., Обр. соч., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)

48. *Пусть ратный стан чертит чаш пролитых* вином! (В. Евр., С. р. ст., Обр. соч.)
И ратный стан чертит чаш пролитых вином! (Блуд. тетр., Ефр.)
И ратный стан чертит чаш *пролитым* вином (Тург.)

52. Но быстро *вслед идет повсюду* за тобой. (В. Евр., С. р. ст., Обр. соч., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)

53. *Она низводит нас* в те мрачные вертепы, (В. Евр., С. р. ст., Обр. соч.)

56. Там теней *бледных* полк толпится на брегах (Ефр.)
Там теней *хладный* полк толпится на брегах (Тург.)

65. У светлого огня с *подругой молодою*, (В. Евр., С. р. ст., Обр. соч.)

78. Дни мира вы любви игривой *посвящены!* »

81. Смотри, *смиренно сам* колена преклоняет. »

83. И вот *уже меж* вас размолвивших сидит »
И вот *уже средь* вас размолвивших сидит (Ефр.)

86. Но счастлив *тот, кто* мог в минутном исступленьи | (В. Евр., С. р. ст., Обр. соч.)
88. И пояс невзначай у девы *разорвать!* » »
89. Счастлив, три крат счастлив, когда *одни* угрозы » »

Перевод относится к концу 1809 или началу 1810 г. (см. письма Батюшкова к Гнедичу от 1 апреля и мая 1810 г., Сочинения, под ред. Майкова, т. III, стр. 87 и 93).

В конце элегии Батюшков значительно смягчил описание побоев жены пьяным оратаем, имеющее в подлиннике резко натуралистический характер. Пушкин предпочитал первоначальный вариант *48* стиха «И ратный стан чертит чаш пролитых вином» за его бо́льшую точность.

Веселый час (стр. 78—81). Первая редакция под названием «Совет друзьям» написана не позднее начала 1806 г.: напечатана в «Лицее» (периодическое издание Ивана Мартынова), Спб. 1806, ч. I, кн. 1, стр. 11—13, с подписью *Бат.* В 1810 г. стихотворение было перепечатано в совершенно переработанном виде (с изменением заглавия, частичным изменением ямбов в хореи, введением рефрэна и т. п.) в «Вестнике Европы» 1810, ч. XLIX, № 4, февраль, стр. 280—285, с подписью *Констант. Бат.* Перепечатано: 1) в «Собрании русских стихотворений», ч. V, 1811, стр. 261—263; 2) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1-е изд., ч. II, 1815, стр. 251—254, в обоих изданиях с полной подписью. В этой же редакции вписано: 1) в сборник Висковатова с пропуском строк 25-й — 40-й и эпиграфом: Alles Göttliche auf Erden ist ein Lichtgedanke nur (Все божественное на земле только светозарная мысль); 2) в Блудовскую тетрадь, 3) в сборник Ефремова и 4) в Тургеневскую тетрадь. В двух последних сборниках с подзаголовком: «Посвящено друзьям». В той же редакции вошло в «Опыты». Приводим полностью редакцию 1806 г. Эпиграф к ней взят из стихотворения французской поэтессы Henriette de Castelneau, comtesse de Murat (1670—1716) и значит по-русски: «Нужно ли быть столь мимолетным, сказал я сладостному наслаждению?»

СОВЕТ ДРУЗЬЯМ

Faut-il être tant volage,
Ai-je dit au doux plaisir...

Подайте мне свирель простую,
Друзья! и сядьте вкруг меня
Под эту вяза тень густую,
Где свежесть дышет среди дня;
Приближтесь, сядьте и внемлите
Совету Музы вы моей:

Когда счастливо жить хотите
Среди весенних кратких дней,
Друзья! оставьте призрак славы,
Любите в юности забавы
И сейте розы на пути.
О, юность красная! цвети!
И, током чистым окропленна,
Цвети хотя немного дней,
Как роза, миртом осененна,
Среди смеющихся полей;
Но дай нам жизнью насладиться,
Цветы на тернах находить!
Жизнь — миг! не долго веселиться,
Не долго нам и в счастьи жить!
Не долго — но печаль забудем,
Мечтать во сладкой неге будем:
Мечта — прямая счастья мать!
Ах! должно ли всегда вздыхать
И в майский день не улыбаться?
Нет, станем лучше наслаждаться,
Плясать под тенью густой
С прекрасной Нимфой молодой,
Потом, обняв ее рукою,
Дыша любовию одною,
Тихонько будем воздыхать
И сердце к сердцу прижимать.

Какое счастье! Вакх веселой
Густое здесь вино нам льет,
А тут, в одежде тонкой, белой
Эрата нежная поет:
Часы крылаты! не летите,
Ах! счастье мигом хоть продлите!

Но нет! бегут счастливы дни,
Бегут, летят стрелой они;
Ни лень, ни сердца наслажденья
Не могут их сдержать стремленья,
И время сильною рукой
Губит и радость, и покой!

Луга веселые, зелены!
Ручьи прозрачны, милый сад!
Ветвисты ивы, дубы, клены,
Под тенью вашею прохлад

Ужель вкушать не буду боле?
Ужели скоро в тихом поле
Под серым камнем стану спать?
И лира, и свирель простая
На гробе будут там лежать!
Покроет их трава густая,
Покроет, и ни чьей слезой
Прах хладный мой не окропится!
Ах! должно ль мне о том крушиться?
Умру, друзья! — и всё со мной!
Но Парки темною рукою
Прядут, прядут дней тонку нить...
Коринна и друзья со мною, —
О чем же мне теперь грустить?

Когда жизнь наша скоротечна,
Когда и радость здесь не вечна,
То лучше в жизни петь, плясать,
Искать веселья и забавы
И мудрость с шутками мешать,
Чем, бегая за дымом славы,
От скуки и забот зевать.

Из нового издания своих стихотворений Батюшков предполагал «Веселый час» вовсе исключить.

Варианты 2-й редакции

1.	Вы *ль*, други, вы *ль* опять со мною	(В. Евр., С. р. ст., Виск., Ефр., Тург.)
6—7.	Музы *опытной* совет. *Коль* счастливо жить хотите	(В. Евр.)
8.	*Средь* весенних *ваших* лет	(В. Евр., С. р. ст., Виск., Ефр. Тург.)
9.	Отгоните *ж* призрак славы	(Виск., Ефр., Тург.)
14.	Чашу радостей допить.	(В. Евр.)
23—24.	Пить из чаши золотой С нимфой резвой и *младой*.	(В. Евр., С. р. ст., Виск., Ефр., Тург.)
27—29.	*Душу мы с душой* сольем, *На устах ее* умрем... Вы ль, други, *вы ль опять* со мною	(В. Евр., С. р. ст., Ефр., Тург.)
41—42	Мы потопим *горе наше*, Други, *в этой полной чаше*.	(В. Евр.)

50. *Шампанским чашу нам* нальет, (С. р. ст., Виск., Ефр., Тург.)
Густое нам вино нальет, (В. Евр.)
52. Эрата нежная поет (В. Евр., С. р. ст., Виск., Ефр., Тург.)
55. *Но нет*, бегут счастливы дни (В. Евр., Обр. соч., Виск., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
57—58. Ни лень, *ни счастьем наслажденье* (В. Евр.)
Не могут их сдержать *стремленье*.
60. *Губит и* радость, и покой. (В. Евр., С. р. ст.)
69. *Во прахе будут* истлевать, (В. Евр.)
73. *Но должно ль мне о том* крушиться? (В. Евр., С. р. ст., Виск., Ефр., Тург.)
75. Но вы, друзья, еще со мною! (Виск.)

Стихотворение под тем же заглавием «Веселый час» и весьма схожее по мотивам имеется у Карамзина.

В день рождения N (стр. 81). Напечатано: 1) в «Вестнике Европы» 1810, ч. LI, № 10, май, стр. 126, с подписью *К. Б.*; 2) в «Собрании русских стихотворений», ч. V, 1811, стр. 217; 3) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1-е изд., ч. VI, 1817, стр. 121; в обоих изданиях с полной подписью. В сборнике Висковатова — без последних трех строк, так как рукопись в этом месте обрывается. Вписано: 1) в Блудовскую тетрадь (текст не отличается от «Опытов»), 2) в сборник Ефремова, 3) в Тургеневскую тетрадь (в двух последних с заглавием «В день рождения NN»).

Варианты

3. Как роза *нежная* цвела (В. Евр.)
Как роза *свежая* цвела (С. р. ст., Обр. соч., Ефр., Тург.)
Как роза *юная* цвела (Виск.)
4 *Умом и редкой* красотою, (В. Евр.)
8. Прими от дружества сердечны *утешенья*, » »
10. Что потеряла ты? льстецов *шумливый* рой, » »

Что потеряла ты? льстецов *шумливых* рой, (С. г. ст., Обр. соч., Виск., Ефр., Тург.)

По времени появления в печати написано не позднее мая 1810 г.

Пробуждение (стр. 81—82). Напечатано: в «Вестнике Европы» 1816, ч. LXXXVII, № 11, июнь, стр. 183, с подписью *Б.* и с эпиграфом из Петрарки (сонет CLXIV из «Sonetti e canzoni in vita di M. Laura»): Cosi mi sveglio a salutar l'Aurora (Так пробуждаюсь я, чтобы приветствовать зарю); имеется в сборнике Жуковского с тем же эпиграфом.

Варианты

3—4. Но мрачный след оставил он (Жук.)
В душе, волнуемой страстями.
6. *Предтечей* утреннего Феба »

< В рукописи *ей* в слове *предтечей* подчеркнуто карандашом, очевидно вследствие получающейся рифмы с предшествующим *лучей* >.

8. < Отсутствует > (В. Евр.)
10. По перлам утренним цветов (Жук.)
11. И топот конский средь лесов »
И лай борзых, и звон рогов (В. Евр.)

Так же стих 11-й напечатан в «Опытах», но на листе «Погрешностей и перемен», помещенном впереди текста, строка дана в исправленном виде. Однако Майков дал строку неисправленной.

По утверждению Майкова, стихотворение написано в Каменце (значит между июлем и 10 декабря) 1815 г.; в рукописи Жуковского ошибочно помечено карандашом «1816».

Разлука («Напрасно покидал страну моих отцов...») (стр. 82). Впервые — в «Опытах». Подготовляя в 1819 — 1821 гг. новое издание, Батюшков слегка изменил ее. Список имеется в сборнике Жуковского.

Варианты

2. Друзей души *моей*, блестящие искусства (Жук.)
8. *Под* мной роптал и волновался;
<Так же в «Опытах», но на листе «Погрешностей и перемен» дано новое чтение строки>
За мной роптал и волновался. (1819—1821)
15—16. В страну, где *гордый Днестр* излучистой струей (Жук.)
Сверкает между гор, Церерой позлащенных

22. *Мне* небо на земле блаженство отверзает (Жук.)

⟨*о* в слове «*блаженство*» подчеркнуто карандашом⟩

Написано Батюшковым в Каменце в 1815 г. Пушкин отозвался о «Разлуке», как о «прелести».

Таврида (стр. 83—84). Впервые напечатано в «Опытах». В 1819—1821 гг. Батюшков слегка подправил текст. Список имеется в сборнике Жуковского с эпиграфом из Петрарки: «E sol di lei pensando ho qualche pace» — несколько измененный последний стих XVII сонета из «Sonetti e canzoni in morte di Laura» (по-русски: «Только думая о ней, обретаю я хоть какой-нибудь покой») — и следующими вариантами:

5. Мы, *дети бедные*, отверженные роком,
24. Валит шумящий дождь, *сырый* туман и мраки
⟨Слово «сырый» в рукописи подчеркнуто двумя чертами карандашом⟩.
29. Со мной в час вечера, под кровом *влажной* ночи
34. Румяных уст *твоих*, и если хоть слегка
36. И взорам обнажит снегам *подобно* грудь
⟨конечное *о* в «подобно» два раза подчеркнуто карандашом⟩
38. Потупя взор, дивится и немеет.
⟨Такое же чтение последней строки Батюшков принял в 1819—1821 гг.⟩

Элегия написана Батюшковым во второй половине 1815 г., в бытность в Каменце, откуда он мечтал поехать на берега Черного моря (см. письмо Е. Ф. Муравьевой от 13 июля 1815 г., Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 333). Одна из наиболее популярных элегий Батюшкова, получившего за нее от современников прозвище «Певца Тавриды». Пушкин о «Тавриде» писал: «По чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения — лучшая элегия Батюшкова». По свидетельству Пушкина же, ст. *21—24* («Весна ли красная блистает средь полей...» и т. д.) были особенно любимы самим Батюшковым.

Судьба Одиссея (стр. 84). Впервые — в «Опытах». Написано по возвращении из заграничного похода в 1814 г. Перевод-переработка шестистишия Шиллера «Odysseus». Подлинник написан гекзаметрами без рифм.

Последняя весна (стр. 84—85). Напечатано: 1) в «Вестнике Европы» 1816, ч. LXXXVII, № 11, июнь, стр. 181—183, с полной подписью (цензурная помета: 10 декабря 1815 г.; ею определяется срок, позднее

которого стихотворение не могло быть написано); 2) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1-е изд., ч. V, 1816, стр. 109—110. Список в альбоме Дириных (Рукоп. отд. Ленинградской Публичной библиотеки). В «Вестнике Европы» и Обр. соч. имеется вариант *39* ст., не отмеченный майковским изданием: *Стенанье* рощи повторяли; кроме того, в Обр. соч. в *16* ст. — *неотразимый.*

Пьеса Батюшкова — подражание популярному стихотворению Мильвуа: «La chute des feuilles» ⟨Листопад⟩, переводившемуся позднее Баратынским и др.

К Гнедичу («Только дружба обещает...») (стр. 86). Напечатано в сборнике «Талия», изд. А. Беницким, Спб. 1807, стр. 55—56, под заглавием: «Послание к Г**чу» и с подписью *К. Б.* Имелось в составе рукописных сборников Висковатова и Афанасьева, вписано в Блудовскую тетрадь под заглавием «К Гнедичу 1806 года», в сборник Ефремова и в Тургеневскую тетрадь под заглавием «Послание к Г—чу»; в «Опытах» — «К Г—чу».

Варианты

1.	Дружба только обещает	(Тал.)
5.	Мне оставишь ли для славы ⟨Видимо, опечатка, так же как в ст. *22*: «И собою...»⟩	(Изд. Майкова)
17.	Пел от *неги* и досуга,	(Тал., Ефр., Тург.)
21.	*Милый Гнедич*, исчезает	(Виск.)
	Гнедич милый, исчезает	(Блуд. тетр., Тал.)

В «Талии» и в сборниках Афанасьева, Ефремова и Тургенева в конце пьесы прибавлено еще четыре стиха:

Нет, болтаючи с друзьями,
Славы я не соберу;
Чуть не весь ли и с стихами
Вопреки тебе умру.

По словам Майкова, «время написания послания определяется годом издания «Талии»; не невозможно относить его и к более раннему времени». Заглавие Блудовской тетради дает возможность точно установить дату.

К Дашкову (стр. 87—88). Напечатано: 1) в «С.-Петербургском вестнике» 1812, октябрь, стр. 26—28, под заглавием: «К Д. В. Д.», с подписью *Б.*; 2) в «Сыне отечества» 1813, № XXXI, 3 июля, стр. 209—210, под заглавием: «Послание к Д. В. Дашкову», с тою же подписью; 3) в «Пантеоне русской поэзии», ч. II, 1814, стр. 59—61, «Послание к Д. В. Д.» с полной подписью; 4) в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», ч. II, М. 1814, стр. 100—101, под заглавием «Послание к Д. В. Д.», с подписью *Б.*; 5) в «Собрании образцовых рус-

ских сочинений и переводов в стихах», 1-е изд., ч. IV, 1816, стр. 283—285. Список — в сборнике Висковатова под заглавием: «Послание к Дашкову». Вписано в Блудовскую и Тургеневскую тетради с заглавием, дающим впервые точную датировку: «К Дашкову 1813 марта С. Петербург» (октябрьский номер «С.-Петербургского вестника» также вышел только в 1813 г.) В «Опытах» под заглавием: «К Д—ву».

Варианты

3—4.	<в обратном порядке>	(Виск.)
43—46.	Среди могил моих друзей, Утраченных на поле славы, Мне петь коварные забавы *В столице* ветреных Цирцей <Последний стих так же читается в Блудовской и Тургеневской тетрадях>	(Спб. В., С. О., Пант., Обр. соч.)
57.	Три раза не *подставлю* грудь.	(Виск.)

Совсем не отмечалось влияние Батюшкова на Тютчева. Между тем оно несомненно. Так, напр., 3-я строфа «Итальянской виллы» Тютчева — явная перефразировка 23—26 строк стихотворения «К Дашкову». В другой пьесе «Еще томлюсь тоской желаний...» Тютчев целиком повторяет строку Батюшкова из «Моего гения» — «И образ милый незабвенный» и т. д. Глубокое воздействие послание Батюшкова к Дашкову оказало и на Пушкина. Он не только прямо вторит Батюшкову в своих лицейских «Воспоминаниях в Царском селе» (строфа 17 и отчасти 15), но и много лет спустя в 7-й гл. «Онегина» почти повторяет строку из послания (у Батюшкова: «башни древние царей, *свидетели протекшей славы*», у Пушкина: «Прощай, *свидетель падшей славы*, Петровский замок...»).

В «Собрании стихотворений, относящихся...» к ст. *55*: «Пока с израненным героем» — подстрочное примечание: «Г. Б.», т. е. генерал А. Н. Бахметев, потерявший ногу в Бородинском сражении. В 1813 г. Батюшков был назначен к нему в адъютанты. Стихотворение обращено к Д. В. Дашкову и подсказано зрелищем погорелой и разоренной Москвы.

Источник (стр. 88—90). Напечатано: 1) в «Вестнике Европы» 1810, ч. LIII, № 17, сентябрь, стр. 55—56, с подзаголовком «Персидская идиллия» и с подписью: *К—н Б—в*; 2) в «Собрании русских стихотворений», ч. V, 1811, стр. 246—247, с подзаголовком «Персианская идиллия» и с полною подписью; 3) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1-е изд., ч. IV, 1816, стр. 236—237, также с полною подписью и подзаголовком, как в «Вестнике»; 4) в «Карманной библиотеке Аонид, собранной из лучших писателей нашего времени....» Иваном Георгиевским, Спб. 1821, стр. 153. Вписано в сборник Афанасьева, Блудовскую тетрадь, сборник Ефремова и Тургеневскую тетрадь. Во всех списках с заглавием «Источник. Персианская идиллия».

Варианты

2.	Солнце явилось на западе *к* нам	(С. р. ст., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
10.	Сладко с тобою в *туманных* краях	(Тург.)
14.	Сладостно шепчет *носясь* по цветам	(Карм. библ.)
21.	Зафна, *краснеешь?..* О, друг мой невинный	(Блуд. тетр.)
23.	*Буди* же скромен источник пустынный	(В. Евр., С. р. ст., Обр. соч., Ефр., Тург.)
35.	Чувствуешь в сердце *и томность*, и сладость.	(В. Евр., Обр. соч.)
37.	Зафна, о, *друг мой!* Там голубь невинный	(С. р. ст.)
38.	С страстной *подружкой* завидуют нам.	(В. Евр., Обр. соч., Блуд. тетр.)
	С страстной *подружкой завидует* нам.	(С. р. ст., Ефр., Тург.)

⟨У Майкова ст. *4* с ошибкой: «С ревом и шумом...»⟩

Стихотворение послано Батюшковым к Жуковскому при письме от 26 июля 1810 г. (Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 99) в качестве новинки. Является подражанием прозаическому наброску Парни под названием (Le torrent, Idylle persane ⟨«Поток, персидская идиллия»⟩, Oeuvres, II, Paris 1809, pp. 134 — 135). Указывая в письме к Жуковскому, что в стихотворении «надобно кое-что поправить» (обычай давать дружеские исправления был вообще широко распространен среди поэтов того времени: Батюшков, в свою очередь, поправлял Жуковского, Гнедича, сам принимал поправки последнего и т. д.), поэт просит вместе с тем оставить несколько смелое выражение «Я к тебе прикасался», ссылаясь на то, что оно заимствовано им у Тибулла. По указанию Л. Н. Майкова, сходное выражение, действительно, встречается в VI элегии 1-й книги Тибулла.

В «Карманной библиотеке Аонид», помимо перепечатки четырех пьес Батюшкова («Источник», «На смерть супруги Кокошкина» и две эпиграммы: «Новой Сафе» и «Мелине, которая...»), напечатана составленная И. Георгиевским «характеристика» Батюшкова («Счастливо успел в версификации и сладостном изображении идей») и его же «Надпись к портрету Константина Николаевича Батюшкова»:

На ратном поле, он, как пламенный герой;
Как добрый гражданин, во дни златого мира;
В часы ж досужные пленяет нас игрой
Его далеко-звонка лира.

На смерть супруги Ф. Ф. Кокошкина (стр. 90). Напечатано: 1) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1-е изд., ч. I, Спб. 1815, стр. 138—139, с полной подписью; 2) в «Пантеоне русской поэзии», ч. VI, 1815, стр. 62—63, с заглавием: «К Ф. Ф. Кокошкину (на смерть его супруги)», с полной подписью; 3) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 2-е изд., ч. I, 1821, стр. 115—116; 4) в «Карманной библиотеке Аонид», стр. 155; списки: 1) в сборнике Висковатова под заглавием: «На смерть Кокошкиной» с эпиграфом: «Auch ein Klaglied zu seyn ein Mund des Geliebten ist herrlich» (эпиграф, очевидно, выписан или переписан не совсем точно, смысл его, видимо, таков: «Прекрасно быть и жалостной песней на устах возлюбленного»); 2) в Блудовской тетради с заглавием: «К Ф. Ф. Кокошкину. На смерть его супруги» с тем же эпиграфом из Петрарки, что и в нашем основном тексте (по-русски: «В своем самом прекрасном, самом цветущем возрасте... Живая... прекрасная взошла на небо»); 3) в сборнике Ефремова и 4) в Тургеневской тетради (в двух последних под заглавием: «На смерть В. И. К—ой»). В «Опытах» под заглавием «На смерть супруги Ф. Ф. К—на». В. И. Кокошкина умерла 25 апреля 1811 г. Этим определяется время написания стихотворения.

Варианты

7. Ты свою богиню с воплем и *с* слезами (Пант., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)

10. *Посади* вкруг урны (Виск., Ефр., Тург.)

11. Пусть приносит юность в дар *чистейши* слезы (Изд. Майкова; видимо, опечатка)

15. Здесь, в жилище плача, тихий гений (Обр. соч.) ⟨очевидно, типографская неточность⟩.

18. *С* вечною тоскою. (Виск., Ефр., Тург.)

Пленный (стр. 91—93). Напечатано: 1) в «Пантеоне русской поэзии», ч. II, 1814, стр. 269—272, без подписи; 2) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1-е изд., ч. II, 1815, стр. 238—240; 3) там же, 2-е изд., ч. II, 1821, стр. 200—202; 4) в «Цветнике избранных стихотворений в пользу и удовольствие юношеского возраста», ч. II, М. 1816, стр. 45—47. Списки в сборнике Висковатова, в Блудовской и Тургеневской тетрадях.

Варианты

11. Стоял, *вперя* на Рону взгляды (Пант., Обр. соч., Виск., Блуд., тетр. Тург.)

40. И в дебрях и снегах (Тург.)
42. Отдайте *ж* край отцов, (Виск.)
45. Покрытый в зиму *белым* снегом. (Пант., Обр. соч., Виск., Тург.)
61. О, ветры, *в* полночи летите (Тург.)

Написано, видимо, во время заграничного похода 1814 г. По свидетельству Пушкина, стихотворение подсказано эпизодом с братом знаменитого партизана, поэта Дениса Давыдова, Л. В. Давыдовым, который «в плену у французов говорил одной женщине: «Rendez moi mes frimas» («Верните мне мои морозы»). Плен того же Давыдова воспел и кн. П. А. Вяземский в стихотворении 1815 г. «Русский пленник в стенах Парижа». Однако эмоциональная окраска стихов Вяземского совсем другая: его пленник также поет на берегу Сены, но поет патриотические песни, в которых призывает «воинов Москвы и чести» «отмстить за позор древнего Кремля». В «Пленном» Батюшкова Пушкин порицал отсутствие «народности»: «Он неудачен, хотя полон прекрасными стихами. Русский казак поет, как трубадур, слогом Парни, куплетами французского романса». Ст. *15 — 16* были, по свидетельству Пушкина, «любимыми стихами» П. А. Вяземского.

Гезиод и Омир соперники (стр. 93—97). Впервые — в «Опытах», ч. II, стр. 91—100; перепечатано: 1) в «Радуге» на 1833 г., собранн. и изд. А. И. Н., стр. 246—255, без подписи, с несколькими вариантами, происхождение которых неизвестно (Майковым они не отмечены) и большим количеством опечаток; 2) в «Новом собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год», изд. О-вом любителей отечественной словесности, ч. I, Спб. 1821, стр. 82—87. В 1819—1821 гг. текст «Опытов» был подвергнут Батюшковым некоторой переработке.

Варианты

15. Спешите, залейте *холодной* струей (Рад.)
93—94. С чудесной прелестью воспел *приятным* гласом
Весну, *веселую* сопутницу Гиад
⟨Так же *93* и *94* ст. читаются в тексте «Опытов», но там же на листе «Погрешностей и перемен» дано исправленное чтение⟩
Весну, *зеленую* сопутницу Гиад (1819—1821)
⟨Сперва вместо «зеленую» Батюшков поставил «румяную»⟩.

Любопытно чтение в «Радуге» ст. *86*. В «Опытах» он читается: «Народов, гибнущих по прихоти *царей*». Николаевской цензуре такое чтение,

видимо, показалось совершенно недопустимым, и стих был изменен в прямо противоположном смысле, что делало его совершенно нелепым: «Народов, гибнущих по прихоти *своей*». Раз «гибнет» на войне, значит сам и виноват!

Начато в 1816 г., окончательно обработано в начале 1817 г. (см. письма к Вяземскому от 14 января и к Гнедичу от второй половины февраля 1817 г. Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 413, 417).

Элегия Батюшкова представляет собой перевод элегии Мильвуа «Combat d'Homère et d'Hésiode» («Бой Гомера и Гезиода»). Батюшков, как это видно из письма его к Гнедичу от 7 февраля 1817 г., первоначально также назвал свою элегию «Бой Гезиода и Омира». Заключительная строка перевода в подлиннике соответствия не имеет и целиком принадлежит самому Батюшкову. Стихотворение посвящено А. Н. Оленину. В «Опытах» ему предпослано Батюшковым следующее примечание (перед текстом книги):

«Эта Элегия переведена из Мильвуа, одного из лучших французских стихотворцев нашего времени. Он скончался в прошлом году в цветущей молодости. Французские Музы долго будут оплакивать преждевременную его кончину: истинные таланты ныне редки в отечестве Расина.

Многие писатели утверждали, что Омир и Гезиод были современники. Некоторые сомневаются, а иные и совершенно оспаривают это предположение. Отец Гезиодов, как видно из Поэмы «Труды и дни», жил в Кумах, откуда он перешел в Аскрею, город в Беотии, у подошвы горы Геликона. Там родился Гезиод. Музы — говорит он в начале «Феогонии» — нашли его на Геликоне и обрекли себе. Он сам упоминает о победе своей в песнопении. Архидамий, царь Эвбейский, умирая, завещал, чтобы в день смерти его ежегодно совершались погребальные игры. Дети исполнили завещание родителя, и Гезиод был победителем в песнопении. Плутарх в сочинении своем «Пир семи мудрецов» заставляет рассказывать Периандра о состязании Омира с Гезиодом. Последний остался победителем и, в знак благодарности Музам, посвятил им треножник, полученный в награду. Жрица Дельфийская предвещала Гезиоду кончину его; предвещание сбылось: молодые люди, полагая, что Гезиод соблазнил сестру их, убили его на берегах Эвбеи, посвященных Юпитеру Немейскому.

Кажется, не нужно говорить об Омире. Кто не знает, что первый в мире поэт был слеп и нищий?

Нам Музы дорого таланты продают!»

Подготовляя новое издание стихов, Батюшков вычеркнул это примечание. Следует отметить, что тема незавидной материальной доли поэта была весьма популярна в поэзии и журналистике того времени. Так, в «Любителе словесности» (1806, ч. III, стр. 209—212) был опубликован целый пространный «Список бедных авторов». О Гомере в нем было между прочим сказано: «Гомер нищий и слепой читал на перекрестках стихи свои, за что награждали его кусками хлеба».

Выражение «слепец всевидящий» (ст. 71) в применении к Гомеру употребил и Гнедич в почти одновременно написанном стихотворении «Рождение Омера». «Как мы сошлись? Это, право, странно, — пишет ему в шутливом тоне, в связи с этим, Батюшков (письмо от 22—23 марта 1817 г. «Из автографов Публичной библиотеки») — и *потомство* (?) [знак вопроса поставлен самим Батюшковым. — *Ред.*] что скажет? подумает, что я обокрал тебя! Это ужасно! Я целую ночь не мог спать, и голова разболелась от беспокойства». На самом деле выражение «всевидящий слепец» встречаем уже в письме Батюшкова к Гнедичу от 27 ноября 1810 г., поэма же «Рождение Омера» была читана последним в торжественном собрании Публичной библиотеки только 2 января 1817 г. Помнил ли Батюшков, что таким образом он сам подсказал это выражение Гнедичу, с полной определенностью сказать трудно, но, надо думать, что скорее всего помнил.

Элегия Батюшкова вызвала весьма одобрительный отзыв со стороны Пушкина: «Вся элегия превосходна — жаль, что перевод». Резкое критическое замечание было сделано им только по поводу первой строки, в которой в «Опытах» вместо Халкида ошибочно стоит Колхида (в подлиннике Chalcis, а не Colchide): «Невежество непростительное». Однако упрек Пушкина несправедлив: поэт не заметил, что на листе «Погрешностей и перемен», в начале книги, указано правильное чтение строки, выправляющее типографскую опечатку. Сочувственно отозвался об элегии Батюшкова и Белинский, хотя отзыв его, начатый высокой похвалой, в дальнейшем носит несколько половинчатый характер: «Немного нужно проницательности, чтобы понять, что под пером Батюшкова эта поэма явилась более греческою, чем в оригинале. Вообще эта поэма не без достоинств, хотя в то же время и не отличается слишком большими достоинствами, как бы этого можно было ожидать от ее сюжета».

К другу (стр. 97—99). Впервые — в «Опытах»; перепечатано: 1) в «Собрании русских образцовых сочинений и переводов в стихах», изд. 2-е, ч. I, 1821, стр. 87—91; 2) в «Собрании российских стихотворений» (в пользу юношества, воспитываемого в Учебном округе императ. Виленского университета). Духовные и нравственные стихотворения. Вильна 1827, стр. 283 — 286, с полной подписью. Исправлен в 1819—1821 гг. ст. *56:* «Они безмолвьем отвечали». Написано между 1813 — первыми месяцами 1817 гг.

«Д р у г» — близкий приятель Батюшкова, князь П. А. Вяземский. В 3-й и следующих строфах вспоминается московский дом Вяземского, весьма пострадавший в 1812 г. Гений с перевернутым факелом — «погашающий светильник» (строфа 16-я) — у древних символ смерти. Пушкин отозвался об этом стихотворении: «Сильное, полное и блистательное стихотворение»; а по поводу строки «любви и очи, и ланиты» приписал: «Звуки итальянские! Что за чудотворец этот Батюшков!»

Мечта (стр. 99—105). Напечатано: 1) в «Любителе словесности» (ежемесячное издание Николая Остолопова) 1806, ч. III, стр. 216—219, с подписью *К. Б—в* и следующими примечаниями издателя: к ст. *51—55* «новая и прекрасная мысль», к ст. *73* и *78*: «нельзя не заметить и сих счастливых выражений»; 2) в «Вестнике Европы» 1810, ч. XLIX, № 4, февраль, стр. 283—285, с подписью *Констан. Бат.;* 3) в «Собрании русских стихотворений», ч. V, 1811, стр. 323—331, с полной подписью; 4) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1-е изд., ч. VI, 1817, стр. 233—240. Отрывок из «Мечты» (песнь Скальда), отсутствовавший в первоначальной редакции, был введен Батюшковым в статью «Картина Финляндии», впервые напечатанную в «Вестнике Европы» 1810, ч. L, № 8, апрель, стр. 247 — 257, перепечатанную в «Образцовых сочинениях в прозе» (М. 1811 и 2-е изд. 1824) и введенную в I-ю часть «Опытов». Списки: 1) в бумагах Жуковского, 2) в сборнике Висковатова с эпиграфом «Но мы, отличенные Зевесовой благостью...», 3) в Блудовской тетради, 4) в сборнике Ефремова и 5) в Тургеневской тетради. Являясь самым ранним из дошедших до нас стихотворений Батюшкова, «Мечта» подвергается вместе с тем неоднократным исправлениям и переработке на протяжении почти всей его литературной деятельности, наглядно иллюстрирующим эволюцию батюшковского стиха от тяжеловесных, еще непосредственно восходящих к образцам XVIII века, ямбических шестистопников первоначальной редакции до легкого изящного метра некоторых кусков последующих редакций (напр., ст. *170—177* нашего основного текста, непосредственно примыкающие к одному из наиболее блестящих достижений Батюшкова — стиху «Моих пенат», см. ниже примечание к этому стихотворению). Первая редакция ее относится к 1802 — 1803 гг. (публикации «Любителя словесности» и «Вестника Европы»). После опубликования в последнем элегия дополняется и в 1811 г. в «Собрании русских стихотворений» Жуковского появляется в совершенно переработанном виде. Этот новый текст подвергается дальнейшим исправлениям, последние из которых относятся к 1817 г. — времени издания «Опытов». Текст, в котором элегия была напечатана в «Опытах», видимо, окончательно удовлетворил поэта. По крайней мере, при пересмотре им своих стихов в 1819—1821 гг. никаких новых изменений он в него не внес. Несмотря на все это Пушкин считал «Мечту» «самым слабым из всех стихотворений Батюшкова», а к ст. *143—144* сделал примечание: «Катенин находил эти два стиха достойными Баркова».

Приводим редакцию 1802 — 1803 гг.:

О, сладостна мечта, дщерь ночи молчаливой,
Сойди ко мне с небес в туманных облаках
Иль в милом образе супруги боязливой,
С слезой блестящею во пламенных очах!
Ты, в душу нежную поэта
Лучом проникнув света,

Горишь, как огнь зари, и красишь песнь его.
Любимца чистых сестр, любимца твоего,
И горесть сладостна бывает:
Он в горести мечтает.
То вдруг он пренесен во Сельмские леса,
Где ветр шумит, ревет гроза,
Где тень Оскарова, одетая туманом,
По небу стелется над пенным океаном;
То с чашей радости в руках
Он с Бардом песнь поет — и месяц в облаках,
И Кромлы шумный лес безмолвствуя внимает,
И эхо вдалеке песнь звучну повторяет.
О, сладостна мечта, ты красишь зимний день,
Цветами и зиму печальную венчаешь,
Зефиром по снегам летаешь
И между светлых льдин являешь миртов тень!

Богиня ты, мечта! Дары твои бесценны
Самим невольникам в слезах.
Цепями руки отягченны,
Замки чугунны на дверях
Украшены мечтой... Какое утешенье
Украсить заключенье,
Оковы променять на цепь веселых роз!..
Подругу ль потерял, источник вечных слез,
Ступай ты в рощицу унылу,
Сядь на плачевную могилу,
Задумайся, вздохни — и друг души твоей,
Одетый ризою прозрачной, как туманом,
С прелестным взором, стройным станом,
Как Нимфа легкая полей,
Прижмется с трепетом сердечным,
Прижмется ко груди пылающей твоей.
Стократ мы счастливы мечтаньем скоротечным!

Мечтанье есть душа поэтов и стихов.
И едкость сильная веков
Не может прелестей сокрыть Анакреона,
Любовь еще горит во Сафиных мечтах.
А ты, любимец Аполлона,
Лежащий на цветах
В забвеньи сладостном, меж Нимф и нежных Граций,
Певец веселия, Гораций,
Ты в песнях сладостно мечтал,
Мечтал среди пиршеств и шумных, и веселых

И смерть угрюмую цветами увенчал!
Найдем ли в истинах мы голых
Печальных стоиков и твердых мудрецов
Всю жизни бренной сладость?
От них эфирна радость
Летит, как бабочка от терновых кустов.
Для них прохлады нет и в роскоши природы;
Им девы не поют, сплетяся в хороводы;
Для них, как для слепцов,
Весна без прелестей и лето без цветов.
Увы, но с юностью исчезнут и мечтанья,
Исчезнут граций лобызанья!
Как светлые лучи на темных облаках,
Веселья на крылах
Дни юности стремятся:
Не долго на цветах
В беспечности валяться.
Весеннею порой
Лишь бабочка летает,
Амуров нежный рой
Морщин не лобызает.
Крылатые мечты
Не сыплют там цветы.
Где тусклый опытность светильник зажигает.

Счастливая мечта, живи, живи со мной!
Ни свет, ни славы блеск пустой
Даров твоих мне не заменят.
Глупцы пусть дорого сует блистанье ценят,
Лобзая прах златой у мраморных крыльцов!
Но счастию певцов
Удел есть скромна сень, мир, вольность и спокойство.
Души Поэтов свойство:
Идя забвения тропой,
Блаженство находить мечтой.
Их сердцу малость драгоценна:
Как бабочка влюбленна
Летает с травки на цветок,
Считая морем ручеек,
Так хижину свою Поэт дворцом считает
И счастлив!.. Он мечтает.

Варианты первоначальной редакции
(по «Вестнику Европы»)

17—18. И Кромлы шумный лес *безмолвно им* внимает.

И эхо *по холмам* песнь звучну повторяет.
20—22. Цветы в снегах рождаешь,
Зефирам крылья расправляешь
И *стелешь в льдинах* миртов тень.
24. Невольникам в слезах.
27—32. Украшены тобой; и часто заключенный
Оковы *променял* на цепь веселых роз.
Любовник, день и ночь ты льешь источник слез,
Без друга жизнь влачишь унылу,
Ступай же на ее безмолвную могилу,
35. С прелестным взором, с стройным станом,
40. *Мечтание* — душа поэтов и стихов,
43—45. Любовь еще горит во *пламенных* мечтах
Любовницы Фаона;
А ты, лежащий на цветах
48. Ты *с лирою в руках* мечтал,
51—54. В нагих ли истинах от века устарелых
Угрюмых стоиков, *сердитых* мудрецов
Найдем мы жизни нашей *сладость*?
От них, *я вижу*, радость.
56. Для них *нет прелести и в красотах* природы,
59. Весна без *радости* и лето без цветов
66—67. Любовью упиваться;
Мечты крылатых снов
68—71. ⟨Нет⟩
72. Не сыплют там *своих цветов*,
Где юность увядает,
74. Счастливая мечта, живи *еще* со мной,
78. Лобзая прах златой у мраморных *крылец*.
79—83. Но счастлив *тем* певец,
⟨У Майкова ошибочно: там⟩
Когда *снискал себе он* вольность и спокойство,
А от сует ушел забвения тропой.
Души поэтов свойство
Блаженство находить *в убожестве* — мечтой.
85. Как *пчелка медом отягченна*,

Для того чтобы показать последовательный ход работы Батюшкова над «Мечтой», воспроизводим рукописный текст последней, сохранившийся в бумагах Жуковского (Рукоп. отд. Ленинградской Публичной библиотеки).

Текст этот представляет собой промежуточное звено между редакциями «Вестника Европы» и «Собрания русских стихотворений» (последняя легла в основу окончательного текста «Опытов»). Написан на 5 листах почтовой бумаги; 7 страниц неизвестным почерком и 3 последние страницы рукой самого Батюшкова, что сообщает всей рукописи значение автографа. В конце собственноручная подпись: *Константин Батюшков.*

Первые 116 стихов — список; *116* ст. первоначально читался: «Как часто в Тиволи! в твоем уединеньи», но зачеркнут самим поэтом, который оторвал весь низ страницы и на следующем белом листке собственноручно дописал стихотворение. В *111* ст., который первоначально читался: «В забвеньи сладостном, меж Нимф и нежных Граций», зачеркнуты три первые слова. *145* ст. первоначально читался: «Для них нет прелести и в красотах природы», но был зачеркнут; новое чтение: «И мертвы прелести роскошные природы» вписано через стих над строкой и также зачеркнуто, взамен чего над следующим стихом дано окончательное чтение, причем первоначальный *145* ст. стал *147*. Ст. *151* отчеркнут на полях и рядом с ним надпись, видимо, рукой Жуковского: «поправь». Первые 18 стихов почти целиком совпадают с первоначальной редакцией 1802—1803 гг.; наоборот, с *19* ст. текст представляет собой в основном новую, вторую, редакцию, со включением целых отдельных кусков из первой. Дальнейшая переработка заключается в замене этого механического соединения двух редакций переплавкой всего заготовленного поэтом материала в некое органическое целое. Майков, указывая эту рукопись, отмечающую, как мы видим, один из наиболее интересных моментов в истории создания «Мечты», в примечаниях, в дальнейшем не только оставляет ее без всякого внимания, но и не приводит из нее многочисленных вариантов (его указание, что все они вошли в текст «Собрания русских стихотворений», совершенно не отвечает действительности). Курсивом отмечаем разночтения — до *19* ст. относительно первоначальной, а с *19* ст. относительно окончательной редакции.

О, сладостна мечта, дщерь ночи молчаливой,
Сойди ко мне с небес в туманных облаках
Иль в милом образе супруги боязливой,
С слезой блестящею во пламенных очах!

Ты, в душу нежную поэта
Лучом проникнув света,
Горишь, как огнь зари, и красишь песнь его,
Любимца чистых сестр, любимца твоего,
И горесть сладостна бывает:
Он в горести мечтает.
То вдруг он пренесен во Сельмские леса,
Где ветр шумит, ревет гроза,

Где тень Оскарова, одетая туманом,
По небу стелется над пенным океаном;
То с чашей радости в руках
Он с *Бардами* поет — и месяц в облаках
И Кромлы шумный лес *безмолвно им* в[нимает]
И эхо *по холмам* песнь звучну повторяет.
Или в полночный час
Он слышит *Скальда* глас
Прерывистый и томный.
Полк юношей безмолвный,
Склоняся на щиты. *кругом его стоит.*
Царь песней, древний Скальд, мечтой одушевленный,
Могилу указав, где *прах героя* спит,
Лучами месяца сквозь ветви освещенный,
Гласит и будит гул в долине и в лесах.
«Чья тень», *поет сей Скальд* в священном исступленьи,
«Там с девами плывет в туманных облаках?
Се ты, *о, юноша, погибший* на сраженьи!
Мир *праху твоему*, герой!
Твоей секирою стальной
Низвергнут сильных вождь, полки его разбиты
Ты пал на *груды* тел
От тучи вражьих стрел,
Пал витязь знаменитый....
И се уж над тобой
О, юноша - герой,
Посланницы небесны,
Валкирии прелестны,
С улыбкой на устах,
С копьем златым в руках,
Протяжным хороводом
Со месячным восходом
Спустились в облаках.
Невидимо спустились,
Коснулися — и вновь
Глаза твои открылись!
Течет по жилам кровь
Чистейшего эфира,
Ты сам бесплотный дух
В страны безвестны мира
Летишь стрелой... И вдруг
Открылись пред тобой те радужны чертоги,
Где уготовали для сонма храбрых боги
При *звуке горних* лир
Любовь и вечный пир.

На злачных берегах среди прохладных теней
Ты будешь поражать там скачущих еленей
И *быстроногих* серн!
Склонясь *в тени* на дерн,
Там *арфой* золотою
В восторге Скальд поет
О славе древних лет,
Поет и храбрых очи,
Как звезды тихой ночи,
Утехою блестят.
Но вечер притекает,
Час неги и прохлад,
Глас Скальда *умолкает.*
Замолк, и храбрых сонм
Идет в Оденов дом,
Где дочери Веристы,
Власы свои душисты
Раскинув по плечам,
Прелестницы младые,
Всегда полунагие,
На пиршества гостям
Обильны яства носят
И пить умильно просят
Из чаши *светлый* мед» —
Так древний Скальд поет,
Лесов и дебрей сын угрюмый:
Он счастлив, погрузясь о счастьи в сладки думы!
О, *сладостна* мечта! *Ты красишь зимний день,*
Цветы в снегах рождаешь,
Зефирам крылья расправляешь,
И стелешь в льдинах миртов тень.
Богиня ты, мечта! дары твои бесценны
Невольникам в слезах.
Цепями руки отягченны,
Замки чугунны на дверях,
Украшены тобой, и часто заключенный
Оковы променял... на цепь веселых роз.
Любовник! День и ночь ты льешь источник слез,
Без друга жизнь влачишь унылу?
Ступай же на ее безмолвную могилу,
Задумайся, вздохни и друг души твоей,
Одетый ризою прозрачной, как туманом,
С прелестным взором, с стройным станом,
Как Нимфа легкая полей,
Прижмется с трепетом сердечным,

Прижмется ко груди пылающей твоей.
Стократ мы счастливы мечтаньем скоротечным.
Мечтание — душа поэтов и стихов.
    И едкость сильная веков
Не может прелестей *сокрыть* Анакреона;
Любовь еще горит во пламенных мечтах
    Любовницы Фаона;
А ты, лежащий на цветах
    Меж Нимф и *нежных* Граций,
    Певец веселия, Гораций,
Ты *с лирою в руках* мечтал,
Мечтал среди *пиршеств* и шумных, и веселых,
И смерть угрюмую... цветами увенчал.
Как часто *в Тиволи*, в сих рощах устарелых,
    На скате бархатных лугов,
В счастливом *Тиволи*! в твоем уединеньи
Ты ждал Глицерию и в сладостном забвеньи,
Томимый негою на ложе из цветов,
При воскурении мастик благоуханных,
    При пляске Нимф венчанных,
    Сплетенных в хоровод,
    При отдаленном шуме
    В лугах журчащих вод,
    Безмолвен, в сладкой думе,
    Мечтал... и вдруг мечтой
    Восторжен сладострастной,
У ног Глицерии стыдливой и прекрасной
    Победу пел любви
    Над юностью беспечной
    И первый жар в крови,
    И первый вздох сердечной,
    Счастливец, воспевал
    Цитерские забавы,
    И все заботы славы
    Ты ветрам отдавал!
Ужели в истинах печальных
Угрюмых стоиков и скучных мудрецов,
Сидящих в платьях погребальных
    Между *развалин* и гробов,
Найдем мы жизни нашей сладость!
    От них, я вижу, радость
Летит, как бабочка от терновых кустов.
Им девы не поют, сплетяся в хороводы,
    Для них, как для слепцов,
Все мертвы прелести *роскошныя* природы —

Весна без радости и лето без цветов.

Увы! но с юностью исчезнут и мечтанья,
Исчезнут Граций лобызанья,
Как светлые лучи иль солнце в облаках.
Веселья на крылах
Дни юности стремятся:
Не долго во цветах
Любовью упиваться:
Мечты крылатых снов
Не сыплют там своих цветов,
Где тусклый опытность светильник зажигает!
Счастливая мечта! живи еще со мной!
Ни свет, ни славы блеск пустой
Даров твоих *мне* не *заменят!*
Пусть дорого *глупцы* сует блистанье *ценят*,
Лобзая прах златой у мраморных *крылец!*..
Но счастлив *тем певец*,
Когда снискал себе *он вольность* и спокойство,
А от сует ушел забвения тропой.
Души поэтов свойство
Блаженство находить в убожестве.... мечтой;
Их сердцу малость драгоценна:
Как пчелка медом отягченна,
Летает с травки на цветок,
Считая морем ручеек,
Так хижину свою поэт дворцом считает
И счастлив... *он мечтает!*

Варианты к редакции «Опытов» по «Собранию русских стихотворений», «Собранию образцовых русских сочинений и переводов в стихах», спискам — Висковатова, Блудовской тетради, сборника Ефремова и Тургеневской тетради — и по отрывку, напечатанному в прозаической статье «Картина Финляндии» («Вестник Европы» 1810 и «Опыты», ч. I):

4. Где тот счастливый край, *где* мирная пустыня, (С. р. ст., Обр. соч., Виск., Ефр., Тург.)

5. К которым *правишь ты* таинственный полет (С. р. ст., Обр. соч., Виск.)

6. Иль любишь *дебри* ты и грозных скал хребет, (С. р. ст., Обр. соч., Виск., Ефр., Тург.)

8.	Иль *Муромски леса угрюмы посещаешь,*	(С. р. ст., Обр. соч., Виск.)
13.	Под тенью яворов ты *ходишь по лугам,*	(С. р. ст., Обр. соч., Виск.)
	Под тенью яворов ты *ходишь* по холмам	(Ефр., Тург.)
17.	*Тобою вдохновенным*	(С. р. ст., Обр. соч., Виск.)
27.	По небу *носится* над пенным океаном;	(С. р. ст., Обр. соч., Виск., Ефр., Тург.)
31.	И эхо го *холмам* песнь звучну повторяет. ⟨в Тург. тетр., очевидно, описка: *по волнам*⟩	» »
32.	*В* полночный час	(Опыты I, В. Евр.)
33.	Он слышит *скальда* глас	(С. р. ст., Обр. соч., Виск., Опыты I, В. Евр.)
35.	*Сонм* юношей безмолвный,	(С. р. ст., Обр. соч., Виск.)
	Полк юношей безмолвный	(В. Евр.)
36.	Склоняся на щиты *кругом его стоит*	(С. р. ст., Обр. соч., Виск., В. Евр.)
37.	И внемлет с трепетом глагол его священный	(С. р. ст., Обр. соч., Виск.)
	⟨Отсутствует⟩	(В. Евр.)
38.	Царь песней, древний скальд, мечтой одушевленный	(С. р. ст., Обр. соч., Виск., В. Евр.)
39.	⟨Отсутствует⟩	» »
40.	Могилу указав, где *прах героя* спит	(С. р. ст., Обр. соч.)
	Могилу указав, где *прах* героев спит.	(Виск.)
	На холмы указав, где *прах* героев спит	(Ефр., Тург.)
Между *41—42*.	Лучами месяца сквозь ветви освещенный Гласит и будит гул в долине и лесах	(В. Евр.)

41—42.	«Чья тень», гласит певец в священном исступленьи	(В. Евр.)
	«Чья тень, чья тень», гласит в священном исступленьи	(С. р. ст., Обр. соч., Виск.)
43.	Там с девами плывет в *прозрачных* облаках	(С. р. ст., Обр. соч., Виск., Ефр., Тург.)
44—45.	Се ты, о *юноша*, погибший на сраженьи	(В. Евр.)
45.	*Со славой* падший на сраженьи	(Опыты I)
46.	Мир праху твоему, герой!	(С. р. ст., Обр. соч., Виск., В. Евр., Ефр., Тург.)
48.	Низвергнут сильных вождь, полки его разбиты.	» »
	Враги поверженны разбиты.	(Блуд. тетр.)
49.	Но *ты днесь* пал на грудах тел	(Опыты I, Блуд. тетр.)
	Ты пал на *груды* тел	(С. р. ст., Обр. соч., Виск., В. Евр.)
	Ты пал на грудах тел	(Ефр., Тург.)
50—52.	От тучи вражьих стрел Пал витязь знаменитый... И се уж над тобой (так же и в «Опытах», I), Мой юноша герой (в В. Евр.: «*О*, юноша...») Посланницы небесны	(С. р. ст., Обр. соч., Виск., В. Евр., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
54.	С улыбкой на устах,	(С. р. ст., Обр. соч., Виск., В. Евр., Ефр., Тург.)
	Прелестны всадницы на пламенных конях	(Блуд. тетр.)
55.	С копьем златым в руках,	(С. р. ст. Обр. соч., Виск., В. Евр.)
56.	Под синим неба сводом Протяжным хороводом	(Ефр., Тург.)

	Спустились в облаках В безмолвии спустились!	
56.	Протяжным хороводом Со месячным восходом Спустились в облаках, Невидимо спустились	(С. р. ст., Обр. соч., Виск., В. Евр.)
57.	*Коснулися* и вновь	(В. Евр.)
61.	*Ты сам* бесплотный дух	(С. р. ст., Обр. соч., Виск., В. Евр., Ефр., Тург.)
62.	В страны *безвестна* мира	(С. р. ст., Обр. соч., Виск.)
66—67.	При звуке горних лир Любовь и вечный пир	(В. Евр.)
68.	*На злачных берегах среди прохладных теней*	» »
68.	*На бархатных лугах, среди прохладных сеней*	(С. р. ст., Обр. соч., Виск.)
68.	Среди *долин* и свежих сеней	(Ефр., Тург.)
70.	И *быстроногих* серн	(С. р. ст., Обр. соч., Виск., В. Евр., Ефр., Тург.)
71.	Склонясь *в тени* на дерн	(В. Евр.)
73.	Там *с* арфой золотою ⟨в В. Евр.: «*Там арфой...*»⟩	(С. р. ст., Обр. соч., Виск., Ефр., Тург.)
76.	Поет и *храбры* очи	(Блуд. тетр.)
81.	Глас скальда *умолкает* ⟨81 стихом в Ефр. сб. и Тург. тетр. стихотворение заканчивается⟩	(В. Евр.)
87—88.	⟨Отсутствуют⟩	(Виск.)
89.	На *пиршество* гостям	(Блуд. тетр.)
92.	Из чаши *светлый* мед.	(С. р. ст., Обр. соч., Виск.)
96.	О, *сладостна* мечта! О, неба дар благой	» »
98.	Где *обмывают брег Гиперборейски* воды,	» »

101—102.	В час полночи *глухой* <так же в Блуд. тетр.> Раздастся ветров вой	(С. р. ст., Обр. соч., Виск.)
103.	И в кровлю застучит *и дождь, и град* осенний	(Блуд. тетр.)
106—108.	И вдвое счастлив был в мечтах	(Виск.)
106.	Или забывшися *на персях* красоты,	(С. р. ст., Обр. соч.)
108.	И *вдвое счастлив был* в мечтах!	» »
109.	Волшебница *мечта!* Дары твои бесценны	(С. р. ст., Обр. соч., Виск.)
111.	С котомкой нищему, *невольнику* в цепях.	» »
112.	Заклепы страшные с замками на *стенах*	(Блуд. тетр.)
115—116.	И глиняный сосуд с холодною водой Украшены твоей, волшебница, рукой.	(С. р. ст., Обр. соч., Виск.)
119.	И счастием даришь любимца *твоего.*	(С. р. ст., Обр. соч.)
126.	Что пред *тобою душ* холодных радость	(С. р. ст., Обр. соч., Виск.)
127.	<Отсутствует>	» »
128—129.	Тому, кто ничего не ищет под *луной* И милый прах сокрыл в земле сырой. <В Собр. р. ст. и в Обр. соч: И милый прах *друзей* сокрыл в земле сырой>	(Виск., С. р. ст., Обр. соч.)
130.	<Отсутствует>	(С. р. ст., Обр. соч., Виск.)
131—144.	<Отсутствуют>	(Виск.)
131.	Кто в жизни не любил *и в час глубокой ночи*	(С. р. ст., Обр. соч.)
132—135.	<Отсутствуют>	» »
137.	Всю сладость не *вкушал* обманчивой мечты?	(там же и Блуд. тетр.)
147.	*Не в силах* прелестей лишить Анакреона	(Блуд. тетр.)
153.	Ты *с лирою в руках* мечтал,	(С. р. ст., Обр. соч., Виск.)
167—168.	<У Виск. пропущены слова: *мечтой восторжен сладострастной*>	

185.	Для них нет прелести и в *красотах* природы.	(С. р. ст., Обр. соч., Виск., Блуд. тетр.)
192.	*Не расточится там уж более* цветов	(С. р. ст., Обр. соч., Виск.)
194.	И время старости могилу *разрывает.*	» »
197.	*Во век* даров твоих для сердца не заменит!	» »
203.	⟨Отсутствует⟩	» »
204.	*Души* поэтов свойство	» »

ПОСЛАНИЯ

Мои пенаты (стр. 106—115). Напечатано: 1) в «Пантеоне русской поэзии», ч. I, 1814, стр. 55—69, с полной подписью; 2) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1-е изд., ч. IV, 1816, стр. 317—328. В Ленинградской Публичной библиотеке есть автограф этого стихотворения с эпиграфом из «La Chartreuse» («Обитель») Грессе:

Calme heureux! loisir solitaire!
Quand on joit de ta douceur,
Quel antre n'a pas de quoi plaire?
Quelle caverne est étrangère
Lorsqu'on y trouve le bonheur?
⟨Счастливое спокойствие! Уединенное отдохновение!
Когда наслаждаешься твоею сладостностью,
Какая пещера не будет мила?
Какой вертеп будет непривлекателен,
Если находишь в нем счастье?⟩

Автограф беловой, но с несколькими исправлениями. Первоначальное заглавие «К Пенатам» зачеркнуто и вместо него написано: «Мои Пенаты. Послание к Ж. и В. 1811» (то же заглавие в «Опытах», но без даты). В изд. Майкова дан, якобы по автографу Публичной библиотеки, бессмысленный вариант *171* ст.: «Слетят на голос *мусной*». На самом деле в автографе отчетливо читается, как и в тексте «Опытов», — «лирный».

Списки: 1) в сборнике Афанасьева под заглавием «К пенатам», 2) в Блудовской тетради, 3) в сборнике Ефремова, 4) в Тургеневской тетради и 5) в альбоме Безобразова (Рукоп. отд. Института русской литературы Академии Наук, 10,089/LXб22, стр. 90_2 — 92_2; внизу 90_2 стр. помета другими чернилами: «29 марта 1821. Известие» (видимо, о сумасшествии Батюшкова).

Варианты

72. Любовью передета (Ефр., Тург.)
104. Близ *девы* сладким сном!.. (Пант., Обр. соч., автогр., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)

131—141. О, Лила, друг мой милый, (Аф., Ефр., Тург.)
Душа души моей!
Тобою век унылый,
Средь шума и людей,
Среди уединенья,
Средь дебрей и лесов,
Средь скучного томленья
Печали и трудов,
Тобой, богиня, ясен!
И этот уголок
Не будет одинок!

144. Без злата *богачей* (Пант., Обр. соч., автогр., Ефр., Тург.)

154. *Плотских* свободен уз, (Пант., Обр. соч., автогр., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)

164—170. Спускайтеся ко мне! (Аф., Ефр., Тург.)
Пусть тени и призраки
Любимых мне певцов,
Разрушив тлен и мраки
Эреба и гробов,
Как жители эфирны,
Воздушною стезей

169. *Из* области *эфирной* (Пант., Обр. соч., автогр.)

189—196. Пером из крыльев Леля (Аф., Ефр., Тург.)
Здесь пишет Карамзин,
Преемник Мармонтеля,
В таблицах Мнемозин
Любовны приключенья
Девиц и светских дам
И сладки откровенья
Чувствительным сердцам.

197—200. ⟨Отсутствуют⟩ (Аф., Ефр., Тург.)

После ст. *200* в автографе есть следующие зачеркнутые строки:

Всегда внушенный чувством,
Умел он позлатить
Оратора искусством
Повествованья нить
И в слоге плавном слить
Всю силу Робертсона
И сладость Ксенофона;
Аттической пчелы,
Волшебной...
⟨Вслед за «волшебной» еще два жирно зачеркнутых слова, не поддающихся прочтению⟩

209. Здесь с *Музами* играя (Ефр., Тург.)
212. *Димитриев* сидит » »
215—216. *Украсил он* цветами
Лик истины шутя. (автогр.)
⟨Обе эти строки зачеркнуты и сбоку дано новое чтение, совпадающее с текстом «Опытов»⟩
229. А вы *смиренны* хаты (Блуд. тетр.)
253. Сложи *печали* бремя (Изд. Майкова; очевидно, опечатка)
254. Ж... добрый мой (Опыты)
260. *Эротом* оживить (Пант., Блуд. тетр., Тург., Безобр.)
⟨У Майкова это же чтение ошибочно введено в текст «Опытов»⟩
261. О, В.....! цветами (Опыты)
262. *Венчай ты нас*, венчай (Ефр., Тург.)
263—264. *Шампанское реками*
В сей кубок наливай! (Аф., Ефр., Тург.)
269. В час неги и *услады* (Ефр., Тург.)
277. О! дай же *мне ты* руку (Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
298. Не сетуйте *об* нас (Ефр., Тург.)
303. И *мрачны* псалмопенья ⟨тут же зачеркнуто и исправлено: и *томны*...⟩ (автогр.)
309. *Вы* бросьте на гробницы ⟨зачеркнуто и исправлено: *Иль* бросьте...⟩ (автогр.)
312. *И скромный* повилик ⟨зачеркнуто и исправлено: *с листами*...⟩ (автогр.)

Послание Батюшкова адресовано к Жуковскому и Вяземскому, с которыми он особенно сблизился во время своего пребывания в Москве.

Зерно этого центрального для всего творчества Батюшкова до 1812 — 1813 гг. стихотворения можно усмотреть уже в письме к Гнедичу из Финляндии от 3 мая 1809 г. Приводим относящееся сюда место письма, в виду крайней его характерности:

«Женимся, мой друг, и скажем вместе: «Святая невинность, чистая непорочность и тихое сердечное удовольствие, живите вместе в бедном доме, где нет ни бронзы, ни драгоценных сосудов, где скатерть постлана гостеприимством, где сердце на языке, где фортуны не чествуют в почетном углу, но где мирный Пенат улыбается друзьям и супругам, мы вас издали приветствуем!» Не правда ли? А пока пойдем с рублем к Каменному мосту и потом направо» (Сочинения, т. III, стр. 36).

Однако набросано послание только в 1811 г. в деревне (в письме к Гнедичу от октября 1811 г. он уже выписывает четыре стиха из послания), а дорабатывалось в начале 1812 г. (см. письма к Вяземскому и Жуковскому, ib., стр. 144, 153 и 178). Сам поэт явно придавал этому стихотворению большое значение: тщательно отделывал его, просил Жуковского и Вяземского присылать ему свои замечания и исправления. Вяземскому, очевидно, был послан текст, соответствующий Аф., Ефр. и Тург. спискам. Это видно из замечания Вяземского на содержащийся в нем стих «В таблицах Мнемозин», в котором он усмотрел погрешность против мифологии. Батюшков возражал ему («Мнемозина была матерью муз, но и музы назывались Мнемозинами», письмо от 10 мая 1812 г., ib., стр. 183), но в дальнейшем переработал соответствующее место, вовсе устранив Мнемозин. Послание Батюшкова приобрело огромную популярность, вызвало ответные послания Жуковского («К Батюшкову»: «Сын неги и веселья...») и кн. Вяземского («К Батюшкову»: «Мой милый, мой поэт...»), написанные размером «Моих пенатов» и подхватывающие их основные мотивы (только «погибельным мечтам сладострастья», которыми исполнены «Мои пенаты», Жуковский характерно противопоставляет «душевную чистоту» и «счастье прямой любви»), и непосредственно отразилось на лицейских посланиях Пушкина «К сестре» и «Городок», из которых последнее, по справедливому указанию Гаевского, проделавшего параллельное сличение стихов Батюшкова и Пушкина, является прямым «сколком с «Моих пенатов» («Современник» 1863, т. XCVII, стр. 353 — 360). Н. О. Лернер в примечании к стихотворению Пушкина «Выздоровление» (прямая зависимость которого от одноименного стихотворения Батюшкова неоднократно, кстати, указывалась исследователями), недоумевает по поводу имеющегося в этом стихотворении «странного образа» девы «в одежде ратной» и «под грозным кивером». Он готов даже предположить, что «больного Пушкина», действительно, «навестила какая-нибудь ветренная Лаиса», скрывшаяся под этим нарядом «от внимательных очей родных поэта», или, на худой конец, что образ этот «являлся поэту в бреду» (Сочинения Пушкина, под ред. Венгерова, т. I, стр. 472). Между тем не подлежит сомнению чисто литературное происхождение этого образа, непосредственно попавшего

в стихи Пушкина все из тех же «Моих пенатов». Подражал стихотворению Батюшкова и Денис Давыдов в своем послании 1815 г. «Другу-повесе». Самый размер «Моих пенатов» — короткий и стремительный трехстопный ямб, сменивший собой традиционный тяжелый, медлительный размер посланий XVIII века, является одним из характернейших стилевых проявлений Карамзинской школы и укоренился в дружеских посланиях начала века.

Начало послания Батюшкова в слегка измененном виде вложено Грибоедовым и Катениным в уста Беневольского из комедии «Студент» — персонажа, в котором дана пародия на «карамзинистов». Он же декламирует куски из ответа Жуковского Батюшкову.

Литературными источниками самому Батюшкову послужили стихотворения Дюси «A mes pénates» («Моим пенатам») и Грессе «La chartreuse» («Обитель»); из этого последнего стихотворения заимствован прием перечисления любимых поэтов. Ст. *226* — «Питомец муз надежный» — целиком заимствован Батюшковым из «Послания Попа к Арбутноту» И. И. Дмитриева. Помимо имен, прямо названных в тексте, Батюшков включает в число своих «любимых певцов» Ломоносова («Парнасский исполин»), Державина («Наш Пиндар, наш Гораций»), Богдановича («Сильф прекрасный, воспитанник Харит»). Пушкин отозвался о послании Батюшкова: «Это стихотворение дышет каким-то упоением роскоши, юности и наслаждения, — слог так и трепещет, так и льется — гармония очаровательна», но считал «главным пороком» невыдержанность его «классики» — «слишком явное смешение древних обычаев мифологии с обычаями жителя подмосковной деревни».

Послание Велеурскому (стр. 115—116). Напечатано: 1) в «Пантеоне русской поэзии», ч. IV, 1815, стр. 193—195, под заглавием: «Графу В...» и без подписи; 2) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1-е изд., ч. V, 1816, стр. 39—41, под тем же заглавием и с полною подписью; 3) в «Вестнике Европы» 1816, ч. LXXXVIII, № 14, июль, стр. 99—101, под заглавием: «Послание к Г. В.», с датой «Москва 1809 г.» и с подписью *Б*. Списки в сборнике Афанасьева под заглавием: «Графу Вельегорскому», в Блудовской тетради: «Графу В.», в сборнике Ефремова и в Тургеневской тетради, в обоих под заглавием: «Графу Вельгеурскому». В «Опытах» — «Послание Г. В—му».

Варианты

2.	Эраты голосом и *стрелами* Амура	(Ефр., Тург.)
24.	И руку жмет ему *стыдливыми* перстами	(Пант., Обр. соч., В. Евр., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
26.	Зарю *протекших* дней и с прежними бедами.	(Блуд. тетр., Ефр., Тург.)

41. С сильванами сойдут, *услышат* голос мой — (Изд. Майкова; видимо, ошибка).

42. Наяды робкие, всплывая над *волной* — (Ефр., Тург.)

В ст. *49* «Вестника Европы» *«им скажут»* вместо «им скажет».— очевидная опечатка. Послание обращено к графу М. Ю. Вьельгорскому (Батюшков писал, согласно польскому произношению, Велеурскому), с которым поэт познакомился в бытность свою в Риге, в 1807 г. Майков высказывает сомнение в дате «Вестника Европы», указывая, что Батюшков в 1809 г. не был в Москве. Однако это противоречит письму Батюшкова к сестре от января 1810 г. (т. III, стр. 71), в котором он пишет, что с Рождества, т. е. с конца декабря 1809 г., находится в Москве.

Послание к Тургеневу (стр. 116—118). Напечатано: 1) в «Пантеоне русской поэзии», ч. VI, 1815, стр. 234 — 237, под заглавием: «К другу», с полной подписью; 2) в «Сыне отечества» 1816, ч. LIII, № 45, 10 ноября, стр. 262—264, под заглавием: «Послание к...», с подписью *Б.* и пометой: «Москва, 14-го октября 1816 г.»; 3) в «Московском альманахе для прекрасного пола» на 1826 г., стр. 206—208, с полной подписью. Обращено к А. И. Тургеневу и послано ему в качестве экспромпта («ей, ей, impromptu!») при письме из Москвы 14 октября 1816 г. (см. автограф письма в книге П. Н. Полевого «История русской словесности», т. II, стр. 496—497). Исправлено в 1819—1821 гг. Список в альбоме Безобразова в ИРЛИ (10 089 Хб 22) под заглавием «К другу». В «Опытах» — «Послание к Т—ву».

Варианты

2. Среди *веселья* и забав — (Безобр.)

14. Поэта *смирного* моленье ⟨Так же в тексте «Опытов», но на листе «Погрешностей и перемен» дано новое чтение строки. Майковым оно не введено в текст⟩ — (Пант., С. О., Моск. альм., письмо)

20. Они очутятся с *сергами.* — (1819—1821)

25. Жил некто в мире сем ...*ов* — (Опыты)

50—56. ⟨Отсутствуют⟩ — (Моск. альм., письмо)

60. Т..... друг наш! ради неба. — (Опыты).

«Некто Попов» — офицер, вдова и дочь которого лишились во время московского разорения 1812 г. всего своего имущества (см. Сочинения Батюшкова, т. III, стр. 405—407 и 411—412).

А. И. Тургенев славился постоянной готовностью оказывать самую разнообразную помощь всем в ней нуждающимся. Друзья обращались к нему по всяким поводам. Как раз за несколько месяцев до стихотвор-

ного послания Батюшкова с аналогичным посланием в стихах же обратился к нему Вяземский (послание Батюшкова по форме прямое ему подражание), прося за какого-то бедного священника (письмо Вяземского Тургеневу от 27 июня 1816 г., Остафьевский архив, I, Спб. 1899, стр. 49). Получив стихи Батюшкова, Тургенев писал Вяземскому: «Читаю с восхищением прелестный impromptu Батюшкова и на другой день получения стихов с похорон поехал прямо на свадьбу Лобанова. Да сбудется писание! <Тургенев имеет в виду строки Батюшкова: «О ты, который с похорон на свадьбы часто поспеваешь». — *Ред.*>. Поцелуй за меня Парни Николаевича. Святость его не мешает ему восхищать и восхищаться алебастровыми плечами <« И кудри льняно-золотые на *алебастровых плечах...*». — *Ред.*> ...не забудьте прислать подробного уведомления о чете, незабытой судьбою, ибо воспета милым поэтом. Вместо приданого может она показать описание поэта, и за нею женихи будут бегать» (Письмо от 3 ноября 1816 г., ib., 61). Это не помешало Тургеневу позаботиться и о приданом Поповой: через несколько месяцев Батюшков пишет Жуковскому: «Поблагодари Тургенева за Попову: он сделал доброе дело за вяленькие стихи» (письмо от июня 1817 г., Сочинения, т. III, стр. 447). Несочувственно отзывается о «Послании» Батюшкова и Пушкин. Однако *23* ст. — «Оне — вдова и дочь» — целиком вошел в «Медного всадника».

Ответ Гнедичу (стр. 118—119). Напечатан в «Вестнике Европы» 1810, ч. XLIX, № 3, февраль, стр. 186—187, с подписью: *Констан. Б...в*, вслед за стихотворением Гнедича, обращенным к Батюшкову: «К Б.».

Списки: 1) в Блудовской тетради под названием «Ответ. 1809», 2) в сборнике Ефремова и 3) в Тургеневской тетради (под названием «Ответ»). В «Опытах» — «Ответ Г—чу».

Варианты

10.	Под небо громоздит свой дом;	(В. Евр.)
11.	Но я *в безвестности* доволен	(В. Евр., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
12.	И счастлив в уголку простом.	(В. Евр., Ефр., Тург.)
13.	*Так* глиняны свои пенаты	(В. Евр., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
17.	*А* если к нам любовь заглянет	» »
24.	*Насытившись, оставлю* мир.	(В. Евр., Ефр., Тург.)
	Оставлю жизнь и красный мир.	(Блуд. тетр.)

В собрании стихотворений Гнедича (изд. 1832 г., стр. 129—133) послание его к Батюшкову датировано 1807 г. — временем, когда

Батюшков находился в военных походах. Ответ же Батюшкова, как видно и из его содержания, написан не ранее августа 1809 г. в деревне, куда Батюшков проехал по возвращении с места военных действий в Финляндии. Приводим это забытое стихотворение Гнедича полностью (по первоначальному тексту «Вестника Европы»), во-первых, чтобы сделать более ясным содержание «Ответа», и, во-вторых, чтобы показать несомненную родственность поэтического творчества обоих поэтов (в послании Гнедича предвосхищены мотивы «Моих пенатов», и, наоборот, в нем несомненно сказывается влияние батюшковской «Мечты»).

К БАТЮШКОВУ

Когда придешь в мою ты хату,
Где бедность в простоте живет,
Когда поклонишься Пенату,
Который дни мои блюдет?

Приди — разделим снедь убогу,
Сердца вином воспламеним,
И вместе песнопенья богу —
Часы досуга — посвятим;

А вечер, скучный долготою,
В веселых сократим мечтах:
Над всей подлунною страною
Мечты промчимся на крылах,

И в той земле обетованной,
Где любишь духом обитать,
Внимать трубы звук будем бранной,
И страшны битвы созерцать.

Певец, всегда тебя живящий
И окрыляющий твой дух,
Певец Торкват животворящий
Наш усладит и взор и слух;

Иль царь, отец, бог песнопенья,
Подобный лишь себе Омир,
Раскрыв бессмертные творенья,
Нам явит созданный им мир.

Зевеса мещущего громы
И всех превыспренних богов
Увидим светлые мы домы
И их веселие пиров.

Ахилла, грозно восседяща,
Пустившего бразды коням,
Увидим бурею летяща
По стонущим под ним полям.

Иль пронесясь в страны Морвена,
Где Сельма древняя видна,
В тот час, как ночь простреется черна,
И всюду мертва тишина,

И месяц, вставши над горою,
Сквозь облако в поток глядит,
Узрим под Сельмскою стеною,
Где пенистый ручей шумит;

Узрим, как Бард слепой мечтает,
В восторг священный погружен,
И лирою златой брящает,
Тенями предков окружен;

Как сам Тренмор, отец героев,
Чертог воздушный растворив,
Лежит на тучах, в сонме воев,
Ко старцу взор и слух склонив;

Вдали там легка тень Мальвины,
С златою арфою в руках,
Обнявшись с тению Моины,
Плывут в туманных облаках.

Но можно ли все то словами
Пересказать иль написать,
О чем возможно нам с друзьями,
Под час веселый помечтать?

Счастлив, счастлив еще несчастный,
С которым хоть мечта живет,
Во мрачных днях один он ясный
Хотя в мечтаниях найдет.

Жизнь наша есть мечтанье тени;
Нет сущих благ в земных странах:
Приди ж, под кровом дружн й сени
Повеселиться хоть в мечтах!

Послание Гнедича и свой ответ Батюшков сам передал для напечатания в «Вестник», «кой-где оба поправив» (письма к Гнедичу от 16 января и 10 февраля 1810 г., т. III, стр. 73 и 76). Начало «Ответа»: «Твой друг тебе навек отныне с рукою сердце отдает» вызвало шутливое замечание Пушкина: «Батюшков женится на Гнедиче!»

К Жуковскому (стр. 119—121). Напечатано: 1) в «Пантеоне русской поэзии», ч. II, 1814, стр. 201 — 205, под заглавием «К Ж—му», без подписи, с пометой: 1811 г. ⟨повидимому, неточной⟩; 2) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1-е изд., ч. V, 1816, стр. 111—113, без подписи. Списки: 1) сборник Афанасьева, 2) Блудовская тетрадь, 3) сборник Ефремова, 4) Тургеневская тетрадь. Послано в письме к Жуковскому от июня 1812 г., из Петербурга (т. III, стр. 189—190); та же помета в списке Афанасьева. В «Опытах» — «К Ж—му».

Варианты

1.	Прости, *отшельник* мой	(письмо)
4.	*Твой бог* и покровитель	»
	И бог и покровитель	(Аф., Ефр., Тург.)
5—6.	*Будь* счастлив, *наш Орфей*, *Харит любимец скромной*!	(письмо, Аф., Ефр., Тург.)
8.	В *глуши дубравы* темной	(письмо)
	В *сени дубравы* темной	(Аф., Ефр., Тург.)
9—13.	*С подругой* дни ведет, *С подругой засыпает* — Невидимый *поэт*, Невидимо *пленяет* *Пастушек*, пастухов.	(письмо)
Вместо *19—51.*	Под сению свободы, Достойные природы И юныя весны! Тебе — одна лишь радость, Мне — горести даны! Как сон, проходит младость И счастье прежних дней! Все сердцу изменило: Здоровье легкокрыло И друг души моей.	(письмо)
24.	Все *благи* рассыпая	(Пант., Блуд. тетр., Ефр.)

29.	И с *трюфелем* пирог	(Пант., Блуд. тетр., Обр. соч., Ефр., Тург.)
32.	Ты счастлив, мой поэт;	(Аф., Ефр., Тург.)
34.	*Меня* неумолимый	(Ефр., Тург.)
41.	Поит *давно* полынью	» »
48.	⟨Отсутствует⟩	» »
56.	*И ноги ходуном;*	(письмо)
	⟨В письме ст. *56*: «Спина дугой к земле» поставлен на два стиха ниже⟩	
60—61.	*Вся, вся* исчезла сила.	(письмо)
	И доблесть *юных* лет	»
64.	*Кивая головою*	»
67.	*Учтивый* сатана	»
72.	За *стары* прегрешенья	»
76.	Читает мне *Хвостов*	»
	Читает мне *Хлыстов.*	(Аф., Ефр., Тург.)
83.	Читают *мне*, читают.	(письмо)
	Читали и читают	(Ефр., Тург.)

Послание непосредственно примыкает к оконченным за несколько месяцев до того «Моим пенатам» (написано в том же размере), являясь как бы меланхолической концовкой к последним, «Лила» соответствует «Лилете» «Моих пенатов». В письме, при котором отправлено послание, Батюшков высказывает те же жалобы, что и в стихах. Ст. *68—69* — цитата из баллады Жуковского «Громобой». Ст. *2* заимствован из упомянутого послания к Батюшкову Вяземского («Почетный наш поэт, Белева мирный житель»).

Ответ Тургеневу (стр. 122—123). Впервые — в «Опытах», под заглавием: «Ответ Т—ву». Списки — в Блудовской и в Тургеневской тетрадях (с пометой внизу: «В альбоме г. Салтыковой, 1813»).

Варианты

11.	*С сильфидами* живет	(Блуд., Тург.)
32.	За наши *песнопенья*	(Тург.)
45.	Любимец *нежной* Музы	»

Ст. *40* в «Опытах» читается «Там с горести погас». Но перед текстом указано новое чтение строки: «... в горести...». Майковым дано неисправленное чтение. Адресовано А. И. Тургеневу. С Тургеневым Батюшков коротко сошелся в начале 1812 г. В том же году, очевидно, и написано Батюшковым его послание, по содержанию близко примыкающее к посланию Жуковскому и, в особенности, к письму, при котором по-

следнее было ему отправлено. «Любовник Лоры» — Петрарка, «Душеньки певец» — Богданович; «Лесбосская певица» — Сафо.

К Петину (стр. 123—125). Впервые — в «Опытах». Списки: 1) в Блудовской тетради, 2) в сборнике Афанасьева, 3) в Ефремовском сборнике, 4) в Тургеневской тетради; во всех четырех списках под заглавием «Петину»; в «Опытах» — «К П—ну».

Варианты

9.	Помнишь ли, *любимец* славы	(Тург.)
10.	*Нидесальми* страшну ночь ⟨возможно, описка⟩	(Блуд. тетр.)
11—12.	Не люблю *сии* забавы Молвил я и *дале* прочь	(Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
14.	Шведов за лес *провождал*	» »
16.	Фрунт стаканов осаждал	(Блуд. тетр.)
	Фляжку с водкой осаждал.	(Аф., Ефр., Тург.)
23.	*День мечтаю, ночью* плачу	» »
	Ночь *мечтаю*... утром плачу	(Блуд. тетр.)
24.	*О* утрате снов моих	(Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
27.	*Из* родительского крова	(Ефр., Тург.)
40.	*Стану* пить и воспевать	» »
43.	*Пил* с беспечными друзьями	(Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
45.	Счастлив *тот* и втрое боле	» »
50.	Вопреки святым отцам,	(Аф., Ефр., Тург.)

Нельзя не заметить, что в списках стт. *16*, *43* и, в особенности, *50* звучат гораздо энергичнее и были ослаблены при напечатании послания в «Опытах», что связано с общим идеологическим поправением Батюшкова к этому времени. В издании, которое Батюшков подготовлял в 1819 — 1821 гг., он не хотел помещать это послание. По правильному заключению Майкова, послание написано в 1810 г.

Послание И. М. Муравьеву-Апостолу (стр. 125—128). Напечатано: 1) в «Пантеоне русской поэзии», ч. VI, 1815, стр. 79 — 84, под заглавием: «К И. М. М. А.»; 2) в «Вестнике Европы» 1816, ч. LXXXVIII, № 13, июль, стр. 13—17, под заглавием: «Послание И. М. М.»; в обоих с полной подписью; 3) в «Сыне отечества» 1816, ч. XXXI, № 29, стр. 106 — 108, под заглавием: «Послание И. М. М. А.» (так же и в «Опытах») и с подписью *Б.*; 4) в «Трудах Общества любителей российской словесности», ч. VII, 1817, стр. 38—43, под заглавием: «Поэт», с полной подписью; 5) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах»,

2-е изд., 1822, ч. IV, стр. 289—293, под заглавием: «Послание к И. М Муравьеву-Апостолу». Автограф в Ленинградской Публичной библиотеке с подписью *Б.* и под заглавием: «Послание к И. М. М. А.» (рукою М. Е. Лобанова прибавлено: Муравьеву-Апостолу). 25 ноября 1816 г., в обыкновенном собрании Московского общества любителей российской словесности, стихотворение это было прочтено сотрудником П. С. Яковлевым.

В «Опытах» в ст. *28* — явная опечатка: «От мирных *лир* своих отторженный пиит»; там же на листе погрешностей указано правильное чтение строки; несмотря на это, Майков в своем издании дал строку в ошибочном бессмысленном виде.

Варианты

4.	Кто б ни был: *вития иль* пламенный пиит,	(Пант., В. Евр., С. О., Тр., автогр.)
35.	Обилием поля *роскошные* дарит,	(Пант., С. О., автогр.)
37.	Нет! Нет! *На* севере любимец их не дремлет.	(В. Евр., так же было вначале и в автографе, но затем исправлено)
51.	*В душе от юности* небесного залог	(Тр.)
82.	Так *небом* нежною душею одаренный,	(Пант., В. Евр., С. О., автогр.)

Послание написано, видимо, по возвращении Батюшкова из заграничного похода, т. е. между июлем 1814 г. и 24 мая 1815 г. (цензурное разрешение «Пантеона»). Это, по справедливому указанию М. А. Цявловского, исключает признававшееся до сих пор бесспорным влияние послания Батюшкова на стихотворение Пушкина «К другу стихотворцу» (напечатанному в «Вестнике Европы» за 1814 г., ч. LXXVI, цензурное разрешение — 20 июня 1814 г.). Те же мысли о зависимости вдохновений художника от его «первых впечатлений», связанных с условиями места и времени, — любимые мысли самого Муравьева-Апостола, — Батюшков развивает в статье «Нечто о поэте и поэзии».

«Пиит, отторженный от мирных лар» — Виргилий; «Наш Пиндар» — Ломоносов; Дмитриев назван «певцом сибирского Пизарра» за его поэму «Ермак».

СМЕСЬ

Хор для выпуска... (стр. 129—130). Впервые — в «Опытах». Перепечатано в «Московском альманахе для прекрасного пола». По розысканиям Майкова, написано в 1812 г. «Хор» принадлежит к числу тех весьма немногих льстиво-патриотических произведений Батюшкова, по поводу которых его родственник и друг, декабрист Н. М. Муравьев, возмущенно замечал: «Захотелось на водку». Ряд аналогичных «прощальных песней» воспитанниц института имеется у Жуковского (Полное собрание сочинений, т. I—III, стр. 47, 67, 70—71). Подготовляя в 1819 — 1821 гг. новое издание своих стихов, Батюшков решил было вовсе исключить из него «Хор» (перечеркнул его косой чертой), однако затем передумал и сбоку приписал: «NB. «Вычеркнуто ошибкою — печатать».

Песнь Гаральда Смелого (стр. 131—132). Напечатана: 1) в «Вестнике Европы» 1816, ч. LXXXVIII, № 16, август (ценз. разр. 17 июля), стр. 257—258; с полною подписью; 2) в «Новом собрании русских сочинений и переводов в стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год», изд. О-вом любителей отечественной словесности, ч. I, Спб. 1821, стр. 37 — 38.

Варианты

10. О, други, я *юность* не праздно провел (В. Евр.)
39. Лук *звонкий* и лыжи и в *грозные* битвы » »

Варианты «Вестника Европы» Майковым не отмечены. В «Собрании русских сочинений и переводов» очевидные типографские погрешности: в ст. *29* пропуск слова «секирой» и в ст. *41* «но тщетно» вместо «не тщетно».

Написано в 1816 г. Толчком послужила книга Л. А. Маршанжи «La Gaule poétique», 1813 — 1817 (в восьми частях). Подлинник — произведение древне-северной поэзии, приписываемое норвежскому конунгу и скальду Гаральду, жившему в XI в. Песнь обращена к одной из дочерей киевского великого князя, Ярослава Мудрого, на которой Гаральд через некоторое время и женился. Была переведена на многие языки и вызвала многочисленные подражания. В числе других подражал ей, в песне Иснеля, в поэме «Isnel et Aslèga» Парни (отрывок из этой поэмы Парни был переведен Батюшковым в 1811 г.). Неоднократно переводилась она и русскими поэтами, предшественниками Батюшкова — И. Ф. Богдановичем, Н. А. Львовым (Батюшков для своего переложения как раз и воспользовался переводом Львова, изданным отдельной брошюрой, и приложенным к нему же французским переводом Малле). Карамзин в примечаниях к «Истории Государства Российского» дал перевод песни в прозе. Позднее на ту же тему написана «Песня о Гаральде и Ярославне» А. К. Толстым. В письме к Вяземскому от февраля 1816 г., написанном в период работ над «Песнью», Батюшков дает любопытное снижение романтического образа Гаральда: «Вчера поутру, читая «La Gaule Poétique», я вздумал итти в атаку на Гаральда Смелого, то есть перевел

стихов с двадцать, но так разгорячился, что нога заболела. Пар поэтический исчез, и я в моем герое нашел маленькую перемену. Когда читал подвиги Скандинава,

То думал видеть в нем героя
В великолепном шишаке,
С булатной саблею в руке
И в латах древнего покроя.
Я думал: в пламенных очах
Сиять должно души спокойство,
В высокой поступи — геройство
И убежденье на устах.

Но, закрыв книгу, я увидел совершенно противное. Прекрасный идеал исчез,

и предо мной
Явился вдруг... чухна простой:
До плеч висящий волос
И грубый голос,
И весь герой — чухна чухной.

Этого мало преображения. Герой начал действовать: ходить, и есть, и пить. Кушал необыкновенно поэтическим образом:

Он начал драть ногтями
Кусок баранины сырой,
Глотал ее, как зверь лесной,
И утирался волосами.

Я не говорил ни слова. У всякого свой обычай. Гомеровы герои и наши Калмыки то же делали на бивуаках. Но вот что меня вывело из терпения: перед Чухонцом стоял череп убитого врага, окованный серебром, и бадья с вином. Представь себе, что он сделал:

Он череп ухватил кровавыми перстами
Налил в него вина
И всё хлестнул до дна...
Не шевельнув устами.

Я проснулся и дал себе честное слово никогда не воспевать таких уродов и тебе не советую». (Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 371 — 372).

Однако, как об этом свидетельствует «Песнь», Батюшков все же «воспел» Гаральда.

Вакханка (стр. 132—133). Впервые—в «Опытах». Перепечатано в «Карманной библиотеке Аонид» 1821, стр. 174—175. Списки: 1) в Блудовской тетради (и потому написано не в 1816 или 1817 г., как полагал Майков,

а не позднее февраля 1815 г.), 2) в сборнике Ефремова, 3) в Тургеневской тетради. В экземпляре «Опытов», по которому Батюшков подготовлял новое издание, он сначала зачеркнул его, но потом приписал сбоку: «NB. Вычеркнуто ошибкою — печатать».

Варианты

4.	Громкий вой их, *плач* и стоны	(Ефр., Тург.)
5.	В чаще дикой и *густой*	(Тург.)
12.	И *клубили вверх* клубком	(Ефр., Тург.)
	И *клубили их* клубком	(Блуд. тетр.)
13.	Стройный стан *ее* обвитый	(Ефр., Тург.)
16.	Розы *ярки* багрецом	» »

В Ефр. и Тург. списках — подстрочное примечание: «Эригона, дочь Икария, которую обольстил Вакх, преобратясь в виноградную кисть».

Мотив стихотворения заимствован из Парни («Déguisements de Vénus» — «Переодевания Венеры» — IX).

Стихотворение Батюшкова вызвало восторженный отзыв Белинского, усмотревшего в нем «Апофеозу чувственной страсти, доходящей в неукротимом стремлении вожделения до бешеного и, в то же время, в высшей степени поэтического и грациозного безумия». «Такие стихи, — добавляет критик, — и в наше время превосходны; при первом же своем появлении они должны были поразить общее внимание, как предвестие скорого переворота в русской поэзии. Это еще не Пушкинские стихи; но после них уже надо было ожидать не других каких-нибудь, а Пушкинских». Пушкин, в свою очередь, считал это батюшковское «подражание Парни» «лучше подлинника, живее». «Вакханка» заметно отразилась на его собственном переводе из Парни — стихотворении «Прозерпина».

Сон воинов (стр. 133—134). Напечатано: 1) в «Вестнике Европы» 1811, ч. LV, № 3, февраль, стр. 178 — 180, с подписью *Конст. Б.* и под заглавием: «Сон ратников. Вольный перевод из поэмы: Аснель и Аслега»; 2) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», ч. V, 1816, стр. 214 — 216, с таким же заглавием и с полною подписью. В «Вестнике Европы» и в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах» после заглавия находятся следующие пояснительные строки: «Сражение кончилось. Скандинавцы учреждают пиршество. Пылают дубы, и чаша радости ходит кругом». Списки: 1) в сборнике Висковатова под заглавием: «Сны воинов. Из поэмы: Иснель и Ислега», 2) в Блудовской тетради: «Сон воинов. Из поэмы», с предварением: «Битвы кончились. Ратники пируют вокруг зажженных дубов и пр.», 3) в Ефремовском сборнике и 4) в Тургеневской тетради (в обоих: «Сон ратников. Из поэмы Аснель и Аслега, сочинение Парни»).

Варианты

8.	И *слышит зверей гладных* вой;	(В. Евр., Обр. соч.)
9.	*Иной* на лодке *утлой* реет	(В. Евр., Обр. соч., Ефр., Тург.)
12.	И гибнет *в море бедный* чолн;	(В. Евр., Обр. соч.)
	И гибнет в бездне *бедный* челн	(Ефр., Тург.)
19—21.	*А сей* чудовище *встречает* — *Удар* бесплодно *погибает*; Махнул *мечом*, его рука	(В. Евр., Обр. соч., Ефр., Тург.)
25—26.	Встает и пал! *Меж тем как тот* *Скользит по лону* тихих вод,	» »
30.	И вдруг, *обрушившись*, клокочет	» »
40.	И *брызжет* кровь из них рекой	(В. Евр., Обр. соч., Виск., Ефр., Тург.)
41.	Несчастный *рану* зажимает	» »
46.	И волны *шумного* ручья	(Тург.)

После ст. *49*, т. е. последнего (по тексту «Опытов»), в Блудовской тетради отмета: «и проч.», лишний раз подчеркивающая отрывочный характер перевода.

Кроме того, в «Вестнике» и в «Собрании образцовых русских сочинений» пьеса эта имеет следующее продолжение:

Все спят у тлеющих костров,
Все спят; один Эрик несчастный
Поет, и в мраке гул ужасный
От скал горам передает:

«Сижу на бреге шумных вод,
Все спит кругом; лишь воют рощи,
И Гелы тень во мгле ревет:
Не страшны мне призраки нощи,
Мой меч скользит по влаге вод!

Сижу на бреге ярых вод.
Страшися, враг, беги стрелою!
Ни меч, ни щит уж не спасет
Тебя с восставшею зарею...
Мой меч скользит по влаге вод!

Сижу на бреге ярых вод.
Мне ревность сердце раздирает.
Супруга, бойся! День придет,
И меч отмщенья заблистает!..
Но он скользит по влаге вод.

Сижу на бреге шумных вод.
Все спит кругом; лишь воют рощи,
Лишь Гелы тень во мгле ревет:
Не страшны мне призраки нощи,
Мой меч скользит по влаге вод!»

Это же продолжение имеется в списках Ефремова и Тургенева, без последних пяти строк и со следующими вариантами:

Между
2 и 3. Сидя при бреге шумных вод
⟨Очевидно, выпала в печатном тексте по ошибке⟩
9. Мой меч скользит по *лону* вод
10. Сижу на бреге *шумных* вод
14. Мой меч скользит по *лону* вод
15. Сижу на бреге *шумных* вод
19. Но он скользит по *лону* вод

Отрывок Батюшкова заимствован из поэмы Парни «Isnel et Aslégа, poème imité du scandinave» («Поэма Иснель и Аслега, подражание скандинавскому»). Перевод Батюшкова, сделанный им, очевидно (судя по времени появления в «Вестнике Европы»), в конце 1810 г., вызвал оживленный «словесный спор» по почте между ним и Гнедичем. В этом споре с полной отчетливостью столкнулись различные социальные и литературные позиции двух друзей: убегающего от «службы», «беспечного ленивца», карамзиниста и парнианца, Батюшкова и «чиновника», полуклассика по своим литературным вкусам и симпатиям, Гнедича. Батюшков упорно отстаивает как подлинник Парни, зачисленный, по его словам, «профессором Ноэлем, членом парижского института, в примеры *прекрасной и живописной поэзии*», так и свой перевод, который «кажется, не хуже подлинника», наконец «легкий род поэзии», в котором Парни «признан лучшим писателем» и который «весьма труден» вообще (специальной защите «легкой поэзии» посвящена его значительно более поздняя «Речь о влиянии легкой поэзии на язык». См. примечания к ней на стр. 594). Гнедич, наоборот, требует от него произведений «эпических, важных»: «Одиножды положив на суде, что я родился для отличных дел, для стихотворений эпических, важных, для исправления государственных должностей, для бессмертия, наконец, ты, любезный

друг, решил и подписал, что я враль, ибо перевожу Парни». Друзьям так и не удалось переубедить друг друга (см. Сочинения Батюшкова, под ред. Майкова, т. III, стр. 113—115 и 116—117). Однако дальнейшая судьба этого стихотворения наглядно иллюстрирует последующее постепенное литературное «поправение» Батюшкова. Включив стихотворение в «Опыты», он отбросил от него всю вторую часть — «песнь Эрика», на которую Гнедич в свое время особенно нападал, а в 1819 — 1821 гг. намеревался вовсе выкинуть его из задуманного им нового издания своих стихотворений.

Разлука (стр. 134—136). Напечатано: 1) в «Пантеоне русской поэзии», ч. II, 1814, стр. 121—123, без подписи; 2) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», ч. II, Спб. 1815, стр. 132 — 133; 3) в «Карманной библиотеке Аонид», 1821, стр. 150 — 151. Списки: 1) в Блудовской тетради (без вариантов) и 2) в сборнике Висковатова, где имеет следующие варианты:

17. Тогда мой *легкий* конь споткнися
30. Своей пастушки *молодой.*
39. Амур *давно* все клятвы пишет

Ст. *19* в «Опытах»: «Уздечка бранная порвися», но там же дано исправленное чтение: «браная» (т. е. вышитая); у Майкова строка дана в неисправленном виде.

По известию, сообщенному в статье «Общество литераторов в Нижнем Новгороде» («Нижегородские губ. ведомости» 1845, прибавл., № 8 и 9; «Северная пчела» 1845, № 72), романс написан Батюшковым в бытность его в Нижнем с сентября 1812 г. по январь 1813 г. Быть может, написание его восходит и к еще более раннему времени: так, о гусаре, который, «опершись на саблю свою, призадумался» о появлении соперника, говорится еще в «Прогулке по Москве», написанной не позже первой половины 1812 г.

Ложный страх (стр. 136—137). Напечатано: 1) в «Вестнике Европы» 1810, ч. LI, № 11, июнь, стр. 213 — 214, без подписи; 2) в «Собрании русских стихотворений», ч. V, 1811, стр. 318 — 319, с полною подписью; 3) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1-е изд., ч. VI, 1817, стр. 227—228, то же с полною подписью. Списки: 1) в Блудовской тетради (без вариантов), 2) в сборнике Афанасьева, 3) в сборнике Ефремова и 4) в Тургеневской тетради.

Варианты

10.	Свет блеснул и в *мгле* погас,	(В. Евр., С. р. ст., Обр. соч.)
12.	Чуть дыша... *блаженства* час	(Ефр., Тург.)

14.	*Наш* ли *видеть*, Хлоя, страх	(Тург., у Ефр. «нам ли», видимо, описка)
15.	*Бог любви* за всё ручался	(Аф., Ефр., Тург.)
24.	Но *улыбки* на устах	(Ефр., Тург.)
38.	*В* влажной ночи на полях	(С. р. ст., Обр. соч.)

Время, позже которого стихотворение не могло быть написано, определяется временем первого появления его в печати.

Близкий перевод элегии Парни «La Frayeur» («Испуг»), Oeuvres, Paris 1809, t. I, стр. 13. Ст. *16*: «И Амуры на часах» полностью заимствован Батюшковым из стихотворения М. Н. Муравьева «Богине Невы».

Сон могольца (стр. 137—139). Напечатано: 1) в «Драматическом вестнике» 1808, ч. V, стр. 78—80, под заглавием «Сон Могольца, аполог ⟨в изд. Майкова — бессмысленное: эпилог⟩ из Лафонтена» (прислано) и с подписью: *Кон. Бат.*; 2) в «Вестнике Европы» 1810, ч. XLIX, № 4, стр. 286—287, с подписью *К. Б — в*; 3) в «Пантеоне русской поэзии», ч. V, 1815, стр. 239—241, с полною подписью. Списки: 1) в Блудовской тетради, 2) в сборнике Афанасьева, 3) в сборнике Ефремова и 4) в Тургеневской тетради.

Варианты

4.	Пил радость вечную, удел богов одних	(Др. В.)
	Пил радость вечную, удел богов *самих*	(В. Евр., Аф., Ефр., Тург.)
5.	*И сладко* спал на лоне гурий.	(Др. В., Аф., Ефр., Тург.)
	И спал на лоне гурий.	(В. Евр.)
12.	Он думал, что *Минос* в сих мертвых обманулся	(Др. В.)
13—16.	Иль тайна дивная во сне сокрыта есть; Велел тотчас к себе гадателя привесть, *А* тот ему в ответ: «*Дивиться надо* мало, Что в снах *большой есть* склад.	» »
18—19.	*Не редко сей* визирь, оставя двор и град, *Искал* уединенья;	(Др. В., В. Евр., Ефр., Тург.)
21—22.	С *гадатаем* сказав, что значит сновиденье, Внушил бы я любовь к деревне и к полям,	(Др. В.)

23.	*Чертог невинности*, в тебе успокоенье	(Др. В., В. Евр., Ефр. Тург.)
31.	О, музы! сельских дней *утехи* и краса	(Блуд. тетр.)
33.	Светил *блуждающих* несчетны имена	(Др. В., В. Евр., Пант., Блуд. тетр.)
34.	Узнаю *ль я* от вас? иль если мне дана	(Др. В.)
35.	*Охота* малая и *мало* дарованье	(Др. В., В. Евр., Ефр., Тург.)
	Способность малая и *мало* дарованье	(Пант., Блуд. тетр.)
36—37.	Пускай пленит меня *источника* журчанье; *Или лужок в цветах, который* воспою.	(Др. В., В. Евр., Ефр., Тург.)
39.	И я не буду спать под *дорогим* наметом;	» »
41.	*Иль меньше* по трудах мне будет сладок он	(В. Евр.)
43.	Без страха двери сам *я смерти* отопру	(Др. В., В. Евр., Ефр.. Тург.)

По времени появления в печати перевод Батюшкова сделан не позднее 1808 г. Подлинником послужил «аполог» Лафонтена: «Le songe d'un habitant du Mogol» (Livre IX, fable IV), заимствованный им, в свою очередь, из «Гюлистана» Саади. Лирическая концовка басни Лафонтена, по указанию Майкова, навеяна «Георгиками» Виргилия (II кн., стт. 475 — 489). За несколько лет до того перевод басни Лафонтена был сделан Жуковским и под тем же названием был напечатан в «Вестнике Европы» 1807, ч. XXXII, № 7, стр. 192—194. Именно этот последний перевод, а не Батюшкова, был включен в качестве «образцового» в «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах». Батюшковский перевод был введен в «Опыты в стихах и прозе» против желания самого поэта (см. письмо к Гнедичу от февраля — марта 1817 г., т. III, стр. 421). В экземпляре «Опытов», по которому подготовлялось новое издание, Батюшков его вычеркнул.

Любовь в челноке (стр. 139—140). Напечатано: 1) в «Пантеоне русской поэзии», ч. IV, 1815, стр. 186 — 188, без подписи. Списки: 1) в сборнике Висковатова (9-я строфа отсутствует), 2) в сборнике Ефремова, 3) в Тургеневской тетради — во всех трех под заглавием «Челнок»; 4) в Блудовской тетради. Вариантов нет. В «Опытах» в ст. *24* опечатка: «странный час» вместо «страшный». Время, позже которого

стихотворение не могло быть написано, определяется цензурной пометой IV части «Пантеона»: 29 ноября 1814 г.

Счастливец (стр. 140—142). Напечатано: 1) в «Вестнике Европы» 1810, ч. LIII, № 17, сентябрь, стр. 52 — 53, с подписью *К. Б.* и не эпиграфом, как сказано у Майкова, а подзаголовком: «(Подражание Касти: Odi le rapide ruote sonanti)» ⟨Слушай грохот быстрых колес — 1-я строка итальянского подлинника⟩; 2) в «Собрании русских стихотворений», ч. V, 1811, стр. 159—161, без указания, что является подражанием Касти; 3) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в прозе», ч. I, Спб. 1815, стр. 127—129; 4) в «Пантеоне русской поэзии», ч. VI, 1815, стр. 191—194, — в трех последних сборниках с полною подписью. Списки: 1) в Блудовской тетради, 2) в сборнике Висковатова, 3) в сборнике Афанасьева, 4) в сборнике Ефремова и 5) в Тургеневской тетради. Подготовляя в 1819—1821 гг. новое издание своих стихотворений, Батюшков уничтожил помету «подражание Касти».

Варианты

8.	*Вылетает* из ноздрей	(В. Евр.)
13.	*Тимотей*, вельмож любимец	(В. Евр., С. р. ст., Ефр., Тург., Виск.)
17.	Вот он с нами *повстречался*	(С. р. ст., Виск., В. Евр.)
27.	Не ему *счастливцем* зваться	(Тург.)
29—32.	⟨Отсутствуют⟩	(В. Евр., С. р. ст., Виск., Ефр., Тург.)
33.	*Там, где мрамор* из Пароса,	» »
34.	*Из Каристы* на стенах; ⟨В «В. Евр.» — *Из Каристы на столбах*⟩	» »
46.	Тих, *спокоен* сверху вид	(Виск., Ефр., Тург.)
47.	Но спустись ко дну... *ужасный*	(С. р. ст., Обр. соч., Пант., Виск., Блуд. тетр., Ефр., Тург.)
49—52.	⟨Отсутствуют⟩	(В. Евр., С. р. ст., Виск., Ефр., Тург.)

Кроме того, после ст. *40* (в строфе 10-й) в «Вестнике», «Собрании», списках Висковатова и Афанасьева имеется еще следующая строфа;

Сердцем спит и нем душою,
Тратит жизнь на суеты,
Днем не ведает покою,
Ночью — страшные мечты!

Ст. *14* у Майкова напечатан бессмысленно: «Что *за* откуп город взял».

Стихотворение по времени его первого появления в печати написано не позже 1810 г. Перевод, довольно свободный, одного из «Анакреонтических стихотворений» Касти (Anacreontiche. «A. Fille. L'avverte acciò non giudichi secondo le apparenze...») («Предупреждение не судить по видимости»). Opere di Giambattista Casti in un volume, Bruxeles 1838, pp. 254—255. Подлинник состоит из 20 строф, в каждой из которых рифмуются 2-е и 4-е строки. Строфа 12-я перевода, содержащая уподобление души колодцу с лежащим на дне крокодилом, целиком заимствована Батюшковым из знаменитой романтической повести Шатобриана «Атала» (слова Шактаса к Рене после погребения Аталы). Вяземский отзывался с восторгом об этой «прекрасной строфе прекрасного перевода» Батюшкова и только предлагал взамен неточных рифм «мрачный» и «ужасный» «вставить *темный и огромный*». «Неисправная рифма, — добавлял он, — как разноцветная заплата рябит в глазах. Рифма и так уже вставка; так, по крайней мере, подберите оттенку к оттенке» (Сочинения, т. IX, Спб. 1884, стр. 86). Наоборот, А. Ф. Воейков пародировал «экзотический» образ Шатобраина — Батюшкова в своей известной сатире «Дом сумасшедших»:

Чудо! Под окном на ветке
    Крошка Батюшков висит
В светлой проволочной клетке;
    В баночку с водой глядит,
И поет он сладкогласно:
    «Тих, спокоен сверху вид,
Но спустись на дно: ужасный
    Крокодил на нем лежит!»

По этому поводу П. А. Вяземский указывал, что приятели прозвали Батюшкова «попенькою, потому что в лице его, а особенно в носу было что-то птичье. Поэтому и Воейков в «Доме сумасшедших» посадил его в клетку» («Русский архив» 1866, стр. 490). Сам поэт, который также постоянно твердил о своем «носе крючком», по его собственным словам, очень «хохотал» над пародией Воейкова (Сочинения, т. III, стр. 345—346).

В шуточном «Парнасском адрес-календаре», составленном Воейковым «для употребления в благошляхетном Арзамасском обществе», он дал Батюшкову следующий лестный отзыв: «К. Н. Батюшков действительный поэт, стольник Муз, обер-камергер Граций».

Радость (стр. 142—144). Впервые — в «Опытах». Списки: 1) в Блудовской тетради, 2) в сборнике Висковатова, 3) в сборнике Ефремова и 4) в Тургеневской тетради.

Варианты

7.	*И весело* топая	(Ефр., Тург.)
Между 8 и 9.	Для песней веселию	» »
12.	И песни *веселия*	(Виск.)
13—14.	Сладчае амврозии И нектара сильного	(Ефр., Тург.)
15—16.	<Отсутствуют>	» »
16.	*О смертных* беспечные	(Блуд. тетр.)
Между 20—21.	Бледнея, краснеючи	(Ефр., Тург.)
22—31.	<Отсутствуют>	» »
34.	И *прежние* горести	» »
38.	Стезей благовонною	» »
40.	*К великому* Пафосу	(Виск.)
	К *веселому* Пафосу	(Блуд. тетр., Ефр., Тург.; в двух последних явная ошибка: «К веселому певцу»)

По указанию Майкова, состав сборника Висковатова ограничен периодом времени с 1807 по 1814 г. В этих пределах и должно датироваться «подражание» Батюшкова. Подлинник Касти, под названием «Il contento» (Довольный) из отдела его «Анакреонтических стихотворений» («Anacreontiche»), состоит из 41 рифмованной строфы (рифмуются 2-е и 4-е строки), Opere, pp. 261—263. О переводе Батюшкова Пушкин отозвался: «Вот Бат<юшковск>ая гармония». Подготовляя новое издание, Батюшков, как и в предыдущем стихотворении, зачеркнул подзаголовок — «подражание Касти».

К Никите (стр. 144—145). Послание адресовано будущему декабристу Н. М. Муравьеву. Написано в деревне, в начале июля 1817 г. Включено, по желанию Батюшкова, в уже сверстанный том «Опытов» с изъятием некоторых других пьес. В оглавлении к «Опытам» названо: *Послание к Н.;* в тексте просто «К Н.».

В 1819 — 1821 гг. Батюшков внес в послание следующие исправления:

33 — 34. <Переставлены в обратном порядке>

44. «*Хвалите* господа» поем.

Стт. *17—44* ср. с заметкой о живописности «новейших сражений» в записной книжке Батюшкова, Сочинения под ред. Майкова, т. II, стр. 313.

Послание было отправлено Батюшковым в письме к Гнедичу, печатавшему в это время «Опыты», от начала июля 1817 г.

Эпиграммы, надписи и пр. (I—XII)

I. «*Всегдашний гость мучитель мой...*» (стр. 145). Впервые — в «Опытах». Введено в «Опыт русской антологии или избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения», собрано Михаилом Яковлевым, Спб. 1828, стр. 183, с полной подписью и с вариантом ст. 3: «Будь крошечку умней или *оставь* в покое».

Переделка эпиграммы П. Лебрена «O la maudite compagnie» («О, проклятое общество...»). Майков относит переделку Батюшкова к 1811 — 1812 гг. (Сочинения Батюшкова, т. I, стр. 348 2-й пагинации). За неимением других данных сохраняем эту дату. Из нового издания Батюшков хотел ее исключить.

II. «*Как трудно Бибрису...*» (стр. 146). Напечатано: 1) в «Цветнике» 1809, ч. III, № 9, сентябрь, стр. 372, вместе с «Мадригалом новой Сафе» под общим названием «Эпиграммы», с подписью *К. Б—в;* 2) в «Вестнике Европы» 1810, ч. LI, № 10, стр. 127, с подписью *К. В.;* 3) в «Собрании русских стихотворений», ч. V, 1811 (по ошибке напечатано дважды на стр. 104 и 216); 4) в «Пантеоне русской поэзии», ч. I, 1814, стр. 136; 5) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1-е изд., ч. VI, 1817, стр. 31; 6) там же, 2-е изд., ч. VI, 1822, стр. 28; 7) в «Опыте русской антологии», 1829, стр. 39 (в последних четырех изданиях с полной подписью). В «Цветнике», «Вестнике» и «Собрании русских стихотворений» в 1-м стихе: «Бибрусу» вместо «Бибрису». Списки: 1) в Блудовской тетради (без вариантов), 2) в сборнике Ефремова и 3) в Тургеневской тетради (в последних двух с написанием в 1 ст. «Бибрусу» и вариантом в сборнике Ефремова 2 ст.: «Он пьет, чтобы писать, *а* пишет, чтоб напиться»). Написана в деревне в августе 1809 г. и отправлена вместе с несколькими другими эпиграммами при письме к Гнедичу от 13 августа 1809 г. (Сочинения Батюшкова под ред. Майкова, т. III, стр. 40). Из нового издания Батюшков хотел ее исключить.

III. «*Памфил забавен за столом...*» (стр. 146). Напечатана: 1) в «Российском музеуме или журнале европейских новостей», издаваемом Владимиром Измайловым, 1815, ч. III, № 9, стр. 262, вместе с двумя другими эпиграммами, Батюшкову не принадлежавшими, с общей подписью *В.*; 2) в «Опыте русской антологии», 1827, стр. 82. Издателями П. А. Вяземского ошибочно включена в Полное собрание его сочинений, т. III, стр. 94. По утверждению Пушкина (на его экземпляре «Опытов») эпиграмма написана не Батюшковым, а Блудовым. Однако, если бы это было так, Батюшков, вероятно, настоял бы на ее исключении из «Опытов» одновременно с четырьмя вынутыми из них пьесами

Время сочинения эпиграммы приблизительно определяется цензурной пометой «Российского музеума»: «22-го июня 1815 г.» Из нового издания Батюшков намеревался ее исключить.

IV. *Совет эпическому стихотворцу* (стр. 146). Впервые — в «Опытах». Перепечатано в «Опыте русской антологии», 1828, стр. 18. В издании Майкова ст. *3* неправильно: «...*Петр Великий*», что разрушает римфу. Майков ошибается, говоря что «при издании «Опытов» Батюшков не желал печатать эту эпиграмму, чего однако Гнедич не исполнил» (Сочинения Батюшкова, изд. 1887, т. I, стр. 338). На самом деле все обстояло как раз наоборот. Эпиграмма была включена с согласия Батюшкова: «Эпиграмму «Как странен здесь судеб устав» и пр. выбрось. Другую оставь на Шихматова, но назови ее «Совет эпическому стихотворцу» (письмо Батюшкова к Гнедичу от февраля — марта 1817 г., Сочинения, т. III, стр. 420—421). «Эпический стихотворец» — князь С. А. Шихматов, напечатавший в 1810 г. «Лирическое песнопение» под названием «Петр Великий», по ироническому отзыву Батюшкова, в «300 листов длиной» (письмо к Гнедичу от 1 апреля 1810 г., Сочинения, т. III, стр. 85—86). Эпиграмма Батюшкова, очевидно, относится к тому же 1810 г.

V. *Мадригал новой Сафе* (стр. 146). Напечатан: 1) в «Цветнике» 1809, ч. III, № 9, сентябрь, стр. 372, вместе с «Как трудно Бибрису» под общим названием «Эпиграммы», с подписью *К. Б—в;* 2) в «Вестнике Европы» 1810, ч. L, № 5, стр. 32, с подписью *Б.;* 3) в «Собрании русских стихотворений», ч. V, 1811, стр. 217; 4) в «Пантеоне русской поэзии», ч. I, стр. 136; 5) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», ч. V, 1816, стр. 210; 6) там же, 2-е изд., ч. V, 1821, стр. 190 (во всех четырех последних изданиях с полной подписью); 7) в «Карманной библиотеке Аонид», 1821, стр. 156; 8) в «Опыте русской антологии», 1828, стр. 5. Списки: 1) в Блудовской тетради, 2) в сборнике Ефремова, 3) в Тургеневской тетради. Везде под заглавием: «Хлое сочинительнице» и с вариантом *2* ст.: «Да к моему ты горю». В «Цветнике» *1* ст.: «Ты — Сафо, я — Фаон; об этом я не спорю». «Мадригал» написан в деревне в августе 1809 г. (отослан Гнедичу при письме от 19 августа 1809 г.).

VI. *Надпись к портрету Н. Н.* (стр. 146). Напечатана: 1) в «Собрании русских стихотворений», ч. V, 1811, стр. 216, за полной подписью; 2) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», ч. V, 1816, стр. 210; 3) там же, 2-е изд., ч. V, 1822, стр. 190 — во всех трех сборниках под заглавием: «К портрету —вой». Списки: в Блудовской тетради, в сборнике Ефремова, в Тургеневской тетради (в двух последних: «К портрету ...вой»). Вариантов нет. Из нового издания своих сочинений Батюшков намеревался надпись выкинуть. Написана, судя по времени появления в печати, в 1811 г. Адресат неизвестен.

VII. *К цветам нашего Горация* (стр. 146). Впервые — в «Опытах». Перепечатано в «Опыте русской антологии», 1828, стр. 112. Обращено

к И. И. Дмитриеву, который в 1814 г. переселился из Петербурга в Москву и был занят устройством своего нового дома и сада, при посылке ему цветочных семян (см. М. А. Дмитриев, «Мелочи из запаса моей памяти», 2-е изд., М. 1869, стр. 201). Написано, очевидно, в 1816 г., когда Батюшков находился в Москве и поддерживал близкие отношения с Дмитриевым.

VIII. *К портрету Жуковского* (стр. 147). Надпись сделана, по словам самого Батюшкова, «по заказу» редактора «Вестника Европы», М. Т. Каченовского, в 1816 г. Напечатана в «Вестнике Европы» 1817, ч. XCI, № 3, февраль, стр. 183, с подписью *К. Б.* и следующим примечанием редактора: «Предлагая сию надпись, уведомляем наших читателей, что постараемся и самый портрет приложить к одной из книжек «Вестника Европы» текущего года. По желанию многих почитателей г-на Жуковского, готовится еще другого формата портрет его для известного собрания «переводов в прозе». Не угодно ли будет нашим стихотворцам (разумеется, общим приятелям В...я А......а ⟨! — *Ред.*⟩ прислать к нам надпись для другого портрета». На призыв Каченовского откликнулись два поэта — приятели Жуковского: В. Л. Пушкин и Ник. Иванчин-Писарев. Присланные ими четверостишия были напечатаны в следующей 92-й книжке журнала:

НАДПИСИ К ПОРТРЕТУ В. А. Ж.

1

Он стал известен сам собой.
На лире он любовь, героев воспевает;
Любимец муз соединяет
Прекраснейший талант с прекраснейшей душой!

2

Красавицы! он вас Людмилами дарил,
Героев гимнами, друзей дарил собою,
Дарил несчастных он — чем только мог — слезою:
От славы сам венец в подарок получил.

Каченовскому из всех надписей, видимо, больше всего понравилась последняя, принадлежавшая Иванчину-Писареву. По крайней мере, именно она была помещена под портретом Жуковского, появившимся, наконец, только в самом конце года, при 96-й части «Вестника». Зато надпись Батюшкова была напечатана при другом портрете Жуковского, приложенном к 5-й части его «Переводов в прозе», М. 1817, изданных тем же Каченовским. Однако подлинно победил в этом состязании трех поэтов четвертый, собственно участия в нем и не принимавший: вскоре (в 1818 г.) появилась знаменитая надпись «К портрету Жуковского» Александра Пушкина («Его стихов пленительная сладость...»). Жуков-

ский, в свою очередь, в 1819 г. ответил Батюшкову четверостишием к его портрету.

К ПОРТРЕТУ БАТЮШКОВА

С ним дружен бог войны, с ним дружен Аполлон!
Певец любви, отважный воин,
По дарованию достоин славы он —
По сердцу счастия достоин.

Надпись Батюшкова в «Вестнике» и при «Переводах в прозе» имеет следующий вариант 1-го ст.: «*Любимец нежных муз* пред *нашею* столицей». Под «гимнами храбрых» Батюшков разумеет патриотические стихотворения Жуковского «Певец во стане русских воинов» и «Певец в Кремле», навеянные войной 1812 г.

IX. *Надпись к портрету графа Эмануила Сен-При* (стр. 147). Напечатана: 1) в «Сыне отечества» 1816, ч. XXVIII, № 12, стр. 216, под названием «Надпись к портрету графа Сен-Приеста», с подписью NN. Написана в 1815 г. в Каменце, по просьбе брата гр. Сен-При, подольского губернатора. Послана Жуковскому при письме от середины декабря 1815 г. (см. Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 359—360) в двух вариантах, под названием: «Надпись к портрету графа Сен-Приеста (русский генерал-лейтенант)», с просьбой указать: «как лучше»:

Варианты

2.	Но лилиям *царей* он всюду верен был	(письмо Жук., вар. 1)
	Но *древним* лилиям он всюду верен был	(письмо Жук., вар. 2)
4.	Баярда древний дух и *славу* (доблесть) Дюгесклина	(письмо Жук., вар. 1)
	Баярда *подвиги* и доблесть Дюгесклина	(письмо Жук., вар. 2)

«Лилии отцов» — лилии в гербе французских королей.

X. *Надпись на гробе пастушки* (стр. 147). Напечатана: 1) в «Вестнике Европы» 1810, ч. LII, № 14, июль, стр. 125, с подписью *Б.;* 2) в «Музе новейших российских стихотворцев», М. 1814, стр. 82, с тою же подписью; 3) в «Опыте русской антологии», 1828, стр. 146. Списки: 1) в Блудовской тетради, 2) в сборнике Ефремова и 3) в Тургеневской тетради. В двух последних и в «Вестнике Европы» заглавие «Надпись над гробом молодой пастушки» и подзаголовок-пояснение: «Этот гроб находился» (в Тург. тетр. — *находится*) на лугу, на котором собирались плясать пастухи и пастушки». Исправлено, а затем и вовсе вычеркнуто из предполагавшегося Батюшковым нового издания в 1819—1821 гг.

Варианты

1.	Подруги *юные*, в беспечности игривой	(В. Евр., Муза)
4—5.	И я на утре дней, *в цветущих сих полях* *Все* радости вкусила;	» »
7.	Но что ж *осталось* мне, *пастушки*, в сих местах	(В. Евр., Муза)
	Но что ж *осталось* мне, *пастушке*, в сих местах	(Блуд. тетр.)
	Но что ж досталось мне в сих *радостных* местах	(1819—1821)

В опере Чайковского «Пиковая дама» стихотворение Батюшкова вложено в уста Полины. Написано не позднее июля 1810 г.

XI. *Мадригал Мелине, которая называла себя нимфою* (стр. 147). Впервые — в «Опытах», ч. II, стр. 207; перепечатано: 1) в «Карманной библиотеке Аонид» 1821, стр. 151; 2) в «Опыте русской антологии», 1828, стр. 75. По всей вероятности, и эта эпиграмма была прислана при письме Батюшкова к Гнедичу от 19 августа 1809 г. (см. выше, стр. 386) и, значит, написана незадолго до того.

XII. *На книгу под названием «Смесь»* (стр. 147). Впервые — в «Опытах», стр. 207; перепечатано в «Опыте русской антологии» 1828, стр. 109. Время написания неизвестно (не позднее начала 1817 г.).

Странствователь и домосед (стр. 148—158). Напечатано: в «Амфионе» (ежемесячное издание) 1815, июнь, стр. 75—91, с полной подписью. В рукоп. отд. Ленинградской Публичной библиотеки имеется автограф этого стихотворения, который был неизвестен Майкову (в виду того, что он представляет собой одну из весьма немногих рукописей, носящих на себе следы творческой работы поэта, все отличия его отметим дальше особо). Список — в Блудовской тетради с датой «Петербург, февраля, 1815» (в основном стихотворение было закончено уже к 10 января 1815 г., см. ниже выдержку из письма Батюшкова к Вяземскому от этого числа) и эпиграфом из И. И. Дмитриева «Ум любит странствовать, а сердце жить на месте». Текст «Опытов» слегка исправлен в 1819—1821 гг.

Варианты

5.	Как трудно век *прожить* на родине своей	(Амф., Блуд. тетр.)
7—8.	Все видел, все узнал: но *от того* умней Домой не возвратился:	» »
9.	〈Отсутствует〉	» »

10—11.	*Рассудок покорив* мечтам, *Он ищет завсегда...* чего, не знает сам.	(Амф., Блуд. тетр.)
15—17.	Нечаянно их дед, иль дядюшка седой Расстался с жизнью и казной ⟨в Блуд. тетр.: ... с казной⟩ И братья *поровну наследство разделили*	» »
18—19.	⟨Отсутствуют⟩	» »
23.	*Сокровищем своим* насытя взоры,	» »
29.	Под *тенью* отчего пената ⟨у Майкова, как вариант, повторен текст «Опытов»⟩	(Амф.)
34.	«А ты как думаешь?» «*А* я с тобой несходен	(Блуд. тетр.)
37—39.	Притом фортуна мне дает благие средства Для замыслов моих: С тобою пополам большой мешок наследства!	(Амф., Блуд. тетр.)
45.	Зачем сей создан *свет*, кто правит им и как	» »
46.	*Где Геркула столпы*? Где гордый Нил родится	» »
48.	*И Феб*, горящий Феб все к западу стремится	» »
51—52.	И мудрые меня своей хвалой почтят В Афинах, *на брегах и* Нила, *и* Босфора	» »
53.	⟨Отсутствует⟩	» »
60.	Не стану я моим *гордиться* даром	(Блуд. тетр.)
66.	Ты сам, оставя плуг, придешь *ко мне* внимать	(Амф., Блуд. тетр.)
71.	Когда... Поверишь ли? *Глицерия* сама	(Блуд. тетр.)
81.	«Прощай же, братец!» «В добрый час	(Амф.)
82.	*Счастливый путь тебе я к мудрости* желаю,	(Амф., Блуд. тетр.)
84.	⟨Отсутствует⟩	» »
85.	*Схватил свою казну* и к городу опять	(Амф., Блуд. тетр.)
91.	*Да*, кто не пожалел об отческой земле	» »
Вместо *124—125.*	И снова мудрости искать Меж греков просвещенных! Сказал, и сделал так Наш ветреный чудак.	(Амф.)

131.	Проклятьем поразил	(Амф.)
136.	«Итак, прошу садиться»,	(Амф., Блуд. тетр.)
158—162.	Сказал, *на лодку сел* и к Этне путь направил, *Чтобы* узнать зачем и как *На Этне пламенный* башмак Философ Эмпедокл пред *смертию* оставил? Узнал и *полетел он в Грецию скорей*	(Амф.)
163.	⟨Отсутствует⟩	(Амф.)
177.	Как червем, *завсегда* снедаемый тоскою.	»
195.	Без помощи и пищи	(Амф., Блуд. тетр.)
198—199.	*Без муки лучше я покину белый* свет, *Чем так мне с голоду* томиться!	» »
202.	*С отчаянья топиться.*	» »
218—219.	*Так старец возглашал; он был* красноречив: *И Филалет* остался жив.	» »
221.	*В тени* смоковниц и олив	» »
223.	Где старец *двадцать* лет,	» »
226—227.	Забыв *вокруг себя* людей и *целый* свет Там трапезу нашел простую Филалет: ⟨у Майкова в вариантах ошибочно: *«Вот* трапезу...»⟩	» »
228—229.	⟨Отсутствуют⟩	» »
234.	И так, *не диво мне*, что с путником Памфил	(Амф.)
	И так *не дивно* мне, что с путником Памфил	(Блуд. тетр.)
236.	«Все призрак», под конец *философ* заключил,	(Амф., Блуд. тетр.).
239.	И я, и ты, и *самый сей обед*,	» »
241.	Со вздохом повторял *печальный* Филалет	» »
246.	Наш призрак — Филалет *затеял* из пустыни	» »
250.	Который научил,	(Амф.)
256.	*Он* вывел по тропам излучистым Тайгета	(Амф., Блуд. тетр.)
265.	Что землю *лобызал* с горячими слезами,	» »
271.	⟨Слово «наконец» — курсивом⟩	(Амф.)
276.	И *снова* ждет денницы	(Амф., Блуд. тетр.)
279.	Что греки снаряжать *войну тогда* хотели	(Блуд. тетр.)

281.	Но знаю, *что тогда уж* рпторы гремели,	(Амф., Блуд. тетр.)
284.	Всех *ране* на помост погибельный взмостился	» »
286.	А с ним и *свет* дневной родился	(Амф.)
292.	С толпой *прислужниц* и сирен,	»
295.	Нахлынули *толпы*, вся площадь закипела.	(Амф., Блуд. тетр.)
297.	Народа *праздного* толпами	» »
Вместо *300—313.*	Так точно весь народ толпился и *шумел* Пред кафедрой бродяги, Который в первый раз блеснуть умом хотел, Но запкнулся, покраснел И побледнел, Как белый лист бумаги. *В собраньи завсегда* народ нетерпелив.	» »
315.	Шушуканье, *а там и* громкий хохот	» »
317.	*Разинул* рот, *потупил* взгляды	» »
320.	«Ну что же? *Начинай!*» Оратор все ни слова:	» »
321.	〈Отсутствует〉	» »
325.	*Уж* камни *сыплются* над жертвой...	» »
330—331.	И так, *философа* спасает *добрый* Клит, Простяк, *философом* презренный,	» »
355.	Все гости заодно с хозяином *сказали*	» »
363.	Наш Грек *на месте* стосковался.	» »
365—366.	На горы ближние *взбирался*, *Бродил* всю ночь, весь день *шатался;*	(1819—1821)
369.	〈Отсутствует〉	(Амф., Блуд. тетр.)
370.	С софистами *об* том, об этом толковать	(Амф.)
374.	За розами побрел в *страну* Гипербореев.	(Амф., Блуд. тетр.)

Автограф Публичной библиотеки — на 4 листах тонкой бумаги с водяным знаком «1814». В период подготовки к изданию «Опытов» Батюшков начал исправлять стихотворение и отослал его Гнедичу в исправленном виде с просьбой сделать свои замечания и с этой же целью показать его Крылову. Оба они замечания сделали (см. письма Батюшкова к Гнедичу от начала и второй половины июля 1817 г., первое — в нашем издании, стр. 422, второе — в изд. под ред. Майкова, т. III, стр. 459). На настоящем автографе имеется ряд карандашных зачеркиваний и пометок в тексте и на полях. В одном случае исправление, нанесенное

карандашом, обведено чернилами. Все это позволяет думать, что данный автограф и есть тот текст, который был послан Батюшковым Гнедичу и снова возвращен поэту с замечаниями отчасти Гнедича и главным образом Крылова, мнение которого Батюшков в данном случае особенно ценил, поскольку «Странствователь и домосед» написан чисто басенным складом («Замечаний не получил еще, — пишет Батюшков Гнедичу от июля 1817 г., — когда получу — кончу, но вперед пророчу: всего поправить не могу, а воспользуюсь замечаниями Крылова, которому очень обязан, для другого издания», ib. 459—460. Однако, как свидетельствует настоящий автограф, «замечания» Батюшков все же успел получить и смог воспользоваться ими уже для «Опытов»). Приводим все строки, вызвавшие замечания или имеющие на себе следы тех или иных исправлений, а также дающие варианты в отношении окончательного текста. Все зачеркивания берем в квадратные скобки, исправления даем курсивом.

18. Вдруг умер дядя их [известный] *Афинский* Гарпагон

37. [Теперь хвала богам] [я] *я* с помощью наследства
⟨первые три слова зачеркнуты карандашом⟩

39. [Совсе] [Имею способы и] *Благодаря богам* — [все, все имею] *теперь имею* средства
⟨слова «все, все имею» — зачеркнуты карандашом⟩

46. [Где Геркула столпы] *Где кончится земля?*
Где гордый Нил родится?
⟨46 ст. на полях отмечен карандашом⟩

48. [И Феб] *Зачем* горящий [Феб] *Феб* всё к западу стремится.

51. В Афинах обо мне тотчас заговорят

53. *Прославится твой брат*, твой верный Филалет
⟨первые три слова жирными чернилами поверх первоначального текста, не поддающегося прочтению⟩

60. Не стану я моим [гордиться] *превозноситься* даром
⟨поправка, кажется, не рукою Батюшкова⟩

61. [Кичася] [Гордяся] *кичася* в пурпуре
⟨«гордяся» зачеркнуто карандашом и на полях карандашом же «кичася», потом обведенное чернилами⟩

66. Ты сам, оставя плуг, придешь [ко мне] *меня* внимать
82. Счастлив[ый]*ого* пут[ь]*и* [тебе я] к *пре*мудрости желаю
87. А Филалет — [стрелой] к Пирею
. . . . .

〈Слово «стрелой» зачеркнуто, но затем снова восстановлено, что отмечено точками〉

89. И в Мемфис полететь с [румяною] зарею
109. Об Аписе быке иль грозном Озириде
〈«иль» подчеркнуто карандашом〉
122. [Бежать] От *гнева* старцев разъяренных

Вместо
124—125. [И снова мудрости искать
Среди сограждан просвещенных.
Сказал и сделал так
Наш ветреный чудак]
〈На полях взамен зачеркнутых написаны два стиха, соответствующие окончательному тексту〉

130—133. 〈Взяты в карандашные скобки〉
148. А десять лет молчать, молчать и всё поститься
151. В роскошные Афины воротиться
157. Прощайте ж постные Кротонски берега
158—159. *Сказал* [*и на корабль!*] и к Этне [мигом] путь направил
За делом! Чтоб узнать на ней зачем и как
161. Философ Эмпедокл пред смерт[и]*ью* *там* оставил
171. *Спеша* [Спеша] [*ходя*] [*спеша*] из края в край, он игры посещал
198—199. [Без муки лучше я покину белый свет
Чем так мне с голоду томиться]
〈Взамен зачеркнутых две строки, как в основном тексте〉
206. Который над водо[ю]*й*, любуяся природой
209. На крае гибельной напасти [или: на тонкой волос от напасти]
216. Дай руку мне мой [гость] *сын* и не стыдись учиться
219. *И* наш [Филалет] *герой* остался жив
234. И так не диво мне, что с путником Памфил
273. [Для сердца моего единственных на свете]

⟨сбоку⟩ Которых мне ничто не заменит на свете

281. Но знаю *только то*, что [тогда уж] риторы гремели

299. Иль Северный Амур с колчаном иль с стрелами

303. И ритор [объявил] *возвестил* высокопарным тоном

313. [В собраньи завсегда] народ *всегда* нетерпелив [или: Афинянин всегда бывал нетерпелив]

325. *И* [уж] камни [сыплются] *уж свистят* над жертвой

В неизданном письме к П. А. Вяземскому (хранится в Остафьевском фонде архива феод.-крепостн. эпохи, ЦАУ) Батюшков сообщает, что толчком к написанию «Странствователя и домоседа» послужил ему стих Дмитриева: «Стих и прекрасный — «Ум любит странствовать, а сердце жить на месте» — стих Дмитриева подал мне мысль эту. И где? В Лондоне, когда, сидя с Севериным на берегах Темзы, мы рассуждали об этой молодости, которая исчезает так быстро и невозвратно». В другом письме к нему же (из того же собрания) от 10 января 1815 г. он подчеркивает автобиографичность своего стихотворения: «Теперь кончил сказку «Домосед и странствователь», которая тебе, может быть, понравится потому что напомнит обо мне. Я описал ⟨конечно, в лице «странствователя». — *Ред.*⟩ себя, свои собственные заблуждения—и сердца, и ума моего». В другом письме по поводу того же стихотворения он пишет: «Я сам над собою смеялся». Помимо того Батюшков придавал особое значение своей «сказке» и потому, что она знаменовала для него выход на новые жанровые пути — переход от эротических и элегических стихотворных «безделок» к более крупному жанру сатирически окрашенной реалистической «повести» в стихах. Однако Вяземскому опыт Батюшкова не понравился: «Вяземский... уверил меня, что сказка моя никуда не годится», писал Батюшков через некоторое время Жуковскому (Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 360).

Для понимания ст. *299* нужно напомнить, что французы звали калмыков и башкирцев, бывших в составе русских войск, занявших в 1814 г. Париж и вооруженных луками — «Les amours du Nord». «Этот дом» в ст. *272* — дом Е. Ф. Муравьевой почти на углу Фонтанки и Невского (теперь № 25), где Батюшков и написал своего «Странствователя и домоседа». Однако возможно, что Батюшков имел в виду и другой дом на Фонтанке же — А. Н. Оленина (в семье Олениных проживала любимая им девушка А. Ф. Фурман).

Лирическое отступление ст. *268—274* (о радости возвращения в Петербург) явно отразилось на соответствующем лирическом отступлении Пушкина в «Евгении Онегине» (гл. 7, строфа 36).

Переход через Рейн (стр. 158—162). Напечатано: 1) в «Русском вестнике» 1817, изд. Сергеем Глинкой, № 5 и 6, прибавление к «Отечественным ведомостям», стр. XXXVIII — XLV, с полной подписью; 2) в «Новом собрании образцовых русских сочинений и переводов» 1821, ч. I, стр. 18 — 23. Текст «Русского вестника» представляет следующие варианты:

2. *И ищут взорами* твои, о, Реин, волны
4. От *стана* отделясь, стремится к берегам
64—67. И *нив родительских* бродили?
Давно ли? Час настал, *и мы*, сыны снегов,
Под знаменем Москвы *стекаемся* с громами
Сюда, с морей, покрытых льдами
82. Ты слышишь *топот ног* и новых коней ржанье
86—87. По трупам вражеским *спешат*
И *се* — коней *борзых* поят,
113. Но там готовится по *мнению* вождей
<очевидная опечатка>
117. *Кругом над ним* шумя *взвевает*
119. И солнце юное небес
121. Все *клики* бранные умолкли, и в рядах
125. Владыке вышней силы
132. Досель *неслыханный*, о, Реин, над тобой

К ст. *109—112* там же имеется следующее примечание издателя: «Черта прелестная, живо изображающая, как дорого все то, что напоминает о родине». В стт. *76—80* речь идет о жене Александра I, бывш. Баденской принцессе Луизе — уроженке этих мест.

Стихотворение завершено, видимо, в конце 1816 — начале 1817 г. (набросано, возможно, и ранее, ближе к изображаемому событию): см. письма Батюшкова к Н. И. Гнедичу от конца февраля — начала марта 1817 г. и к П. А. Вяземскому от 4 марта 1817 г. (Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 422 и 428), в которых говорится о нем как о новинке. В нем воспевается переход русских войск через Рейн в 1814 г., во время похода на Париж, в котором Батюшков принимал личное участие. Пушкин об этом стихотворении писал: «Лучшее стихотворение поэта — сильнейшее и более всех обдуманное». Под несомненным влиянием этого стихотворения написано и знаменитое пушкинское «Клеветникам России».

Умирающий Тасс (стр. 163—168). Написано с февраля по апрель 1817 г. Напечатано впервые в «Опытах». Батюшков особенно ценил это стихотворение. «Кажется мне, лучшее мое произведение», сообщал он в письмах друзьям в период работы над элегией (письмо Вяземскому от 4 марта 1817 г. Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 428). «И сюжет, и все мое», — пишет он в другом письме (Гнедичу, 27 февраля 1817 г.,

там же, стр. 419). Это, впрочем, не помешало Батюшкову, по вообще свойственной ему мнительности и недоверию к себе, вскоре после окончания элегии начать сомневаться в ее достоинствах. Посылая ее Гнедичу для помещения в «Опытах», он писал: «Куда Тасса? Боюсь! Если не понравится тебе? Тем более, что я, писав его, предался своей воле. Или он очень хорош — или очень плох. Ахти!!» К своей элегии поэт основательно готовился как повторным чтением сочинений Тассо, так и литературы о нем: «Перечитал все, что писано о несчастном Тассе, напитался Иерусалимом» (упомянутое письмо Вяземскому, стр. 429). В частности, Батюшков проштудировал работы Сисмонди «De la littérature du midi de l'Europe» («О литературе Южной Европы»), t. II и Жингене «Histoire littéraire de l'Italie», t. V, («История итальянской литературы»). Реальная биография знаменитого итальянского поэта, Торквато Тассо, обросла романтической легендой, основными элементами которой были — безнадежная, «неравная» страсть его к Феррарской герцогине, Элеоноре д'Эсте, постигнувшие его вследствие этого гонения, заключение в тюрьму, сумасшествие и безвременная смерть. Запоздалое признание и приготовленное для Тассо высшее торжество — увенчание лавровым венком в римском Капитолии, до которого он не дожил всего несколько дней, — было в этой легенде последним штрихом, последовательно завершающим образ гениального несчастливца, покаранного несправедливой судьбой. Легенда о Тассо послужила материалом для ряда художественных обработок, самой значительной и популярной из которых является трагедия Гете «Торквато Тассо», скорее всего известная и Батюшкову. Сам Батюшков в легендарной биографии Тассо усматривал много общего со своей собственной жизненной судьбой. Этим объясняется настойчивое обращение его к образу и творчеству итальянского поэта (юношеское стихотворение 1808 г. «К Тассу», ряд мотивов которого повторен в «Умирающем Тассе», переводы из «Освобожденного Иерусалима» в прозе и в стихах, статья 1815 г. «Ариост и Тассо», многократные упоминания в письмах). О чрезвычайно внимательном чтении Батюшковым произведений Тассо свидетельствуют и многочисленные пометки на принадлежавшем ему экземпляре «Освобожденного Иерусалима» (хранится в рукописном отделении Ленинградской Публичной библиотеки; см. описание этого экземпляра П. А. Бессоновым в Сочинениях Батюшкова, т. II, стр. 460—465). История упорной работы Батюшкова над оформлением его элегии, к сожалению, до нас не дошла: черновик поэт, по его словам, «тотчас изодрал в клочки» (см. выше, стр. 420). Сохранились только последовательные варианты ст. *105*: первоначальное чтение его, до нас не дошедшее, видимо, не удовлетворило Гнедича, и он предложил другое: «......из *челюстей* времен». Батюшкову оно, однако, в свою очередь, не понравилось. «*Челюсти времен* — дурно. Нельзя ли: *из кладезей времен?*» В окончательном тексте стих читается: «... из пропасти времен». Стт. *64* и *65* даем так, как они напечатаны в «Опытах». Утверждение Майкова, что чтение «Опытов»: «карающей» вместо «ка-

рающи» (последнее он вводит в свое издание) — «несомненная опечатка», не представляется нам убедительным. Некоторая синтаксическая неправильность этих стихов вполне соответствует той крайней степени взволнованности, которой именно в этом месте достигает речь Тассо, вспомнившего о претерпенных им гонениях. С другой стороны, почти невероятно, чтобы Батюшков, исключительно чувствительный к малейшим типографским неточностям в воспроизведении его текста, тщательно снова и снова просматривая текст «Опытов» в связи с планами нового издания, оставил это место, если оно было бы ошибочным, без исправления. Эпиграф взят из трагедии Тассо «Торрисмондо» (конец хора, заключающего последнее, 5-е действие) и значит по-русски:

...Подобно горному быстрому потоку,
Подобно зарнице, вспыхнувшей
В ясных ночных небесах,
Подобно ветерку или дыму, или подобно стремительной стреле
Проносится наша слава; всякая почесть
Подобна хрупкому цветку!
На что надеешься, чего ждешь ты сегодня?
После триумфа и пальмовых ветвей
Одно только осталось душе —
Печаль и жалобы, и слезные пени.
Что мне в дружбе, что мне в любви?
О, слезы! О, горе!

В «Опытах» элегии предпослано (перед текстом книги) следующее примечание:

«Не одна История, но Живопись и Поэзия неоднократно изображали бедствия Тасса. Жизнь его, конечно, известна любителям Словесности. Мы напомним только о тех обстоятельствах, которые подали мысль к этой элегии.

Т. Тасс приписал свой «Иерусалим» Альфонсу, герцогу Феррарскому («o magnanimo Alfonso!»...) — и великодушный Покровитель без вины, без суда заключил его в больницу св. Анны, т. е. в дом сумасшедших. Там его видел Монтань, путешествовавший по Италии в 1580 г. Странное свидание в таком месте первого Мудреца времен новейших с величайшим Стихотворцем!... Но вот что Монтань пишет в «Опытах»: «Я смотрел на Тасса еще с большею досадою, нежели с сожалением; он пережил себя: не узнавал ни себя, ни творений своих. Они без его ведома, но при нем, но почти в глазах его напечатаны неисправно, безобразно». Тасс, к дополнению несчастия, не был совершенно сумасшедший и, в ясные минуты рассудка, чувствовал всю горесть своего положения. Воображение, главная пружина его таланта и злополучий, нигде ему не изменяло. И в узах он сочинял беспрестанно. Наконец, по усильным просьбам всей Италии, почти всей просвещенной Европы, Тасс был освобожден (заключение его продолжалось семь лет, два месяца

и несколько дней). Но он не долго наслаждался свободою. Мрачные воспоминания, нищета, вечная зависимость от людей жестоких, измена друзей, несправедливость критиков, одним словом — все горести, все бедствия, каким только может быть обременен человек, разрушили его крепкое сложение и привели по терниям к ранней могиле. Фортуна, коварная до конца, приготовляя последний решительный удар, осыпала цветами свою жертву. Папа Климент VIII, убежденный просьбами кардинала Цинтио, племянника своего, убежденный общенародным голосом всей Италии, назначил ему Триумф в Капитолии. «Я вам предлагаю венок лавровый, — сказал ему папа, — не он прославит вас, но вы его!» Со времени Петрарка (во всех отношениях счастливейшего стихотворца Италии) Рим не видал подобного торжества. Жители его, жители окрестных городов желали присутствовать при венчании Тасса. Дождливое осеннее время и слабость здоровья Стихотворца заставили отложить торжество до будущей весны. В апреле все было готово, но болезнь усилилась. Тасс велел перенести себя в монастырь св. Онуфрия; и там, окруженный друзьями и братией мирной обители, на одре мучений ожидал кончины. К несчастию, вернейший его приятель, Костантини, не был при нем, и умирающий написал к нему сии строки, в которых, как в зеркале, видна вся душа Певца Иерусалима: «Что скажет мой Костантини, когда узнает о кончине своего милого Торквато? Не замедлит дойти к нему эта весть. Я чувствую приближение смерти. Никакое лекарство не излечит моей новой болезни. Она совокупилась с другими недугами и, как быстрый поток, увлекает меня... Поздно теперь жаловаться на фортуну, всегда враждебную (не хочу упоминать о неблагодарности людей!). Фортуна торжествует! Нищим я доведен ею до гроба в то время, как надеялся, что слава, приобретенная наперекор врагам моим, не будет для меня совершенно бесполезною. Я велел перенести себя в монастырь св. Онуфрия не потому единственно, что врачи одобряют его воздух, но для того, чтобы на сем возвышенном месте, в беседе святых отшельников начать мои беседы с небом. Молись богу за меня, милый друг, и будь уверен, что я, любя и уважая тебя в сей жизни и в будущей — которая есть настоящая — не премину все совершить, чего требует истинная, чистая любовь к ближнему. Поручаю тебя благости небесной и себя поручаю. Прости! — Рим. Св. Онуфрий».

Тасс умер 10 апреля на пятьдесят первом году, исполнив долг христианский с истинным благочестием.

Весь Рим оплакивал его. Кардинал Цинтио был неутешен и желал великолепием похорон вознаградить утрату Триумфа. По его приказанию, говорит Жингене в «Истории литературы итальянской», тело Тассово было облечено в римскую тогу, увенчано лаврами и выставлено всенародно. Двор, оба дома кардиналов Альдобрандини и народ многочисленный провожали его по улицам Рима. Толпились, чтобы взглянуть еще раз на того, которого Гений прославил свое столетие, прославил Италию, и который столь дорого купил поздние, печальные почести!..

Кардинал Цинтио (или Чинцио) объявил Риму, что воздвигнет Поэту великолепную гробницу. Два Оратора приготовили надгробные речи: одну латинскую, другую итальянскую. Молодые Стихотворцы сочиняли стихи и надписи для сего памятника. Но горесть кардинала была непродолжительна, и памятник не был воздвигнут. В обители св. Онуфрия смиренная братия показывает и поныне путешественнику простой камень с этой надписью: Torquati Tassi ossa hic jacent. Она красноречива.

Да не оскорбится тень великого Стихотворца, что сын угрюмого севера, обязанный «Иерусалиму» лучшими, сладостными минутами в жизни, осмелился принесть скудную горсть цветов в ее воспоминание».

«Тасс *приписал* свой «Иерусалим...» в значении — посвятил. «O magnanimo Alphonso!»—«О, великодушный Альфонс». «Torquati Tassi ossa hic jacent» — «Здесь лежат кости Торквато Тассо». В экземпляре «Опытов», по которому Батюшков подготовлял новое издание своих стихов, он вычеркнул последний — лирический — абзац «примечания» (от слов: «да не оскорбится...»).

Среди всех произведений Батюшкова «Умирающий Тасс» пользовался особенной популярностью. Неизлечимая психическая болезнь, вырвавшая Батюшкова из литературы в возрасте всего 34 лет, в полном расцвете его художественного дарования, придала в глазах читателей и критики особенное значение его элегии о безумном итальянском поэте. В единодушном хоре восторженных оценок одиноко звучит голос Пушкина, который считал, что попытка Батюшкова изобразить в своем Тассе трагический характер совершенно не удалась поэту, и противопоставлял «добродушному» и «тощему» Тассу батюшковской элегии подлинный трагизм аналогичного произведения Байрона. «Эта элегия, конечно, ниже своей славы», записал он на своем экземпляре «Опытов»... «Сравните «Сетования Тасса» поэта Байрона с сим тощим произведением. Тасс дышал любовью и всеми страстями, а здесь, кроме славолюбия и добродушия,... ничего не видно. Это — умирающий В⟨асилий⟩ Л⟨ьвович⟩, а не Торквато». Василий Львович — дядя А. С. Пушкина.

Беседка муз (стр. 168 — 169). Напечатано в «Сыне отечества» 1817, ч. XXXIX, № 28, июля 13-го, стр. 63—64, со сноской: «Это прекрасное стихотворение взято из 2-й части «Опытов» в стихах и прозе К. Н. Батюшкова» (дальше следует подробное изложение условий подписки, см. выше, стр. 436) и с вариантами:

23. И время жадное в сей *тихой* сени Муз
25. Пускай и в сединах, но с *юною* душой.

В издании Майкова варианты не отмечены.

В Ленинградской Публичной библиотеке имеется автограф этого стихотворения, Майкову неизвестный. Посылая Гнедичу в период подготовки к изданию «Опытов» свои новые стихотворные пьесы,

Батюшков писал ему: «Если есть глупые стихи, выпиши их: я постараюсь поправить» (Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 422). Настоящий автограф не только содержит ряд новых вариантов, но и представляет интереснейший образец совместной работы поэта и его издателя. Тут же, на посланном последнему, видимо, при письме от мая 1817 г. (ib., 440—442), и, очевидно, переправленном назад поэту листке, Гнедич не только отмечает не удовлетворяющие его стихи, но и выписывает на полях предлагаемые им замены, как сейчас увидим, в подавляющем большинстве принятые Батюшковым и вошедшие в окончательный текст «Опытов» (принимая охотно указания и поправки друзей, Батюшков, в свою очередь, постоянно давал и им такие же дружеские советы и указания, см., например, разбор им стихов Жуковского и Вяземского, Сочинения под. ред. Майкова, т. III, 299—302, 311— 313). Отмечаем все особенности автографа (зачеркнутое самим Батюшковым берем в квадратные скобки, замены его же даем курсивом. Все отметки и надписи карандашом, очевидно, принадлежат Гнедичу):

1. Под тению черемухи млечной
⟨«Млечной» подчеркнуто карандашом⟩
5. Спешу нести цветы и ульев сот янтарный
⟨Карандашом на полях «принесть» — вариант, вошедший в «Опыты»⟩
19. [Невинны радости] *Веселость ясную* первоначальных лет
21. Пускай из памяти забот свинцовый груз
⟨«Из памяти» взято карандашом в скобки и опущено в «Опытах»⟩
22. Исчезнет [иль] *и* в реке забвения потонет
⟨«Исчезнет» — в карандашных скобках и опущено в «Опытах»⟩
23. И время [самое] *жадное* в сей [верной] *тихой* сени муз
⟨На полях карандашом «тайной», вариант, вошедший в «Опыты»⟩
24. [Рукою алчною] любимца их не тронет
27. [Я] *Он* некогда прид[у]*ет* вздохнуть в тени густой
⟨Над *т* в слове «тени» карандашом поставлено *с* — вариант, вошедший в «Опыты»⟩
28. Черемухи и сих акаций
⟨Карандашом внизу страницы: «своих ч-ъ и ак-ий» — вариант, вошедший в «Опыты»⟩

На обороте листка:

«Как лучше: он некогда придет?

или

Он придет некогда?»

<последняя строка зачеркнута карандашом>

Тут же дается поправка к Тассу (первоначальное чтение до нас не дошло):

«Наконец, нашел!

Земное гибнет всё: и слава, и венец,
    Искусств и муз творенья величавы:
Но там — всё вечное, как вечен сам творец,
Податель нам венца небренной славы

Придется ли не знаю: а это лучше и яснее. Не печатай Странствоват. и Домоседа. На днях пришлю поправки. Я всё переделал и, кажется, удачно. С будущею почтою получишь. *К. Бат.*» (О работе над «Странствователем и домоседом» см. выше в примечании к этому стихотворению).

«Беседка муз» написана в имении Батюшкова, селе Хантонове, в мае 1817 г. и соответствует реальной деятельности Батюшкова как помещика. «Я убрал в саду беседку по моему вкусу, в первый раз в жизни», — пишет он Гнедичу в том же мае 1817 г., посылая ему свое стихотворение-«безделку». «Это меня так веселит, что я не отхожу от письменного столика, и веришь ли? целые часы, целые сутки просиживаю, руки сложа накрест. Сам Крылов позавидовал бы моему положению, особливо, когда я считаю мух, которые садятся ко мне на письменный стол. Веришь ли, что очень трудно отличить одну от другой...» (Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 441). О беседке в саду пишет он и Жуковскому в письме от июня 1817 г., стр. 449—450. Немудрено, что, пока Батюшков занимался устройством беседок и счетом мух, хозяйственные дела его приходили во всё больший упадок, и имение всё более запутывалось в долгах. Эту оборотную сторону поэтических сельских идиллий очень сознавал и Пушкин. Отзываясь о «Беседке муз» как о «прелести», Пушкин вместе с тем в «Евгении Онегине» не без иронии вспоминает это стихотворение Батюшкова (в сатирических строках о Зарецком, укрывшемся от житейских бурь «под сень черемух и акаций»).

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В „ОПЫТЫ“

Видение на берегах Леты (стр. 173—181). Впервые опубликовано только в 1841 г. в сборнике «Русская беседа» (Спб., т. I, стр. 1—10 особ. нумер.), изданном в пользу А. Ф. Смирдина. с подписью *К. Батюшков*. Несмотря на то, что к этому времени с момента написания «Видения» прошло 32 года, оно в некоторых отношениях продолжало сохранять свою сатирическую остроту. По крайней мере, издатели

сборника сочли нужным предпослать ему следующее примечание несколько оправдательного характера: «Шуточное это произведение принадлежит ко времени юности знаменитого поэта. Список его сохранился у одного из литераторов, и мы решились напечатать его: оно любопытно, как по отношениям, так и по неподдельному юмору. Русские музы редко шутят, хотя по старинному присловию: «смеяться не грешно над всем, что кажется смешно». Надобно только, чтобы шутка была безгрешна». И издатели всячески позаботились о том, чтобы сделать «шутку» Батюшкова возможно более «безгрешной», опустив все сколько-нибудь сомнительные места (напр., строки о Баркове) и выкинув всё, что относится к «славенофилу», т. е. А. С. Шишкову. В таком ослабленном виде и с тем же примечанием «Видение» появилось девять лет спустя в собрании сочинений Батюшкова 1850 г. Пропущенные места были дополнительно опубликованы М. А. Дмитриевым в его мемуарах «Мелочи из запаса моей памяти», изд. 2-е, стр. 198—199, и П. А. Вяземским (Полн. собр. соч., т. II, стр. 344—345). Подлинной беловой рукописи «Видения» не сохранилось; помимо того, Батюшков сжег и все черновики: «У меня начерно ниже строчки нет» — писал он Гнедичу. «Я сжег нарочно, чтоб после прочитать на свежий ум и переправить» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 70). Зато сразу же после написания «Видение» стало распространяться в большом количестве списков. Помимо списка, положенного издателями «Русской беседы» в основу их публикации, и списков, бывших в руках у Дмитриева и Вяземского, еще один список «Видения» имелся в сборнике Афанасьева (опубликован в «Библиографических записках» 1861, стр. 638—643). Список «Видения» был сделан и рукой Гнедича. По списку Гнедича, принадлежавшему Тиханову, стихотворение было напечатано Майковским изданием, причем, несмотря на наличие в этом списке ряда спорных мест и, как теперь выясняется, даже прямых искажений (характерно, что список этот был изрезан самим Батюшковым), Майков ограничился опубликованием только этого текста, по совершенно непонятным причинам и в нарушение общего плана своего издания, не приводя к нему многочисленных вариантов из других списков, в том числе даже из публикаций «Русской беседы», Дмитриева и Афанасьева.

Мало того, и этот текст был опубликован им неисправно (в стихе *13* надо «пренесен» и — что особенно существенно — в ст. *16* «пал» вместо стоящего у Майкова бессмысленного «пел»). За самое последнее время обнаружился еще ряд списков. Самые значительные из них — два списка, находящиеся в Рукоп. отд. Института русской литературы Академии Наук (ИРЛИ), представляющие первоначальную редакцию «Видения» (один, поступивший от К. Я. Грота, 6930 XXXVб 28, другой, имеющийся в архиве братьев Тургеневых, № 1219) и список Блудовской тетради, дающий окончательную редакцию. В виду того, что тексты Блудовской тетради были заведомо просмотрены и аппробированы самим Батюшковым, мы и помещаем именно этот список в нашем основном тексте, ис-

правляя только явную опечатку в *194* ст. («Всегда на *фон...*» вместо «Всегда на *срок...*»). Помимо того, список «Видения» имеется в архиве кн. А. М. Горчакова (в арх. феод.-крепостн. эпохи ЦАУ, Ф. 3260 I 5/5 в. К. I.; сделан самим Горчаковым, в бытность его в Царскосельском лицее, и отличается большой исправностью); с ним, как и с другим Горчаковским же списком «Певца в беседе славяноруссов», любезно познакомил нас в копиях М. А. Цявловский; оба списка, кроме того, просмотрены нами и непосредственно в оригиналах). Стихотворение носит здесь несколько кудрявое заглавие: «Страшный суд русских пиитов или видение на берегах Леты дон Ипотаса де Ротти». Наконец, «Видение» вписано в сборник Ефремова и в Тургеневскую тетрадь. Список К. Я. Грота, как сказано, представляет особый интерес. Это рукопись на 8 полулистах зеленоватой бумаги с водяным знаком «А. О.», писанная чернилами, неизвестной рукой, с многочисленными исправлениями также чернилами, нанесенными тут же самим Батюшковым. Выправляемый текст дает первоначальную редакцию, остававшуюся до сих пор совершенно неизвестной и местами весьма примечательную (см., напр., стт. *12—15*, непристойность которых впоследствии Батюшковым была сильно ослаблена); слой наносимых исправлений приближает ее к окончательной. Ту же, в основном первоначальную, редакцию, не тронутую исправлениями и лишь с некоторыми небольшими отличиями, содержит список из архива Тургеневых. Поэтому даем описание обоих этих списков вместе, в дальнейшем приводя разночтения относительно нашего основного текста из всех остальных (в квадратных скобках даем зачеркнутый текст; курсивом обозначаем поправки, в ломаных скобках — наши пояснения; в тех случаях, когда текст Гротовского или Тургеневского списка отсутствует, — он совпадает с нашим основным текстом).

При обоих списках эпиграф из Буало (несколько переиначенные стихи 211—212 из сатиры IX); этот же эпиграф имеется и во всех остальных списках, кроме Горчаковского и списка Блудовской тетради): «Ma muse sage et discrète sait de l'homme d'honneur distinguer le poète» (Моя муза, мудрая и скромная, умеет отделять стихотворца от порядочного человека).

2. Заснул [поверх, без зачеркиванья, «я (Гр.) спал»] и видел [чудный] [*странный*] сон
. . . . .
⟨Точки под словом «чудный» — знак его восстановления — в подлиннике⟩
Заснул и видел чудный сон (Тург.)
3. [Мне снилось] *Как* будто *светлый* Аполлон (Гр.)
Мне снилось: светлый Аполлон (Тург.)
12—15. [На небо девственною рифмой. (Гр.)
Другой в Цитеру пренесен,
Потея над прекрасной нимфой,

Хотел ее насильно — петь]
⟨Взамен зачеркнутых вписаны 4 стиха, соответствующие нашему основному тексту и только в 15 ст. — хотел *в жару*...; в Тургеневском списке — четыре первоначальных стиха⟩

26—28. [Певцов Российских ждал приход: (Гр.)
Творец бессмертной Россиады
С певцом бессмертным Петриады]
⟨Взамен зачеркнутых 3 стиха, как в нашем основном тексте; в Тург. сп. — 3 первоначальных стиха и только в *28* — ... с певцом *обнявшись*...⟩

32. И Мельпомен[ин]*ы* друг Княжнин (Гр.)

42—43. И ты [стыдливости] *что сотворил* обиды (Гр.)
[Творящий Аретин, Пирон.]
⟨Ст. *43* исправлен, как в основном тексте; в Тург. сп. оба стиха — в первоначальном виде⟩

44. [И наш зверей] *И ты, о мой* певец незлобный (Гр.)
И наш зверей певец незлобный (Тург.)

46. Все словом, коих [Аполлон] *бог певцов* (Гр.)
Все словом, коих Аполлон (Тург.)

47. Венчал бессмертия [венцами] *лучами* (Гр.)
Венчал бессмертия венцами (Тург.)

54. Рассудок свой и вкус и гла[с]*з* (Гр.)
Рассудок свой и вкус и глас (Тург.)

55. [Готовили] *Садились* все пир богатый (Гр.)
⟨«за», видимо, случайно не вставлено⟩
Готовили все пир богатый (Тург.)

57—58. [В Элизий толк своим жезлом. (Гр.)
Я прислан вышним божеством.]
⟨Взамен зачеркнутых 2 стиха, как в основном тексте, только в *57* — «присланный»...; в Тург. сп. оба стиха в первоначальном виде⟩

59—60. Сюда на [брег туманной] *берег тихой* Леты (Гр.)
[За мной идут толпой] *Бредут покойные* поэты
⟨В Тург. сп. оба стиха в первоначальной ред.⟩

Вместо

63—65. [Подземны воды справедливы —
Дурное мигом поглотят,
А для прямых Парнаса чад
Созреют вечности оливы.] (Гр.)

⟨Взамен зачеркнутых 3 стиха, как в основном тексте; в Тург. сп. — первоначальная ред. и только в *4* ст. — *в* вечности...⟩

72. [Сказал] *шептал*, смеяся, Сумароков (Гр.)
Сказал, смеяся, Сумароков (Тург.)

87. Любезных чад своих купают (Гр., Тург.)

90. ⟨В Гр. и Тург. отсутствовал; в Гр. вписан позднее⟩

91. Чинит жестокие вопросы (Гр., Тург.)

⟨При *99* ст. к словам «сего бо хощет бог» в Гр. подстрочная сноска: «Полустишие, взятое из прекрасного сочинения Мерзлякова Тень Кукова, которое никто не понимает [да нет нужды]»⟩

⟨В Гр. к ст. *107* подстрочная сноска: «Г. Мерзляков продолжал как видно Душеньку, если неудачно, то пространно. Амур у него на 40 страницах плачет»⟩

108. Сказал ему Амур прекрасный (Гр., Тург.)

109. Который тут [присутствен] *с Психеей был* (Гр.)
Который тут присутствен был (Тург.)

110. «Ступай!» — [пошел] *нырнул* и нет педанта (Гр.)

⟨В ст. *115* в Гр. поверх «еров» было написано какое-то слово, потом жирно зачеркнутое⟩

122—142. ⟨В Гр. и Тург. отсутствуют; в Гр. промежуточные стихи вписаны сверху и сбоку той же 5_1 стр.; по тексту совершенно совпадают с основным; к *133* ст. подстрочная сноска: «свидетельствуюсь московскими журналами»⟩

145. Вот мой [баран] *венок* и посошок (Гр.)
Вот мой баран и посошок (Тург.)

148—149. Которым*и* [я насильно мил] *дышал и жил* (Гр.)
Которым я насильно мил

⟨В Тург. *148* ст.—в первонач. чт., *149*— совсем отсутствует⟩

150. Вот мой [Амур] *баран*, моя Аглая (Гр.)
Вот мой Амур, моя Аглая (Тург.)
⟨В Гр. к нему сноска: «А г л а я, несчастная грация, [с]*вовсе*[м] не дева, а журнал кн. Шаликова⟩

158. [Рассудок не имею здравой] *Мне враг чужой рассудок здравой* (Гр.)
Рассудок не имею здравой (Тург.)

159—160. [Но русское люблю душой (Гр.)
Для русских прав мой толк кривой]
⟨Взамен зачеркнутых два стиха, как в основном тексте; только во втором сперва было «но» — «для» приписано сбоку позднее; в Тург. оба стиха — в первоначальной ред.⟩

161. [«Кто ж ты»] *«Да кто же ты?»* — «Жан Жак я русской (Гр.)
«Кто ж ты?» — «Жан Жак я Русский (Тург.)

164. Для русских. Нет [боле] уж *боле* сил (Гр.)
Для русских. Нет уж боле сил (Тург.)

167—168. [Причина порча нравов в том! — (Гр.)
Сказал и бух в реку потом]
⟨Взамен зачеркнутых два стиха, как в основном тексте; в Тург. — оба в первоначальной ред.⟩

169—188. В Тург. отсутствуют, в Гр. вначале также отсутствовали, но затем вписаны сверху и сбоку 6_1 стр.; при этом: в ст. *174* — «для ада» зачеркнуто и написано что-то, не поддающееся прочтению; в ст. *177* — над «ага» поставлено «сказал», без зачеркиванья; наконец внизу 2_2 стр. приписаны еще следующие три стиха, очевидно, предназначенные занять место между стт. *187* и *188*, но в окончательный текст не вошедшие:
Хватившись за покров ее
Во всем своем [приятном ⟨?⟩] виде
(Скажу певицам не к обиде)

192. ⟨В Гр. к нему сноска: «Этот стих слово в слово г. Боброва. Ничего не хочу присваивать»⟩

201. От взора грозныя Эгиды (Гр.)

203. Слова сии [умел] [*успел*] понять (Гр.)

. . . .

209. Угрюмый ад[ский]*а* судия (Гр.)
Угрюмый адский судия (Тург.)

214. В [обширном] *огромном* дедовском возке (Гр.)

219. ⟨В Гр. вписан позднее между строк; в Тург. отсутствует⟩

226. Мы [Академии] *все с Невы* поэты росски (Гр.)
Мы Академии поэты росски (Тург.)

228—230. Несчастны [в хомуты впряженны] *в клячей превращенны* (Гр.)
[Сочлены юные мои] *Сочлены юные мои*
[Любовью к славе вдохновленны] *Любовью к славе воспаленны*
⟨Исправления вписаны наверху страницы, в ст. *228* помимо того над строкой карандашом; в Тург. все три стиха — в первоначальной ред.⟩

231—236. ⟨В Гр. сперва отсутствовали и вписаны позднее на верху страницы, причем в *232* сперва «тиснут», потом исправленное на «топят», и в *235* — «немного», переделанное на «немножко»; в Тург. — отсутствуют⟩

241. [Мне имя есть] *Аз есмь зело* С л а в е н о ф и л (Гр.)
Мне имя есть С л а в е н о ф и л (Тург.)

246. ⟨В Гр. к нему сноска, приписанная позднее: «В Езде на остров любви истолковано б л у д н а я у с м е ш к а».⟩

247. И рек: [В мужех] *О муж* умом нескудной (Гр.)
И рек: «В мужех умом нескудной (Тург.)

248. Обретший [чудны] *редки* красоты (Гр.)
Обретший чудны красоты (Тург.)

252. И [путь] в реку *путь* им показал (Гр.)
И путь в реку им показал (Тург.)

258. И то [уж] *по*выбившись из сил (Гр.)
И то уж выбившись из сил (Тург.)

259—261. ⟨В Гр. сперва точки; три стиха, соответствующие основному тексту, вписаны позднее; в Тург. — две строки точек; на полях сбоку стихов *247—261* в Гр. надпись карандашом: «Поставлен с Третьяковским рядом. Это стих не Батюшкова»⟩

265. В пуху с [косматой] *нечесанной* г[о]л[о]*а*вой (Гр.)
⟨Под строкой снова: «В пуху с нечесанной главой»; потом зачеркнуто; то же чтение в Тург.⟩
269. [Пожалуй] *Но с вами* я опять готов (Гр.)
Пожалуй с вами я готов (Тург.)
273. Я — вам знаком[а]ый, я — Крылов (Гр.)
⟨В Гр. к стиху сноска: «Он познакомился с духами через почту»⟩
274. «Крылов, *Крылов!*» [в одно] вскричало (Гр.)
«Крылов!» в одно вскричало (Тург.)
280. — Ну, что ты делал? — «Все пустяк (Гр., Тург.)
282. Пил сладко, ел, а боле спал (Тург.)
288. Крылов, забыв жестоко ⟨описка?⟩ горе

Разночтения

1. Вчера Бобровым *усыпленный* (Горч.)
Вчера *Бобрисом* утомленный (Рус. бес.)
2. *Заснул* и видел *чудный* сон: (Гнед., Рус. бес.)
Я спал и видел *чудный* сон. (Горч.)
3. *Что* будто светлый Аполлон (Рус. бес.)
Мне снилось, будто б Аполлон (Горч.)
11. Голоден, наг и утомлен (Гнед., Горч.)
12. Упрямой рифмой к светлу *Фебу* (Рус. бес.)
15. Хотел *в жару* насильно петь (Гнед., Горч.)
19. Косою *быстрой* машет (Рус. бес.)
25. *При шуме* Касталийских вод, (Горч.)
29. *Честолюбивый* Фебов сын (Гнед.)
Честолюбивый Феба сын (Горч.)
36. Между *Псишеи* легкокрылой (Гнед.)
Между *Психеей* легкокрылой (Горч.)
38—39. ⟨Отсутствуют⟩ (Рус. бес.)
41. *И ты прилежный* как пчела » »
42—43. ⟨Отсутствуют⟩ » »
56. Как вдруг *сын Маиин* крылатый » »
57. *Присланный высшим* божеством (Гнед.)
В Элизий толк своим жезлом (Горч.)
Нисcланный *высшим* божеством (Рус. бес.)
58. Я прислан высшим божеством (Горч.)
Между 59 и 60. Сказал сидящим за столом »
60. *За мной идут толпой* поэты (Гнед., Горч.)
61. Они в реке *все* погрузят (Горч.)

63.	Здесь *будет* опыт правосудный	(Горч.)
65—66.	Потонут *все. Так* Феб судил.	»
	Эрмий сказал и силой крыл	»
69.	Здесь будет *плата* не по платьям	»
72.	*Сказал* смеяся Сумароков	(Гнед., Горч., Рус. бес.)
73.	Певцов *найдете* без пороков	(Гнед., Аф.)
77.	*Певец* проклятый от Парнаса	(Гнед.)
81.	Что буря *в долы* разнесла	(Горч.)
82.	Так теням сим не *бысть* числа	(Рус. бес.)
89.	Но тут Минос *судьям* на страх,	(Горч.)
91.	Чинит расправу и *допросы*	»
98.	*Алкею окоротил* крылья,	(Гнед.)
	Тиртею окоротил крылья	(Горч.)
101.	«*Кто ты*, болтун?» «*Я Мер-зля-ков*».	(Гнед., Горч.)
	«*Кто ж ты*, болтун?» «*я Мер-зля-ков*».	(Ефр., Тург. тетр.)
104.	⟨Отсутствует⟩	(Рус. бес.)
107.	⟨Отсутствует⟩	(Гнед., Горч.)
116.	Невинен я. *Несу* я груду	(Горч.)
117.	Смотри здесь *тысяча* листов	(Рус. бес.)
118.	*Почтенной* пылию покрытых	» »
118—119.	⟨Переставлены⟩	(Горч.)
121.	*И* я!...» — Скорей купать его	(Рус. бес.)
124.	⟨Отсутствует⟩	» »
127.	*Все* прозой детской и стихами,	(Горч.)
130.	*Иной* Меланию, Зюльмису	»
132.	Луну, *Венеру*, голубков	»
137.	Не только в *явь, но и* во сне	»
	Не только в яве *и* во сне	(Рус. бес.)
142.	*Явил на суд* творенья новы	(Горч.)
145.	Вот мой *баран* и посошок	(Гнед., Горч.)
149.	⟨Отсутствует⟩	(Рус. бес.)
150.	«Вот мой *Амур*, моя Аглая.	(Гнед., Горч.)
152.	С просонья *в воду* поскользнул!!!	(Горч.)
	С просонья в Лету *проскользнул*	(Аф.)
156.	«*Кто ты?*»... «Я русский и поэт	(Горч.)
157.	*Бегу бегом*, лечу за славой	»
	Я сам бегу, лечу за славой	(Рус. бес.)
Вместо *158—160.*	Рассудок не имею здравой Да русское люблю душой; ⟨Горч.: *Дурацкое* люблю...⟩ Для русских прав мой толк кривой	(Гнед., Горч.)
160.	И в том клянусь моей *душой*	(Ефр., Тург.)

161.	«*Кто ж ты?*» — «Жан-Жак я русский»	(Гнед.)
	«*Но* кто же ты?» — «Жан-Жак я русский	(Горч.)
162.	«Расин и Локк, и Юнг я *русский*	(Рус. бес.)
164.	«Для русских. Нет уж *больше* сил	(Гнед.)
	«Для русских — *нету больше сил*	(Горч.)
	Для русских нет уж *боле* сил	(Рус. бес., Тург.)
167—168.	«Причина порча нравов в том». Сказал — и бух в реку потом	(Гнед., Горч.)
177.	«Ага», судья — *девице* сей	(Аф.)
181.	Исчезла Сафо!... *Нет* ее!..	(Гнед., Горч.)
185.	⟨Отсутствует⟩	» »
186.	Потом *за нею обе* дамы	» »
Между *187* и *188.*	Хватившись ⟨у Горч.: схватились⟩ за покров ее Совсем им не в приличном виде (Скажу певицам не в обиде).	» »
189.	«*Ты кто?*» — «*Я вам скажу без лени*	(Горч.)
190—192.	Поэмы три да *сотни* од Где всюду *мрак*, где всюду тени, Где всюду рощи близ ручья ⟨очевидно, осмысление непонятых слов⟩	»
200.	Слезят! — *Иссякнет* изувер	(Горч.)
203.	*Успел* слова сии понять	»
205—206.	Все стали в пень от изумленья *При* речи сей. «Изволь купать	»
209.	Угрюмый *адский* судия	(Гнед., Тург., Горч.)
216.	⟨Отсутствует⟩	(Горч.)
217.	И тянут кое-как *гуськом*	»
218.	За ним как в осень *птицы разны*	»
220.	Летят толпою тени *праздны*	»
222—223.	Кивнула с *кашлем головой* И вышла *бледна* из повозки	(Рус. бес.)
223.	И вышла *с стоном* из повозки ⟨затем «*стоном*» исправлено другой рукой на «*кашлем*»⟩	(Горч.)
226.	Мы *Академии* поэты росски	(Гнед.)
	Мы *академьи члены* росски	(Горч.)
228.	Несчастны в *клячи* превращенны	»
230.	Любовью к славе *воспаленны*	(Гнед., Горч.)
232.	И *память* старца Гермогена	(Горч.)
	И *тянут* старца Гермогена	(Дмитр.)

233—234.	Их мысль *на небеси* вперенна Слова ж из *старых книг* берут	(Дмитр.)
235.	Стихи их хоть *немножко* жестки	(Гнед.)
237.	«Да *кто ж* ты сам?» «Я также член	»
241.	«*Я* есмь зело славенофил	»
242.	Сказал и *книгу* растворил ⟨у Горч. сперва: «*затворил*», потом поправлено: «*растворил*»⟩	(Гнед., Горч., Дмитр.)
246.	Осклабил взор усмешкой *чудной*	(Рус. бес.)
247.	И рек: «*В мужех* умом не скудной ⟨у Горч.: «мужах»⟩	(Гнед., Горч.)
252.	И *в реку* путь им показал	(Гнед.)
	И *путь в реку* им показал	(Горч.)
253.	К реке *все* двинулись толпою	(Гнед., Горч.)
256.	Тот целу *книжицу* с собою	(Аф., Рус. бес., Тург.)
258.	*Почти уж выбившись* из сил	(Горч.)
259.	За *всех* трудов своих громаду	(Гнед.)
261.	*Отсрочку получил* в награду	(Горч.)
Между 261 и 262.	Поставлен с Тредьяковским к ряду	(Дмитр.)
265.	В пуху с *нечесанной главой*	(Гнед., Горч.)
266.	С салфеткой, *с книжкой* под рукой	(Горч.)
269—270.	*Как быть!* но я опять готов Хоть сызнова отведать	»
276.	И эхо *громко отвечало*	»
282.	Пил, сладко ел, а *больше* спал	»
286.	«Да басни все!» — «Купай! Купай!»	(Гнед., Горч., Аф.)

«Видение» было написано Батюшковым в его имении осенью 1809 г. (не позже конца октября: в письме от 1 ноября Батюшков уже спрашивает Гнедича, как оно ему понравилось, см. Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 55). Это была та первоначальная редакция, которая засвидетельствована списками Я. К. Грота (до авторской правки) и архива бр. Тургеневых.

Сам Батюшков почитал свое стихотворение в этом виде незавершенным («в нем столько описок, столько стихов не оконченных, даже без рифм», ib. 59). 23 ноября того же года он послал А. Н. Оленину и около этого же времени Гнедичу новую «оконченную» редакцию, соответствующую исправленному списку Грота, присоединив ряд новых строк (о «шаликовщине», стт. *122—142* и о женщинах-писательницах «трех Сафах», стт. *169—188*). Батюшков не хотел вначале открывать кому бы то ни было (за исключением Гнедича) свое авторство, опасаясь,

что «все рассердятся» («ниже отцу родному долженствовало об этом говорить», письмо Гнедичу, ib. 60). Однако Гнедич не только прочел «Видение» (в его первоначальной редакции) Оленину, но и разрешил сделать с него список, благодаря чему оно с чрезвычайной быстротой разнеслось по всему Петербургу, а через некоторое время распространилось и в Москве. Опасения Батюшкова были не напрасны. Осмеянные им писатели, влиятельные не только в литературе, но и в служебном мире (Шишков и его друзья и единомышленники), действительно весьма «рассердились» на «смелого насмешника» (слова о Батюшкове Пушкина). «У вас (т. е. в Петербурге) на меня гроза. Этого мало: винят меня» — пишет Батюшков Гнедичу из Москвы, а через некоторое время сообщает ему же, что рассказы о всеобщем озлоблении против него «Варяго-россов», т. е. шишковистов, так на него подействовали, что он «несколько ночей не спал, размышляя, что-де я наделал». Под влиянием этого и Гнедич изменил свое отношение к «Видению», к которому вначале «относился с восхищением» (ib., 82, 85 и 86). Зато шум, вызванный «Видением», имел и свою положительную сторону: имя почти неизвестного до тех пор стихотворца было у всех на устах, и нужно прямо сказать, что именно с этого момента начинается более или менее широкая популярность Батюшкова как поэта. Сам Батюшков, поначалу отнесясь к «Видению» несколько пренебрежительно («Этакие стихи слишком легко писать, и чести большой не приносят», ib., 55), в дальнейшем изменил эту точку зрения, утешаясь в испытываемых им огорчениях тем, что «Видение» — «творение оригинальное и забавное», которое останется и переживет «тяжеловесные» «славяно-росские» творения его недругов» (ib., 86). И, действительно, «Видение» продолжало сохранять свое значение во все время боев между карамзинистами и шишковистами. В 1814 г. подражал ему в своем отрывке «Путешествие на Парнас» молодой Рылеев.

Пушкин-лицеист в «Городке» называет «Видение» в числе «драгоценных» «сочинений», «презревших печать». В период своей полной зрелости, отзываясь достаточно пренебрежительно об эпиграммах и шуточных мелочах Батюшкова («Как неудачно почти всегда шутит Батюшков», «Какая плоскость» и т. д.), для «Видения» Пушкин делает исключение: «Но его *Видение* умно и смешно». Больше того, «Видение» оказало несомненное воздействие и на творчество самого Пушкина. Некоторые места «Видения» отразились в отроческой поэме Пушкина «Тень Баркова». Отдельные стихи «Видения» разошлись по различным его произведениям (напр., ст. *139* «Из этих лиц уныло-бледных» и пушкинская строчка — «О, столько лиц бесстыдно-бледных», строка «В пуху с косматой головой» и пушкинское «В пуху, в картузе с козырьком» — через промежуточное воздействие «Опасного соседа», в свою очередь, в этом месте явно восходящего к тому же «Видению»). Больше того, сам онегинский ямб местами удивительно близок стиху «Видения».

Исключительно важно «Видение» для уяснения литературной позиции Батюшкова. Основной удар его сатиры направлен против «славенофила» Шишкова и его приверженцев — членов возглавлявшейся им «Российской академии» — будущих «беседчиков». Одновременно с этим Батюшков бьет и по «шаликовщине», т. е. по крайностям сентиментализма. Однако самого вождя этого последнего, Карамзина, Батюшков не трогает. «Карамзина топить не смею, ибо его почитаю» (ib., 61), решительно отвечает он Гнедичу, занимавшему промежуточную позицию между «классиками» и карамзинистами и, очевидно, призывавшего Батюшкова — «для справедливости» — потопить вместе с Шишковым и его литературного антипода — Карамзина. Больше того, необходимо отметить, что, издеваясь над эпигонами русского классицизма, к его былым лидерам — поэтам XVIII века — Батюшков (в том же «Видении») относится (за исключением одного Тредиаковского) с подчеркнутым пиэтетом.

АНТОЛОГИЯ

Этот отдел образован нами главным образом из переводов и подражаний Батюшкова греческой антологии и из стихотворений, примыкающих по своему характеру к так называемой антологической поэзии. Разработкой антологических жанров Батюшков был занят в самые последние годы своей литературной деятельности — 1817 — 1821 гг. — период его полной зрелости как поэта. Чтобы не нарушать художественной цельности отдела, мы не ввели в него раннего антологического перевода Батюшкова («Сот меда с молоком...»), сделанного им не позже 1810 г. и которым сам он настолько был недоволен, что не включил в «Опыты». Наоборот, мы нашли возможным поместить в этом отделе перевод строфы из «Чайльд-Гарольда», который хотя и не принадлежит к антологическому роду в строгом смысле этого слова, но, будучи написан Батюшковым в этот же, по преимуществу «антологический», период его поэзии, носит на себе многие его черты, а по художественному своему совершенству вполне достоин занять место между шедеврами его творчества.

Внутри отдела стихотворения расположены в хронологическом порядке.

[*Из греческой антологии*] I—XIII (стр. 182—186). Переводы из греческой антологии были подготовлены Батюшковым совместно с С. С. Уваровым в 1817—1818 гг. для журнала, предполагавшегося к изданию литературным кружком «Арзамас», членами которого оба они состояли. Уваров написал небольшую критическую статью об антологии, иллюстрируя ее по ходу изложения рядом образцов антологической поэзии в переводах, сделанных Батюшковым. Как уже указывалось, сам Батюшков греческого языка не знал и переводил с помощью Уварова, который, по его собственным словам, с одной стороны, «желая облегчить труд

поэта», с другой — в порядке «дружеского соревнования», перевел все выбранные им для Батюшкова пьесы на французский язык и также стихами.

Заявляя, что он сознает, «как опасно подчинять строгим и мелким правилам нашего вкуса совершенную свободу древних», карамзинист Уваров счел, однако, необходимым пригладить подлинник на свой лад. «Мы принуждены были смягчить и, может быть, ослабили некоторые выражения», пишет он о переводе IX пьесы. Последняя строка V пьесы в буквальном переводе значит :«Мы — Алкионы твоей горести». Эту энергическую строку Уваров заменяет «трогательным» образом «печального Алкиона, повторяющего вдали свою жалобу» («le triste Alcyon redit au loin sa plainte»). Батюшков в своем переводе придал этому образу-штампу гораздо бо́льшую художественную выразительность, однако всё же он следовал здесь не за подлинником, а за Уваровым.

Тем не менее переводы Батюшкова, несмотря на их достаточно «вольный» характер, замечательным образом передают дух подлинника. Между тем, в связи с начавшимся распадом «Арзамаса», рухнули и планы издания журнала. В виду этого Батюшков и Уваров выпустили статью и переводы отдельной брошюрой: «О греческой антологии», Спб. 1820. Брошюра была издана в количестве всего 70 экземпляров. Из них 40 продавались в пользу некоего бедного семейства фон Б. по 5 р. за экземпляр, а остальные 30 в продажу не поступали. Оба переводчика скрыли себя под инициалами «Ст.» и «А.», т. е. «Старушка» и «Ахилл» — арзамасские имена Уварова и Батюшкова, и вся брошюра была издана в качестве «бумаг», случайно полученных из города Арзамаса и принадлежавших, как гласили предисловия Д. В. Дашкова (он же был и издателем брошюры) и С. С. Уварова, написанные в традиционном стиле шутливых арзамасских мистификаций, — «двум приятелям», «беспечным провинциалам», «страстно любящим литературу», но «с славою незнакомым и совершенно неизвестным на поприще нашей литературы». Несмотря на это, авторство Батюшкова было без труда разгадано современниками, и только В. К. Кюхельбекер в своем критическом разборе брошюры («Сын отечества» 1820, ч. 62, № 23, стр. 145—151) колебался при определении автора между Батюшковым и «молодым певцом Руслана», т. е. Пушкиным, замечая, что «по наслаждению, которое чувствуешь, читая стихи, по сладостной мелодии каждого из них, по удивительному искусству в образовании и сохранении пиитического перевода, высочайшего совершенства в просодии» переводы могут принадлежать только кому-либо из этих двух поэтов. Но и он, в конечном счете, высказался за Батюшкова: «По некоторым приметам, в коих не можем отдать себе отчета, мы склонны приписать сии переводы Батюшкову: многие живо напоминают его образ выражаться». Исключительно высоко оценил переводы Батюшкова Белинский, считая их «истинно-образцовыми, истинно-артистическими». «Все, зная «Умирающего Тасса» и другие большие произведения Батюшкова, как будто и не хотят знать

о его переводах из Антологии — лучшем произведении его музы, и это понятно: произведения в древнем роде, подобно камеям и обломкам барельефов, находимым в Помпее, могут услаждать вкус только глубоких ценителей искусства, приводить в восторг только тонких знатоков изящного». И далее, обращаясь к отдельным пьесам, критик восклицает: «Сколько грусти, задушевности, сладострастного упоения, нежного чувства и роскоши образов в этом антологическом стихотворении: «В Лаисе нравится улыбка на устах»... Сколько роскоши и вакханального упоения в этом апофеозе сладострастия: «Тебе ль оплакивать утрату юных дней?..» Какая пластическая образность, умеряющая внутреннее клокотание страсти и просветляющая его до идеального чувства, в этой последней антологической элегии Батюшкова перевода: «Изнемогает жизнь в груди моей остылой»... (Статья о «Римских элегиях» Гете, Полн. собр. соч. под ред. Венгерова, т. VI, стр. 264—265). Позднее в стихах о Пушкине, приводя пьеску Батюшкова: «Сокроем навсегда от зависти людей...», критик замечает: «Такого стиха, как в этой пьеске, не было до Пушкина ни у одного поэта, кроме Батюшкова; мало того: можно сказать решительнее, что до Пушкина ни один поэт, кроме Батюшкова, не в состоянии был показать возможности такого русского стиха. После этого Пушкину стоило не слишком большого шага вперед начать писать такими антологическими стихами, как вот эти «Счастливый юноша...» или вот эти: «А верно, я любим...» (Полн собр. соч. Белинского, т. XI, стр. 297). Из числа двенадцати антологических пьесок, переложенных Батюшковым, I принадлежит Мелеагру Гадарскому, II — Асклепиаду Самосскому, III — Гедилу, IV и V — Антипатеру Сидонскому, VII, VIII, IX, X, XI и XII — Павлу Силенциарию, VI — безымянна.

Что касается XIII пьесы, помещенной в самом конце брошюры, в качестве «надгробной надписи, с греческого переведенной», якобы «найденной на обверточном листе» рукописи двух арзамасских писателей, источник ее неизвестен.

Перепечатывая переводы Батюшкова в своем издании, Майков придал им произвольные заглавия и подзаголовки и, повторяя ошибки издания 1834 г., допустил несколько погрешностей в воспроизведении текста, в антологических стихах, отличающихся предельной словесной скупостью и формальным совершенством, особенно недопустимых. Так, в пьесе VII ст. 2 им напечатан, как в издании сочинений Батюшкова 1834 г.: «Восторги пылкие и страсти *упоенья*» (вместо «упоенье»), чем разрушена точность римфы. Название пьесы IX — «К *престарелой* красавице» вместо правильного «*постарелой*». Наконец, введена совершенно произвольная пунктуация. В нашем издании мы точно воспроизводим первопечатный текст.

В рукоп. отдел. ИРЛИ Академии Наук имеется в альбоме Е. Н. Хвостовой (6013 XXXI б. 56, стр. 55_1) автограф IV пьесы «Явор к прохожему», с карандашным рисунком, сделанным, очевидно, самим поэтом и изобра-

жающим фигуру молодой женщины перед стволом дерева, увитым диким виноградом. Подпись: *К. Б.* Вариантов нет. Там же имеются списки переводов Батюшкова с параллельным французским текстом Уварова (списаны все пьесы, кроме VI, XI и XII; X — только по-французски) в альбоме детской писательницы и друга Жуковского, А. П. Зонтаг (9625/LV б. 9, стр. 34_2 — 39_1). Вариантов нет, за исключением разночтения в *4* ст. первой пьесы: «минувших роз» (скорее всего, описка). Подготовляя новое издание своих стихов, Батюшков предполагал включить в него «переводы из антологии».

Подражание Ариосту (стр. 186—187). Впервые напечатано в «Северных цветах на 1826 г., собранных бар. Дельвигом», стр. 63, с полной подписью. Перепечатано в «Опыте русской антологии» 1828, стр. 169. В архиве феод.-крепостн. эпохи ЦАУ хранится список этого стихотворения, сделанный рукой Александра Пушкина. «Подражание» является довольно близким переводом 42-й строфы I песни «Неистового Орланда» Ариоста. Только октаву подлинника Батюшков сжал в шесть строк и придал ей характер совершенно самостоятельной антологической пьески. Подзаголовок (у Майкова неправильно дан в качестве эпиграфа) составляет первую строфу подлинника и значит: «Девушка подобна розе». Переводить из Ариостова «Неистового Орланда» Батюшков начал еще в 1811 г. Приводим первый переведенный им тогда отрывок, сличение которого с данной пьеской показывает с особенной наглядностью огромный рост художественного мастерства Батюшкова:

Увы, мы носим все дурачества оковы,
И все терять готовы
Рассудок, бренный дар небесного отца!
Тот губит ум в любви, средь неги и забавы,
Тот, рыская в полях за дымом ратной славы,
Тот, ползая в пыли пред сильным богачом,
Тот, по морю летя за тирским багрецом,
Тот, золота искав в алхимии чудесной,
Тот, плавая умом во области небесной,
Тот, с кистию в руках, тот с млатом иль с резцом.
Астрономы в звездах, софисты за словами,
А жалкие певцы за жалкими стихами:
Дурачься смертных род, в луне рассудок твой!

(Ариост, песнь XXXIV).

По поэме Ариоста рассудок, утраченный Орландом, был унесен на луну.

Кроме того, в 1816 г. Батюшков перевел прозой эпизод «исступления Орланда» (конец XXIII и начало XXIV песен), см. Соч. под ред. Майкова, т. II, стр. 273 — 281. «Подражание» написано, видимо, после выхода в свет «Опытов», в которые не вошло, т. е. не раньше конца 1817 г.

Ты пробуждаешься, о, Байя... (стр. 187). Впервые опубликовано Лонгиновым в «Современнике» 1857, т. LXII, стр. 82, в качестве «отрывка из неизвестного стихотворения», написанного Батюшковым в Италии в 1819 г. и сохранившегося в памяти друзей. В 1819 г. Батюшков, действительно, побывал в Байе (письмо к Н. М. Карамзину от 24 мая 1819 г.). Однако Лонгинов и вслед за ним Майков и Саитов без всякого основания считают это стихотворение отрывком. На самом деле оно носит совершенно законченный характер, являясь по исключительной звуковой гармонии одним из самых блестящих созданий не только последнего периода творчества Батюшкова, но и всей его поэзии вообще.

Есть наслаждение... (стр. 187). Напечатано в «Северных цветах» на 1828 г., стр. 23. Представляет собой довольно близкий перевод 178-й строфы IV песни «Странствований Чайльд-Гарольда» Байрона. Лонгинов в «Современнике» 1857, ч. LXII, стр. 82, опубликовал, вместе с предыдущим стихотворением, еще пять строк, являющихся продолжением перевода и составляющих начало следующей 179-й строфы:

Шуми же, ты, шуми, огромный океан!
Развалины на прахе строит
Минутный человек, сей суетный тиран,
Но море чем себе присвоит?
Трудися, создавай громады кораблей...

С прибавлением тех же пяти строк пьеса напечатана П. А. Вяземским (Полн. собр. соч. Вяземского, т. IX, стр. 86). Этот недоработанный отрывок Майков в своем издании совершенно неправомерно присоединил к представляющей в переводе Батюшкова вполне законченную пьесу 178-й строфе, и, кроме того, ввел в созданный таким искусственным способом основной текст эпитет «*угрюмый* океан» вместо «огромный», мотивируя это тем, что именно так соответствующая строка звучала «согласно преданию, сохраненному П. Н. Батюшковым» — братом поэта. В таком чтении эта строка почти буквально совпадает с пушкинскими строками: «*Шуми, шуми*, послушное ветрило, || Волнуйся подо мной, *угрюмый океан*», подсказанными тем же местом из Байрона. Возможно, что П. Н. Батюшков бессознательно перенес в пьесу брата этот эпитет именно из пушкинских стихов. В публикации П. А. Вяземского пьеса имеет следующие варианты:

6 — 12. Ты сердцу моему дороже;
С тобой, владычица, *я властен* забывать
И то, *что* был, *когда я* был моложе
И то, *что* ныне стал под холодом годов.
С тобой я в чувствах оживаю.
Их выразить *язык* не знает стройных слов
И как молчать *о* них не знаю!

(Майков в качестве вариантов *7* и *10* ст. повторяет чтение основного текста, вариантов *9*, *11* и *12* стихов вовсе не указывает). Вяземский тут же предлагает читать *8* ст. — «И то, что был, *как* был моложе», замечая: «а то стих не равен с прочими». Списки: 1) в альбоме С. Н. Карамзиной, список неизвестным почерком; 2) отсюда переписала его в свой альбом А. А. Воейкова (см. Модзалевский, «Из альбомной старины», Пгр. 1916, стр. 10, и Н. В. Соловьев, «История одной жизни», т. II, Пгр. 1916, стр. 158). Оба списка совершенно соответствуют публикации Вяземского. Альбом Воейковой находится в рукоп. отдел. ИРЛИ, 22728, CLVIII, б. 3А; 3) в альбоме М. В. Беклешовой (ИРЛИ, 9661, LVIII, б. 1), 4) список рукою бар. Е. Н. Вревской; соответствует тексту «Северных цветов», но с заглавием «Элегия».

Перевод Батюшкова так понравился Пушкину, что был собственноручно списан им (список хранится в архиве ИРЛИ Академии Наук, 24531, 244/192) под названием «Элегия» и, помимо того, снова записан в принадлежавший ему экземпляр «Опытов» (см. статью Л. Н. Майкова «Пушкин о Батюшкове» в сборнике его статей «Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки», Спб. 1899, стр. 290—291). Впоследствии, в 1830 г., перевод Батюшкова явно отразился на знаменитом пушкинском «Гимне чуме» (из «Пира во время чумы»): «*Есть наслаждение* в бою» и т. д.

В 1819—1820 гг. творчество Байрона победоносно проникло в Италию, где Батюшков в это время находился. В письме А. И. Тургеневу из Неаполя, полученном последним 5 января 1820 г., Батюшков сообщал, что «итальянцы переводят поэмы Байрона и читают их с жадностью». «Следовательно, — добавляет в связи с этим Тургенев, — то же явление, что и у нас на Неве, где Жуковский дремлет над Байроном, и на Висле, где Вяземский бредит о Байроне» («Русский архив» 1867, столб. 652—653). С одного из этих переводов (а не с рукописного французского перевода, как весьма сложно рисует это себе Л. Н. Майков), очевидно, и сделал около этого времени свое переложение Батюшков, не владевший английским языком (печатных французских переводов в то время еще не появлялось). Об огромном впечатлении, которое произвела на Батюшкова поэзия Байрона, свидетельствует любопытнейшее письмо, написанное ему Батюшковым в 1826 г., — в разгар психической болезни, когда самого Байрона уже два года как не было в живых (подлинник в Рукоп. отд. Ленинградской Публичной библиотеки).

Лорду Байрону в Англию.

Прошу Вас, Милорд, прислать мне учителя Английского языка, когда я буду обитать снова в Москве, в сем доме. Желаю читать Ваши сочинения в подлиннике. Молитесь Невесте моей.

Константин Батюшков.

Надпись для гробницы... (стр. 187—188). Впервые — в «Сыне отечества» Н. Греча, 1820, ч. LXIV, № 35, стр. 83, под заглавием: «Надгробие

русскому младенцу, умершему в Неаполе»; перепечатана в «Опыте русской антологии», 1828, стр. 33. Вписана Батюшковым в экземпляр «Опытов» (стр. 256), по которому он подготовлял новое издание своих стихов. Под заглавием жирно зачеркнутая строка, видимо, подзаголовок. Внизу зачеркнутая же дата: «Неаполь (?), 1820, январь». Даем в основном тексте текст автографа.

В *5* ст. *«сетуйте»* вместо зачеркнутого: «плачьте, о»; в *8* ст. *«И»* вместо зачеркнутого «А». В «Сыне отечества» стихотворение напечатано в искаженном виде: *5* ст. разбит на два стиха (причем в первой части вместо *«Им молви от меня»* — *«Шепни им от меня»*), наоборот *7* и *8* ст. соединены в один (помимо того, *1* ст. читается: «О *русской*, милый гость из отческой земли»). Эти искажения были болезненно восприняты друзьями поэта: «Кто так изуродовал Батюшкова в 35-м Сыне», — возмущенно спрашивал Вяземский А. И. Тургенева и тут же предлагал, «чтобы избежать рифмы на полустишии», изменить *5* ст. на «Им от меня шепни...» (Остафьевский архив, т. II, стр. 64). Блудов же, который только что вернулся из Италии и распространил стихотворную новинку Батюшкова по Петербургу, вступил в чрезвычайно резкую и весьма характерную для того времени полемику с напечатавшим стихи по памяти помощником Греча, А. Ф. Воейковым. В следующем, 36 номере «Сына отечества» было напечатано письмо Блудова к издателю:

«Царское Село, 29 августа 1820 г. В последнем номере вашего журнала помещена «Эпитафия младенцу», которая сочинена в Неаполе моим приятелем Батюшковым, а в Россию привезена мною. Это последнее обстоятельство весьма неважно, но я сообщаю вам об этом потому, что в моем мнении оно дает мне лишнее право, если не сердиться и досадовать, то, по крайней мере, жаловаться, видя, что новое и, несмотря на краткость, прекрасное произведение моего друга является в первый раз русским читателям не в настоящем и даже, — простите мне за искренность сего выражения, — в обезображенном виде. Грубые ошибки переписчика или типографщика портят всякое сочинение, но еще более стихи, в коих иногда всё действие и всё достоинство слога зависят от некоторого искусного расположения слов, и следственно разрушаются при малейшей перемене. Сих рушительных перемен или ошибок в эпитафии русского младенца, судя по пространству всей надписи, очень много. Позвольте мне их заметить для вас и для читателей вашего журнала.

Первые четыре стиха напечатаны исправно; с пятого начинаются беспрерывные погрешности.

Шепни и́м от меня:
Не сетуйте, друзья!

Такая рифма и такие стихи едва ли годны для конфектного билета; Батюшков не в состоянии написать подобных; сверх того, он знает, что нет нужды ш е п т а т ь того, что можно и хорошо сказать вслух. В его надгробии младенец говорит просто:

Им молви от меня: не плачьте, о, друзья!
Моя завидна скоротечность:
Не знала жизни я,
А знаю вечность.

Вы видите, милостивый государь мой, что неизвестный посредник между вами и автором, преобразив сначала один, если не хороший, то обыкновенный стих, в два плоские, зато при конце, как будто в вознаграждение, сделал из двух прекрасных стихов один почти дурной:

Не знала жизни я, а знаю вечность.

Надобно заметить, что здесь наш поэт, постигнувший тайны своего искусства, не без намерения, посредством механизма стихов, представил отдельно две великие, но различные выгоды с к о р о т е ч н о с т и умершего младенца. Первая, что он не знал жизни, то есть бедствий и заблуждений; другая, еще важнейшая, что знает вечность, что без испытаний и горя снискал то благо, которое составляет одно — и цель, и цену жизни. В самой гармонии сих коротких стихов, заключающих речь из гроба, есть что-то нежное, приятно-унылое, равно приличное мыслям о спокойствии смерти и о тихом счастии невинности в небесах. Но вся сия прелесть исчезает от неудачной и, вероятно, неумышленной поправки в доставленном к вам списке. Расстояние и время производят одинаковое действие, и наш живой соотечественник, потому только, что живет в отдаленности, осужден разделять участь древних писателей: его стихи, кои равняются в достоинстве с лучшими надписями греческой антологии, уже сделались жертвою беспамятных рапсодов или безграмотных переписчиков. По счастию, не будучи ни Аристархами, ни Вольфами, мы можем исправить сделанное ему зло при самом начале; вы, милостивый государь мой, конечно, не откажетесь помочь нам в этом.

Примите уверение в моем истинном почтении».

На это Воейков в № 37 «Сына отечества» опубликовал следующую ироническую «Благодарность знаменитому литератору»:

«Прочитав в 36-й книжке «Сына отечества» письмо приятеля Батюшкова и друга Батюшкова о надгробной надписи, которую сей приятель и друг нашего славного поэта вывез из Неаполя в Россию (как некогда Солон Илиаду), я чрезвычайно испугался. Опрометью бросился я к некоторым нашим поэтам, удостоивающим меня своего благорасположения, и узнал от них, что ошибка моя не так велика, как сочинитель письма к издателю «Сына отечества» желает ее выставить, что *им молви* не много стихотворнее слов: *шепни им*; что последний стих, будучи произведен в пятистопные, может быть, выиграл, и что единственная ошибка состоит в разделении стиха:

Им молви от меня: не сетуйте, друзья!

Сия последняя могла бы почесться важною, если бы первая половина сего стиха не рифмовала со второю. Поэты, приятели мои, видя мое сму-

щение, поспешили приискать несколько подобных рифм в сочинениях нашего Батюшкова, который, несмотря на то, что они не богаты, остается попрежнему одним из первоклассных русских поэтов. Вот сии примеры: *мечей*, *друзей*, часть II, стр. 47; *очей*, *друзей*, часть II, стр. 51; *друзья*, *края*, часть II, стр. 61; *друзьям*, *нам*, там же; *друзей*, *Цирцей*, там же, стр. 79.

Я не стихотворец; сам не знаю меры содеянного проступка, а поэтам — друзьям своим — не совсем доверяю. Дружба может ввесть их в заблуждение, и потому, несмотря на их доводы, не смею совершенно оправдываться: поспешность моя (с какою диктовал я и потом не сверил) исказила бессмертные стихи того поэта, о котором один наш стихотворец справедливо сказал:

А ты, в венце из роз и с прадедовской чашей...

Признавшись в вине моей, мне осталось поблагодарить неподписавшего своего имени сочинителя письма, который, судя по ревности, с какою защищает честь великого писателя, сам должен быть знаменитым поэтом и, конечно, кроме незабвенной перевозки восьми стихов из Неаполя, оказал важные услуги российской поэзии: он поступил со мною довольно вежливо, и я счастлив, что он, а не другой кто пожурил меня. Я бы мог попасть в руки к одному из тех немилосердных крикунов, которые, будучи больны желчью, все предметы видят в желтом цвете или, что еще хуже, к тем, кои, страдая черныю (сплином), то-есть охотою видеть всё в черном цвете и выуча наизусть Лагарпа, как сорока Якова, перебранили и переценили всё русское от поэмы до эпиграммы, хотя сами ни одною запятою не обогатили отечественной словесности. От таких людей брань нестерпима. *П. К — в...*»

Приводимое Воейковым стихотворное обращение к Батюшкову принадлежит самому же Воейкову (отрывок из его поэмы «Искусства и науки», напечатанной в «Вестнике Европы» 1819 г.):

А ты в венце из роз и с прадедовской чашей,
Певец веселия и бедствий жизни нашей,
Роскошный Батюшков! пленительный твой дар,
Любви, поэзии, вина и славы жар.
Овидий сладостный, любимец муз Гораций,
Анакреон и ты, вы веруете в граций:
И девы чистые беседуют с тобой
На берегах Невы, под тенью лип густой,
И роза пышная на льду при них алеет,
И обрывать ее косматый мраз не смеет,
И солнце яркое с безоблачных небес
Зимою нежиться зовет в прохладный лес.
У Тасса взял ты жезл Армиды чудотворный,
И гордый наш язык, всегда тебе покорный,

Волшебник! под твоим пером роскошен, жив.
Затейлив, сладостен, и легок, и шутлив,
Рисуя нам любви и муку, и блаженство:
Прелестный пламенный твой слог есть совершенство.

«Надпись для гробницы» была написана Батюшковым по просьбе одной его неаполитанской знакомой, Малышевой (дочь сенатора П. Н. Каверина). Через несколько месяцев умерла и сама Малышева. Близко знавший ее С. И. Тургенев просил Батюшкова написать и ей эпитафию. Однако, повидимому, написана она не была (см. Остафьевский архив, II, стр. 62 и 416).

Подражания древним. I — VI (стр. 188—189). Впервые опубликованы в газете «Русь» 1883, № 23, от 1 декабря, стр. 20 — 21 по автографу Батюшкова с датой «Шафгаузен, июнь 1821 г.», вместе с извещением «от издателей сочинений К. Н. Батюшкова» о ходе работ по подготовке издания и просьбой присылать имеющиеся материалы; вписаны поэтом в тот экземпляр II части «Опытов», в который он вносил свои поправки в бытность за границей. Воспроизводим их по этому экземпляру. (Помимо общей даты в экземпляре «Опытов» под III пьесой имеется дата: 2 июня 1821 г.)

Первая пьеса («Без смерти жизнь не жизнь...») напечатана в «Руси» со следующими, очевидно, ошибками:

4. О, солнце, *чудо* ты среди небесных чуд!
5. И на земле прекрасного *так* много

[*Изречение Мельхиседека*] (стр. 189). Впервые опубликовано в «Библиотеке для чтения» 1834 (издание книгопродавца Александра Смирдина), т. II, стр. 18, с полной подписью; повторено, в качестве неопубликованного, в «Русской старине» 1884, т. XLII, стр. 220, под названием: «Константин Николаевич Батюшков. Предсмертное его стихотворение» и с примечанием публикатора, поэта А. И. Подолинского: «Кто мне сообщил это стихотворение, не помню. Сообщавший утверждал, что оно уже по смерти поэта К. Н. Батюшкова было замечено на стене, будто бы написанное углем» (последнее сообщение, очевидно, легендарно).

В альбоме П. Н. и С. Н. Батюшковых в Рукоп. отд. Ленинградской Публичной библиотеки имеется (на листе 27_1) автограф этого стихотворения с подписью «Батюшков. 1821», по которому его и печатаем, исправляя явные описки: «жизнью» (ст. *2*) и «родиться» (ст. *3*). (Майков указывает, что он тоже печатает свой текст по автографу, между тем в *1* ст. у него «помнишь» вместо «знаешь».) В том же альбоме имеется список этого стихотворения, сделанный Жуковским. В Рукоп. отд. Ленинградской Публичной библиотеки имеется и еще один список (а может быть, и автограф) этого стихотворения на клочке белой бумаги. Список имеется и в альбоме Воейковой (ее рукою) в ИРЛИ (22728/CLVIII, б. 3А, стр. 44_2). Наконец, еще один список — в архиве А. М. Горчакова (Арх. феод.-кре-

постн. эпохи ЦАУ, ф. 3260 КЗ, д. 5/N), на отдельном листке, его рукою, с надписью: «Последние стихи К. Н. Батюшкова, писанные в 1823 г.» и следующим весьма характерным примечанием: «Si j'osais, j'aurais changé le 4 vers ainsi»: «И одна смерть ему докажет» le «едва ли» est impie, mais malheureusement naturel dans la lutte et le découragement de la vie. ⟨Если бы я дерзнул, я бы изменил четвертый стих следующим образом... «едва ли» — нечестиво, но, к несчастью, естественно в житейской борьбе и унынии⟩. Любопытно, что «благочестивый» Горчаков оказался здесь не одинок: в схожем виде стихотворение вписано в альбом Воейковой. Брат поэта П. Н. Батюшков в период издания его сочинений писал по этому поводу Л. Н. Майкову: «В альбоме А. А. Воейковой написаны... стихи брата: «Ты знаешь, что изрек...» с следующим вариантом «И смерть *одна ему лишь* скажет» вместо «едва ли». Хотя последнее и более религиозно, думаю однако, что это ошибка или описка. Жуковский едва ли бы ее сделал» (Из бумаг Л. Н. Майкова, 189, ИРЛИ, не опубликовано).

Варианты

1. Ты *помнишь*, что изрек (Спис. Публ. библ., Воейк.)
6. Зачем он шел долиной *скорбной* слез. (Б. д. чт.)

Это одно из последних, если не самое последнее стихотворение, написанное Батюшковым до его психического заболевания. Способности слагать стихи Батюшков не утратил и в дальнейшем, однако всё, написанное им за время болезни, представляя весьма любопытный материал для психиатра, отчасти для литературоведа-исследователя, никакого художественного значения не имеет.

Приводим сохранившиеся образцы его стихов этого времени (печатаем по автографам, находящимся в Рукоп. отд. Ленинградской Публичной библиотеки):

I. ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦИЮ

Я памятник воздвиг огромный и чудесный.
Прославя вас в стихах: не знает смерти он!
Как образ милый ваш и добрый, и прелестный
(И в том порукою наш друг Наполеон),
Не знаю смерти я. И все мои творенья,
От тлена убежав, в печати будут жить.
Не Аполлон, но я кую сей цепи звенья,
В которые могу вселенну заключить.
Так первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетели Елизы говорить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям громами возгласить.

Царицы, царствуйте, и ты, императрица!
Не царствуйте, цари: я сам на Пинде царь!
Венера мне сестра, и ты моя сестрица,
А Кесарь мой — святой косарь.

Опубликовано в «Русской старине» 1883, т. XXXIX, стр. 551. После русского текста следует сделанный Батюшковым же перевод его на французский язык прозой.

II. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ГРАФА БУКСГЕВДЕНА ШВЕДСКОГО И ФИНСКОГО. ТА ЖЕ НАДПИСЬ К ОБРАЗУ ГРАФА ХВОСТОВА-СУВОРОВА:

Премудро создан я, могу на свет сослаться:
Могу чихнуть, могу зевнуть;
Я просыпаюсь, чтоб заснуть,
И сплю, чтоб вечно просыпаться.

Константин Батюшков.

14-го мая 1853 года
Вологда, Вологодская удельная контора,
квартира г. Гревенса

Опубликовано в той же книжке «Русской старины», стр. 552.

В ИРЛИ Академии Наук имеется список (из архива Никитенко 19 427/CXXX, б. 1) с разночтениями в *1*-м ст. — могу *на вас* сослаться и в *4*-м: ...чтоб вечно *не проспаться*. Четверостишие это, за исключением заглавия, не носит на себе столь резко выраженных черт душевной болезни, как предыдущее, и, очевидно, было написано Батюшковым в минуту относительного просветления. Наконец, сохранились еще две строки, подсказанные двумя начальными стихами комедии Т. Корнеля «Дон-Жуан или Каменный гость» (переложение в стихи известной мольеровской комедии):

Всё Аристотель врет! Табак есть божество:
Ему готовится повсюду торжество.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Бог (стр. 190—191). Впервые опубликовано в Майковском издании по списку, принадлежавшему П. Н. Тиханову (полулист синей почтовой бумаги с водяным знаком 1804 г.). В данное время находится в Рукоп. отд. Ленинградской Публичной библиотеки. Принадлежность Батюшкову удостоверяется свидетельством М. Е. Лобанова, надписавшего тут же «К. Н. Батюшкова» (чернилами) и «1803 (полагаю)» карандашом. Судя по водяному знаку, список относится во всяком случае не раньше чем к 1804 г. Не считая первой редакции «Мечты», это самое раннее стихо-

Рисунок Батюшкова цветным карандашом, сделанный в период психической болезни. Из альбома П. Н. Батюшкова

(Ленингр. Публичн. библиотека)

творение Батюшкова, имеющее еще вполне ученический характер и представляющее прямое подражание одам Державина «Бог» и «Величество божие», столь популярным в свое время (в особенности первая) и вызвавшим огромное количество подражаний в нашей поэзии конца XVIII и начала XIX века (см. перечень их в Сочинениях Державина под ред. Я. Грота, т. I, стр. 191). Ряд реминисценций из Державина находим в стихах и зрелого Батюшкова. Напр., у Батюшкова: «П о к а с и з р а н е н н ы м г е р о е м» («К Д. В. Дашкову»), у Державина: «А там и з р а н е н н ы й г е р о й» («Вельможа»); у Батюшкова: «Где д о м твой, счастья дом? Он в буре бед исчез и место п о р о с л о к р а п и в о й» («К другу»), у Державина: «А то оставь молве правдивой решить, чей д о м скорей к р а п и в о й иль плющем з а р а с т е т» («Ко второму соседу»), «О т ч и з н ы с л а д к и й д ы м» («Послание к Муравьеву-Апостолу»), «О т е ч е с т в а и д ы м нам с л а д о к и приятен» («Арфа») и т. д. К Державину же непосредственно восходит и излюбленное словосочетание Батюшкова: «неги и прохлады» (см. у Державина: «На смерть князя Мещерского», «К первому соседу» и др.). Несомненна связь между анакреонтическими стихами Батющкова и Державина (ср. напр. «Любовь в челноке» Батюшкова и «Купидон» Державина). Наконец, и написанное уже психически-больным Батюшковым «Подражание Горацию» на самом деле связано не столько с Горацием, сколько со знаменитым державинским «Памятником», являясь в ряде мест прямым пародическим пересказом последнего.

Сохранились две строки и еще одного стихотворения (от того же, примерно, времени), целиком до нас не дошедшего. Батюшков приводит их в письме к Гнедичу от 1 апреля 1810 г.:

«Для нас всё хорошо вдали,
Вблизи всё скучно и постыло!

Вот два стиха, которые я написал в молодости, т. е. в 15 лет» (Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 87).

Послание к стихам моим (стр. 191—193). Напечатано в «Новостях русской литературы», журнале П. А. Сохацкого и П. В. Победоносцева, 1805, ч. XIII, январь, стр. 61 — 64, с подписью *Кон—н Батюшков* и следующим примечанием: «Сии стихи присланы к нам при следующих строках: «C'est un méchant métier que celui de médire», сказал Боало и, несмотря на то, продолжал браниться с несчастным Котеном и с гармоническим Кинольтом. Знаю и я, что брань самое худое ремесло, и что

Нет счастия тому, кто в оное вдается;
От брани завсегда лишь брань произведется.

Но легче знать пороки свои, нежели исправляться от них. В моей сатире нет личности: самолюбием играть опасно». Благодарим г. автора за сию пиесу и помещаем ее с особливым удовольствием. *Издат.*». Цитата из

Буало значит по-русски: «Злословить — плохое ремесло». Эпиграф взят из «Epître au roi de Danemarck Christian VII, sur la liberté de la presse accordée dans tous ses états» [«Послание к королю Дании Христиану VII по поводу дарованной им в его государстве свободы печати»] (1771 г.) и значит: «Освистывайте меня без стеснения, собратья мои, я отвечу вам тем же». Перепечатано под произвольным заглавием «Послание к своим сочинениям» М. Н. Лонгиновым в «Современнике» 1856, № 5, Смесь, стр. 5—6 То же стихотворение под заглавием «Сатира» имеется в списке, просмотренном Батюшковым, в рукописном сборнике, принадлежавшем П. Н. Тиханову (из бумаг Гнедича; сборник на 9 листках почтовой бумаги. Писан неизвестной рукой. На первой странице помета карандашом рукой М. Е. Лобанова «1804 или 1805 года». В настоящее время находится в Рукоп. отд. Ленинградской Публичной библиотеки). В основном тексте даем текст «Новостей».

Список в сборнике Тиханова (эпиграф приписан позднее самим Батюшковым) имеет следующие варианты:

3 — 5. *Покоя нет* на час: *на ум стихи идут*,
Во сне и на яву *Феб с лирою бредут.*
Но с *страстью пагубной* не я один родился
8. *Не славу обретет в награду*, но позор.
14. И грациям стихи голодный *воспевает.*
19 — 20. Бедняга! удержись... Брось, брось *совсем писать* —
Не лучше ли тебе с *ружьем маршировать*!
23. Поверю *я:* с людьми нельзя ему ужиться.
26. И *сердца мавзолей* твердит в своих стихах.

К ст. *25 — 26* сделано следующее примечание: «Безрифмин точно написал отрывок: «Мавзолей моего сердца».

28. Хотя и Гля—нов в газетах выхваляет. ⟨Гля—нов, очевидно, описка вместо Гла—нов, т. е. Глазунов, известный книгопродавец, расхваливший в объявлении от своей лавки только что вышедшее тогда собрание стихотворений Боброва «Рассвет полночи»⟩.

29. Глупон за деньги рад нам всякого *хвалить*

К ст. *32* сделано следующее примечание: «Кругами утверждает. Всем известно, что остроумный автор Кругов бранил г. К—на и пр. и советовал писать не по-русски».

34. За коей будем мы не плакать, *но* зевать.
43. Дым славы (хоть пустой) *нам смертным всем* приятен
48. Что в мире, в тишине мой век бы *продолжался.*

49. Когда б проклятый Феб мне не *скружил* весь ум
52. Не мысля о стихах, о *Фебе* и о лире.
54. И *день чтоб не писать*, не можно *мне* проводить

⟨Вероятно, описка: слово «мне» — лишнее⟩.

Время написания сатиры определяется пометой Лобанова.

Ст. *43*. «Дым славы, хоть пустой, полезен нам, приятен» явно подсказан двумя известными строками из Державина: «И *дым* отечества нам сладок и *приятен*» и «Поэзия тебе любезна, *приятна*, сладостна, *полезна*».

Несмотря на оговорку Батюшкова, что в его сатире «нет личности», на самом деле она полна намеков на ряд писателей-современников, что сообщало ей характер острой злободневности, а нам позволяет сразу же определить позицию молодого поэта в литературных схватках эпохи. Сатира Батюшкова появилась почти сейчас же по выходе в свет «Рассуждения о старом и новом слоге» адмирала А. С. Шишкова (Спб. 1803), в котором он резко нападает на Карамзина и которое открыло собой долгую и упорную борьбу между карамзинистами и шишковистами, заполнившую почти целиком оба первые десятилетия XIX века. Сатира Батюшкова является одним из первых ответных ударов со стороны карамзинистов. Под «автором Кругов», которому Батюшков придает обидное имя Глупона, «бранившим К—на», т. е., конечно, Карамзина, разумеется не кто иной, как сам Шишков, который в своем «Рассуждении» сравнивал развитие значения слова в языке с кругами, расходящимися по воде после брошенного в нее камня. В лице остальных персонажей сатиры высмеивается ряд писателей старой «классической» школы, на которых опирался Шишков, — авторов од, «воспевавших героев», драм, заставляющих «не плакать, а зевать» и т. п. Под «Плаксивиным», который «сошел с ума на слезах», и «Безрифминым», который «чувствительность души твердит в своих стихах», Батюшков также разумеет не писателей-карамзинистов, как это на первый взгляд может показаться, а некоторых приверженцев все того же Шишкова — П. Ю. Львова, выступившего сперва в качестве писателя карамзинской школы, но вскоре примкнувшего к «классикам», Станевича, Боброва. *Стукодей* — условное имя одного из персонажей сатирического стихотворения В. Л. Пушкина «Вечер», тип сплетника, враля и невежды.

Послание к Хлое (стр. 193—195). Напечатано впервые в Майковском издании по списку сборника Тиханова; значит, исходя из вышеуказанной пометы Лобанова, написано в 1804 — 1805 гг. Воспроизводим текст списка, устраняя ошибку, допущенную Майковым в *53* стихе. Трудно сказать, кому специально подражал Батюшков в своем «Послании». Мотивы ухода «из города», от «шумного» «света», в деревню, в «мирную хижину» были общим местом карамзинистской поэзии.

Перевод Лафонтеновой эпитафии (стр. 195). Список в сборнике Тиханова, что определяет дату написания; по нему было впервые опубликовано в Майковском издании. Оригинал принадлежит перу самого же Лафонтена.

К Филисе (стр. 195 — 199). Впервые опубликовано в Майковском издании по списку в сборнике Тиханова (причем *66* ст. напечатан неправильно и вставлена из другого списка отсутствующая в списке Тиханова строка между *60* и *61* ст.; она же дана в примечаниях в качестве *варианта*).

Другой список руки Н. И. Гнедича (также в Ленинградской публичной библиотеке) содержит в себе следующие варианты:

22. И *твой друг* с душой *покойною*
25. *Променять* на цепь золочену.
39. *Сам я* бегал за фортуною
Между
60 и 61. Ах, на камень упадет она.
65. Добродетель — *признак* слабых душ
75. ⟨Отсутствует⟩
76. Полно! Бросим *дале взоры мы.*
78 — 94. ⟨Отсутствуют⟩
99. Совесть чистая — *спокойствие.*
100 — 102. ⟨Отсутствуют⟩
103. Но красный месяц с свода ясного

Кроме того, эпиграф к стихотворению выписан здесь не весь и, очевидно, по памяти, а на полях имеются следующие заметки: против *19* ст. — «чародей»; против *29* — «поклонников» и против *36* — «опущена». Написано, очевидно, в те же 1804—1805 гг. Подсказано Батюшкову известным стихотворением Грессе «La Chartreuse» ⟨«Обитель»⟩, которое отразилось позднее и в «Моих пенатах». «Послание» написано так называемым «русским» псевдонародным размером, который первым употребил Карамзин в своем «Илье Муромце» и которому следовали Херасков, Радищев (в «Бове») и молодой Пушкин (в «Бове» же). Эпиграф значит по-русски:

Блажен смертный, который, неведомый миру,
Живет, довольный самим собой, в укромном уголке,
Которому любовь к тому тлену, что зовется славой,
Никогда не кружила головы своим суетным угаром.

Перевод 1-й сатиры Боало (стр. 199—202). Впервые напечатано в Майковском издании по списку сборника Тиханова (с ошибкой в *114* ст. и неисправленной явной опиской в *24*); последние 16 строк приписаны рукой самого Батюшкова, им же вставлено в *56* ст. пропущенное переписчиком слово «он». Написано в 1804—1805 гг. Является скорее подражанием, чем переводом. Батюшков опустил все личные намеки Буало, но приурочение сатиры к русской современности не пошло дальше перенесения

действия из Парижа в Москву. Тем не менее, хотя и слишком общие, но достаточно резкие выпады против знатных и богатых «подлецов», вкладываемые сатирой в уста честного, но «бедного и малого чином» «стихотвора», отвечали действительной социальной позиции самого Батюшкова — бедного дворянина-неудачника. В его дальнейшем поэтическом творчестве, почти чуждом сатирических мотивов, негодующие жалобы Дамона прямого развития не получили, но в частных письмах Батюшкова мы постоянно сталкиваемся с аналогичными высказываниями и настроениями. Они же окрасили собой изображение Батюшковым московских вельмож и богачей в его «Прогулке по Москве».

Послание к Н. И. Гнедичу (стр. 203—206). Впервые — в «Цветнике» 1809, ч. II, № 5, май, стр. 184 — 192, под инициалами *К. Б.* В дальнейшем не перепечатывалось и введено только в Майковское издание. По указанию самого поэта, написано им в возрасте 17 лет, т. е. в первой половине 1805 г. (Гнедич был в «полтавских степях» в 1805 г.). Это первое из многочисленных посланий Батюшкова к Гнедичу. Письмо, при котором оно было послано, не сохранилось. Однако Батюшков вспоминает о нем в позднейшем письме от октября — ноября 1810 г. (Соч., под ред. Майкова, т. III, стр. 62 — 66. См. еще на стр. 628 сноску, уточняющую дату письма). Первоначально Батюшков взял эпиграфом к посланию стихи из Парни: Le ciel, qui voulait mon bonheur, || Avait mis au fond de mon coeur || La paresse et l'insouciance... [«Небо, пожелавшее, чтобы я был счастлив, вложило в глубину моего сердца леность и беспечность».] Эпиграф этот послужил поводом к забавному «анекдоту», который Батюшков тут же и рассказывает Гнедичу. В момент написания послания он служил в канцелярии своего родственника М. Н. Муравьева, бывшего попечителем Московского университета. Ближайший начальник Батюшкова был недоволен нерадивостью в исполнении им его служебных обязанностей, и однажды, застав его вместо деловых бумаг за стихотворным посланием, представил последнее самому попечителю в качестве вещественного доказательства «лености и беспечности» автора, в которых он сам сознается словами эпиграфа. Никаких неприятных последствий для Батюшкова это однако не имело. М. Н. Муравьев рассмеялся и оставил стихи себе на память. Для нас эпиграф важен в том отношении, что является первым указанием влияния на Батюшкова Парни, столь значительного в его дальнейшем творчестве. Стихи *80 — 81*: «Так сердцем рождена поэзия любезна, как нектар сладостный, приятна и полезна» явно подсказаны известными строками Державина из оды «Фелице»: «Поэзия тебе любезна, приятна, сладостна, полезна...» В лице Рифмина, подражающего Алкею и Пиндару, Батюшковым высмеивается А. Ф. Мерзляков. Поэт, «поющий любовь» (ст. *85 — 89*) — Гораций.

Элегия (*«Как счастье медленно приходит...»*) (стр. 206—207). Напечатано в «Северном вестнике» 1805, март, ч. V, стр. 338 — 339, с под-

писью *К. Б—в;* затем в Майковском собрании сочинений. Перевод из Парни (XI элегия IV книги «Que le bonheur arrive lentement!» Oeuvres d'Evariste Parny, t. I, Par. 1809, pp. 75 — 76). Ст. *3 — 4* в подлиннике отсутствуют). Список в сборнике Тиханова со следующими вариантами:

4. *Иль* сам в себе его находит
7. За то, увы! — *я* горесть люту
13 — 14. Но, прочь, *увы!* теперь бежит
Мечта, что прежде *сладко* льстила,
22. *Во мне* цвет юности увял
24. Любовь — *увы!* — *любовь* осталась!

Написано в 1804—1805 гг.

[*На смерть И. П. Пнина*] (стр. 207—208). Напечатано в «Северном вестнике» 1805, ч. VII, № 9, сентябрь, стр. 345 — 346, после стихотворений: «На смерть Ивана Петровича Пнина» Сергея Глинки и «На смерть его же» Радищева (сына); под заглавием «На смерть его же», с подписью *Бат.;* отсюда введено в Майковское собрание сочинений. Эпиграф взят из стихотворения Вольтера «La mort de m-elle Lecouvreur, célèbre actrice» ⟨Смерть знаменитой артистки Лекуврер⟩ и значит по-русски: «Что вижу я, все кончено; я тебя обнимаю, и ты умираешь». Написано между 17 сентября 1805 г. (дата смерти Пнина) и временем выхода сентябрьской книжки (дата ценз. разреш. не обозначена).

Безрифмина совет (стр. 208). Напечатано: 1) в «Журнале российской словесности», изд. Николаем Брусиловым, ч. III, 1805, ноябрь, стр. 157, с тремя звездочками вместо подписи; 2) в «Вестнике Европы» 1810, ч. XLIX, № 4, февраль, стр. 286, с подписью *К.* Относим, по времени напечатания, к тому же 1805 г. (не позже ноября).

Варианты (по Ж. р. сл.)

1. Совет *Ликаст дает*
3. *Пусть* так! Его ж друзья, невинное творенье

К Мальвине (стр. 208—209). Напечатано: 1) в «Северном вестнике» 1805, ч. VIII, ноябрь, стр. 167 — 168, под заглавием: «Стихи к М. (с итальянского)», с эпиграфом: «Amica! tu sei la rosa della primavera» (Подруга! ты вешняя роза») и без подписи, 2) в «Собрании русских стихотворений», ч. II, 1810, стр. 196, также без подписи. В собрание сочинений Батюшкова впервые введено Майковым на основании указания самого поэта в письме к Гнедичу, от конца апреля 1811 г. (см. Соч., т. I, стр. 313, по второй пагинации, и т. III, стр. 120). Неверная ссылка Батюшкова на «Лицей» Мартынова легко объясняется тем, что «Северный вестник», где на самом деле была напечатана его «Песня к Мальвине»,

издавался тем же Мартыновым. Публикация Майкова дает яркий пример тех неисправностей и небрежностей, которыми при всех своих неотъемлемых достоинствах изобилует Майковское издание Батюшкова. Майков пишет, что основной текст дается им по последней редакции «Собрания русских стихотворений»; на самом деле текст дан по первоначальной редакции «Северного вестника». В примечаниях приводится всего один вариант, также по «Северному вестнику» (!), да и тот с ошибкой. На самом деле текст «Вестника» дает 7 вариантов. Мы печатаем стихотворение по тексту «Собрания», варианты приводим по «Северному вестнику»:

3. Ее — *не льстец я — сердцу* можно
4. *И с* розой *нежною* сравнить
10. Что *красота как тень* пройдет,
11. Что *только явятся* морозы
12. *И лист цветочка* опадет!
16. *Но наша* жизнь, *и та* пройдет
18. Тебе, М..., вслед идут,

Помимо того, в «Северном вестнике» отсутствует деление на строфы. Перевод Батюшкова, исходя из времени напечатания, написан не позднее 1805 г.

Пастух и Соловей (стр. 209—210). Напечатано: 1) в «Драматическом вестнике» 1808, ч. III, № 72, стр. 145 — 146, с подписью *К. Б—в;* 2) в Сочинениях Озерова, 5-е изд., 1828, ч. III, стр. 123 — 125, после стихов Озерову Державина и Капниста: «Подобным образом Батюшков, только что еще выступивший на поприще поэзии, спешил изъявить уважение свое Озерову, посвятив ему басню «Пастух и Соловей» (далее следует текст басни). Майков стих *28* печатает неправильно: «Все душу пастуха *задумчиво* пленяло». Написана в начале 1807 г. Жихарев в своем «Дневнике чиновника» под 24 мая 1807 г. упоминает о басне Батюшкова, как о свежей литературной новинке.

Сам Озеров в письме к А. Н. Оленину от 23 ноября 1808 г., благодаря его за «доставление прекрасных стихов Константина Николаевича», пишет: «Прелестную его басню почитаю истинно драгоценным венком моих трудов. Его самого природа одарила всеми способностями быть великим стихотворцем, и он уже с молода поет соловьем, которого старые певчие птицы в дубраве над Ипокреном заслушиваются и которым могут восхищаться» («Русский архив» 1869, стр. 137).

Озеров, трагедии которого были восторженно встречены карамзинистами, подвергся жестокой травле со стороны «зоилов строгих» — приверженцев Шишкова, которых Батюшков сравнивает в своей басне с «квакающими лягушками». Незадолго до этого началась война с Наполеоном; Батюшков в начале 1807 г. поступил добровольцем в военное ополчение и в своих письмах из похода постоянно справлялся об Озерове, его трагедии «Дмитрий Донской» и о «противной партии», т. е. о его недругах.

шишковистах. Психическое заболевание, позднее постигшее Озерова, карамзинисты ставили в прямую связь с интригами его «зоилов». Батюшков в примечании к одной из своих прозаических статей, сопоставляя судьбу Озерова со столь всегда волновавшей его судьбой «страдальца Тасса», восклицал по этому поводу: «И в наши времена русская Мельпомена оплакивает еще своего любимца, столь ужасно отторженного от Парнаса, от всего человечества! Есть люди, которые завидуют дарованию! Великое дарование и великое страдание — почти одно и то же» (Соч. Батюшкова под ред. Майкова, т. II, стр. 165). Представление о зависти и кознях современников пять лет спустя, в период начавшейся психической болезни, стало одной из бредовых идей самого Батюшкова.

[*Н. И. Гнедичу*] («*По чести мудрено в санях или верхом...*», стр. 210—211). Извлечено нами из письма Батюшкова к Гнедичу от 19 марта 1807 г., опубликованного в «Русской старине» 1870, т. I, стр. 67 — 69, и впервые вводится в собрание его стихотворений. Написано Батюшковым во время первого его военного похода в 1807 г., в Риге, где Батюшков тогда находился, отстав по болезни от своего полка. В самом письме Батюшков пишет: «мне очень нравится военное ремесло», однако в стихах звучат определенно антимилитаристские нотки, как и выраженное сочувствие к «бедным финнам», угнетенным «голодом, войной и русскими». Напечатано Майковым, в тексте писем, с ошибками (в ст. *5* — бессмысленное «частенько», в ст. *8* — «выть»).

[*Н. И. Гнедичу*] («*Прерву теперь молчанья узы...*», стр. 211—213). Впервые—в Майковском издании с рядом грубых ошибок (в стихах *38* и *39*: *...крылья* и *...кормил*, чем уничтожается рифма и нарушается размер; в ст. *49*: *ветви*). Написано во время похода в Финляндию и послано Гнедичу 1 июля 1808 г. с припиской: «Вот тебе и стихи. Ожидаю хоть словца от твоей музы; стыдно бы ей было не отвечать, рифмы нам ничего не стоят». Печатаем по подлиннику, который находится в Рукоп. отд. Ленинградской Публичной библиотеки, исправляя дату (у Майкова, т. III, стр. 17, — 1 июня).

К Тассу (стр. 213—216). Напечатано в «Драматическом вестнике» 1808, ч. VI, стр. 62 — 67, без подписи. Майковым ст. *102* воспроизведен ошибочно: «Где *знаки* почестей, там смертны пелены». Написано «на походе в Финляндию» в 1808 г. и послано Гнедичу в качестве «новорожденного детища» вместе с переводом отрывка из 1-й песни «Освобожденного Иерусалима» при письме от 7 августа 1808 г. (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 18—19). «Послание» разрабатывает те же моменты романтизированной биографии Тассо, которые положены Батюшковым в основу его позднейшей элегии «Умирающий Тасс» (см. наше примечание к ней на стр. 520). Ст. *102 — 103* явно подсказаны Батюшкову знаменитой антитезой из оды Державина «На смерть князя Мещерского»: «Где стол был яств, там гроб стоит, где пиршеств раздавались клики, надгробные там воют

лики». Стихи из «Освобожденного Иерусалима», приводимые Батюшковым в его 5-м примечании, заимствованы из 59-й строфы XII песни и значат по-русски: «За каждую каплю этой крови твои глаза заплатят морем слез».

[*Отрывок из I-й песни Освобожденного Иерусалима*»] (стр. 217—219). Напечатан в «Драматическом вестнике» 1808, ч. VI, стр. 68—72, непосредственно вслед за предыдущим стихотворением с подписью *NNN*, без заглавия и со следующим, видимо, авторским примечанием: «Может быть, охотники до стихов с снисхождением прочитают опыт перевода некоторых октав из бессмертной Тассовой поэмы. Если не найдут высоких пиитических мыслей, красоты выражений, плавности стихов, то вина переводчика: подлинник бессмертен». В конце перевода заметка: «продолжение впредь». До издания Майкова не перепечатывался. В Майковском издании ст. 7 напечатан ошибочно: «Вильгельм и мудрый *Гельф*, *первейший* из вождей». Перевод делался Батюшковым во время финляндского похода в 1808 г. Послан Гнедичу при том же письме от 7 августа 1808 г.

Свои занятия Тассом во время военных походов Батюшков описывал в более раннем письме Гнедичу же (от 19 марта 1807 г.) следующим шутливым образом: «Вообрази себе меня едущего на рысаке по чистым полям, и я счастливее всех королей, ибо дорогою читаю Тасса или что подобное. Случалось, что раскричишься и с словом: «О, доблесть дивная, о, подвиги геройски!» — прямо на бок и с лошади долой!»

Отрывок Батюшкова дает перевод XXXII — XLI октав (эпизод избрания в вожди Готфрида Бульонского и описание войска крестоносцев) и довольно точно следует подлиннику в смысловом и образном отношениях. Однако вместе с тем Батюшков отказался от передачи основной особенности формы поэмы — ее строфики («Освобожденный Иерусалим» написан октавами, которые сам Батюшков в своей статье «Ариост и Тасс» называет «теснейшими узами стихотворства»). В своем переводе он, правда, сохраняет в соответствии с подлинником членение поэмы на куски по восемь стихов в каждом, но особый строфический рисунок октавы (тройная повторность двух перекрестных рифм, замыкаемых двустишием с новой смежной рифмовкой) им не соблюден (его восьмистрочия построены из четырех смежно рифмующихся двустиший). При необыкновенной чуткости Батюшкова к элементам формы, такой перевод, конечно, не мог удовлетворить самого поэта. И, действительно, Батюшков, задумавший было по началу перевести всю огромную поэму Тассо (более 15 000 стихов), вскоре охладел к этому. Мало того, это предприятие не сулило никаких выгод и в материальном отношении. Батюшков прямо заявляет об этом в письмах к Гнедичу в конце 1809 г.: «Ты мне твердишь о Тассе или Тазе, как будто я сотворен по образу и подобию божиему затем, чтобы переводить Тасса. Какая слава, какая польза от этого? Никакой Только время потерянное...»

И через короткое время еще откровеннее: «Мой Таз или Тасс не так хорош, как думаешь, но, если он и хорош, то какая мне от него польза? Лучше ли пойдут мои дела (о которых мне не только говорить, но и слышать гадко), более или менее я буду счастлив? Или мы живем в веке Людовика, в котором для славы можно было претерпеть несчастие, можно было страдать и забывать свое страдание. К несчастью, я не враль и не гений и для того прошу тебя оставить моего Тасса в покое, которого я верно бы сжег, если б знал, что у меня одного он находится» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 62 — 64). Действительно, сам Гнедич смог осуществить свой перевод гомеровской «Илиады» только благодаря специальному «пенсиону», назначенному ему сестрой царя, великой княгиней Екатериной Павловной. Батюшков также пытался при помощи перевода устроить свое служебное положение: получить место в министерстве иностранных дел. С этой целью он намерен был представить начало его той же Екатерине Павловне (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 72. См. также стр. 87 и 93). Однако из его планов ничего не вышло. В шуточном расписании своего времяпрепровождения в течение суток (в письме к Гнедичу от 30 сентября 1810 г.) Батюшков назначает полчаса на чтение Тасса, полчаса на раскаяние, «что его переводил». Тем не менее Батюшков успел перевести всю первую песнь «Освобожденного Иерусалима» (кроме напечатанного отрывка и еще двух строк из 63-й октавы —

«Се третий шествует Алкастий горд и страшен,
Как древле Капаний у твердых фивских башен», —

приводимых им в письме к Гнедичу от сентября — октября 1808 г. — т. III, стр. 51, в качестве образца «новых рифм», перевод этот до нас не дошел); переводил и из других песен. Через некоторое время Батюшков попробовал было переводить поэму Тасса прозой, однако дальше одного отрывка из 2-й песни (напечатан в «Вестнике Европы» 1817, ч. XCV, сентябрь, № 17 и 18, стр. 3 — 17) дело и здесь не пошло.

«Поганство» в ст. *15* — «язычники».

Отрывок из XVIII песни «Освобожденного Иерусалима» (стр. 219—224). Напечатан: 1) в «Цветнике» 1809, ч. II, № 6, июнь, стр. 342 — 356, с подписью *К. Б.;* 2) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 2-е изд., 1822, ч. VI, стр. 269 — 275, с полной подписью. В обоих изданиях — под ошибочным мзаглавием «Отрывок из X песни...» (то же заглавие и у Майкова). Ст. *47* у Майкова воспроизведен ошибочно: с пропуском слова «сельских»; равным образом ошибочно печатает он и в ст. *58*: «Пространство все ее *текущего* кристала». Это последнее явно вызвано желанием «выправить» строку, а на самом деле ломает и размер, и рифму, требующие, чтобы «кристала» читалось с необычным для нас ударением на последнем слоге. Перевод сделан, очевидно, в том же 1808 или в начале 1809 г. В Собрание сочинений включен впервые Майковским изданием. Отрывок Батюшкова заимствован на са-

мом деле не из X, а из XVIII песни подлинника (строфы XII — XXXVII) и передает одно из самых знаменитых мест поэмы — сражение Ринальда с великаном в очарованном лесу враждебной крестоносцам волшебницы Армиды. Перевод носит достаточно вольный характер и отходит еще дальше от подлинника в отношении формы: Батюшков окончательно отказывается в нем от какого бы то ни было строфического членения.

[*Н. И. Гнедичу*] (*«Тебя и нимфы ждут...»*) (стр. 224—225). Извлечено нами из письма к Гнедичу от 4 августа 1809 г., в котором Батюшков зовет его к себе в имение («Русская старина» 1871, т. III, стр. 214; перепечатано в III т. Майковского издания, стр. 38 — 39), и впервые вводится в собрание стихотворений.

Книги и журналист (стр. 225). Впервые — в «Цветнике» 1809, ч. III, № 9, сентябрь, стр. 366, под заглавием «Крот и мышь», с подписью *К. Б—в*. Списки: 1) в сборнике Афанасьева (опубликован в «Библиографических записках» 1861, т. III, стр. 637), 2) в Блудовской тетради, 3) в сборнике Ефремова и 4) в Тургеневской тетради.

Гнедич хотел включить эпиграмму в «Опыты», чему Батюшков однако воспротивился (письмо к Гнедичу от февраля — марта 1817 г., Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 421). В собрание стихов введена впервые Майковым по тексту «Цветника». Нами дается по тексту Блудовской тетради, содержащему более позднюю редакцию, в печати до сих пор не появлявшуюся.

Варианты

1.	Крот мыши раз *сказал*: «Подруга, ну зачем	(Цветн.)
	Крот мыши *прошептал*: «Подруга, ну зачем	(Аф., Ефр., Тург.)
4.	*А* крошки в них ума и пользы не сбираешь?	(Цветн., Аф., Ефр., Тург.)
5.	*«Что нужды!» мышь в ответ, ума ли я ищу*	» »
6.	Я *жить* хочу	(Цветн.)
7.	Не знаю, впрок ли то, но *баснь сия* уликой.	(Цветн., Аф., Ефр., Тург.)

Эпиграмма написана осенью 1809 г. в деревне и послана Гнедичу при письме от 19 августа 1809 г. (см. его у нас на стр. 386). Подсказана французской эпиграммой Пирона на журналиста аббата Дефонтена «Eh! supprime tes sots écrits» ⟨Послушай, прекрати свои дурацкие писания...⟩. Гнедич счел, что эта эпиграмма направлена против издателя «Северного Меркурия», А. В. Лукницкого. Но сам Батюшков решительно отрицал это: «Напрасно говоришь, что я пишу на какого-то издателя Лукницкого. Я этих ослов плетьми сечь не хочу» (см. выше, стр. 389). Это место

из письма Батюшкова подало повод не понявшим его Л. Н. Майкову и В. А. Саитову совершенно произвольно приписать Батюшкову и ввести в Майковское издание эпиграмму неизвестного автора, напечатанную в «Цветнике» 1810, ч. V, № 3, стр. 353 — 354, с подписью: *1 — 12*.

«Не годен ни к чему Глупницкого журнал».
Зоилы дерзкие, вы ль это говорите?
Неблагодарные, я разве не видал,
Когда, бывало, вы табак со мной курите,
Когда что завернуть понадобится вам,
Журнал Глупницкого всегда тут пригодится.
Но вас я накажу: ни номера не дам
Журнала этого, когда вам не заспится.

Мы не включаем ее в основной текст, не имея решительно никаких оснований считать ее принадлежащей Батюшкову.

Стихи Е. С. Семеновой (стр. 225—226). Напечатаны в «Цветнике» 1809, ч. III, № 9, сентябрь, стр. 409 — 412, с подписью *К. Б.* В собрание сочинений впервые включены Майковским изданием. В последнем произвольно уничтожено деление на строфы и ошибочно напечатан ст. *13*: «О, *даровании* одно другим венчанно!» Написано в том же 1809 г. Однако 6 сентября (дата под стихами в «Цветнике») Батюшков находился на самом деле не в Ярославле, а в своем имении, селе Хантонове, что видно из датированного этим числом письма Батюшкова к Гнедичу (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 41 — 45). С Семеновой в момент написания стихов Батюшков лично не был знаком, но являлся горячим поклонником ее таланта. Большое участие принимал в ней друг Батюшкова, Гнедич, считавшийся мастером по части декламации и руководивший ею в разучивании ролей. С особенным успехом Семенова выступала в ролях героинь трагедий Озерова («... Озеров невольны дани народных слез, рукоплесканий с младой Семеновой делил», Пушкин, «Евгений Онегин», гл. I, стр. XVIII), которые и перечисляются Батюшковым в его стихах. Эпиграф составляет ст. *4* 8-й октавы (слова автора о доблести Ринальда). В упомянутом письме к Гнедичу сам Батюшков писал: «Итальянский эпиграф очень приличен к Семеновой; это один из лучших стихов Тассовых... он значит: «В прекрасном теле прекраснейшая душа». «Несчастный слепец» (ст. *3*) — царь Эдип.

Эпиграмма на перевод Виргилия (стр. 226). Напечатана: 1) в «Цветнике» 1810, ч. V, № 1, январь, стр. 99, вместе с четырехстишием Гнедича под общим названием «Эпиграммы», 2) в «Опыте русской антологии», 1828, стр. 119, под заглавием «На перевод Виргилия», с полной подписью. В собрание стихотворений впервые введена Майковским изданием. Написана в деревне осенью 1809 г. и послана Гнедичу при том же письме, что и предыдущая. Близкое подражание, почти перевод французской эпиграммы Ж. Л. Лайа, написанной на перевод на французский язык Энеиды.

Направлена против Мерзлякова, который издал в 1807 г. книгу переводов «Эклог» Виргилия. В «Видении на берегах Леты» (см. стр. 173) Батюшков снова повторяет, что Мерзляков «задушил Виргилия».

Пафоса бог... (стр. 226—227). При жизни Батюшкова не печаталось и ни в одно собрание (в том числе и Майковское) не вошло. Впервые опубликовано в «Отчете Публичной библиотеки» за 1906 г. (Спб. 1913, стр. 163) по автографу, находящемуся в Рукоп. отд. Ленинградской Публичной библиотеки с подписью *Константин Б.* и рисунком Батюшкова же, изображающим Эрота, поймавшего бабочку; внизу — приписка неизвестной рукой: «Нарисовал и написал Конс. Никол. Батюшков в 1809 г.»

Эпитафия (стр. 227). Напечатана: 1) в «Вестнике Европы» 1810, ч. LI, май, № 10, стр. 126, с подписью *К. Б.;* 2) в «Опыте русской антологии», 1828, стр. 127. Приведена Батюшковым в конце письма к Гнедичу от конца ноября 1809 г. со словами: «Умру и стихи со мной... Вот моя эпитафия» (Соч. Батюшкова под ред. Майкова, т. III, стр. 62). Печатаем ее по тексту письма. Майков делает примечание (т. I, стр. 328): «Текст изданий 1834 и 1850 гг. представляет следующий, едва ли принадлежащий самому автору вариант: ст. *2 — Пишите* просто здесь: он был и нет его». На самом деле вариант этот имеется в «Вестнике Европы» (там же последние пять слов — курсивом) откуда и заимствован последующими собраниями сочинений.

На перевод «Генриады» или превращение Вольтера (стр. 227). Напечатано в «Цветнике» 1810, ч. V, № 2, февраль, стр. 229 — 230, с подписью *Т. Н. Р.* В собрание стихотворений включено впервые Майковским изданием. Принадлежность эпиграммы Батюшкову удостоверяется его письмом к редактору «Цветника» А. Е. Измайлову, при котором была послана эта эпиграмма (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 74). По предположению Л. Н. Майкова, эпиграмма вызвана плохим переводом «Генриады», сделанным некоим Иваном Сиряковым. Однако при таком объяснении неясно, зачем Батюшкову понадобилось семь лет спустя (перевод издан в 1803 г., эпиграмма же, исходя из письма Измайлову, написанному в начале 1810 г. относится к этому последнему времени, что принимает и Майков) высмеивать столь незначительное и к тому времени, вероятно, совершенно забытое литературное явление.

К Маше (стр. 227). Напечатано: 1) в «Вестнике Европы» 1810, ч. XLIX, № 4, февраль, стр. 286, с подписью *К.*; 2) в «Собрании русских стихотворений», ч. V, 1811, стр. 228, с тою же подписью; 3) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах» 1816, ч. V, стр. 229, с тою же подписью. По времени напечатания относим к 1809 — началу 1810 г.

Варианты

1. О, радуйся, мой друг, *прелестная Мария*! (Ср. ст., Обр. соч.)
4. Пусть парки *век* прядут тебе часы златые (Обр. соч.)

Адресат неизвестен. Стихотворение пародирует слова архангела Гавриила, обращенные, по евангельской легенде, к деве Марии во время так наз. благовещения. Возможность напечатания такого стихотворения наглядно демонстрирует временное послабление цензурного гнета, имевшее место в первое десятилетие царствования Александра I. Несколько лет спустя не только немыслимо было сравнивать печатно свою возлюбленную Машу с девой Марией, но даже самый эпитет «небесный» был запрещен в применении к женской земной красоте. Первая строка стихотворения Батюшкова почти буквально повторена Пушкиным в «Гавриилиаде»: «О, радуйся, невинная Мария!»

[*П. А. Вяземскому*] (*«Льстец моей ленивой музы...»*) (стр. 228). Извлечено нами из неопубликованного письма Батюшкова к П. А. Вяземскому (Архив феод.-крепостн. эпохи ЦАУ, фонд 195, дело № 69, карт. 3) и в печати никогда не появлялось. Начиная письмо стихами, Батюшков дальше пишет: «Я не имел времени даже отвечать вам, любезный князь, будучи оторван приезжим. Вот почему лишен удовольствия вас видеть и слышать, истинно удовольствия, ибо я вас начинаю любить, как брата. Завтра об эту пору постараюсь к вам быть непременно, — стихи мои еще не переписаны, вот почему я избавляю вас от сладкого усыпления, которого вам завтре никак не миновать. *К. Бат.*». Сбоку приписка: «Пришлите мне Людмилу». Судя по содержанию письма, которое не датировано (нет года и на бумаге), и, в частности, обращению на «вы», оно является самым ранним из всех дошедших до нас писем Батюшкова к Вяземскому и относится к началу их дружеского сближения (во время пребывания Батюшкова в Москве в первой половине 1810 г.), т. е. к марту — апрелю этого года. «Сонлива Лета» – «Видение на берегах Леты», которое как раз в это время производило большой шум в литературных кругах Москвы и к которому непосредственно примыкает и настоящее шуточное стихотворное обращение. Вяземский был в восторге от «Видения». В письме Батюшкова к Гнедичу от конца апреля 1811 г., в котором он пишет о посылаемых ему стихах Вяземского на Шаликова: «Они очень остры и забавны. В этом роде у нас ничего нет смешнее», имеется приписка самого Вяземского: «Кроме однако ж Леты вашей, милостивый государь, Константин Николаевич!». «Людмила» — очевидно, баллада Жуковского. Настоящее стихотворное обращение — первое в ряду многих таких обращений Батюшкова к Вяземскому. В свою очередь, у Вяземского, помимо уже упоминавшегося нами послания в ответ на «Мои пенаты», имеется ряд стихотворных посланий и обращений к Батюшкову: «К моим друзьям. Жуковскому, Батюшкову и Северину», «К Батюшкову» («Шумит по рощам ветр осенний...»), «К Батюшкову» («Ты на пути возвратном...»). Наконец, воспоминаниями о Батюшкове целиком подсказано написанное во время одной из заграничных поездок Вяземского много лет спустя, в 1853 г., стихотворение «Зонненштейн». В психиатрической больнице в Зонненштейне (в Саксонии) Батюшков провел 4 года. Описав в первых строфах красоты этого «волшебного края», Вяземский продолжает:

Но облаком в душе засевшей думы
Развлечь, согнать с души вы не могли.
Я предан был другому впечатленью:
Любезный образ в душу налетал,
Страдальца образ — и печальной тенью
Он красоту природы омрачал.
Здесь он страдал, томился здесь когда-то,
Жуковского и мой душевный брат,
Он, песнями и скорбью наш Торквато,
Он, заживо познавший свой закат.
Не для его очей цвела природа
Святой глагол ее пред ним немел;
Здесь для него с лазоревого свода
Веселый день не радостью горел.
Он в мире внутреннем ночных видений
Жил взаперти, как узник средь тюрьмы,
И был он мертв для внешних впечатлений,
И божий мир ему был царством тьмы.
Но видел он, но ум его тревожил —
Что созидал ума его недуг, —
Так бедный здесь лета страданья прожил,
Так и теперь живет несчастный друг.

Стихи на смерть Даниловой... (стр. 228). Напечатаны в «Вестнике Европы» 1810, ч. L, № 7, апрель, стр. 189, с подписью *К.* и пометой «С. Петербург». Однако помета эта условна: всю первую половину 1810 г. Батюшков провел в Москве. Кроме Батюшкова, стихи на смерть Даниловой написали еще несколько поэтов-современников, в том числе и приятель его Гнедич.

Стихотворение Батюшкова написано между 8 января 1810 г. (дата смерти Даниловой) и выходом апрельской книжки журнала (дата цензурного разрешения не обозначена).

«Известный откупщик Фадей...» (стр. 228). Напечатано: 1) в «Вестнике Европы» 1810, ч. LI, № 10, май, стр. 127, с подписью *К. В.*; 2) в «Собрании русских стихотворений», ч. V, 1811, стр. 104; 3) в «Пантеоне русской поэзии» 1814, ч. I, стр. 270; 4) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», ч. VI, 1817, стр. 31; 5) там же, 2-е изд., ч. VI, 1822, стр. 27, — везде с полной подписью; 6) в «Опыте русской антологии», 1828, стр. 179, под названием «Эпиграмма» и с вариантом ст. *4*: «Дал богу медный грош, *и* сотни взял рублей». Списки: 1) в Блудовской тетради, 2) в сборнике Ефремова, 3) в Тургеневской тетради (вариантов нет). Эпиграмма была сначала включена в «Опыты», но затем, по желанию Батюшкова, вырезана, вместе с еще тремя стихотворениями, из уже отпечатанной книги. Лицо, против которого направлена эпиграмма, неизвестно. По времени напечатания относим к 1810 г.

«Теперь сего же дня...» (стр. 229). Эпиграмма напечатана: 1) в «Вестнике Европы» 1810, ч. LI, № 10, май, стр. 126, с подписью: *К. В.*; 2) в «Собрании русских стихотворений», т. V, 1811, стр. 104; 3) в «Пантеоне русской поэзии», 1815, ч. IV, стр. 273; 4) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», 1817, ч. VI, стр. 30; 5) там же, 2-е изд., 1822, стр. ч. VI, 27, — везде с полной подписью. Была включена в «Опыты», но, как и предыдущая, вырезана из отпечатанной книги. Список в Блудовской тетради (вместе с «Как трудно Бибрису...» под общим названием «Эпиграммы»). Даем текст «Опытов».

Варианты

1.	Теперь *с* сего же дня,	(В. Евр.)
4.	Для мудрости святой.	(С. р. ст., Пант. В. Евр.)

Написана, видимо, одновременно с предыдущей. Лицо, против которого направлена эпиграмма, неизвестно.

«Истинный патриот...» (стр. 229). Впервые напечатана в «Цветнике» 1810, ч. VI, № 6, июнь, стр. 360, под заглавием «Рыцарь нашего века» и с подписью *Т. Р. К.;* включена в «Опыты», но вырезана из отпечатанных экземпляров. Списки: 1) в Блудовской тетради, 2) в сборнике Афанасьева (опубликован в «Библиографических записках» 1861, т. III, стр. 637), 3) в сборнике Ефремова, 4) в Тургеневской тетради. В трех последних под заглавием «Русский витязь». В «Цветнике» вариант *8* ст.: *На нравы прогневясь*, как истый витязь русский. Ст. *2* у Майкова напечатан ошибочно: «О милые *остатки*. Ст. *3* в Тург. тетр. — *Упрямства* дедушки... По времени напечатания относим к 1810 г.

Объект и этой эпиграммы в точности неизвестен, но явление, в ней высмеиваемое, носило достаточно типический характер. На эту же тему Батюшковым написано шутливое двустишие в «Прогулке по Москве» (см. в нашем издании, стр. 306) в применении уже к самому себе. О том же достаточно поверхностном дворянском «патриотизме» Батюшков уже с возмущением пишет в письмах из Нижнего-Новгорода, куда он попал вместе со многими москвичами после эвакуации Москвы в 1812 г.: «Везде слышу вздохи, вижу слезы — и везде глупость. Все жалуются и бранят французов по-французски, а патриотизм заключается в словах «Point de paix» 〈«Ни в коем случае не заключать мира»〉 (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 206). Позднее, находясь с русской армией в покоренном Париже, Батюшков снова, но уже в гораздо более добродушных тонах, вспоминает о нижегородском патриотизме московских беглецов; о В. Л. Пушкине, который, «забыв о Наполеоне, гордящемся на стенах древнего Кремля» (слова из тогдашнего стихотворения В. Л. Пушкина), «отпускал каламбуры, достойные лучших времен французской монархии, и спорил до слез... о преимуществе французской словесности»; о «балах и маскерадах, где наши красавицы, осыпав себя бриллиантами

и жемчугами, прыгали до первого обморока в кадрилях французских, во французских платьях, болтая по-французски бог знает как, и проклинали врагов наших» (т. III, стр. 268).

Отъезд (стр. 229—230). До 1817 г. в печати не появлялось. Как и предыдущие три пьесы, включено в «Опыты», но вырезано из отпечатанных экземпляров. Списки: 1) в сборнике Афанасьева под заглавием «М...вой... июнь» (опубликован в «Библиографических записках» 1861, т. III, стр. 636), 2) в сборнике Ефремова, 3) в Тургеневской тетради (в обоих под заглавием: «М. Л...вой... июня»), 4) в Блудовской тетради.

Варианты

13.	*Иной*, я видел, *здесь* вздыхает,	(Аф., Ефр., Тург.)
16.	*Теперь* краснеет и молчит	(Аф., Ефр., Тург., Блуд. тетр.)
17.	Труды *искусныя* Арахны	(Аф., Ефр., Тург.)
22—23.	*Тебе лишь дам не заплачу*; *Скорей*, *скорей*, *шаги* удвоя	(Аф., Ефр., Тург., Блуд. тетр.)

Судя по составу рукописи Афанасьева, в которую вошли стихи 1807—1812 гг., стихотворение написано в этот период, возможно в 1810 г. (см. Майковское, изд.,т. I, стр. 339). Майков, желая уточнить рифму, произвольно вводит неправильное чтение *17* стиха: «Труды затейливой *Арашны*».

На поэмы Петру Великому (стр. 230). Эпиграмма эта напечатана: 1) в «Пантеоне русской поэзии», ч. IV, 1815, стр. 274, без подписи; 2) в «Русском архиве» 1863 (2-е изд.), стр. 879, без подписи и без указания, что она принадлежит Батюшкову, в числе восьми стихотворений, доставленных А. Н. Афанасьевым. Даем текст «Пантеона» (Майков, оговаривая, что берет в качестве основного текста публикацию «Русского архива», на самом деле дает контаминированную редакцию: в 1 ст. — ‹судеб).

В «Русском архиве» первые два стиха представляют следующий вариант:

Как странен *здесь судьбы* устав!
Певцы *Петровых дел* — несчастья жертвы.

До Майковского издания в сочинения Батюшкова не включалась, но была ошибочна введена по тексту «Пантеона» в собрание сочинений кн. П. А. Вяземского под заглавием «На поэмы в честь Петра Великого» (т. III, стр. 52). Принадлежность эпиграммы Батюшкову удостоверяется его письмом к Гнедичу от конца февраля — начала марта 1817 г. (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 420—421). «Наш Пиндар» —

Ломоносов, который не закончил своей поэмы о Петре Великом. Эпиграмма метит не только в кн. Шихматова, как толкует ее Л. Н. Майков, но, как показывает самое ее заглавие, и во всех современных Батюшкову авторов многочисленных «Петриад», о которых поэт с такой иронией упоминает в письмах (т. III, стр. 85—86) и в своем сатирическом отрывке в прозе «Похвальное слово сну» («Петр Виликий» в 6 песнях Романа Сладковского, Спб. 1803; «Петр Великий», лирическое песнопение в 8 песнях, кн. С. Шихматова, Спб. 1810; «Петриада» в 10 песнях Александра Грузинцева, Спб. 1812). Скорее всего эпиграмма вызвана поэмой Грузинцева и, значит, относится к 1812 г.

Сравнение (стр. 230—231), Напечатано в «Вестнике Европы» 1810, ч. LII, № 14, июль, стр. 124, под названием «Сравнение двух полководцев», с подписью *К*. Списки: 1) в сборнике Ефремова, 2) в Тургеневской тетради (в обоих под тем же заглавием) и 3) в Блудовской тетради, дающей последнюю редакцию, существенно отличающуюся от первопечатной (Блудовская редакция была опубликована впервые Н. О. Лернером в заметке «Затерянная тетрадь стихов Батюшкова» в «Русском библиофиле» 1916, № 5, стр. 81). Печатаем по Блудовской тетради, исправляя неточность публикации «Русского библиофила» (в *4* ст. «разных» вместо «ратных»).

Варианты

2.	⟨Отсутствует⟩	(В. Евр., Ефр., Тург.)
3.	Сей был бичом врагов, а Клит всего робел	(В. Евр.)
	Сей *бил мечом* врагов, а Клит всего робел	(Ефр., Тург.)
4.	⟨Отсутствует⟩	(В. Евр., Ефр., Тург.)
6.	А Клит, *ленивец наш*, спал часто по неделе	» »

Лицо, давшее повод к эпиграмме, неизвестно. По времени напечатания относим к 1810 г.

Из антологии (стр. 231). Напечатано: 1) в «Вестнике Европы» 1810, ч. LII, № 14, июль, стр., 124, с подписью *Б.;* 2) в «Собрании русских стихотворений» 1811, ч. V, стр. 227; 3) в «Пантеоне русской поэзии», ч. III, 1814, стр. 105; 4) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», ч. VI, 1817, стр. 161; 5) там же, 2-е изд., ч. VI, 1822, стр. 145; 6) в «Опыте русской антологии», 1828, стр. 51 — везде с полной подписью. Списки: 1) в Блудовской тетради, 2) в сборнике Ефремова, 3) в Тургеневской тетради.

Приводим по тексту Блудовской тетради, в печати не появлявшемуся и дающему гораздо более острую концовку, нежели в известном доселе тексте.

Варианты

2. И Маин сын тебе *надолго* благосклонен (В. Евр., Изд. Майкова)

10—11. *Скажите; что за* честь, (Все публикации)
Когда не волк его, Алкид изволит съесть?

11. *Когда не волк его, а бог изволит* съесть (Ефр., Тург.)

Перевод Батюшкова сделан, по указанию Л. Н. Майкова, не с греческого подлинника, (в Anthologia Palatina, IX, 72), а с переложения Вольтера, помещенного в статье об эпиграмме в его «Философском словаре». По времени напечатания написано не позднее июля 1810 г.

На смерть Лауры (стр. 231—232). Напечатано: 1) в «Вестнике Европы» 1810, ч. LIII, № 17, сентябрь, стр. 54, с подписью *К. Б.*; 2) в «Музе новейших российских стихотворцев» 1814, стр. 53, с полной подписью. Время напечатания определяет срок, позднее которого стихотворение не могло быть написано. В издании Майкова не соблюдено деления на строфы. Перевод одного из наиболее знаменитых сонетов Петрарки, 2-го сонета из цикла «Сонеты и канцоны на смерть Лауры». Строфическая форма сонета (14 стихов, состоящие из двух катренов и двух заключительных трехстиший) Батюшковым не соблюдена: заменена в его переводе 4-мя четырехстишиями.

Первая строка подлинника, приведенная Батюшковым в подстрочной сноске, значит по-русски «Пала высокая колонна и зеленый лавр» (игра слов: Colonna — колонна и друг и покровитель Петрарки, происходящий из средневекового аристократического рода Колонна; Lauro — лавр и Лаура). Батюшков вспоминает этот же сонет в своей статье 1815 г. о Петрарке (Сочинения под ред. Майкова, т. II, стр. 167).

Вечер (стр. 232—233). Напечатано: 1) в «Вестнике Европы» 1810 г., ч. LIV, № 21, ноябрь, стр. 37—39, с подписью *К. Б.*; 2) в «Музе новейших российских стихотворцев» 1814, стр. 58—59, с полной подписью; 3) в «Собрании русских стихотворений», ч. VI, стр. 294—295, с полной подписью. Списки: 1) в сборнике Афанасьева, 2) в Блудовской тетради, 3) в сборнике Ефремова, 4) в Тургеневской тетради. Даем по тексту Блудовской тетради, представляющему последнюю редакцию и в печати не появлявшемуся. Написано не позже ноября 1810 г.

Варианты

1. В тот *миг* как солнца луч потухнет за горою (Ефр., Тург.)

7. Вкушает сладкий сон, замену горьких слез (В. Евр., Муза, С. р. ст., Аф.)

11. Когда *вечерний луч потухнет* средь морей » »

14.	Оратай острый плуг *уносит* за собою	(Тург.)
17—18.	В тени домашних лар, и всюду сын послушный С отцом и матерью вкушает пир радушный	(В. Евр., Муза, С. р. ст.)
17—18.	Супруга, рой детей оратая *встречает* И брашна сельские поспешно *предлагает*	(Тург.)
19—20.	Он счастлив... Я один, *тоской усыновлен*, Грущу и день, и ночь среди безмолвных стен	(В. Евр., Муза, С. р. ст., Аф., Ефр., Тург.)
25.	Игралище *ветров* среди пучины пенной	(В. Евр., Муза, С. р. ст., Аф.)
26.	И ты, *рыбак*, спешишь на брег уединенный	(Ефр., Тург.)

Стихотворение Батюшкова — вольный перевод, подчас даже только подражание 4-й канцоне Петрарки из цикла «Sonetti e canzoni in vita di M. Laura».

[*Отрывок из элегии*] (*«О, пока бесценна младость...»*) (стр. 233—234). Впервые напечатано в сочинениях Батюшкова, изд. 1834, ч. II, стр. 75—76, с примечанием: «Начало сей пиесы не отыскано». У Майкова ст. 7 неправильно: «А когда в сени *приютней*». Майков датирует стихотворение 1810—1812 гг., вместе с тем совершенно произвольно помещая его среди пьес 1807—1808 гг. По легкости и изяществу стиха пьеса никак не могла быть написана ранее 1810 г.

Мадагаскарская песня (стр. 234—235). Напечатана: 1) в «Вестнике Европы» 1811, ч. LV, № 3, февраль, стр. 177, с подписью *К.*; 2) в «Собрании русских стихотворений», ч. VI, стр. 241, с полной подписью. Довольно близкий перевод одной из мадегасских песен Парни (Chansons madécasses, Chanson VIII, Oeuvres Parny, t. II, Par. 1809, p. 49), написанных Парни в прозе. (Мадегассы — жители острова Мадагаскара.) Уроженец одной из французских колоний в Африке — острова Бурбона — Парни мог познакомиться с местным фольклором, однако его записи мадегасских песен имеют самое отдаленное сходство с подлинниками, за каковые с его слов их долгое время принимали. Вместе с другими, очевидно, был введен в заблуждение и Батюшков. Перевод Батюшкова близко воспроизводит подлинник, замечательно искусно перелагая прозу Парни в стихи. По времени напечатания относим перевод к 1810 — началу 1811 г.

Филомела и Прогна (стр. 235—236). Напечатана: 1) в «Вестнике Европы» 1811, ч. LX, № 23, декабрь, стр. 186—187, с подписью *К.*; 2) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», ч. III, 1815,

стр. 226—227; 3) там же, изд. 2-е, ч. III, 1821, стр. 205—206; в обоих изданиях с полной подписью. В «В. Евр.»: ст. 7 — «*Здорова* душенька-сестрица» (возможно, опечатка). Перевод одной из басен Лафонтена (15 басня 3-й книги), в свою очередь заимствованной им у греческого баснописца Бабрия. Перевод сделан в 1811 г. Одновременно с переводом из Лафонтена Батюшковым была написана другая, повидимому, оригинальная басня, из которой нам сохранилось только пять строк, цитируемых им в письме к Вяземскому от 19 декабря 1811 г. (см. в нашем издании стр. 402). Одновременно Батюшков защищает обе свои басни от Вяземского, который не был удовлетворен ими, но прибавляет: «Впрочем, если хочешь, я никогда писать басен не стану, чтоб не быть твоею баснею». Действительно, басен Батюшков больше не писал, «Филомелу и Прогну» не перепечатывал (впервые введена в собрание сочинений только Майковским изданием), а вторую басню, название которой нам неизвестно, и вовсе не отдавал в печать.

[*Н. И. Гнедичу*] («Сей старец, что всегда летает...») (стр. 236—237). Извлечено нами из письма Батюшкова к Гнедичу от 27 ноября — 5 декабря 1811 г. (опубликовано в «Русской старине» 1883, т. XXXVIII, стр. 339—346) и впервые вводится нами в собрание стихотворений. Стихи написаны по случаю именин Гнедича: «Завтра ты именинник, и надобно тебя поздравить: вот зачем я должен прибавить целый лист...» и после стихов: «Вот мое желание: оно одинаково и в прозе, и в стихах». Написано 5 декабря 1811 г.

[*На членов Вольного общества любителей словесности*] (стр. 237). Извлечено нами из письма Батюшкова к Д. В. Дашкову от 9 августа 1812 г. и впервые вводится в собрание его стихотворений. Незадолго до этого началась война с Наполеоном. Батюшков чрезвычайно сильно переживал происходящие события. «Мы... живем в такие времена, каковым и примеру не сыщешь», писал он сестре (письмо от 16 августа 1812 г. Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 201). Тем больше возмущало его имевшее место при начале войны чисто обывательское равнодушие значительной части дворянства, в частности, петербургских дворян-литераторов, членов «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», в котором Батюшков состоял с 1805 г. и из которого некоторое время спустя демонстративно вышел в связи с исключением из него Дашкова, произнесшего издевательскую речь «в честь» новоизбранного члена, гр. Хвостова. «Поговорить ли с вами о нашем обществе, которого члены все подобны Горациеву мудрецу или праведнику, все спокойны и пишут при разрушении миров». Вслед за этим следуют стихи (Соч., т. III, стр. 199). Выражение «Солнцев дом» заимствовано у Державина («На освящение Эрмитажного театра 28 января 1808 г.»).

Переход русских войск через Неман (стр. 237—238). Впервые — в «Славянине» 1830, ч. XIII, стр. 209—210, с полной подписью автора. Целиком

это стихотворение Батюшкова до нас не дошло. Написано в связи с началом заграничного похода русских войск, преследовавших разбитого Наполеона (значит не раньше февраля 1813 г.), и напоминает по общему тону более позднее стихотворение Батюшкова «Переход через Рейн». «Задумчивый беглец» (ст. *9*) — один из французских ратников. «Царь младой» — Александр I. «Старец вождь» (предпоследний стих) — Кутузов.

[*Отрывок из Шиллеровой трагедии...*] (стр. 238—248). Впервые опубликован *В*. (кн. П. А. Вяземским) в «Московском телеграфе» 1828, ч. 19, № 1, стр. 34—45, без прямого указания, что он принадлежит Батюшкову, но со следующим примечанием: «Следующий отрывок найден в бумагах поэта, коего долговременное молчание доныне оплакиваемо русскими музами, и потому он драгоценен. Вероятно, отрывок сей еще не совершенно был исправлен и может почесться опытным упражнением в переводе. В нем не видать последней отделки великого мастера, но виден отпечаток руки поэтической и встречается много превосходных мест. Может быть, он не удовлетворителен для славы поэта, уже основанной на других памятниках, более блестящих, но, без сомнения, удовлетворит он любопытству и вниманию читателей; сообщая отрывок сей «Телеграфу», имею их удовольствие в виду». В Майковском издании отрывок воспроизведен с рядом ошибок: ст. *12* — горячность *вечную* к сынам; ст. *164* — не *потому ль*, что я виновен; ст. *35* вовсе пропущен. Датируем отрывок условно 1813 г. В это как раз время в связи с возникшими в Батюшкове, в результате войны 1812 г., отталкиваниями от французской литературы, он стал, в противовес ей, особенно интересоваться литературой немецкой, к которой до того относился несколько пренебрежительно. Интерес этот, естественно, особенно обострился в 1813 г., в период пребывания его в Германии, в частности, в резиденции Гете — Веймаре. В письме оттуда Гнедичу он пишет о своей «новой страсти к немецкой литературе» (Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 240); в письме из Веймара же сестре упоминает о «Гете, сочинителе Вертера, славном Шиллере и Виланде». В Веймаре же он был на представлении «Дон-Карлоса» Шиллера. «Дон-Карлос» мне очень понравился, и я примирился с Шиллером», писал он в только что упомянутом письме к Гнедичу (письмо от 30 октября 1813 г.).

Новый род смерти (стр. 248). Впервые — в «Сыне отечества» 1814, ч. 17, № 41, стр. 113, с подписью *N*. Принадлежность пьесы Батюшкову никем не подозревалась до появления заметки Н. О. Лернера («Забытая тетрадь стихов Батюшкова», «Русский библиофил» 1916, № 5, стр. 80), напечатавшего ее по тексту Блудовской тетради. В собрание стихотворений вводится нами впервые (по тексту Блуд. тетр.). Стихотворение, очевидно, вызвано потоком бездарных «патриотических» виршей, порожденных русскими победами и разгромом Наполеона (образцы их приведены в заметке Лернера). Написано между маем (Наполеон прибыл на Эльбу 4 мая) и октябрем (выход журнала) 1814 г.

Варианты («Сына отечества»):

4\. И каждый *произнес* свой *строгой* приговор
11—12. «От жажды!»... «Нет» — *сказал* насмешливый Филон —
«*Вы* с большей лютостью дни изверга скончайте»

Запрос Арзамасу (стр. 248). Находится в письме Батюшкова к П. А. Вяземскому от 4 марта 1817 г. К стихам приписка: «Успокой мою душу. Я в страшном недоумении. Задай это Арзамасу на разрешение. Почитай это Солнцеву и боле никому. В худой час Василий Львович рассердится: у него бывают такие минуты, как у меня грешного» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 426—431). Стихи выверены нами по подлиннику (Арх. феод.-крепостн. эпохи ЦАУ) и впервые вводятся в собрание стихотворений Батюшкова. Шутка Батюшкова — подражание шуточному стихотворению Вольтера «Les trois Bernards» (Три Бернарда). Во втором из Пушкиных автор, очевидно, имеет в виду В. Л. Пушкина, который развелся с женой, первый Пушкин, несомненно, — А. М. Пушкин. Однако, кого разумеет Батюшков под «третьим» Пушкиным, — не совсем ясно. Характеристика его — «страшный плут и прямо в ад ему дорога» — подсказывает более всего молодого Александра Пушкина, который уже славился в это время своими кутежами, любовными проказами и т. п. Однако против этого предположения как будто говорит 2 ст.—«все одни имеют леты»; кроме того, А. С. Пушкин, как и отец его С. Л., также писавший стихи, жил в это время не в Москве, а в Петербурге. Солнцев — Матвей Михайлович, камергер, женатый на одной из сестер В. Л. и С. Л. Пушкиных. Оба брата весьма гордились своим «шестисотлетним дворянством», над чем Солнцев частенько подтрунивал. Линия же Бобрищевых-Пушкиных, имея общего с Пушкиными полулегендарного родоначальника, Радшу, была младше их в генеалогическом отношении. К числу стихотворных арзамасских шалостей Батюшкова относится и шуточная его подпись под одним из обращений к арзамасцам В. Л. Пушкина, в котором последний оправдывается в связи с присланными им в «Арзамас» и жестоко раскритикованными его членами так наз. «Яжелбицкими эпиграммами»:

За неумением грамоте член Арзамаса *Ахилл*
5 пальцев приложил

(см. воспроизведение подписи и отпечатка пальцев в книге «Арзамас и Арзамасские протоколы», редакц. М. С. Боровковой-Майковой, предисл. Д. Благого. Изд-во писат. в Ленинграде, 1933). В том же письме к Вяземскому от 4 марта 1817 г. имеется другая стихотворная шутка Батюшкова (видимо, пародия на Карамзина, см. Сочинения, изд. 1848 г., т. III, стр. 4 5):

Я очень болен,
Но собой доволен;

Я неволен,
Но мне, Музы,
Ваши узы
Так легки,
Как сии стишки.

«По ним, — прибавляет Батюшков,—ты можешь судить, какие быстрые успехи делаю в поэзии».

[*Надпись к портрету кн. П. А. Вяземского*] (стр. 249). Послано Батюшковым в письме к Вяземскому от 9 марта 1817 г. В письме Батюшков просит Вяземского прислать ему портрет Жуковского и прибавляет: «Не я прошу его, твой портрет кличет на стене. Вот ему надпись...»: Дальше следует четверостишие. Выверено нами по подлиннику (Арх. феод.-крепостн. эпохи ЦАУ) и впервые вводится в собрание стихотворений Батюшкова. В письме Вяземского к А. И. Тургеневу от 13 января 1816 г. (Остафьевский архив, т. I, стр. 36) имеется карикатурная зарисовка Батюшковым Вяземского с его же припиской: «Без образа лицо» и с шуточными стихами, начатыми Вяземским и законченными Батюшковым (курсивом даем то, что принадлежит Батюшкову):

Батюшков хочет сохранить аноним,
Но глупость за него здесь руку приложила,
И ты его узнал, *мой друг Абдолоним.*
С тобою будь его и жизнь и сила.

Абдолоним — Сидонский царь. В стихи Батюшкова попал, конечно, только ради рифмы.

Послание («Счастлив кто в сердце...») (стр. 249). Извлечено нами из неопубликованного письма Батюшкова к П. А. Вяземскому (Арх. феод.-крепостн. эпохи ЦАУ, ф. 195, карт. 3, № 69) и в печати не появлялось. Письмо не датировано. Инцидент между «унылым» и «безмолвным» Соковниным и женой Вяземского произошел в июне 1817 г. (см. ниже стр. 601). Вместе с тем, судя по обещанию Батюшкова внезапно нагрянуть в Остафьево, письмо послано из Москвы (передано через выехавшего в Остафьево «мудреца пушкинического», т. е. В. Л. Пушкина), где Батюшков был в начале июля 1817 г. К этому времени и относим послание (больше Батюшков не был в Москве до мая 1818 г., когда Вяземский уже уехал в Варшаву). Письмо начинается словами: «Одни слабые души, подобные твоей, жалуются на погоду; истинный мудрец восклицает», дальше следуют стихи, за которыми приписка: «Итак, если это все поспеет, и дела позволят, то я буду».

[*Кн. П. А. Вяземскому*] («Я вижу тень Боброва...») (стр. 250). Опубликовано впервые в «Русском архиве» 1866, стр. 474, в статье «Литературные арзамасские шалости». Находится в недатированном и неопубликованном письме к Вяземскому, выверенном нами по подлиннику (Арх.

феод.-крепостн. эпохи ЦАУ). За стихами приписка: «т. е. я теперь, сидя с сильной головной болью, от которой ниже сном, ниже перечитыванием Шихматова не избавлюсь». Исходя из даты «Запроса Арзамасу», предположительно датируем и эту шуточную пьесу тем же 1817 г.

Послание к А. И. Тургеневу (стр. 250—251). Впервые напечатано: 1) в «Памятнике отечественных муз», изданном на 1827 г. Борисом Федоровым, Спб. 1827, отдел «Стихотворения», стр. 6—8, с полной подписью; (передано самим Тургеневым); 2) в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» 1832, № 77, стр. 615. В обоих местах под заглавием: «Послание к А. И. Т—ву»; 3) в «Русском вестнике» 1871, № 10, стр. 615—616, в статье «Петербургского старожила В. Б.». «Мое знакомство с Воейковым в 1830 г. и его пятничные литературные собрания», под заглавием «Мыза Приютино (А. Н. Оленина)», без семи последних строк, с указанием, что списано с собственноручного списка Карамзина. Майков относит это стихотворение «гадательно к 1817—1818 гг., ко времени после издания «Опытов», ибо в этот сборник оно не вошло». Не признавая мотивировку Майкова достаточно убедительной, сохраняем условно эту дату в виду отсутствия данных для передатировки. Печатаем по «Памятнику отечественных муз».

Варианты

10.	И лаской на устах	(Лит. приб., Р. вест.)
13.	Без *бального* наряда.	(Р. вест.)
18.	*Для* отдыха от дел	(Лит. приб., Р. вест.)
26.	И рвет *Парнаса* розы	» »
41.	Как пишет *Тинислов*	(Р. вест.)
50.	*Согласен?* — По рукам.	(Лит. приб.)

[*С. С. Уварову*] (стр. 252). Напечатано: 1) в «Северных цветах» на 1826 г., Спб. 1826, стр. 4, под заглавием «*К NN*», с полной подписью; 2) в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» 1833, № 46, стр. 367, с тем же заглавием; 3) в «Москвитянине» 1841, ч. V, № 29, статья «Село Поречье», стр. 189—190. Сохранился собственноручный список этого стихотворения, сделанный А. Пушкиным и посланный им кн. П. А. Вяземскому вместе с «Подражанием Ариосту» (Арх. феод.-крепостн. эпохи ЦАУ, ф. 195, д. № 52, к. 2, л. 5_2). Список совпадает с публикацией «Северных цветов».

Варианты

(по «Северн. цветам», «Лит. прибавлениям» и списку Пушкина)

3. *Ты* не утратил нежный вкус
4. Еще *ты любишь* голос лирной
5. Еще в душе *твоей* огонь

7. И *Аполлонов, борзый* конь
8. От муз *тебя в Киферу* носит
9. От *древней Спарты до* Афин.
11. *До стен Пальмиры* и Солима
12. Умом *ты мира* гражданин
13. *Ты любишь* отдыхать с Эратой
15. И нас *уносишь за* собой
16. *В миры* фантазии крылатой
17. *Тебе* легко: *ты* награжден.
18. *Благословлен*, взлелеян Фебом

Стихотворение это надписано Батюшковым на экземпляре «Опытов», подаренном им Уварову (хранился в библиотеке села Поречья Можайского уезда Московской губ.) и относится, очевидно, к 1817 г. По этому автографу напечатал его М. П. Погодин в «Москвитянине», текст которого и берется нами в качестве основного.

К творцу Истории государства Российского (стр. 252—253). Сообщено Батюшковым в письме к А. И. Тургеневу от сентября 1818 г. (подлинник — в ИРЛИ Академии Наук, № 71; у Майкова воспроизведено не совсем точно и датировано 1817 г., однако в томе I, стр. 418—419, Майков оговаривает ошибочность этой даты). Тогда же отправлено Батюшковым жене Н. М. Карамзина анонимно от имени «Навсегда неизвестного», который, «тронутый глубоко, восхищенный чтением «Истории государства Российского», написал несколько стихов к бессмертному оной творцу» (т. III, стр. 470—471). «Историю» Батюшков, по его словам, «не выпускал из рук» в июле 1818 г. (ib., 525). Между июлем и 10 сентября (ib., 594) и написано данное стихотворение. Опубликовано: 1) в «Полярной звезде» на 1824 г., стр. 21—22; 2) в «Утре», сборнике, изданном М. Погодиным, стр. 186—187, М. 1866; 3) в «Русском архиве» 1866, стр. 653. В Архиве братьев Тургеневых (Рукоп. отд. ИРЛИ Академии Наук) имеется автограф этого стихотворения под заглавием: «К творцу Истории государства Российского или Российского государства» и с подписью: *К. П. О.*; тут же другой рукой: «т. е. Батюшков» (Сборник, 384, л. 166); текст его, в основном совпадающий с текстом письма, берем в качестве основного.

Варианты

6.	Народ любитель *громкой* славы	(Пол. зв., Утро, Р. арх.)
7.	Забыв *ристанья* и забавы	(Пол. зв.)
13.	С какою *жаждой он* внимал,	(Пол. зв., Утро, Р. арх.)

Послание к Карамзину, наряду с надписью Уварову, переводами из антологии и вообще большинством стихотворений, написанных за послед-

ние годы перед психическим заболеванием, принадлежит к числу наиболее зрелых вещей Батюшкова. О впечатлении, им произведенном, свидетельствует большое количество отражений и реминисценций из него в творчестве поэтов-современников. Так, Баратынский целиком заимствует из него *1* стих, начиная им свое стихотворение 1840 г. «Рифма». К последним стихам его весьма близок Пушкин в концовке своего послания «Козлову». Мало того, по верному наблюдению С. М. Бонди, которым он с нами поделился, непосредственно связаны с ним, представляя своеобразный частичный его пересказ, заключительные строки послания Пушкина к Жуковскому («Когда к мечтательному миру»), написанного также в 1818 г., т. е. сейчас же вслед за появлением послания Батюшкова. Приводим их в редакции 1818 г. (см. Сочинения Пушкина, изд. Академии Наук, т. II, Спб. 1905, стр. 11):

Смотри, как пламенный поэт,
Вниманьем сладким упоенный,
На свиток гения склоненный
Читает повесть древних лет!
Он духом там, в дыму столетий:
Пред ним волнуются толпой
Злодейства, мрачной славы дети,
С сынами доблести прямой;
От сна воскресшими веками
Он бродит тайно окружен
И благодарными слезами
Карамзину приносит он
Живой души благодаренье
За миг восторга золотой,
За благотворное забвенье
Бесплодной суеты земной:
И в нем трепещет вдохновенье.

Князю П. И. Шаликову (стр. 253—254). Напечатано: 1) в «Новостях русской литературы» или «Прибавлениях к Русскому инвалиду» 1822, кн. II, стр. 61—62, с примечанием кн. Шаликова: «Предчувствую, с каким удовольствием читатели сих листков увидят стихи столь давно умолкшего любезного поэта, полученные мною пред отъездом его в Италию»; 2) в «Собрании образцовых русских сочинений в стихах и прозе», 2-е изд., ч. V, 1822, стр. 115—116; 3) в «Собрании новых русских стихотворений», ч. I, стр. 243—244. Список — в альбоме кн. Шаликова (ИРЛИ Академии Наук, 4786 XXIV б. 183, стр. 4_1—5_1). Даем текст списка. Во всех публикациях ст. *29*: «Не *изменюсь...*»; в «Собрании образцовых сочинений» в ст. *26* вариант, если не опечатка (что вернее): «Кастратов, оперу, фигляров, *слабый* Рим». Датировано самим Батюшковым. В том же альбоме (стр. 17_1) имеется стихотворение самого Шаликова, обращенное, видимо, к А. А. Воейковой:

К АЛЕКСАНДРИНЕ В.***

(при посылке сочинений К. Н. Б.)

Вот милый наш поэт,
Любимый милым Фебом,
Взлелеянный Авзонским небом
(Под коим, кажется, и ты узрела свет:
Такие взоры, стан и вкусы благородны
Стране Бореевой не сродны!);
Вот, словом, *Батюшков*, счастливец и в судьбе —
Завидую ему: он нравится тебе!

На 39_2 его же «Эпитафия Б...» со сноской: «По слуху, пронесшемуся о смерти любезного поэта»:

Талантом и судьбой он сходен был с Парни:
И рано славен стал, и рано кончил дни!

Дружескую альбомную запись Батюшкова Шаликов напечатал без разрешения поэта, находившегося тогда в крайне тяжелом психическом состоянии и решившего совершенно уйти из литературы (см. его письмо к Гнедичу от 1821 г. и наше примечание к нему, стр. 606—608). Это вызвало резкое осуждение со стороны друзей Батюшкова: «Опять напечатаны стихи Батюшкова и какие же», писал Вяземский А. И. Тургеневу, «где он сравнивает себя с Буяновым. Ну, как они попадутся ему? Что за неуважение такое и варварское насилие? Известно, что Батюшков ничего ни писать, ни печатать не хочет, а его насильно тащут. Шаликову, конечно, приятно довести до сведения публики, что Батюшков обещается и умирая не забывать отечества и его; но зачем же Воейкову (редактору «Новостей». — *Ред.*), Шаликова теша, оскорблять Батюшкова? Сделай милость, пожури Воейкова и возьми с него слово, чтобы он вперед ничего не печатал Батюшкова; а не то, право, придется изобличить этот литературный разбой» (письмо от 9 январая 1823 г.; Остафьевский архив, II, стр. 296—297).

Книга, полученная Батюшковым от Шаликова, — «Новые повести» Жанлис, переведенные последним. «Герой Пушкина» — Буянов, главное действующее лицо шуточной эротической поэмы Пушкина «Опасный сосед». Из нее же заимствован ст. *11* послания Батюшкова.

«*Жуковский, время все проглотит...*» (стр. 254). Вписана Батюшковым в альбом Жуковского, во время встречи с ним в Дрездене между 21 и 24 октября 1821 г. Под стихами дата: «Дрезден 1821 г., à la ville de Berlin» (т. е. гостиница Stadt Berlin, в которой остановился Жуковский), год приписан несколько сбоку, видимо рукой Жуковского. Альбом хранится в Ленинградской Публичной библиотеке (см. отчет за 1902 г., стр. 41—43). Опубликовано в качестве первой публикации, И. А. Бычковым в «Сборнике статей в честь Д. Ф. Кобеко», Спб. 1913,

стр. 237—238, «Одно из последних стихотворений Батюшкова». (Однако стихотворение было напечатано уже в «Русской старине» 1887, т. 54, апрель, с указанием, что, по почерку альбомной записи, оно как будто бы Батюшкова).

КОЛЛЕКТИВНОЕ

Певец в Беседе любителей русского слова (стр. 255—262). Опубликовано впервые М. Н. Лонгиновым в «Современнике» 1856, т. LVII, № 5, Смесь, стр. 10—18, под названием «Певец в беседе славяноороссов». Н. И. Греч в «Северной пчеле» 1857, № 108, стр. 510, дал некоторые поправки к тексту «Современника». Небольшие отрывки из этого стихотворения опубликованы в «Библиографических записках» 1859, стр. 422 (в напечатанном там письме А. Е. Измайлова к Н. Ф. Грамматину от 17 марта 1813 г.), в «Мелочах из запаса моей памяти» М. А. Дмитриева, изд. 2-е, стр. 199—200; наконец, в Полном собрании сочинений С. Т. Аксакова, Спб., 1886, т. III, стр. 213. Я. Грот опубликовал все стихотворение под названием «Певцы в беседе славяноороссов» в IX томе академического издания сочинений Державина по списку, найденному в бумагах последнего (Спб. 1883, стр. 202—209). Несмотря на то, что этот последний список (в дальнейшем обозначаем его *Д*) дает более полную и явно более исправную редакцию, Майков предпочел ввести в свое издание заведомо искаженный, по указанию самого же Лонгинова, текст списка, бывшего в распоряжении последнего (в дальнейшем обозначаем его буквой *Л*), частично внеся в него поправки Греча. Как и для «Видения на берегах Леты», вариантов из других списков к тексту «Певца», принятому им за основной, несмотря на их многочисленность и бесспорный подчас интерес, он не приводит. М. А. Цявловский любезно предоставил в наше распоряжение сделанную им копию с новонайденного списка «Певца» руки кн. А. М. Горчакова (Архив феод.-крепостн. эпохи ЦАУ, ф. 3260 I 5/56. К1). Помимо того, имеется еще три списка, остававшиеся Майкову неизвестными: 1) список из бумаг К. Я. Грота под названием «Певец в Беседе Славяно-Россов» с подзаголовком: «Баллада, эпико-лиро-комико-эпизодический гимн»; в основном совпадает с текстом вышеупомянутого списка, опубликованного в собрании сочинений Державина, но имеет и ряд разночтений, не позволяющих отожествить его с ним; хранится в Рукоп. отд. ИРЛИ (в дальнейшем обозначаем его буквой *И*); 2) список в Тургеневской тетради под названием «Певцы или певцы (Sic!) в Беседе Славяно-Россов. Балладо-Эпико-лиро-комико-эпизодический гимн» (вписано, как и 4 следующих за ним стихотворения: «Элегия на развалинах замка в Швеции», «Пленный», «Ответ Тургеневу» и «К Дашкову», другим почерком и явно позднее, чем все предшествующие записи тетради: в «Ефремовском списке» эти пять стихотворений отсутствуют) и 3) Список в Рукоп. отд. Ленинградской Публичной библиотеки с тем же заглавием и подзаголовком; на бумаге с водяным

знаком «1813 г.», неизвестным почерком (в дальнейшем обозначаем его буквой *П*).

В качестве основного текста даем текст Горчаковского списка (выверен нами по подлиннику; написан на бумаге с водяным знаком 1814 г.). Текст этот один из самых исправных и, помимо того, имеет особое историко-литературное значение, поскольку имел хождение в лицейской среде и, вероятнее всего, как раз и был тем текстом, по которому знал это стихотворение Пушкин.

Однако и Горчаковский список явно не отличается абсолютной точностью, заключая в себе (что выясняется по смыслу и сличению с остальными списками) ряд описок, неразобранных переписчиком и ошибочно написанных им слов и т. п. Так, в *137* ст. у Горч. «помощник» вместо «псаломщик»; в *139* «и» вместо «иль»; в *142* «смелых» вместо «смелый», что уничтожает рифму; в *144* — бессмысленное «в поповне» вместо «в Поповке»; в *160* — «славянорусский» вместо «славянороссной» (также уничтожает рифму). В виду того что во всех остальных пяти списках согласно дано другое чтение, целиком оправдываемое контекстом, вводим в основной текст это последнее. Равным образом отклоняем даваемое Горч. списком чтение *155* ст. «О! громы их невольно жгут». В списках Л., Д., Тург. и П. дано другое, принятое нами и более осмысленное чтение. В списке *И*. строка читалась бессмысленно: «От грома их невольно жгут», но карандашом на полях *жг* исправлено на *т*. Отличия всех остальных списков и публикаций даем в разночтениях (явные описки не оговариваем).

Разночтения

12.	Друзья! *Уже* покойных нет	(Л.)
15.	Иль *сглоданы* мышами	(Д., И., Тург.)
	Изглоданы мышами	(П.)
20.	*Равно* здесь в прозе и *в* стихах	(Л.)
	Давно здесь в прозе и *в* стихах	(Тург.)
Между *21* и *22.*	«*Члены и сотрудники*».	(Д., П., И., Тург.)
23.	Чья тень под *самым* потолком	(Л.)
24.	*Пред* нашими *глазами*	(Л.)
25.	За *ним*, пред *ним*, о страх! кругом	(Д., П., И., Тург.)
	За *ним*, пред *ним* — о страх! — *полком*	(Л.)
28.	*Насаленном*, с кудрями,	(Д., П., Тург.)
	Намасленном с кудрями,	(Л., И.)
32.	Вперил ты *страшны* очи	(Л., Тург.)
36.	Мы все с рассудком *в ссоре*	(Л.)
37.	Для славы будем пить и жить	(П.)

38.	Нам по *колени* море	(Л., Д.)
	Нам по *колена* море	(И.)
Между *38* и *39.*	Сотрудники:	(Л.)
	Писать как ты, тебе служить (и проч.)	
39—46.	⟨В Д., И., Тург., П. вложены в уста «членам»⟩	
39.	Напьемся пьяны *музам* в дань	(Л., Д., И., Тург.)
	Сей полный кубок музам в дань ⟨первые три слова вписаны в оставленный пробел позднее другой рукой⟩	(П.)
40.	*Как* пили наши деды!	(Л., Д., И., Тург., П.)
41.	*Рассудок к чорту*, вкусу брань,	(Л.)
42.	Хвала *сынам* Беседы	(Л., Д., И., Тург., П.)
44.	*А мы* еще умнее	(Л.)
45.	За пьянство стал *умнее* он	(Л.)
46.	*А ты* еще пьянее	(Д.)
	А мы *еще* пьянее	(Л., И.)
Между *46* и *47.*	Члены и сотрудники:	(Д.)
	Для славы будем жить и пить (и проч.)	
47—50.	⟨В Л. вложены, как и предыдущие, в уста «Певца», в И., Тург., П.— «Членов и сотрудников»; в Д. вовсе отсутствуют⟩	
48.	*Врагам* беда и горе	(Л., И., Тург., П.)
49.	*На что* рассудок нам щадить?	(Л., И., Тург., П.)
50.	Нам по *колени* море	(Л.)
	Нам по *колена* море	(И., Тург.)
Между *50* и *51.*	Сотрудники:	(Л.)
	Для славы будем жить и пить (и проч.)	
55.	Родного крова *малый* свет,	(Д.; описка?)
57.	Златые игры *первых* лет	(Л., Д., И., Тург., П.)
63.	⟨Обозначение «Сотрудники» и следующий за ним стих отсутствуют⟩	(Д., И., Тург.)

Между 63 и 64.	«Члены» вместо «певец».	(Д., И., Тург., П.)
65.	Там наши *детки* милы	(Л.,И.,Тург.)
66.	Кладбище *милое* стихов	(Л.)
69.	*И* Николев почтенный	(Д., Тург.)
70.	И *древних* прах календарей	(И.)
Между 71 и 72.	Сотрудники:	(Л.)
	Там царство тленья и мышей (и проч.)	
	Певец.	(Д., И., П.)
73.	*Сумбур!* твоя держава!	(Д., Тург., П.)
	Цвети *его* держава	(Л.)
80.	Наш каждый *ратник* славянин ⟨Тург.; тоже в П., но затем зачеркнуто и другой рукой — «писарь»⟩	
82.	Бежит предатель *их* дружин	(Акс.)
83.	*Кто* галлицизмы пишет ⟨в П. «галлицизмы» вписано позднее в оставленный пробел⟩	(Л.)
Между 83 и 84.	Члены и сотрудники	(Д., И., Тург., П.)
84.	Наш каждый *ратник* славянин	(Тург.)
85.	Тот наш, *кто день и ночь* кадит	(Л., Д., И., Тург., П.)
89.	За *ним* стоит гора горой	(Д.)
	За нас *всегда* стоит горой	(Л.)
Между 92 и 93.	Сотрудники:	(Л.)
	За нас всегда стоит горой (и проч.)	
	Члены.	(Д., И., Тург., П.)
96.	Рукой *неустрашимой*	(Д., И.)
97.	О *как* с наморщенным челом	(Д., И.)
98.	В беседе *ты* прекрасен	(П.)
99.	Сколь *холоден перед* столом	(Л., Д., И., Тург., П.)
101.	Упрямство *с ним* старинных лет	(Д., И., Тург., П.)

Между *104* и *105.*	Члены и сотрудники:	(Д., И., Тург. П.)
	Друзья! он, он (и проч.)	
	Сотрудники:	(Л.)
	Упрямство в нем старинных лет (и проч.) ⟨стт. 105—108 отсутствуют⟩	(Л.)
108.	Меня в Пиндары прочит	(Д., описка или неточность Грота?)
113.	Твой сын, *соперник* и клеврет	(Д., И.)
Между *116* и *117.*	Сотрудники.	(Л.)
	Твой сын, наперсник и клеврет (и проч.)	(Л.)
	Певец	
118.	Холодных шуб *кроитель*	
121.	*Певец*, упитанный у нас	(Д., Тург.)
Между *124* и *125.*	Сотрудники	(Л.)
	Телец упитанный у нас (и проч.)	
	Певец	
126.	Хвостов *неутомимый*	(Письмо Изм.)
127.	Стихи твои *как* барабан	(Л., Д., И., Тург., П.)
128.	Для слуха нестерпимы	(Л., Д., И., Тург., П.)
129.	Везде с стихами *тут и там*	(Л., Д., И., Тург., П.)
129—132.	Летает он и там и сям. Повсюду волком рыщет, Пускает притчей в тыл врагам, Стихами в уши свищет.	(Письмо Изм.)
131.	Пускает притчу в тыл *врагам*	(Л., Д., И., Тург., П.)
132.	*Бедой им* в уши свищешь	(И.)
133.	Ты за посланье — все встают ⟨в Тург. этот стих, равно как стт. 125 и 134, отсутствует⟩	(Д.)
	Он за поэму — прочь идут	(Письмо Изм.)

134.	И уши затыкают	(Д.)
135.	Лишь за поэму — прочь бегут	(Д.)
136.	За оду — засыпают	(Д.)
	Иль уши затыкают	(И.)
Между *136* и *137.*	Сотрудники	(Л.)
	Лишь за поэму — прочь идут (и проч.)	
	Певец	
139.	Ревешь ты, как на волка бык	(Л.)
	Ревет он аки волк иль бык	(Д.)
	Ревет он *аки вол* иль бык	(Тург., П.)
140.	Лугов *пустынный* житель ⟨у Майкова: *пустынных*⟩	(Л.)
143.	И Палицын гроза *чтецов*	(Л., Д.)
	И Палицын гроза *писцов*	(И.)
	И Палицын гроза *врагов*	(Тург.)
147.	И с польской *торбою* своей	(Д.)
	И с польской *лирою* своей	(Л.)
	И с польской *музою* своей	(И., Тург., П.)
Между *148* и *149.*	Сотрудники	(Л.)
	Хвала, наш пасмурный герой (и проч.)	
	Певец	
	⟨Майков, исправляя в *145* ст. написание списка Л. «герой» вм. «Гервей», как явную неточность, здесь однако оставляет ее⟩	
	Члены	(Д., И., Тург., П.)
149.	Друзья! *Широкий* ковш пивной	(Д., Тург., П.)
	Друзья, сей ковш пивной *большой*	(Л.)
	Друзья, сей ковш большой пивной	(И.)
153.	В *твоих* устах стихи ревут	(Л.)
154.	Как волны *пеной* плещут	(Л., Д., И., Тург., П.)
157.	Хвала *тебе, о наш* дьячок	(Д., Тург., П.)
158.	*Безумный* Политковский	(Л.)
	Бездарный Политковский	(Греч.)
159.	*Жужжишь, гнусишь* — и вдруг стишок	(Д., Тург.)
	Жуешь, гнусишь и вдруг стишок	(Л., П.)

160.	Родишь славянороссийский	(Л., Д., Тург., П.)
Между *160* и *161.*	Сотрудники	(Л.)
	Хвала беседы сей дьячок (и проч.)	
	Певец	
164.	Хвала *скулам железным*	(Л., Д., И., Тург., П.)
Между *164* и *165.*	Члены и сотрудники	(Д., И., Тург., П.)
167—168.	⟨Отсутствуют⟩	(Л.)
170.	И *точит* эпиграммы	(Л.)
Между *172* и *173.*	Сотрудники.	
	Но месть тому, кто нас бранит (и проч.)	(Л.)
	Певец Сеид	(Тург.)
173—188.	⟨Отсутствуют⟩	(Д.)
Между *180* и *181.*	Сотрудники.	(Л.)
	Вотще свои, о Карамзин (и проч.)	
	Певец	
	Члены и сотрудники	(И., Тург., П.)
Между *188* и *189.*	Сотрудники.	(Л., И.)
	Отведай, дерзкий, что сильней (и проч.)	
	Певец	
Между *194* и *195.*	Граф Хвостов.	(Л.)
195.	Дай *притчу* я прочту одну	(Д., Тург.)
197.	Ах, нет, домой, друзья, домой	(Тург., П.)
202.	А вы друзья, *прощанье*	(Д.)
	Се вы, друзья, лобзанья!	(И.)
	А вы, друзья, *лобзанье*	(Тург.)
203.	В завет и *верныя* любви	(П.)

Написан «Певец», очевидно, в первой половине марта 1813 г. Батюшков находился в это время в Петербурге и бывал на заседаниях «Беседы любителей русского слова», где слушал, между прочим, чтение кн. Ша-

ховским его памфлетной «ирои-комической поэмы» «Расхищенные шубы», направленной против Карамзина и карамзинистов, друзей Батюшкова,— В. Л. Пушкина, Блудова и др. В письме к Вяземскому от 27 февраля 1813 г. Батюшков возмущается нападками «беседчиков» на Карамзина и Озерова и обещает «при первом удобном случае» «вывести» «на живую воду славян, которые бредят, славян, которые из зависти к дарованию позволяют себе всё, славян, которые оградясь щитом любви к отечеству (за которое — добавляет Батюшков — я на деле всегда был готов пролить кровь свою, а они чернила), оградясь невежеством, бесстыдством, упрямством, гонят Озерова, Карамзина, гонят здравый смысл и — что всего непростительней — заставляют нас зевать в своей Беседе от 8 до 11 часов вечера» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 217). В этом же письме содержится и острота по поводу «Расхищенных шуб» («Шубы очень холодны»), которая была повторена в «Певце» и позднее подхвачена арзамасцами. Показной «патриотизм» «славян», о котором Батюшков с таким раздражением отзывается в письме, видимо, подсказал ему и форму его «Певца», являющегося пародией на чрезвычайно популярное в то время патриотическое стихотворение Жуковского, подсказанное войной 1812 г. «Певец во стане русских воинов» (как раз в это время вышло новое издание его). «Удобный случай», о котором пишет Батюшков Вяземскому, не заставил себя долго ждать: баснописец А. Е. Измайлов в письме к Грамматину от 17 марта 1813 г. уже сообщает о «Певце в Беседе Славянороссов», как о литературной новости, и приводит из него отрывок. Мало того, Измайлов принимал некоторое участие и в самом сочинении «Певца», на что впервые указал Н. В. Сушков и что подтверждается рукописным сборником стихотворений Измайлова, хранящимся в Ленинградской публичной библиотеке (Собр. автогр. доп. 5/2), где имеются следующие три строфы «Певца» под названием «Пародия некоторых куплетов из «Певца во стане русских воинов» и с датой: 1813 год.

Хвала отважным рифмачам!
Шихматов в юны лета,
Коль верить Балдуса речам,
Осьмое чудо света.
Потемкин, слава наших дней,
И Бунина девица!
В Беседе говорят о ней:
«Стихи плесть мастерица».
Театра нашего хвала,
Грузинцев, Висковатов!
Их Мельпомена родила
На гибель супостатов.

Хвала, читателей тиран,
Хвостов неутомимый!

Стихи твои, как барабан,
Для слуха нестерпимы.
Наскучил людям и чертям,
И день, и ночь он пишет,
А похвалы своим трудам
Ни от кого не слышит.
Он за поэму — прочь идут,
За оду — тут зевают,
Лишь за посланье — все бегут
И уши затыкают.

Хвала, псаломщик наш, старик,
Захаров — преложитель,
Ревет он, аки вол иль бык,
Лугов пустынных житель!
Хвала тебе, грач черный, Львов,
Ковач речений смелый,
И Палицын, гроза чтецов,
В Поповке поседелый!
Хвала, наш пасмурный Гервей,
Обруганный Станевич,
И с польской торбою своей,
Халуй Анастасевич!

В виду того, что строфы эти вписаны в сборник, содержащий исключительно оригинальные пьесы Измайлова, авторство его, по меньшей мере в отношении двух строф «Певца» (третья — по счету первая — из записанных им строф, видимо, была отвергнута Батюшковым и в состав «Певца» не вошла), не подлежит сомнению. Много лет спустя, в 1824 г., Измайлов прибавил еще две строфы, содержащие резкий выпад против Шаховского, Ежовой и тогдашнего петербургского военного губернатора, графа Милорадовича (вписаны в тот же сборник, стр. 87, под названием «Еще пародия»).

«Певец», как ранее «Видение на берегах Леты», пользовался широкой популярностью среди современников; отдельные его словца и выражения разошлись по речам и шуткам «арзамасцев»; в 1814 г. молодой Пушкин подражал ему в своих «Пирующих студентах», в 1825 г. А. И. Писарев — в «Певце на биваках у подошвы Парнаса» (см. «Библиографические записки» 1859, № 20, стр. 610). Понравился он и главному герою пародии, А. С. Шишкову, который, услышав его от С. Т. Аксакова, нашел его «забавным» и попросил список (Аксаков, Соч., III, стр. 212—213).

Среди бумаг, поступивших от К. Я. Грота, в Рукоп. отд. ИРЛИ имеется список стихотворения «Разговор в царстве мертвых — Минос, Львов и Гераков», за подписью *Батюшков*. Стихотворение это было впервые опубликовано М. Н. Лонгиновым в «Современнике» 1857, № 5, с указанием, что автор ему неизвестен. Оно же под названием «Минос,

Львов и Гераков» вписано А. Е. Измайловым в рукописный сборник его стихотворений, находящийся в Ленинградской публичной библиотеке, что было впервые указано Кеневичем. Почти одновременно Я. Грот нашел среди бумаг Державина другой список этого стихотворения неизвестной руки под заглавием «Разговор в царстве мертвых» и с полной подписью Батюшкова (скорее всего это и есть тот самый список, который находится теперь в ИРЛИ). Возможно, что стихотворение это было приписано Батюшкову как автору наиболее прославленных в то время памфлетов против «шишковистов» («Видению на берегах Леты» оно близко, кстати сказать, и в тематическом отношении), но нет ничего невероятного, что Батюшков так же мог принимать известное участие в написании этого стихотворения, как Измайлов принимал его в написании «Певца». Поэтому, не видя достаточных оснований для того, чтобы включать это стихотворение в основной корпус стихов Батюшкова, считаем необходимым привести его в примечаниях:

РАЗГОВОР В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ

Минос, Львов и Гераков

Минос: Каких Меркурий мне на суд представил раков?
Кто ты?
Львов: Я — Павел Львов.
Гераков: Я — Гавриил Гераков.
Минос: Ну что ж вы делали?
Львов: Я сочинял для дам
Памелу русскую, воздвигнул славы храм,
Писал похвальные слова мужам великим,
Высоким слогом, но — надутым, пухлым, диким,
Предлинные слова в шесть, седмь слогов ковал,
И в Академию Российскую попал.
В Беседу тож меня по просьбе членом взяли.
В газетах с Томсоном приятели сравняли.
За речь последнюю я получил медаль
Округлоплоскую, златую...
Минос: Очень жаль!
Ну, ты плешивый?
Гераков: Я был также сочинитель.
В кадетском корпусе истории учитель.
Я по природе грек, талант писать мне дан.
Читали ль книжку вы *О духе Россиян?*
Для добрых? Меншиков? Советы офицерам?
Я преимущество могу взять над Гомером
По цели...
Минос: Заврался!
Гераков: Помилуйте! Я — Грек!

Минос: Хоть стоишь ты того, чтоб я тебя поверг,
Однако так и быть, из милости прощаю.
В аду здесь обоим вам должность означаю.
Гераков и Львов: Какую с?
Минос: Фуриям хочу я роздых дать.
Их должность можете на время вы занять.
Читайте в Тартаре свои вы сочиненья,
Довольно грешники почувствуют мученья.
Гераков и Львов: Дадим себя мы знать, и вас благодарим.
Минос: Ступайте ж... Но едва успеть ли вам двоим?
Да, правда, в помощь к вам годится князь Шихматов,
Захаров с причетом, Грузинцев, Висковатов,
Не знаете ль еще подобных чудаков?
Львов: Есть патриарх у нас из чуд морских — Шишков.
Гераков: Есть Палицын старик, Евстафий есть Станевич.
Львов: А Глинка журналист?
Гераков: Еще Анастасевич.
Львов: И Меценат его, Эзоп наш и толмач
Расинов...
Минос: Граф Хвостов? Вот сильный-то палач.
Молчите. Никого не надобно в прибавку —
Теперь и Фурий всех я отпущу в отставку.

Находящийся в той же связке листов, полученных от К. Я. Грота, список (в двух экземплярах) стихотворения «Бонапарт и эхо» приписан картотекой ИРЛИ Батюшкову без всяких оснований; на одном из этих списков, помимо всего прочего, стоит и подпись X.

Сцены четырех возрастов (стр. 262—274). Л. Н. Майков в своем биографическом очерке Батюшкова (при первом томе собрания его сочинений) рассказывает, что вскоре после возвращения поэта в Россию из заграничного похода 1814 г. Ю. А. Нелединский-Мелецкий обратился к нему с просьбой взять на себя написание порученных императрицей Марией Федоровной Нелединскому торжественных хоров и лирических сцен по случаю ожидавшегося посещения Александром I, также только что вернувшимся из Европы, резиденции матери — Павловска. Батюшков принужден был согласиться: «Трудно было отговориться, — писал он по этому поводу сестре: — старик так был ласков и убедителен. Я намарал, как умел; пьесу играли... К несчастью я спешил: то убавлял, то прибавлял по словам капельмейстера и, вопреки моему усердию, кажется написал не очень удачно; но актеры ее удачно играли» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 289). В период подготовки Майковского издания П. Н. Батюшков советовал Майкову «порыться в библиотеке покойной императрицы Марии Федоровны» в Павловске, полагая, что «сцены» должны там находиться (неопубликованные письма П. Н. Батюшкова Л. Н. Майкову в Рукописном отделении ИРЛИ). Неизвестно,

последовал ли Майков этому совету, но во всяком случае в своем издании он указал, что текст сцен «не сохранился». Однако вскоре после выхода в свет Майковского издания, в том же 1887 г., М. А. Веневитинов опубликовал в «Русском архиве» (№ 7, стр. 341—363) тетрадь, найденную им в бумагах его матери и содержащую «Собрание хоров петых и сцен, представленных в Павловске июля 27 дня 1814 г.». Это «собрание» полностью заключает в себе и сцены, составленные, по плану Нелединского и в некотором сотрудничестве с ним, Батюшковым. Помимо Нелединского на характер сцен, в частности, на сентиментально-идиллическую их окраску, оказала непосредственное влияние сама Мария Федоровна, которая вела по этому поводу деятельную переписку с Нелединским. Все это, по справедливому указанию М. А. Веневитинова, «определяет долю участия Батюшкова в сочинении пиесы и почти ограничивает ее ролью версификатора, передающего чужие мысли». Исполнению «сцен» предшествовали «хор, петый у первых ворот на пути к Розовому павильону», написанный самим Нелединским, и «хор, петый у вторых ворот, к розовому павильону ведущих», написанный П. А. Вяземским. Кантата в сцене «четвертого возраста» написана Державиным, а заключительный «общий хор» — П. А. Корсаковым. После сцен был исполнен «Польский», написанный также Нелединским (воспроизводим в нашем издании петитом кантату Державина и хор Корсакова, в виду того что они вмонтированы в текст «Сцен» в качестве органической их части; всё остальное опускаем). Возможно, что Корсакову же принадлежат и некоторые стихи в сцене первого возраста (см. «Русский архив», стр. 363). Батюшков получил за написание «Сцен» от Марии Федоровны бриллиантовый перстень.

Небольшой отрывок из сцен под названием «Арии, петые в Павловском, музыка Кавоса» был вписан в Блудовскую тетрадь и воспроизведен Н. Лернером в «Русском библиофиле», в качестве первой публикации. В собрание сочинений Батюшкова «Сцены» вводятся нами впервые.

[*Коллективные стихи Батюшкова, Жуковского, Плещеева и Пушкина*] (стр. 274). 4 сентября 1817 г. Батюшков, незадолго перед тем приехавший в Петербург из деревни, Жуковский, А. Пушкин и А. А. Плещеев совершили загородную прогулку в Царское Село, во время которой написали два шутливых экспромпта. Листок с этими экспромптами уцелел в бумагах Жуковского, находящихся в Ленинградской публичной библиотеке (№ 80, л. 12). В корпус стихов Батюшкова вводим их впервые. Л. Н. Майков, приводя их в своей биографии Батюшкова (при I т. собрания его сочинений, стр. 256; ст. *7* второго экспромпта прочитан неверно: вместо «несомненно» нужно «неизменно»), неправильно, как нам кажется, распределяет авторство в отношении первого экспромпта, приписывая два первых его стиха Плещееву, *3—4* стт. — Пушкину, *5—6* стт. — Батюшкову и, наконец *7—8* — Жуковскому. Нам представляется, в результате тщательного сличения этой записи (см.

снимок с нее в нашем издании) с рукописями Батюшкова, что первый экспромт написан не четырьмя, а тремя участниками прогулки: Батюшковым (стт. *1—2*), Пушкиным *(3—4)* и Жуковским *(5—8)*. Второй экспромт написан Плещеевым (стт. *1—2*), Пушкиным *(3—5)*, Батюшковым *(6)* и Жуковским *(7—10)* и посвящен общему приятелю всех четырех авторов, кн. П. А. Вяземскому, который должен был вскоре выехать из Москвы на службу в Варшаву.

DUBIUM

Срубленное дерево (стр. 275—277). Напечатано в «Вестнике Европы» 1807, ч. 36, № 21, ноябрь, стр. 30—33, с подписью *Б*. М. Н. Лонгинов в составленном им рукописном списке сочинений Батюшкова (подлинник в ИРЛИ)включает в их состав и «Срубленное дерево». Возможность принадлежности этой пьесы Батюшкову, видимо, предполагал и П. А. Ефремов, который также работал по Батюшкову (подбирал библиографию, сделал ряд публикаций, в частности писем Батюшкова к Гнедичу в «Русской старине»; П. Н. Батюшков хотел первоначально именно ему поручить редактирование сочинений своего брата, см. неопубликованное письмо П. Н. Батюшкова к М. И. Семевскому в ИРЛИ — бумаги Л. Н. Майкова, 189). В ИРЛИ хранится список этого стихотворения, сделанный Ефремовым. Стихотворение — перевод из испанского поэта Мелендеса-Вальдеса. Батюшков, повидимому, не знал испанского языка, но он мог воспользоваться одним из итальянских или французских переводов. В «Северном вестнике» 1805, ч. VII, стр. 334—335, был опубликован перевод этой же пьесы в прозе. В «Вестнике Европы» Батюшков начал систематически сотрудничать несколько позднее, с 1809 г., но отдельная публикация могла иметь место и ранее. Что касается самого стихотворения, некоторые места его весьма напоминают поэтическую манеру элегий Батюшкова (напр. стт. *80—81* — «с печалию твоей сливает глас унылой, и эхо вдаль несет ее протяжный тон...» и некоторые другие). Все это делает предположение об авторстве Батюшкова в какой-то мере правдоподобным. Наоборот, совершенно исключено авторство Батюшкова в отношении приписываемых ему Лонгиновым в том же списке еще двух пьес: «Отрывка из Сафо» в «Лицее» 1806 г., № 2, произведения абсолютно беспомощного, и «Летней ночи» в «Цветнике» 1809 г., которая на самом деле принадлежит Бенитцкому.

ПРОЗА

Предслава и Добрыня (стр. 281). Опубликовано впервые в «Северных цветах» на 1832 г., стр. 1—46, со следующим примечанием, написанным, по мнению Н. О. Лернера («Заметка о повести Батюшкова». «Пушкин и его современники», вып. XVI, стр. 37—41), А. Пушкиным: «Повесть сия сочинена Батюшковым в деревне 1810 г. и подарена

одному любителю словесности, которому свидетельствуем искреннюю благодарность за сообщение драгоценной сей рукописи и за позволение напечатать оную. Может быть, найдут в этой повести недостаток создания и народности; может быть, скажут, что в ней не видно Древней Руси и двора Владимирова. Как бы то ни было, но поэтическая душа Батюшкова отсвечивается в ней, как и в других его произведениях, и нежные, благородные чувствования выражены прекрасным гармоническим слогом». Беловой автограф с некоторыми незначительными поправками хранится в Рукоп. отд. ИРЛИ (из архива А. В. Никитенка).

Воспроизводим текст этого автографа, с которого, очевидно, и была сделана публикация «Северных цветов» — Майкова, исправляя неточности и ошибки последней. Слово «шлем», употребляемое Батюшковым двояко: то «шлем», то «шелом», все время даем в этой второй форме, более соответствующей искусственно-архаизированному языку «старинной повести»; по тому же самому сохраняем написание «крила». В автографе после абзаца, кончающегося словами: «...таковы и наши любовники» (см. у нас стр. 285), имеется следующее зачеркнутое место: «Между тем слава о Владимире гремела во всех концах земли Русской. Капища упали: лучезарный крест сиял на храмах, в которых мирный фимиам и бескровные жертвы курились пред истинным богом». Равным образом зачеркнута дата «1810 года. Августа — деревня».

Несмотря на стремление Батюшкова «не позволять себе больших отступлений от истории» и даже быть наукообразным (ссылки на летопись, на Кайсарова), картина древнерусской жизни, им рисуемая, носит совершенно фантастический характер; на ней явно сказывается влияние сентиментальной исторической повести, сложившейся в школе Карамзина (в частности, повести М. Н. Муравьева «Оскольд»).

Прогулка по Москве (стр. 297). Опубликована впервые в «Русском архиве» 1869, стр. 1191—1208, в качестве «вновь найденного сочинения К. Н. Батюшкова», по списку, принадлежавшему А. Н. Оленину, который надписал на нем: «Сочинение Кон. Ник. Батюшкого. А. О.». Упоминаемый Батюшковым в «Прогулке» «Карусель» происходил в июне 1811 г. Очевидно, вскоре после этого и была написана Батюшковым его «Прогулка», хотя задумал он ее значительно раньше, как видно из письма его Гнедичу от 16 января 1810 г., в котором он пишет: «Получишь длинное описание о Москве, о ее жителях-поэтах, о Парнасе и пр.». И через некоторое время (1 февраля 1810 г.) снова: «Ни слова о Москве: я тебе готовлю описание на дести». Заглавие, в рукописи отсутствующее, дано издателем «Русского архива», П. Бартеневым. Статья перепечатана Майковым в его издании и, как почти всегда, с рядом ошибок. Не будем перечислять их и только отметим мелочь, весьма характерную для невнимательного и небрежного отношения редактора к тексту: он меняет в одном случае многоточие на восклицательный знак, в то время как Батюшков тут же пишет: «Но мы не станем делать восклицаний»...

Путешествие в замок Сирей (стр. 309). Впервые напечатано Батюшковым в «Вестнике Европы» 1816, часть LXXXVI, № 6, стр. 136—149, с надписью *Н. Н. Н.*, затем введено им в первый том «Опытов», по тексту которых и печатаем его в нашем издании. Написано в форме письма к Д. В. Дашкову (в оглавлении «Опытов» так и названо «Письмо из замка Сирея»). Белинский относил «Путешествие» к числу «лучших» прозаических произведений Батюшкова. Ряд собственных имен, обозначенных в «Опытах» начальными буквами, в нашем тексте даем полностью.

Прогулка в Академию художеств (стр. 320). Впервые — в «Сыне отечества» 1814, ч. 18, № XLIX, декабря 3, стр. 121—132; № L, декабря 10, стр. 161—176, и № LI, декабря 17, стр. 201—215, без подписи. Вошло с незначительными изменениями чисто стилистического характера в первый том «Опытов», текст которых и воспроизводим (имена иностранных художников, по большей части, даем в обычном написании). Написано между июлем (приезд Батюшкова в Петербург) и декабрем (время напечатания) 1814 г. Никаких других «Прогулок по Петербургу», написанных Батюшковым же и на которые он ссылается в начале своей статьи, до нас не дошло. Вряд ли они и существовали.

В письме к Гнедичу от начала сентября 1816 г. Батюшков указывает, что многим в своей статье он обязан будущему президенту Академии А. Н. Оленину: «Канва его, а шелк мой». Когда Батюшков в 1817 г. услышал о назначении Оленина президентом Академии, он поспешил поздравить его в следующих шутливых приветственных стихах: «Наконец у нас президент в Академии художеств, президент,

Который без педантства,
Без пузы барской и без чванства.
Забот неся житейский груз
И должностей разнообразных бремя,
Еще находит время
В снегах отечества лелеять знобких муз,
Лишь для добра живет и дышет,
И к сим прибавьте чудесам
Как Менгс — рисует сам,
Как Винкельман красноречивый — пишет»

(Письмо А. Н. Оленину от 4 июня 1817 г. Соч. под ред. Майкова: т. III, стр. 444—445.)

Очень высокая оценка статьи Батюшкова дается современным нам критиком-искусствоведом А. М. Эфросом: «Батюшков был Колумбом русской художественной критики. «Прогулка» — ее первый высокий образец. Наше искусство впервые нашло в ней живую связь со своей литературой, со своей историей, со всей русской культурой начала XIX в. Батюшков создал здесь новый литературный жанр... Живость воображения, тонкость вкуса, свободная манера письма и уверен-

ность критического суждения кажутся нам пленительными даже спустя столетие». А. М. Эфрос отмечает и большое влияние, которое «Прогулка» оказала на художественные вкусы молодого Пушкина («Рисунки поэта» 1933, стр. 92—95).

Нечто о поэте и поэзии (стр. 340). Впервые — в «Вестнике Европы» 1816, ч. LXXXVII, № 10, стр. 93—104 под названием «О впечатлениях и жизни поэта», с подписью *Б*. Введено Батюшковым в «Опыты», редакцию которых и воспроизводим. Белинский замечал по поводу этой статьи, что в ней «между детскими мыслями протискиваются мысли как будто нашего времени».

Похвальное слово сну (стр. 348). Впервые — в «Вестнике Европы» 1810, ч. 53, № 18, стр. 112—122. В 1816 г. Батюшков снова перепечатал его в том же «Вестнике Европы» (ч. 86, № 6, стр. 81—102), подвергнув значительной переработке и прибавив две вступительных части — «Письмо к редактору «Вестника Европы» и «Предисловие». В этой второй, позднейшей редакции, которую Батюшков ввел в «Опыты», и печатаем его в нашем издании (по тексту «Опытов»).

Речь о влиянии легкой поэзии на язык (стр. 361). Опубликована впервые в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете», ч. VI, 1816, стр. 35—62, с полной подписью автора. Открывает собою 1-й прозаический том «Опытов», текст которого и воспроизводим. Батюшков придавал этой статье большое значение. Предполагая одно время переиздать свои сочинения, он намерен был из всей своей прозы сохранить только ее, предпослав стихам, в качестве своего рода программного введения. «Речь» была зачитана на заседании общества 26 мая 1816 г. (а не в июле, как сказано в заглавии), но не самим Батюшковым, а Ф. Ф. Кокошкиным. В «Опытах» Батюшков сопроводил «Речь» следующими двумя примечаниями:

«А) Похвала или порицание частного человека не есть приговор общественного вкуса. Исчисляя стихотворцев, отличившихся в легком роде поэзии, я старался сообразоваться со вкусом общественным, может быть, я во многом и ошибся; но мнение мое сказал чистосердечно, и читатель скорее обличит меня в невежестве, нежели в пристрастии. Надобно иметь некоторую смелость, чтоб порицать дурное в словесности; но едва ли не потребно еще более храбрости тому, кто вздумает хвалить то, что истинно достойно похвалы.

Б) Добро никогда не теряется, особливо добро, сделанное Музам: они чувствительны и благодарны. Они записали в скрижалях славы имена Шувалова, г. Строганова и г. Н. П. Румянцева, который и поныне удостаивает их своего покровительства. Какое доброе сердце не заметит с чистейшею радостию, что они осыпали цветами гробницу Муравьева? Ученый Рихтер, почтенный сочинитель Истории медицины в России, в прекрасной речи своей, говоренной им в Московской медико-хирургической академии, и г. Мерзляков, известный профессор Москов-

ского университета, в предисловии к Виргилиевым эклогам, упоминали о нем с чувством, с жаром. Некоторые Стихотворцы, из числа их г. Воейков в послании к Эмилию и г. Буринский, слишком рано похищенный смертию с поприща словесности, говорили о нем в стихах своих. Последний, оплакав кончину храброго генерала Глебова, продолжает:

О, Провидение! роптать я не дерзаю...
Но — слабый — не могу не плакать пред тобой:
Там в славе, в счастии злодея созерцаю,
Здесь вянет, как трава, муж кроткий и благой!
Слез горестных поток еще не осушился,
Еще мы... злобный рок навеки нас лишил,
Того, кто счастием Парнаса веселился

. . . .

Где ты, о, Муравьев! прямое украшенье,
Парнаса русского любитель, нежный друг?
Увы! зачем среди стези благотворенья,
Как в добродетелях мужал твой кроткий дух,
Ты рано похищен от наших ожиданий?
Где страсть твоя к добру? Сей душ избранных дар?
Где рано собранно сокровище познаний?
Где, где усердия в груди горевший жар,
Служить отечеству, сияя средь немногих,
Прямых его сынов, творивших честь ему?
Любезность разума и прелесть нравов кротких —
Исчезло все!.. Увы!.. Честь праху твоему!..»

При подготовке нового издания Батюшков предполагал опустить примечания и внес в текст несколько небольших купюр и изменений.

Из записной книжки (стр. 370). В бумагах Жуковского сохранилась записная книжка Батюшкова от лета 1817 г., проведенного им в деревне (в настоящее время находится в Рукоп. отд. Ленинградской Публичной библиотеки). Книжка эта, которую поэт назвал «Чужое: мое сокровище!» и в которую он заносил выписки из прочитанных им книг, планы будущих работ, всякого рода мысли, замечания и т. п., представляет немалый интерес для истории его личности, уяснения его вкусов, интересов. Мы заимствуем из нее несколько записей, по преимуществу дневникового характера, не рассчитанных на читателей и потому особенно значительных в смысле обрисовки внутреннего облика поэта. Текст, впервые опубликованный Майковым в его издании с рядом неточностей и ошибок, выверен нами по подлиннику. Батюшков, поставивший себе целью делать свои записи «так скоро, как говоришь», оставлял в них ряд слов недописанными; дабы не затруднять читателя и не пестрить текста скобками, мы просто даем их полностью. Встречающиеся помарки и исправления немногочисленны и не представляют собой сколько-нибудь существенного значения.

ПИСЬМА

Гнедичу от 2 марта 1807 г. (стр. 383). Впервые опубликовано в «Русской старине» 1870, т. I, стр. 66, по подлиннику, имевшемуся у М. И. Семевского. При письме рисунок пером, изображающий Батюшкова верхом на лошади. Печатаем по «Русской старине». Это первое письмо Батюшкова к Гнедичу, являвшемуся вообще наиболее частым его адресатом. Из всех дошедших до нас писем Батюшкова наибольшее количество обращено именно к Гнедичу (кроме 81 письма, напечатанного в майковском Собрании сочинений Батюшкова, еще 16 писем и записок опубликовано в сборнике «Из собрания автографов Публичной библиотеки» (приложение к отчету библиотеки за 1895 г., Спб. 1898). Данное письмо написано в самом начале военной службы Батюшкова во время похода в Пруссию. Сходный по тону шуточный стихотворный отрывок был набросан Батюшковым в письме от того же приблизительно времени (от 11 мая 1807 г., Собр. соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 12) к Н. А. Оленину (сыну А. Н.). Прося его передать поклон «друзьям» — Озерову, Капнисту, Крылову, Шаховскому, Батюшков добавляет: «напомните, что есть же один поэт,

...которого судьбы премены
Заставили забыть источник Ипокрены,
Не лиру в руки брать, но саблю и ружье,
Не перушки чинить, но чистить лишь копье;
Заставили, приняв солдатский вид суровой,
Иттить, нахмурившись, прескучною дорогой,
Дорогой, где язык похож на крик зверей,
Дорогой грязною, что к горести моей
Не приведет меня во храм бессмертны славы
А, может быть, в корчму, стоящу близ ворот.

«Пьяный Ахиллес» — конечно, из «Илиады», переводом которой Гнедич в это время начал заниматься.

Гнедичу от июня 1807 г. (стр. 384). Опубликовано по подлиннику в «Русской старине» 1870, т. I, стр. 69—70, текст которой и воспроизводим. В конце письма вместо подписи Батюшков набросал зарисовку себя на костылях. С рассказом о ране и приезде в Ригу, в дом местного купца Мюгеля (см. ниже «Основные даты жизни и творчества Батюшкова»), ср. позднейшее стихотворение Батюшкова «Воспоминание», в особенности вторую его часть, опущенную в «Опытах».

Гнедичу от 19 августа 1809 г. (стр. 386). Опубликовано по подлиннику в «Русской старине» 1871, т. III, стр. 215—216, текст которой и воспроизводим.

Гнедич получил пенсию от великой княгини Екатерины Павловны для осуществления предпринятого им перевода «Илиады». Двустишие —

пародия строк Тредиаковского из его «Стихов похвальных Парнасу» (помещены в приложении к «Езде на остров любви»): «Любо играет и Аполлон с музы в лиры и в гусли также и в флейдузы».

Гнедичу от 19 сентября 1809 г. (стр. 387). Впервые напечатано по подлиннику в «Русской старине» 1871, т. III, стр. 220—222, текст которой и воспроизводим. Говоря, что если бы Костров продолжал жить, то «не осмелился бы написать сице для колесницы», Батюшков имеет в виду рифмы Кострова в его переводе пятой песни «Илиады»:

«Эней в ответ: «Престань и не глаголи сице:
Спеши, спеши воссесть со мной на колеснице».

О Беницком см. наш объяснительный словарь. Батюшков пишет о нем, очевидно, в ответ на сообщение ему Гнедича (в недошедшем до нас письме) о смертельной болезни Беницкого. Гнедич, повидимому, отнес к «издателю Лукницкому» эпиграмму «Книги и журналист», посланную ему Батюшковым при письме от 19 августа 1809 г.

Гнедичу от 1 ноября 1809 г. (стр. 390). Опубликовано в «Русской старине» 1871, т. III, стр. 224—229, текст которой и воспроизводим. В предыдущем «последнем» письме от сентября — октября 1809 г. (см. Майковское издание, т. III, стр. 49—51) Батюшков просит Гнедича похлопотать о принятии его на дипломатическую службу в итальянскую миссию — желание, которое осуществилось только десять лет спустя. Однако сравнения им себя с Дмитриевым в тексте письма не содержится. Видимо, сравнение это было высказано в приложенных к письму стихах (за это говорит и то, что Батюшков просит не печатать его), к сожалению, до нас не дошедших. Письмо представляет весьма большой интерес, с одной стороны, по своему резко «западническому» тону, с другой — по богатому материалу, который оно дает для решения вопроса о философском миросозерцании Батюшкова, стоявшего на почве вольтеровского сенсуализма и решительно восстававшего против «метафизики», под которой он понимает не только идеалистические системы, но и материализм «сочинителя Системы Природы», т. е. Гольбаха. «Анна Петровна» — Квашнина-Самарина; «Алексей Николаевич» — Оленин; «Видение» — «Видение на берегах Леты».

Гнедичу от средины февраля 1810 г. (стр. 396). Опубликовано по подлиннику в «Русской старине» 1874, т. X, стр. 387—388, текст которой воспроизводим. Резкий выпад обиженного «фортуной», обедневшего дворянина Батюшкова против «выблядков счастья» — представителей московской денежной и чиновной аристократии — не является чем-то случайным. Сейчас же по своем приезде в Москву в 1810 г. он писал тому же Гнедичу: «Видение пророка Ирмозиасора. И я зрел град и зрел людие и скоты, скоты и людие и шесть скотов великих везли скота единого...» — Да что ты зрел? — «Москву, ибо оттуда пишу, восторжен,

удивлен всем и всяческая. Глазам своим не верил, видел, что одного человека тянут шесть лошадей, и в санях» (письмо от 3 января 1810 г., «Из собрания автографов имп. Публичной библиотеки, Спб. 1898, стр. 11). «Ода Муравьева» — перевод И. М. Муравьева-Апостола одной из од Горация, напечатанный в «Вестнике Европы» 1809 г., часть XLVII, № 20. «Маленькая пьеска», «завоеванная» у Парни, — «Привидение»; «Маленький Муравьев» — сын М. Н. Муравьева, Никита, тогда еще четырнадцатилетний мальчик. «Обещание писать к Гагарину» — Батюшков просил Гнедича похлопотать перед Гагариным о причислении его к дипломатической миссии. «Не столько я благополучен» — цитата из Державина («На смерть князя Мещерского»).

Гнедичу от 7 ноября 1811 г. (стр. 398). Опубликовано в «Русской старине» 1883, т. XXXVIII, стр. 335—337, текст которой воспроизводим. Стихотворение Гнедича, которое Батюшков возвращает ему с поправками, — элегия «Задумчивость» или «Уныние», написанная Гнедичем еще в 1809 г. Гнедич переделал отмеченную Батюшковым строку и ввел, по его совету, несколько стихов из «Меланхолии» Лагарпа. «Расставчиком кавык и строчных препинаний» — приводимая по памяти и потому не совсем верная цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «Послание Попа к Арбутноту». «Янька» (стр. 399), видимо, шуточная контаминация Батюшковым слов «я» и «нянька».

Вяземскому от 19 декабря 1811 г. (стр. 400). Опубликовано впервые в Майковском издании (т. III, стр. 165—169) с рядом неточностей, одна из которых привела Майкова к совершенно ошибочному утверждению. То место, где Батюшков говорит о своих баснях, Майков печатает: «Впрочем ты напрасно на меня нападаешь за басни: Сиротка, Филомела (из Лафонтена)», вследствие чего принимает слово «Сиротка» за название одной из басен. Между тем «Сиротка Филомела» — автоцитата из басни Батюшкова «Филомела и Прогна» (ст. *4*). Печатаем письмо по подлиннику, хранящемуся в Остафьевском архиве (Арх. феод.-крепостн. эпохи ЦАУ).

Шаликов в борьбе со своими литературными врагами прибегал зачастую к нелитературным средствам: обращался с жалобами и доносами на них к лицам власть имеющим. Отсюда и предостережения Батюшкова. Однако в столкновении его с Каченовским противники оказались достойны друг друга: Каченовский пожаловался на угрожавшего ему Шаликова полицейским властям. За Каченовского горячо вступился попечитель Московского университета П. И. Голенищев-Кутузов, прославившийся доносами на Карамзина, которого он обвинял ни более ни менее как в «якобинстве» (очевидно, по связи с Руссо) и в стремлении произвести государственный переворот. Поскольку Шаликов был в своей литературной деятельности одним из наиболее рьяных приверженцев карамзинского сентиментализма, Голенищев-Кутузов не замедлил и его причислить к «якобинцам» и обратился к министру народного про-

свещения гр. А. К. Разумовскому со следующей официальной бумагой, весьма ярко иллюстрирующей около-литературные нравы того времени: «Не бесполезным почитаю донести вашему сиятельству, до чего дошла злоба и неистовство модных слезливых писателей, русских якобинцев. Некто, князь Шаликов, злясь на нашего Каченовского за критику на слезливцев, письменно угрожает Каченовского прибить до полусмерти. Почему бедный Каченовский принужден был просить защиты у полиции, и я должен был вчера иметь соглашение с обер-полицмейстером по сему делу, о коем я предварительно доношу вашему сиятельству для того, что оно, сделавшись здесь громко, конечно, дойдет и до Петербурга. Каченовский совершенно прав; он вам известен, то ничего о нем и не скажу, как то, что поведение его самое почтенное и пристойное, а князь Шаликов, как всей публике здесь известно, есть человек буйный, необузданный, без правил и без нравственности». У Батюшкова были все основания опасаться Шаликова: в «Видении на берегах Леты», получившем самое широкое распространение в списках и, конечно, дошедшем и до самого Шаликова, последний фигурирует в качестве «пастушка», «вздыхателя» и «князя вралей». Вяземскому, в свою очередь, также принадлежит одна из самых остроумных сатир на Шаликова — «Первый выход Вздыхалова».

Жена П. А. Вяземского, Вера Федоровна, отличалась красивой наружностью и пользовалась шумным успехом. Сам Вяземский, наоборот, был весьма неказист. Этим и объясняется шуточное пожелание Батюшкова, чтобы дети Вяземского вышли похожими на мать, а на отца только умом. Строки: «Рой детей, прелестных, резвых и пригожих, во всем на мать свою похожих» введены позднее Батюшковым (только с изменением эпитета «прелестных» на «веселых») в его «Странствователя и домоседа». «Послание» — стихотворение Батюшкова «Мои пенаты», написанное в форме послания к Жуковскому и Вяземскому. «Жуковский добрый мой» — цитата из этого послания. «Давыдов» — поэт Денис Давыдов; «Пушкин» — В. Л. Пушкин.

Приводим стихотворную шутку Батюшкова из другого письма его к Вяземскому (от 5 мая 1812 г.; выверено нами по подлиннику в Арх. феод.-крепостн. эпохи ЦАУ):

Хвор всё, на силу дышу,
Изнурен и бледе́н,
Вирше́й уже не пи́шу:
Мыслями я беде́н.
На силу написал четыре стишка́
Против ударений своего языка.

Гнедичу от 27 марта 1814 г. (стр. 404). Опубликовано по подлиннику в «Русской старине» 1883, т. XXXVIII, стр. 534—538, текст которой воспроизводим. Майков в примечании к этому письму указывает, что место, содержащее упоминание о поездке в Сирей, «может быть рас-

сматриваемо как канва, по которой отделано Батюшковым другое описание той же поездки для печати», т. е. статья «Путешествие в замок Сирей». Однако сам Батюшков датирует написание статьи 26 февраля 1814 г., значит месяцем ранее даты настоящего письма. В этой же статье см. подробнее и об «амуре из антологии». Оленин — Петр Алексеевич, сын А. Н. Оленина, служивший на военной службе, раненный и, по излечении, нагнавший русскую армию уже в пределах Франции. Описание «чудесного зрелища» боя послужило материалом для позднейшего стихотворного послания Батюшкова к Н. М. Муравьеву (1817 г.). «Свет в черепке погас, и близок стал сундук» — цитата из «Опасного соседа» В. Л. Пушкина. Восклицание Батюшкова: «О чудесный народ парижский, — народ, достойный сожаления и смеха!» явно отразилось много лет спустя в строке стихотворения А. Пушкина «Полководец» (1835 г.): «О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!»

Дашкову от 25 апреля 1814 г. (стр. 410). Впервые было опубликовано в сокращенном виде в «Памятнике отечественных муз» на 1827 г., стр. 24—36; оттуда вошло в собрания сочинений Батюшкова 1834 и 1850 гг. В полном виде, со списка, найденного в бумагах А. И. Тургенева, напечатано в «Русском архиве» 1867, стр. 1456—1463, текст которого мы и воспроизводим. Содержащееся в этом письме описание торжественного заседания французской Академии Наук является единственным в русской литературе. «Гроза чтецов» — автоцитата из «Певца в Беседе любителей русского слова». Институт — французская Академия; «второй класс» — ее словесный разряд. «Мирное отеческое правление» — старый королевский режим. Определение Батюшковым Аполлона Бельведерского: «Это не мрамор, бог!» заимствовано Пушкиным в его стихотворении 1828 г. «Чернь»: «Но мрамор сей, ведь бог!..» «Лучшим возвращаюсь» — слегка измененные слова И. И. Дмитриева из его послания «К Г. Р. Державину по случаю кончины первой супруги его». «Иван Иванович» — Дмитриев; «Тургенев» — А. И. Тургенев.

В. Л. Пушкину от первой половины марта 1817 г. (стр. 416). Впервые опубликовано в «Московском телеграфе» 1827, ч. XIII, отд. 2, стр. 91—94; оттуда введено в издания сочинений 1834 и 1850 гг. Печатаем по тексту «Московского телеграфа». Письмо это по легкости и шутливой непринужденности своего тона, по почти незаметным переходам из прозы в стихи и обратно является едва ли не самым характерным и наиболее удавшимся образцом эпистолярного жанра Батюшкова. Весьма любопытно сопоставить его с почти одновременным письмом к Василию Львовичу племянника последнего, А. Пушкина, до поразительного совпадающим с ним в жанровом отношении. Напрашивающееся предположение о влиянии Батюшкова на А. Пушкина в данном случае, однако, исключено: письмо Пушкина датировано первой половиной января 1817 г., т. е. двумя месяцами ранее письма Батюшкова, который, находясь с начала года в своем новгородском имении, в свою очередь,

вряд ли мог его видеть. (Хотя вообще влияние эпистолярного слога Батюшкова на слог писем Пушкина не подлежит сомнению).

Зато явной реминисценцией из одного стихотворного места письма Батюшкова:

Оставь меня, я не поэт,
Я не ученый, не профессор;
Меня в календаре в числе счастливцев нет,
Я... отставной ассессор! —

являются строки Пушкина в «Моей родословной»:

Не офицер я, не ассессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор,
Я просто русский мещанин.

«Кибитка не Парнас» — цитата из известного послания В. Л. Пушкина к арзамассцам. То же с легкими изменениями (местоимение первого лица на второе и т. п.) — и двустишие «Ты злого Гашпара...» и т. д. (первый стих из того же послания, второй — из стихотворения В. Л. «К Делии, подражание Горацию»). «Счастие Жуковского» — назначение ему пенсии. Под тремя звездочками, по предположению Л. Н. Майкова, «вероятно нужно разуметь А. М. Пушкина, который смеялся над стихотворством Василия Львовича, а сам преусердно писал стихи».

Гнедичу от начала июля 1817 г. (стр. 419). Впервые опубликовано по подлиннику в «Русской старине» (1883., т. XXXIX, стр. 241—243), текст которой воспроизводим. Письмо написано Батюшковым в разгар работы по печатанию Гнедичем второго, стихотворного, тома «Опытов». В начале письма речь идет о поправках к элегии «Умирающий Тасс». Тщательное обсуждение их показывает, что Батюшков, на словах давая Гнедичу право «поправлять, марать» и, вообще, делать с его стихами всё, что он ни захочет, на деле относился весьма ревниво ко всяким посягательствам на их текст. Послание к Муравьеву Гнедич, по желанию Батюшкова, вставил, как мы указывали, в уже отпечатанный второй том «Опытов», вырезав взамен некоторые другие стихи. «Черное» — в значении «черновое». «Университетское общество губителей словесности» — «Общество любителей российской словесности». «Иван Матвеевич» — И. М. Муравьев-Апостол. «Глазунов, Матушкин, Бабушкин» и т. д. — московские книгопродавцы. «Где игры первых лет» — автоцитата из «Певца в Беседе любителей русской словесности». Стих Катенина из его баллады «Ольга» приводится Батюшковым по памяти и с ошибкой (на самом деле: «Скорбь терпи, хоть сердцу больно»). «Домосед» — стихотворение Батюшкова «Странствователь и домосед». В письме Батюшкова к Гнедичу от этого же приблизительно времени

(конец декабря 1816 г. — начало января 1817 г.) из деревни, начинающемся словами: «Замерзлыми от стужи перстами пишу тебе несколько слов...» и несколькими строками ниже: «более писать не могу», имеется следующая стихотворная шутка:

От стужи весь дрожу,
Хоть у камина я сижу.
Под шубою лежу
И на огонь гляжу.
Но все как лист дрожу,
Подобен весь ежу.
Теплом я дорожу,
А в холоде брожу;
И чуть стихами ржу—

и приписка «По такой стуже лучше писать не умею» (опубликовано в приложении к «Отчету Публичной библиотеки за 1895 г.», Спб. 1890. «Из собрания автографов Публичной библиотеки, стр. 18—19, выверено нами по подлиннику).

Вяземскому от 23 июля 1817 г. (стр. 422). Впервые опубликовано в Майковском издании. Печатаем по подлиннику (Арх. феод.-крепостн. эпохи ЦАУ), исправляя ряд неточностей Майковского издания. «История» с Вяземским, с обсуждения которой Батюшков начинает свое письмо, — бурная влюбленность в его жену, Веру Федоровну Вяземскую. С. М. Соковнина, страдавшего психическим заболеванием. В припадке последнего, встретившись однажды с В. Ф. Вяземской во время прогулки ее по Никитскому бульвару в Москве, он при всех упал перед ней на колени и стал объясняться в любви. Позднее, когда случай этот потерял для заинтересованных лиц (в частности, для П. А. Вяземского) свою остроту, Батюшков неоднократно подшучивал над ним. Так в одном из неопубликованных писем к Вяземскому (Арх. феод.-крепостн. эпохи ЦАУ), прося передать привет его жене, он пишет: «Целую прах ног ее сиятельства с истинным благоговением, страхом, но без надежды — Батюшков-Соковнин». Как мы видели, подшучивает он над ним и в своем послании к «Астафьическому мудрецу». «Оба клуба» — английские клубы в Москве и Петербурге. «Моя проза» — первый прозаический том собрания сочинений Батюшкова «Опыты в стихах и прозе», только что вышедший в это время из печати. «Вестник» — «Вестник Европы». «Труды любителей» — «Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете». От поэмы «Русалка» сохранился только набросок плана (беловой автограф на 4 листках с незначительными поправками), который имеется в Арх. феод.-крепостн. эпохи ЦАУ, ф. 195, кар. 17 (16), № 396, среди бумаг Остафьевского архива. Трудно сказать, был ли он приложен Батюшковым к настоящему письму или, что вернее (за что говорит совсем другая бумага и почерк), попал к Вя-

земскому позднее; неизвестно и то, как отнесся последний к замыслу своего друга. Скорее всего дальше плана дело и не пошло. Приводим его по подлиннику, исправляя ряд ошибок Майковского издания, в частности, неправильное написание имени днепровской русалки: у Батюшкова во всех случаях (кроме одного) «Лида», а не «Лада». Слова, зачеркнутые Батюшковым, даем в прямых скобках:

РУСАЛКА

Песнь первая

Добрыня и сын его, юный Озар, обреченный дочери Оскольдовой, сопутники Оскольда, спешат настигнуть воинство его, идущее по Днепру в окрестностях Киева, воевать Царьград. Радость молодого Озара, в первый раз препоясанного мечом. Задумчивость Добрыни. Они сбиваются с пути. Буря. Находят пристанище у старца, древнего волхва. Он предсказывает Добрыне славное потомство, если спасет сына своего от очарований Лиды, днепровской русалки. Нетерпение Озара. Они настигают воинство, расположенное на берегах Днепра, при шумных порогах. Пиршество воинское. Песни. Озар, утомленный трудами, засыпает: ему является во сне Лида во всей красоте; встревоженный, просыпается, призывает на помощь [образ] имя невесты своей, но образ Лиды глубоко запечатлевается в его сердце.

Песнь вторая

Задумчивый Озар последует войску. Добрыня расстается с сыном и идет по повелению Оскольда отражать племена Булгаров. Советы его сыну. Юноша клянется повиноваться ему. Между тем Лида, неприятельница волхва, желает заманить в свои сети его правнука. Является в виде лани перед войском. Юноши, товарищи Оскольда, покидают ладьи, садятся на коней и скачут за ланью. Их опережает Озар. Он забывает совет волхва не переступать за цветочные цепи в лесу. Скачет за ланью. Преследует ее напрасно до самых берегов Днепра. Усталый засыпает. Русалки опутывают его цепями.

Песнь третья

Он просыпается в царстве Лиды. Кристальные чертоги ее. Описание жизни русалок. Веселость. Их ночные празднества и жертвы Ладе. Любовь Лиды. Озар счастлив. [Но войско возвращается с победою.]

Песнь четвертая

Но войско возвращается с победою. Озар слышит голоса товарищей, видит их сквозь тонкую влагу. Его отчаяние. Между тем Добрыня прибегает к волхву. Его чародейства. Они шествуют по Днепру ночью. Лунное сияние. Озар вырывается из рук Лиды. Ее отчаяние.

В это же время, будучи в деревне, Батюшков набросал в своей записной книжке «Чужое: мое сокровище!» и план задуманного им и также

не осуществленного «курса словесности русской». В виду большого интереса, который представляет этот план, являющийся первой попыткой написания систематического курса по истории русской литературы, приводим его целиком (по подлиннику в Рукоп. отд. Ленинградской Публичной библиотеки):

«Выслушайте меня, бога ради! Я намекну вам только, каким образом можно составить книгу приятную и полезную. Удивляюсь, что ни один из наших литераторов не принялся за подобный труд. Вот план en grand:

Говорить об одной русской словесности, не начиная с Лединых яиц, не излагая новых теорий, но говорить просто, как можно приятнее и яснее для людей светских, и предполагая, что читатели имеют обширные сведения в иностранной литературе, но своей собственной не знают; показать им ее рождение, ход, сходство и разницу ее от других литератур, все эпохи ее и, наконец, довести до времен наших. Дайте форму, какую вздумаете, но вот изложение материй:

1) О славенском языке. Опять не начинать от Сима, Хама и Афета, а с Библии, которую мы по привычке зовем славенскою. О русском языке.

2) О языке, во времена некоторых князей и царей. Влияние (пагубное) татар.

3) О языке во времена Петра I. Проповедники. Переводы иностранных книг по именному указу.

4) Тредьяковский и его товарищи. Путешественники и ученые.

5) и 6) Кантемир — статья интересная. Академия наук. Ученые иностранцы. Борьба старых нравов с новыми, старого языка с новым. Влияние искусств, наук, роскоши, двора и женщин на язык и литературу.

7) *Ломоносов*.

8) Сумароков.

9) Современные им писатели.

10) *Фон-Визин*. Образование прозы.

11) Болтин, Елагин, историки, переводчики.

12) Обозрение журналов. Влияние их. Участие Екатерины в издании «Собеседника». Придворный театр. Господствование французской словесности и вольтерианизм. Желание воскресить старинный язык русский. Несообразности.

13) Петров. Майков.

14) *Державин*: «Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный».

15) Подражатели его. Взгляд на словесность вообще. Успехи. Недостатки.

16) *Богданович*. Влияние его.

17) *Херасков*. Проза его и стихи.

18) *Карамзин*. Ход его. Влияние на язык вообще.

19) *Дмитриев*. Характер его дарования, красивость и точность. Он то же делает у нас, что Буало или Попе у себя.

20) Подражатели их.

21) Княжнин. Взгляд на театр вообще. Княжнина комедия и трагедия. Может быть климат и конституция не позволяют нам иметь своего национального театра.

22) *Озеров.*

23) Хемницер. Крылов. Жуковской.

24) *Муравьев.* Книги его изданы недавно; он первый говорил о морали. Он выше своего времени и духом, и сведениями.

25) Бобров. Мерзляков. Востоков, Воейков. Переводы Кострова и Гнедича. Пушкин. Вяземской. Сумароков, Панкратий. Нелединский. Взгляд на издание Жуковского и потом Кавелина. Замечание на письма И. М. [Муравьева-Апостола] из Нижнего.

26) *Шишков.* Его мнения. Он прав, он виноват. Его противники: Макаров, Дашков, Никольской.

27) Обозрение словесности с тех пор, как Карамзин оставил «Вестник». Труды Каченовского.

28) Статьи интересные о некоторых писателях, как-то: Радищев, Пнин, Беницкий, Колычев.

Словесность надлежит разделить на эпохи: 1) Ломоносова, 2) Фон-Визина, 3) Державина, 4) Карамзина, 5) до времен наших. Сии эпохи должны быть ясными точками, потом не должно из виду упускать действие иностранных языков на наш язык. Переводы ученых с греческого и латинского. Что заняли мы у Французов и какое действие имели переводы романов Вольтера и пр.

Новикова труды. Влияние новорожденной немецкой словесности и отчасти английской. В чем мы успели? Почему лирический род процветал и должен погаснуть? Что всего свойственнее русским? Богатство и бедность языка. Может ли процветать язык без философии и почему может, но недолго? Влияние церковного языка на гражданский и гражданского на духовное красноречие. Все сии вопросы требуют ясного разрешения и должны быть размещены по приличным местам.

Должно представить картину нравов при Петре, Елисавете и Екатерине: до Ломоносова, при нем, при Державине, при Карамзине. Пустословить на кафедре по следам Баттё и Буттервека легко, но какая польза? Здесь надобно говорить дело, просто, свободно, приятно».

Любопытно отметить, что в графе, посвященной Ломоносову, нарисовано солнце в лучах, что лишний раз свидетельствует о том исключительном значении, которое Батюшков придавал ему в развитии русской литературы.

А. И. Тургеневу от 24 марта 1819 г. (стр. 424). Впервые опубликовано в «Памятнике отечественных муз» на 1827 г.; оттуда введено в собрания сочинений 1834 и 1850 гг. Воспроизводим первопечатный текст. Место из письма, содержащее описание особых географических и климатических условий Неаполя, начиная от слов: «Прелестная земля» и кончая

словами «и самый воздух, в котором таится смерть, благовонен и сладок!», явно отразилось на стихотворении Тютчева «Mal'aria». «Великий князь» — Михаил Павлович; «Пушкин» — А. С. Пушкин; его поэма — «Руслан и Людмила». Карамзин был выбран в 1818 г. в Российскую академию, где и произнес 5 декабря 1818 г. вступительную речь.

Карамзину от 24 мая 1819 г. (стр. 427). Впервые опубликовано М. П. Погодиным, повидимому, имевшим в руках подлинник, в сборнике «Утро» в 1866 г. (стр. 187), откуда его и перепечатываем. Карамзин ответил Батюшкову 20 октября 1819 г., выражая надежду, что плодом его итальянских впечатлений «будет милое дитя с венком лавровым для родителя: поэма какой не бывало на святой Руси» (см. Сочинения Карамзина, изд. Смирдина, Спб. 1848, т. III, стр. 700—702). «Катерина Андреевна» — жена Карамзина.

Гнедичу от 21 июля (3 августа) 1821 г. (стр. 429). Впервые опубликовано в «Русской старине» 1883, т. XXXIX, стр. 246—248, текст которой и воспроизводим. Письмо написано Батюшковым из Германии, из Теплица, куда он приехал из Италии брать ванны, и носит на себе явные признаки душевного заболевания. Поводом к нему послужило опубликование в «Сыне отечества» (1821, ч. 68, стр. 8) следующего стихотворения под названием «Б……в из Рима (элегия)».

Напрасно — ветреный поэт —
Я вас покинул, други,
Забыв утехи юных лет
И милые заслуги!
Напрасно из страны отцов
Летел мечтой крылатой
В отчизну пламенных певцов
Петрарки и Торквато!
Напрасно по лугам брожу
Авзонии прелестной
И в сердце радости бужу,
Смотря на свод небесной!
Ах, неба чуждого красы
Для странника не милы;
Не веселы забав часы
И радости унылы!
Я слышу нежный звук речей
И милые приветы;
Я вижу голубых очей
Знакомые обеты:
Напрасно нега и любовь
Сулят мне упоенья —

Хладеет пламенная кровь
И вянут наслажденья.
Веселья и любви певец,
Я позабыл забавы;
Я снял свой миртовый венец
И дни влачу без славы.
Порой, на Тибр склонивши взор,
Иль встретив Капитолий,
Я слышу дружеский укор,
Стыжусь забвенной доли...
Забьется сердце для войны,
Для прежней славной жизни,
И я из дальней стороны
Лечу в края отчизны!
Когда я возвращуся к вам,
Отечески пенаты,
И, снова жрец ваш, фимиам
Зажгу средь низкой хаты?
Храните меч забвенный мой
С цевницей одинокой!
Я весь дышу еще войной
И жизнию высокой.
А вы, о милые друзья,
Простите ли поэта?
Он видит чуждые поля
И бродит без привета.
Как петь ему в стране чужой?
Узрит поля родные —
И тронет в радости немой
Он струны золотые.

Стихотворение это было написано П. А. Плетневым, но в журнале появилось (вследствие уловки соиздателя «Сына отечества» А. Ф. Воейкова, объявившего незадолго до того, что Батюшков «будет украшать журнал своими стихами») без подписи, вследствие чего многие, в том числе Карамзин, приняли его за стихи самого Батюшкова. Одновременно Батюшков узнал о самовольном опубликовании в том же «Сыне отечества» его Эпитафии на гроб младенцу (см. примечание к этому стихотворению на стр. 544). Оба эти случая больной Батюшков воспринял как «злость и лукавое недоброжелательство» со стороны воображаемых врагов, желавших повредить ему в глазах «начальства» и «обожаемого монарха». Совершенно не помышлявший об этом Плетнев, восторженно относившийся к таланту Батюшкова, пытался поправить свою невольную вину перед поэтом, почти сейчас же опубликовав в том же «Сыне отечества» (1821, ч. 70, № 24, стр. 177) хвалебное стихотворение

«К портрету Батюшкова», воспринятое последним как новая обида, вследствие чего он вскоре обратился к Гнедичу с новым письмом (от 14/26 августа 1821 г., см. Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 569—571), в котором захватившая его бредовая идея о кознях врагов, явно расхваливающих его, а втайне ищущих его погибели, выступает с еще бо́льшей резкостью: «...не нахожу выражений для моего негодования: оно умрет в моем сердце, когда я умру. Но удар нанесен. Вот следствие: я отныне писать ничего не буду и сдержу слово. Может быть, во мне была искра таланта. Может быть, я мог бы со временем написать что-нибудь достойное публики, скажу с позволительною гордостию достойное и меня, ибо мне 33 года, и шесть лет молчания меня сделали не бессмысленнее, но зрелее. Сделалось иначе».

«Буду бесчестным человеком, если когда что-нибудь напечатаю с моим именем», заканчивает он это письмо: «Этого мало: обруганный хвалами, решился не возвращаться в Россию, ибо страшусь людей, которые, невзирая на то, что я проливал мою кровь на поле чести... вредят мне заочно столь недостойным и низким средством».

Гнедич, видимо получивший уже к тому времени сведения о тяжелом душевном состоянии Батюшкова, не дал хода его официальному обращению к издателям «Сына отечества», и оно в печати так и не появилось.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА К. Н. БАТЮШКОВА

1787

18 (29) мая рождение в Вологде, в семье Николая Львовича Батюшкова и его жены Александры Григорьевны, урожд. Бердяевой, сына Константина.

1787—1797

Жизнь в родовом имении отца, сельце Даниловском, Бежецкого уезда Тверской губернии. Смерть в 1795 г. матери Батюшкова, за несколько лет до того лишившейся рассудка. Около 1797 г. Н. Л. Батюшков привозит сына в Петербург и помещает его в пансион учителя французской словесности в Сухопутном шляхетном корпусе Жакино, преподавание в котором по большинству предметов велось на французском языке.

1797—1800

Пребывание в пансионе Жакино.

1801

Переход в пансион учителя морского кадетского корпуса Триполи (здесь Батюшков выучился итальянскому языку. Древние языки в обоих пансионах не проходились). Усиленное чтение французских классиков XVII и XVIII вв. В годы учения Батюшков находится под общим надзором знакомого отца, вологодского помещика П. А. Соколова, проживавшего тогда в Петербурге. Ближайшее участие в воспитании Батюшкова принимает дальний родственник и друг его отца, известный писатель и деятель просвещения Михаил Никитич Муравьев. Первое литературное произведение — перевод на французский язык слова митрополита Платона по случаю коронации Александра I. Перевод был поправлен Триполи и тогда же выпущен П. А. Соколовым, с посвятительным письмом ему автора, отдельной брошюрой.

1802

По окончании учения у Триполи Батюшков поселяется в доме своего двоюродного дяди М. Н. Муравьева, под влиянием которого изучает латинский язык и древне-римскую литературу, в особенности Тибулла и Горация. В конце года зачисляется Муравьевым на службу в только что образованное министерство народного просвещения, сперва в числе «дворян, положенных при департаменте», затем в канцелярии самого Муравьева «письмоводителем по Московскому университету».

1802—1804

Служба в Петербурге. Сближение с товарищами по службе, молодыми писателями, членами «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» И. П. Пниным, Н. А. Радищевым и др. Сближается с семьей А. Н. Оленина. Бывает в литературных гостиных Ниловых, А. П. Квашниной-Самариной. Встречается с Державиным, В. В. Капнистом, Н. А. Львовым, И. М. Муравьевым-Апостолом. Первое дошедшее до нас стихотворение Батюшкова «Мечта» (1802—1803). Сближение с поступающим в 1803 г. на службу в министерство поэтом Н. И. Гнедичем.

1805

В январской книжке журнала «Новости русской литературы» напечатано стихотворение Батюшкова «Послание к стихам моим» — первое стихотворение, появившееся в печати. В том же году стихи Батюшкова печатаются в «Северном вестнике», издаваемом директором канцелярии министра народного просвещения И. И. Мартыновым, и «Журнале российской словесности», изд. Н. Брусиловым. 1804—1805 гг. датируется около 11 стихотворений Батюшкова. Вступает (22 апреля) действительным членом в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств».

1806

Стихотворение Батюшкова напечатано в журнале «Лицей» Мартынова.

1807

Батюшков записывается в ополчение (милицию), образованное во время второй войны России против Наполеона. Делает поход в Пруссию. Ранен в ногу в сражении под Гейльсбергом. Во время похода завязывает тесные дружеские отношения с И. А. Петиным. Лечится от раны в Риге. Увлекается дочерью богатого местного негоцианта Мюгеля, в доме которого живет. В Риге же сближается с гр. М. Ю. Виельгорским (Велеурским). Из Риги приезжает в деревню к отцу, затем в Петербург. Узнает о смерти М. Н. Муравьева и о второй женитьбе отца. Переселяется с сестрами в имение, доставшееся от матери — село Хантоново (Череповецкого уезда Новгородской губернии). Переводится в гвардию. В конце

года переносит тяжелое заболевание. В Сборнике «Талия», созданном А. П. Беницким, напечатано «Послание к Гнедичу». Написана басня «Пастух и соловей», посвященная Озерову. 1807 г. датируются три стихотворения Батюшкова.

1808

Участие в войне с Швецией. Поход в Финляндию. Стычки со шведами. Заболевание лихорадкой. В бою при Иденсальми, в котором особенно отличился Петин, Батюшков находится в резерве. Во время похода им написано несколько стихотворений (в числе их послание «К Тассу») и начат перевод на русский язык поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим». Всего за год написано около 5 стихотворений. Стихи напечатаны в журнале «Драматический вестник» кн. Шаховского.

1809

Поход по льду на Аландские острова и занятие последних. Пребывание в местечке Нодендаль, близ Або. В начале лета получает отпуск и, после заезда на короткое время в Петербург, остаток года проводит в Хантонове. В декабре выезжает в Москву. Считая себя обойденным в производстве, решает выйти в отставку. Намерен проситься на службу в дипломатическую миссию или просто уехать путешествовать по Европе. В Финляндии пишет первые произведения в прозе «Картина Финляндии. Отрывок из писем русского офицера» и «Похвальное слово сну». В деревне — ряд стихотворений, в том числе перевод элегии из Тибулла (на самом деле псевдо-Тибулла), «Видение на берегах Леты» и несколько эпиграмм. Всего за год написано около 15 стихотворений. Стихи напечатаны в журналах «Цветник» Измайлова и Беницкого и «Вестник Европы» Жуковского и Каченовского.

1810

Первая половина года — в Москве, в доме вдовы М. Н. Муравьева. Встречи с Петиным. Знакомится с Карамзиным и входит в его кружок. Сближается с Жуковским, кн. Вяземским, В. Л. Пушкиным. Знакомится с А. Ф. Мерзляковым и другими московскими литераторами. Летом гостит с Карамзиным в подмосковном имении кн. Вяземского, селе Остафьеве. Узнает об озлоблении против него шишковистов в связи с распространением в списках «Видения на берегах Леты». Отставка в чине подпоручика. Отъезд в свою новгородскую деревню, село Хантоново. Болезнь. В деревне зачитывается «Опытами» Монтеня. Переводит из Петрарки и итальянского поэта Касти. Всего за год написано около 23 стихотворений (в том числе несколько переводов и подражаний Парни, перевод элегии Тибулла, ряд эпиграмм и т. п.) и «старинная повесть» в прозе «Предслава и Добрыня». Стихи и проза напечатаны в журналах «Цветник» и «Вестник Европы» (в последнем большое количество стихов и в прозе: «Картина Финляндии», «Похвальное слово сну» и др.).

1811

Первая половина года — в Москве. «Самое счастливое время» в жизни Батюшкова. Эпикурейское времяпрепровождение. Жизнь у Вяземского. Встречи с Жуковским. Сближение с А. М. Пушкиным. Дружба с его женой. Кандидатура Батюшкова в московское «Общество любителей российской словесности» отклонена членами Общества. Слушает отрывки из «Истории» Карамзина в чтении самого автора. Зачитывается «сумасшедшим» Шатобрианом. Вторая половина года в Хàнтонове. За год около 6 стихотворений (в том числе «Мадагаскарская песня» из Парни и послание к Жуковскому и Вяземскому «Мои пенаты»). Стихи напечатаны в «Вестнике Европы» и в «Собрании русских стихотворений», изд. Жуковским.

1812

В начале года выезжает в Петербург. В апреле поступает на службу в Публичную библиотеку (при директоре А. Н. Оленине и сослуживцах Гнедиче и Крылове), в качестве помощника хранителя манускриптов. Знакомство с И. И. Дмитриевым. Встречи с А. И. Тургеневым, Д. Н. Блудовым, Д. В. Дашковым, Д. П. Севериным. Инцидент в «Вольном обществе» между Дашковым и гр. Хвостовым. Исключение Дашкова. Выход из Общества Батюшкова. Война 1812 года. Заболевание лихорадкой мешает Батюшкову поступить в армию. За несколько дней до Бородинского сражения он берет отпуск и приезжает, по вызову Е. Ф. Муравьевой, в Москву. Сопровождает ее с детьми в Нижний-Новгород. Большое стечение московских беженцев в Нижнем. Их легкомысленное времяпрепровождение и отрицательное отношение к этому Батюшкова. Общение Батюшкова с В. Л. и А. М. Пушкиными и женой последнего. Сближение с И. М. Муравьевым-Апостолом. Негодование против «варваров»-французов. Разочарование в идеях «века просвещения». Поездки из Нижнего через разоренную Москву в Вологду для свидания с родными. За год написано около 12 стихотворений. Одно стихотворение напечатано в органе «Вольного общества» — журнале «С.-Петербургский вестник». В 1811—1812 гг. написана статья «Прогулка по Москве».

1813

Приезд в Петербург. Увлечение молодой девушкой, проживавшей в семье Олениных, А. Ф. Фурман. В сотрудничестве с А. Е. Измайловым пишет стихотворную пародию-памфлет на шишковистов: «Певец в беседе любителей русского слова». Зачисление в марте на военную службу в качестве адъютанта генерала Бахметева. Выезд в главную квартиру действующей армии, в Дрезден. Служба адъютантом при генерале Раевском. Участие в боях, в том числе в генеральном сра-

жении под Лейпцигом, в котором убит друг Батюшкова Петин и ранен Раевский. Пребывание с раненым Раевским в Веймаре. Изучение немецкого языка. «Новая страсть» к немецкой литературе, в частности, к Шиллеру.

1814

Переход через Рейн и вступление во Францию. Посещение в Лотарингии замка приятельницы Вольтера, маркизы дю-Шатле, и описание его в письме к Дашкову, опубликованном впоследствии под названием «Путешествие в замок Сирей». Бои во Франции. Занятие Парижа и пребывание там. Парижские развлечения. Посещение театров, Академии наук, Луврского музея. Восторг перед статуей Аполлона Бельведерского. Встречи с Н. И. Тургеневым. Стихотворное обращение к Александру I с призывом освободить крестьян. Отпуск. Поездка в Англию. Посещение Лондона и его окрестностей. Отплытие морем в Швецию. Во время морского плавания пишет элегию «Тень друга», посвященную памяти Петина. Встреча в Стокгольме с Блудовым и возвращение с ним через Финляндию в Петербург. По просьбе Нелединского-Мелецкого пишет стихи для праздника в Павловске в честь возвращения в Петербург из заграничного похода Александра I. Получает в награду от императрицы бриллиантовый перстень. За год написано около 9 стихотворений и в прозе: «Письмо к И. М. Муравьеву-Апостолу о сочинениях М. Н. Муравьева» и «Прогулка в Академию художеств». Большое количество стихов напечатано в сборнике «Пантеон русской поэзии». Несколько прозаических статей, в том числе «Прогулка в Академию художеств», — в «Сыне отечества» Н. И. Греча. Знакомство с лицеистом Александром Пушкиным.

1815

Разрыв с А. Ф. Фурман. Сильное нервное расстройство. Выезд в Хантоново. Свидание с отцом. Полное расстройство материальных дел последнего. Тщетные хлопоты о переводе в гвардию. Выезд к своему военному начальству в Каменец-Подольск. Пребывание в Каменце. Тяжелое душевное состояние. Заочно выбирается в члены новоорганизованного кружка карамзинистов «Арзамас» под именем Ахилла. В конце года подает в отставку. Подъем творческой деятельности. Ряд любовных элегий, навеянных неразделенной любовью к Фурман («Таврида», «Разлука», «Воспоминания», «Мой гений» и др.). За год написано около 12 стихотворений (в том числе «Послание к И. М. Муравьеву-Апостолу», сказка «Странствователь и домосед», «К другу» и др.) и 8 прозаических статей («Нечто о поэте и поэзии», «Нечто о морали, основанной на философии и религии» и др.). Свои сочинения в прозе предполагает передать для напечатания в трудах «Арзамаса». Стихи напечатаны в сборнике «Пантеон русской поэзии», журналах «Амфион», «Российский музеум» В. Измайлова и в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах». Проза — в «Российском музеуме».

1816

Приезд в Москву. Известие о переводе в гвардию и решение выйти в отставку. Встречи с Карамзиным, И. И. Дмитриевым, В. Л. Пушкиным, Вяземским. Избрание в члены «Московского общества любителей словесности». «Речь о влиянии легкой поэзии на язык», прочитанная в заседании Общества и напечатанная в том же году в его «Трудах». Продажа Гнедичу права на издание своих стихов и прозы за 2000 рублей. Усиленная подготовка первого прозаического тома. Выезд в конце года в Хàнтоново. За год написано около 7 стихотворений (в том числе «Песнь Гаральда Смелого», «Гезиод и Омир соперники», «Вакханка») и статья «Вечер у Кантемира». Стихи и проза напечатаны в «Вестнике Европы», «Сыне отечества» (в первом, между прочим, перепечатана статья «Похвальное слово сну» в более распространенной редакции, во втором — статья «Нечто о морали»), «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах».

1817

Пребывание в Хàнтонове. Усиленная литературная деятельность. Прозаические переводы из Бокаччио, Тассо и Ариоста. Элегия «Умирающий Тасс» (с февраля по апрель). Задумывает сказку «Бальядера», поэмы «Рюрик» и «Русалка», курс по истории русской литературы. Подготовка к печати второго, стихотворного, тома. Оживленная переписка по этому вопросу с Гнедичем. Избрание в члены казанского «Общества любителей словесности». По предложению председателя «Вольного общества любителей словесности», А. Е. Измайлова, избирается, как «один из лучших — можно сказать — классических наших поэтов», почетным членом Общества. В заседании 4 апреля читается его перевод из Монброна (примечание об Одине в поэме «Скандинавы»). Выезд летом в Москву и возвращение в Хàнтоново. В августе — в Петербурге. Встреча с Александром Пушкиным. Загородная прогулка с Пушкиным и Жуковским в Царское Село. Шуточные коллективные стихи. Участие в заседаниях «Арзамаса». Проекты издания арзамасского журнала. В октябре министру иностранных дел гр. Каподистрия подана докладная записка о Батюшкове на предмет принятия его на дипломатическую службу. В октябре выход в свет «Опытов в стихах и прозе». Хвалебная статья об «Опытах» Уварова в петербургской французской газете «Le Conservateur Impartial». Хвалебные отзывы в «Сыне отечества» и в «Русском вестнике». Неудачные попытки продать свою долю имения. Снова причисляется к Публичной библиотеке в звании почетного библиотекаря. Смерть отца. Батюшков выезжает в его имение спасать его от продажи с публичного торга. За год написано около 8 стихотворений («Умирающий Тасс» и др.). Стихи и проза напечатаны в «Сыне отечества», «Вестнике Европы», «Собрании образцовых сочинений» и «Русском вестнике» С. Глинки.

1818

Приезд в начале года в Петербург. Бесплодные хлопоты о поступлении на дипломатическую службу. В мае выезжает лечиться на юг (на морские купанья). По дороге, в Москве, подает, по совету Жуковского, составленное этим последним прошение на имя царя с просьбой о назначении в одну из миссий в Италии. Пребывание в Одессе, где чуть не утонул во время купанья в море. Знакомство с Зинаидой Волконской. Посещение итальянской оперы, развалин Ольвии. Новый интерес к античности. Письмо от А. И. Тургенева с извещением о назначении на службу в Неаполь. Возвращение в Москву. Грустное настроение. Проезд в Петербург. Прощание с арзамасцами. Отъезд в ноябре (19-го) в Неаполь. В течение года написано около 5 оригинальных стихотворений. В 1817—1818 гг. — ряд переводов из греческой антологии.

1819

Приезд через Варшаву, Вену и Венецию в Рим. Карнавал. Обилие впечатлений. Встречи с Кановой, с русскими художниками — Кипренским, Сильвестром Щедриным и др., с вел. кн. Михаилом Павловичем и его свитой. Приступ лихорадки. Прибытие в конце февраля в Неаполь. Посещение Помпеи, восхождение на Везувий. Поездка в Байю. Поселяет у себя приехавшего в Неаполь Сильвестра Щедрина (живет с ним в одних меблированных комнатах до сентября 1820 г.). Пребывание на острове Иския в Неаполитанском заливе. Жалобы в письмах к друзьям на скуку, одиночество и плохое физическое состояние. В письме к Жуковскому жалуется, что «вовсе не может писать стихов». Занятия итальянским языком. Составление записок о древностях Неаполя (до нас не дошли). Увлечение Байроном. Неоконченный перевод двух строф из «Чайльд-Гарольда». Стихотворение: «Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...»

1820

Резкое ухудшение физического состояния. Неприятности по службе. Почти полное прекращение переписки с друзьями в России. Тщетные просьбы об отпуске на воды в Германию. Неаполитанская революция и тяжелое впечатление ее на Батюшкова. Слухи среди его друзей в России, что он написал стихи «против неаполитанцев» (до нас не дошли). Разрешение в конце года выехать в Рим. Просьба о прикомандировании к русской миссии в Риме. За весь год до нас дошло всего одно его короткое стихотворение «Надпись для гробницы дочери М.», напечатанное с искажениями в «Сыне отечества». Резкий протест против публикации «Сына отечества» Д. Н. Блудова и отповедь ему А. Ф. Воейкова. Выход брошюры «О греческой антологии» (текст Уварова, переводы на русский язык Батюшкова).

1821

По ходатайству русского посла в Риме Батюшков получает бессрочный отпуск для излечения. Выезд на воды в Теплиц. Несколько небольших стихотворений под общим названием «Подражания древним». Переводы из Данта (до нас не дошли). Одновременно Батюшков задумывает выпустить новое издание своих стихотворений и набрасывает план его на своем экземпляре «Опытов». В «Сыне отечества» появляется элегия Плетнева «Б...... в из Рима», написанная от лица Батюшкова и многими принятая за его собственные стихи. Узнав об этом от Д. Н. Блудова, с которым Батюшков встречается в Теплице, поэт воспринимает неловкий поступок Плетнева как «лукавое недоброжелательство» и обращается через Гнедича к «гг. издателям «Сына отечества» и других русских журналов» с заявлением, что отныне никогда ничего не будет писать и печатать. В сентябре переезжает в Дрезден и оттуда обращается с письмом к русскому посланнику в Риме с просьбой о совершенном увольнении от службы. В конце года обращается с той же просьбой непосредственно к министру иностранных дел. Около этого же времени пишет «Изречение Мельхиседека» и вписывает в ноябре стихотворное обращение в альбом Жуковского, с которым встречается в Дрездене Сообщает Жуковскому о ряде новых литературных замыслов и рассказывает о своем тяжелом душевном состоянии: «Надобно, чтобы что-нибудь со мною случилось». Уничтожает все написанное им в Италии. Мрачное уныние. Мистицизм. Занятия астрономией.

1822

Получает продление отпуска. Весной возвращается в Петербург. Дает подписку о непринадлежности к масонским ложам и тайным обществам. Получает разрешение отправиться на юг и выезжает на Кавказские минеральные воды. Увлечение некоей Леоненковой. В августе переезжает в Крым и проводит зиму в Симферополе. Все усиливающиеся признаки душевного заболевания. Слухи в Москве, что «Батюшков совсем помешался». Шаликов печатает в «Прибавлениях к Русскому инвалиду» послание к нему Батюшкова.

1823

Мания преследования. Сжигает свою библиотеку. Трижды покушается на самоубийство (пытается перерезать горло бритвой, застрелиться, отказывается от пищи). Пишет предсмертное письмо таврическому губернатору, в котором высказывает свое последнее желание дать малолетнему брату воспитание «вне России». А. И. Тургенев отговаривает Вяземского от поездки в Симферополь за больным Батюшковым («Батюшков отчасти с ума сошел в Неаполе страхом либерализма, а о тебе думает он, яко сумасшедший, верно не лучше»). Вяземский пишет Тургеневу: «Известие твое о Батюшкове меня сокрушает... Мы все рождены

под каким-то бедственным созвездием. Не только общественное благо, но и частное не дается нам. Чорт знает как живем, к чему живем! На плахе какой-то роковой необходимости приносим на жертву друзей своих, себя, бытие наше. Бедный Батюшков, один в Симферополе, в трактире, брошенный на съедение мрачным мечтам расстроенного воображения — есть событие, достойное русского быта и нашего времени» (письмо от 9 апреля). В Симферополь приезжает шурин Батюшкова с тем, чтобы увезти его в Петербург. Категорический отказ следовать за ним. В апреле Батюшкова отправляют в сопровождении врача в Петербург, в дом Е. Ф. Муравьевой. Он завещает Жуковскому заботы о своем брате и издание своих сочинений. Нессельроде с целью отвлечь Батюшкова поручает ему специально для него придуманную литературно-дипломатическую работу, которую он выполняет «прекрасно». Лето проводит вместе с сестрой под Петербургом, на даче на Карповке. Возвращение в Петербург. Ухудшение состояния: не хочет лечиться, всех прогоняет от себя.

1824—1827

В апреле подает прошение царю, в котором просит разрешения «немедленно удалиться в монастырь на Белоозеро или в Соловецкий» и постричься в монахи.

В первой половине 1824 г. Батюшкова увозят по совету врачей в психиатрическую больницу доктора Пиница в Зонненштейне (в Саксонии), где он остается в течение четырех лет. За это время Батюшкова навещают проездом братья Тургеневы (А. И. и С. И.), Жуковский и проживающая все это время в Саксонии Е. Г. Пушкина. Неподалеку от Зонненштейна поселяется его старшая сестра Александра Николаевна.

1828

В виду безуспешности лечения, Батюшкова в первой половине года снова перевозят в Россию под надзором врача Дитриха, прибывшего с ним из Германии. Доктор Дитрих оставил записку «О душевной болезни надворного советника и кавалера русского императорского двора господина Константина Батюшкова» и дневник, в который он изо дня в день записывал состояние больного в течение всего времени, пока он при нем находился (вернулся в Германию весной 1830 г.). Батюшков с радостью покинул Зонненштейн. Во время пути чаще всего находился в восторженном состоянии, громко читал русские, французские и итальянские стихи. Выходил из экипажа и, идя подле него, набирал полные руки цветов. Иногда «переживал минуты, носящие характер осмысленности, а подчас даже остроумия, явление не встречаемое при подобных душевных расстройствах... так например, Шатобриана, которого он считал святым и всегда вспоминал вместе с лордом Байроном с большим уважением, называл Chateau brillant ⟨сверкающий замок⟩, причем пристально всматривался в синеву неба, как бы видя там блестящий замок. Про свою жизнь говаривал: «C'est la fable de la fable d'une fable» (это сказка

в сказке об одной сказке). После переезда русской границы не выказывал ни к кому ни участия, ни любви, из его рта выходили только проклятия, угрозы и слова ненависти... с бешенством требовал безостановочного путешествия... несколько раз спрашивал «который час» и сам себе отвечал: «вечность».

По приезде в Россию близкие поселяют Батюшкова в Москве в специально для него нанятом домике в Грузинах, в котором устраивают эолову арфу.

1829—1832

Тяжелое состояние: ненависть к окружающим. Бред Батюшкова принимает форму то мании величия (называет себя «богом Константином»), то мании преследования. Требует эшафота для Александра I. Твердит «хочу смерти и покоя». Безуспешные попытки друзей лечить его музыкой и «любовью».

В 1829 г. заболевает психически его сестра, Александра Николаевна.

3 апреля 1830 г. в доме Батюшкова служат всенощную; присутствующий на ней А. С. Пушкин пытается заговорить с ним; Батюшков не узнает его.

1833

Числящегося все время в отпуску Батюшкова увольняют со службы, назначив ему, по ходатайству Жуковского, пенсию. Его перевозят в Вологду, в семью племянника, Г. А. Гревенса, где он остается все в том же состоянии неизлечимо-больного до самой смерти.

1834

В издании Глазунова выходит новое Собрание сочинений Батюшкова в стихах и прозе.

1835

А. В. Никитенко, проезжая через Вологду, посещает больного Батюшкова, который производит на него «ужасное впечатление».

1841

Проездом через Вологду Батюшкова посещает М. П. Погодин, описавший встречу с ним в своем дневнике.

1847

Батюшкова посещают С. П. Шевырев и Н. В. Берг. Последнему удается тайком нарисовать его портрет.

1850

А. Ф. Смирдиным выпускается 3-е издание Сочинений Батюшкова.

1855

7 (19) июля — смерть Батюшкова от тифа.

СЛОВАРЬ СОБСТВЕННЫХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН

Сокращения: греч. — древне-греческий; егип. — египетский; рим. — древне-римский; сканд. — скандинавский; слав. — славянский; миф. — мифология; н. э. — наша эра; упом. — упоминается.

Абдера — город во Фракии, слыл в древности «городом глупцов».

Август Кай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н. э. — 14 н. э.) — первый римский император. Получил от сената наименование «Август» (Augustus — священный). В «век Августа» жили крупнейшие римские поэты.

Авзония — Италия; *авзонский* — итальянский (названия, употреблявшиеся в древне-римской поэзии).

Аврора (рим. миф.) — богиня утренней зари; въезжает по утрам на небо на белых и рыжих конях.

Агатон (V в. до н. э.) — греческий трагик, друг Платона и Эврипида. Славился красотой и утонченностью обращения. В очерке Карамзина «Афинская жизнь», который Батюшков имеет в виду в «Моих пенатах», на самом деле описывается ужин не Агатона, а афинянина Гиппия (имя Агатона только упоминается пирующими). Пифагорейский философ Агатон, выведенный Батюшковым в «Странствователе и домоседе», не имеет ничего общего с Агатоном-трагиком.

Аглая — 1) (греч. и рим. миф.) одна из трех харит *(см.)*, или граций *(см.)*, харита «праздничного блеска»; 2) название журнала кн. Шаликова *(см.)*, издававшегося в 1808—1812 гг.

Агнеса — условное имя во французской литературе XVII и XVIII вв. для обозначения молодой и невинной девушки.

Адемар — южно-французский епископ, папский представитель при войске крестоносцев во время 1-го крестового похода.

Адмет (греч. миф.) — фессалийский царь. Аполлон, изгнанный одно время Зевсом с Олимпа, пас его стада.

Адрианополь — древний византийский город, военно-стратегический пункт, господствовавший над путями из Европы в Малую Азию.

Адский пес — *см.* Цербер.

Аид (греч. миф.) — подземное жилище мертвых.

Актеон (греч. миф.) — охотник, превращенный богиней Дианой *(см.)*, которую он увидел нагой во время купанья, в оленя и растерзанный своими же собственными собаками.

Александр Македонский (IV в. до н. э.), «Великий» — один из крупнейших завоевателей древности, создатель мировой эллинизированной монархии.

Алексей Михайлович (1629—1676) — второй русский царь из дома Романовых.

Алкастий — предводитель гельветов (швейцарцев) в 1-м крестовом походе (в поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим»).

Алкей (VII в. до н. э.) — греческий поэт, создатель так называемого «Алкеева стиха». Из многочисленных произведений Алкея (дошли до нас в незначительных отрывках) Батюшков, очевидно, имеет в виду его гимны богам, отличавшиеся высокой торжественностью.

Алкивиад (V в. до н. э.) — афинский полководец и политический деятель, ученик Сократа. Отличался красотой, легкомыслием, стремлением к блеску, имел огромный успех у женщин.

Алкид (греч. миф.) — одно из имен Геракла, или Геркулеса *(см.)*. В так называемых «сатировских драмах» образу Алкида-Геракла придается сатирическая окраска: на ряду с физической силой он отличается женолюбием, глупостью и обжорством.

Алкион — птица зимородок (*см.* Гальциона).

Аль — река в Восточной Пруссии.

Альбан — Франческо Альбани (1578—1660), итальянский художник болонской школы. Излюбленным сюжетом его картин являлись всякого рода идиллические сцены античных мифов.

Альбион — древнее название Англии.

Альдобрандини — известный флорентийский род, к которому принадлежали папа Климент VIII (1536—1605) и его племянник, кардинал Цинтио, покровительствовавший Торквато Тассо (*см.* Тасс).

«Альзира» — трагедия Вольтера *(см.)*.

Альфонс — герцог Феррарский, Альфонс II (XVI в.), блестящий прожигатель жизни и вместе с тем ревностный католик-реакционер. Отличался жестокостью и тщеславием; стремился придать своему двору предельный блеск и пышность.

Альфиери Витторио, граф (1749—1803) — итальянский драматург, один из представителей так называемого революционного классицизма, соединяющий в своих трагедиях элементы аристократизма с борьбой за буржуазные идеалы политических свобод и национального возрождения Италии. Батюшков говорит, что Альфиери — «римлянин душой».

Амазонки (греч. миф.) — племя женщин-воительниц, обитавшее на Черноморском побережьи.

Амальтея (греч. миф.) — коза, молоком которой был вскормлен Зевс. Один из сломанных ею рогов был подарен Зевсом воспитавшим его нимфам, причем Зевс обещал, что из этого рога прольется всё, чего они ни пожелают. Отсюда рог Амальтеи — рог изобилия.

Амврозия (греч. миф.) — пища богов, дарующая вечную юность и бессмертие.

«*Аминта*» — пастушеская драма Торквато Тассо (*см.* Тасс).

Амур (рим. миф.) — Амор, божок любви, соответствует греч. Эроту (*см.*).

Амфитрион — любезный, гостеприимный хозяин (от имени героя комедий Плавта и Мольера).

Анакреон (VI в. до н. э.) — греческий лирик, уроженец малоазийского города Теоса (отсюда его прозвище «теосский» и «тиисский»). Основные мотивы его поэзии — «любовь и вино». Его творчество сохранилось только в отрывках; дошедший до нас сборник так называемых «анакреонтических стихотворений» сложился в более позднее время — «александрийскую эпоху». Анакреонтические мотивы получили большое развитие во французской дворянской поэзии XVIII в., в эпоху рококо: у нас в анакреонтическом роде писали до Батюшкова Ломоносов, Державин и мн. др.

Анастасевич Василий Григорьевич (1775—1845) — плодовитый писатель-переводчик, примыкавший к шишковистам. Вводил в свои сочинения много полонизмов, в частности, слуг всегда называл «холуями». В «Певце» Батюшкова и Измайлова это слово обращено на него самого.

Анахарсис — «Путешествие молодого Анахарсиса в Грецию» (1788) — сочинение французского археолога Бартелеми (1716—1795), дающее в форме легкого и увлекательного повествования яркое описание семейной и общественной жизни древних греков.

Английский клуб — клубы в Москве и Петербурге, членами которых являлись представители высшей знати, консервативной, но подчас фрондирующей по отношению к правительству. Батюшков относился к обоим клубам иронически.

Антигона — героиня трагедий греческого трагика Софокла (V в. до н. э.) и трагедии Озерова (*см.*) «Эдип в Афинах». Добродетельная дочь легендарного фиванского царя Эдипа от кровосмесительного брака его со своей матерью Иокастой. Когда Эдип, узнав, что Иокаста — его мать, в отчаянии ослепил себя и ушел в добровольное изгнание, Антигона самоотверженно последовала за отцом и находилась при нем до самой его смерти.

Антипатр Сидонский — греческий антологический поэт. Время его жизни в точности неизвестно.

Анубис (е г и п. м и ф.) — бог-покровитель умерших. Изображался в виде человека с головой шакала, отчего получил у греков и римлян прозвище «собакоголового».

Аониды (г р е ч. м и ф.) — одно из названий муз *(см.)*, от *Аонии*, области древней Греции, в которой находилась гора муз — Геликон *(см.)*.

Апис (е г и п. м и ф.) — священный бык, одно из воплощений бога Озириса *(см.)*.

Аполлон (г р е ч. м и ф.) — сын Зевса и дочери одного из титанов *(см.)*, Леты (Латоны). Одно из главнейших греческих божеств, бог солнца, света, культуры, в частности искусства и поэзии, «предводитель муз», изобретатель лиры, идеал мужской красоты. *Аполлон Бельведерский* — одна из наиболее знаменитых античных статуй Аполлона (находится в настоящее время в Риме, в Ватикане).

Аполлонов конь (г р е ч. м и ф.) — Пегас, крылатый конь Аполлона и муз. В более позднее время стал считаться конем поэтов, на котором они носятся во время вдохновения.

Апостолов наместник — римский папа, считающий себя преемником старейшего из легендарных учеников Христа, апостола Петра, основавшего римскую церковь.

Арахна (г р е ч. м и ф.) — девушка-гречанка, вызвавшая богиню Афину *(см.)* на состязание в ткацком искусстве и в наказание превращенная последней в паука.

Арголида — область в Пелопоннесе, в древней Греции.

Аргус (г р е ч. и р и м. м и ф.) — великан с глазами по всему телу, приставленный женой Зевса, Герой, стеречь одну из ее соперниц. Отсюда вообще бдительный, всевидящий страж.

Арей (г р е ч. м и ф.) — бог войны.

Аретуза (г р е ч. м и ф.) — название многих источников в древней Греции, по имени нимфы, пленившей во время купанья речного бога и превращенной в бьющий из земли ключ.

Арзамас — дружеский литературный кружок писателей-карамзинистов, созданный ими в 1815 г. в противовес шишковской «Беседе любителей русского слова». Отражая либеральную идеологию среднего дворянства, затронутого буржуазными европейскими воздействиями и оппозиционно настроенного по отношению к реакционной идеологии «правительствующих» крупнопоместных феодально-дворянских слоев, «Арзамас» был сконструирован по всем линиям в качестве своего рода «анти-Беседы». «Беседа» была организована на манер высшего государственного учреждения — Государственного совета. Заседания ее в колонном зале державинского дворца отличались исключительной торжественностью, строгой официальностью. Арзамасцы собирались на своих дружеских вечерах по частным квартирам. Самые их собрания носили характер непринужденно-веселого приятельского ужина-попойки вокруг традиционного «арзамасского гуся». Членами «Беседы» были вельможи, сановники, высшее духо-

венство. Арзамасцы демонстративно именуют себя обществом «*безвестных* людей». «Беседа» культивирует на своих чтениях «высокие» «классические» жанры — оды, нравоучительные послания и т. п., писанные на торжественно-возвышенном «языке духовных книг» — «славенским штилем». На ужинах арзамасцев процветает жанр острой, нередко вольной шутки, «галиматьи», издевательских пародий, обязательным предметом которых являются важные и напыщенно-бездарные «беседчики». Некоторые шутливые обряды арзамасцев имели даже известную политическую окраску. Так, например, почетная роль на их заседаниях отводилась «якобинскому» «красному колпаку», в который неизменно облачался очередной председатель и в котором выступал с традиционной речью, посвященной кому-либо из «покойников» «Беседы», всякий новопринимаемый член. Наоборот, на провинившегося арзамасца надевался «белый колпак». Однако «революционность» арзамасцев этим в значительной степени и ограничивалась. Основной тон кружку задавал Жуковский, бывший его секретарем и составителем «галиматийных» протоколов в стихах, и его ближайшие приятели Блудов и Уваров. Когда же в 1818 г. новые члены «Арзамаса», будущие деятели тайных обществ — Н. И. Тургенев, Никита Муравьев, генерал Орлов — попытались активизировать политическую деятельность кружка, поведя его по пути политической оппозиции существующему строю, «Арзамас» почти немедленно вовсе прекратил свое существование, отразив наметившийся к этому времени раскол в лагере «либералистов» александровского времени, из которых одни пошли в «тайные общества», подготовившие революционное выступление декабристов, другие — в лагерь последовавшей николаевской реакции. Батюшков был избран в члены «Арзамаса» одним из первых, но заочно (он находился в это время на военной службе в Каменце). В силу правила давать всем членам условные имена, заимствованные из баллад Жуковского, ему было присвоено имя «Ахилл», которое, намекая на свою постоянную хворость, Батюшков переделал в шуточное «Ах хил». Большинство арзамасцев были его ближайшими друзьями, однако к деятельности «Арзамаса» в целом Батюшков, в связи с изменением к этому времени его общего миросозерцания, относился скептически (см. об этом в нашей вступительной статье). Все участие его в «Арзамасе» ограничилось присутствием на одном-двух заседаниях кружка (подпись «Ахилла» Батюшкова сохранилась под протоколом только одного из заседаний) да написанием нескольких шуточных стихотворений в духе «арзамасских шалостей». Традиционная вступительная речь Батюшкова (повидимому, на заседании 27 августа 1817 г.), предметом которой он избрал секретаря Российской академии, П. И. Соколова, до нас не дошла. Сохранилась только ответная речь Блудова.

Ариост — Лодовико Ариосто (1474—1533), итальянский поэт, автор рыцарской поэмы в октавах «Неистовый Орланд» сказочно-шутливого

характера. Был одним из любимейших писателей Батюшкова, называвшего его «чудесным Протеем», который «обнимает всё мироздание», и начавшего было в 1811 г. переводить его поэму, но бросившего по цензурным опасениям (чересчур фамильярный тон Ариосто в вопросах религии). Впоследствии Батюшков перевел прозой самое знаменитое место поэмы «Исступление Орланда» (хотел перевести еще один эпизод — «Путешествие на луну») и посвятил Ариосту критический очерк «Ариост и Тасс».

Аристарх — нарицательное прозвище литературного критика (от имени александрийского филолога II в. до н. э., прославившегося комментариями к древне-греческим писателям, в частности к Гомеру).

Аристипп (IV в. до н. э.) — греческий философ, учивший, что высшее счастье человеческой жизни — в личных наслаждениях. *«Аристиппов внук»* — последователь Аристиппа.

Ария — Аррия, жена римлянина Цецины Пэта (Paetus). Последний за участие в восстании против императора Клавдия был приговорен к смерти и должен был покончить с собой. Так как у него нехватало мужества, Аррия первая заколола себя кинжалом и, со словами «Пэт, не больно», передала кинжал мужу.

Аркадия — гористая область в центральной части Пелопоннесского полуострова в Греции. В древности ее жители занимались по преимуществу земледелием и скотоводством, что определяло патриархальность их быта. В позднейшей идиллической поэзии (пасторалях) Аркадия, населенная идеальными «пастухами и пастушками», стала классической страной райской невинности, простоты нравов, мирного сельского счастья.

Армида — в поэме Тассо *(см.)* «Освобожденный Иерусалим» прекрасная волшебница, стоявшая на стороне мусульман и завлекшая крестоносца Ринальда в свои волшебные *«армидины сады»* с целью отвратить его от его военного предприятия; отсюда вообще — коварная прельстительница.

Арсис на Обе — старинный французский город на реке Обе. В 1814 г. союзные армии одержали здесь победу над Наполеоном, вынужденным к поспешному отступлению.

Архий (II—I в. до н. э.) — римский поэт-импровизатор, родом из Сирии. За свои произведения получил римское гражданство, которое у него пытались оспаривать, что вызвало знаменитую речь Цицерона «В защиту поэта Архия».

Асканий — в поэме Вергилия *(см.)* «Энеида» сын Энея *(см.)*, вынесенный отцом на руках из пылающей Трои. Его мать, Креуза, отстала и потерялась во время бегства.

Асклепиад из Самоса — греческий антологический поэт (III в. до н. э.).

Аскрея — Аскра, греческий город в Беотии, у подошвы Геликона, родина Гезиода *(см.)*.

Астафьево — Остафьево, подмосковное имение князя П. А. Вяземского *(см.)*.

«Атала» — повесть Шатобриана *(см.)*.

«Аталия» — трагедия Расина *(см.)*.

Атлант (греч. миф.) — титан, обреченный Зевсом поддерживать небесный свод.

Атридов сын (греч. миф.) — Орест, потомок царя Атрея. Его дружба с Пиладом считалась идеалом дружбы вообще. Эпизод, который имеет в виду Батюшков, содержится в трагедии Эврипида «Ифигения в Тавриде». Один из двух друзей должен быть принесен в жертву. Оба спорят, желая умереть за другого.

Аттика — область древней Греции. В ней находились Афины *(см.)*.

Аттила (V в. н. э.) — вождь кочевого народа гуннов, завоевавший и опустошивший Западную Римскую империю. «Новый Аттила» — прозвище в патриотически настроенных консервативных кругах Наполеона.

Аустерлиц — город в Чехо-Словакии. В 1805 г. под Аустерлицем союзные русские и австрийские армии были на-голову разбиты Наполеоном.

Афина (греч. миф.) — богиня разума, верховная покровительница Афин.

Афины — главный город Аттики и крупнейший из городов древней Греции, торгово-промышленный центр. Средоточие древне-греческой образованности и культуры.

Ахейские сыны — ахейцы, жители Ахайи, одной из областей древней Греции: у Гомера — вообще греки.

Ахерон (греч. миф.) — «река печали». Одна из подземных рек Аида *(см.)*, через которую переправлялись тени умерших.

Ахилл, Ахиллес (греч. миф.) — главный герой «Илиады» Гомера. Во время Троянской войны жестоко отомстил троянцам, убившим его друга Патрокла. Через некоторое время был сам убит покровительствовавшим троянцам Аполлоном.

Аякс (греч. миф.) — имя двух греческих героев, участников Троянской войны.

Бабрий (II в. до н. э.) — греческий баснописец. Его стихотворные переложения басен Эзопа служили образцом для всех позднейших баснописцев, особенно римских.

Бавий — бездарный древне-римский поэт, завистник Вергилия и Горация. Отсюда — условное имя посредственного стихотворца вообще.

Байя — Байи, древне-римский приморский город близ Неаполя, излюбленное местопребывание римской аристократии, имевшей здесь роскошные виллы. Развалины их сохраняются до настоящего времени. Часть их затоплена морем. «Байя теперь печальная, некогда роскошная», писал Батюшков Жуковскому в 1819 г.

Байрон Джордж, лорд (1788—1824) — английский поэт, оказавший огромное влияние на русскую поэзию 20 и 30-х гг. XIX в. Батюшков

познакомился с творчеством Байрона в период, непосредственно предшествовавший его психическому заболеванию. Тем не менее оно произвело на него весьма сильное впечатление и оставило глубокий след в сознании.

Балдус — педант у Мольера. Именем «Балдуса» (игра на созвучии: Балдус — балда) Батюшков и карамзинисты называли своих недругов, поэтов-классиков, вплоть до самого Шишкова.

Балладник — Жуковский *(см.)*.

Бальбус (III в. до н. э.) — римский консул Гай Аттилий Бальбус (т. е. заика).

Бальи Сильвэн (1736—1793) — французский астроном; написал историю астрономии, содержащую ряд фантастических высказываний, вызвавших резкие возражения Вольтера.

Барклай — Барклай де Толли, Михаил Богданович (1761—1818), главнокомандующий русских армий в начале войны с Наполеоном в 1812 г. В 1814 г. главнокомандующий русско-прусской армией, занявшей Париж.

Бахметев Алексей Николаевич (1774—1841) — генерал, участник войн со шведами, турками и с Наполеоном. В Бородинском сражении потерял ногу. В 1812 г. Батюшков был назначен к нему в адъютанты; в 1815 г., когда Бахметев был подольским губернатором, находился при нем в Каменец-Подольске.

Баярд Пьер дю Террайль (1476—1524) — французский военачальник, герой монархической легенды. Считался образцом рыцарственности, получив от современников прозвище «рыцаря без страха и упрека». Будучи смертельно ранен пулей, раздробившей ему спинной хребет, умер, прислонясь к дереву, с лицом обращенным к врагам. Когда один из них, отпавший от Франции коннетабль Бурбонский, подошел к раненому выразить ему свое сожаление, Баярд ответил ему: «Не обо мне должны вы сожалеть, но о себе самом, поднявшем оружие против короля и отечества».

Безрифмин — писатель, пишущий белыми стихами. В «Послании к стихам моим» Батюшков разумеет под Безрифминым автора чувствительной статейки «Мавзолей сердца» («Ипокрена» 1801, ч. IX), Александра Обрезкова.

Белев — город Тульской губернии. Около Белева находилось имение помещика Бунина, отца поэта Жуковского.

Беллона (р и м. м и ф.) — богиня войны.

Беницкий (Бенитцкий) Александр Петрович (1780—1809) — поэт, беллетрист, переводчик и критик. Автор «восточных повестей», отличавшихся резко-мизантропическим характером. Примыкал к противникам Шишкова. Издал в 1807 г. сборник «Талия» и в 1809 вместе с Измайловым издавал журнал «Цветник». В обоих этих изданиях печатались стихи Батюшкова, который находился с Беницким в близких приятельских отношениях и ценил его литературное дарование (в за-

думанном им курсе истории русской литературы хотел посвятить ему особую статью; см. выше стр. 605).

Беотия — область древней Греции.

Беседа — «Беседа любителей русского слова», литературное общество, основанное адмиралом Шишковым и Державиным в 1811 г. и прекратившее свое существование со смертью Державина в 1816 г. Литературно-общественный центр шишковистов. Организация «Беседы», сконструированной по образцу Государственного совета, отличалась сугубой бюрократичностью. В состав ее, в качестве почетных членов, входило высшее духовенство, министры, титулованная знать, сановники. В действительные члены проходили только люди «солидного возраста». Заседания ее, происходившие в колонном зале дворца Державина, протекали в обстановке парадной официальности; участники их являлись в мундирах и при всех орденах и т. п. В шутливом переиначивании характера этих заседаний и заключалась вся соль пародии Батюшкова и Измайлова, заставивших в своем «Певце» маститых беседчиков буйно пировать за «большим пивным ковшом».

Биармия — древняя северная область, лежавшая на берегу Белого моря, сказочная страна скандинавских саг.

Бибрис — см. Бобров.

Бион (III в. до н. э.) — греческий поэт-идиллик.

Бланк Борис Карлович (1769 — ок. 18_6) — мелкий поэт, эпигон сентиментализма, усердный сотрудник журналов Шаликова *(см.)*. «Бланк неистощимый» — слова о нем кн. Вяземского в его сатирическом стихотворении, направленном против Шаликова, «Выход Вздыхалова».

Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864) — литератор-любитель, позднее государственный деятель; карамзинист, один из зачинателей «Арзамаса», друг Жуковского, приятель Батюшкова, который отзывается о нем: «ослепительный фейерверк ума» (письмо к Вяземскому от 13 сентября 1817 г. Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 468), и кн. Вяземского. Вначале был либерально настроен, близок со многими декабристами. После 14 декабря решительно стал на сторону николаевской реакции; составил доклад следственной комиссии по делу декабристов, в результате чего сделал блестящую карьеру, достигнув министерских постов.

Боало — см. Буало.

Бобрищев-Пушкин Николай Сергеевич (1800—1871) — декабрист, член Южного общества. В молодости писал стихи, которыми дебютировал в 1817 г. в «Вестнике Европы». Ими-то, очевидно, и подсказана шутка Батюшкова.

Бобров Семен Сергеевич (ок. 1767—1768—1810) — поэт, соединявший в своем творчестве элементы классицизма с воздействием английских и немецких поэтов-сентименталистов мистического уклона. Собрание его сочинений в 4 частях вышло в 1804 г. под кудрявым заглавием

«Рассвет полночи или созерцание славы, торжества и мудрости порфироносных, браноносных и мирных гениев России с последованием дидактических, эротических и других разного рода в стихах и прозе опытов». Писатели-карамзинисты (Батюшков, Вяземский и др.) много смеялись над непонятностью, «сугубым вздором» его произведений и свойственной ему склонностью к составлению новых особо торжественных слов типа «*слезотвенная* скорбь», «*кровомлечное* лицо» и т. п. Именно его Батюшков имеет в виду (в письме к Гнедичу от 19 августа 1809 г., см. выше стр. 386) под именем «поэта Сидора, что написал потоп, а рыбы на кустах» (строка из стихотворения Боброва «Судьба древнего мира или всемирный потоп»: «Тогда тьмы рыб в древах висели»). Однако особенно часто Бобров фигурировал в эпиграммах и сатирах карамзинистов под именем Бибруса (у Батюшкова Бибриса), намекающим на его страсть к выпивке (от латинского bibere).

Бовийе (Beauvilliers) — известный в свое время парижский ресторатор.

Богданович Ипполит Федорович (1743—1803) — поэт, автор шутливо-сказочной повести «Душенька» (стихотворное переложение «Любви Психеи и Купидона» Лафонтена, обработавшего в свою очередь один из эпизодов романа «Золотой осел» римского писателя II в. Апулея: Психея по-гречески — душа, отсюда и название повести Богдановича). «Душенька» пользовалась громадной популярностью (15 изданий) и оказала влияние даже на «Руслана и Людмилу» Пушкина. Батюшков особенно ценил ее как образец «легкой» эротической поэзии XVIII в.

Бодоин — Балдуин I, младший брат Готфрида Бульонского, участник 1-го крестового похода. После смерти брата — король иерусалимский (1100—1118).

Боргезский борец — знаменитая античная статуя скульптора Агасиаса Эфесского, изображающая голого воина. Выполнена с замечательным знанием анатомии. Получила название по месту хранения — вилла Боргезе в Риме.

Борей (г р е ч. м и ф.) — северный ветер.

Бородинское сражение — генеральное сражение между русской армией и армией Наполеона на Бородинском поле (в 90 километрах от Москвы) 7 сентября н. ст. 1812 г., в результате которого русские войска отступили за Москву.

Боссюет (1627—1704) — французский богослов и проповедник, обосновывавший божественное происхождение самодержавия Людовика XIV. Его проповеди и надгробные слова считались образцом ораторского стиля нового времени.

Босфор — узкий пролив между Черным и Мраморным морями, на южном конце которого находится Константинополь.

Ботнические воды — Ботнический залив Балтийского моря, между Финляндией и Швецией.

Бре (de Bray), де, граф (1765)—1832 — баварский посланник в России,

занимался литературой. Был близко знаком с Карамзиным, Жуковским, Уваровым и др.

Брумербас — условное имя. Очевидно, подсказано Брамербасом, персонажем сказки И. И. Дмитриева «Причудница», старым простодушным воякой, рассказывающим всякие небылицы. Батюшков в своем послании сатирически заострил этот образ.

Брюнет (Jean-Joseph Mira, dit Brunet, 1766—1851) — комический актер, очень популярный в Париже первых двух десятилетий XIX в.

Буало (Nicolas Boileau-Despréaux, 1636—1711) — французский поэт и теоретик, установивший в своей поэме «Искусство поэзии» (L'art poétique) строгие правила «классицизма», которым слепо следовали и все русские писатели-«классики» XVIII в.

Бунина Анна Петровна (1774—1828) — поэтесса-шишковистка, высоко ценившаяся самим Шишковым, сделавшим ее почетным членом «Беседы любителей русского слова», и жестоко высмеивавшаяся писателями-карамзинистами. Повод к насмешкам подавала, в частности, ее безнадежная страсть к поэту И. И. Дмитриеву (отсюда и ее прозвище «Сафо»). Батюшков, высмеявший ее в «Видении» и написанном около того же времени «Мадригале», через некоторое время «помирился» с нею. По поводу ее поэмы «О счастии» он писал в 1811 г. Гнедичу: «В ее поэме нет философии, нет связи в плане, много чего нет, но за то есть прекрасные стихи... Позвольте мне, милостивая государыня, поцеловать вашу ручку! Клянусь Фебом и Шишковым, что вы имеете дарование» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 135—136).

Бурбоны — династия французских королей, низложенная Великой французской революцией и восстановленная в лице Людовика XVIII союзниками после падения Наполеона в 1814 г.

Буринский Захар Алексеевич (1780—1808) — рано умерший молодой поэт, как и Батюшков, пользовавшийся покровительством М. Н. Муравьева.

Буфлер Станислав (1737—1815) — французский поэт-вольтерьянец, представитель «легких» салонно-эротических жанров, ценившийся современниками за изящество стиля. В послании 1817 г. к В. Л. Пушкину А. С. Пушкин называет «русским Буфлером» самого Батюшкова.

Вакх (греч. и рим. миф.) — бог винограда и виноделия, «даром вина радующий сердце людей». Друг музам. В честь Вакха устраивался ряд праздников, в том числе «оргии» или «вакханалии» — ночные празднества, отличавшиеся крайней необузданностью и разгулом. Вакху были посвящены виноградная лоза и плющ.

Вакханки (греч. миф.) — спутницы Вакха и участницы его оргий.

Валкала — Валгалла (сканд. миф.) — дворец верховного божества Одина, загробное местопребывание храбрых воинов.

Валкирии (сканд. миф.) — дочери Одина, прекрасные девы-вои-

тельницы, распоряжающиеся ходом битв, уносящие души павших храбрецов в Валгаллу и подающие им там рог с медом.

Валленштейн (1583—1634) — главнокомандующий имперскими войсками во время так наз. «тридцатилетней войны». Шиллер посвятил судьбе Валленштейна драматическую трилогию, первая часть которой называется «Лагерь Валленштейна». В 1817 г. Батюшков вписал ряд стихов из него, как раз связанных с изображением лагеря ночью, в свою записную книжку «Чужое: мое сокровище!»

Валлер Эдмунд (1605—1687) — английский поэт; политический перебежчик, воспевавший с одинаковой восторженностью и Кромвеля, и королей Стюартов; мастер экспромпа, острот, блестяще-легкого салонного стиля. Был страстно влюблен в дочь графа Лейчестера, которую воспевал под именем Захариссы.

Вандик — Антонис Ван Дейк (1599—1641), фламандский живописец, портретист английского придворного общества XVII в.

Варник — Варнек Александр Григорьевич (1782—1843), художник-портретист, с 1810 г. — академик.

Варяжское море — древнее название Балтийского моря.

Вафрин — один из рыцарей-крестоносцев в поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим», проникший в лагерь мусульман.

Велеурский — *см.* Виельгорский.

Венера (р и м. м и ф.) — богиня любви и красоты. Ей были посвящены роза и миртовое дерево. *Венера Медицис* — Венера Медицейская, знаменитая античная статуя, принадлежащая резцу древне-римского скульптора (I в. до н. э.); находится во Флоренции. *«Жрицы Венерины»* — проститутки.

«Веристы дочери» — валкирии *(см.)*.

Веспер — вечерняя звезда, Венера.

Веста (р и м. м и ф.) — богиня домашнего очага, семейного быта, согласия и уюта.

«Вестник Европы» — журнал, основанный в 1802 г. Карамзиным; с 1809 по 1811 г. во главе его стояли Каченовский и Жуковский; с 1811 по 1830 г. — один Каченовский (за исключением 1814 г., когда журнал редактировался Измайловым). Позднее, к концу 1810-х гг., стал одним из наиболее литературно-консервативных органов, оплотом «классиков» в их борьбе против романтизма и Пушкина, но во время расцвета литературной деятельности Батюшкова 1809—1817 гг. был органом по преимуществу писателей-карамзинистов. Батюшков считал «Вестник» лучшим из всех тогдашних журналов и печатался в нем особенно часто и охотно.

Виельгорский (Велеурский) Михаил Юрьевич, граф (1788—1856) — композитор и музыкант-любитель, «гениальный дилетант», по отзыву Шумана. Приятель Жуковского, Вяземского, Батюшкова, написал музыку на один из его романсов.

Виланд (1733—1813) — немецкий писатель, крупнейший представи-

тель немецкого рококо. Первый сообщил немецкому языку французскую легкость и гибкость. В некоторых своих вещах близок иронической манере Вольтера. Батюшков ценил его как «остроумного поэта и зиждителя нового языка в своем отечестве», из всех его произведений особенно выделяя сказочную поэму «Оберон», в которой он подражал одному из любимцев Батюшкова, Ариосту («Ариост и Тасс», Соч. под ред. Майкова, т. II, стр. 151).

Вильгельм — 1) в поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим» английский королевич, участник 1-го крестового похода. Лицо вымышленное (стр. 213); 2) французский епископ, участник 1-го крестового похода (стр. 214).

Вильмень — Вильмен (Villemain) Абель-Франсуа (1790—1870) — французский критик, историк и государственный деятель-либерал; двадцати лет получил профессорское звание при кафедре словесности и читал лекции с колоссальным успехом. В 1812 г. получил на конкурсе премию за похвальное слово Монтеню. «Рассуждение о критике», отрывок из которого он читал на торжественном заседании Французской академии, описанном Батюшковым, направлено против эстетики классицизма.

Винкельман Иоганн Иоахим (1717—1768) — археолог и историк искусства, автор «Истории античного искусства», сделавшей эпоху в изучении искусства классической древности.

Вион — *см.* Бион.

Виргилий — Публий Вергилий Марон (70—19 г. до н. э.), римский поэт, автор героической поэмы «Энеида», идиллических стихотворений из пастушеской жизни — «Буколики» и дидактической поэмы «Георгики», в которой воспеваются поэзия и проза сельского труда. Имя Вергилия и при его жизни, и в потомстве было окружено исключительным поклонением.

Висковатов Степан Иванович (1786—1831) — второстепенный драматург, примыкал к лагерю Шишкова; был сотрудником «Беседы любителей русского слова».

Витгенштейн Петр Христианович, граф (1768—1842) — русский генерал, участник противонаполеоновских войн.

Владимир (X—XI вв.) — великий князь киевский.

Водолей — одно из созвездий зодиака, изображавшееся в виде человека, льющего воду из чаши в пасть морского чудовища. В знак Водолея солнце вступает в конце января — период дождей в Греции.

Воейков Александр Федорович (1777—1839) — поэт, переводчик (поэмы Делиля «Сады» и др.), критик, журналист, пользовавшийся весьма незавидной репутацией. Родственник Жуковского, член «Арзамаса». Автор нашумевшей сатиры на писателей-современников «Дом сумасшедших» и сатирического «Парнасского адрес-календаря» (в обоих произведениях выведен и Батюшков). Из посланий Воейкова особенной известностью пользовалось его сатирическое послание «Об истин-

ном благородстве», или «Послание к Эмилию», направленное против высшей придворной знати и в защиту буржуазных тенденций политики известного государственного деятеля александровского времени, статс-секретаря М. М. Сперанского.

Воклюз — село во Франции, расположенное в глубокой скалистой долине. Неподалеку от него низвергается поток Сорг, воспетый Петраркой, который прожил здесь в течение шестнадцати лет.

Вольное общество любителей словесности, наук и художеств — основано в Петербурге в 1801 г., в период либеральной «весны» александровского царствования, кружком «вольнолюбиво»-настроенной дворянской молодежи, соединявшей интерес к литературе с интересом к социально-политическим проблемам и с восторженным преклонением перед личностью и деятельностью Радищева. В литературном отношении члены Общества были решительными противниками Шишкова и безусловными сторонниками языковой реформы Карамзина. Обществом издавались свои периодические органы: «Периодическое издание» (1804) и «С.-Петербургский вестник» (1812). Кроме того, члены Общества печатались в журналах Мартынова — «Северный вестник» и «Лицей», Бруснлова — «Журнал российской словесности», Остолопова — «Любитель словесности» и Измайлова — «Цветник», которые как бы являлись неофициальными органами Общества. Со смертью Пнина *(см.)* в 1805 г. Общество начало постепенно «праветь» и в политическом, и в литературном отношении. В 1812 г., несмотря на противодействие Дашкова *(см.)*, был избран в почетные члены Общества пресловутый граф Хвостов *(см.)*. Дашков, взявшись приветствовать нового члена, произнес остроумно-издевательскую речь, за которую был исключен из Общества. Батюшков и его друзья-карамзинисты, в знак сочувствия Дашкову, вышли из Общества сами.

Вольтер Мари Франсуа Аруэ (1694—1778) — французский философ, историк и публицист, писавший во всех родах художественной литературы (трагедии, поэмы, романы, малые поэтические жанры и т. д.). Один из наиболее видных и влиятельных французских «просветителей» XVIII в., отразивший буржуазное перерождение феодально-дворянской Франции и явившийся одним из предшественников Великой французской революции. Однако при всей «разрушительности» для старого феодального общества деятельности Вольтера, его личные общественно-политические убеждения отличались относительной умеренностью и половинчатостью. Нанося сокрушительные удары католической церкви, он признавал существование личного бога, создавшего мир, но уклонившегося от всякого дальнейшего вмешательства в его дела (так называемый «деизм»). В политическом отношении Вольтер пошел тоже не слишком далеко, будучи противником революции и сторонником ограниченной «просвещенной» монархии. Эта политическая умеренность сказалась и на его литературно-художественном творчестве, в котором он выступает убежденным последова-

телем «классицизма» Буало и Расина, оставаясь даже в своей кощунственно-издевательской поэме «Орлеанская девственница» в строгих рамках классической поэтики. Все это способствовало особенному распространению влияния Вольтера на самые широкие слои русского дворянства XVIII и начала XIX в., как действительно прогрессивные, так и те, которым нравилось играть в оппозицию и кокетничать своим «вольнодумством», но которые, вместе с тем, отнюдь не собирались в какой бы то ни было мере посягать на социальные основы феодально-крепостнической России. Больше того, литературная практика «классика» Вольтера делала его своим и среди шишковистов, усиленно переводивших его трагедии и эпическую поэму «Генриада», прославлявшую подвиги французского короля Генриха IV. Наоборот, карамзинисты, в том числе и литературная молодежь, группировавшаяся вокруг Пнина, ценили Вольтера главным образом за его просветительную идеологию. Горячим поклонником Вольтера-«просветителя» был и молодой Батюшков. В одном из своих самых ранних стихотворений «К Филисе», описывая беспорядок, господствующий в его «хижине», он роняет характерную фразу: «Тут Вольтер лежит на библии». После кризиса всего миросозерцания Батюшкова, который произошел в период 1812—1814 гг., резко изменилось и его отношение к просветительной философии Вольтера. В статье 1815 г. «Нечто о морали, основанной на философии и религии» он призывает от произведений тех писателей «политиков», которые «нападают на все предрассудки без изъятия», обратиться к «небесным утешениям», к «истинам евангелия»: библия легла на Вольтера. Однако к блестяще-остроумной, скептически-эпикурейской поэзии Вольтера, являющейся одним из самых ярких проявлений «салонной» французской культуры XVIII в., Батюшков продолжал относиться с неизменным восхищением. В разгул реакционных неистовств периода Реставрации, в дни, когда роялисты выволокли из Пантеона прах Вольтера, который был торжественно перенесен туда во время революции, и разбросали его по свалке, Батюшков, будучи во Франции, совершает свое «Путешествие в замок Сирей» с целью «поклониться теням» Вольтера и его приятельницы, «Сирейской нимфы», и восторженно припоминает его «бессмертные стихи, для которых единственно простит его памяти справедливо раздраженное потомство». Этим же, как и уже указанной относительной умеренностью общественно-политических взглядов Вольтера, резко отличающей его от другого его великого современника, идеолога мелкой буржуазии и предшественника якобинизма, Руссо, объясняются те «смягчающие обстоятельства», которые Батюшков находит по отношению к Вольтеру, говоря (в уже упомянутой статье 1815 г. «Нечто о морали...») о «развращающем влиянии на умы» философско-публицистических писаний его и Руссо.

В замок Сирэ (Сирей), находившийся в Лотарингии и принадлежавший маркизе дю Шатле, Вольтер укрылся в 1734 г., спасаясь от

преследований правительства, возникших в связи с изданием им книги «Философских писем». После смерти маркизы Вольтер по приглашению прусского короля, сделавшего его своим камергером, уехал в Пруссию, однако, не ужившись с королем, вынужден был вскоре покинуть последнего и поселиться в Швейцарии, сперва около Женевы, а затем в приобретенном им имении Фернэ, возле французской границы, где прожил почти до самой смерти.

Востоков Александр Христофорович (1781—1864) — поэт, переводчик и выдающийся филолог. Один из учредителей «Вольного общества любителей словесности». Особенно интересовался вопросами стихосложения; в 1812 г. напечатал «Опыт о русском стихосложении», где дал теорию народного стиха. Писал по преимуществу античными метрами и «народным русским стихом».

Вяземский Петр Андреевич, князь (1792—1878) — поэт, критик и литератор. В 10-е и 20-е годы либерал и оппозиционер, позднее крайний консерватор, товарищ министра народного просвещения и глава цензурного ведомства. Один из самых боевых противников Шишкова, член «Арзамаса», ближайший приятель Батюшкова. При остром уме и блестящей образованности отличался весьма неказистой наружностью, что давало повод к постоянным дружеским шуткам.

Габриель — Габриэль д'Эстре, любовница французского короля Генриха IV. Любовный эпизод между Габриэлью и Генрихом сам Вольтер считал наиболее удачным местом своей «Генриады».

Гагарин Иван Алексеевич, князь (1771—1832) — управлял двором великой княгини Екатерины Павловны, жившей в Твери. Был близок со знаменитой трагической актрисой Семеновой *(см.)*, ученицей Гнедича, на которой впоследствии женился. Через Семенову и Гагарина Гнедич получил от великой княгини ежегодную пенсию для перевода «Илиады».

Гагедорн Фридрих (1708—1754) — немецкий поэт, автор легких, жизнерадостных стихов, прозванный современниками «поэтом граций».

Галатея (греч. миф.) — морская нимфа (олицетворение спокойного моря), безучастная к любовным домогательствам циклопа Полифема.

Гальциона — В греч. миф. Алкиона (Галкиона) — дочь бога ветров Эола, возгордившись, называла своего мужа Кеика Зевсом, а он ее Герой. Разгневанный Зевс превратил ее в чайку, а Кеикз — в зимородка. По Овидию, Галькиона — греческая царевна, превратившаяся в морскую птицу после гибели ее мужа во время морского плаванья.

Гамадриады (греч. миф.) — нимфы деревьев. У каждого дерева была своя гамадриада.

Гаральд Смелый (1015—1066) — предводитель варяжской дружины, позднее король Норвегии. Был женат на русской княжне, дочери

Ярослава Мудрого, к которой и обращена приписываемая ему песня, переведенная Батюшковым.

Гарпагон — скупец, скряга (по имени главного действующего лица комедии Мольера «Скупой»).

Гаэта — гавань и крепость в Италии (в 70 километрах от Неаполя).

Гваренги — Джиакомо Кваренги (1744—1817), итальянский архитектор, главный представитель так называемого «екатерининского классицизма». В Петербурге и его окрестностях им построен ряд общественных зданий и дворцов.

Гвидо Рени (1575—1642) — итальянский художник Болонской школы. Святая фамилия, о которой упоминает Батюшков, — это «Отдых на пути в Египет», находящийся в Эрмитаже.

Геба (греч. миф.) — богиня вечной юности. Во время трапез богов разносила им нектар и амврозию.

Гедил (III в. до н. э.) — греческий антологический поэт.

Гезиод (VIII — VII в. до н. э.) — греческий поэт-эпик. Главные его произведения: дидактическая (поучительная) поэма «Труды и дни» — прославление патриархального земледельческого труда, и другая поэма «Теогония», в которой он сводит в систему отдельные мифы о происхождении мира и богов. Исполнял свои произведения, не сопровождая их игрой на лире. Был убит на острове Эвбея в местах, посвященных Немейскому Зевсу.

Гейльсберг — местечко в Восточной Пруссии, где в 1807 г. произошло сражение русских с французами, в котором Батюшков был ранен в ногу.

Гела (сканд. миф.) — богиня смерти.

Гелен (греч. и рим. миф.) — сын троянского царя Приама, царствовавший в Эпире (в Греции) и устроивший там подобие Трои.

Геликон (греч. миф.) — горный кряж в Беотии (в Греции). Местопребывание Аполлона и муз. На Геликоне находился источник Ипнокрена *(см.)* и пасся Пегас (*см.* Аполлонов конь).

Гелф — Гвельф IV Севский. Отправился в Палестину, но не с первыми крестоносцами, как в поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим», а лишь четыре года спустя по взятии Иерусалима.

Гений (рим. миф.) — бог-покровитель, имеющийся у каждого человека с самого его рождения.

«Генриада» — героическая поэма Вольтера, воспевавшая короля Генриха IV, в качестве образца веротерпимости и идеала «просвещенного монарха».

Гераков Гавриил Васильевич (1775—1838) — преподаватель истории в кадетском корпусе, автор бездарных исторических сочинений в консервативном ура-патриотическом духе. Между прочим, им были написаны: «Твердость духа русских», 3 ч., Спб. 1813—1814; «Для добрых», Сочинения и переводы, 2 ч., Спб. 1801 и «Князь Меншиков и в ссылке великий «человек», Спб. 1811.

Гервей Джемс (1714—1758) — английский писатель, подражатель Юнга, автор «Размышлений» в прозе, проникнутых пессимизмом и мистикой.

Геркуланум — древне-римский город близ Неаполя, погибший вместе с Помпеей во время извержения Везувия в 79 г. н. э.

Геркулес (греч. миф.) — олицетворение физической мощи, главный герой эпических преданий. *Геркулес Фарнезский* — статуя Геркулеса огромных размеров, находившаяся во дворце Фарнезе в Риме (позднейшее мраморное воспроизведение бронзы древне-греческого скульптора Лисиппа, IV в. до н. э.). Культ Геркулеса как полубога, вознесенного с гробового костра на Олимп и ставшего супругом богини вечной юности, Гебы, был распространен по всей Греции и перешел в древний Рим.

Герман — Арминий (17 до н. э. — 19 н. э.), вождь древне-германского племени херусков, разбивший римлян в битве в Тевтобургском лесу (9 н. э.) и обеспечивший этим независимость древней Германии.

Гермес (греч. миф.) — бог дорог, торговли, воровства. Вестник богов. Проводник теней усопших в Аид *(см.)*.

Гермоген — патриарх, один из деятелей Смутного времени, идеализированный дворянскими историками. Строки из «Видения на берегах Леты»: «Они Пожарского поют и топят старца Гермогена», относятся к вышедшей в 1807 г. поэме кн. Ширинского-Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген или спасенная Россия», осмеянной вскоре и Пушкиным.

Геродот (V в. до н. э.) — первый греческий историк, получивший прозвание «отца истории».

Гете (1749—1832) — величайший немецкий писатель. В бытность в 1813 г. в Веймаре Батюшков видел его «мельком в театре», однако, видимо, не отдавал себе полного отчета во всем его значении и величине, ставя его наравне с Виландом и ценя главным образом как «сочинителя Вертера». В 1816 г. он просил у Жуковского купить и прислать ему книгу «Гетевых стихов» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 239—240, 245 и 383).

Гиады (греч. миф.) — нимфы дождя (от созвездия того же имени, восход и захождение которого, по поверию древних греков, обязательно сопровождались дождем).

Гимен (Гименей) (греч. миф.) — бог брака. Изображался в виде крылатого мальчика со светильником в руке.

Гимет — гора в Греции (в Аттике), богатая мрамором и славящаяся и поныне своим диким медом.

Гион (1648—1717) — католическая писательница и проповедница. Ее мистические сочинения были очень популярны в русском дворянском обществе первых десятилетий XIX в.

Гипербореи (греч. миф.) — баснословный народ, обитавший на крайнем Севере.

Гиппократ (V в. до н. э.) — греческий врач, основоположник научной медицины.

Глазунов Иван Петрович (1762—1831) — петербургский книгопродавец, издатель и владелец книжной лавки (помещалась в Аничковом доме, ныне Гос. публичная библиотека), распространявший и рекламировавший произведения поэтов-классиков и шишковистов.

Глафира — см. Хлоя.

Глебов — Глебов-Стрешнев (ум. в 1807), генерал.

Глинка Сергей Николаевич (1775—1847) — писатель, главный представитель патриотического антифранцузского направления; издатель ультрапатриотического журнала «Русский вестник» (1808—1824), автор ряда патриотических драм на сюжеты из русской истории; переводчик «Юнговых ночей»; пламенный поклонник антипросвещенческих идей Ж. Ж. Руссо. В период своего общественного поправения Батюшков изменил свое отношение к Глинке и его журналу, начав печататься в последнем (стихотворение «Переход через Рейн») и заявляя в связи с этим Гнедичу, что Глинку «надобно поддерживать» (письмо от 1817 г., Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 422).

Глицерия — возлюбленная Горация, к которой он постоянно обращался в своих стихах.

Гнедич Николай Иванович (1784—1833) — поэт, драматург, переводчик «Илиады» Гомера. В борьбе карамзинистов и шишковистов занимал промежуточную позицию, поддерживая личные и литературные отношения с представителями обоих враждебных лагерей. Был одним из наиболее близких друзей Батюшкова, находился с ним в постоянной переписке, в 1817 г. издал его сочинения. Из переводов Гнедича, помимо «Илиады», Батюшков ценил перевод трагедии Вольтера «Танкред».

Глупон, Глупонов — условное имя-характеристика во вкусе XVIII в. В «Послании к стихам моим» под Глупоном Батюшков имеет в виду Шишкова *(см.)*.

Гомер (Омер, Омир) — легендарный автор древне-греческих эпических поэм «Илиада» и «Одиссея», нищий слепой старец, бродивший по Греции, платя за гостеприимство чтением своих стихов. Интерес к «царю песнопений», «неумирающему Омиру» поддерживался в Батюшкове, не владевшем греческим языком, главным образом Гнедичем.

Гораций (65—8 до н. э.) — римский поэт. Батюшкову Гораций близок наиболее как «певец веселья», создатель так называемой «горацианской оды», воспевающей, в противоположность торжественной героике пиндаровских од, легкие радости жизни, наслаждение вином, любовью, природой.

Готфред — Готфрид Бульонский (XI в.), один из главных участников 1-го крестового похода; однако «верховным вождем» сделало его лишь позднейшее предание.

Грации (р и м. м и ф.) — три сестры, богини изящества и красоты, соответствуют греческим харитам. Вообще — юные прелестные девушки.

Грей Томас (1716—1771) — английский поэт, элегик-сентименталист. Особенной популярностью пользовалась его элегия «Сельское кладбище», с переводом которой на русский язык Жуковским началась литературная слава последнего.

Грессе (Gresset) Жан-Баптист (1709—1777) — французский поэт, автор сатирических стихотворных новелл, направленных против духовенства и монахов (был исключен за них из ордена иезуитов) и эпикурейских посланий, наиболее известное из которых «Обитель» («La Chartreuse») отразилось на «Моих пенатах» Батюшкова.

Греч Николай Иванович (1787—1867) — разносторонний литератор, автор «Опыта краткой истории русской литературы» (1822), издатель журнала «Сын отечества». Поначалу либерально настроенный, с половины 20-х гг. становится вместе с Булгариным руководителем рептильно-полицейской прессы («Северная пчела», «Сын отечества»), непосредственно связанной с III Отделением.

Грибоедов Алексей Федорович — московский дворянин-богач, дядя автора «Горя от ума», послуживший ему в значительной степени прототипом Фамусова.

Громобой — герой баллады Жуковского под тем же названием.

Грузинцев Александр Николаевич — писатель начала XIX в., эпигон классицизма, автор поэмы «Петриада» и нескольких трагедий.

Гуг (Гугон), граф Вермандуа — брат короля Филиппа I, участник 1-го крестового похода.

Густав — «Густав Ваза или торжествующая невинность», драма третьестепенной писательницы-сантименталистки Е. И. Титовой (род. 1780), представленная впервые в Петербурге в 1809 г.; напечатана в 1810 г.

Давид Жак Луи (1748—1825) — художник, якобинец, член Конвента, голосовавший за казнь короля; автор ряда картин на события Великой французской революции, глава школы так называемого «революционного классицизма»; впоследствии придворный художник Наполеона I.

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — гусар, поэт, член «Арзамаса», один из организаторов партизанских отрядов во время войны 1812 г. Славился своей бесшабашной удалью и кутежами. Это же составляет основные мотивы его поэзии. Современниками был прозван «Анакреоном под доломаном» (доломан — гусарский мундир).

Давыдов Лев Васильевич — брат поэта, адъютант генерала Н. Н. Раевского.

Даламбер — д'Аламбер (d'Alembert) Жан (1717—1783), французский философ и математик, один из главных деятелей «Энциклопедии» и ее редакторов. Написал введение к ней, являющееся одним из самых блестящих образцов «научного стиля»; в нем он построяет

систематику наук на основе сенсуализма — философского учения, к которому молодой Батюшков испытывал особенную склонность. В письмах к Гнедичу от 1809—1810 гг. Батюшков несколько раз упоминает о чтении им д'Аламберта, несмотря на «увещания» Гнедича не делать этого («Я смеялся увещаниям не читать Мирабо, д'Аламберта и Дидерота», отвечает он ему в письме от декабря 1809 г., Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 68).

Дамас, барон — французский дворянин-роялист, офицер русской службы, участник заграничного похода 1813—1814 гг.

Дамаск — город в Сирии, славился изготовлением холодного оружия из высококачественной стали — дамасских клинков.

Данаиды (греч. миф.) — дочери царя Даная, убившие, по приказанию отца, своих мужей в первую брачную ночь и обреченные за это в Аиде вечно лить воду в дырявую бочку.

Данилова (сценическое имя Марии Перфильевой, 1793—1810) — известная балерина, любимица публики, «по красоте настоящая Венера». Ее коронной ролью была роль Психеи в балете Дидло «Амур и Психея». Умерла от безнадежной любви к танцовщику Дюпору.

Данте Алигьери (1265—1321) — крупнейший итальянский поэт, создатель литературного итальянского языка, автор поэмы «Божественная комедия» (в трех частях: «Ад», «Чистилище» и «Рай»), являющейся одним из наиболее значительных отражений средневековой феодальной культуры, подвергшейся уже воздействию новой буржуазной культуры раннего Ренессанса. Батюшков особенно ценил в Данте «зиждителя языка итальянского», «открывшего новое поле словесности своим соотечественникам» (Соч. под ред. Майкова, т. II, стр. 158 и 172). Эпитет «суровый», который Батюшков придает ему в «Речи», был перенят А. Пушкиным.

Дарий — Дарий III, последний древне-персидский царь (IV в. до н. э.), побежденный Александром Македонским.

Дафна (греч. миф.) — нимфа, превращенная матерью, богиней земли, Геей, с целью спасти ее от преследований Аполлона, в лавровое дерево, которое вследствие этого было посвящено последнему.

Дашков Дмитрий Васильевич (1788—1839) — литератор-дилетант, один из наиболее решительных противников Шишкова и наиболее активных арзамасцев. С 1817 г. был отвлечен от литературы служебно-административной работой. Сделал блестящую карьеру, достигнув министерских постов. Был с Батюшковым в близких приятельских отношениях.

Двина — Западная Двина, река, у устья которой расположен город Рига.

Дедал — легендарный древне-греческий художник и архитектор, строитель лабиринта на острове Крите; отсюда название и самого лабиринта.

«Деидамия» — трагедия Тредиаковского *(см.)*.

Делиль Жак (1738—1813) — французский поэт классического направления; переводчик Вергилия, автор дидактической поэмы «Сады», весьма популярной в русской литературе начала XIX в.

Делия — возлюбленная поэта Тибулла *(см.)*, имя которой стало нарицательным у поэтов классической школы.

Дельфы — город на склоне Парнаса в древней Греции, которым Аполлон завладел, убив охранявшего его дракона Пифона. Там находилось одно из наиболее прославленных святилищ Аполлона со знаменитым в древности оракулом.

Демосфен (IV в. до н. э.) — греческий оратор и политический деятель, представитель афинской умеренной демократии, организатор общегреческой борьбы против Филиппа Македонского.

Державин Гаврнил Романович (1743—1816) — крупнейший русский поэт XVIII в. Выразитель идеологии наиболее активных слоев дворянства, стремившихся захватить командные экономические и политические высоты, опрокинув старую придворную знать — «вельможество». Преобразовал жанр пиндаровской оды Ломоносова, окрасив ее реалистической и сатирической «горацианской» струей. Однако это не мешало ему самому писать подчас победные оды в пиндаровском стиле. Немало, в особенности в последний период своей литературной деятельности, писал он и в анакреонтическом роде. «Камские дубравы» — места, где прошло детство Державина, родители которого имели небольшое поместье в Казанской губернии, орошаемой Камой.

Диана (р и м. м и ф.) — богиня охоты, родов и луны. Отсюда в поэзии Диана — луна.

Дидот (Didot) — крупная книгопродавческая и книгоиздательская парижская фирма начала XIX в. Ею изданы были, между прочим, басни Лафонтена и сочинения Расина.

Дий (р и м. м и ф.) — верховное божество, Юпитер.

Димитрий — «Димитрий Донской», патриотическая трагедия Озерова *(см.)*, пользовавшаяся особенным успехом у современников в связи с войнами с Наполеоном.

Диоген (IV в. до н. э.) — греческий философ, наиболее последовательный представитель философской школы киников, проповедывавших, что счастье заключается в добродетели, а добродетель — в уменьшении числа потребностей и наивозможном упрощении жизни. Жил в глиняной бочке, считая дом ненужной роскошью.

Дионисий Сиракузский (V—IV вв. до н. э.) — сиракузский тиран, отличавшийся крайней подозрительностью и жестокостью.

Дмитревский Иван Афанасьевич (ок. 1733—1821) — знаменитый комический и трагический актер.

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — поэт и баснописец, ближайший соратник Карамзина *(см.)* в реформе литературного языка. Много писал в «легком» «горацианском» роде. Занятия литературой не поме

шали ему сделать блестящую служебную карьеру (при Павле I — обер-прокурор сената, при Александре I — министр юстиции). Батюшков был лично близко знаком с ним. «Приволжские берега» — родина Дмитриева, родившегося в поместьи отца в Симбирской губернии.

Долгорукий (Долгоруков) — 1) Яков Федорович, князь (1639—1720), военачальник и государственный деятель петровской эпохи. Пользовался репутацией неподкупной честности и смелости в обращении с царем; 2) князь Иван Михайлович (1764—1823), любовный поэт и сатирик. Состоял почетным членом Московского общества любителей словесности, вследствие чего Батюшков, видимо, считал необходимым упомянуть о нем в своей вступительной речи. В письмах более раннего периода он иронически отзывается о литературной деятельности Долгорукого.

Дон-Кишот — Дон Кихот, герой романа Сервантеса.

«Драматический вестник» — журнал, издававшийся в Петербурге с 1808 г. кн. Шаховским. Батюшков сотрудничал в нем, напечатав несколько стихотворений.

Дриады (греч. миф.) — богини (нимфы) деревьев.

Дронтгейм — один из северных округов Норвегии.

«Душенька» — стихотворная повесть Богдановича *(см.)*.

Дюгесклин Бертран (Duguesclin) — французский полководец XIV в., воспетый в героических песнях как «цвет рыцарства».

Дюси Жан Франсуа (1733—1816) — французский поэт и драматург, переводчик Шекспира, приспособивший его к требованиям классической поэтики.

Дюшенуа (Cathérine-Joséphine Duchenois, 1780—1835) — знаменитая в свое время французская трагическая актриса.

Егоров Алексей Егорович (1776—1851) — русский художник. Автор картин на религиозные и мифологические сюжеты, типичный представитель мертвенно-академической придворной живописи. Самой известной его картиной является «Бичевание Христа», описание которой как раз и дает Батюшков в своей «Прогулке». Боясь обидеть директора Академии художеств, А. Н. Оленина, Батюшков счел долгом официально похвалить художника, которому Академия особенно покровительствовала. Более откровенное мнение он вкладывает в уста Старожилова, дающего о картине отрицательный отзыв. Это подтверждается частными письмами Батюшкова, в которых он отзывается о продукции Егорова гораздо резче, в частности называя данную картину «стыдом» для Академии.

Ежова Екатерина Ивановна (1787—1837) — артистка, особенно отличалась в ролях комических старух; была в близких отношениях с кн. Шаховским *(см.)*, тогда директором петербургского театра.

«Езда в Остров Любви» — перевод Тредиаковским аллегорической повести Талемана «Путешествие на остров любви или Ключ сердец» (Voyage à l'île d'amour ou La clef des coeurs).

Екимов Василий Петрович (1758—1837) — литейный мастер Академии художеств.

Елисейский — находящийся в Элизии *(см.)*. *Елисейские поля* — 1) Элизий, 2) название одной из главных парижских улиц.

Ерусалим — «Освобожденный Иерусалим», эпическая поэма Торквато Тассо *(см. Тасс)*.

Есаков Алексей Екимович (80-е гг. XVIII в. — 1815) — скульптор и медальер. За первый из резных камней, упоминаемых Батюшковым, получил в 1813 г. звание академика.

Жан Жак — Руссо *(см.)*.

Жанлис, графиня (1746—1830) — французская писательница. Автор нравоучительно-чувствительных романов, пользовавшихся огромной популярностью. С начала XIX в. стала одним из идеологов реакции, резко выступая против идей Вольтера и философов-«просветителей».

Женгенэ Пьер-Луи (1748—1816) — французский поэт и критик; либерал; стоял в оппозиции к наполеоновскому режиму; во время Империи принадлежал к группе так называемых «идеологов», сохранявшей философские традиции XVIII века. Важнейший труд его — шеститомная история итальянской литературы (1811—1813). Батюшков постоянно обращался к ней при своих изучениях итальянских писателей.

Жирар-делла-Нотте — голландский живописец Герард Гонтгорст (1590—1656), прозванный «ночным» (della notte) за искусство сочетать в своих картинах ночной мрак с ярким огненным освещением.

Жихарев Степан Петрович (1787—1860) — посредственный поэт, театральный переводчик, автор интересных мемуаров, частично опубликованных под названием «Дневник студента» и «Дневник чиновника». Вначале был близок к Шишкову и его приверженцам и состоял сотрудником «Беседы любителей русского слова». В качестве такового был осмеян Батюшковым и Измайловым в их пародии «Певец в Беседе любителей русского слова». Позднее сблизился с карамзинистами и вошел в состав «Арзамаса». Батюшков был с ним в приятельских отношениях. Сохранились поправки Батюшкова на рукописи перевода Жихаревым комедии Кребильона «Атрей», сделанного им в 1811 г. (см. Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1879—1882 гг., стр. 82). «Барды» — не дошедшая до нас поэма Жихарева.

Жорж — Маргарита Жозефина Веммер, по сцене mademoiselle George (1786—1867), знаменитая французская трагическая актриса. Была близка с Наполеоном I. С 1809 по 1812 г. выступала с огромным успехом в России.

Жоффруа (Geoffroy J. L., 1743—1814) — французский театральный критик; реакционер и роялист; яростный противник просветительной

философии XVIII в., в особенности Вольтера, которого он атаковал и как писателя-художника. В письме к Гнедичу (от 1811 г.) Батюшков заявляет о своей «ненависти» к Жоффруа (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 163).

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — поэт, глава сентиментально-романтической школы в русской поэзии, литературный сверстник Батюшкова, подготовивший вместе с ним пути для поэтического творчества Пушкина. О стихах Жуковского Батюшков упоминает впервые в письмах 1808 г.; лично познакомился он с ним в 1810 г., но особенно сблизился после 1814 г. С этого времени дружеские его чувства к Жуковскому всё нарастали, к нему одному сохранил он приязнь и во время своего душевного заболевания (сохранилось письмо, писанное им к Жуковскому в самый разгар его, в 1826 г.), когда отвернулся от всех самых близких ему людей. «Его ум и душа — сокровище в нашем веке», писал он в 1815 г. Гнедичу, советуя ему «познакомиться с ним потеснее» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 319); называл его «ходячим талантом» (ib., стр. 451). С неменьшим сочувствием относился он и к его поэтическому творчеству («Дивная поэзия... в которой прекрасная душа — душа поэта дышет, видна как в зеркале!», пишет он, например, в связи со стихотворным откликом Жуковского на «Моих пенатов», ib, стр. 215). Однако, «гордясь» литературной деятельностью Жуковского «как русский и как приятель» (ib., стр. 229), «чувствуя, наслаждаясь и восхищаясь его гением» (ib., стр. 306), Батюшков не всё одинаково принимал в нем. Воспитанный сам на латинских, французских и итальянских образцах, он неодобрительно относился к немецкой струе, столь сильной в творчестве Жуковского («К чему переводы немецкие?.. у них всё каряченье и судороги», ib., стр. 427). Равным образом в связи с происшедшим в нем после 1814 г. изменением во взглядах на задачи и цели художественного творчества, он усиленно призывал Жуковского (и непосредственно, и через друзей) не «заснуть на балладах», заняться «предметом достойным» его дарования, создать произведения «полезные для общества», от «безделок» перейти к созданию «поэмы» — позиция, которую впоследствии сам Жуковский займет по отношению к Александру Пушкину (ib., стр. 227, 229, 306, 356—357, 382—383, 466, 489 и др.). Не очень сочувственно отнесся Батюшков и к превращению Жуковского в «придворного» (в связи с назначением его в воспитатели к наследнику), иронизируя над его стихами «ко всем фрейлинам» (ib. 562). «Новым Греем» Батюшков именует Жуковского, намекая на его прославленный перевод «Сельского кладбища» Грея, с которого началась его широкая известность как поэта. «Гимны пред падшею столицей» — его же не менее прославленный «Певец во стане русских воинов». «Балладником» Батюшков называет Жуковского, поскольку именно им был введен в русскую поэзию новый «романтический» жанр баллады.

Жувизи — замок близ Парижа.

«Заира» — трагедия Вольтера *(см.)*.

Захарисса — *см.* Валлер.

Захаров Андреян Дмитриевич (1761—1811) — архитектор, перестроивший адмиралтейский двор, заложенный при Петре I, в стиле «ампир» — «империи», соответствующем стабилизации русской военно-бюрократической монархии начала XIX в.

Захаров Иван Семенович (1754—1816) — писатель-шишковист, сенатор, член Российской академии и председатель одного из разрядов «Беседы любителей русского слова». Вся его литературная деятельность сводилась почти исключительно к обильным переводам французских, немецких и английских писателей XVIII в. Отсюда и приданный ему в «Певце» эпитет «преложитель». Захаров любил декламировать стихи и считался одним из присяжных чтецов «Беседы». Его декламация отличалась торжественной приподнятостью и монотонностью, свойственными архаической манере XVIII в. Отсюда — название его «псаломщиком». Помимо литературных работ, ему принадлежит ряд сочинений по экономическим вопросам с резко выраженными крепостническими тенденциями: «Усадьба или новый способ селить крестьян и собирать с них помещичьи доходы» (Спб. 1802). «Хозяин-винокур» (Спб. 1808) и др.

Зевс (греч. миф.) — верховное божество, властелин неба и царь богов. В Немейской долине, в Арголиде, находились священная роща и храм Зевса.

Зефир (греч. миф.) — легкий и теплый западный ветер.

Зефирина — условное имя-характеристика ветреницы.

Зимцерла — фантастическая богиня зари и весны, культ которой, по представлению некоторых мифологов, якобы существовал у древних славян.

Зиновия (III в. н. э.) — царица пальмирская; отличалась красотой, мужеством, умом и необыкновенной строгостью нравов. Видимо, ее и имеет в виду Батюшков в своем «Похвальном слове сну».

Знич — бог огня, поклонение которому приписывалось некоторыми мифологами древним славянам.

Зюльмиса — *см.* Хлоя.

Иван — Жан, имя баснописца Лафонтена *(см.)*.

Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич (1795—1849) — поэт, почитатель и последователь Карамзина.

Иемен — гористая область в Аравии.

Иена — город в Германии. В 1806 г. Наполеон наголову разбил здесь прусскую армию.

Извекова Мария Евграфовна (1794—1830) — автор нескольких романов и стихотворений.

Изида (егип. миф.) — жена Озириса *(см.)*, верховное женское божество мира. Изида считалась «великой волшебницей», обладавшей

сокровенными знаниями и особой магической силой. В честь ее совершались мистерии. Изображение ее было скрыто от глаз непосвященных покрывалом. Позднее культ Изиды вышел за пределы Египта, получив особенно большое распространение в императорском Риме.

Измайлов Александр Ефимович (1779—1831) — писатель и журналист, автор романа «Евгений или пагубные следствия дурного воспитания и сообщества» (1799) и басен. Был близок к кружку Пнина и к «Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств». В 1809—1810 гг. редактировал журнал «Цветник», в котором печатались стихи Батюшкова, в 1817 г. — «Сын отечества», в 1818—1827 гг. — «Благонамеренный». Сочинения Измайлова имеют известное историко-литературное значение по свойственному ему резкому натурализму, в силу которого современники называли его «писателем не для дам». Наоборот, именно это его свойство заставляло Батюшкова, который неизменно ратовал за создание литературы, удовлетворяющей требованиям «хорошего вкуса», условиям и условностям светского общежития — urbanité, относиться к его литературной продукции с неодобрением. Однако это не мешало приятельским отношениям Батюшкова и Измайлова, проявившимся в их коллективном литературном выступлении против шишковистов (стихотворный памфлет-пародия «Певец в Беседе любителей русского слова»).

Икар (греч. миф.) — сын Дедала (*см.*), спасаясь вместе с отцом с острова Крита на сооруженных последним крыльях, скрепленных воском, взвился слишком высоко к солнцу, лучи которого растопили воск, вследствие чего Икар упал в воду и утонул.

Иксион (греч. миф.) — сын царя лапифов, приглашенный к трапезе богов и воспылавший страстью к жене Зевса, Гере. Зевс обманул его, придав облаку вид Геры, и в наказание привязал в Аиде к вечно вращающемуся огненному колесу.

Иль де Франс («остров Франции») — область рек Сены, Марны, Уазы и Эны, образующих почти остров. В Иль де Франсе находится Париж.

Иллис — река в Аттике (*см.*), близ Афин.

Ильин Николай Иванович (1777—1823) — драматург и переводчик французских комедий, издатель журнала «Друг детей» (1809), член-сотрудник «Беседы любителей русского слова». Ф. В. Ростопчин вывел его в своей комедии «Ве́сти или убитый живой» под именем Николая Ивановича Пустякова.

Илья (народн. миф.) — Илья пророк, проезжающий по небу на своей колеснице, отчего и гремит гром.

Инд — река в Индии.

Индесальми — кирка Иденсальми в Финляндии; 15 октября 1808 г. около нее произошло сражение русских со шведами. Батюшков в самом сраженьи не участвовал, будучи в резерве.

Ио (г р е ч. м и ф.) — греческая царевна, возлюбленная Зевса *(см.)*, превращенная его ревнивой женой в корову.

Иолас (г р е ч. м и ф.) — племянник и спутник Геркулеса. В море, в припадке безумия, Геркулес бросил не Йоласа, а Лоху.

Иордан — река в Палестине.

Ипокрена (Иппокрена) (г р е ч. м и ф.) — источник поэтического вдохновения, выбитый из скалы на вершине Геликона копытом коня Аполлона, Пегаса.

Ипполит (г р е ч. м и ф.) — сын Тезея *(см.)*, прекрасный юноша-девственник, отвергший страсть к нему его мачехи, Федры, оклеветанный ею перед отцом и погибший в силу отцовского проклятия. На этот сюжет были написаны трагедии — Эврипидом «Ипполит», Сенекой и Расином — «Федра».

Исмен — маг и волшебник в поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим».

Иснель — герой поэмы Парни *(см.)* «Иснель и Аслега» (1802—1808), навеянной скандинавской мифологией.

Итака — остров, родина Одиссея *(см.)*, на которую он вернулся после многолетних скитаний; *итакский муж* — Одиссей.

«Ифигения в Авлиде» — трагедия Расина *(см.)*.

Кавелин Дмитрий Александрович (1778—1851) — педагог, близкий к литературным кругам и сам писавший стихи, друг Жуковского и член «Арзамаса». С 1818 г. директор Петербургского университета. Вначале либерал, пособник Сперанского, в 20-е годы стал крайним мракобесом, гонителем просвещения, университетов, либеральной профессуры. Посетил заболевшего психически Батюшкова в 1823 г. в Симферополе и описал встречу с ним в письме к Жуковскому.

«Казанское общество любителей словесности» — «Общество любителей отечественной словесности» при Казанском университете. Основано в 1806 г.; устав утвержден в 1814 г. В 1817 г. вышла в свет первая и единственная книжка «Трудов» Общества. В то время как в «Московском обществе любителей словесности» преобладали классики-шишковисты, Казанское, — в силу общего либерального духа, свойственного Казанскому университету, что и вызвало к концу 1810-х гг. знаменитый разгром его Магницким, — наоборот, хотя не заняло в борьбе двух враждующих партий определенной позиции, тяготело, видимо, скорее к карамзинистам. Правда, в одной из официальных речей члены Общества призывались не только «млеть сердцем от нежностей Карамзина», но и «воспламеняться духом от восторгов Ломоносова», «пленяться изображениями Хераскова и Державина», «содрогаться» от пьес и Озерова, и Сумарокова. Но ведь и сами карамзинисты, жестоко воюя с эпигонами классицизма, вместе с тем относились со всяческим пиэтетом к основоположникам школы — «великим» классикам XVIII в. (см. отзывы о Ломоносове, Державине, Сумарокове и др. в «Видении на берегах Леты» или в «Моих пенатах» Батюшкова). В 1815 г. в Об-

ществе была предложена для разработки со сроком в три года тема о языке, бывшая основным предметом спора между Шишковым и его противниками: «Из новейших писателей одни полагают, что библейский и простой русский язык суть один и тот же, другие разделяют их. Итак, спрашивается: откуда взялся наш богатый и сильный библейский язык? или: язык библейский и простой русский один ли и тот же язык, или совершенно различные». Не сохранилось никаких указаний, была ли кем-нибудь разработана эта тема и в каком духе, но из предшествующего приведенной нами формулировке подробного ее обоснования видно, что сами инициаторы темы наталкивали на карамзинистское ее решение, т. е. на отрицание тожества церковно-славянского и древнерусского языка, на чем настаивал Шишков. Батюшков был выбран в почетные члены Общества после 1814 г. Однако, в виду того что все отношения его с Обществом, видимо, ограничивались только посылкой им в библиотеку последнего экземпляра своих «Опытов», он был плохо осведомлен о характере его деятельности, не усматривая никакой разницы между ним и «Московским обществом любителей» Этим и объясняется пародическое переиначивание им его названия.

Калхас (греч. миф.) — жрец и прорицатель в греческом войске, осаждавшем Трою, по слову Гомера «знавший, что есть, что будет и что было».

Камены (рим. миф.) — соответствуют греческим музам *(см.)*.

Камоэнс Луис (1524—1580) — крупнейший португальский поэт, автор героико-эпической поэмы «Лузиады». Батюшков узнал о Камоэнсе скорее всего из переведенной с немецкого статьи о нем Бенитцкого *(см.)* «Камоэнс, творец Лузиад», напечатанной в «Журнале российской словесности».

Канова Антонио (1757—1822) — итальянский скульптор, глава неоклассицизма начала XIX в., пользовавшийся мировой славой. Статуи Кановы весьма ценились в России. В 1804 г. он был избран «почетным общником» Академии художеств. В 1817 г. в Россию была привезена его аллегорическая статуя мира, заказанная ему гр. Румянцевым. Гнедич написал о ней статью в форме письма к Батюшкову, опубликованную в «Сыне отечества» (1817 г., ч. 37, № 14): «Письмо к Б. о статуе Мира, изваянной для Николая Петровича Румянцева скульптором Кановою в Риме». Письмо является в значительной степени подражанием батюшковской «Прогулке в Академию художеств». Приехав в 1819 г. в Рим, Батюшков привез Канове письмо от Румянцева, познакомился с ним и посетил его мастерскую.

Кант Иммануил (1724—1804) — немецкий философ-идеалист, основоположник философского критицизма. Батюшков не только читал Канта, но и мог многое слышать о нем от лично его знавших Карамзина и И. М. Муравьева-Апостола *(см.)*.

Кантемир Антиох Дмитриевич (1708—1744) — поэт-сатирик. В его сатирах впервые в русской литературе зазвучали ноты «просветитель-

ной» идеологии. Сыграл важную роль в развитии русского стиха, подготовив силлаботоническую реформу Тредиаковского. Батюшков высоко ценил Кантемира, но отношение его к нему менялось в соответствии с его общественно-политической эволюцией. В молодости он ценил его главным образом как обличителя русской действительности, находясь до некоторой степени под его влиянием в своих собственных сатирических стихах («Послание к стихам моим» и т. п.). Наоборот, в период своего «поправения» Батюшков написал в 1816 г. статью «Вечер у Кантемира», в которой использует Кантемира с тем, чтобы его устами свести счеты с философами-просветителями, в частности «немного поцарапать» Монтескье. Однако вместе с тем он пытается отнять Кантемира и у «славян», сделать из него нечто в роде карамзиниста до Карамзина; так он заставляет его произнести в конце статьи следующую автохарактеристику: «Я первый осмелился писать так, как говорят: я первый изгнал из языка грубые слова славянские, чужестранные, несвойственные языку русскому, и открыл новую дорогу для грядущих талантов... первый осмелился говорить языком муз и философии».

Капаний — Капаней (греч. миф.), один из семи царей, осаждавших греческие Фивы.

Капече-Латро (1744—1836) — архиепископ тарентский, деятель просвещения. Несмотря на свой духовный сан, боролся против клерикализма, стоя в оппозиции к папскому Риму. Во время либерального наполеоновского режима (при Мюрате) был министром внутренних дел Неаполитанского королевства. Основывал библиотеки, школы, музеи. После падения Мюрата в 1814 г. ушел в частную жизнь. Неаполитанцы гордились им как своего рода достопримечательностью, сложив поговорку: «Когда приезжаешь в Неаполь, надо видеть три вещи — Помпею, Везувий и архиепископа тарентского».

Капитолий — священная гора в древнем Риме, на которой находился храм Юпитеру того же имени, кремль и ряд важнейших государственных учреждений. В средние века на Капитолии происходили разнообразные, в том числе и литературные, торжества (триумфальное коронование Петрарки в 1341 г. поэтическим венцом и т. п.).

Капнист Василий Васильевич (1757—1823) — поэт и драматург, автор комедии «Ябеда», обличавшей продажность современного ему суда. В книге его стихов, вышедшей в 1806 г., на ряду с одами духовными, торжественными, нравоучительными, имеется и особый отдел «горацианских и анакреонтических» од (Гораций был вообще его любимым писателем). Выросшее в основном на почве классической поэтики, творчество Капниста вместе с тем носит на себе черты переходного времени — элементы новой, карамзинской, эпохи. Не даром среди практикуемых им одических жанров встречаем особый вид «элегических од». Это делало его творчество близким Батюшкову, который в письмах

к Гнедичу неоднократно просит прислать ему сочинения Капниста, а в письме от 19 сентября 1809 г. даже ставит его слог в пример самому Гнедичу: «Кто хочет писать, чтоб быть читанным, тот пиши внятно, как Капнист, вернейший образец в слоге». Однако в своих теоретических воззрениях Капнист был крайним шишковистом; состоял почетным членом «Беседы», сотрудничал в ее органе — «Чтениях в Беседе любителей русского слова», в 18-м номере которого напечатал «исследование»: «Краткое изыскание о гипербореанах и коренном российском стихосложении». В этом ультрашишковистском «исследовании» автор пытается обосновать тожество древних славян с фантастическими гиперборейцами, от которых якобы «сами древние греки заимствовали искусства и науки», и тем доказать, что не славяне получили от греков свою образованность, а, наоборот, греки обязаны ею славянам. Немудрено, что нелепо-патриотические домыслы Капниста вызвали ироническое замечание Батюшкова (в письме от 7 ноября 1811 г.), называющего их «старымиреднями». Батюшков лично познакомился с Капнистом через Оленина в самом начале своей литературной деятельности. Капнист, видимо, покровительственно отнесся к первым его опытам (в письме к Гнедичу от 19 марта 1807 г. Батюшков называет его своим «меценатом»), в частности горячо советовал ему перевести на русский язык «Освобождение Иерусалима» Тасса (по его же совету Гнедич взялся за перевод «Илиады»). После опубликования Батюшковым в «Опытах» «Умирающего Тасса» Капнист обратился к нему с посланием, в котором сетовал, что «великолепно похоронив Тасса» в своей элегии, Батюшков «пренебрег совет дружбы» и не «воскресил» его «средь русского Парнаса», т. е. не докончил своего перевода.

Карабанов Петр Матвеевич (1765—1829) — писатель-шишковист, член «Российской академии» и «Беседы любителей русского слова», автор стихотворного перевода на русский язык трагедии Вольтера «Альзира» (вышел тремя изданиями) и надуто-торжественных од. Воейков в своем шуточном «Парнасском адрес-календаре», составленном для арзамасцев, называет его «именинным стихотворцем, долженствующим всегда иметь в запасе несколько пиес на рождение, крещение, бракосочетание и кончину знатных особ обоего пола». Батюшков несколько раз иронически отзывается о Карабанове в своих письмах: в письме к Гнедичу от декабря 1809 г. предлагает ему представить себе Карабанова, который, видимо, отличался толщиной, «в женском платье»; в письме к нему же от октября 1811 г. пишет: «Я становлюсь остер и легок, как Карабанов».

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — писатель, журналист и историк, основоположник и глава русского сентиментализма. Литературная деятельность Карамзина в конце XVIII века носила исторически-прогрессивный характер, выражая тенденции передовых слоев среднего дворянства к «европеизации» русской действительности, к усвоению ею элементов буржуазного развития. Основной заслугой

Карамзина явился отказ от искусственно-книжного, отвлеченно-торжественного, проникнутого «славянщиной» языка «классической» литературы XVIII века, и борьба за создание нового литературного языка, более близкого живой разговорной речи. Великая французская революция произвела резкий переворот во взглядах Карамзина, превратив его из либерала и космополита в консерватора и русского патриота, стремящегося из «мятежной» Европы «домой», «на свою родину», «с тем чтобы уже никогда не расставаться с ее мирными пенатами» («Гром грянул во Франции... мы видели издали ужасы пожара и всякий из нас возвратился домой благодарить небо за целость крова нашего и быть рассудительным»). В начале XIX века от художественного творчества Карамзин переходит к деятельности публициста и историка («Записка о древней и новой России», направленная против реформаторских замыслов Александра I и Сперанского, «История государства российского»), целиком проникнутой заботами о «целости крова» — монархистско-крепостнических устоев старой России. Тем не менее в лагере крайних реакционеров на Карамзина продолжали смотреть как на потрясателя основ, носителя «вольнодумческого и якобинского яда». В 1803 г. против языковой реформы Карамзина выступил адмирал Шишков *(см.)*, книга которого «Рассуждение о старом и новом слоге» положила начало ожесточенной борьбе между карамзинистами и шишковистами. Будучи по своим литературным вкусам больше классиком, чем сентименталистом, Батюшков в споре о языке решительно стал на сторону приверженцев Карамзина. Лично с Карамзиным он познакомился в 1810 г. После встречи на улице, описанной им в письме к Гнедичу, Батюшков получил приглашение бывать у него. Первые впечатления были не слишком благоприятны («...видел автора «Марфы», упоенного, избалованного беспрестанным курением, и более ни слова», пишет он Гнедичу 17 марта 1810 г.; Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 82), однако вскоре они рассеялись, и Батюшков начал всё сочувственнее отзываться о личных качествах Карамзина, в доме которого стал «бывать ежедневно» (ib., стр. 94). Близкие отношения с Карамзиным продолжались у Батюшкова вплоть до самого его душевного заболевания. Ценя в Карамзине главным образом его заслуги в деле образования нового литературного языка, о его собственно художественном творчестве Батюшков отзывается с неизменным сочувствием, хотя и без особого восторга («прелестные повести», «стихотворения, исполненные чувства»); гораздо большее признание встретила в нем деятельность Карамзина как историка, близкая его общественно-политической позиции после 1812—1814 гг.

Каринтия — древнее самостоятельное герцогство, вошедшее впоследствии в состав Австрийской империи; в настоящее время является одной из австрийских «союзных земель».

Карист — город на острове Эвбее, в Греции, где добывался порфир.

Каспий — Каспийское море.

Касталийские воды, *Касталийский ток* (греч. миф.) — источник поэтического вдохновения на горе Парнасе *(см.)*, посвященный Аполлону и музам.

Касти Джамбаттиста (1721—1803) — итальянский поэт, автор поэм и комедий и «анакреонтических стихов». Бывал в Петербурге, что способствовало знакомству с его творчеством русских литераторов. Один из них, близко знакомый и Батюшкову, И. М. Муравьев-Апостол *(см.)*, за год до смерти Касти посетил его в Париже. Выписывая в свою записную книжку «Чужое: мое сокровище!» из труда Симона де Сисмонди «О литературе южных стран Европы» (1-е издание 1813 г.) характеристики итальянских писателей, о Касти Батюшков коротко замечает: «Касти. Я его знаю».

Катенин Павел Александрович (1792—1853) — поэт, драматург и критик. По либеральной настроенности близок декабристам; в 1817 г. — член тайного общества. Литературная деятельность Катенина была проникнута стремлением, впротивовес размягчающему, волеослабляющему искусству Карамзина и его последователей вплоть до Жуковского, создать мужественную героическую поэзию, насыщенную подлинной, а не фальшиво-эстетизированной народностью. Это сближало его — как позднее Грибоедова и Кюхельбекера, при всей разности их политических взглядов и взглядов Шишкова — с литературной теорией и практикой шишковистов. Последнее, наоборот, охладило к нему Батюшкова, который познакомился с ним во время их общей службы в министерстве народного просвещения в 1807 г. Так, в письме к Гнедичу 1809 г. он еще сочувственно осведомляется: «Маленький Катенин что делает? он с большим дарованием». Однако, после того как Катенин написал свою «народную балладу» «Ольга», в которой бросил вызов всем основным устоям «балладной» поэтики Жуковского, Батюшков уже пишет тому же Гнедичу, выступившему с критической статьей, направленной против «Ольги», что талант Катенина «не стоил его критики» (письмо от начала августа 1816 г.).

Катон Марк Порций, Младший (95—46 до н. э.) — римский государственный деятель, убежденный республиканец и противник монархических притязаний Помпея и Юлия Цезаря. После победы последнего над республиканцами покончил с собой. Перед самоубийством помог всем своим сторонникам спастись бегством, оставив при себе только сына и двух философов, с которыми рассуждал о правилах стоической философии. Затем, почитав Платона, заснул. Проснувшись около полуночи, послал узнать, все ли корабли с беглецами благополучно вышли из гавани, и, получив утвердительный ответ, пронзил себя мечом. Рана была несмертельной, врач наложил было ему повязку, но, придя в себя, он сорвал ее и истек кровью. Этот спокойный сон перед смертью очевидно и имеет в виду оратор батюшковского «Похвального слова сну».

Катулл (I в. до н. э.) — римский поэт. Республиканец и противник Юлия Цезаря, которого он бичевал едкими эпиграммами. Особенно прославился он своей любовной лирикой, за которую его прозвали «изящнейшим из поэтов». Катулл принадлежал к числу излюбленных древних писателей Батюшкова. Он часто цитирует из него и постоянно упоминает его имя в своих статьях. Называя Вяземского в шутливом четверостишии к его портрету «нашим Катуллом», Батюшков, очевидно, имеет в виду его не только как «певца веселья и любви», но и как памфлетиста и эпиграмматиста.

Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) — профессор-историк, критик и журналист. Редактор-издатель «Вестника Европы» *(см.)*.

Кашемир (Кашмир) — область в Индии.

Каэна — Кайена, главный город французской Гвианы в Южной Америке, имеющий крайне вредный для здоровья климат и служивший местом ссылки.

Кедрон (правильнее Кидрон) — долина в Палестине, подле Иерусалима.

Кейзерлинг Герман Карл, барон, впоследствии граф — русский дипломат, одно время президент Академии Наук. В 1836 г. Кейзерлинг приезжал в замок Сирэ, к Вольтеру, в качестве представителя Фридриха Прусского (в то время еще наследного принца). Приводимый Батюшковым отзыв Вольтера о маркизе дю-Шатле находится в одном из писем Вольтера в стихах и прозе к Кейзерлингу от 1838 г.

Керамик — предместье древних Афин.

Кесарь — император. В «Прогулке в Академию художеств» и в «Переходе через Рейн» «кесарь» — римский полководец, политический деятель и писатель Юлий Цезарь (102—44 до н. э.).

Кий — легендарный основатель Киева.

Киммеринский. — В «Одиссее» Гомера *киммерийцы* — баснословный народ, живущий на крайнем западе, у океана, куда никогда не проникают лучи солнца: «бог лесов киммеринских» — Морфей, бог сна.

Кинольт — Филипп Кино (1635—1688) — французский поэт, драматург и оперный либреттист. Подвергался резким нападкам со стороны Буало, отрицавшего в нем всякую поэтическую одаренность и осуждавшего за пристрастие к мелодраматическим эффектам.

Кипренский Орест Адамович (1783—1836) — русский художник, сын крепостного, глава русского живописного романтизма. Современники называли его «русским Ван-Дейком и Тицианом». В 1805 г. за картину «Великий князь Дмитрий Донской на Куликовом поле» получил золотую медаль и право на заграничную поездку на казенный счет. Однако, в виду внешнеполитических осложнений поездка за границу была отложена и он смог выехать туда только в 1816 г. Батюшков, давно знакомый с Кипренским по встречам у Оленина *(см.)*, виделся с ним в Риме в 1819 г. «Он делает честь России поведением и кистью: в нем-то надежда наша», — писал он о нем оттуда Оленину (письмо от февраля 1819 г.). Среди портретов русских писателей, воспроизве-

денных «чудесной кистью» Кипренского, имеются два карандашных портрета и один портрет маслом самого Батюшкова.

Киприда (г р е ч. м и ф.) — одно из прозвищ богини любви и красоты Афродиты, ступившей на землю на острове Кипре, бывшем главным местом ее почитания.

Кир — колоссальный десятитомный роман французской писательницы Мадлэны Скюдери (1607—1701) «Artamène ou le Grand Cyrus», пользовавшийся в свое время огромной популярностью.

Клио (г р е ч. м и ф.) — муза истории.

Клопшток Фридрих Готлиб (1724—1803) — немецкий поэт, идеолог подымающейся немецкой буржуазии, автор эпической поэмы в гекзаметрах «Мессиада».

Клоринда — воительница-мусульманка в «Освобожденном Иерусалиме» Тассо (*см.* Тасс). Лицо вымышленное. По поэме крестоносец Танкред и она полюбили друг друга. Танкред, не узнав Клоринды в боевом рыцарском наряде, убивает ее.

Клотарь — один из персонажей поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим», лицо вымышленное.

Княжнин Яков Борисович (1742—1791) — драматург, автор трагедий и комедий. Выросшее в основном на поэтике классицизма, творчество Княжнина однако уже несет на себе следы воздействия сентиментальной «мещанской драмы». Особой известностью среди трагедий Княжнина пользовался его «Вадим Новгородский», напечатанный после его смерти в 1793 г. и за проповедь республиканизма и нападки на самодержавие уничтоженный по личному приказанию Екатерины II рукой палача. Эта «очень язвительная против монархической власти» трагедия Княжнина не могла не пользоваться особой популярностью в вольнолюбивом кружке Пнина и его друзей, к которому принадлежал молодой Батюшков. Дружил Батюшков и с сыном Княжнина, допрашивавшимся в свое время по делу отца. Восторженное отношение к «Вадиму» сохранялось в Батюшкове и в более позднее время. Очевидно, именно «Вадима» он имел в виду под той «трагедией 1793 года», о которой явно сочувственно упоминает во второй редакции своего «Похвального слова сну». Однако выраженно-«классические» элементы творчества Княжнина настраивали Батюшкова к нему достаточно сдержанно, как к чему-то архаическому (не даром в «Прогулке в Академию художеств» он заставляет своего *Старожилова* предпочитать его Озерову). «Я читал все это время Княжнина сочинения, — пишет он Гнедичу в 1809 г. (от 6 сентября). — Сколько хорошего, сколько ума и соли! И какое холодное, мерзлое дарование».

Кодр — недалекий автор, освистываемый «ложами и партером», но сохраняющий полное «довольство собой». (Из «Послания Попа к Арбутоту» И. И. Дмитриева.)

Койпель — Куапель (Coypel), семья (отец, два сына и внук) французских исторических художников и портретистов. В Парижском Лувре имеется

ряд полотен отца и старшего сына — Антуана, которые Батюшков мог видеть во время своего пребывания в Париже в том же 1814 г. Помимо того три картины Антуана Куапеля имелись в петербургских хранилищах (одна в Эрмитаже, две — в музее Академии художеств). Последнее обстоятельство дает основание думать, что под своим «Койпелем» Батюшков разумеет именно Антуана (1661—1722).

Кокошкин Федор Федорович (1773—1838) — любитель литературы и театра, сам писавший стихи и переводивший французские пьесы (в том числе «Мизантропа» Мольера). Позднее (в 20-е годы) директор московского театра и председатель «Общества любителей российской словесности». По своим литературным вкусам «отъявленный классик», Кокошкин и всем своим обликом был как бы живым олицетворением «высоких» традиций XVIII в. «Он был малого роста, в рыжем парике, с большой головой и нарумяненными щеками, — рассказывает о нем его родственник, гр. В. А. Соллогуб. — Носил он длинные чулки в башмаках с пряжками и атласную culotte courte черного, а иногда розового цвета. Он казался олицетворением важности, пафоса и самодовольствия». Кокошкин чрезвычайно любил читать вслух и декламировать стихи, но декламация его, по свидетельству актера П. А. Каратыгина, была вполне во вкусе XVIII в. — «неестественна и исполнена натянутой, надутой дикции». Батюшков, видимо, познакомился с Кокошкиным в Москве в 1810—1811 гг. Затем он встречался с ним в 1812 г. в Нижнем-Новгороде. «Прелестная Лила» — его первая жена, урожденная Варвара Ивановна Архарова (1786—1811).

Кола — быстрая и порожистая река, впадающая в Кольский залив Северного полярного моря.

Колонна Стефано (ум. 1347) — один из членов аристократической итальянской фамилии, игравшей большую роль в средневековой истории Рима. Друг и покровитель Петрарки. Возглавил контрреволюционное восстание знати против республиканского трибуна Кола ди Риенци, во время которого был убит почти со всеми членами своей семьи.

Конде Луи, принц (1621—1686) — французский полководец при Людовике XIV, прозванный современниками «Великим Конде».

Кондильяк Этьен Бонно, де, аббат (1715—1780) — французский философ и экономист, последователь сенсуализма — философского направления, которое выводит все познание из чувственного опыта.

Коринна — греческая поэтесса (V в. до н. э.), по преданию учительница Пиндара, пять раз победившая его на состязаниях; в стихах Батюшкова — условное имя, обозначающее некую прекрасную женщину, любительницу поэзии, искусств и эпикурейских наслаждений.

Коринф — один из самых многолюдных торговых центров древней Греции; был разорен консулом Муммием (в 146 г. до н. э.) и более ста лет пролежал в развалинах.

Кориолан (V в. до н. э.) — римский патриций. Борясь с римскими плебеями, передался врагам древнего Рима вольскам и во главе их совер-

шил поход на Рим. Склонясь на просьбу матери, посланной к нему в лагерь в числе других римских женщин умолять пощадить город, отступил от Рима, за что вольски побили его камнями. История Кориолана послужила сюжетом одноименной трагедии Шекспира.

Корнутский граф — шартрский граф Стефан де Блуа, участник 1-го крестового похода.

Корреджио Антонио (1494—1534) — итальянский художник, замечательный мастер светотени.

Корсиканец — презрительное прозвище, данное реакционерами-роялистами Наполеону I, родившемуся на острове Корсике.

Корсунь — древне-русское название Херсонеса, древне-греческой, а затем византийской колонии на южном берегу Крыма.

Костров Ермил Иванович (ок. 1750—1796) — одописец и переводчик. Начал переводить «Илиаду» александрийским стихом (при его жизни были изданы первые 6 песен его перевода). Батюшков, часто упоминая имя Кострова в письмах к Гнедичу в связи с работой последнего над «Илиадой», настоятельно советует Гнедичу, который сперва стал продолжать перевод Кострова и лишь впоследствии решил переводить «Илиаду» заново гекзаметром, беречься «словенского языка» своего предшественника.

Котен Шарль, аббат (1604—1682) — французский писатель, служивший предметом жестоких нападок Буало, преследовавшего его за ходульную напыщенность и витиеватость стиля и за льстивое угодничество перед знатными покровителями.

Коцит (г р е ч. м и ф.) — река «плача». Одна из подземных рек, окружающих Аид *(см.)*.

Красное крыльцо — парадный выход из большого кремлевского дворца. Предназначалось для царских выходов в соборы и к народу.

Кратес из Фив (IV—III в. до н. э.) — философ-киник, один из ревностнейших приверженцев Диогена. Отказался от всего своего имущества, кроме старого плаща, который служил ему единственным прикрытием его наготы.

Крез — богач (от имени последнего лидийского царя VI в. до н. э., обладателя колоссальных сокровищ).

Кромвель Оливер (1599—1658) — вождь Великой английской революции.

Кромла — священная гора друидов *(см.)* в Ирландии.

Кротона — греческий город в южной Италии *(см.* Пифагор).

Крылов Иван Андреевич (1768—1844) — баснописец и драматург. С Крыловым Батюшков познакомился в доме Оленина в самом начале своей литературной деятельности; позднее служил вместе с ним в Публичной библиотеке. К личности и творчеству Крылова Батюшков относился с огромным сочувствием. «Живой портрет» Крылова Батюшков, по его собственным словам, набросал в «Видении на берегах Леты». Заслуживает внимания, что в том же «Видении», на ряду с баснями

Батюшков дает высокую оценку не только комедиям Крылова, но и его деятельности как публициста-сатирика, издателя сатирически-обличительного журнала «Почта духов». Даже участие Крылова в «Беседе любителей русского слова» не изменило отношения к нему. Батюшкова, продолжавшего с восторгом отзываться о его здравом уме («он толще всех поэтов вкупе и рассудком и тушею», письмо к Гнедичу от 1817 г. Сочин. под ред. Майкова, т. III, стр. 418) и его баснях, «которые переживут века» (ib. стр. 391). «Одной из лучших басен» Крылова он считал басню «Добрая лисица», которую вписал в 1817 г. в свою записную книжку «Чужое: мое сокровище!»

Ксения — княжна Ксения, героиня трагедии Озерова «Дмитрий Донской».

Кузьма — Андрей Андреевич Нартов (1737—1813), президент (с 1801 г.) Российской академии, второстепенный поэт, драматург и переводчик. Один из довольно видных масонов. Архаизм языка и слога сочетается в стихах Нартова с сентиментальным содержанием.

Кук Джемс (1728—1779) — английский мореплаватель, открывший ряд тихоокеанских островов. Был убит и съеден жителями острова Гавайи. У Мерзлякова есть стихотворение «Тень Кукова на острове Овги-ги» (1805), в котором, действительно, содержится цитируемое Батюшковым полустишие.

Кумы — греческая колония в Южной Италии, около Неаполя.

Купидон (г р е ч. и р и м. м и ф.) — латинское название Эрота *(см.)*.

Куракин Александр Борисович, князь (1752—1818) — вице-канцлер при Павле I; при Александре I посол в Вене и Париже: образованный человек, страстный библиофил; выпустил несколько своих сочинений на французском и немецком языках.

Курганов Николай Гаврилович (род. ок. 1725, ум. 1796) — автор «Письмовника», представлявшего род популярной «энциклопедии» выдержавшего большое количество изданий и пользовавшегося самым широким распространением среди малообразованных слоев населения (купечества, мелкого чиновничества, мелкопоместного дворянства и т. п.).

Куртель (Courteil) — французский художник, живший в России и много работавший для кн. Н. Б. Юсупова. В 1813 г. получил от петербургской Академии художеств звание академика.

Кутон Жорж (1755—1794) — деятель Великой французской революции, ближайший приверженец Робеспьера.

Кутузов — Голенищев-Кутузов, князь Смоленский, Михаил Илларионович (1745—1813), русский полководец, главнокомандующий в войне 1812 г. с Наполеоном.

Лагарп 1) Фредерик-Сезар (1754—1838) — воспитатель Александра I, швейцарский республиканский деятель, умеренный республиканец. Позднее, став во главе Швейцарской республики в качестве одного из членов Директории, начал обнаруживать замашки деспотизма, резко

противоречившие его республиканским принципам. В первые годы царствования Александра I умерял его «либеральный» пыл. В 1819 г. сопровождал, по приглашению императрицы Марии Федоровны, великого князя Михаила Павловича в его путешествии по Италии (см. выше стр. 425—426); 2) Жан-Франсуа (1739—1803) — французский критик, поэт и драматург, теоретик «классицизма» и ученик Вольтера. После террора Лагарп, до того республиканец, сделался одним из идеологов реакции. Его стихотворение «Меланхолия», из которого Батюшков советует Гнедичу заимствовать некоторые черты, пользовалось в свое время большой популярностью.

Лайа Ж. Л. (1761—1833) — французский поэт-драматург и профессор истории литературы. Во время Великой французской революции выпустил памфлет против якобинцев, был объявлен вне закона и скрывался до 9 термидора.

Лаиса — имя нескольких знаменитых греческих гетер, отсюда *Лаисы* — женщины легкого поведения, куртизанки.

Лаконские горы — горный кряж в Лаконии, одной из областей древней Греции.

Лакретель П. Л., старший (1751—1824) — французский историк, юрист и политический деятель. Во время Великой французской революции либерал, член законодательного собрания 1791 г. В период Реставрации руководил оппозиционными газетами.

Лаокоон — античная мраморная группа. Мифический жрец Аполлона разгневал последнего и был задушен вместе со своими двумя сыновьями гигантскими змеями. Группа, изображающая момент гибели Лаокоона, принадлежит резцу трех родосских скульпторов I в. до н. э. Оригинал находится в Риме.

Лаптевич — один из общих приятелей Батюшкова и Н. И. Гнедича.

Лары (р и м. м и ф.) — души предков, покровители домашнего очага.

Лаура — возлюбленная Петрарки, посвятившего ей подавляющую часть стихов своего знаменитого «Песенника» (Il Canzoniere). Батюшков произносит это имя то на итальянский, то на французский лад — *Лора*.

Лафар, маркиз (Charles-Auguste de La Fare, 1644—1712) — французский поэт-анакреонтик, друг Шолье (*см.* Шолио).

Лафонтен (Jean de La Fontaine, 1621—1695) — французский баснописец, создатель особого жанра полуполитической, полуфилософской басни. Оказал огромное влияние на все европейские литературы, в том числе на русскую вплоть до Крылова. О его добродушии, беспечности и легкомыслии ходило множество анекдотов.

Лебрен (Pierre-Antoine Lebrun, 1785—1873) — французский поэт. В письме к Гнедичу от конца ноября 1809 г. Батюшков хвалит одну из его од и рекомендует Гнедичу прочесть ее. В двух своих эпиграммах он подражает Лебрену.

Лебрюн — Лебрен (Ponce-Dénis Lebrun, 1729—1807), французский поэт-одописец, прозванный современниками «Лебреном-Пиндаром».

Левкадская скала — крутой и скалистый Леквадский мыс в древней Греции, с которого, по преданию, бросилась в море безнадежно влюбленная Сафо *(см.)*.

Леда (греч. миф.) — греческая царевна, возлюбленная Зевса, являвшегося ей в виде лебедя. Соответственно этому Батюшков под «немилосердно кричащими» Ледами очевидно подразумевает гусынь.

Ленотр (Le Nôtre A., 1613—1700) — французский садовый архитектор времени Людовика XIV, устроитель версальских парков, создатель особого типа французского «классического» сада, для которого, в противоположность английскому «природному» саду, характерна величайшая «искусственность» — плоскостность рельефа, геометрическая прямолинейность, «выравненность», подстриженность, равно как особая парадность, торжественность, создаваемая обширными водоемами, широкими открытыми перспективами, наличием статуй и т. п.

Лесбос — остров в Эгейском море, родина «лесбосской певицы» Сафо *(см.)*.

Лета (греч. миф.) — подземная «река забвенья» по пути в Аид, испив воды которой, тени умерших забывают свое земное существование.

Летиция Бонапарте — мать Наполеона, которого в письме к Гнедичу Батюшков называет «всадником Робеспьером», очевидно желая подчеркнуть его «кровожадность».

Ливан — горная страна в Сирии; склоны Ливана были покрыты в древности могучими кедровыми лесами.

Лион — один из крупнейших и богатейших городов Франции, главный город департамента Роны, крепость.

Лицей — род вольного университета в Париже, весьма модный среди французского светского общества конца XVIII в. (основан в 1781 г.). В лицее читались лекции по различным научным дисциплинам и по художественной литературе. Преподавание велось в духе просветительной философии XVIII в. По литературе там читали Лагарп, Женгенэ, который впервые прочел там свой курс истории итальянской литературы, и другие критические светила того времени.

Лобанов Михаил Евстафьевич (1787—1846) — драматург и переводчик трагедий Расина. Член Российской академии; политический реакционер. В противовес пушкинскому «Борису Годунову», опубликовал в 1835 г. своего «Бориса Годунова», написанного в «классическом» роде. Батюшков, издавна знакомый с Лобановым как с близким другом Гнедича и постоянным посетителем дома А. Н. Оленина, находил достоинства в его переводах из Расина, но в общем относился к ним сдержанно. «С Расином шутить нельзя. Вот главные условия переводчика Расина: ясность, плавность, точность, поэзия и... и... и... как можно меньше словенских слов» (письмо к Гнедичу от 11 мая 1811 г.). Повидимому,

он не находил в переводах Лобанова соблюдения этих условий. По крайней мере, в более позднем письме Гнедичу (от первой половины июня 1815 г.), делая комплименты новому переводу Лобанова, он однако прибавляет: «Для успеха в словесности я желал бы, чтоб он занялся чем-нибудь полезнее. Расина переводить невозможно». Батюшков, очевидно, переписывался с самим Лобановым. По крайней мере сохранилось одно шутливое его письмо к Лобанову (от июня 1815 г.), опубликованное в издании Майкова (т. III, стр. 320).

Локк Джон (1632—1704) — английский философ и педагог. Родоначальник в новой европейской философии сенсуализма — философского учения, считающего источником познания наши ощущения. Истина, по Локку, есть соответствие представлений с действительностью. Материалистические элементы философии Локка послужили исходным пунктом для теории познания материалистов XVIII в. Батюшков, воспитанный на просветительной философии XVIII в., читал и Локка, однако не был удовлетворен его системой. «Берусь за Локка, — пишет он Гнедичу из деревни в августе 1811 г., — он говорит мне: для счастья своего ищи, ищи истины. Но где она? Был ли он сам меня счастливее?» В своем педагогическом трактате «Мысли о воспитании» Локк набрасывает систему воспитания состоятельного английского джентльмена, основанную на физическом закаливании, дисциплине, знакомстве с жизнью и усвоении хороших манер. Сергей Глинка в патриотическом рвении доказывал в одной из статей своего «Русского вестника» (1808, кн. 9), что доморощенные воспитательные приемы дядьки Петра I, Никиты Зотова, вполне соответствовали педагогическим теориям Локка. Этим и объясняется ироническое прозвище его Батюшковым в «Видении на берегах Леты» «русским Локком».

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — разносторонний ученый и один из основоположников русского классицизма. Окончательно утвердил в русской поэзии силлабо-тоническое стихосложение. Дал образцы торжественной пиндарической оды (хвалебной, философской и т. п.). Сыграл основополагающую роль в выработке русского литературного языка XVIII века (теория «трех штилей» — высокого, среднего и низкого, сознательное употребление славянизмов и т. п.). Борясь с попытками Шишкова и его приверженцев применить теории Ломоносова к литературе начала XIX в., Батюшков, в своей собственной литературной деятельности выдвигавший на первый план проблемы образования литературного языка, не мог не ценить трудов Ломоносова в этой области, имевшие для того времени безусловно прогрессивное значение. Этим объясняется повышенный интерес его к личности Ломоносова и исключительно высокая оценка, даваемая им его литературной деятельности. «Парнасский исполин», «лебедь величавый», «наш Пиндар», «восторженный поэт», «бессмертный Ломоносов», «отец русского стихотворства» — называет он его в своих стихах и прозаических статьях; в «Речи о влиянии легкой поэзии

на язык» приравнивает его заслуги на «поприще словесности», в особенности «пробуждение языка», к государственной деятельности Петра Первого — высшая похвала в устах западника того времени, буквально повторенная значительно позже Белинским. В 1815 г. он пишет специальную статью «О характере Ломоносова». Наконец, заносит в свою записную книжку «Чужое: мое сокровище!» обширные выписки из собственно научных работ Ломоносова — из «Слова о химии» и «Слова о рождении металлов», — в качестве замечательных образцов новой речи. Особенно привлекает его содержательность научного языка Ломоносова, соединяемая со строгой точностью выражения. «Все показывает, что Ломоносов писал от избытка познаний. В самом изобилии слов он сохраняет какую-то особенную строгую точность в языке совершенно новом. Каждый эпитет есть плод размышлений или отголосок мыслей: догадливая геометрия, точная и замысловатая механика, проницательная оптика». Одновременно Батюшков пытается отнять Ломоносова у его эпигонов-шишковистов: «Подражатели Ломоносова полагают, что его красноречие заключается в долготе периодов, в изобилии слов и в знании языка словенского. Нет, оно проистекает из души, напитанной чтением древних, беспрестанным размышлением о науках и созерцанием чудес природы, его первой наставницы. Да здравствует наш Михайло, рыбак холмогорский! Es lebe hoch!» Однако уважение к Ломоносову не помешало Батюшкову однажды в «Певце в Беседе любителей русского слова» подшутить над слишком известной его человеческой слабостью — страстью к вину.

Лора — *см.* Лаура.

Лосенков — Лосенко Антон Павлович (1737—1773), исторический живописец и портретист, типичный представитель академизма и классицизма XVIII в.

Лукницкий Аристарх Владимирович (1778—1811) — мелкий литератор начала XIX в., театральный переводчик, издатель журнала «Северный Меркурий» (1809—1811).

Лукреций Кар Тит (98—55 до н. э.) — римский поэт-философ, изложивший в поэме «О природе вещей» материалистическое мировоззрение Эпикура. Батюшков читал поэму Лукреция в итальянском переводе Маркетти (русских переводов ее в то время не существовало) и сделал в своей записной книжке «Чужое: мое сокровище!» ряд выписок из указателя к этому переводу под заглавием «Что есть интересного в Tito Lucrezio Caro». Несколько ранее он приводит там же выписку из Сисмонди, возмущавшегося по поводу запрещения печатать перевод Маркетти в момент его появления, в XVI в.

Лукулл (I в. до н. э.) — римский полководец, славившийся необычайной роскошью и изобилием своих пиров и празднеств — «лукулловы пиры».

Львов — 1) Николай Александрович (1751—1803), писатель, архитектор, художник. Был близок с Державиным. Перевел Анакреона (1794) и

«Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго», изданную в 1793 г. вместе с французским переложением, с которого он сделал свой перевод, отдельной брошюрой, послужившей для Батюшкова источником его «Песни Гаральда Смелого» (см. выше стр. 495). 2) Павел Юрьевич (1770—1825) — плодовитый поэт и писатель, начал свою литературную деятельность в школе Карамзина в качестве автора чувствительных повестей, в том числе «Российской Памелы» (1789), представляющей подражание знаменитому роману главы английского сентиментализма, Ричардсона. Через некоторое время перешел в лагерь Шишкова. В 1803 г. написал патриотическое сочинение «Храм славы российских героев от времен Гостомысла до царствования Романовых». В 1804 г. был избран членом Российской академии, которая наградила его в 1806 г. золотой медалью за «Похвальное слово царю Алексею Михайловичу». Был членом «Беседы любителей русского слова». Его единомышленники хвалили его за то, что он был «защитником ревностным старинных сильных слов». Наоборот, Карамзин зло издевался над его «предлинными речениями» и «надутым, пухлым диким слогом» (см. выше стр. 260 и 588—589).

Любовница Фаона — Сафо *(см.)*.

Людовик XIV (1643—1715) — французский король, наиболее яркий выразитель французского абсолютизма. С целью окружить себя и свой двор ореолом пышности и блеска покровительствовал литературе и искусствам. «Век Людовика XIV» — время наибольшего расцвета французского классицизма, эпоха Расина, Мольера, Буало. «*Людовик* на троне» (стр. 407) — Людовик XVIII, получивший после разгрома Наполеона в 1814 г. французскую корону из рук союзников.

Маин сын, маинин сын (г р е ч. м и ф.) — Гермес *(см.)*, сын богини Майи, дочери Атланта *(см.)*, старшей из Плеяд, которые с горя по участи отца умертвили себя и были помещены между звездами.

Майков Василий Иванович (1728—1778) — поэт-классик, подражатель Сумарокова. «Шуточная поэма», о которой упоминает Батюшков, его «ирои-комическая поэма» «Елисей или раздраженный Вакх», в которой олимпийские боги даны в пародически-сниженном виде: автор заставляет их вмешиваться в похождения русского ямщика, происходящие в кабаке, в исправительном «прядильном доме для распутных девиц» и т. п.

Макарий — ярмарка в селе Макарьеве Нижегородской губернии, с 1817 г. переведенная в Нижний-Новгород.

Макаров Михаил Николаевич (1789—1847) — поэт-сентименталист, издатель ряда журналов, приятель Шаликова *(см.)* и ревностный сотрудник его изданий.

Маккавеи — еврейская семья, возглавившая во II в. до н. э. национально-религиозное восстание евреев против сирийских правителей Селев-

кидов. У Батюшкова Маккавеи в значении — патриоты, ревнители веры.

Мальвина — в поэмах Оссиана, жена его сына, Оскара *(см.)*, которую Оссиан утешает в потере мужа своими песнопениями о былой славе и величии. В стихотворении «К Мальвине» — условное имя.

Мандрикар — один из персонажей поэмы Ариосто «Неистовый Орланд». Описание боя между ним и Сербином содержится в XXIV песне поэмы.

Мантуа — Мантуя, укрепленный город Ломбардии в северной Италии. Расположен среди озер, на реке Минчио. Родина Вергилия, который неоднократно упоминает о ней в своих произведениях (в «Эклогах», IX, 27, «Георгиках», II, 198, и «Энеиде», X, 198).

Марат Жан Поль (1744—1793) — вождь революционной мелкой буржуазии эпохи Великой французской революции, объявивший в 1792 г. решительную борьбу жирондистам и выдвинувший требование революционного террора.

Марий Гай (156—86 до н. э.) — римский полководец, консул и диктатор. Его борьба с Суллой за верховное командование привела к первой гражданской войне в Риме.

Марк Аврелий (121—180 н. э.) — римский император, один из выдающихся представителей философии стоицизма, автор философского трактата «К самому себе», «венчанный стоик», как называет его Батюшков в своем дневнике.

Мармон (1774—1852) — наполеоновский маршал, герцог Рагузский. В 1814 г. сдался со всем своим корпусом союзникам и подписал с ними договор о сдаче Парижа.

Маро (Clément Marot, 1495—1544) — французский поэт; несмотря на то, что был любимцем Франциска I, подвергался неоднократным преследованиям. Выросшая, с одной стороны, на античных образцах и творчестве писателей итальянского Возрождения, с другой — связанная со старофранцузской лирикой, эпикурейская поэзия Маро отличается легкостью, остроумием и бьющим через край весельем. Особенного мастерства он достиг в мелких поэтических жанрах — посланиях, эпиграммах, песнях и т. д.

Марон — *см.* Виргилий.

Марс (р и м. м и ф.) — бог войны, одно из главных божеств древнего Рима.

Марсий (г р е ч. м и ф.) — сатир (*см.*), мастер игры на флейте, дерзнувший вступить в музыкальное состязание с Аполлоном. В наказание последний содрал с него кожу.

Мартос Иван Петрович (1752—1835) — русский скульптор, представитель «классицизма» начала XIX в.

«Марфа Посадница» — историческая повесть Карамзина (1803), создавшая жанр русской сентиментально-исторической повести, к которому принадлежит и повесть Батюшкова «Предслава и Добрыня».

Марфорий — *см.* Пасквин.

Маттисон Фридрих (1761—1831) — немецкий поэт, последователь Руссо, мастер элегической ландшафтной поэзии. Особенно славилась его «Элегия на развалинах горного замка». К числу поклонников Маттисона принадлежал и Шиллер. Когда с изменением отношения к французской литературе, происшедшим в Батюшкове в связи со взрывом патриотических настроений во время войны с Наполеоном в 1812—1813 гг., он стал усиленно изучать немецкую литературу, — восторженный отзыв Шиллера, очевидно, натолкнул его и на поэзию Маттисона. В 1813 г. (в письме от 10 июня из Петербурга) он сообщает Вяземскому, что на ряду с «Обероном» Виланда и античными классиками в итальянских переводах он читает и стихи Маттисона. В своей статье 1814 г. «Письмо о сочинениях М. Н. Муравьева» он характеризует последнего словами Шиллера о Маттисоне. Наконец к тому же 1814 г. относится его элегия «На развалинах замка в Швеции», подсказанная вышеупомянутой элегией Маттисона.

Мегарида — небольшая область на Коринфском перешейке в древней Греции.

Мегера (греч. миф.) — имя одной из трех богинь мщения.

Медем, барон — русский офицер, участвовавший вместе с Батюшковым в заграничном походе 1813—1814 гг.

Мелания — см. Хлоя.

Мелеагр (из Гадары в Сирии) — греческий поэт (I в. до н. э.), первый составитель греческой антологии.

Мелендец — Мелендес-Вальдес (1754—1817), испанский поэт, глава так называемой «саламанкской школы», стремившейся сочетать традиции французского «классицизма» с элементами кастильской народной поэзии.

Мелес — речка близ Смирны, в одном из прибрежных гротов которой Гомер будто бы сложил свои поэмы.

Мелецкий — см. Нелединский-Мелецкий.

Мелина — Мелинно, древне-греческая поэтесса. Судя по этому, можно думать, что Батюшков имеет в виду под своей Мелиной кого-либо из тех дам-писательниц шишковистского лагеря, называвших себя в своих стихах нимфами, которых он так жестоко преследовал в «Видении на берегах Леты» и эпиграммах.

Мельпомена (греч. миф.) — муза трагедии (буквально — «поющая»).

Мельхиседек — по библейской легенде, священник, царь Солима. Никакого «изречения Мельхиседека», подобного переложенному в стихи Батюшковым, нам неизвестно.

Мемфис — древняя столица Египта.

Менгс Рафаэль Антон (1728—1779) — выдающийся немецкий художник. Работал главным образом в Италии, стараясь в своих формально безукоризненных, но мало оригинальных живописных композициях эклектически сочетать античную красоту с творческими приемами лучших мастеров Возрождения. Сблизился с Винкельманом и про-

никся его эстетическими воззрениями, в духе которых опубликовал несколько теоретических трактатов по искусству.

Менелай (греч. миф.) — спартанский царь, муж Елены, похищенной у него Парисом; из-за этого похищения произошла Троянская война.

Меншиков Александр Данилович (ок. 1673—1729) — могущественный временщик времен Петра I и Екатерины I, открывший собой длинный ряд русских временщиков XVIII в.

Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — главный представитель университетской словесной науки первых двух десятилетий XIX в. Поэт, критик, с 1804 г. профессор истории и пиитики (красноречия и поэзии) в Московском университете и один из главных деятелей возникшего в 1811 г. при университете «Общества любителей российской словесности». В своей теории и литературной практике Мерзляков в основном руководствовался «правилами» классического кодекса XVIII в. Однако вместе с тем на его литературной, а отчасти и педагогической деятельности сказывалось явное воздействие и новых карамзинистских веяний. На ряду с одами он писал сентиментальные песни и романсы в «народном духе». Много переводил древних авторов, в том числе Гомера, Пиндара, Сафо, Алкея и мн. др. С 1805 г. в «Вестнике Европы» начали печататься его переводы эклог Вергилия, изданные в 1807 г. отдельно. Батюшков, познакомившийся с Мерзляковым в доме М. Н. Муравьева в 1805 г., воспринял его как тип педанта-классика и начал преследовать насмешками в своих стихах и эпиграммах. Так, в послании к Гнедичу от того же 1805 г. он выводит его в лице бездарного «громкого» певца Рифмина, который подражает Пиндару; в эпиграмме 1809 г. высмеивает его переводы из Вергилия. Законченно-сатирический портрет Мерзлякова дан Батюшковым в «Видении на берегах Леты», где Мерзляков фигурирует в лице «маленькой тени» (Мерзляков был низкого роста), важно называющей себя «Верзляковым» (т. е. Верзилиным). Добродушное отношение Мерзлякова к сатире Батюшкова расположило последнего в его пользу, заставив в письме к Гнедичу от 1 апреля 1810 г. из Москвы решительно отделить от «варяго-россов», т. е. сторонников Шишкова, которые набросились на памфлет Батюшкова с пеною у рта. В этом письме Батюшков рассказывает, что приятельски сошелся с Мерзляковым: «Мерзляков — и это тебя приведет в удивление — обошелся как человек истинно с дарованием, который имеет довольно благородного самонадеяния, чтоб забыть личность в человеке». Через некоторое время (в мае 1810 г.) он хвалит его за перевод из Тасса, в котором находит «истинно-прекрасные стихи». Деятельность Мерзлякова в «Обществе любителей российской словесности», направленная к защите устоев классицизма, вызывает со стороны Батюшкова снова ряд иронических отзывов о нем в письмах (см. письма к Гнедичу от 29 мая и августа — сентября 1811 г., Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 127, 141). Однако вскоре начавшееся общественно-политическое поправение Батюшкова заставляет

его окончательно примириться с литературной деятельностью Мерзлякова: «Слушать буду сегодня Мерзлякова, у которого много пламенных стихов и другого прочего», — пишет он А. И. Тургеневу в 1818 г. (там же, стр. 532). А несколько ранее свое нежелание печатать в «Опытах» «Видение на берегах Леты» прямо мотивирует тем, что не хочет обижать в ряду других Мерзлякова (стр. 389).

Месалла — Марк Валерий Мессала Корвин (ок. 64 до н. э.— 9 н. э.)—римский поэт и государственный деятель, один из сторонников Октавиана Августа (*см.* Август), покровитель поэтов, в частности Тибулла.

Мессиада — поэма Клопштока (*см.*). Писалась им с 1745 по 1773 г.

Меценат (род. 74 или 64, ум. 8 до н. э.) — римский государственный деятель, стоявший близко к Августу (*см.*). Покровительствовал современным ему писателям, особенно Горацию, с целью сделать их провозвестниками монархической идеологии. Имя его стало нарицательным для обозначения покровителя литературы, искусств и наук.

Мидас (греч. миф.) — фригийский царь, во время музыкального состязания Аполлона с сатиром Марсием (*см.*) отдавший предпочтение последнему и за это наделенный Аполлоном ослиными ушами. Отсюда слово это стало употребляться для обозначения человека, лишенного художественного вкуса.

«*Мизантроп*» — одна из лучших комедий Мольера.

Мизенский мыс — мыс на берегу Неаполитанского залива, близ Неаполя, в древности любимое местопребывание римской знати и богачей.

Миликтриса — *см.* Хлоя.

Миллер Иоганн Мартин (1750—1814) — немецкий писатель, автор сентиментальных стихов и романов. Последними современники зачитывались не менее, чем гетевским «Вертером».

Милорадович Михаил Андреевич, граф (1771—1825) — русский генерал, участник суворовских походов, турецкой войны и кампании 1812 г. Впоследствии петербургский генерал-губернатор. Был убит во время восстания 14 декабря 1825 г. выстрелом Каховского.

Мильвуа (1782—1816) — французский поэт-элегик, переводчик «Илиады». Из произведений его наибольшей известностью пользовалась элегия «Падение листьев», которой Батюшков подражал в своем стихотворении «Последняя весна».

Минос (греч. миф.) — легендарный царь Крита, один из судей мертвых в Аиде.

Минций — древнее название реки Минчио в Италии.

Михаил Павлович — великий князь, младший сын Павла I, брат Александра I и Николая I. В 1819 г. путешествовал по Италии, где с ним и встречался Батюшков.

Мнемозина (греч. миф.) — богиня памяти, мать девяти муз.

Моина — героиня трагедии Озерова «Фингал» (1805), написанной на оссиановские темы. Невеста царя Морвена, Фингала, убитая отцом, мстящим Фингалу за убийство последним его сына, брата Моины.

«Моисеевы книги» — первые пять книг Библии, начинающиеся книгой «Бытия» (картина сотворения мира, жизни первых людей на земле и т. д.).

Молдавия — придунайское княжество, находившееся с XV в. под властью Турции. Во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Молдавия была занята русскими войсками.

Монтань — Монтэнь (Montaigne) Мишель (1533—1592), французский мыслитель, один из типичнейших представителей французского Возрождения, автор «Опытов», содержащих в афористической форме высказывания по самым разнообразным вопросам, в которых скептицизм и релятивизм соединяются с проповедью эпикурейства и общим оптимистическим отношением к действительности. Монтэнь был одним из излюбленнейших писателей Батюшкова, оказавшим весьма значительное влияние на выработку его первоначального «языческого» мироощущения. Поэт отзывался о нем самым восторженным образом, постоянно цитируя его в своих статьях и письмах. По образцу его он печатает в 1810 г. в «Вестнике Европы» «Мысли» (см. Сочинения под ред. Майкова, т. II, стр. 35—36). Самое название Батюшковым своих сочинений «Опытами», видимо, подсказано в известной мере Монтэнем. Первое упоминание его о Монтэне относится к 1809 г. (в письме к Гнедичу из деревни от 6 сентября, в котором он просит купить и прислать ему «Державина сочинения и Монтаня»). Получив «Опыты» последнего, он жадно принялся за чтение: «Ныне, бросив всё, читаю Монтаня, который учит жить, а других ждать смерти» (письмо ему же от декабря 1809 г.); «Читаю Монтаня и услаждаюсь» (письмо Жуковскому от 26 июля 1810 г.). Общий кризис миросозерцания Батюшкова, возникший в связи с войной 1812—1814 гг., как мы знаем, вызвал в нем отталкивание от всего французского культурного «наследства» вообще: «Революция, война, пожар Москвы и опустошения России меня навсегда поссорили с отчизной Генриха IV, великого Расина и Монтаня», — писал он Гнедичу из Франции в 1814 г. В статье 1815 г. «Нечто о морали, основанной на философии и религии» он подвергает критическому пересмотру и «игривую науку» Монтэня: «Толпа философов-эпикурейцев, от Монтаня до самых бурных дней революции, повторяла человеку: «Наслаждайся! Вся природа — твоя: она предлагает тебе все сладости свои, все упоения уму, сердцу, воображению, чувствам; кроме надежды будущего, всё — твое, минутное, но верное!» Но где же сии сладости, сии наслаждения беспрерывные, сии дни безоблачные, сии часы и минуты, сотканные усердною Паркою из нежнейшего шелка, из злата и роз сладострастия? Где они, — спрашивает сластолюбивый в тишине страстей своих? — Где и что такое эти наслаждения, убегающие, обманчивые, непостоянные, отравленные слабостью души и тела, помраченные воспоминанием или грустным предвидением будущего?.. Нет ответа и не может быть». Однако, после частичного разочарования в Монтэне, Батюшков все же продолжал считать его «первым мудрецом времен новейших» и в письме Вязем-

скому (8 февраля 1816 г.) писал: «В одной руке держу Монтаня, в другой — Сенеку».

Монтескье Шарль Луи (1689—1755) — французский политический писатель, родоначальник европейского либерализма и буржуазного конституционного права, на ряду с Вольтером один из «властителей дум» русского либерального дворянства XVIII и начала XIX в. Батюшков вынес из времен своей либеральной молодости высокое уважение к «великому творцу книги существа законов». В дневнике он делает выписки из другого сочинения Монтескье «Рассуждение о причинах величия римлян и их упадка». Однако в своем «Вечере у Кантемира», написанном Батюшковым в период его общего поправения, он, по его собственному признанию, в письме к Гнедичу (от начала сентября 1816 г.), «немного поцарапал» и Монтескье.

Монти Винченцо (1754—1826) — итальянский поэт и драматург, глава «неоклассицизма» Италии, политический перебежчик и приспособленец, то восстававший в своих стихах против «революционной французской гидры», то ополчавшийся на «тирана, гнусного Капета» и прославлявший Наполеона, чтобы после поражения последнего решительно стать на сторону реакции, всячески понося оппозиционных писателей. Во времена Батюшкова считался одной из «маститостей» итальянской литературы.

Морвен — в Оссиановских поэмах королевство Фингала.

Морфей (г р е ч. м и ф.) — бог сна, беззвучно летающий на длинных крыльях.

Мосх — (II в. до н. э.) греческий поэт-идиллик из Сиракуз, последователь Феокрита и ученик Биона.

Музы (г р е ч. м и ф.) — богини пения (числом девять), покровительницы различных родов поэзии, искусства и наук.

Муравьев Михаил Никитич (1757—1807) — писатель, товарищ министра народного просвещения, попечитель Московского университета. По характеру своей литературной деятельности (стихотворения, басни, историческая повесть «Оскольд», нравоучительные исторические рассказы «Разговоры в царстве мертвых» и т. д.) близок Карамзину, для которого он, пользуясь своим положением и связями, добился звания историографа. Приходясь двоюродным дядей Батюшкову, Муравьев принимал деятельное участие в его воспитании и дальнейшей судьбе (привил ему вкус к литературе и поэзии, в частности к древне-римским поэтам, побудив взяться за изучение латинского языка; устроил на легкую службу в своей канцелярии). Батюшков весьма высоко ставил как личность Муравьева, так и его литературное творчество, доказывающее, по его словам, что он «был великого ума, редких познаний и самой лучшей души человек» (письмо к Гнедичу от 1811 г., Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 115); хлопотал об издании собрания его сочинений и написал в 1814 г. хвалебную статью о нем в форме письма к его родственнику И. М. Мура-

вьеву-Апостолу («Письмо к И. М. Муравьеву-Апостолу о сочинениях Муравьева»), напечатанную сперва в «Сыне отечества», а затем дважды повторенную при изданиях сочинений Муравьева.

Муравьев Никита Михайлович (1796—1843) — сын Михаила Никитича, троюродный брат Батюшкова, гвардейский офицер. Видный деятель тайных обществ, «правитель» Северного общества и составитель его программы, так называемой «конституции». Либерал, сторонник конституционной монархии, стремившийся перевести помещичье хозяйство на рельсы капиталистического развития путем полного обезземеления крестьян. В восстании 14 декабря непосредственного участия не принимал. Умер в ссылке в Сибири. В 1817 г. вступил в члены «Арзамаса». Батюшков, на глазах которого Муравьев вырос, относился к нему с неизменной любовью. Ему посвятил он свое послание «Как я люблю, товарищ мой...», в котором вспоминает об их общем участии в заграничном походе. Н. М. Муравьев резко-отрицательно относился к общественно-политическим взглядам и настроениям поправевшего Батюшкова, о чем свидетельствуют многочисленные отметы на полях первого (прозаического) тома «Опытов», подаренного ему Батюшковым.

Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1765—1851) — государственный деятель, писатель, отец будущих декабристов, в том числе Сергея Ивановича, бывшего в числе пяти повешенных. В молодости, в качестве образованнейшего офицера своего времени, был приставлен «кавалером», т. е. воспитателем, к великим князьям Александру (будущему царю) и Константину. Был послом в Германии, Швеции и Испании, впоследствии сенатором. Отличался выдающимся образованием, владел, кроме древних, пятью европейскими языками (в том числе английским, итальянским, испанским). Во время пребывания за границей лично познакомился с Клопштоком, Кантом, Альфиери, Касти и др. Был человеком сильной воли и независимого образа мыслей, осмеливаясь противопоставлять свое мнение всесильному Аракчееву. Литературная деятельность его состояла главным образом в переводах из древних авторов. По своим литературным взглядам был шишковистом. Состоял членом Российской академии, «Беседы любителей русского слова» (с 1813 г. председателем одного из ее «разрядов»), позднее был выбран почетным членом Академии Наук. Арзамасцы к этому типичнейшему представителю вельможной культуры XVIII в. — «красавцу и любезнику времен Екатерины» (Вигель) — относились с явным нерасположением. «Муравьев-Апостол, великий усыпитель двора его парнасского величества, обязан просиживать ночи без сна для усыпления читателей», — иронически аттестовал его Воейков в своем «Парнасском адрес-календаре». Наоборот, Батюшков, приходившийся ему далеким родственником и знавший его с ранних лет, выделял его из среды остальных «беседчиков» («кроме *Горация* Муравьева и Крылова басен, там ничего путного я не видел»,— писал он в 1811 г. Гнедичу

о «Чтениях в Беседе»). Но особенно сблизился с ним Батюшков в 1812 г., когда оба они, выехав из угрожаемой Москвы в Нижний, жили там некоторое время на одной квартире. В 1813 г. Муравьев-Апостол опубликовал «Письма из Москвы в Нижний-Новгород», в которых решительно ополчался на всё «французское». В набросанном Батюшковым плане истории русской литературы последний намеревался снабдить «письма» каким-то, надо думать полемическим, «замечанием», тем не менее влияние их на вскоре затем последовавший кризис миросозерцания Батюшкова несомненно. Это влияние «классика» на «карамзиниста» нашло выражение и в творчестве Батюшкова. Так, высказываемая им в статье «Нечто о поэте и поэзии» мысль, что образ жизни писателя определяет направление и характер его произведений и подтверждение этой мысли примером «словесности французов», в которой нет «ни эпопеи, ни истории», ибо французские писатели жили шумною и праздною жизнью столицы и двора, — взяты Батюшковым из IV письма Муравьева. Послание Батюшкова к Муравьеву-Апостолу от того же 1815 г., в полную противоположность с прежними карамзинистскими его посланиями, написанное в выдержанно-классическом стиле, начинается с утверждения «правоты» мысли Муравьева о сильнейшем влиянии первых жизненных впечатлений на всю последующую деятельность поэта (об этом же Батюшков говорит и в только что упомянутой нами статье). Наконец годом раньше, в форме письма к И. М. Муравьеву-Апостолу, Батюшков написал свою критическую статью о сочинениях его родственника, М. Н. Муравьева, в которой равным образом с неодобрением говорит о «хладнокровии и малом любопытстве нашей публики к отечественным книгам» в силу «исключительной любви к французской словесности», и с особенным сочувствием подчеркивает патриотизм М. Н. Муравьева.

Мурильо Бартоломео (1617—1680) — испанский художник, глава так называемой «севильской школы», выразитель идей католической реакции. Его картины на религиозные сюжеты и реалистические жанровые сценки из быта простого народа пользовались в течение двух веков широчайшей популярностью.

Муромские леса — леса в окрестностях древнего города Мурома на Оке, славившиеся некогда своими размерами, обилием зверей, пчельниками и воспетые в народных песнях.

Мюра Генриетта де Кастельно, графиня (1670—1716) — французская писательница, автор стихов и сказок, пользовавшихся в свое время большой популярностью.

Назон — *см.* Овидий.

Нарва — бывшая русская крепость (сейчас принадлежит Эстонии).

Нарцис (греч. миф.) — красавец-юноша, который влюбился в свое отражение в реке, зачах от этой любви и был превращен в цветок того же названия.

«Наталья» — историческая повесть Карамзина «Наталья, боярская дочь» (1792).

Наяды (г р е ч. м и ф.) — нимфы рек и источников.

Небожители — общее название греческих божеств.

Нево — старинное название Ладожского озера.

Нейстрия — королевство, западная часть государства франков.

Нектар (г р е ч. м и ф.) — напиток богов, дарующий вечную юность и бессмертие.

Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1828) — статс-секретарь Павла I, сенатор и поэт. Особенной популярностью пользовались его любовные песенки, написанные им в конце XVIII в. и представлявшие собою попытки стилизации народной песни. Архаические по форме и языку, «слезные» песенки Нелединского, несмотря на их манерность и условно-сентиментальную окраску, содержат в себе элементы искренности и подлинного чувства. Это объясняет поразительно высокую оценку их писателями-карамзинистами, воспринимавшими вдобавок его поэтическое творчество сквозь призму симпатичной им личности беспечного поэта-эпикурейца. «Действительный поэт, чрезвычайный полномочный посол царя Парнасского при дворе царицы Пафосской»,— записал о нем в своем «Парнасском адрес-календаре» Воейков. П. А. Вяземский восклицал по поводу его любовных стихов: «Сколько страсти в этих стихах! И для того, кто знал поэта, сколько истины и задушевности в выражении этой страсти! Это не пиитические упражнения на заданную себе сентиментальную и мадригальную тему. Нет, эти стихи свободно выливались из сердца». Батюшков познакомился с Нелединским в Москве в 1811 г. и восторженно сообщил Гнедичу (в письме от 19 марта 1811 г.): «Я вчера обедал у Нелединского. Истинный Анакреон, самый острый и умный человек, добродушный в разговорах и любезный в своем быту — вопреки и звезде, и сенаторскому званию». В другом письме к нему же (от 29 мая того же года) он пишет о Нелединском: «Счастливый Шолио и Анакреон нашего времени, Нелединский ленив не потому, что лень стихотворна, а потому, что леность — его душа. Нега древних, эта милая небрежность, дышет в его стихах».

Неман — река, протекавшая по старой (дореволюционной) границе между Россией и Германией. Переходом армии Наполеона через Неман началась оборонительная война с французами 1812 г. В свою очередь, переход русских войск через Неман в 1813 г. положил начало походу на Париж 1813—1814 гг.

Немезида (г р е ч. м и ф.) — богиня судьбы и возмездия.

Немея — долина в Арголиде, в Греции, где находились рощи и святилище *«Немейского Зевса»*.

Нептун (р и м. м и ф.) — бог морской стихии, изображавшийся с трезубцем, сотрясающим воды.

Нереиды (г р е ч. м и ф.) — морские нимфы.

Нестор — 1) легендарный царь Пилоса, старейший из участников Троянской войны, пользовавшийся среди греков особым уважением за свою мудрость, справедливость и опытность в ратном деле. («Прогулка в Академию художеств»); 2) ученый монах Киево-Печерского монастыря (1056—1114), составивший летописный свод, объединивший все более ранние летописные записи («Предслава и Добрыня»).

Николай Павлович, великий князь (1796—1855) — будущий император Николай I.

Николев Николай Петрович (1758—1815) — плодовитый поэт и драматург, член Российской академии, пользовавшийся особенным покровительством Павла I. В 1795—1798 гг. вышло в свет собрание его сочинений в пяти томах (три тома од и два — любовных стихотворений). Вслед затем им было опубликовано большое количество самых разнообразных произведений, в том числе трагедий, песен в «народном» духе и т. п. Николев пользовался большим уважением среди его литературных друзей-«классиков», называвших его «русским Мильтоном» (Николев рано ослеп) и в течение ряда лет после его смерти собиравшихся на особые «беседы» его памяти.

Нил — река в Египте.

Ниловы — Петр Андреевич и его жена Прасковья Михайловна, свояченица Державина, который посвятил ей свое стихотворение «Белокурая Параша». Жили в Петербурге открытым домом, собирая представителей литературы и искусства. Хозяйка дома сама писала стихи, пела и играла на арфе. Молодой Батюшков одно время увлекался ею.

Нимфы (греч. миф.) — низшие божества (в образе прекрасных молодых девушек), олицетворявшие творческие силы земли и стихийные явления природы (нимфы моря, гор, рек, деревьев и т. п.).

Ниоба (Ниобея) (греч. миф.) — жена фиванского царя, похвалившаяся многочисленностью своих детей (шесть сыновей и шесть дочерей) перед богиней Латоной, имевшей всего двух детей, Аполлона и Артемиду, в наказание за что последние перебили всех детей Ниобы своими стрелами. Ниоба от страшной скорби окаменела. Трагическая судьба Ниобы и ее детей являлась одной из излюбленных тем античной скульптуры, живописи и поэзии. Из скульптурных изображений наиболее известной является группа Ниобы с детьми, отрытая в XVI в. в Риме и находящаяся в музее во Флоренции. Слепок с этой группы и имеет в виду Батюшков.

Notre-Dame — собор Парижской богоматери, один из лучших памятников готического искусства.

Ноэль — французский профессор, член Парижского института.

Нюсканц (Ниеншанц) — шведская крепость у устья Невы, на месте будущего Петербурга.

Нютон — Ньютон Исаак (1643—1727), английский математик, астроном, физик. В ряду других великих открытий впервые установил

разложение белого света на цветные лучи. Именно это его открытие и имеет в виду Батюшков.

Общество любителей российской словесности — образовано группой профессоров и литераторов при Московском университете в 1811 г.; издавало свой периодический орган «Труды» (под редакцией Мерзлякова, который имел звание «временного председателя» Общества и вообще являлся одним из самых активных его деятелей). Хотя основную массу членов-учредителей Общества составляли приверженцы старой литературы — классицизма, среди них имелись и промежуточные, в отношении своих литературных взглядов, лица, как горячий приверженец Жуковского, Каченовский, и даже один из самых «боевых» карамзинистов того времени, писавший почти исключительно в «легких родах», В. Л. Пушкин. Больше того, пока общество еще не оформилось официально, а носило характер дружеских собраний, к нему имел ближайшее прикосновение и Батюшков. «Я с ним, — писал он Гнедичу о Мерзлякове (от 1 апреля 1810 г., Сочинения под ред. Майкова, т. III, стр. 86), — имею тесные связи по разным домам и по Собранию любителей словесности, составленному из нескольких человек, где мы время проводим весело, с пользою и с чашею в руках». Однако после официального оформления Общества деятельность его приняла совсем иной характер. Общество считалось под «высочайшим покровительством» императора Александра I, бывшего по своим литературным влечениям человеком новой карамзинской культуры. Однако ближайшим его «покровителем» был попечитель Московского университета П. И. Голенищев-Кутузов, ярый мракобес, аракчеевец, известный своими доносами на Карамзина, в сочинениях которого он доказывал наличие «якобинской заразы». В силу этого, а также благодаря «классическим» симпатиям большинства членов, Общество с первых же шагов своего официального существования решительно стало на сторону Шишкова, поставив основной задачей защиту классицизма XVIII в., усматривая именно в нем ту наиболее благонадежную «здравую словесность», на «правилах и образцах» которой его члены, согласно уставу, должны были воспитывать «публику». Это не могло не оттолкнуть от нового Общества Батюшкова. В письме к Гнедичу 1811 г. (от 29 мая, там же, стр. 127—128) он отзывается о возникающем Обществе как о своего рода московской «Беседе». Под именем «Московской Беседы» Общество позднее слыло и у арзамасцев, которые проделали над В. Л. Пушкиным, как членом его, даже шуточный обряд «очищения». Тем не менее друзья Батюшкова (скорее всего тот же В. Л. Пушкин или Каченовский, возможно и Мерзляков) хотели втянуть его в деятельность Общества и предложили его в том же 1811 г. в члены, однако он был забаллотирован. Избран был в члены Общества Батюшков только в 1816 г., после статьи «Нечто о морали, основанной на философии и религии», свидетельствовавшей о реши-

тельном сдвиге вправо его общественно-политических взглядов и всего его миросозерцания. Одновременно с Батюшковым (в том же заседании) был избран и Жуковский. 26 мая 1816 г. Кокошкиным была прочитана вступительная речь Батюшкова «О влиянии легкой поэзии на язык», посвященная апологии «легкой», т. е. любовно-анакреонтической поэзии. Сам Батюшков к деятельности Общества продолжал относиться критически, как к «ребячеству». «Ты себе вообразить не можешь, что у нас за собрание, составленное из прозы, стишков детских, чаю, оржаду, детей и дядей! Бедная словесность, бедный университет!» — писал он Гнедичу вскоре после своего избрания, а по поводу своей «Речи» иронически замечал ему же, пародируя известный стих Державина: «Я истину ослам с улыбкой говорил» (там же, стр. 401 и 408—409). Тем не менее поправевший Батюшков в глубине души ценил официальное признание его литературных заслуг, выразившееся в принятии его в Общество, и построил свою речь в явно примирительном духе, оправдывая «легкую поэзию» авторитетом «столпов» классицизма — Ломоносова, Сумарокова и Державина — и с одинаковой похвалой отзываясь о произведениях в «легком роде» как Карамзина, Жуковского, Василия Пушкина, так и князя Долгорукова и Мерзлякова.

Овидий — Публий Овидий Назон (43 до н. э. — 17 н. э.), римский поэт, аристократ, приближенный императора Августа, чем-то прогневавший последнего и сосланный им на берег Черного моря, в город Томы, у устья Дуная, где он и умер. Основная стихия Овидия — эротика. Главные произведения: дидактическая поэма «Искусство любить», «Превращения», в которых пересказываются в стихах греческие и римские мифы о превращениях богов и людей, и книга элегий «Скорби», написанная им в Томах. Батюшков особенно ценил «гибкость» стиха Овидия (письмо к Гнедичу от 29 декабря 1811 г.). Свою жизнь в деревне Батюшков любил сравнивать с пребыванием Овидия в ссылке (с бо́льшим правом это делает впоследствии Пушкин в связи со своей ссылкой на юг); одно время он собирался написать элегию на эту тему и настойчиво в нескольких письмах просил Гнедича прислать ему в деревню сочинения Овидия (очевидно, именно его «Скорби» и написанные в Томах же «Послания с Понта»).

Оден (Один) (с к а н д. м и ф.) — верховное божество мира. *Оденов дом* — Валгалла *(см.)*.

«Одиссея» — древне-греческая эпическая поэма, приписывавшаяся Гомеру и повествующая о многолетних странствованиях и приключениях царя острова Итаки, «хитроумного» Одиссея, предшествовавших его возвращению на родину после Троянской войны. Неожиданно попав, наконец, на свой родной остров, Одиссей вначале не признал его. В переносном смысле Одиссея — вообще всякий рассказ о странствиях, сопряженных с приключениями.

Озеров Владислав Александрович (1769—1816) — автор нескольких тра-

гедий в переходном сентиментально-классическом роде. Трагедии Озерова, в особенности патриотический «Димитрий Донской», поставленный в 1807 г. и приноровленный к современным событиям (война с Наполеоном), имели колоссальный успех, но и вызвали резкую вражду к автору со стороны шишковистов, в частности, «гонение» драматурга кн. Шаховского, в интригах которого, создавших Озерову ряд служебных и театральных неприятностей, современники склонны были видеть причину его печальной судьбы — сумасшествия. В борьбе, возникшей вокруг Озерова, Батюшков, издавна лично знавший Озерова по дому Оленина *(см.)* и высоко ценивший его дарование, решительно стал, как об этом свидетельствует посвященная им Озерову басня, на его сторону. Трагическая судьба Озерова вообще привлекла его самое сочувственное внимание: он сопоставлял ее с судьбой Тасса; на ней обосновывал свой излюбленный тезис о том, что «великое дарование и великое страдание — почти одно и то же» (в примечании к статье о «Петрарке»), наконец, усматривал в ней нечто общее со своей собственной участью. Действительно, в социально-общественной позиции обоих писателей были несомненно родственные черты. Как и Батюшков, Озеров остро переживал ощущения социальной униженности внутри своего класса и возникающих вследствие этого служебных незадач (он служил сперва на военной службе, затем по лесному департаменту): «Я увидел, что ни моя скромная жизнь, ни отказывание себе во многом не могли меня исключить из-под ложного мнения, по которому может быть считают, что сын не царский и не боярский, а просто дворянский не может быть честным человеком», — писал он в 1808 г. своему горячему покровителю, А. Н. Оленину. В результате он решил вовсе уйти из литературы, полагая ее причиной своих служебных огорчений: «Тысячи неприятностей,— писал он тому же Оленину годом позднее, — навлеченных мне званием автора, и обиды, которые, может быть, оное навело мне по службе, заставляют меня отстать от стихотворства, бросить перо, приняться за заступ и, обрабатывая свой огород, возвратиться опять в толпу обыкновенных людей». Сходство этих слов с аналогичными заявлениями Батюшкова Гнедичу незадолго до его душевного заболевания бросается в глаза.

Озирид (Озирис) (е г и п. м и ф.) — верховное божество египтян.

Океаниды (г р е ч. м и ф.) — морские нимфы, дочери Океана, по представлению древних греков, мировой реки, обтекающей всю вселенную.

Оленин Алексей Николаевич (1763—1843) — писатель-археолог, художник (иллюстрировал Державина и др., по его рисункам выгравированы виньеты и к «Опытам» Батюшкова), любитель и знаток искусств и литературы; с 1811 г. — директор Публичной библиотеки, с 1817 г.— президент Академии художеств. За разнообразные таланты Оленина, в число которых входили и навыки ловкого царедворца, умевшего скрытничать, «заискивать у сильных» и умело ладить с нужными

людьми, Александр I прозвал его «тысячеискусником» (Tausendkünstler). Петербургский дом Оленина и его жены, Елизаветы Марковны, разделявшей научные и художественные интересы мужа, был средоточием писателей и художников. На ряду с Крыловым, Озеровым, Гнедичем, постоянным посетителем оленинского салона был и молодой Батюшков. В распре шишковистов и карамзинистов Оленин занял вначале промежуточную позицию (покровительствовал Озерову, сочувственно встретил батюшковское «Видение на берегах Леты»), но постепенно стал все более склоняться на сторону Шишкова и принял деятельное участие в «Беседе любителей русского слова». Это не мешало ему неизменно-дружески относиться к Батюшкову, которому он неоднократно помогал налаживать его запутанные служебные дела, зачисляя на службу в Публичную библиотеку, устроив ему в 1818 г. командировку на юг России «для отыскания древностей или рукописей на берегах Черного моря» и т. д. В свою очередь Батюшков относился к Оленину с неизменным уважением и любовью: «Он просвещеннее и лучше, и добрее всех князей»,—отзывается он о нем в одном из писем к Гнедичу (письмо от 3 мая 1810 г., Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 90).

Оливова гора — Масличная гора, или Елеон, господствующая над Иерусалимом.

Олимп — часть горной цепи, составляющей границу между Фессалией и Македонией на севере Греции. Вершины ее покрыты вечным снегом. В греч. миф. *Олимп* — главное местопребывание богов, называемых в силу этого Олимпийцами.

Олимпийские игры — соревнования в беге, борьбе и гимнастике, происходившие через каждые четыре года в течение свыше тысячелетия (с VIII в. до н. э. по IV в. н. э.) в древне-греческом городе Олимпии. По олимпийским играм — «олимпиадам» — греки вели летоисчисление.

Олин Валерьян Николаевич (род. около 1788 — ум. после 1839) — плодовитый писатель-стихотворец, переводчик, издатель многочисленных журналов и альманахов. «Черная мурашка» (Пушкин), «горе-богатырь в русской поэзии» (Кюхельбекер), Олин состоял сотрудником «Беседы любителей русского слова», в дальнейшем переметнувшись в лагерь «романтиков» и одновременно не гнушаясь самой раболепной лести перед Аракчеевым, которому он посвятил один из своих переводов, «благоговея перед его гражданской доблестью и прямой любовью к отечеству», за что получил от Аракчеева 500 рублей. Батюшков относился к Олину не менее иронически, величая его в шутку то «Анакреон-Олин», то «Олин-Квинтильянович». «Умора, право умора, ваш Олин!— писал он Гнедичу (от конца февраля — начала марта 1817 г.), — хочет мыслить, силится, силится — запор, нейдет!» Переводы Олина из Оссиана, о которых упоминает Батюшков, печатались в «Сыне отечества» в 1817 г. В 1821 г. в издаваемой им газете «Рецензент» (№ 10)

Олин напечатал восторженный разбор «Вакханки» Батюшкова.

Олоферн — *см.* Юдифь.

Олсуфьев Василий Дмитриевич, граф (1796—1858) — гусарский офицер, впоследствии обер-гофмейстер.

Ольмий — мыс в Коринфии (одна из областей древней Греции), славился в древности своим медом.

Омер, *Омир* — *см.* Гомер.

«Описание Потемкинского праздника» — составленное Державиным *(см.)* в прозе и стихах описание праздника, данного Потемкиным Екатерине II 28 апреля 1791 г. в подаренном ему ею Таврическом дворце. Поводом к устройству праздника было взятие русской армией турецкой крепости Измаила; однако на самом деле Потемкин устроил его с целью вернуть к себе расположение Екатерины и парализовать все усиливавшееся влияние ее последнего любовника, Зубова. Этим объясняется неслыханное великолепие праздника, который превзошел все подобные торжества, неоднократно устраивавшиеся в течение XVIII в. Огромный зал, в котором происходил праздник, вмещал в себя около пяти тысяч человек. В смежном помещении был устроен зимний сад, дорожки которого были обсажены цветущими апельсиновыми деревьями. В многочисленных бассейнах плавали золотые и серебряные рыбки. Зал освещался более чем 1 000 восковых свечей и 5 000 лампад. Все это отражалось бесчисленными зеркалами, так что по рассказам очевидцев «весь зал казался в огне». Составилась торжественная кадриль из 24 танцующих пар. Одних бриллиантов на танцующих было более чем на 10 миллионов рублей. Державин в своем гиперболизирующем описании придал празднику еще более грандиозные размеры.

Орангия (Оранж) — небольшое княжество на месте позднейшего Воклюзского департамента во Франции.

Орел-громометатель (греч. миф.) — орел Зевса *(см.)*, считавшийся одним из атрибутов его божественной власти.

Орест (греч. миф.) — сын Агамемнона, брат Ифигении, друг Пилада, мифический строитель Адрианополя *(см.)*.

Орковы поля (рим. миф.) — преисподняя, греческий Аид *(см.)*.

Орлов Михаил Федорович (1788—1842) — либеральный генерал, член республиканско-аристократического тайного общества «Союз русских рыцарей», один из основателей и виднейших деятелей тайного общества «Союз благоденствия» (1818—1821). Как не принимавший непосредственного участия в революционных выступлениях декабристов (хотя и осведомленный о них) и благодаря своим связям был приговорен только к исключению со службы и ссылке в деревню под тайный надзор полиции. Интересовался литературой и в 1817 г. еще с несколькими будущими декабристами вступил в «Арзамас» *(см.)* под именем Рейна. Об его «уме» отзывался с похвалой и Пушкин (в письме жене 1836 г.). Сохранилось письмо Батюшкова к Орлову (не вошло в Собр. соч. под ред. Майкова).

Орлова Анна Алексеевна (1785—1848) — дочь графа Алексея Орлова, убийцы Павла I и брата фаворита Екатерины II. Владелица колоссального состояния. Была в связи с одним из ярых реакционеров александровского царствования, митрополитом Фотием, что дало повод к известным эпиграммам, приписывавшимся Пушкину.

Орловский Александр Осипович (1777—1832) — художник, рисовальщик сцен из военной жизни, исполненных в смешанной романтико-реалистической манере. В 1809 г. за картину «Бивуак казаков» получил звание академика.

Орфей — вдохновенный певец (от имени легендарного греческого поэта и музыканта, очаровывавшего игрой на лире не только диких зверей, но и неодушевленную природу).

Оры (г р е ч. м и ф.) — богини времен года и вообще мирового порядка.

«Освобожденный Иерусалим» — поэма Торквато Тассо (*см.* Тассо).

Оскар — один из героев оссиановских поэм, юный сын Оссиана, погибший в битве при Габаре, в которой был нанесен решительный удар могуществу старой Ирландии.

Осляков — по Л. Н. Майкову, пародически переиначенное имя Ивана Сирякова, автора перевода «Генриады» Вольтера (Спб. 1803).

Оссиан — легендарный кельтский бард, сын героя Фин Мак-Куммала (Фингала), древний слепой старец, переживший поражение и гибель старой Ирландии, в своих песнях воспевающий ее былую славу и скорбящий о ее павшем величии. В 1760—1762 гг. шотландский писатель и переводчик Гомера Макферсон (1736—1796) выпустил под именем Оссиана сборник песен-поэм, являющихся частично записью подлинных северо-шотландских народных песен и преданий, а частично — продуктом его собственного творчества в «оссиановском» роде. Обвинения в литературной мистификации, посыпавшиеся через некоторое время на Макферсона и в значительной степени справедливые, не помешали изданным им «поэмам Оссиана» приобрести исключительную популярность и оказать огромное влияние на все современные европейские литературы периода расцвета сентиментализма и возникновения романтизма, в том числе и на русскую. Влияние поэм Оссиана сказалось даже на «столпах» русского классицизма XVIII века (Державин, Херасков и др.), но особенно сильное впечатление прозвели они на Карамзина и карамзинистов. «Мечтать с Фингаловым певцом» было любимым занятием молодого Батюшкова и его друга Гнедича, который в своем стихотворном обращении к Батюшкову 1809 г. (см. выше стр. 493) ставит поэзию Оссиана наравне с творчеством их главных любимцев Тассо и Гомера. В 1809 г. во время похода в Финляндию, узнав о появлении книги переводов Оссиана на итальянский язык, Батюшков усиленно просит Гнедича выслать ему ее, добавляя: «я об ней ночь и день думаю» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 24—25). Оссиановские образы находим в одном из самых ранних стихотворений Батюшкова «Мечта», в послании к Гнедичу 1805 г., нако-

нец, в стихах Семеновой (в связи с исполнением ею роли Моины в оссиановской трагедии Озерова «Фингал»).

Остерман — Остерман-Толстой Александр Иванович, граф (1770—1857), генерал, во время войны 1812 г. командовал корпусом. В Бородинском сражении сменил со своим корпусом наполовину уничтоженный и расстроенный атаками французов корпус Раевского. В походе 1813 г. особенно отличился в бою под Кульмом, где ему оторвало ядром руку.

«*Отелло*» — трагедия Шекспира. Трагедия эта в переводе с французской переделки Дюсиса шла в 1806 г. на петербургской сцене с Семеновой *(см.)* в роли Дездемоны (по Дюсису — Эдельмоны).

Отец истории — Геродот.

Павел Силенциарий — один из поздних поэтов греческой антологии (VII в. н. э.).

Пактол (в настоящее время *Сарабат*) — небольшая речка в Малой Азии, некогда золотоносная.

Пале-Рояль — старинный дворец герцогов Орлеанских в Париже. С конца XVIII в. часть его была отдана под магазины, кафе, игорные дома и т. п.

Палиссот — *Палиссо* (Ch. Palissot de Montenay, 1730—1814), французский реакционный писатель, один из самых ярых противников Руссо и «энциклопедистов» (комедия «Философы» и др.), за исключением Вольтера, художественное творчество которого он высоко ценил, издав на ряду с Корнелем и Буало избранное собрание и его сочинений.

Палицын Александр Александрович — поэт и переводчик. Жил почти безвыездно в своем имении Поповке под Харьковом и потому непосредственного участия в литературной борьбе не принимал; не состоял и членом «Беседы». Однако по своим литературным взглядам был самым ярым приверженцем «старины», превознося творчество пресловутого графомана гр. Хвостова *(см.)*, делая попытки восстановить до-ломоносовский силлабический стих и т. п. Это делало его стихи с трудом произносимыми. Отсюда и название его «грозой чтецов».

Пальмира — «город пальм», в одном из оазисов Сирийской пустыни, воздвигнутый по библейскому преданию иудейским царем Соломоном. На короткое время, в III в. н. э., особенно при царице Зиновии, — столица обширного царства, распространившегося на Египет и переднюю Азию. Отличалась, как показали раскопки, необычайной пышностью и богатством. Все это давало повсд одописцам XVIII в. именовать Петербург эпохи императриц «Пальмирой Севера».

«*Памела*» — роман крупнейшего представителя английского сентиментального романа, Ричардсона (1689—1761). *Русская Памела* — подражание ему П. Ю. Львова *(см.)*, под названием «Российская Памела или история Марии, добродетельной поселянки» (Спб. 1794).

Памфил — вымышленное имя.

Панаев Владимир Иванович (1792—1859) — слащаво-сентиментальный поэт-идиллик. Первые его идиллии из пастушеской жизни начали печататься в «Сыне отечества» в 1817 г.

Панар Ш. (1694—1765) — французский писатель, автор комических опер и куплетов, прозванный современниками «Лафонтеном водевиля».

Пандора (греч. миф.) — первая женщина, созданная Зевсом в наказание людям за грех титана Прометея, научившего их употреблению огня. Зевс вручил ей сосуд, в котором были помещены все человеческие несчастия, с наказом ни в каком случае не открывать его. Пандора, по свойственному женщинам любопытству, открыла сосуд и выпустила все содержимое его, успев прихлопнуть крышкой одну только обманчивую надежду, оставшуюся в замену счастию.

Паргола — Парголово, селение под Петербургом.

Парки (рим. миф.) — богини человеческой судьбы, выпрядавшие нить жизни. Одна начинала ее, другая развертывала, третья перерезала, что и влекло за собою смерть. Иногда изображались в виде бозобразных старух.

Парменион (IV в. до н. э.) — македонский полководец. Во время войны Александра Великого с Персией предводительствовал македонской пехотой, а его сын — конницей.

Парнас — гора с двумя вершинами в Греции (отрог горного хребта Пинда, отделявшего Фессалию от Эпира). Была посвящена древними греками Аполлону и музам, считаясь преимущественным местом поэтического вдохновения.

Парнасские сестры, парнасские царицы — музы *(см.)*.

Парни Эварист Деформ (1753—1814) — французский поэт, представитель деклассирующихся слоев французского дворянства периода Великой французской революции; родоначальник европейской любовной элегии нового времени. В литературном отношении ученик Вольтера и «первый классический поэт эпохи Людовика XVI», выросший на почве галантно-салонной поэзии, Парни, вместе с тем, заключал в своем творчестве зачатки романтизма, оказав значительное влияние на молодых Шатобриана и Ламартина и явившись таким образом переходным звеном от классической поэзии к новейшей романтической лирике. Социально-историческая позиция Парни, в значительной степени аналогичная позиции Батюшкова, объясняет огромное влияние его на последнего, в силу которого современники не без основания называли Батюшкова «русским Парни». Неполнота этой аналогии, зависевшая от разности исторического развития Франции и России, поставила границы этому влиянию. Парни не только принял Французскую революцию, но и стал в значительной степени ее литературным попутчиком, написав ряд разрушительнейших антирелигиозных поэм. Эта область творчества Парни, с которой непосредственно связана «Гавриилиада» Пушкина, характерно осталась без всяких отголосков со стороны Батюшкова. Он даже ни разу не упоминает об его произведениях этого

рода, воспринимая Парни исключительно как элегика и одного из самых блестящих представителей «легкой», любовной лирики.

Парос — один из островов греческого архипелага. Месторождение высококачественного белого мрамора.

Партенон (Парфенон) — храм в Афинах, посвященный Афине-девственнице, покровительнице города и всей Аттики; один из замечательнейших памятников древне-греческой архитектуры и скульптуры, воздвигнутый в V в. до н. э. под непосредственным наблюдением Фидия *(см.)*. В настоящее время от Парфенона сохранились только жалкие обезображенные остатки.

Пасквин (Пасквино) — народное название античной статуи, находившейся на одной из римских площадей. В средние века к этой статуе, равно как и к другой, прозванной Марфорио и представлявшей собой колоссальное изображение речного бога, прикреплялись всевозможные сатирические надписи, эпиграммы и т. п. От названия этой статуи и произошло слово *пасквиль*.

Пафос (греч. миф.) — древний город на Кипре, любимое местопребывание богини Афродиты *(см.)* и средоточие ее культа.

Пекин — бывшая столица Китая; Батюшковым употребляется как синоним «китайщины», «азиатчины», т. е. всяческой отсталости.

Пенаты (рим. миф.) — боги, покровители семьи, дома. Их статуи находились в особом шкапчике, вблизи домашнего очага, в котором поддерживался неугасимый огонь. В переносном смысле родной дом вообще.

Периандр — могущественный коринфский тиран VII—VI вв. до н. э. Отличался, по свидетельству современников, мудростью, покровительством искусствам и наукам, необыкновенно роскошным образом жизни, но вместе с тем и крайней жестокостью. Включался древними в число «семи мудрецов» (septem sapientes).

Пермесс — ручеек в греческой области Беотии, текущий с Геликона и посвященный, как и вся местность вокруг, музам, которых поэтому называют «пермесскими девами».

Петин Иван Александрович (1789—1813) — офицер, сотрудник «Военного журнала», поэт-дилетант. Одна из его басен «Солнечные часы» пользовалась немалой известностью (была введена в сборник «Собрание образцовых сочинений и переводов в стихах» и «Собрание русских стихотворений», изданное Жуковским). Убит в 1813 г. под Лейпцигом. Петин был самым близким другом Батюшкова, написавшего ему в 1810 г. послание в стихах, в 1814 г. посвятившего его памяти элегию «Тень друга», наконец, в 1815 г. в Каменце набросавшего его некролог-характеристику в статье «Воспоминание о Петине». Петину же отдана бо́льшая часть и другой тогда же написанной статьи «Воспоминание мест, сражений и путешествий». Обе эти статьи при сознательной жизни Батюшкова в печати не появлялись (впервые опубликованы в 1851 г.).

Петр Великий — император Петр I (1672—1725). Убежденный «западник», Батюшков был горячим приверженцем «Петровых дел» — начатой Петром «европеизации» средневеково-феодальной Московской Руси, к которой, наоборот, Батюшков испытывал органическое отвращение. Отсюда и его слова, что русская история «делается интересной только со времени Петра Великого». «Конь Петра Великого» — конь на памятнике Петра I в Петербурге, на Сенатской площади, работы скульптора Фальконета (Фальконэ, 1716—1791).

Петр Пустынник — Петр Амьенский (1050 — 1115), монах, народный проповедник, которому позднейшая традиция приписала организацию 1-го крестового похода.

Петрарка Франческо (1304—1374) — итальянский поэт и ученый, родоначальник гуманизма, автор «Песенника» (Il canzoniere), представляющего собой один из самых замечательных образцов мировой любовной лирики. Восторгаясь «неизъяснимой прелестью стенаний» «сладостного Петрарки, из уст которого, что слово, то блаженство», Батюшков вместе с тем особенно ценил его заслуги в деле создания итальянского литературного языка. Деятельности Петрарки посвящена им специальная статья «Петрарка», написанная в 1815 г. (опубликована в «Вестнике Европы» 1816, ч. 86, № 7, и повторена в 1-й части «Опытов»).

Петус — см. Аррия.

Пиериды — одно из названий муз *(см.)*, культ которых пошел от фракийских певцов, живших у Олимпа, в Пиерии, и переселившихся оттуда в Аонию к Геликону.

Пизарр — Франциско Писсарро (1475—1541), один из испанских конквистадоров, завоеватель Перу. Певцом «сибирского Пизарра» Батюшков называет Дмитриева за его стихотворение «Ермак».

Пикар (1769—1828) — плодовитейший французский драматург, автор многочисленных бытовых комедий.

Пилад (г р е ч. м и ф.) — Орест и Пилад, знаменитые друзья древности, классический образец дружбы вообще.

Пильпай — имя легендарного баснописца, который якобы был автором знаменитого собрания индусских басен «Панчатантра», сделавшегося известным в Англии под именем «басен Пильпая».

Пинд — горный хребет в Греции, отделяющий Фессалию от Эпира. Горы Парнас и Геликон являются его отрогами. Отсюда Пинд, как и Парнас, употреблялся для обозначения места поэтического вдохновения.

Пиндар — греческий поэт-одописец (VI—V вв. до н. э.), давший наиболее выдающиеся образцы жанра торжественной «победной» оды, называемой по его имени «пиндарической». Батюшков называет «нашим Пиндаром» Ломоносова («На поэмы Петру Великому» и «Послание Муравьеву-Апостолу») и один раз Державина («наш Пиндар, наш Гораций» в «Моих пенатах»).

Пирей — гавань в Афинах.

Пирифой (греч. миф.) — царь лапифов, был связан тесной дружбой с Тезеем *(см.)*, который взялся помочь ему в похищении богини Аида, Персефоны. За это оба друга были наказаны тем, что приросли к одной из скал Аида.

Пирон Алексис (1689—1773) — французский поэт, автор многочисленных драматических произведений, песен, эпиграмм и нескольких порнографических стихотворений, среди которых особую известность приобрела «Ода Приапу». В одном из писем (к Гнедичу от 29 мая 1811 г., Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 128) Батюшков рассказывает, что он присутствовал при чтении Нелединским-Мелецким переводов именно из этих последних произведений Пирона, и добавляет: «Что нужды до рода. Я удивляюсь дарованию». Вскоре в письме к Вяземскому он шутя называет его «нашим Пироном» (там же, стр. 138).

Писарев Александр Александрович (1780—1848) — военный, впоследствии генерал, писатель (стихи, сочинения по вопросам искусства, театра); вначале был близок к кружку Пнина, входил в состав «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», но затем примкнул к партии Шишкова, сделался членом «Беседы» и Российской академии, в которую был избран 13 марта 1809 г. как раз за то самое сочинение («Предметы для художников, выбранные из Российской истории, славянского баснословия и из всех русских сочинений в стихах и прозе», 1807), которое встретило такое решительное осуждение со стороны Батюшкова (письмо к Гнедичу от 1 ноября 1809 г.). Другое сочинение, упоминаемое Батюшковым, называется «Общие правила театра, выбранные из Полного собрания сочинений г. Вольтера и расположенные по порядку драматических правил», Спб. 1809. Батюшков узнал об этой работе из рецензии, помещенной на нее в «Цветнике» (1809, ч. II, т. 6, стр. 363—378). В эпиграфе из Вольтера, взятом Писаревым к своей работе, он написал: «не имел *способность*» вместо требуемого после отрицания *не* родительного падежа. Это и есть та «ошибка против языка, непростительная члену Академии», за которую упрекает его Батюшков. Как военный, Писарев был участником всех наиболее замечательных сражений эпохи и отличался исключительной отвагой, чему был свидетелем и Батюшков во время заграничного похода 1813—1814 гг.

«Письма к графине» — прозаическое сочинение поэта, прозаика и знатока музыки Федора Петровича Львова (1766—1836), напечатанное в «Беседе любителей русского слова» за 1812 г.

Питт Вильям, младший (1759—1806) — английский государственный и парламентский деятель, вдохновитель борьбы с рабочим движением, жестокого подавления восстания в Ирландии 1798 г. и войны с революционной Францией.

Пифагор (VI в. до н. э.) — греческий философ, математик и астроном. Система Пифагора носила мистическую окраску. Основными ее чертами являются учение о числах как основах всего существующего и вера в

переселение душ. Помимо того, в школе Пифагора сложилось учение о так называемой «гармонии сфер» — музыке, издаваемой совокупным движением небесных светил. Пифагор образовал особый мистический союз своих последователей в италийском городе Кротоне. Среди ряда предписаний, которые обязаны были выполнять члены союза, был и отказ в пище от мяса и бобов. Батюшков относился к мистическим элементам пифагореизма с явной иронией.

Пифон (греч. миф.) — дракон, охранявший Дельфы и убитый стрелами Аполлона.

Плаксивин — ироническое прозвище чувствительного стихотворца (по предположению Л. Н. Майкова, Станевича).

Платон (427—348 до н. э.) — самый выдающийся представитель философского объективного идеализма древности, облекавший свои философские трактаты в замечательно художественную форму. Воспитанному на Вольтере и энциклопедистах, Батюшкову не могли не быть чужды умозрительные отвлеченности Платона. В статье «Нечто о морали, основанной на философии и религии» он с явным неодобрением отзывается о «воскресении» современными ему немецкими идеалистами «мечтательной философии Платона». В свой дневник он записывает основные положения философии Платона в изложении Сенеки и Лонгина, делая характерное примечание: «Ничего не понимаю, а чувствую только, что это прекрасно».

Плейсса — река в Германии на равнине под Лейпцигом, где с 16 по 19 октября 1813 г. происходила знаменитая «битва народов» между Наполеоном и союзными русско-прусско-австро-шведскими армиями. В этой битве убит друг Батюшкова Петин *(см.)* и принимал участие сам Батюшков.

Плетаев — ироническое прозвище, данное Батюшковым Петру Андреевичу Плетневу (1792—1862), поэту, критику и журналисту пушкинской поры. Будучи горячим поклонником Батюшкова, Плетнев без всякого дурного намерения жестоко оскорбил его, напечатав под видом обращения его к друзьям свою элегию «Б......ов из Рима» (подробнее см. выше стр. 606 — 607).

Плещеев Александр Алексеевич (1778 — ум. после 1845) — сын А. А. и Н. И. Плещеевых, которым посвящены «Письма русского путешественника» Карамзина; друг Жуковского, по его отзыву «неисчерпаемый источник веселий»; член «Арзамаса» (под именем «Черного врана» за его негроподобную наружность), даровитый дилетант в области поэзии, музыки и театра. Давая в письме к Вяземскому (от 13 сентября 1817 г.) характеристики арзамасцев о «Плещее», Батюшков отзывается, что он «смешит до надсаду» (Соч., под ред. Майкова, т. III, стр. 468 и 470).

Плиний Кай Секунд старший (23—79) — энциклопедически образованный римский ученый и писатель. Погиб, наблюдая знаменитое извержение Везувия, погубившее Геркуланум и Помпею. Его племянник Кай Плиний младший (62—114) описал его смерть.

Плутарх (50—120) — греческий писатель, автор нравоучительных «сравнительных жизнеописаний», содержащих биографии 46 знаменитых людей древности.

Плутон (г р е ч.-р и м. м и ф.) — подземный бог, владыка Аида и теней усопших.

Пнин Иван Петрович (1773—1805) — поэт-публицист, издатель «С.-Петербургского журнала» (1798); глава кружка вольнолюбиво настроенной литературной молодежи, к которому принадлежал и Батюшков; «президент» «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». В своих одах и книге «Опыт о просвещении относительно России» выступил решительным противником крепостного права и цензурных стеснений. Обратился к Александру I с запиской «Вопль невинности, отвергаемой законом», настаивая на улучшении положения незаконнорожденных (сам он был побочным сыном кн. Репнина). На эту записку, очевидно, и намекает Батюшков своей строкой: «Пером от злой судьбы невинность защищал». Будучи в тесном личном общении с Радищевым после возвращения его из ссылки, Пнин высказывал горячее сочувствие его личности и деятельности. Однако его собственные общественно-политические взгляды носили куда более умеренный характер, не выходя из рамок «законопослушного» либерализма. Ранняя смерть Пнина вызвала общие сожаления друзей. Памяти его было посвящено специальное собрание «Вольного общества» (20 сентября 1805 г.), на котором в его честь было прочитано похвальное слово и ряд стихотворений. Стихи Батюшкова на этом заседании прочтены не были и, очевидно, были написаны несколько позднее.

Пожарский Дмитрий Михайлович, князь (1578 — ок. 1641) — вождь дворянского ополчения, покончившего в 1612 г. с польской интервенцией (см. выше под словом «Гермоген»).

Полиник (г р е ч. м и ф.) — сын фиванского царя Эдипа *(см.)*, разгневавший отца и проклятый им. Когда Эдип ослепил себя, Полиник и его брат Этеокл решили царствовать в Фивах по году поочередно, причем тогда, когда царствовал один, другой удалялся в добровольное изгнание. Полиник, как младший, должен был уйти первым, но самовольно вернулся, организовав знаменитый в мифах «поход семи царей против Фив» с целью свергнуть брата и захватить власть в свои руки. Братья схватились в жестоком единоборстве, и оба пали мертвыми.

Политковский Гавриил Герасимович (род. ок. 1770 — ум. после 1824) — сенатор, член «Беседы любителей русского слова». Писал Политковский мало (в печати появились только его «Ода Екатерине II на заключение мира с Портой», 1792, и драма «Верный друг в несчастии познается», Спб. 1796), но очень любил читать стихи и часто выступал в качестве чтеца на заседаниях «Беседы».

Полишинель — французское название одного из комических персонажей итальянской народной комедии, «пульчинелло» — слуги-неаполитанца.

Поллукс (г р е ч. м и ф.) — Кастор и Поллукс, близнецы, сыновья Зевса, покровители мореплавания.

Полозов Алексей (ум. 1812) — приятель Батюшкова и Гнедича. Был не чужд литературе (в 1809 г. принимал участие в переводе трагедии Вольтера «Заира»).

Помпадур Жанна-Антуанетта Пуассон, маркиза (1721—1764) — любовница короля Людовика XV и самое могущественное при нем лицо во Франции. «Коронованной Сиреной» называет ее сам Вольтер.

Понт — малоазийское побережье Черного моря, царство Митридата «понтийского».

Попе — Александр Поп (Pope, 1688—1744), английский поэт, глава английского классицизма, безукоризненный мастер формы. Приверженность к идеям французских «просветителей» (главным образом Вольтера) не мешала ему в политическом отношении быть ярым консерватором. Из его произведений особенное значение имела его дидактическая поэма «Опыт о критике» — рассуждение о «правилах», которым должна удовлетворять критика, написанное по следам Горация и Буало. В начале XIX в. Поп считался у нас одним из признанных авторитетов. Сам Батюшков приравнивал в русской литературе к деятельности Попа деятельность И. И. Дмитриева — сравнение до известной степени верное, хотя и чересчур лестное для Дмитриева, деятельность которого имела неизмеримо меньшее значение. «Жилище Попе», о котором упоминает Батюшков, — вилла, купленная им на гонорар, полученный за нашумевший перевод «Илиады» Гомера, в котором он тщательно причесал подлинник на искусственно-салонный манер.

Поповка — имение Палицына *(см.)*.

Портичи — город на берегу Неаполитанского залива, у подошвы Везувия.

Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — фаворит Екатерины II, фактический диктатор России.

«*Почта духов*» — сатирический журнал, издававшийся в 1789 г. И. А. Крыловым и И. Г. Рахманиновым. В нем сотрудничал и Радищев.

«*Преображение Рафаэля*» — одна из последних картин Рафаэля (1483—1520), законченная его учениками. Находится в Ватиканском музее в Риме.

Пресненские пруды — на ряду с Тверским бульваром, излюбленное место гуляний старой дворянской Москвы.

Приам (г р е ч. м и ф.) — царь Трои эпохи Троянской войны. Когда Ахилл убил его сына Гектора, Приам с богатыми дарами тайком явился к нему с просьбой отдать ему тело убитого сына для погребения. Этот эпизод — одно из самых сильных и волнующих мест «Илиады».

Приютино — имение-дача А. Н. Оленина в 17 верстах под Петербургом. Через некоторое время после Батюшкова «гостеприимную приютинскую сень» воспел и Гнедич («Приютино», 1820).

Проперций Секст (I в. до н. э.) — римский поэт, на ряду с Катуллом и Тибуллом, виднейший представитель древне-римской любовной элегии.

Протей (греч. миф.) — мудрый морской старец, обладавший способностью бесконечно изменять свой облик. Олицетворение вечно меняющейся морской стихии.

Пруды — Пресненские пруды *(см.)*.

Психея, *Псишея* (греч. миф.) — олицетворение человеческой души, изображалась в виде бабочки. Легендарная история ее любви с Эротом *(см.)* дала материал римскому писателю Апулею (II в. до н. э.), а также Лафонтену и Богдановичу.

Пуссень — Пуссен (Poussin) Никола (1593—1665), художник, виднейший представитель французского живописного классицизма XVII в. Для художественных вкусов Батюшкова характерно, что в «Прогулке в Академию художеств» он ставит его выше Рубенса. В другой своей статье «Воспоминание мест, сражений и путешествий» Батюшков сравнивает живописные окрестности Каменца-Подольского с «величественными вымыслами Пуссеня».

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837). С Пушкиным-лицеистом, поэтическое дарование которого рано обратило на себя внимание Жуковского, Вяземского и других писателей-карамзинистов, Батюшков познакомился, посетив лицей в конце 1814 г. или в самом начале 1815 г., вскоре после первого послания к нему Пушкина. Батюшков советовал Пушкину, как около этого же времени и Жуковскому, от легких эпикурейских жанров, учителем которых для Пушкина как раз он сам и являлся, обратиться к созданию эпопеи. В своем втором послании к Батюшкову Пушкин отклонил этот совет и даже уступил ему сюжет начатой им было около этого времени по следам Радищева шуточной поэмы «Бова». По выходе Пушкина из лицея Батюшков часто встречался с ним во время своих наездов в Петербург в 1817—1818 гг.; 4 сентября он провел целый день в Царском Селе с ним, Жуковским и арзамасцем Плещеевым, причем ими были написаны два шуточных коллективных экспромпта. В проводах Батюшкова в 1818 г. друзьями в Италию, во время которых «горевали, пили, смеялись, спорили, горячились, готовы были плакать и опять пили», участвовал и Пушкин. Сложившаяся в литературе традиционная версия о «зависти» Батюшкова к Пушкину, которая не только якобы побудила его отойти от литературы, но чуть ли не послужила причиной его психического заболевания, не находит подтверждения в частых упоминаниях Батюшковым имени Пушкина в своих письмах. Батюшков с искренним сочувствием осведомляется о новых произведениях Пушкина, выказывает постоянную заботу о наиболее благоприятных условиях для его творческого роста, вообще проявляет к нему неизменное участие. «Забыл о Пушкине молодом: он пишет прелестную поэму и зреет», — сообщает он Вяземскому в письме от 9 мая 1818 г. (Соч. под

ред. Майкова, т. III, стр. 494). «Сверчок [арзамасское имя Пушкина] что делает? Кончил ли свою поэму? — осведомляется он в том же году у А. И. Тургенева.— Не худо бы его запереть в Геттинген и кормить года три молочным супом и логикою. Из него ничего не будет путного, если он сам не захочет; потомство не отличит его от двух однофамильцев, если он забудет, что для поэта и человека должно быть потомство: князь А. Н. Голицын московский промотал двадцать тысяч душ в шесть месяцев. Как ни велик талант Сверчка, он его промотает, если... Но да спасут его музы и молитвы наши!» (там же, стр. 533—534). В строках этих нет никакого недоброжелательства. Бешено-разгульный и светски-рассеянный образ жизни, который Пушкин повел по выходе из лицея, возбуждал не в одном Батюшкове, но и вообще в сочувственно-расположенных к нему «стариках»-литераторах — Карамзине, Жуковском — живые опасения за дальнейшую судьбу его дарования. Услыхав в Италии, что Пушкин собирается поступить на военную службу, Батюшков, на своем опыте испытавший, как необходимо писателю избрать своей профессией только литературу, огорченно восклицает: «Жаль мне бедного Пушкина! Не бывать ему хорошим офицером, а одним хорошим поэтом менее. Потеря ужасная для поэзии! Perche [почему]? Скажи, бога ради» (письмо к Гнедичу от мая 1819 г., там же, стр. 555).

Пушкин Алексей Михайлович (1769—1825) — дальний родственник В. Л. Пушкина, поэт и актер-дилетант, переводчик Мольера; ярый вольтерьянец, по слову П. А. Вяземского «энциклопедист с русской закваской», славившийся в дружеских кружках «вольным» образом мыслей и своим острым и злым языком. Батюшков познакомился с А. М. Пушкиным в бытность в Москве в 1810 г. и с этого времени поддерживал с ним приятельские отношения; но особенно сдружился он с его женой, Еленой Григорьевной, женщиной большого ума и образования (она снабжала Батюшкова новинками западных литератур), разделявшей «вольнолюбивые» взгляды своего мужа.

Пушкин Василий Львович (1770—1830) — дядя А. С. Пушкина, известный в свое время поэт-карамзинист, деятельный член и «староста» «Арзамаса», автор шутливо-эротической повести в стихах «Опасный сосед». Добродушный, недалекий, В. Л. Пушкин служил постоянной мишенью шуток над ним друзей, в том числе и Батюшкова.

Радищев Александр Николаевич (1749—1802)—писатель, автор первых русских произведений, отразивших революционную сторону идеологии эпохи просвещения—«Путешествие из Петербурга в Москву» и ода «Вольность». За «Путешествие» был приговорен к смертной казни, но последняя была заменена ему ссылкой в Сибирь, где он провел около шести лет (был амнистирован Павлом I) и написал большую часть своих литературных произведений—народную поэму «Бова»,

в которой он подражал «Орлеанской девственнице» Вольтера, ряд стихотворений, статей и т. п. При Александре I был привлечен к работам в Комиссии по составлению законов. В поданных им в связи с этим проектах начальство усмотрело следы его прежних «мечтаний» и пригрозило новой ссылкой в Сибирь. Радищев, твердо поверивший в либеральную «весну» начала александровского царствования, не выдержал разочарования и отравился. Личность и произведения Радищева, как уже указывалось, пользовались в кружке Пнина, к которому принадлежал и молодой Батюшков, особым почитанием. Это чувство, видимо, разделял и он сам. Позднее, в связи с его общим поправением, идеи Радищева должны были стать ему не только чуждыми, но и прямо враждебными. Тем не менее он продолжал отводить Радищеву весьма значительное место в истории русской литературы. В набросанном им плане ее он предполагал посвятить литературной деятельности Радищева особую статью, причем отмечал, что она будет «интересной». Больше того: на обороте переплета его записной книжки 1817 г. «Чужое: мое сокровище!», среди перечня того, что он собирается написать в прозе, значится и статья «О сочинении Радищева», т. е., очевидно, на этот раз уже прямо о «Путешествии». Статью эту Батюшков, по всем видимостям, не написал, да если бы она и была написана, то, конечно, примерно в том же полемическом духе, что и статьи о Радищеве поправевшего Пушкина 30-х годов. В другом своем неосуществленном замысле — обработке сюжета о Бове — Батюшков также, по-видимому, намеревался противопоставить вольтеровски-легкомысленной, издевательски-непристойной поэме Радищева ту поэму «в высоком роде», к созданию которой он призывал в это время всех своих друзей.

Радищев Николай Александрович (1779—1829) — сын автора «Путешествия из Петербурга в Москву»; поэт, переводчик (в том числе Шатобриана и Байрона). Член дружеского кружка Пнина *(см.)* и «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Либерал. Сослуживец Батюшкова по департаменту народного просвещения, находившийся с ним в близких приятельских отношениях.

Раевский Николай Николаевич (1771—1829) — боевой генерал, особенно отличившийся в войне 1812 г. Был либерально настроен, обладал большим умом и исключительным остроумием. Находился в ближайших родственных отношениях со многими декабристами. Оказал поддержку сосланному на юг Пушкину. О «героизме» Раевского ходило много легенд, из которых особой популярностью пользовалась та, над которой сам он смеется в разговоре с Батюшковым. В сражении под Дашковкой, около Могилева, с корпусом генерала Даву, после безуспешных попыток овладеть французскими позициями, он якобы взял за руки двух своих малолетних сыновей и пошел с ними во главе войск, крича: «Вперед, ребята, за царя и отечество. Я и дети мои укажем вам дорогу».

Легенда эта, с легкой руки Жуковского, воспевшего «подвиг» Раевского в своем «Певце во стане русских воинов», получила широчайшее распространение (в 1813 г. Академия художеств давала тему для картины на этот сюжет и т. д.) и держалась до самого последнего времени (см., например, биографию Раевского в «Русском биографическом словаре» 1910 г.), несмотря на то что можно безусловно доверять рассказу Батюшкова, близко знавшего Раевского и относившегося к нему с величайшим уважением. Батюшков был адъютантом Раевского во время похода 1813—1814 гг., участвовал во всех руководимых им боях (Лейпцигском сражении, взятии Парижа и т. д.) и восторженно отзывался в письмах об его самообладании, характере и личной отваге. Когда после ранения под Лейпцигом Раевский вынужден был на некоторое время остаться для лечения в Веймаре, при нем находился и Батюшков, подробно рассказавший о сражении в письме к Гнедичу от 30 октября 1813 г. (см. Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 235—237). О Раевском Батюшков с неизменным сочувствием упоминал и много лет спустя, во время своей душевной болезни.

Расин Жан (1639—1699) — французский драматург, один из наиболее выдающихся представителей и мастеров французского классицизма. Батюшков, по его словам, «с малолетства воспитанный в страхе Расина», привык считать его в числе величайших писателей нового времени. В своих «Мыслях» (1810) он сочувственно приводит слова Кондильяка: «В трагедиях Расиновых более логики, нежели в Сенеке», что не мешало ему находить некоторые его вещи «холодными, как лед» и решительно уклоняться от перевода его трагедий на русский язык, к чему одно время усиленно склонял его Гнедич. «Федра» и «Ифигения в Авлиде» принадлежат, особенно первая, к числу наиболее прославленных трагедий Расина.

Рафаэль Санцио (1483—1520) — итальянский художник, гармонически синтезировавший в своем творчестве все достижения итальянского классического Возрождения. В XVII—XIX вв. творчество Рафаэля почиталось непревзойденной вершиной живописного искусства и обязательным образцом для академий всего мира. Это не могло не настраивать Батюшкова, бывшего решительным противником мертвенного академического классицизма, если не против самого Рафаэля (хотя в одном из писем 1814 г. из Парижа он явно иронически отзывается об обязательных «ахах» перед картинами Рафаэля), то против его «рабских подражателей» (см. статью «Две аллегории» 1815 г.). В письме из Рима к Оленину (от февраля 1819 г.) он жестоко смеется над бывшими там немецкими художниками, которые «все оделись Рафаэлами: отпустили себе волосы и надели черные бархатные шапки, черное полукафтанье и сандалии», а «рисовать не умеют» и только разгуливают по Риму «в Рафаэловом платье, со свитком пергамента в руках».

Регент — герцог Филипп Орлеанский, правивший Францией, в виду малолетства Людовика XV. Замечательную по яркой художественности

характеристику эпохи регентства (1715—1723), отличавшейся исключительными расточительностью и распутством двора, дает Пушкин в I главе «Арапа Петра Великого», заимствуя основные краски для нее из «Орлеанской девственницы» Вольтера.

Рейн — одна из важнейших рек Западной Европы. Частично служит границей между Германией и Францией. Отсюда «Зареинские сыны» — французы. На возвышенных берегах Рейна сохранился ряд живописных развалин средневековых рыцарских замков.

Ринальд — один из главных героев поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим», лицо вымышленное.

Рифмин — ироническое прозвище Мерзлякова *(см.)*, перевод которого из Пиндара «Первая пиндарова Олимпийская ода Гиерону Сиракузскому» был опубликован незадолго до того, в 1804 г.

Рихтер Вильгельм Михайлович (1767—1822) — врач, профессор «повивального искусства» в Московском университете, автор написанной на немецком языке «Истории медицины в России». Был домашним врачом у кн. П. А. Вяземского, у которого Батюшков мог с ним и лично встречаться.

Ричмон — «прекрасный городок в окрестностях Лондона, напротив жилища Попе. Путешественники никогда не забудут террасы и пленительных видов Ричмона» (примеч. Батюшкова).

Роберт Нормандский — старший сын Вильгельма Завоевателя, участник 1-го крестового похода.

Робеспьер Максимилиан (1758—1794) — один из главных деятелей Великой французской революции, вождь партии якобинцев, идеолог революционной мелкой буржуазии, после разгрома Жиронды — глава революционного правительства. Для представителей русского либерального дворянства, в том числе и молодого Батюшкова, не шедших в своем принятии революции, если таковое имелось, дальше Жиронды, возглавивший революционный террор Робеспьер был страшилищем, кровавым пугалом. Упоминая в своей статье «Петрарка» (1815) о «народном трибуне» Кола ди Риенци, вожде римского демократического восстания XIV в., Батюшков прибавляет: «Свобода, дарованная Риму исступленным трибуном, походила на свободу Робеспьерову: началась убийствами, кончилась тиранством». В письме из Франции Батюшков называет Робеспьером Наполеона.

Роллен Шарль (1661—1741) — французский историк и педагог, автор многотомных исторических трудов («Древняя история», 12 тт. и «Римская история», 9 тт.), переведенных на русский язык Тредиаковским *(см.)*.

Рона — река во Франции.

Российская академия — основана Екатериной II в 1783 г. для составления «грамматики, русского словаря, риторики и правил стихотворства». Во время Батюшкова стала одним из центров «шишковизма», оплотов литературной и общественно-политической реакции. С 1813 г.

президентом Академии был назначен сам А. С. Шишков, со смертью которого она прекратила свое самостоятельное существование, войдя, в качестве «второго отделения» (русского языка и словесности), в состав Академии Наук.

«Российский феатр или полное собрание всех российских феатральных сочинений» — издание Академии Наук, в 43 частях, выходившее в Петербурге с 1786 по 1794 г. В 39-й части, вышедшей в 1793 г., была напечатана трагедия Княжнина *(см.)* «Вадим», после ее запрещения вырезанная из книги.

Россини Джоакино (1792—1868) — итальянский композитор, составивший эпоху в истории развития итальянской оперы. Ко времени приезда Батюшкова в Италию, в 1819 г., Россини находился в полном расцвете своей славы. К этому времени им были уже написаны оперы «Танкред» (на сюжет одноименной трагедии Вольтера), «Севильский цырюльник» и др.

«Россияда» — эпическая поэма Хераскова *(см.)*.

Рубенс Питер-Пауль (1577—1640) — художник, родоначальник и глава фламандского живописного искусства. При исключительном блеске и мастерстве колорита, картины Рубенса отличаются необычайным чувственным полнокровием, избытком здоровья и сил. В 1622—1623 гг. Рубенс написал по заказу французской королевы Марии Медичи двадцать четыре картины аллегорически-исторического содержания, имевшие целью ее прославление. Говоря о «триумфе государя наподобие Рубенса», Батюшков, очевидно, и имеет в виду эти картины, которые он только что перед этим видел в Париже.

Румянцев Николай Петрович, граф (1754—1826) — высший государственный деятель. Один из типичных вельмож-меценатов своего времени. Положил начало московскому Румянцевскому музею (ныне Публичная библиотека имени Ленина). Был инициатором всяких научных начинаний. Издал на свой счет ряд исторических документов, материалов и т. п. Оказывал широкую материальную поддержку молодым художникам и писателям. Батюшков был лично знаком с ним. Во время своей поездки в 1818 г. в Одессу он собирал для него сведения о местных древностях. В Риме заходил по его поручению и с его письмом к знаменитому скульптору Канове *(см.)*, который сделал для Румянцева статую Мира.

«Русский Вестник» — *см.* Глинка.

Руссо Жан-Жак (1712—1778) — французский писатель и мыслитель, идеолог мелкой буржуазии, оказавший огромное влияние на революционную идеологию якобинцев, прямо считавших его своим предшественником. Сходным образом смотрел на Руссо и Батюшков. Вот почему в своей реакционной статье «Нечто о морали, основанной на философии и религии», находя известные оправдания для «остроумного» вольнодумца Вольтера *(см.)*, он безоговорочно осуждает «пламенные мечтания и блестящие софизмы» «одаренного великим гением», «отступ-

ника от веры, отступника от философии» Руссо, которые «во сто раз опаснее». «Красноречивый защитник истины (когда истина не противоречила его страстям), — пишет он о Руссо, — пламенный обожатель и жрец добродетели, посреди величайших заблуждений своих как часто изменял он и добродетели, и истине! Кто соорудил им великолепнейшие алтари и кто оскорбил их более в течение жизни своей и делом, и словом? Кто заблуждался более в лабиринте жизни, неся светильник мудрости человеческой в руке своей?» Об его автобиографической «Исповеди», один из эпизодов которой Батюшков припоминает в своей статье «Нечто о поэте и поэзии», он отзывается теперь как об «ужасной книге», которою Руссо «оскорбил и дружество, и любовь, и родство, и все, что человечество имеет священного». Кстати сказать, эпитет, придаваемый Батюшковым в этой статье Руссо — «защитник прав», был перенят у него Пушкиным («Евгений Онегин», гл. I, стр. XXIV).

Сабинум — имение Горация *(см.)* в Сабинской области к северу от Тибура (ныне Тиволи), подаренное ему Меценатом *(см.)*.

Сальватор Роза (1615—1673) — итальянский художник неаполитанской школы, сочетавший романтизм сюжета (фантастические пейзажи с руинами, замками, сцены из жизни бандитов, среди которых он прожил некоторое время, изучая их типы и нравы) с натурализмом выполнения. Картины Сальватора Розы, видимо, приходились по вкусу Батюшкову, сочувственно отмечавшему свойственные его живописной манере «своенравные черты» («Воспоминание мест сражения и путешествий», 1815 г.).

Самарина — Квашнина-Самарина Анна Петровна, фрейлина Екатерины II, любительница литературы, собиравшая вокруг себя как старых писателей в роде Державина, Капниста и др., так и литературную молодежь. Батюшков видел в ней лучшую представительницу светской культуры и образованности его времени: «Я душой светлею, когда ее вспоминаю», — пишет он Гнедичу (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 66). Он высоко ценил ее художественный вкус, сообщал ей свои новые стихи и очень дорожил ее суждениями и оценкой.

Самос — один из главных островов Эгейского моря, у берегов Малой Азии. Славился в древности своими глиняными изделиями (вазами и пр.).

Сарданапал — легендарный царь, последний из царей Ассирии, образ жизни которого отличался исключительной роскошью и изнеженностью.

Сатиры (греч. миф.) — низшие горные и лесные божества. Спутники Вакха и участники вакхических оргий. Изображались с козлиными рожками, ногами и хвостом.

Сатурн (греч.-рим. миф.) — отец Зевса-Юпитера, властвовавший до него над миром и впоследствии свергнутый сыном. Во время господства

Сатурна на земле был золотой век — время всеобщего благоденствия и процветания. *«Сатурнова дочь»* — Гестия или Веста — богиня домашнего очага. Гром и молния — атрибуты его верховной власти. В противоположность «золотому» сатурнову веку — время господства над миром Юпитера считалось «железным веком».

Сафо (VII—VI вв. до н. э.) — греческая поэтесса с острова Лесбоса, представительница музыкально-песенной любовной лирики. По преданию, безнадежно влюбилась в прекрасного юношу Фаона и, не встретив взаимности, бросилась в море с Левкадской скалы. *Сафы, Сафины мечты* — формы, производимые Батюшковым от Сафо.

Сахарова Мария Степановна — драматическая актриса второй половины XVIII в. С появлением на сцене Семеновой *(см.)* вынуждена была уступить ей первые роли, перейдя на роли наперсниц.

«Сбитеньщик» — комическая опера Я. Б. Княжнина *(см.)*, весьма популярная в конце XVIII и начале XIX в. Выписка из нее, приводимая Батюшковым в письме к Гнедичу, взята из II явления 2-го действия.

Светило севера — Полярная звезда, показывающая направление на север.

Светлана — арзамасское прозвище Жуковского (по его же одноименной балладе).

Световид — верховное божество славян (существование у славян культа такого божества отрицается новейшими исследователями).

Свистов — одно из многих сатирических переиначиваний имени Хвостова *(см.)*, бывших в большом ходу у арзамасцев.

Северин Дмитрий Петрович (1792—1865) — дипломат, литератор-любитель, автор мелких стихотворений, экспромптов и переводов с французского, в том числе статейки «Писатель в обществе» («Вестник Европы» 1808, ч. XII, № 22). Член «Вольного общества любителей словесности», из которого был в 1812 г. исключен шишковистами за свои карамзинистские симпатии, и «Арзамаса», где имел имя «Резвого кота». Близкий приятель Батюшкова, постоянно упоминаемый последним в своих письмах. Вместе с А. И. Тургеневым помог Батюшкову устроиться в 1818 г. на дипломатическую службу.

«Северная почта» или «Новая Санктпетербургская газета», издававшаяся Почтовым департаментом с 1809 по 1819 г.

Севинье Мария, маркиза (1626—1696) — создательница французской эпистолярной прозы. Ее знаменитые «письма» к дочери и др. рисуют яркую картину жизни французской аристократии XVII в., но исполнены всех условностей и предрассудков последней. Несколько иронический отзыв о Севинье в «Прогулке по Москве» не мешает самому Батюшкову восхищаться ее письмами («Г-жа Севинье, любезная, прекрасная Севинье», — называет он ее в письме к Гнедичу от 1 ноября 1809 г., см. выше стр. 386).

Сегюр Луи-Филипп, граф (1753—1830) — французский государственный деятель (при Екатерине II посол в Петербурге) и плодовитый писатель.

Сейна (Сена) — река в северной Франции, на которой расположен Париж. *Секвана* — ее латинское название.

Селена (г р е ч. м и ф.) — богиня луны, луна.

Сельма — дворец Фингала, царя морвенского, одного из главных героев оссиановых поэм. *Сельмские леса* — леса, окружающие Сельму.

Семенова Екатерина Семеновна (1786—1849) — трагическая актриса, дочь крепостной. Современники с восторгом отзывались о классической правильности и красоте ее наружности, соединявшихся со способностью исключительно сильно чувствовать и вживаться в свои роли. Это сделало ее идеальной исполнительницей ролей героинь в трагедиях Озерова (дебют ее совпал с первым представлением трагедии Озерова «Эдип в Афинах»), создавших ей колоссальную популярность среди современников. Семенова была близка с князем Гагариным *(см.)*, за которого впоследствии вышла замуж. Пользуясь его связями, она помогла получить пенсию своему горячему поклоннику, обучавшему ее театральной декламации, поэту Гнедичу. Последний, повидимому, попросил Батюшкова написать ей стихи, как это видно из письма к нему Батюшкова (от 6 сентября 1809 г.): «Пойдем к грациям, к Семеновой. Вот ей стихи. Если она скромна, как Кореджиева дева, то и тут не отказалась бы от этой похвалы. Все, что ты не напишешь на этот случай, будет слишком обыкновенно. Я взял перо с удовольствием и в первый раз, может быть, с пользой и кстати, т. е. для дружества» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 42). О помощи, оказанной ей Гнедичу, прямо и говорит заключительная строфа стихов, в которой Батюшков воздает хвалы ее «небесной душе» и «доброму сердцу». Впоследствии Батюшков и сам пытался с помощью Семеновой получить место в дипломатической миссии в «Чужих краях». Попытки эти однако ни к чему не привели.

Семиан, де — племянница маркизы дю Шатле *(см.)*.

Сенека Луций Анней (3 до н. э. — 65 н. э.) — римский философ, эклектически сочетавший учение стоиков с элементами пифагореизма и платонизма; трагик; блестящий стилист; один из наиболее выдающихся мастеров латинской прозы. Был воспитателем Нерона, при котором, потворствуя его страстям, сумел одно время занять весьма видное положение, но позднее был обвинен в заговоре и по приказу Нерона покончил с собой, вскрыв себе вены. Батюшков читал Сенеку и в подлиннике (в его статьях неоднократно встречаются цитаты из него на латинском языке), но больше во французском переводе Лагранжа. «В одной руке держу Монтаня, в другой Сенеку», — писал он Вяземскому в феврале 1816 г. В дневнике им приводится много выдержек из Сенеки, записывается изложение «Платоновой системы по Сенеке» и дается общая характеристика последнего: «Читаю Сенеку. Он очень остроумно называет Эпикура, проповедующего науку сладострастия,

мужчиною в женском платье. Не можно ли сказать то же о Сенеке, угоднике Нерона, но наоборот? Впрочем, читая его письма, можно с ним примириться; можно решительно сказать, что он имел великую, прекрасную душу и ум необыкновенно проницательный. Он обнимал все сведения современников, и книга его, как история ума человеческого во времена Нерона, весьма интересна. Он удивительный мастер заострить мысль самую обыкновенную и в этом похож более на новейшего писателя, нежели на древнего». «Письма к Луцилию» (Epistulae morales ad Lucilium), о которых упоминает Батюшков, — сборник писем философского и литературного содержания, написанных весьма легким и изящным слогом.

Сен-Ламбер (1716—1803) — французский поэт, автор стихотворений в «легком» роде и «сельской» поэмы «Времена года» (Les saisons); приятель Вольтера. Вторую половину своей жизни посвятил обработке большого сочинения по этике «Principes des moeurs chez toutes les nations ou catéchisme morale». В своем дневнике Батюшков несколько раз ссылается на это сочинение, написанное в «просветительном» духе и представляющее собою кодекс утилитарной морали на основе сенсуализма. О поэтическом творчестве Сен-Ламбера Батюшков равным образом отзывается с похвалой: «Я читаю теперь Сен-Ламберта и бываю доволен, как ребенок, — пишет он Гнедичу в августе 1811 г. — Сен-Ламберт — добрый человек, с ним весело беседовать, по крайней мере, лучше, нежели с Шатобрианом, который — признаюсь тебе — прошлого года зачернил мое воображение духами, Мильтоновыми бесами, адом и бог весть чем» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 135).

Сен-При Эммануил Францович, граф (1776—1814) — французский эмигрант, генерал русской службы, был смертельно ранен во время движения русской армии на Париж, под стенами Реймса; Батюшков знал как его, так и его брата, подольского, впоследствии херсонского губернатора, с которым постоянно встречался в Каменце и в Одессе и по просьбе которого и написал свою «Надпись» (письма его к Жуковскому из Каменца от середины декабря 1815 г., там же, стр. 359—360).

Сен-Симон Луи, герцог (1675—1755) — государственный деятель времени Людовика XIV и регентства, представитель консервативной знати, стоявшей в оппозиции к «королю-солнцу» справа, и ярый враг возвышающейся буржуазии. Оставил огромные мемуары, написанные превосходным языком и дающие памфлетно-заостренную картину придворной жизни на протяжении почти тридцати лет (1694—1723). Мемуары в 1818 г. были изданы только частично. Первое полное издание, которое однако издатели нашли нужным «смягчить», вышло в 1829—1830 гг. в 21 томе.

Сербин — см. Мандрикар.

Сердечкин — влюбленный вздыхатель, весьма распространенное в сатирической поэзии XVIII и начала XIX в. (у Дмитриева и др.) условное имя-характеристика.

Серра-Кариола, князь (1750—1822) — неаполитанский посланник в Петербурге.

Сидор — см. Бобров.

Сидон — древний торговый и промышленный город Финикии. Славился производством особой пурпуровой краски — «сидонского багреца».

Сизиф (греч. миф.) — основатель и царь Коринфа. За грехи был обречен в Аиде вечно вкатывать на высокую гору тяжелый камень, который, достигнув вершины, снова катился назад.

Сиканская земля — земля, орошаемая Сиканой, древне-греческое название Сены, т. е. Франция.

Сикар аббат (1742—1822) — французский педагог, известный в свое время деятель в области обучения глухонемых, заведывавший знаменитым парижским институтом для глухонемых.

Силла — Луций Корнелий Сулла (138—78 до н. э.), римский полководец, впоследствии диктатор, из демократической партии перешедший в лагерь крупной землевладельческой аристократии и разгромивший во время первой гражданской войны вождя демократов Мария.

Сильваны (рим. миф.) — божества лесов и полей, покровители земледелия и домашнего скота.

Сильфы и *Сильфиды* — по учению средневековых алхимиков духи воздуха (мужского и женского пола).

Симонид Кеосский или младший (VI—V вв. до н. э.) — один из наиболее значительных греческих лириков, писавший в самых разнообразных родах. В своей записной книжке Батюшков помещает характеристику Симонида, извлеченную им из «Анахарсиса», подчеркивая, что он «особенно отличился в элегиачеcкой поэзии и жалобных песнях» и в то же время воспевал «наслаждение летящими минутами» жизни. Однако на ряду с этим он писал и торжественные победные оды, которые современники ставили выше од Пиндара *(см.)*.

Сион — один из холмов, на которых расположен Иерусалим. На Сионе находились крепость, храм и дворец иудейских царей.

Сирей — *см.* Вольтер.

Сирены (греч. миф.) — девы на одном из островов Средиземного моря, завлекавшие и губившие мореплавателей своим волшебным пением.

«Система природы» — сочинение французского философа-энциклопедиста, барона Гольбаха (1723—1789), прозванное «библией материализма». Вольтерьянец Батюшков, как и сам его учитель Вольтер, противопоставляет воинствующему атеисту Гольбаху веру в божественное начало мира.

Скамандр — река близ Трои. Прорывала себе глубокое русло в крутых илистых берегах, в силу чего ее воды были желтого цвета.

Скотинин — один из персонажей комедии Фонвизина «Недоросль» — тип грубого и невежественного провинциального помещика-крепостника. Скотинин сам говорит о себе: «У меня такой обычай, как что заберу в голову, того из нее гвоздем не выколотишь. У меня, слышь ты,

что вошло в ум, тут и засело» (действ. II, явл. 3). Эти слова Батюшков и припоминает в письме к Гнедичу от середины февраля 1810 г.

Славснофил, славянофил — ироническое прозвище А. С. Шишкова *(см.)*, пущенное в ход Батюшковым. Мерзляков в 1812 г. уже употребляет это слово всерьез, в значении любителя и приверженца славянского языка.

Сладковский Роман — автор поэмы в шести песнях «Петр Великий» (Спб. 1803), отличавшейся стихами, «дикими по смыслу и нестерпимыми для слуха», служившими постоянным материалом для шуточных пародий карамзинистов. О «Петриаде» Сладковского Батюшков вспомнил в связи с появлением поэмы о Петре князя Шихматова и разделался с обоими сразу в своей эпиграмме «На поэмы Петру Великому». Ломоносов также начал «героическую поэму» «Петр Великий», но успел написать из нее только две песни.

Смольный монастырь — привилегированное закрытое женское учебное заведение — Смольный институт, находившийся под покровительством императрицы Марии Федоровны, вдовы Павла I и матери царствовавшего тогда Александра I. Летом 1917 г. помещение Смольного института, в котором был Петербургский совет, сделалось, как известно, центром революционных сил Петербурга, после Октября — центром советской власти.

Собрание — «Благородное собрание», здание для балов и танцовальных вечеров, на которые допускались только дворяне. Ныне в помещении бывшего Московского благородного собрания — Дом Союзов.

Соковнин Сергей Михайлович — поэт-дилетант, приятель Жуковского (*см.* о нем выше стр. 596).

Соколов — провиантский чиновник, не имевший никакого отношения к литературе, но обладавший очень звучным голосом, в силу чего он был присяжным чтецом «Беседы».

Солим — Иерусалим.

Сорренто — город на берегу Неаполитанского залива, в Италии. Родина Тассо *(см.* Тасс*)*.

Спарта — самое крупное государство Пелопоннеса в древней Греции, организованное в форме военно-аристократической общины; полноправные граждане ее — *спартанцы* — славились воинственностью, простотой и непритязательностью образа жизни и исключительной суровостью воспитания.

Сплетнин — условное имя-характеристика во вкусе XVIII в.

Сталь, де Жермена (1766—1817) — французская писательница, автор весьма популярных в свое время романов («Дельфина», «Коринна»), проповедующих свободу женской личности и культ чувства, и книги «О Германии», в которой она «открыла» французским читателям немецкую романтическую философию и литературу. Находясь в оппозиции к Наполеону, жила во время его правления в изгнании. Незадолго до войны 1812 г. посетила Россию. Батюшков встретился с ней в Петербурге и сообщал об этом сестре: «Видел недавно славную

сочинительницу «Коринны» и «Дельфины», мадам Сталь, с которой провел целый вечер у гр. Строгановой; она едет в Америку... дурна, как чорт, и умна, как ангел» (письмо от 9 августа 1812 г., Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 198).

Станевич Евстафий Иванович — писатель, член-сотрудник «Беседы любителей русского слова» и фанатический приверженец Шишкова. В своей прозе и стихах, исполненных мысли о бренности всего земного, подражал мотивам «гробовой» поэзии Юнга и «Размышлениям» Гервея, за что слыл среди друзей «Рембрандтом поэзии», а среди карамзинистов «гробокопателем Юнгом», «Плаксевичем» и т. п. Собрание его сочинений, вышедшее в 1805 г., было жестоко разругано Каченовским, выставившим его образцом бездарности. Через некоторое время Каченовский снова обрушился на него за его новое произведение «Послание к Привете». Станевич решил дать отпор «ядовитому ругателю, московскому браковщику русских умов и дарований» и выпустил руководство для здравой, с его точки зрения, критики: «Способ рассматривать книги и судить о них» (1808), но был снова «обруган» в том же «Вестнике Европы», на этот раз Воейковым, который высмеял «льстящегося бессмертием» «академика и беседиста» «Сатаневича» и в своих сатирах «Дом сумасшедших» и «Парнасский адрес-календарь». Батюшков высмеял Станевича уже в своем раннем стихотворении «Послание к стихам моим» под именем Плаксивина. Неизменно иронически относится он к нему и в письмах к друзьям, величая Штаневичем («А Штаневич? Бездна премудрости! Совершенный Шатобриан, но без ума, без воображения!» — письмо к Гнедичу от 27 ноября — 5 декабря 1811 г., Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 161).

Старожилов — вымышленное имя-характеристика.

Стикские берега (греч. миф.) — берега *Стикса*, подземной реки, обтекающей Аид *(см.)*. Клятва Стиксом считалась самой страшной клятвой, связывающей не только людей, но и богов.

Стримон — река в древней Македонии, служившая восточной границей страны.

Строганов Александр Сергеевич, граф (1733—1811) — екатерининский вельможа-меценат, с 1800 г. — президент Академии художеств. Оказывал широкую поддержку многим художникам и писателям (в числе последних Крылову и Гнедичу). Батюшков знал его лично, встречая у М. Н. Муравьева и А. Н. Оленина. Восторженная характеристика Строганова, даваемая Батюшковым в «Прогулке в Академию художеств», вызвала резкие замечания со стороны Н. М. Муравьева, будущего декабриста, написавшего на полях против слов Батюшкова, что в Строганове заключался «истинный образец государственного человека» — «вздор, ложь»; против же слов: «счастие пользоваться покровительством» — «вот пружины тайные» (очевидно, лести Батюшкова).

Суворов Александр Васильевич (1730—1800) — крупнейший русский полководец XVIII в.

Сумароков Александр Петрович (1718—1777) — писатель, на ряду с Ломоносовым один из основоположников русского «классицизма» XVIII в., писавший во всех его родах, но наиболее прославившийся своими баснями, сатирами и, в особенности, трагедиями, за которые получил от современников прозвище «русского Расина». Батюшков, воспитывавшийся в свои школьные годы на сочинениях Ломоносова и Сумарокова, воспринял традиционное уважение к последнему, хотя и находил его явно устарелым.

Суна — река в Карельской АССР, на которой находится воспетый Державиным в его знаменитой оде «Водопад» крупнейший в СССР водопад Кивач. Батюшков ошибается, говоря в стихотворении «Мои пенаты» о «Суне средь степей»: на самом деле берега ее лесисты. В статье «Нечто о поэте и поэзии» он несколько поправляет себя, упоминая о «диких берегах Суны».

Стукодей — персонаж стихотворения В. Л. Пушкина «Вечер», тип самонадеянного «говоруна» и невежды, шумно рассуждающего о стихах и литературе, ничего в ней не смысля (осуждает Дмитриева и Карамзина и восхваляет «классические» оды и трагедии).

Сцилла и Харибда (греч. миф.) — две морские скалы-чудовища, расположенные в узком проливе (на расстоянии полета стрелы друг от друга) и поглощавшие все проходившие между ними корабли.

Сципион — два виднейших римских полководца — Публий Корнелий Сципион Африканский старший (235—183 до н. э.) и Публий Корнелий Сципион Африканский младший (185—129 до н. э.), победно завершившие борьбу Рима с Карфагеном. Оба были сторонниками греческой образованности, содействовавшими возникновению римско-эллинской мировой империи. Которого именно из Сципионов имеет в виду Батюшков в своем «Подражании древним», сказать затруднительно.

Сюар Ж. Б. (1733—1817) — французский критик и журналист, близкий к роялистам, с 1813 г. непременный секретарь Академии.

Сюлли Максимилиан де Бетюн, герцог (1560—1651) — видный французский государственный деятель, первый министр Генриха IV, поднявший экономическое благосостояние Франции, сильно подорванное в эпоху религиозных войн.

Таврида — древнее название Крымского полуострова.

Тайгет (греч. миф.) — горный хребет, на склонах которого Аполлон, изгнанный одно время Зевсом с Олимпа и превращенный в простого смертного, пас стада фессалийского царя Адмета.

Талия (греч. миф.) — 1) муза комедии; 2) альманах «Талия или собрание разных новых сочинений в стихах и прозе», изданный в 1807 г. Беницким.

Тальма Франсуа Жозеф (1763—1826) — французский трагический актер, основавший во время революции «театр республики», в котором осуществил ряд постановок, проникнутых революционной идеологией;

любимец Наполеона. Вносил в свою игру и режиссерское оформление элементы реализма и исторического правдоподобия.

Танкред — 1) один из нормандских князей средневековой южной Италии, наиболее прославившийся из всех участников 1-го крестового похода; 2) трагедия Вольтера (1760), переведенная в стихах в 1809 г. Гнедичем и с большим успехом шедшая тогда же на сцене.

Тантал (греч. миф.) — легендарный царь, оскорбивший богов и за это осужденный в Аиде томиться вечным голодом и жаждой среди всяческого изобилия. «Бесчеловечным» он назван, очевидно, потому, что, по одному из мифов, на устроенном им для богов пиршестве предложил им блюдо, приготовленное из мяса его сына.

Тарент — греч. колония на берегу Тарентского залива, в южной Италии.

Тартар (греч. миф.) — подземная бездна, столь же удаленная от нижних оснований земли, как небо от ее поверхности; темница титанов *(см.)*, окруженная тройным слоем мрака. Позднее под Тартаром стали разуметь нижние области Аида.

Тасс — Торквато Тассо (1544—1595) — итальянский поэт эпохи позднего Возрождения и расцвета придворно-аристократической культуры. Его главное произведение — героическая поэма «Освобожденный Иерусалим», посвященная изображению 1-го крестового похода,— получило значение национального эпоса (отдельные строфы ее «пошли в народ» и до последнего времени распевались итальянскими уличными певцами). Неизмеримо более узкое значение имеют его пастораль «Аминта», отвечавшая вкусам придворного общества, и трагедия «Торрисмондо», написанная по древним классическим образцам и интересная главным образом обильным автобиографическим материалом, в ней заключающимся. Личная жизнь Тассо, в которой трудно отделить действительность от всякого рода легендарных подробностей, на ней наслоившихся, — драма певца, терпимого и обласканного светским придворным обществом, поскольку он служит и услаждает его своим искусством, и затравленного, как только он захотел стать по отношению к нему в независимое положение, приравнять свой гений к знатности и богатству окружающих. Жизнь и деятельность Тассо в основном прошла при дворе герцога Феррарского Альфонса II. Здесь был написан им и «Освобожденный Иерусалим», направленный непосредственно к прославлению династии феррарских герцогов, явившихся якобы потомками главного героя поэмы Ринальда и мусульманской волшебницы Армиды, которую он, одолев ее чары, обратил в христианство и на которой женился. «Дерзкая» любовь Тассо к сестре герцога Элеоноре явилась, по преданию, кульминационной точкой того конфликта, который вспыхнул между поэтом и придворной средой и вынудил его покинуть Феррару, уйдя в своего рода добровольное изгнание. Когда, после тягостных скитаний по Италии, не находивший нигде себе места поэт был приглашен герцогом снова вернуться в Феррару, он не удержался от бурного столкновения сперва с одним из

придворных, а затем и с самим герцогом, и в результате был посажен последним в сумасшедший дом, где провел семь лет и откуда вышел совершенно разбитым физически и нравственно человеком. В последние годы жизни Тассо оказывается вполне во власти религиозных и аскетических настроений; приехав в Рим, поселяется в монастыре и умирает за несколько дней до приготовленного ему триумфа, о котором он всю жизнь мечтал, — увенчания лавровым венком в Капитолии. Драма Тассо-поэта была близка Батюшкову. Этим объясняется исключительная близость Батюшкову и его поэзии. На протяжении всей жизни Батюшкова Тассо является его неизменным литературным спутником: в своем послании к Гнедичу от 1805 г. («Что делаешь, мой друг, в полтавских ты степях...») он уже посвящает ему ряд восторженных строк; в 1808 г. пишет послание «К Тассу» и задумывает перевести на русский язык весь «Освобожденный Иерусалим» (подробнее об этом см. выше стр. 559) — произведение, с которым он не расстается, имея его при себе даже во время военных походов, — «сокровище», которое «чем более читаешь, тем более новых красот» (письмо к Гнедичу от 1809 г., Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 44); в 1815 г. пишет статью «Ариост и Тасс»; в 1817 г. переводит прозой отрывок из «Освобожденного Иерусалима», письмо Бернарда Тассо, отца поэта, о воспитании детей и пишет свою прославленную элегию «Умирающий Тасс»; наконец, во время душевной болезни не только постоянно декламирует наизусть стихи Тассо и рисует его в самых различных видах, по большей части в темнице за решеткой, с венком на голове, но временами и прямо воображает себя последним.

Тацит Корнелий (ок. 55—120) — римский государственный деятель и историк императорского Рима, замечательный мастер латинской прозы. Консерватор, идеолог старой аристократической республики, враждебно относящийся к империи; пессимист, усматривающий причину надвигающегося упадка Рима в падении старой древне-римской аристократической «доблести». Батюшков усиленно читал Тацита во время своего пребывания в Италии в 1819 г.

Тезей (греч. миф.) — главный ионийский герой, совершивший множество всевозможных подвигов, основатель и устроитель афинского государства, противопоставляемый афинянами дорическому Гераклу. Отец Ипполита *(см.)*, которого преступно полюбила и погубила этой любовью его мачеха Федра. Эпизод — Федра, Ипполит и Тезей — был обработан в трагедиях Эврипида «Ипполит», Сенеки и Расина «Федра». В «Прогулке по Москве» Батюшков имеет в виду исполнение французской труппой московских актеров именно этой последней трагедии. О Тезее в связи с Пирифоем — *см.* Пирифой.

Теламоны — в греческой и римской архитектуре мужские фигуры, употреблявшиеся в качестве колонн для подпоры частей здания.

«Телемахида» — *см.* Тредиаковский.

Темпейская долина — узкое и глубокое ущелье между горами Олимпом и Оссой в Фессалии, славившееся в древности своим плодородием.

Тенар — мыс в Лаконике, в древней Греции. Близ него находились залежи порфира. Тут же имелась пещера с пропастью, считавшейся входом в подземное царство.

Терио (Thiriot или Thieriot) — приятель Вольтера.

Термодон (Фермодонт) (греч. миф.) — река, впадавшая в Черное море, у устья которой была расположена столица амазонок — город Фемискира.

Терпсихора (греч. миф.) — муза танца и хорового пения.

Террачина — приморский город в римской провинции в Италии, между Римом и Неаполем, в котором имеется ряд остатков памятников древней архитектуры.

Тибр — самая большая река средней Италии, на которой лежит Рим.

Тибулл — римский поэт (I в. до н. э.), один из наиболее выдающихся мастеров древне-римской элегии, который, по словам Овидия, будет жить в потомстве до тех пор, пока будут существовать «факел и стрелы Купидона». Тибулл был представителем старой оскудевшей аристократии, враждебно относившейся к современности. Основные черты его элегий — мечтательность, грусть, идеализация частного быта, сельской жизни, патриархальной старины. Тибулл был самым любимым древним поэтом Батюшкова, наиболее ему близким и созвучным. За родственность их настроений современники именовали его «русским Тибуллом». *Тибуллить* — пребывать в любовно-мечтательном элегическом настроении. Шуточное словечко, неоднократно употребляемое Батюшковым в письмах к друзьям.

Тибур (в настоящее время Тиволи) — древний город в Италии, близ Рима; живописная дачная местность, любимое местопребывание Горация.

Тиверий — римский император Тиберий (14—37), пасынок и преемник Августа. Отличался исключительной жестокостью. Устав от правления, поселился на острове Капри в Неаполитанском заливе, где предавался утонченному разврату. На острове до сих пор показывают скалу, с которой сбрасывали в море осужденных. Был задушен временщиком Макронием. Будучи неограниченным самодержцем, Тиберий стремился вместе с тем придать своей власти «республиканскую» видимость, внешне возвысив значение сената, запуганные и взаимно-враждовавшие члены которого были послушным орудием в его руках.

Тизифона (греч. миф.) — имя одной из трех богинь мщения — эринний.

Тиискиий — *см.* Анакреон.

Тир — город и порт на Средиземном море (в Сирии), торговый и политический центр Финикии.

Тирас — греческое название реки Днестра.

Тиртей — греческий поэт (VII в. до н. э.); своими воинственными эле-

гнями и боевыми песнями сумел, по преданию, поднять мужество спартанцев во 2-й Мессенской войне и помочь им одолеть врага.

Титаны (греч. миф.) — дети Урана (неба) и Геи (земли), низвергнувшие своего отца и в свою очередь низложенные Зевсом и заключенные им в Тартар *(см.)*.

Титир — старый пастух, искусный в «изобретеньи напевов лесных на тонкой свирели» — персонаж одной из эклог Вергилия (1-й эклоги).

Тит Ливий (59 до н. э. — 17 н. э.) — римский историк, отличавшийся особенной художественностью изложения. Его римская история, охватывающая огромный период от древнейших времен до 9 года до н. э., отличается консерватизмом, крайним национализмом и идеализацией древней доблести римского народа-героя.

Тифий (греч. миф.) — великан Титий, оскорбивший Зевса и поверженный его молнией в подземное царство, где он навсегда остался распростертым на земле, причем два коршуна вечно терзали его печень.

Тициан — Тициано Вечеллио (1477—1576), итальянский художник венецианской школы, мастер колорита и вообще один из крупнейших мастеров итальянского Возрождения.

Томон Тома, де (1759—1813) — французский архитектор, с 1799 г. работавший в России; представитель классицизма, уже начавшего переходить в ампир (классицизм, видоизмененный эпохой Великой французской революции и наполеоновской военной диктатурой). Построил в Петербурге ряд зданий, в том числе биржу.

Томсон Джемс (1700—1748) — английский поэт, автор дидактической поэмы «Времена года», которой подражал в своей одноименной поэме Сен-Ламбер *(см.)*. Томсон явился переходным звеном от классицизма Попа *(см.)* к последующим поэтам-сентименталистам и оказал у нас большое влияние на Карамзина и его школу. Был одним из первых писателей, проповедывавших общение с природой и противопоставлявших ее городской жизни.

Томы — *см.* Овидий.

Тончи Николай Иванович (1756—1844) — выдающийся итальянский художник и поэт, женившийся на кн. Н. И. Гагариной и осевший в России.

Торквато — *см.* Тасс.

Торрисмонда — *см.* Тасс.

Троянова колонна — колонна на римском форуме, установленная в честь побед римского императора Траяна (53—117). Батюшков под Трояновой колонной разумеет подражающую ей Вандомскую колонну или колонну Великой армии в Париже, увенчанную статуей Наполеона и воздвигнутую из бронзы отбитых неприятельских пушек.

Тредьяковский (Тредиаковский) Василий Кириллович (1703—1769) — поэт, переводчик и теоретик литературы. В своих работах по теории словесности заложил основы нового русского стихосложения. Отличался исключительным трудолюбием, помимо теоретических трудов и ориги-

нальных художественных произведений оставив огромное количество переводов («Езда в остров любви», многотомная — в 26 томах — древняя и новая история Роллена, наконец, пресловутая «Тилемахида» — переложение гекзаметрами «Похождений Телемака» Фенелона). Литературная практика Тредиаковского наталкивалась на полную неразработанность русского литературного языка и стиха, что обусловило крайнюю художественную слабость его творчества и незаслуженно сделало в глазах младших современников и потомства образцом бездарного «пииты». Радищев первый указал на заслуги Тредиаковского перед русской литературой. Однако Батюшков в своих насмешках над Тредиаковским еще продолжал всецело следовать старой традиции, в чем упрекал его уже юноша-Пушкин, усматривая в его выпадах против Тредиаковского общее место и предлагая искать других «предметов», более «достойных» его пера (Послание «К Батюшкову» 1814 г.).

Триссотин — один из персонажей комедии Мольера «Ученые женщины», тип ученого педанта.

Тритоны (греч. миф.) — низшие морские божества с человеческим телом и рыбьим хвостом. Изображались обычно с витою раковиною в руке, дуя в которую, они то подымают бурю, то успокаивают ее.

Троллетана — водопад на западном берегу Швеции, близ Готенбурга.

Троя — древний город в Малой Азии (близ входа в Дарданеллы), осада и взятие которого греками составляют один из основных сюжетов древнегреческого эпоса («поэмы Гомера»).

«*Труды и дни*» — поэма Гезиода *(см.)*.

Труды любителей — «Труды Общества любителей российской словесности» при Московском университете — периодический орган Общества (выходили в 1811 и с 1815 по 1826 г.). В «Трудах» была напечатана речь Батюшкова «О влиянии легкой поэзии на язык» и его же послание к И. М. Муравьеву-Апостолу.

Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — брат декабриста Николая Ивановича, свой человек у Карамзина, Дмитриева, друг Жуковского, Вяземского, слушатель Геттингенского университета, один из наиболее энциклопедически-образованных людей своего времени и вместе с тем, по определению Вяземского, «дилетант во всем, в жизни и в литературе». Либерализм соединялся в Тургеневе с приверженностью к религиозно-мистическим идеям: с 1810 г. он был директором Департамента духовных дел и бессменным секретарем Библейского общества с самого его основания в 1812 г. В 1816 г. Тургенев вступил в «Арзамас» под именем «Эоловой арфы». Батюшков познакомился с ним еще в доме М. Н. Муравьева, но особенно сошелся в 1812 г. и с этого времени состоял в постоянных дружеских отношениях и оживленной переписке. Тургенев много содействовал, пользуясь своими связями, назначению Батюшкова на службу в неаполитанскую миссию. Однако во время душевной болезни Батюшкова он, как это видно из переписки его от этого времени с кн. П. А. Вяземским, отнесся к нему жестче других.

Тюльери, *Тюльерийский замок* (правильно — Тюильри) — королевский дворец в Париже на правом берегу Сены, построенный при Екатерине Медичи. В 1792 г. Тюильри, куда Людовик XVI переехал из Версаля, был взят восставшим народом. Одно время в нем помещался Конвент. При Наполеоне Тюильри был главной резиденцией, каковой продолжал оставаться и во время Реставрации.

Тянислов — плохой поэт, одно из действующих лиц в комедии И. А. Крылова «Проказники». Греч указывает, что под «Тянисловом» надо разуметь Карабанова *(см.)*.

Уваров Сергей Семенович (1786—1855) — государственный деятель, с 1818 г. президент Академии Наук, с 1833 по 1849 г. министр народного просвещения, возведенный Николаем I в графское достоинство. Беззастенчивый карьерист, ревностный «слуга» николаевской реакции, по слову Белинского, «министр погашения и помрачнения просвещения в России», создатель реакционнейшей формулы «православие, самодержавие и народность», личный ненавистник Пушкина, заклеймившего его в сатирической оде «На выздоровление Лукулла»,— Уваров в молодости отличался либеральным образом мыслей и был одним из основоположников и наиболее деятельных членов «Арзамаса». Батюшков знал Уварова еще до его превращения из либерала в николаевского угодника и мракобеса. В 1817 г. Уваров, бывший в то время попечителем Петербургского учебного округа, предложил Батюшкову, который был тогда в отставке, поступить к нему на службу, видимо, довольно мелким чиновником. По крайней мере Батюшков решительно отклонил это предложение. «Благодари Уварова за предложение, — писал он из деревни Гнедичу (от мая 1817 г.). — Умею чувствовать снисхождение и попечительность его о талантах в земле клюквы и брусники. Но я не могу решиться взять место, и что мне в двух тысячах? Корпеть над экстрактами! Потерять последние искры таланта и время, и малое здоровье! Человеку, который три войны подставлял лоб под пули, сидеть над нумерами из-за двух тысяч!!!» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 437—438). Позднее, в 1818 г., Уваров принимал участие в хлопотах друзей о назначении Батюшкова в миссию в Италии. К этому же приблизительно времени относится совместная работа Батюшкова и Уварова над греческой антологией (см. выше стр. 533) и в значительной степени подсказанное этой работой стихотворное обращение Батюшкова к Уварову. В письме к Оленину из Рима Батюшков угрожал «задушить» Уварова и А. И. Тургенева «письмами из отечества Тассова». Обещание свое Батюшков выполнил далеко не в полной мере, написав за два с лишним года своего пребывания в Италии первому — всего два письма, а второму — только одно.

Улея — река Улео на севере Финляндии.

Улисс — «итакский муж» Одиссей (*см.* Одиссея). Проезжая во время своих скитаний мимо острова Сирен, завлекавших моряков своим див-

ным пением и губивших их, Одиссей залепил уши своих спутников воском, себя же, желая изведать их чары, велел привязать к мачте. Несколько раньше волшебница Кирка (Цирцея) обратила его спутников в свиней, но, побуждаемая просьбами Одиссея, согласилась вернуть им человеческий образ. Говоря о том, что в деревне, откуда он пишет Гнедичу, нет ни одной сирены, но очень много спутников «итакского мужа», Батюшков, очевидно, и имеет в виду именно этот последний эпизод.

Ульм — город в Вюртемберге, в Германии. В 1805 г. Наполеон одержал здесь решительную победу над австрийцами, вынудив их войска к полной сдаче.

Уна — северная река, впадающая в Унскую губу Белого моря.

Упсала — город в Швеции, старинный культурный центр с древним университетом.

Урания (г р е ч. м и ф.) — «небесная»: 1) муза астрономии, изображалась с глобусом, 2) Афродита-Урания, богиня чистой «небесной» любви, противопоставлявшаяся «простонародной» Афродите — богине чувственной страсти. Батюшков разумеет под «Уранией» подругу Вольтера, маркизу дю Шатле *(см.)*.

Уткин Николай Иванович (1780—1863) — один из наиболее выдающихся русских граверов, внебрачный сын М. Н. Муравьева *(см.)*. На выставке в Академии художеств 1814 г. находились: гравированный Уткиным портрет кн. Куракина и два рисунка: портрет Куракина, с которого была сделана гравюра, и «Отдых на пути в Египет» с картины Гвидо Рени. За эти работы Уткин в торжественном заседании Академии 19 сентября 1814 г. был признан «академиком гравирования исторического на меди». Батюшков лично хорошо знал Уткина по дому Муравьевых.

Фабий Максим — выдающийся римский полководец, прозванный за свойственную ему крайнюю осторожность в борьбе с неприятелем «кунктатором» — «медлителем». Кутузов применял аналогичную тактику в первый период борьбы с Наполеоном.

Фавн (р и м. м и ф.) — бог лесов и полей, покровитель пасущихся в них стад. На ряду с этим божеством римляне почитали фавнов — низших лесных божеств, подобно греческим сатирам или сильванам, рогатых, козлоногих, любящих вино и крайне сладострастных.

Фаларидов бык — медный бык агригентского тирана Фаларида (VI в. до н. э.), употреблявшийся как орудие казни. В него клали человека, разводя снизу огонь. Умерщвляемая таким способом жертва от невыносимой боли испускала страшные крики, наподобие рева быка. Цитата, приводимая в связи с этим Батюшковым, взята им из 3-й сатиры римского поэта-сатирика Персия.

Фальконет Этьен (Falconet, 1716—1791) — французский скульптор, автор знаменитого «Медного всадника» — бронзового памятника

Петру I на Сенатской площади в б. Петербурге. В своем изображении коня Петра Фальконет отталкивался от античной конной статуи Марка Аврелия, находя последнюю слишком статичной и безжизненной. С этой целью он изучал натуру, особенно арабских лошадей из конюшни графа Орлова, на которых скакал перед ним по искусственной скале прославленный ездок того времени, генерал Мелиссино.

Фаон — *см.* Сафо.

Феакия (греч. миф.) — фантастический остров Схерия, заселенный феаками, сказочным народом, ведшим блаженное патриархальное существование. К феакам попал Одиссей во время своих скитаний.

Феб (букв. «чистый», греч. миф.) — одно из прозвищ-имен Аполлона *(см.)*.

Федр — римский баснописец (I в. н. э.), подражатель греческому баснописцу Эзопу, основоположник басенного жанра в древне-римской литературе. Федру, в свою очередь, подражали французские баснописцы Лафонтен и Флориан.

Федра (греч. миф.) — 1) жена царя Тезея, полюбившая своего пасынка Ипполита, отвергнутая им и в отчаянии заколовшаяся; 2) трагедия Расина на этот сюжет.

«Фелица» — одна из наиболее популярных в свое время од Державина, прославляющая Екатерину II и содержащая ряд резко сатирических выпадов против ее фаворитов и вообще высшей знати. За эту оду Державин получил от современников и потомства прозвище «Певца Фелицы».

Фенелон Франсуа Салиньяк де ла Мот (1651—1715) — архиепископ французский, автор весьма популярного в свое время нравоучительно-политического романа «Похождения Телемака», в котором отразилась идеология консервативной аристократии, стоявшей в оппозиции справа к королю Людовику XIV. Первоначально ироническое отношение к Фенелону («медоточивый Фенелон») в дальнейшем сменяется у Батюшкова признанием его высоких качеств как человека и поэта. Так в статье 1814 г. «Письмо о сочинениях М. Н. Муравьева» он с похвалой уподобляет слог Муравьева слогу Фенелона: «та же чистота и точность выражений, стройность мыслей, то же сердечное, убедительное красноречие». В одновременном письме к Жуковскому (от 3 ноября 1814 г.) он прямо называет Муравьева «нашим Фенелоном» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 305).

Феокрит (III в. до н. э.) — греческий поэт эпохи расцвета александрийской поэзии, основоположник жанра идиллий (буквально «картинок») из быта пастухов (буколики) и пр. Феокриту подражал в своих эклогах Вергилий.

Феосский мудрец, старец — *см.* Анакреон.

Фермопилы — узкий горный проход, ведущий из северной Греции в среднюю. Во время греко-персидской войны (V в. до н. э.) здесь произошла знаменитая битва между двигавшимися с севера полчищами пер-

сов и небольшим отрядом спартанцев в 300 человек, которые после героической защиты были перебиты все до единого.

Ферней — Фернэ, поместье Вольтера на границе Франции и Швейцарии, где после ссоры с прусским королем Фридрихом II он провел последние годы своей жизни, привлекая многочисленных посетителей — поклонников «Фернэйского мудреца».

Феррара — независимый город-герцогство средневековой Италии, игравший важную политическую и культурную роль. Управлялся герцогами из династии д'Эстэ, захватившими верховную власть во время борьбы между папством и империей.

Фетида (греч. миф.) — доброе морское божество, мать Ахиллеса *(см.)*.

Фивы — один из древнейших греческих городов, «семивратные Фивы» — центр Беотии.

Фигнер Александр Самойлович (1787—1813) — военный деятель, один из организаторов партизанских действий во время 1812 г. Пользуясь превосходным знанием языков, Фигнер отправился в занятую французами Москву, где, свободно вращаясь среди неприятеля, собирал нужные сведения и передавал их в русский штаб.

Фидиас, *Фидий* (V в. до н. э.) — греческий скульптор. Произведения Фидия, возникшие в эпоху наивысшего расцвета Афин, отличаются монументальностью форм, уравновешенностью композиции и реализмом деталей при идеализации образа в целом. Из его произведений, сохранившихся только в позднейших копиях, особенно прославились статуи Зевса Олимпийского и Афины Паллады

Филалет — вымышленное лицо.

Филарет (ок. 1560—1633) — всероссийский патриарх, отец первого царя из дома Романовых, Михаила Федоровича, фактически управлявший при нем государством, соединяя в своих руках светскую и церковную власть.

Филемон и Бавкида (греч. миф.) — патриархальная старая супружеская чета, радушно принявшая Зевса и Гермеса, странствовавших в виде утомленных путников, в то время как все другие отказывали им в гостеприимстве. В награду за это боги, затопив всю страну, оставили хижину Филемона и Бавкиды невредимой и послали впоследствии, по желанию супругов, одновременную им смерть, превратив его в дуб, а ее в липу. Сказание о Филемоне и Бавкиде обработано Овидием в его «Метаморфозах».

Филиса, *Филлида* — имя, излюбленное античной идиллической поэзией для обозначения идеальной девушки или женщины, возлюбленной поэта.

Филоктет (греч. миф.) — замечательный стрелок из лука. На пути к Трое был ужален змеей, причем рана его распространяла такой невыносимый запах и в то же время своими криками он так беспокоил товарищей, что, по совету Одиссея, они покинули его на острове Лем-

носе, где он в течение десяти лет, больной, влачил самое несчастное существование.

Филомела — соловей (в греч. миф. — афинская царевна, превращенная богами, спасавшими ее от преследований мужа ее сестры, в соловья).

Фингалов певец — Оссиан *(см.)*.

Флегетон (греч. миф.) — подземная огненная река в Аиде, окружающая Тартар.

Флора (рим. миф.) — богиня цветов и весны.

Фокс Чарльз Джемс (1749—1806) — английский политический деятель, парламентский лидер партии вигов, будущих либералов. Ярый противник Питта *(см.)*.

Фома неверный — по евангельской легенде, один из апостолов, отказавшийся верить в воскресение Христа, пока ему не будет дано ощупать его раны.

Фонвизин Денис Иванович (1745—1792) — писатель, создатель русской реалистической комедии в прозе, представитель дворянской самокритики, выражавшей идеологию наиболее жизнеспособных слоев среднего дворянства. Батюшков очень высоко ставил историко-литературное значение Фонвизина, считая его «образователем» русской прозы, создавшим на ряду с Ломоносовым, Державиным и Карамзиным целую особую эпоху развития русской литературы.

Фонтанка — речка в Петербурге, левый рукав Невы.

Фонтань (Фонтан) Луи, маркиз (1757—1821) — французский поэт и оратор, один из видных государственных деятелей наполеоновского времени. Когда падение Наполеона сделалось неизбежным, перешел на сторону Бурбонов и участвовал в низложении его сенатом.

Фонтенейское убежище — см. Шолио.

Фортуна (рим. миф.) — богиня случая, счастия и благополучия. По толкованию самого Батюшкова, ссылающегося на Данте, Горация и др., «Фортуна не есть счастье, а существо, располагающее злом и добром, нечто похожее на судьбу». В таком смысле он и употребляет чаще всего это слово в своих сочинениях.

Форум — римский форум, площадь в древнем Риме, средоточие политической, административной и торговой жизни республиканского Рима. С концом республики жизнь на форуме замирает. Императоры, стараясь отвлечь народ от места старых республиканских воспоминаний, устраивают на новых местах новые «императорские форумы», покрывая их пышными и грандиозными архитектурными сооружениями. Развалины форумов сохранились до настоящего времени.

Фракия — северо-восточная область Балканского полуострова; в древние времена Фракией называли весь север Европы выше Греции. Фракия слыла холодной, суровой и неплодородной страной.

Франциск I (1515—1547) — французский король, покровительствовал гуманистам.

Фрерон Эли-Катрин (1719—1776) — французский консервативный писатель, ярый противник Вольтера и энциклопедистов. Вольтер заклеймил его в специально выпущенной им брошюре «Анекдоты о Фрероне» (1761) и в пьесе «Шотландка» (1760), где вывел его под прозрачным именем Фрелона.

Фридланд — город в Восточной Пруссии. В 1807 г. Наполеон разбил здесь русскую армию.

Фрина — знаменитая греческая гетера, служившая моделью для наиболее выдающихся греческих скульпторов — Праксителя и Апеллеса.

Фукидид (V в. до н. э.) — греческий историк, автор «Истории Пелопоннесской войны». В отличие от Геродота, Фукидид не только излагает события, но и пытается подвергать их историческому анализу, являясь таким образом основоположником истории как науки.

Фурии (р и м. м и ф.) — богини мщения и кары.

Халкида — город на острове Эвбее.

Хаонейские долины, Хаония — местность в Эпире, в древней Греции, славившаяся своими дубовыми лесами.

Харибда — *см.* Сцилла.

Хариты (г р е ч. м и ф.) — три сестры, дочери Зевса, богини изящества, дружбы и веселой праздничной жизни. Тесно связаны с музами *(см.)*, сопровождали богиню любви и красоты Афродиту. Изображались обычно все вместе.

Хвостов Дмитрий Иванович, граф (1757—1835) — сенатор, поэт; столь же плодовитый, сколь бездарный эпигон «классицизма», бывший излюбленнейшей мишенью для шуток, пародий и эпиграмм карамзинистов; писал по преимуществу оды и басни, отличавшиеся крайним неблагозвучием, а иногда и прямо абсурдностью — «сугубым вздором». Переводил Расина. К числу комических черт Хвостова принадлежала страсть заставлять всех выслушивать его стихи. Хвостов был одним из наиболее ревностных приверженцев Шишкова, деятельным участником «Беседы любителей русского слова» и Российской академии. Батюшков высмеивал Хвостова как под его собственным именем, так и под прозрачными шуточными именами Свистова и Хлыстова. Пушкин в послании «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...») выводит его же под именем Графона.

Хемницер Иван Иванович (1745—1784) — баснописец, наиболее выдающийся представитель басенного жанра в русской литературе XVIII в., предшественник Крылова.

Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807) — писатель, масон, директор и куратор Московского университета, редактор ряда университетских периодических изданий. Ученик Сумарокова, Херасков был одним из выдающихся представителей русского классицизма периода начинающегося его упадка. В своих эпических поэмах «Россияда» и «Владимир» осуществил жанр русской эпопеи, почитавшийся «классиками» высшим

родом литературного творчества. Это объясняет огромную славу, которой Херасков пользовался у современников. Слава эта сохранилась и в начале XIX в., когда Херасков все еще продолжал считаться величайшим из всех своих современников, по слову Карамзина, «старостой русской литературы». Этот традиционный взгляд на Хераскова отражается и в том определении, которое Батюшков придает ему в своем «Видении»: «честь и слава россов». Однако в глубине души Батюшков, вместе со всей литературной молодежью, уже начинал относиться к Хераскову несколько иронически, именуя его в письме к Гнедичу «водяным Гомером» (намек на «водянистость» его поэм), а в другом письме — по поводу «увенчания» Российской академией трагедии Хераскова — жалуясь, что Академия — «любовница мертвых, ненавидит живых» (письмо от 6 сентября 1809 г., Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 42). Однако последующее «поправение» Батюшкова, неизбежно сказавшееся и на его литературных вкусах, заставило его снова переоценить Хераскова. Принявшись в 1817 г., в связи с задуманным им курсом русской литературы, за чтение «Россияды» Хераскова, он не без удивления обнаруживает между «вялыми» и «плоскими стихами» ряд мест, «достойных эпопеи и напоминающих замашку самого Тасса».

Херонейский мудрец — Плутарх *(см.)*.

Химера (греч. миф.) — огнедышащее чудовище с тремя головами — льва, козла и дракона. Химеры — в переносном смысле праздные фантастические мечты.

Хин-Хилла — один из персонажей романа французского писателя Лесажа (1668—1747) «Жиль Блас». Старый и израненный отставной офицер, тщетно хлопочущий о пособии.

Хлоя, *Глафира*, *Зюльмиса*, *Мелания*, *Миликтриса* — условные имена «пастушеской поэзии», один из классических жанров, усиленно практиковавшийся эпигонами Карамзина.

Хлыстов — ироническое прозвище графа Хвостова *(см.)*.

Хрущов — один из боевых товарищей Батюшкова по походу 1807 г.

Царьград — древне-русское название Константинополя.

Царь-девица — персонаж распространенной русской сказки об Иване-царевиче и Царь-девице. Златокудрая сестра солнца, на которой, добыв ее с величайшими трудностями, женится или сам Иван-царевич, или ее прежний жених, которому Иван-царевич ее вручает. Сходный сюжет встречается и в сказках многих европейских народов.

«*Цветник*» — ежемесячный журнал, издававшийся в Петербурге в 1809 и 1810 гг. А. Е. Измайловым и А. П. Бенициким (после смерти последнего его заместил П. А. Никольский).

Цербер (греч. миф.) — трехголовый пес у входа в Аид *(см.)*, впускающий всех входящих, но никого не выпускающий назад.

Церера (р и м. м и ф.) — богиня земли, растительного мира, произрастания хлебного зерна. Была главным образом богиней плебеев, которые устраивали в ее честь весенние празднества.

Циклопы (г р е ч. м и ф.) 1) — одноглазые гиганты (с глазом посредине лба), обладающие колоссальной силой. Циклопы выковывают для Зевса гром и молнию.

Цинтия (р и м. м и ф.) — 1) богиня Диана *(см.)*, луна; 2) имя, под которым древне-римский поэт Проперций *(см.)* воспевает свою возлюбленную Хостию.

Цинтио (Чинцио) Пьетро Альдобрандини (1571—1622) — кардинал, племянник папы Климента VIII, управлявший при нем почти всеми государственными делами. Покровительствовал наукам и искусствам.

Цирцея (г р е ч. м и ф.) — волшебница, превратившая посредством волшебного напитка спутников Одиссея в свиней; вообще красавица, обольстительница.

Цитера — 1) остров около берегов Греции, одно из средоточий культа Афродиты *(см.)*, отсюда вообще — страна любви; 2) одно из имен Афродиты. *Цитерский* — посвященный Афродите, любовный.

Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — римский политический деятель (сторонник аристократической республики), получивший от сената прозвище «отца отечества», замечательный оратор, писатель и философ, выступавший в своих многочисленных философских трактатах, по большей части имевших чисто практический уклон и изложенных в диалогической форме, эклектиком, сочетавшим учение новой Академии, утверждавшее пробабилизм, т. е. возможность хотя и не достоверного, но вероятного знания, с этической доктриной, средней между стоицизмом и этикой аристотелевской школы. Батюшков, вообще весьма интересовавшийся римской философией, относился с особенным вниманием и к философским работам Цицерона. «Интересно сравнить Лукреция с Сенекою, — пишет он в своей записной книжке 1817 г., — там, где он объясняет понятие его века о физике и морали, сходство и несходство обеих систем, и заключить чтение Цицероном, который пользовался всеми сведениями и жил в обеих школах».

Череповец — уездный город Новгородской губернии. Около Череповца находилось имение Батюшкова, село Хàнтоново.

Чернобог — божество древних славян, олицетворявшее злое начало мира. Существование у древних славян бога под таким именем отрицается новейшими исследователями.

Честон — условное имя-характеристика во вкусе XVIII века (от «честь», «честность»).

Шакспер — Шекспир.

Шаликов Петр Иванович, князь (1768—1852) — писатель-сентименталист, подражатель Карамзина, доведший его «чувствительность» до

крайних пределов приторности и манерности. По происхождению грузин. Издавал ряд журналов, в том числе «Аглаю» (1808—1812). Служил постоянной мишенью для насмешек кн. Вяземского, молодого Батюшкова и арзамасцев. В «Видении на берегах Леты» Шаликов фигурирует под именем «князя вралей». Позднее Батюшков, в связи с общей переменой, в нем происшедшей, видимо, стал относиться к Шаликову снисходительнее. Нежелание вводить в собрание своих сочинений «Видение на берегах Леты» он мотивировал в частности тем, что не хочет «дурачить перед светом» С. Глинку, Мерзлякова и Шаликова, который «в нужде» (письмо к Гнедичу от 1816 г., Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 389). Однако стихи, написанные им в 1818 г. в альбом Шаликова, все же в значительной степени — дань светской любезности. По крайней мере в письмах к друзьям он продолжал в это время отзываться о его литературном творчестве с неизменной иронией. Книга Шаликова (см. выше стр. 424) называется на самом деле не «Путешествие в полуденную Россию» (так называется книга В. В. Измайлова) а «Путешествие, в Малороссию» (1803—1804).

Шампанские графы — феодальные владельцы Шампани, потерявшей в XIII в. независимость и ставшей одной из французских провинций.

Шатле дю, маркиза (Габриэль-Эмилия Le Tonnelier de Breteuil, 1706—1749) — одна из образованнейших женщин своего времени, писательница, находившаяся в сношениях и переписке с рядом выдающихся ученых, подруга Вольтера, который сблизился с ней в 1733 г. и до конца ее жизни, в течение шестнадцати лет, прожил в ее замке Сирэ.

Шатобриан (1768—1848) — французский писатель, из старого дворянского рода, сражавшийся в рядах контрреволюционной армии против якобинцев и вслед за тем бедствовавший в качестве эмигранта в Англии. Явился родоначальником дворянской линии французского романтизма, создавшим в лице Рене (в повести того же названия) образ «лишнего человека», мирового скорбника — байронического героя до Байрона. В одном из своих главных трудов (в состав которого он ввел повесть «Рене» и другую повесть из жизни американских индейцев «Атала») «Гений христианства (1802) Шатобриан выступил пламенным апологетом католицизма против идей просветительной философии. В 1809 г. вышел его исторический роман в 5 томах из эпохи первых веков христианства «Мученики». После падения якобинцев Шатобриан вернулся во Францию. Наполеон, еще будучи первым консулом, пытался приручить его, однако после расстрела в 1804 г. одного из бурбонских принцев, герцога Энгьенского, Шатобриан демонстративно отказался от предложенного ему дипломатического поста. Через некоторое время Шатобриан был избран в Академию, но по распоряжению Наполеона не был допущен к произнесению приготовленной им традиционной вступительной речи, в которой сквозили роялистские симпатии автора. Избрание этим было фактически аннулировано. Последнее сочинение Шатобриана, в котором, по словам Батюшкова, он «не

пощадил Наполеона» — брошюра-памфлет «О Бонапарте, Бурбонах и необходимости воссоединиться с нашими законными принцами для счастия Франции и Европы». Брошюра эта, опубликованная по вступлении союзных армий в Париж, но еще до отречения Наполеона, имела огромный успех и, по признанию самого Людовика XVIII, стоила для дела реставрации целой армии. После реставрации Шатобриан сделал блестящую политическую карьеру.

Художественное творчество Шатобриана произвело на Батюшкова огромное впечатление. «Пришлите еще том этого сумасшедшего Шатобриана, — пишет он в 1811 г. Е. Г. Пушкиной (жене Алексея Михайловича Пушкина — *см.*). — «Я его очень люблю, а особливо по ночам, тогда когда можно дать волю воображению...» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 130). А через два месяца в письме к Гнедичу, полушутя-полувсерьез, советует ему «не читать Шатобриана»: «Он к моей лихорадке прибавил своей ипохондрии и, может быть, испортил и голову, и слог мой: я уже готов был писать поэму в прозе, трагедию в прозе, мадригалы в прозе, эпиграммы в прозе, в прозе поэтической». Речь в обоих этих письмах идет, видимо, о «Мучениках». Но особенно близки были Батюшкову «Атала» и «Рене». Сжегши в припадке сумасшествия всю свою дорожную библиотеку, эти повести он пощадил; вообще во время своего душевного заболевания, на ряду с именами Тассо и Байрона, постоянно вспоминал он и имя Шатобриана.

Шафгаузен — самый северный кантон Швейцарии. В нем находится знаменитый Рейнский водопад.

Шаховской Александр Александрович, князь (1777—1846) — драматург и влиятельный театральный деятель (с 1802 по 1818 и с 1821 по 1825 гг. начальник репертуарной части петербургских театров); в 1804 г. высмеял Карамзина в комедии «Новый Стерн», что не мешало Батюшкову, часто встречавшему его в доме Оленина, где Шаховской был в это время своим человеком, относиться к нему дружелюбно и даже сотрудничать в издаваемом им «Драматическом вестнике». Интриги Шаховского против Озерова оттолкнули от него оленинский кружок, в том числе и Батюшкова, который стал в окончательно неприязненные отношения к Шаховскому после сближения последнего с Шишковым, вступления в «Беседу любителей русского слова» и ряда боевых выступлений против карамзинистов («ирои-комическая поэма» «Расхищенные шубы», комедия «Урок кокеткам или Липецкие воды», направленная против Жуковского и послужившая толчком к образованию «Арзамаса»). Всем этим продиктована та пренебрежительная характеристика, которую Батюшков дает Шаховскому в «Певце», иронически отзываясь о его «холодных шубах» и намекая не только на его неблаговидную роль в печальной судьбе, постигшей Озерова («отец талантов»), но и на его семейные отношения («покровитель» артистки Ежовой, с которой Шаховской был в связи). Несколько позже он дает в письме к Жуковскому отрицательный отзыв и о всей

обильной «драматургии» Шаховского, не признавая в его «комедиях' операх, оперетках, драмах, водевилях» «ничего хорошего» за исключением одного только патриотического водевиля «Казак-стихотворец» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 360). Иронически отзывается он о Шаховском и в позднейших своих письмах. Отношение к Шаховскому Батюшков изменил только во время своего душевного заболевания, заявляя в одном из писем от этого периода, что Шаховской «великий стихотворец» и что его «поэма *Шубы расхищенны* есть одна поэма, которую я позволяю себе читать во все времена года» (ib. 591).

Швабия — герцогство древне-германской империи.

Шварценберг — князь Карл-Филипп, герцог Крумауский (1771—1820), австрийский фельдмаршал, главнокомандующий союзными войсками во время кампании 1813—1814 гг.

Шебуев Василий Кузьмич (1777—1855) — художник, один из типичных представителей академического классицизма, потрафлявший своими историко-патриотическими картинами правящей верхушке дворянства.

Шереметев Борис Петрович, граф (1652—1719) — фельдмаршал, участник почти всех войн и военных походов эпохи Петра.

Шиллер Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт и драматург, по определению Герцена «поэт благородных порывов», представитель немецкой буржуазии, сперва воинствующей (юношеская драма «Разбойники», трагедия «Заговор Фиеско»), затем отказывающейся от борьбы, отступающей в искусстве от бурных порывов Sturm and Drang'a («бури и натиска») на позиции эстетического культа греческой античности, «классицизма», созерцательности, стремления к совершенству и уравновешенности формы (баллады, обращение к исторической трагедии в классическом духе). Батюшков, поэт по преимуществу латинской культуры, воспитанный на французских и итальянских авторах, поначалу относится к Шиллеру, как и ко всей немецкой литературе вообще, явно недоброжелательно. Во время пребывания в Риге, в 1807 г., сообщая Гнедичу, что он «еще более возненавидел немцев», в которых не находит «ни души, ни ума», он шутя просит его «принести на жертву какую-нибудь трагедию Шиллера» (сам Гнедич в это время был горячим поклонником немецкого поэта). Некоторый временный поворот в сторону немецкой литературы, имевший место в Батюшкове в период заграничного похода 1813 г. и, в особенности, во время пребывания в Веймаре, сказался в первую очередь и на его отношении к Шиллеру. В письме к Гнедичу из Веймара он сообщает, что был в театре на представлении трагедии Шиллера «Дон Карлос», которая ему очень понравилась и заставила «примириться с Шиллером» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 239); в другом письме из Веймара же называет его «славным» (ib. 245). В связи с возвращением в 1814 г. в Россию он переводит стихотворение Шиллера «Одиссей» и (видимо около этого же времени) отрывки из трагедии «Мессинская невеста» — наиболее

«классической» (идея рока, введение в действие хора) из всех пьес Шиллера.

Шихматов — Ширинский-Шихматов Сергей Александрович (1783—1837), поэт, ревностный последователь и любимец Шишкова, усматривавшего в нем главную надежду новой русской литературы, член Российской академии и «Беседы любителей русского слова». Особенной популярностью среди «классиков» пользовались его поэмы: «Пожарский, Минин, Гермоген или спасенная Россия» (1807) и «Петр Великий», лирическое песнопение в 8 песнях, — обе жестоко осмеянные карамзинистами, в том числе и в первую очередь Батюшковым. Архаическим формам языка и стиха Шихматова (обилие славянизмов, составных слов и т. п.) соответствует мистицизм содержания (пристрастие к библейским сюжетам, навеянные Юнгом «гробовые» мотивы). Шихматов служил во флоте, в 1828 г. принял монашество в Юрьевском монастыре, где был игумном пресловутый Фотий. В частности Шихматов принципиально не употреблял в своих стихах глагольных рифм, отсюда и эпитет «безглагольный», придаваемый ему Батюшковым.

Шишков Александр Семенович (1754—1841) — писатель и реакционный государственный деятель, глава антикарамзинского направления, решительно восстававший против «французского» влияния в отношении языка и «понятий», в чем он усматривал источник революционной «заразы»; основатель и вдохновитель «Беседы любителей русского слова»; с 1812 г. — государственный секретарь вместо сосланного Сперанского; с 1813 г. — президент «Российской академии». Выдвинув в своем «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1803) ложную лингвистическую теорию о тожестве русского и церковно-славянского языков, Шишков призывал вернуться к последнему: «от светских писаний», проникнутых «наклонностью к безверию, к своевольству, к повсеместному гражданству, к новой и пагубной философии» обратиться к «языку и разуму духовных книг», т. е. к библии. В литературном отношении Карамзину и его школе он противопоставлял «классиков» XVIII века. Батюшков, как и его друзья-карамзинисты, относился к деятельности Шишкова резко-отрицательно, хотя и не решился вовсе «потопить» его в Лете, учитывая его «ум и дела», т. е. его положение как сановника и видного государственного деятеля (в это время он уже был адмиралом). В частных письмах около этого времени он отзывается о Шишкове с большей резкостью, как раз отрицая в нем наличие «ума»: «Не согласен в рассуждении Шишкова, — пишет он в письме от 1811 г. Гнедичу, — ты говоришь, что он умен, бог с ним! Иные смеялись, читая его слово, говоренное в Беседе, а я плакал. Вот образец нашего жалкого просвещения! Ни мыслей, ни ума, ни соли, ни языка, ни гармонии в периодах. Это академическая речь? где мы?.. И этот человек, и эти людие бранят Карамзина за мелкие ошибки и строки, написанные в его молодости, но в которых дышет дарование! И эти люди хотят сделать революцию в словесности

не образцовыми произведениями, нет, а системою новою, глупою!» (Соч. под ред. Майкова, т. III, стр. 127). Позднее, в связи с новой примирительной настроенностью Батюшкова он начинает спокойнее относиться и к Шишкову. Правда, познакомившись в 1816 г. со статьей Каченовского, в которой тот доказывает вздорность «новой» лингвистической «системы» Шишкова, Батюшков, с удовлетворением восклицает: «Если правду говорит Каченовский ⟨утверждавший, что «древний коренной славянский язык наш неизвестен» и что «нынешний церковный наш язык есть старинное сербское наречие». —*Д. Б.*⟩, то каков Шишков с братией! Они влюблены были в Дульцинею, которая никогда не существовала. Варвары, они исказили язык наш славянщизною!» (ib. 409). Однако в набросанном вскоре плане курса истории русской литературы он уже признает частичную правоту Шишкова (см. выше стр. 605).

Шолио (Шолье) Гильом Амфри, де (1639—1720) — аббат, французский поэт-эпикуреец с элегической окраской. Весьма ценился во Франции Вольтером и Парни, у нас — Батюшковым, кн. Вяземским, молодым Пушкиным. Современники сравнивали его с Анакреоном и Горацием. Шолье родился в Фонтенэ, в Нормандии, и воспел свою родину в элегических стихотворениях «Фонтенэ», «Убежище» и др.

Шомон — главный город департамента верхней Марны, во Франции.

Шувалов Иван Иванович (1727—1797) — влиятельнейший государственный деятель елизаветинского царствования. Основал в 1755 г. по плану, составленному им вместе с Ломоносовым, которому он оказывал особенное покровительство, первый русский университет в Москве. По его же инициативе была в 1777 г. основана Академия художеств. Покровительствовал ученым, писателям, художникам.

Щербатовы — князь Алексей Григорьевич (1777—1848) и его вторая жена, урожд. Апраксина. А. Г. Щербатов через первую жену находился в родственных отношениях с Н. М. Карамзиным и П. А. Вяземским.

Эвбея — гористый остров у берегов Беотии и Аттики в Греции.

Эвр (греч. миф.) — утренний теплый юго-восточный ветер.

Эврипид (480—406 до н. э.) — греческий драматург. Сюжет о Федре разработан им в трагедии «Ипполит».

Эгида (греч. миф.) — щит Зевса *(см.)*, символизирующий грозовую тучу. Отсюда вообще — защита, охрана.

Эдип (греч. миф.) — легендарный царь-отцеубийца, женившийся на своей матери. Все эти преступления, сужденные роком, Эдип совершил по неведению. Узнав о них, он в отчаянии ослепил себя, отрекся от престола и ушел в добровольное изгнание. Судьба Эдипа и его детей служила излюбленным материалом для греческих трагиков. У нас на этот сюжет была написана трагедия Озерова «Эдип в Афинах».

Элевзинские таинства (мистерии) — особые тайные обряды, ежегодно совершавшиеся в древней Греции в честь богини земледелия Деметры и ее дочери Персефоны. Исследование об Элевзинских таинствах Уварова вышло на французском языке за границей в 1812 г.

Элеонора — возлюбленная Тасса *(см.)*. В своих любовных элегиях Парни также называет свою возлюбленную Элеонорой.

Элизий (греч. и рим. миф.) — посмертное жилище блаженных душ, род античного рая.

Эллада — древняя Греция.

Эльба — остров в Средиземном море, у берегов Италии. После отречения Наполеона I в 1814 г. Эльба была отдана ему во владение, и он находился там с 3 мая 1814 г. до 26 февраля 1815 г., когда он снова появился в Европе.

Элиза — жена А. Н. Оленина *(см.)*, Елизавета Марковна.

Эмпедокл (V в. до н. э.) — греческий философ, поэт и государственный деятель. О жизни и смерти его сложился ряд фантастических легенд. По одной из них он спустился в кратер Этны.

Эндимион (греч. миф.) — прекрасный юноша-пастух, испросивший себе у Зевса вечную юность и бессмертие ценою вечного сна. Грот, в котором лежал Эндимион, посещала по ночам богиня луны, Селена (Диана), чтобы поцеловать спящего красавца.

Энеида» — поэма Вергилия *(см.)*.

«Энеида, вывороченная наизнанку» — пародическая поэма Н. П. Осипова (1751—1799), подражавшего Скаррону.

Эней (греч. и рим. миф.) — славнейший троянский герой (второй после Гектора), спасшийся из захваченной и разгромленной греками Трои вместе с малолетним сыном и отцом, которого он вынес на плечах. После бегства из Трои Эней претерпевает ряд приключений и основывает ряд городов — Энею на полуострове Гелланике, Лавиний и Рим в Италии. У Вергилия Эней — главный герой его поэмы «Энеида».

Энкелад (греч. миф.) — один из гигантов, пораженный Зевсом во время борьбы богов с гигантами и заключенный им под Этну.

Энциклопедия — «Энциклопедия или объяснительный словарь наук, искусств и ремесл» вышла в 1751—1780 гг. в 35 томах под редакцией Дидро и д'Аламбера, при участии Вольтера, Гольбаха, Руссо и др.; свод «просветительной» мысли XVIII века, отразивший идеологию передовой буржуазии в ее борьбе против пережитков феодализма и всяческого средневековья.

Эпидавр — древний город в южной Греции. В Эпидавре находился центр культа Асклепия-Эскулапа *(см.)*.

Эпиктет (ок. 50—138 н. э.) — римский философ, один из наиболее видных представителей позднего стоицизма. Был рабом, жил в крайней бедности..

Эпименид (греч. миф.) — жрец-прорицатель, якобы живший в VII в. до н. э. Юношей заснул в зачарованной пещере и проснулся только

через 57 лет — миф, положенный Гете в основу его «Пробуждения Эпименида».

Эрато (греч. миф.) — муза эротической (любовной) поэзии.

Эреб (греч. миф.) — самая глубокая и мрачная часть Аида *(см.)*, в которой находился дворец владыки Аида, подземного бога Плутона *(см.)*.

Эригона (греч. миф.) — «рано рожденная виноградная лоза»; дочь афинянина Икария, которого Вакх, в награду за гостеприимный прием, обучил виноделию. Объезжая окрестности с целью распространить последнее, Икарий угостил вином пастухов, напоив их допьяна. Товарищи последних, думая, что он отравил их, убили Икария. Дочь его с горя повесилась над могилой отца. Вакх наказал за это афинян моровой язвой и безумием девушек, которые стали вешаться, подобно Эригоне. С целью умилостивить разгневанного бога в честь Эригоны был учрежден особый праздник (см. еще выше стр. 501).

Эритрейское море — древнее название части Индийского океана (Красное море, Персидский и Аравийский заливы).

Эрменонвиль — имение маркиза Жирардена в департаменте Уазы, во Франции.

Эрмий — Гермес *(см.)*.

Эрминия — в поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим» мусульманская царевна, полюбившая Танкреда и покидающая своих единомышленников с целью проникнуть в лагерь крестоносцев. Принятая последними за неприятеля, спасается бегством и находит убежище у мирных иорданских пастухов. Батюшков относил 7-ю песню, содержащую разработанный в жанре пасторали «прелестный эпизод Эрминии», к числу лучших мест поэмы.

Эрмитаж — художественно-исторический музей в Ленинграде, начало которому было положено Екатериной II. Заключает в себе величайшие образцы старой европейской живописи.

Эрот (греч. миф.) — сын Афродиты, божок любви. Изображался в виде прекрасного крылатого мальчика, вооруженного луком и ранящего своими стрелами людей и богов.

Эскулап (греч. миф.) — бог врачевания, отсюда вообще врач.

Эстский дом — династия феррарских герцогов из рода д'Эсте. При дворе Альфонсо II д'Эсте жил Тассо (*см.* Тасс).

Этеокл — *см.* Полиник.

Этна — вулкан в Сицилии.

Этьен (1778—1845) — французский драматург и публицист, выдвинувшийся при Наполеоне, при котором был избран в академики. Во время реставрации был исключен из Академии и сделался редактором ряда оппозиционных журналов.

Ювенал Децим Юний (род. ок. 47 — ум. ок. 131) — римский поэт-сатирик, создавший жанр резкой «бичующей» сатиры, направленной главным образом против представителей господствовавшего в его время в Риме

денежного капитала и изображающей с исключительной яркостью и реализмом развращенность и разложение высших классов римского общества. Ювенал никогда не был в числе особо любимых писателей Батюшкова, в пору же своего общественно-политического поправения, выразившегося у него в отходе от сатирико-общественных жанров и проповеди «снисхождения», он стал относиться к Ювеналу и вовсе отрицательно. Так устами Монтескье в своей статье «Вечер у Кантемира» (1816) он заявляет, что ценит сатиры Ювенала не за их содержание, а «как памятники языка», а годом спустя заносит в свою записную книжку: «С какой стороны ни рассматривать себя и человека в обществе, найдешь, что снисхождение должно быть первою добродетелью. Снисхождение в речах, в поступках, в мыслях, оно-то дает эту прелесть, доброту, которая едва ли не любезнее всего на свете. Наморщить лоб и взять Ювеналову дубину не так-то трудно...»

Юдифь — героиня библейской легенды. Во время осады полководцем Навуходоносора Олоферном еврейской крепости Ветилуи явилась в лагерь к Олоферну и во время его сна отрубила ему голову.

Юнона (р и м. м и ф.) — древне-италийская богиня луны и неба и супруга Юпитера, покровительница женщин, в особенности в период беременности и родов.

Юпитер (р и м. м и ф.) — древне-италийский бог неба, верховный повелитель богов и людей (соответствует греческому Зевсу). *Юпитер Олимпийский* — колоссальная (больше 20 метров высоты) статуя Зевса, изваянная из золота и слоновой кости Фидием *(см.)* для храма в Олимпии. Статуя эта, изображавшая Зевса во всем его грозном величии, является лучшим произведением Фидия и считалась в древности одним из семи чудес света.

Янус (р и м. м и ф.) — один из самых главных римских богов, бог-покровитель входов и выходов и вообще каких бы то ни было начинаний, к которому обращались в начале каждого важного предприятия. В Риме был сооружен особый храм Януса, представлявший собой галлерею с воротами. Когда она была открыта, это означало, что государство находится в состоянии войны, когда закрыта — что оно пребывает в мире со всеми народами.

СЛОВАРЬ УСТАРЕЛЫХ, МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ И НУЖДАЮЩИХСЯ В ПОЯСНЕНИИ СЛОВ

Амвон — возвышение для чтения, проповеди и т. п.

Амфора — у древних греков большой глиняный сосуд для масла, меда и вина.

Английский сад — сад, в противоположность французскому «классическому» саду, разбитый в «романтическом вкусе», с сохранением «дикого» «природного» ландшафта (отсутствие прямых линий, пригорки, овражки, «руины» и т. п.). Вошел в моду во второй половине XVIII в., отвечая вкусам восходящей буржуазии.

Антология (буквально — «цветослов») — сборник избранных стихотворений древних (греческих и римских) поэтов. Антологические стихи отличаются, по определению Белинского, «простотой и единством мысли, способной выразиться в небольшом объеме, простодушием и возвышенностью в тоне, пластичностью и грацией в форме». В антологическом роде писал один из литературных учителей Батюшкова, Вольтер. У нас антологический род получил развитие в поэзии карамзинистов (Дмитриев и др.), достигнув предельного совершенства в творчестве Батюшкова и Пушкина.

Арлекин — один из традиционных персонажей народной итальянской «комедии масок» — шутник, паяц в куртке из разноцветных лоскутков. Это последнее, видимо, и имеет в виду Жуковский, сравнивая «Мечту» Батюшкова с арлекином.

Архонты — верховные правители древних Афин.

Аттицизм — утонченное изящество мысли и речи, свойственное древним афинянам.

Багрец — краска самого яркого и густого красного цвета.

Багряница — торжественная царская одежда, бархатная мантия, подбитая горностаем.

Батоги — толстые прутья, употреблявшиеся в древней Руси для телесных наказаний. Применялись помещиками для расправ с крепостными.

Бодони — роскошные издания классиков, выпущенные итальянским типографщиком Джамбаттиста Бодони (1740 — 1813). Из изданий Бодони особенно славится трехтомная «Илиада» Гомера, вышедшая в 1808 г. Издание было посвящено Бодони Наполеону, который ему покровительствовал.

Боскет — рощица, лесок.

Бостон — карточная игра, очень распространенная в «светских» дворянских кругах в начале XIX в.

Брашно — пища, кушанье.

Бригадирша — жена бригадира (воинский чин, средний между полковником и генералом, учрежденный Петром I и просуществовавший до Павла I).

Болгаре (или булгары) — народ тюркского происхождения, сложивший могучее государство по рекам Волге и Каме (X — XIV вв.), находившееся в торговых отношениях с Киевской Русью и вступавшее с ней в частые военные столкновения.

Булевар — Тверской бульвар, излюбленное гулянье старой дворянской Москвы.

Вежда — веко.

Вестовщица — переносчица новостей, сплетница.

Весь — селение, деревня.

Ветрило — парус.

Визирь — высший сановник в мусульманских странах.

Вист — популярная во время Батюшкова карточная игра.

Воеводство — власть воеводы, военного и гражданского наместника эпохи Московской Руси. Воеводы обыкновенно являлись полными хозяевами края, стремясь за время своего управления выжать в свою пользу все соки из местного населения. Со времен Петра их значение и власть стали всё уменьшаться. Звание воевод было окончательно упразднено в 1775 г.

Вои — воины, войско.

Вороненый — от воронить — наводить черный или сизый цвет на металл.

Всадник римский — сперва римский гражданин, служивший в коннице; в дальнейшем привилегированное сословие в древнем Риме (второе после сенаторов).

Всуе — напрасно, без пользы.

Втуне — напрасно, даром.

Выя — шея.

Галломан — приверженец всего французского.

Галлы — народность кельтского племени, древние обитатели Франции, Бельгии и части Италии. В «высокой» поэзии — французы.

Гасконец — обитатель Гаскони (в южной Франции). Гасконцы слыли присяжными хвастунами.
Гипсы — гипсовые слепки с античных статуй.
Глазет — шелковая парча, затканная золотом или серебром.
Горний — находящийся в вышине, небесный.
«Граждане вселенной» — древние римляне.
Гридень — телохранитель древне-русских князей; гридница — помещение для гридней.

Денница — утренняя заря, рассвет.
Десница — правая рука.
Днесь — теперь, сегодня.
Долу — внизу, на земле.
Друиды — жрецы у кельтов (галлов)
Дымка — легкая ткань в роде газа, редкая шелковая ткань.

Епанча — широкий и длинный плащ.

Журнал — дневник.

Запона — пряжка, застежка.
Зеница — зрачок.
Зерцало — 1) зеркало; 2) эмблема правосудия, состоявшая из треугольной призмы, увенчанной двуглавым орлом, по сторонам которой помещались выписки из указов Петра I.
Зоил — завистливый, мелочный критик (от имени греческого критика III в. до н. э., получившего известность своими мелочными придирками к поэмам Гомера).
Зо́ря — военный сигнал к утреннему вставанию.

Иверни (ед. ч. — иверень) — черепки, осколки.
Илоты — первоначальное население древне-греч. области Мессении, обращенное покорившими его спартанцами в рабство. Победители обращались с илотами с исключительной жестокостью.
Иссоп — род мелкого полукустарника.

Камелек — камин.
Канцона — древнейшая форма итальянской лирики, стихотворение, состоящее из нескольких одинаково построенных строф — стансов. Каноническое строение получила в поэзии Петрарки *(см.)*.
Карусель — воинская конная игра в подражание рыцарским турнирам. Ряд таких каруселей устраивался в Москве и Петербурге в XVIII и начале XIX в. Карусель, о котором упоминает Батюшков, происходил в Москве 20 и 25 июня 1811 г. В нем участвовали представители высшего московского общества (см. специально составленную к этому

дню брошюру приятеля Батюшкова, поэта В. Л. Пушкина: «О каруселях. Благородному московскому обоего пола собранию посвящает кавалерского карусельного собрания член Василий Пушкин. М. 1811 г., июня 20 дня»). В «Вестнике Европы» (т. VIII, июнь 1811 г.) было помещено восторженное описание «благородного карусельного собрания»: «В последней половине минувшего июня в Москве, у Калужской заставы, посреди нарочно устроенного обширного амфитеатра два раза дано было прекрасное и великолепное зрелище каруселя... Стечение зрителей было чрезвычайное... Благородные рыцари показывали искусство свое в верховой езде, меткость рук и уменье управлять оружием. Богатый убор церемониймейстеров и кавалеров, устройство кадрилей, порядок шествия, самые игры, восхитительные звуки четырех хоров военной музыки — всё это выше всякого описания, всё достойно обширности, многолюдства и пышности древней столицы величайшей в мире империи». Европеист Батюшков, наоборот, отнесся к этой затее праздных аристократов разжалованной столицы воскресить никогда не существовавшие у нас рыцарские турниры с явной иронией. Утверждая в «Прогулке по Москве», что столь дорого стоивший карусель «родился от скуки», в письме к Гнедичу (от 6 мая 1811 г.) о репетициях к тому же каруселю он замечал: «У нас карусель, и всякий день кому нос на сторону, кому зуб вон».

Кастраты — скопцы, евнухи. Из кастратов образовывались хоры певцов, получивших вследствие оскопления женоподобный голос. В XVIII в. в Италии для потребности церковных хоров оскоплялось ежегодно до 400 мальчиков, а столетием ранее в силу этого же специальным папским указом оскопление было признано «благородным делом».

Квириты — название граждан древнего Рима.

Киннамон — благовонное растение, корица.

Кипарис — у древних считался деревом смерти; насаждавшимся при гробницах.

Китай-город — «средний город» (от татарского слова «китай» — средний), часть древнерусского укрепленного города между кремлем и ближайшей к нему второй оборонительной оградой. Главное торговое место старой Москвы.

Конунг — племенной вождь древних скандинавов.

Котурны — особая обувь на высоких каблуках, употреблявшаяся в древности трагическими актерами для придания себе большей величавости.

Кошница — узкая и глубокая корзина.

Красный колпак — головной убор якобинцев.

Кротал — род кастаньет, ударный деревянный или металлический музыкальный инструмент. Употреблялся древними греками и римлянами преимущественно во время танцев.

Куща — шатер, палатка.

Лавр — вечнозеленое дерево, посвященное древними греками Аполлону. Лавровым венком увенчивали победителей.
Лазарон (lazzaroni) — босяк, местное прозвище неаполитанского лумпенпролетариата.
Ландо — четырехместная, раскидная коляска-карета.
Ланиты — щеки.
Лик — хор.
Людкость, *людскость* — «человечность, приличие, пристойность во внешности, по навыку в хорошем обществе» (словарь Даля).

Мавры — средневековое название вообще мусульман, в частности и в особенности северо-африканских арабов из Мавритании, завоевавших в IX в. ряд областей южной Европы (Испанию, Сицилию). Под «поэзией мавров» Батюшков имеет в виду андалузскую любовную поэзию именно этих европейских мавров, повлиявшую до некоторой степени на поэзию провансальских трубадуров и раннюю итальянскую лирику. С этим влиянием, в частности, связывают и возникновение итальянской октавы. Еще раз об этом влиянии мавров — «народа образованного, гостеприимного, учтивого, ученого и одаренного самым блестящим воображением» — на «песни сицилийских поэтов и трубадуров счастливого Прованса», а через них и на Петрарку, Батюшков говорит в своей статье «Петрарка» (1815).
Майор — офицерский чин в царской армии между капитаном и подполковником.
Мастика — ароматическая смола.
Мета — цель; предмет, которого хочешь достигнуть.
Меч-кладенец — стальной булатный меч (кладенец — сталь, булат).
Мина — определенное весовое количество металла, являвшееся у древних греков денежной единицей.
Миро — мирра, благовонное маслянистое вещество, умастительное средство на Востоке.
Мирт (мирта) — вечнозеленое миртовое дерево, посвященное древними греками Афродите. Миртовыми венками украшали победителей на состязаниях, участников пиршеств, брачных торжеств и т. п.
Мм. Гг. — милостивые государи, обычное официальное обращение к аудитории в дореволюционное время.
Моголец — обитатель мусульманской империи так называемого «Великого Могола», основанной в XVI в. в Индии тюркским султаном Бабуром.
Мрежа — рыболовная сеть.
Мусия — мозаика, картина, составленная из разноцветных кусочков (цветной эмалированной глины, цветных камешков и т. п.)
Муфтий — духовный глава мусульман в Турции.

Намет — шатер, большая раскидная палатка.

Нард — ароматическое растение в Азии, из корней которого приготовлялась благовонная мазь, очень ценившаяся в древнем Риме.

Нормандцы — жители герцогства Нормандии (позднее одной из французских провинций).

Нувеллист — повествователь.

Обструкции — запор (термин, в настоящее время в этом смысле не употребляющийся).

Овен — баран.

Окончины — оконные стекла.

Оливный венок — венок из листьев масличного дерева — оливы, посвященного древними греками богине Афине *(см.)*. Оливная ветвь — символ мира.

Омрак — обморок.

Опреснок — пресный хлеб из неквашеного теста.

Оратай — пахарь, земледелец.

Ординарец — офицер или нижний чин, назначавшийся к командующим войсками для передачи приказаний.

Откупщик — частное лицо, «о 'купающее» у государства право взимания налогов или пользование той или иной доходной статьей; в России первой половины XIX в. лицо, имевшее преимущественное право торговли водкой в определенном районе; на откупах наживали огромные состояния.

Ошую — по левую сторону.

Пажить — пастбище, дальний кормовой выгон, где обычно скот и ночует.

Палисад — старинное оборонительное заграждение из заостренных кверху бревен.

Пепелище, родное пепелище — унаследованный от предков дом или земля.

Персский — персидский.

Пиит — поэт. В «высокой поэзии» XVIII и начала XIX вв. это слово не имело того иронического смысла, который оно приобрело позднее. Желая придать ему оттенок иронии, Батюшков говорил «пиита». Пиитический — поэтический.

Повременный — бывающий по временам, периодический.

Полнощный — у Батюшкова, как и в поэзии XVIII и начала XIX вв., в значении — северный. Наоборот, полуденный — южный. Полунощь — страна севера, Россия.

Потешные игры — конский бег, боевые игры и т. п. в древней Руси.

Префект — во Франции высшее правительственное лицо в департаменте, непосредственно подчиненное министру внутренних дел.

Пролог — древнерусское название переводных сборников кратких «житий святых», расположенных по месяцам и дням в порядке их цер-

ковного поминовения. Был одним из самых популярных видов древнерусской литературы.

Пряслица — прялка, прибор для пряденья.

Пуйский — Апулийский (Апулия — юго-восточная область Италии).

Путец — воронка в отливных формах, куда вливается расплавленный металл.

Рало — соха, плуг.

Рамена — плечи.

Римские орлы — у древних римлян орел с молниями и громовыми стрелами был символом государства; со времен Мария (конец II в. до н. э.) употреблялся как воинский знак в легионах, помещаясь на копье или стержне и составляя как бы знамя легиона.

Ристалище — арена для бега на колесницах, воинских игр и т. п. *Ристанье* — воинские игры, турнир.

Ритор — учитель «риторики», т. е. теории и практики красноречия, грамматики и стилистики.

Роговая музыка — оркестр, составленный из охотничьих рогов различной величины, из которых каждый издает только один звук, все же они вместе взятые дают хроматическую гамму. Роговое искусство имело у нас особенное развитие во второй половине XVIII и начале XIX вв. (первый роговой оркестр был составлен в 1748 г. для гофмаршала Нарышкина чехом Марешем). Роговые оркестры из крепостных музыкантов имелись почти у всех магнатов и вельмож.

Росс — торжественно-приподнятое название русского (употреблялось в «высокой» поэзии XVIII и начала XIX вв.).

Ростральные колонны — колонны, украшенные подобием корабельных носов, воздвигавшиеся в древнем Риме в честь морских побед. Два маяка, воздвигнутые в б. Петербурге перед зданием биржи, составляют подражание подобным колоннам.

Ротонда — круглое здание или помещение внутри здания (зала и т. п.).

Руны — древнейшие письменные знаки германцев. Наибольшее число памятников рунического письма (на кусках металла, камня, гробницах, оружии, украшениях) дала Скандинавия.

Рынды — старинное почетное звание царских оруженосцев и телохранителей в древней Руси, дававшееся наиболее рослым и красивым молодым людям знатных фамилий.

Салакушка — мелкая рыба, разновидность сельди.

Сальмис — рагу из дичи с вином и пряностями.

Сбиры — вооруженные судебные и полицейские служители, организованные наподобие войска, в прежней Папской области в Италии.

Свевы — швабы, название одного из германских племен.

Селадон — сентиментальный вздыхатель (по имени героя романа «Астрея» французского писателя д'Юрфе (1568—1625).

Сибариты — жители древнего греческого города Сибариса в южной Италии, славившиеся своей изнеженностью и страстью к роскоши и наслаждениям.

Сизый — темносиний, темный с сединой.

Сице — церк.-слав. — так, таким образом.

Скальд — древнескандинавский народный певец, воспевавший подвиги богов и героев.

Скептический мудрец — представитель греч. философской школы скептицизма, отрицавшей возможность познания объективной истины и, в силу этого, утверждавшей бесплодность всякого знания вообще. Единственной целью, к которой должен стремиться истинный философ, является, по учению скептиков, «атараксия», т. е. безусловное спокойствие духа. В своем скептическом отношении, в период после 1812 — 1814 гг., ко всякой «человеческой мудрости» вообще Батюшков не пощадил и самого скептицизма, дав в лице своего «Памфила седобородого» (лицо вымышленное) не лишенный остроумия памфлет на скептического мудреца.

Скифы — греческое название кочевых народов, обитавших в первом тысячелетии до н. э. в черноморских и азиатских степях.

Скудель — глина, глиняный сосуд; отсюда вообще все непрочное, преходящее, тлен, прах; *скудельный* — глиняный, бренный.

Словутый — знаменитый, прославленный.

Случай — фавор — термин XVIII в. «Случайными людьми» называли временщиков, любовников императриц и т. п.

Степь — у Батюшкова в значении степные губернии.

Стогны — улицы; площадь.

Стоики — философская школа в древних Греции и Риме, выдвигавшая на первый план вопросы морали, житейского поведения. Стоики призывали к полному отрешению от чувственных страстей, к строгому исполнению долга, учили, что истинное счастье заключается в сознании своей добродетели и т. п. Батюшков много читал римских стоиков — Сенеку и др. Однако их учение было наименее созвучно ему. Сперва, в период его эпикуреизма и горацианства, его отталкивала от стоиков их «угрюмая и печальная мудрость» — свойственные их учению элементы аскетизма; позднее, в период кризиса всего своего миросозерцания, он осуждал антиобщественный характер стоицизма: «Стоики желали сосредоточить человека в себе, отторгнуть от общества», — замечает он в своей записной книжке в связи со сделанными им выписками из Сенеки. — «Это разрушает истинные законы добродетели, которые учат нас помогать друг другу, сострадать. Бесстрастие может быть полезно человеку частно, но есть род некоторого преступления в обществе».

Суды любви — особые судилища из знатных дам во Франции и Провансе времен рыцарства, обсуждавшие всякого рода теоретические вопросы из области половой любви и разрешавшие всякого рода споры между

возлюбленными. Действительное существование таких судов любви новейшими учеными подвержено сомнению.

Сферы — по учению пифагорейцев, прозрачные сферические, т. е. шарообразные, поверхности, к которым прикреплены небесные светила; сферы якобы производят своим движением особую мировую музыку, которую мы не воспринимаем только потому, что она звучит непрестанно.

Тафтяный — сделанный из тафты, гладкой и тонкой шелковой ткани.

Тевтонский — германский (по древнегерманскому племени тевтонов).

Тимпан — древний музыкальный ударный инструмент, заимствованный с Востока, род литавр.

Тосканское наречие — тосканский диалект итальянского языка, со времени развития торгового капитала (с XIII в.) получивший преобладающее значение и ставший литературным языком всей Италии.

Тул — колчан для стрел.

Тупей — взбитый хохол на голове.

Угорский — венгерский.

Уранги — Батюшков под «урангами» разумеет лжеученых критиков «классического» направления. П. А. Вяземский рассказывает о некоем «ученом», который, задумав издавать журнал «Урания» и подыскивая для него приличный эпиграф, наткнулся на стих Державина «Витийствуют ураньи в школах», которым с восторгом и воспользовался. Однако стих этот был результатом типографской опечатки. На самом деле он читался — «Витийствуют уранги в школах» (из шуточной оды Державина «На счастие») (см. «Безделки», «Вестник Европы» 1810, т. 52, № 13, стр. 63). Отсюда словцо «уранги» вошло в шуточный обиход карамзинистов. Неоднократно употребляет его в своих письмах и Батюшков.

Фалерн — крепкое выдержанное вино из Фалернской области в Кампаньи (Италия), горьковатое на вкус и разбавлявшееся вином и медом. Воспевалось римскими поэтами, особенно Горацием.

Ферезь, ферязь — старинное женское платье, застегнутое донизу, род сарафана.

Фиал — у древних греков и римлян плоский и низкий сосуд для питья и для возлияния при жертвоприношениях.

Хлябь — простор, пустота, бездна.

Хорваты — южно-славянская народность.

Цевница — пастушеская дудочка, свирель. В переносном смысле вообще «поэзия» (идиллическая).

Цуг — особая запряжка из шести лошадей с двойным выносом.

Черкасский — донской, расположенный по нижнему течению рек Дона и Маныча.
Чичероне — проводник в Италии, дающий объяснения к осматриваемым достопримечательностям.

Шлафрок, *шлафор*, *шлафорк* — халат.

Эвоэ, *эвой* — дикий крик, исторгавшийся участниками вакханалий — оргий в честь Вакха.
Эклога — идиллическое стихотворение в форме диалога, изображающее прелести сельской пастушеской жизни.
Эльзевиры — издания древних и новых авторов, выпускавшиеся семьей голландских типографов-издателей Эльзевиров в XVI—XVII вв. Отличались необыкновенной точностью и исправностью текстов и замечательным изяществом внешнего оформления.
Эрский — ирландский.
Эстамп — оттиск гравюры.
Эфир — у древних греков и римлян некая чистая и божественная стихия, более тонкая и подвижная, чем воздух. В таком понимании употребляется это слово и Батюшковым.

Юдоль — дол, земля.

ХРОНОЛОГИЯ СТИХОВ К. Н. БАТЮШКОВА

Мечта (первая редакция) (стр. 473) — 1802—1803 гг.
Бог (стр. 190) — 1804 г. (?)
Послание к стихам моим (стр. 191) — 1804 г.
Послание к Хлое (стр. 193) — 1804 или 1805 г.
Перевод Лафонтеновой эпитафии (стр. 195) — 1804 или 1805 г.
К Филисе (стр. 195) — 1804 или 1805 г.
Перевод 1-й сатиры Боало (стр. 199) — 1804 или 1805 г.
Элегия (стр. 206) — 1804 или 1805 г.
Послание к Н. И. Гнедичу («Что делаешь, мой друг...») (стр. 203) — перв. полов. 1805 г.
[*На смерть И. П. Пнина*] (стр. 207) — сентябрь (после 17) 1805 г.
«*Безрифмина совет...*» (стр. 208) — 1805 г. (не позже ноября).
К Мальвине (стр. 208) — 1805 г. (не позже ноября).
Совет друзьям (стр. 460) — не позднее начала 1806 г.
К Гнедичу (стр. 86) — 1806 г.
Пастух и соловей (стр. 209) — начало 1807 г.
[*Н. И. Гнедичу*] («По чести мудрено...») (стр. 210) — 19 марта 1807 г.
Выздоровление (стр. 67) — лето 1807 г. (?).
Срубленное дерево ⟨*Dubium*⟩ (стр. 275)—не позже ноября 1807 г.
[*Н. И. Гнедичу*] («Прерву теперь молчанья узы...» (стр. 211) — 1 июля 1808 г.
К Тассу (стр. 213) — 1808 г. (не позже 7 августа).
Отрывок из I песни «Освобожденного Иерусалима» (стр. 217) — 1808 г. (не позже 7 августа).
Сон могольца (стр. 137) — не позднее 1808 г.
Отрывок из XVIII песни «Освобожденного Иерусалима» (стр. 219) — 1808 или первая полов. 1809 г.
[*Н. И. Гнедичу*] («Тебя и Нимфы ждут...» (стр. 224) — 4 августа 1809 г.
Как трудно Бибрису...» (стр. 146) — в августе (не позже 19) 1809 г.

Мадригал новой Сафе (стр. 146) — в августе (не позже 19) 1809 г.
Мадригал Мелине, которая называла себя Нимфою (стр. 147) — в августе (не позже 19) (1809 г. (?).
Стихи Г. Семеновой (стр. 225) — (6 сентября) 1809 г.
Видение на берегах Леты (стр. 173) — осень 1809 г. (не позже конца октября).
Книги и журналист (стр. 225) — осень 1809 г.
Эпиграмма на перевод Виргилия (стр. 226) — осень 1809 г.
«Пусть мигом догорит...» (стр. 393) — 1 ноября 1809 г.
«А ныне мне Эрот сказал...» (стр. 393) — 1 ноября 1809 г.
Воспоминание (стр. 64) — между концом 1807 г. — ноябрем 1809 г.
Эпитафия (стр. 227) — конец ноября 1809 г.
Тибуллова элегия III (стр. 72) — 1809 г. (между сентябрем и декабрем).
Послание Г. Велеурскому (стр. 115) — 1809 г. (после 25 декабря).
«Пафоса бог Эрот прекрасной...» (стр. 226) — 1809 г.
Ответ Гнедичу (стр. 118) — между августом 1809 г. — 16 января 1810 г.
К Маше (стр. 227) — 1809 или начало (не позже февраля) 1810 г. (?).
Веселый час (стр. 78) — между 1806 и февралем 1810 г.
Привидение (стр. 70) — февраль 1810 г.
На перевод «Генриады» или Превращение Вольтера (стр. 227) — не позже февраля 1810 г.
Тибуллова элегия X из I книги (стр. 76) — конец 1809 г. или начало (не позже 1 апреля) 1810 г.
Стихи на смерть Даниловой... (стр. 228) — между 8 января и апрелем 1810 г.
[П. А. Вяземскому] («Льстец моей ленивой музы...») (стр. 228) — март — апрель 1810 г.
«Известный откупщик Фадей...» (стр. 228) — 1810 г. (не позже мая).
«Теперь, сего же дня...» (стр. 229) — 1810 г. (не позже мая).
В день рождения N. (стр. 81) — не позже мая 1810 г.
Ложный страх (стр. 136) — не позже июня 1810 г.
Истинный патриот (стр. 229) — 1810 г. (не позже июня).
Надпись на гробе пастушки (стр. 147) — не позже июля 1810 г.
Источник (стр. 88) — 1810 г. (не позже 26 июля).
Сравнение (стр. 230) — 1810 г. (не позже июля).
Из антологии (стр. 231) — не позже июля 1810 г.
Счастливец (стр. 140) — не позже сентября 1810 г.
На смерть Лауры (стр. 231) — не позже сентября 1810 г.
Вечер (стр. 232) — не позже ноября 1810 г.
Совет эпическому стихотворцу (стр. 146) — 1810 г.
К Петину (стр. 123) — 1810 г.
Сон воинов (стр. 133) — не позже февраля 1811 г.
Мадагаскарская песня (стр. 234) — не позже февраля 1811 г.
На смерть супруги Ф. Ф. Кокошкина (стр. 90) — 1811 г. (не раньше 25 апреля).

«Я клялся боле не любить...» (стр. 399) — 7 ноября 1811 г.
[*Н. И. Гнедичу*] («Сей старец, что всегда летает...») (стр. 236) — 5 декабря 1811 г.
Филомела и Прогна (стр. 235) — 1811 г. (до 19 декабря).
«Чтобы любовь и Гименей...» (стр. 403) — 19 декабря 1811 г.
Надпись к портрету Н. Н. (стр. 146) — не позже 1811 г.
Дружество (стр. 73) — 1811 или начало 1812 г. (?).
Мои пенаты (стр. 106) — вторая половина 1811 г. и начало 1812 г.
«Хвор всё...» (стр. 599) — 5 мая 1812 г.
К Жуковскому (стр. 119) — 1812 г. (не позже июня).
[*На членов Вольного общества любителей словесности*] (стр. 237) — 9 августа 1812 г.
Отъезд (стр. 229) — между 1807 — 1812 гг.
[*Отрывок из элегии*] (стр. 233) — 1810—1812 гг. (?).
«Всегдашний гость...» (стр. 145) — 1811—1812 гг. (?).
Ответ Тургеневу (стр. 122) — 1812 г.
Хор для выпуска благородных девиц Смольного монастыря (стр. 129) — 1812 г.
На поэмы Петру Великому (стр. 230) — 1812 г. (?)
Разлука («Гусар на саблю...») (стр. 134) — между сентябрем 1812 и январем 1813 г. (?).
Певец в Беседе любителей русского слова (стр. 255) — первая половина марта 1813 г.
К Дашкову (стр. 87) — март 1813 г.
Переход русских войск через Неман... (стр. 237) — 1813 г. (?).
[*Отрывок из Шиллеровой трагедии...*] (стр. 238) — 1813 г. (?).
«Пред ними истощает...» (стр. 415) — 25 апреля 1814 г.
«Ему ли помнить нас...» (стр. 416) — 25 апреля 1814 г.
«Быть может, их Фетида...» (стр. 457) — 19 июня 1814 г.
«В земле туманов и дождей...» (стр. 444) — 19 июня 1814 г.
Тень друга (стр. 74) — июнь 1814 г.
Сцены четырех возрастов (стр. 262) — июль (до 27) 1814 г.
На развалинах замка в Швеции (стр. 57) — лето 1814 г.
Новый род смерти (стр. 248) — между маем и октябрем 1814 г.
Элегия из Тибулла — вольный перевод (стр. 60) — не позже 29 ноября 1814 г.
Любовь в челноке (стр. 139) — не позже 29 ноября 1814 г.
Радость (стр. 142) — между 1807—1814 гг.
Судьба Одиссея (стр. 84) — 1814 г.
Пленный (стр. 91) — 1814 г. (?).
Мщение (стр. 68) — 1814 или начало (не позже февраля) 1815 г. (?).
К друзьям (стр. 55) февраль 1815 г.
Вакханка (стр. 132) — не позже февраля 1815 г.
Странствователь и домосед (стр. 148) — июнь 1814 — февраль 1815 г.

Послание И. М. Муравьеву-Апостолу (стр. 125) — между июлем 1814 г. и 24 мая 1815 г. (?).
Памфил забавен...» (стр. 146) — 1815 г. (не позже 22 июня).
Таврида (стр. 83) — 1815 г. (не раньше июля).
Мой гений (стр. 73) — 1815 г. (между июлем и 11 августа).
Разлука («Напрасно покидал...») (стр. 82) — 1815 г. (между июлем и 11 августа).
Последняя весна (стр. 84) — 1815 г. (между июлем и 10 декабря).
Пробуждение (стр. 81) — 1815 г. (между июлем и 10 декабря).
Надпись к портрету графа Эмануила Сен-При (стр. 147) — 1815 г. (между июлем и серединой декабря).
Воспоминания (стр. 66) — 1815 г.
Надежда (стр. 56) — 1815 г. (?).
«То думал видеть в нем героя...» (стр. 500) — февраль 1816 г.
Песнь Гаральда Смелого (стр. 131) — 1816 г. (между февралем и 17 июля).
Послание к Тургеневу (стр. 116) — 14 октября 1816 г.
К цветам нашего Горация (стр. 146) — 1816 г.
Надпись к портрету Жуковского (стр. 147) — 1816 г.
К другу (стр. 97) — между 1813 и началом 1817 гг.
От стужи весь дрожу (стр. 602) — конец декабря 1816 — начало января 1817 г.
Гезиод и Омир — соперники (стр. 93) — 1816 — начало 1817 г.
Переход через Рейн (стр. 158) — конец 1816 или начало 1817 г.
На книгу под названием «Смесь» (стр. 147) — не позже начала 1817 г.
Запрос Арзамасу (стр. 248) — 4 марта 1817 г.
[*Надпись к портрету кн. П. А. Вяземского* (стр. 249) — 9 марта 1817 г.
«И как, скажите, не любить...» (стр. 417) — первая половина марта 1817 г.
«Тот вечно молод...» (стр. 417) — первая половина марта 1817 г.
«Чутьем поэзию любя...» (стр. 417) — первая половина марта 1817 г.
«Меня преследует судьба...» (стр. 418) — первая половина марта 1817 г.
«На свет и на стихи...» (стр. 419) — первая половина марта 1817 г.
«Числа по совести не знаю...» (стр. 419) — первая половина марта 1817 г.
Умирающий Тасс (стр. 163) — 1817 г. (с февраля по апрель).
Беседка муз (стр. 168) — май 1817 г.
К Никите (стр. 144) — начало июля 1817 г.
Послание (От практического мудреца...) (стр. 249) — начало июля 1817 г.
Коллективные стихи Батюшкова, Жуковского, Плещеева и А. Пушкина (стр. 274) — 4 сентября 1817 г.
Подражание Ариосту (стр. 186) — не раньше конца 1817 г. (?).
Мечта (стр. 99). (Окончательная редакция) — 1817 г.
[*К С. С. Уварову*] (стр. 252) — 1817 г.
П. А. Вяземскому («Я вижу тень Боброва...») (стр. 250) — 1817 г. (?).
К творцу «Истории Государства Российского» (стр. 252) — 1818 г. (между июлем и 10 сентября).
[*Князю П. И. Шаликову...*] (стр. 253) — 11 сентября 1818 г.

Из греческой антологии I—XIII (стр. 182 — 186) — 1817—1818 гг.
Послание к А. И. Тургеневу (стр. 250) — 1817—1818 гг. (?).
«*Ты пробуждаешься, о, Байя...*» (стр. 187) — 1819 г.
«*Есть наслаждение...*» (стр. 187) — 1819—1820 гг.
Надпись для гробницы дочери Малышевой (стр. 187) — январь 1820 г.
Подражания древним I—VI (стр. 188—189) — июнь 1821 г.
«*Жуковский, время все проглотит...*» (стр. 254) — между 21 и 24 октября 1821 г.
[*Изречение Мельхиседека*] (стр. 189) — 1821 г.
«*Премудро создания*» (стр. 550) — 14 мая 1853 г. (во время душевной болезни).
Подражание Горацию (стр. 549) — 1823—1855 гг. (во время душевной болезни).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

(По заглавию и по первому стиху) [1]

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивная) — примечаний. Наличие только одной цифры показывает, что данный стихотворный текст по тем или иным основаниям не введен нами в основной корпус стихов Батюшкова.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Отв. ред. Л. Б. Каменев. Художествен. редакция М. П. Сокольников. Техред. Н. Н. Филиппов

*

Подписана к печати 22/VIII 1934 г. Вышла в свет X. 1934 г. Тир. 5300. Уполномочен. Главлита № Б-33794. Индекс А-0. Издательский № 125. Бумага 82×110 в 1/32. 436 000 типогр. знаков в 1 бум. листе. Авт. листов 45,52. Бум. листов 11,7. Зак. № 4950.

*

Отпечатано с готовых матриц в Гос. тип. „Лен. Правда“. Ленинград, Социалистическая, 14.

Цена Р. 12.—
Переплет Р. 2.—

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано:*	*Надо читать:*
402	11 сн.	Сосна	Со сна
501	12 сн.	Ислега	Аслега
508	11 св.	Bruxeles	Bruxelles
511	21 сн.	Пантеене	Пантеоне
524	4 св.	каким	какими
544	7 сн.	Байрону	Бейрону
568	11 св.	230—231	230
653	3 сн.	Арбутоту	Арбутноту
657	4 сн.	Pietre	Pierre
735	4 сн.	„Премудро создания"	„Премудро создан я"
748	1 сн.	560—561	550—551